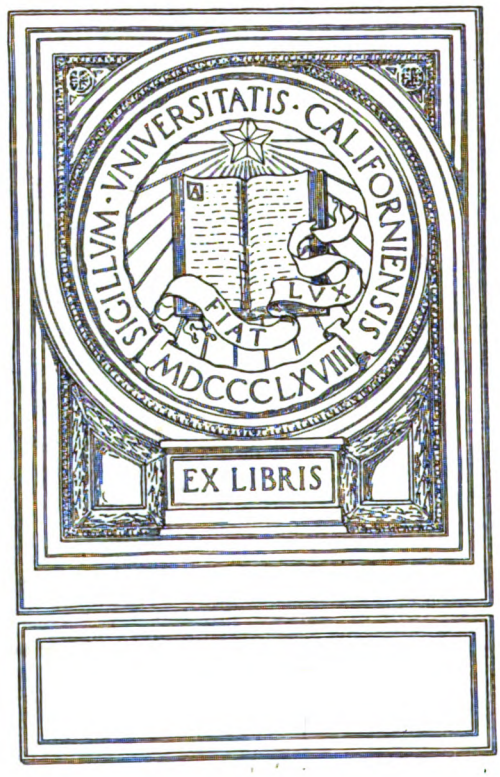
UC-NRLF
$B 603 910


SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ XIV-й. № 10-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ОКТЯБРЬ.

1905 г.

С ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1905.

Дозволено цензурою. С. Петербургъ, 29-го сентября 1905 г.

AP50
.M47
1905:10
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ПОРТЪ-АРТУРА. (Изъ воспоминаній участника обороны). **М—къ П—въ** 1
2. СТИХОТВОРЕНІЯ: ОСЕНЬЮ. *** **Ивана Бунина**. 34
3. РАЗВЯЗКА. Повѣсть изъ жизни города Пропадинска. **Тана.** 35
4. О ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛѢ ВЪ ЯПОНІИ. **Н. Азбелева** 63
5. ВЕРНУЛСЯ. (Разсказъ). **А. Дермана** 99
6. НА НЕГРИТЯНСКОМЪ ОСТРОВѢ. Разсказъ **Кнута Гамсуна**. Съ норвежскаго **К. Ж.**) 106
7. СТИХОТВОРЕНІЯ: ОСЕННІЕ МОТИВЫ. I. Пѣсни безъ названія. II. Осенняя буря. III. На родинѣ. IV. Въ саду. **В. Башкина**. 120
8. ЧААДАЕВЪ И НАДЕЖДИНЪ. (По неизданнымъ матеріаламъ). (Продолженіе). **Мих. Лемке**. 122
9. МЕТЕОРОЛОГІЯ—КАКЪ НАУКА, ЕЯ ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ. **Проф. Г. Любославскаго** 157
10. ПОБѢДИТЕЛЬ. Романъ **Эдуарда Рода**. Переводъ съ французскаго **З. Журавской**. Часть первая 180
11. МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ. (Критическій очеркъ). **Евгенія Аничкова** 216
12. НЕГАТИВЫ. I. У колыбели. II. Въ ученьи. III. Пѣсня на голодный мотивъ. Разсказъ **Ѳ. Поступаева** 238

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

13. СТАРЫЕ ГИМНЫ РАЗУМУ, СВОБОДѢ И «ЭГОИСТИЧЕСКОМУ» ГЕРОИЗМУ. («Что дѣлать» Н. Г. Чернышевскаго. 2-е изд. 1905 г. «Историческія письма». Изд. 1905 г.). **В. Агафонова** 1
14. ЖУРНАЛЬНЫЕ ОТГОЛОСКИ. «Вѣсы».—«Великій грѣхъ» гр. Л. Н. Толстого.—«Русское Богатство» о націонализаціи земли. **Вл. Кранихфельда**. 13
15. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Книга Флетчера «О Государствѣ Русскомъ».—«Третій Римъ» повѣсть Калитина.—Старинное сказаніе въ нововременскомъ изложеніи.—Враги «Третьяго Рима»—инородцы всѣхъ видовъ.—Преувеличенные страхи и необходимая травля.—Римъ въ прошломъ, по книгѣ Флетчера.—Римъ современный въ дѣйствительности.—За кѣмъ будущее. **А. Б.** 25

884376

стр.

16. КЪ СВОБОДѢ НАУЧНАГО ПРЕПОДАВАНІЯ. **Ѳ. Батюшкова** 31
17. ПО ПОВОДУ. (Изъ жизни въ провинціи). Предвыборная агитація. — Книжка-агитаторъ.—О политическомъ пространствѣ.—Фокусъ въ политическомъ пространствѣ. — Политика въ прочихъ мѣстахъ. **І. Ларскаго** 40
18. РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННАГО МНѢНІЯ ВЪ АНГЛІЙСКОМЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВѢ. (Дайси «Законъ и общественное мнѣніе въ Англіи» 1905). **С. И. Рапопорта** 50
19. НОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Толки и предположенія по поводу мира.—Мясной кризисъ въ Германіи.—Съѣзды германскихъ соціалъ - демократовъ.—Агитація въ Венгріи; національный вопросъ и избирательное право.—Шведско-норвежскій кризисъ.—Конгрессъ трэдъюніоновъ—Британская ассоціація въ Южной Африкѣ. — Трудности колоніальной политики.—Возстаніе Гереро.—Македонскія дѣла. 61
20. ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ. Политическое равноправіе женщинъ.—Бельгійскій кооперації. 74
21. СУДЪ PRUD'HOMMES ВЪ БЕЛЬГІИ, ЕГО ОРГАНИЗАЦІЯ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. (Письмо изъ Брюсселя). **М. Г** 77
22. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Публицистка.—Государственное право.—Исторія всеобщая и русская.—Соціологія и политическая экономія.—Философія.—Естествознаніе и медицина.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію. 89
23. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 119
24. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. I. Университетская реформа. II. Изъ земскихъ сферъ. III. Хроника. **Н. І** 122
25. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. **Александра Лосицкаго** . . . 148

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

26. ЗОЛОТОЙ ХОЛМЪ. РОМАНЪ ИЗЪ ЖИЗНИ РАБОЧИХЪ. **Іогана Скѣльдборга**. Переводъ съ датскаго **М. и Е. Соломиныхъ**. (Окончаніе). 49
27. ОЧЕРКЪ ОБЩЕСТВЕННО - ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ УЧЕНІЙ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВѢКА. **Густава Майера**. Переводъ съ нѣмецкаго **Г. Котляра**. 49
28. ИСТОРІЯ ИСКУССТВА СЪ ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ. **Р. Розенберга**. Переводъ съ нѣмецкаго **О. Ѳ. Павловской**, подъ редакціей проф. исторіи искусствъ **А. А. Павловскаго** 289

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ПОРТЪ-АРТУРА.

(Изъ воспоминаній участника обороны).

Со дня паденія Портъ-Артура и въ печати, и изустно передавались самые разнообразные разсказы о событіяхъ за время осады, когда сообщеніе было прервано и притокъ въ Россію достовѣрныхъ извѣстій былъ прекращенъ. Однако, до сихъ поръ не появлялось еще правдиваго, «лѣтописнаго» изложенія фактовъ обороны и капитуляціи крѣпости, за которой послѣдовалъ отъѣздъ въ Японію взятыхъ въ плѣнъ офицеровъ и солдатъ. Нынѣ, когда миръ съ Японіей заключенъ, авторъ настоящихъ записокъ, составленныхъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ событій, рѣшается предложить ихъ вниманію читателей. Онъ описываетъ только то, что самъ видѣлъ, въ качествѣ строевого офицера, участника обороны, не касаясь совершенно того, что происходило въ тылу сражавшихся, вдали позицій, что не имѣло прямого отношенія къ строевымъ войскамъ. Авторъ воздерживается отъ всякой оцѣнки общаго плана дѣйствій, въ положительную или отрицательную сторону, не вдается ни въ разоблаченія, ни въ критику, полагая, что простое описаніе дѣйствительныхъ происшествій обороны можетъ представить самостоятельный интересъ судящимъ о войнѣ лишь по наслышкѣ. Нужно знать, что переносили, при какихъ условіяхъ жили и умирали десятки тысячъ людей, преданныхъ чувству долга передъ родиной, каковы бы ни были результаты, къ которымъ были приведены проявленныя почти невѣроятныя усилія нашихъ солдатъ и субалтернъ-офицеровъ во время военныхъ дѣйствій. По причинѣ, понятной само собою, авторъ старается сохранить всевозможную объективность изложенія, скорѣе съ точки зрѣнія очевидца, чѣмъ соучастника событій, дабы отстранить всякій упрекъ въ субъективности передачи.

Разсказъ начинается съ описанія послѣднихъ боевъ на горѣ Высокой, потому что эта позиція имѣла рѣшающее значеніе въ вопросѣ о продолженіи обороны: она служила поворотнымъ пунктомъ осады и въ тоже время главной опорой для непріятеля, чтобы овладѣть всѣмъ нашимъ лѣвымъ флангомъ и центромъ (не говоря о городѣ, бухтѣ и приморскихъ батареяхъ). Такимъ же равноцѣннымъ пунктомъ для

праваго фланга былъ III фортъ, павшій позднѣе. Объ названныя позиціи, т. е. гора Высокая и III фортъ,—при существовавшей системѣ укрѣпленія П. Артура, служили какъ-бы ключами для завладѣнія крѣпостью.

I.

Послѣдняя борьба.

Сегодня уже четвертый день, какъ идетъ ожесточенный бой за овладѣніе Высокой горой (203 metr.). Японцы бомбардируютъ гору нещадно: можно подумать, что рѣшили стереть ее съ лица земли. Снаряды всякихъ калибровъ и наименованій сыпятся, какъ градъ.

Мы наблюдаемъ изъ Штаба Западнаго фронта, и гора намъ видна ясно (отъ насъ до горы по прямой—не болѣе полуверсты); въ теченіе одной минуты однихъ одиннадцатидюймовыхъ падаетъ до 50 (бѣлый дымъ при разрывѣ), а про шрапнель, шестидюймовые, другіе калибры, огонь винтовокъ, пулеметовъ и говорить нечего: это какой то адъ; такъ и кажется, что тамъ даже воздухъ накаленъ отъ такой массы горячаго металла.

Въ бинокль ясно видны отдѣльные люди; видно, какъ бѣгомъ тащатъ патронные ящики, какъ подбираютъ и несутъ раненыхъ; видно, какъ бѣжитъ, бѣжитъ солдатикъ, да вдругъ закачается, вскинетъ руками и упадетъ; видно, какъ санитары, застигнутые пулей, или осколкомъ, падаютъ вмѣстѣ съ раненымъ, котораго уже несли на носилкахъ, и этотъ несчастный катится по крутому скату прямо въ оврагъ, подъ гору. Вся вереница этихъ окровавленныхъ живыхъ кусковъ мяса проходитъ мимо насъ, по дорогѣ въ госпитали.

Бодрыми и здоровыми пріѣхали эти сѣренькіе люди изъ далекой Россіи, чтобы собственнымъ тѣломъ и кровью утучнить унылыя горы пустыннаго Ляодуна.

Сейчасъ у насъ въ штабѣ идетъ совѣщаніе: комендантъ горы капитанъ С. доноситъ, что необходимо возможно скорѣе прислать ему подкрѣпленіе: японцы выбили болѣе половины гарнизона на горѣ.

Легко сказать: нужно подкрѣпленіе. Откуда же его взять?

Генералъ К. сидитъ надъ планомъ и тщетно соображаетъ, откуда бы урвать роту, двѣ, чтобы отправить на гору? Гдѣ есть хоть одна рота, не бывшая за послѣднюю недѣлю гдѣ-нибудь въ бою? Гдѣ есть рота съ людьми бодрыми и здоровыми?

Напрасно ломаютъ головы генералъ и его адъютантъ,—нѣтъ такихъ ротъ. Весь гарнизонъ—это полуживые отъ цынги или незажившихъ ранъ; лишь вѣрность долгу и сознаніе безвыходности положенія настраиваютъ нервы такъ, что эти люди способны еще ходить и драться.

Вѣдь все равно—не убьютъ на позиціи, умрешь отъ цынги въ госпиталѣ, гдѣ заживо будешь разлагаться, будешь видѣть, какъ цѣлые куски мяса отваливаются съ ногъ, рукъ, какъ гніютъ десны и т. п. Смерть въ госпиталѣ несравненно страшнѣе смерти въ бою!

Наконецъ, рѣшаютъ вытребовать роту съ крайняго праваго фланга, и телефонъ звонитъ, неся нерадостную вѣсть командиру роты. Ротѣ придется чуть ли не бѣгомъ бѣжать почти 20 верстъ и затѣмъ идти въ этотъ кромѣшный адъ, что на горѣ.

Часа черезъ три съ половиной рота будетъ здѣсь. Генералъ самъ говоритъ по телефону съ комендантомъ горы, прося его удержаться пока придетъ помощь.

Тянется томительное ожиданіе... Послана еще просьба морскому начальству: помочь намъ—прислать нѣсколько ротъ матросовъ.

Бой на горѣ идетъ; снаряды сыпятся безъ конца. Вдругъ доносятъ, что комендантъ тяжело раненъ и выбылъ изъ строя.

Назначается сейчасъ же другой изъ бывшихъ тутъ же въ Штабѣ офицеровъ. Попрощавшись съ нами, Б. идетъ туда, откуда вѣроятно не вернется...

Черезъ пол-часа новый комендантъ доноситъ, что вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей и проситъ прислать подкрѣпленіе возможно скорѣе, ибо японцы долѣзаютъ до правой сопки.

— Ждать прихода роты нельзя,—говоритъ генералъ:—пошлите съ V-го форта. Спѣшно идутъ оттуда три взвода (на форту оставляютъ гарнизонъ въ одинъ взводъ). Докладываютъ генералу, что рота пришла. Генералъ выходитъ и здоровается и говоритъ нѣсколько простыхъ задушевныхъ словъ (покойный не любилъ громкихъ фразъ, подражаній извѣстнымъ полководцамъ).

На этихъ сѣрыхъ, нахмуренныхъ, изможденныхъ лицахъ видна тупая покорность судьбѣ, и лишь глаза какъ-то ласково и жалостливо смотрятъ на любимаго генерала.

— Ну, съ Богомъ, братцы!—говоритъ генералъ, и самъ отворачивается. Онъ не можетъ безъ боли видѣть эти покорныя лица этихъ безвѣстныхъ людей, большая часть которыхъ часа черезъ два будетъ мертвецами, а остальные, окровавленные, искромсанные, стонущіе куски мяса.

Рота ушла...

Вотъ идутъ санитары съ носилками, видна офицерская шинель. Подходимъ—это раненый капитанъ С. Онъ въ обморокѣ, голова его перевязана. Солдатъ безсвязно объясняетъ: «Сказывали, быдто шрапнель вдарила въ спину». Понимающій дѣло, полковникъ Т. съ грустью смотритъ на тѣло одного изъ лучшихъ своихъ офицеровъ. Съ болью и тоской вздыхаетъ онъ, вспоминая, какъ съ самаго перваго боя этой войны неумолимая судьба вырываетъ изъ полка все лучшихъ и лучшихъ офицеровъ. (Изъ 48 офицеровъ въ началѣ войны, къ 17 ноября осталось 11).

Рота уже вступила въ сферу огня; видно, какъ колонна карабкается по кручѣ, стремясь скорѣе, скорѣе добраться до вершины: быть пассивной мишенью трудно; гораздо легче и самому стрѣлять, колоть, убивать. Видно, какъ колонна разбивается на кучки, какъ люди, пораженные осколкомъ или пулей, падаютъ и катятся внизъ. Число карабкающихся становится все меньше и меньше. Вонъ, голова роты доходитъ до перваго окопа, но отъ роты осталась только половина, остальные погибли, пока лѣзли на гору.

На горѣ происходитъ какая то усиленная суматоха, видно, какъ наши выбѣгаютъ изъ нижняго окопа и лѣзутъ на правую верхушку, вонъ сверкаетъ на солнцѣ шашка офицера,—должно быть въ штыки хотятъ принять японцевъ, занявшихъ часть правой сопки. Проходитъ полъ-часа, суматоха уменьшается, рукопашный бой какъ будто стихаетъ.

— Ваше превосходительство,—докладываетъ офицеръ,—комендантъ доноситъ, что японцы выбиты съ правой сопки, но сильно тѣснятъ лѣвый флангъ горы.

— Гдѣ подполковникъ Р.? *)—спрашиваетъ генералъ,—надо обстрѣлять подступы къ этому флангу.

— Всеволодъ Васильевичъ,—обращается къ своему помощнику начальникъ артиллеріи фронта,—передайте на V фортъ, чтобы обстрѣляли лѣвый флангъ горы.

— Да чѣмъ обстрѣлять!—съ отчаяніемъ восклицаетъ шт.-кап. Д.,—вѣдь снарядовъ-то нѣтъ.

— Ну, что же дѣлать, надо. Сколько снарядовъ у насъ есть еще на фронтѣ?—говоритъ подполковникъ Р.

Шт.-кап. Д. открываетъ книжку и читаетъ громко:

— На V форту канэ 6, къ старымъ шестидюймовымъ 13, на бат. № 1 канэ 18, на Суворовской мортирной 43 и т. д.

— Велите выпустить 5 снарядовъ,—приказываетъ подполковникъ.

И черезъ пять минутъ раздается оглушительный трескъ морского канэ.

Японцы, замѣтивъ, что V фортъ началъ обстрѣливать атакующія части, сейчасъ же на короткое время сосредоточиваютъ на этомъ форту такой убійственный огонь, что такъ и кажется, вотъ отъ форта ничего не останется.

— Вотъ если бы снарядовъ—восклицаетъ капитанъ Г.,—и сосредоточить съ нѣсколькихъ пунктовъ на японскія батареи такой огонь, какъ вотъ они сейчасъ на пятомъ форту, то разсказъ былъ бы иной.

— Ваше высокоблагородіе, съ Голубиной бухты передаютъ, что

---

*) Подполковникъ Р.—начальникъ артиллеріи западнаго фронта, капитанъ Г. и штабсъ-капитанъ Д. его помощники.

японскій резервъ около одного полка сосредоточился внизу, въ ложинѣ подъ лѣвымъ флангомъ Высокой,—докладываетъ телефонистъ капитану Г.

— Николай Александровичъ,—обращается капитанъ къ подполковнику Р., направляясь къ телефону,—надо съ V укрѣпленія и съ литеры Д. обстрѣлять, ничего не подѣлаешь, япошекъ слишкомъ много, рискнемъ еще на 5 снарядовъ.

— Ваше благородіе,—вопитъ телефонистъ адъютанту,—изъ штаба раіона спрашиваютъ о ходѣ бон.

Генералъ самъ подходитъ къ телефону и говоритъ съ генераломъ С., прося еще разъ похлопотать о присылкѣ моряковъ.

— Господинъ полковникъ,—докладываетъ адъютантъ,—комендантъ горы проситъ прислать еще патроновъ и бомбочекъ.

— А сколько у насъ здѣсь есть бомбочекъ?

— Около двухъ тысячъ,—слышится отвѣтъ.

— Такъ пошлите ихъ всѣ и 10 двуколокъ съ патронами и попросите ко мнѣ поручика М.

Является поручикъ М.

— Сколько сегодня еще можете намъ дать бомбочекъ?—спрашиваетъ генералъ.

— Готовыхъ есть шесть тысячъ и къ вечеру будутъ еще двѣ тысячи. Затѣмъ есть еще 60 штукъ двадцати пяти фунтовыхъ,—докладываетъ поручикъ.

— Прекрасно,—говоритъ генералъ,—передайте отъ моего имени въ штабъ дивизіи, чтобы нарядили вамъ двуколки, и перевезите всѣ, сколько есть, сюда.

Опять звонитъ телефонъ:

— Пятый фортъ сообщаетъ, что на лѣвомъ флангѣ горы японцы по одиночкѣ дошли до верхней проволочной сѣтки, но всѣ убиты, а рота, что шла за ними, нарвалась на мины и, взорвавшись, частью погибла частью бѣжала.

— Гдѣ минный офицеръ?—спрашиваетъ генералъ.

— Здѣсь,—отзывается поручикъ М., занятый разговоромъ по телефону со своими минерами, сидящими на минной станціи на горѣ.

— Сколько минъ взорвалось?—интересуется генералъ.

— Три мины, Ваше Превосходительство.

— А сколько всего было заложено?

— Восемнадцать съ камнеметами.

— Дайте планъ минной обороны,—проситъ генералъ.

Поручикъ вытаскиваетъ изъ сумки планъ и раскладываетъ на столѣ. Полковникъ Т. желаетъ знать, какія именно мины взорвались. Поручикъ показываетъ.

— Надо бы эти мины возобновить,—говоритъ полковникъ Т.,—а то японцы опять могутъ полѣзть отсюда.

Генералъ приказываетъ поручику сегодня же ночью поставить на мѣста взорвавшихся новыя мины.

Рота, вытребованная съ праваго фланга, пришла. Люди еле дышатъ, устали страшно; дается четверть часа на отдыхъ; солдаты садятся здѣсь же среди дороги, кто куритъ, кто жуетъ захваченный съ собой хлѣбъ, а кто и лежитъ, закрывъ глаза и, быть можетъ, вспоминаетъ далекую родину и близкихъ своихъ.

Донесенія съ горы становятся нѣсколько утѣшительнѣе: японцы перестали лѣзть, и вершина горы вся въ нашихъ рукахъ. Непріятель, видимо, усталъ. До вечера, вѣроятно, не будетъ атаки, дадутъ пѣхотѣ отдохнуть и съ наступленіемъ ночи опять полѣзутъ на штурмъ. Въ штабѣ идетъ лихорадочная работа: отправляютъ приказанія о присылкѣ мѣшковъ *), для починки окоповъ, разрушенныхъ дневной бомбардировкой; подвозятся патроны, бомбочки, лопаты, ломы, кирки, дѣлаются соображенія о перевозкѣ изъ дальнихъ батарей снарядовъ на V фортъ, V укрѣпленіе и вообще пункты, способные обстрѣлять подступы къ Высокой. Время клонится къ обѣду, уже двѣнадцатый часъ. Японская артиллерія продолжаетъ громить злополучную гору, но нѣсколько слабѣе, видимо, стрѣляютъ не всѣ батареи, вѣроятно, часть артиллеристовъ обѣдаетъ.

Нашимъ несчастнымъ защитникамъ тоже посылаютъ обѣдъ на гору.

— Стой, стой!—кричитъ полковникъ Т. проѣзжающей мимо походной кухнѣ съ пищей для гарнизона горы.

Кухня останавливается, и ѣздовой откидываетъ крышки котловъ со щами и кашей. Боже, что за щи! 1/2 фунта конины на брата, вода, уксусъ, немного муки и крѣпкихъ, какъ камень, китайскихъ бобовъ,—вотъ и щи. Каша тоже жалкая: гречневой крупы нѣтъ, вмѣсто нея, идетъ рисъ, а вмѣсто сала скверное масло. Китайскіе огороды всѣ погибли отъ войны, не давъ урожая, и зелени давно нѣтъ. Попробовавъ, полковникъ отворачивается и морщится. И такая пища въ его полку, и нѣтъ никакихъ средствъ, чтобы улучшить пищу своимъ стрѣлкамъ. Что жъ? Ничего не подѣлаешь, всѣ полковые запасы погибли подъ Кинджоу, и полкъ пришелъ въ Артуръ безъ ничего.

— Ваше высокоблагородіе, кушать готово,—докладываетъ командиру унтеръ изъ военнаго собранія.

— Ваше превосходительство, пожалуйте немного закусить,—проситъ полковникъ. Всѣ идутъ обѣдать.

А раненыхъ несутъ и несутъ мимо.

— Ну, что, докторъ,—обращается къ врачу полка полковникъ И.,—сколько сегодня прошло черезъ вашъ пунктъ раненыхъ?

---

*) За недостаткомъ матеріала, мѣшки дѣлались изъ голландскаго полотна, бархатныхъ скатертей, плотныхъ шелковыхъ матерій и т. п.

Докторъ тяжело вздыхаетъ и говоритъ:

— Сегодня съ 5 часовъ утра прошло 615 человѣкъ.

Докторъ этотъ—симпатичный, огромнаго роста, толстякъ. Публика остритъ, что, если придетъ Куропаткинъ, то доктора надо спрятать подальше, а то онъ никогда не повѣритъ, что мы голодали, при видѣ такого полнаго господина.

— А какъ рана капитана С.?—спрашиваютъ офицеры доктора.

— Да пока ничего нельзя сказать, рана тяжелая.

— Ну, что, сосѣдушка, закусимъ,—обращается докторъ къ своему визави—полковому священнику.

— Закусимъ,—соглашается собесѣдникъ, выпивъ рюмку водки,—да вотъ закуска больно плоха. (Священникъ съ утра до обѣда хоронилъ убитыхъ).

Дѣйствительно, на столѣ въ тарелкахъ видны только бѣлые кружки нарѣзанной горькой рѣдьки,—это и есть закуска.

Посыпавъ солью, съ кускомъ чернаго хлѣба, офицерство быстро уплетаетъ это лакомство.

— Михаилъ Николаевичъ,—обращается поручикъ С., къ хозяину собранія,—вы бы насъ хоть акулькой покормили.

— Я говорилъ китаезамъ, они обѣщали, если поймаютъ акулу или другую рыбу, намъ доставить, да дорого деруть, каналья,—по полтиннику фунтъ,—слышенъ отвѣтъ поручика В.

— А что, супъ сегодня изъ «концертовъ» будетъ?—спрашиваетъ полевой артиллеристъ поручикъ Г. солдата, подающаго ему миску съ супомъ.

— Никакъ нѣтъ, изъ ослятины,—отвѣчаетъ тотъ.

— А на второе что?—продолжаетъ свой допросъ поручикъ Г., наливая себѣ супъ.

— А на второе тоже жареный оселъ.

— Ну, это еще ничего,—бормочетъ поручикъ,—все—таки лучше старой лошади, или тощаго мула.

— Если дастъ Богъ, Куропаткинъ придетъ, то первымъ дѣломъ, какъ поѣду въ приличный городъ, пойду въ баню и закажу себѣ шикарный обѣдъ,—слышится голосъ поручика М. съ музыкантскаго конца стола.

— Да, а вѣдь, пожалуй, скоро насъ освободятъ. Вотъ китайцы болтаютъ, что у Самсона русскіе, а чтобы отъ Самсона до Дальняго дойти съ боемъ надо максимумъ двѣ недѣли,—философствуетъ поручикъ С.

— Все это прекрасно, говоритъ капитанъ Г. *)—надо сначала отстоять Высокую, а тамъ... что Богъ дастъ.

---

*) Капитанъ Г. молодой кончившій академію гвардейскій артиллеристъ. Съ началомъ войны онъ перешелъ изъ гвардіи въ армію и въ Артурѣ зани-

— Если бы были снаряды, это было бы пустяки,—вставляетъ поручикъ Г.

— А какъ отливка идетъ у васъ, Леонидъ Николаевичъ?—обращается онъ къ капитану Г.

— Японцы работать не даютъ, день и ночь громятъ они портъ. Несчастнымъ литейщикамъ работать приходится подъ огнемъ одиннадцати—дюймовокъ. Да и вообще отливка и заготовка снарядовъ требуетъ спеціалистовъ и особыхъ приспособленій, а при наличныхъ средствахъ въ сутки болѣе 40—50 штукъ не выработаешь,—отвѣчаетъ капитанъ Г.

— Ну—ваши снаряды вамъ чуть жизни не стоили,—вставляетъ шт.-кап. Д.

— Да, отъ орудія одни куски лафета остались, все разнесло вдребезги, и какъ я уцѣлѣлъ; прямо чудомъ какимъ-то.

— Ну, а какъ стрѣльба минами?—спрашиваетъ докторъ большой любитель минъ, фугасовъ, бомбъ и всякихъ такихъ вещей.

— Ничего, на дняхъ ночью очень удачно стрѣляли на правомъ флангѣ. Какъ запустили мину въ самый окопъ къ японцамъ, такъ отъ нихъ пухъ и перья такъ и поднялись вверхъ, а остальные бѣжали изъ окопа,—сообщаетъ капитанъ Г.

— А какъ ваши бомбочки? обращается докторъ къ поручику М.— Сегодня мимо насъ цѣлый транспортъ ихъ провезли.

— Бомбочекъ есть порядочно, тысячъ восемь всего.

— Ну, а ничего новаго не придумали истреблять япошекъ,—спрашиваетъ докторъ,—какую нибудь здоровую мину или что нибудь такое?

— Я предлагаю взять весь керосинъ порта и смолу изъ восточно-азіатской компаніи, поставить внизу горы пожарный насосъ и обливать брандспойтомъ атакующихъ японцевъ, и въ то же время бросать бомбочки,—вся масса штурмующихъ загорится и сгоритъ, отвѣчаетъ поручикъ.

— Ну, батенька, вы варварское средство предлагаете,—замѣчаетъ шт.-кап. Д.,—значитъ, возвращаемся къ старому греческому огню Византіи.

— А что же дѣлать? Голь на выдумки хитра, надо что нибудь предпринять, нѣтъ снарядовъ, надо чѣмъ нибудь замѣнить ихъ,—возражаетъ авторъ проекта.

А на томъ концѣ стола, гдѣ сидятъ генералъ и полковники, дѣлаются соображенія какъ бы отстоять гору; вспоминаютъ, всѣ ли испробованы средства, не забыли ли чего нибудь.

мался отливкой снарядовъ, стрѣльбой изъ минъ и т. п. дѣлами, требующими высшаго образованія, и кромѣ всего этого еще командовалъ батареей. Услуги его Артуру весьма велики.

— Поручикъ,—кричитъ полковникъ И. минному офицеру,—что же ваша баллиста удалась или нѣтъ?

— Нѣтъ, господинъ полковникъ, для бросанія зарядовъ въ одинъ пудъ машина получилась слишкомъ громадная и неповоротливая, да и дальность небольшая, такъ что игра свѣчъ не стоитъ. Но я придумалъ нѣчто другое, а именно: обливать атакующихъ изъ брандспойта керосиномъ или смолой и кидать бомбочки.

— Ну знаете, это слишкомъ пахнетъ средними вѣками и костромъ инквизиціи,—смѣется полковникъ.

— Отчего же? Вѣдь выкурили же японцы насъ изъ капонира на № 3 газомъ, почему же намъ ихъ керосиномъ не обливать,—продолжалъ отстаивать свой проектъ поручикъ.

— Ну, адмиралъ,—обращается поручикъ Г. къ мичману Г., офицеру, завѣдывающему пулеметами фронта,—признавайтесь, много погибло отъ вчерашняго пожара въ порту консервовъ? Мнѣ говорили, что кромѣ консервовъ тамъ было много масла, галетъ, сапогъ и всякаго добра.

— Богъ ихъ знаетъ, вѣдь все это въ рукахъ портовыхъ чиновниковъ. Сколько я ни хлопоталъ, чтобы для своихъ пулеметчиковъ—матросовъ достать консервовъ, масла, мнѣ все говорили, что нѣтъ, а вчера и я слышалъ, что много погибло отъ пожара,—отвѣчаетъ морякъ.

Тѣмъ временемъ обѣдъ кончился.—Докторъ пошелъ на перевязочный пунктъ смѣнить коллегу.—Минный офицеръ поѣхалъ за минами, капитанъ Г. отправился приготовлять мины къ предстоящей стрѣльбѣ, шт.-капитанъ Д. опять пошелъ къ телефонамъ, а остальные офицеры разбрелись по комнатамъ, стараясь хоть часокъ отдохнуть, набраться силъ для предстоящей ночной работы.

Остались сидѣть только генералъ и полковники и, разложивъ передъ собою планы снова погрузились въ безконечныя комбинаціи передвиженія войскъ, чтобы подкрѣпить къ ночи гарнизонъ горы, зная почти навѣрное, что японцы ночью снова поведутъ упорную атаку. Въ теченіе обѣда, нѣсколько разъ получались съ горы и сосѣднихъ позицій донесенія о передвиженіяхъ противника.—Но что дѣлать, когда нечѣмъ было обстрѣлять эти надвигающіеся впередъ резервы: снаряды берегли для отраженія штурма.

Японцы прекрасно знали о недостаткѣ у насъ снарядовъ и не стѣснялись передвигать свои резервы открыто, это было похоже на насмѣшку надъ нашимъ безсиліемъ.

Бомбардировка горы продолжается, продолжается и убыль защитниковъ. Каждый снарядъ уноситъ нѣсколько человѣкъ ранеными или убитыми. Блиндажи уже не спасаютъ. Да и какой блиндажъ можетъ противоустоять одиннадцатидюймовому снаряду, зарывающемуся

въ каменистый грунтъ чуть ли не на 1½ сажени. Послѣ сентябрскихъ штурмовъ Высокой, стали строить блиндажи непробиваемые для шестидюймовыхъ бомбъ, но тогда никто не воображалъ, что могутъ появиться такія чудища, какъ одиннадцатидюймовыя бомбы вѣсомъ до 25 пудовъ.

На перевязочномъ пунктѣ идетъ непрерывная работа (это второй перевязочный пунктъ). Дай Богъ всего лучшаго сердобольнымъ барынямъ: изъ города прислали краснаго вина и папиросъ. Бѣдные раненые, кто можетъ, съ наслажденіемъ пьетъ стаканъ вина или куритъ папироску. Вѣдь многимъ курить приходится очень рѣдко: въ магазинахъ простой табакъ весь вышелъ, а пожертвованнаго 3—4 рублеваго табаку на всѣхъ нехватитъ. Вотъ велосипедисты *) несутъ тяжело раненаго солдата. Онъ весь въ крови, даже носилки полны кровью, у него оторвало обѣ ноги и раздробило правую руку. Лѣвой руки совсѣмъ нѣтъ: она отрѣзана, послѣ кинджоускаго боя. Мужчина здоровенный, несмотря на такія поврежденія еще не потерялъ сознанія. Сестра подаетъ ему стаканъ съ виномъ. Онъ жалобно стонетъ и глазами показываетъ на окровавленную руку. Сколько муки, отчаянія, мольбы и упрека въ этихъ глазахъ! Сестра сама напаиваетъ его и даетъ папироску въ ротъ. Докторъ мѣняетъ повязки и велосипедисты трогаются въ госпиталь. Докторъ и фельдшеръ переглядываются: у обоихъ одна и та же мысль,—не жилецъ онъ на этомъ свѣтѣ. Оно и лучше. На перевязочномъ пунктѣ работаютъ два доктора и три фельдшера и еле поспѣваютъ. А что дѣлается въ госпиталѣ! Чисто вавилонское столпотвореніе. Вотъ вестибюль госпиталя (что въ зданіи городской гостиницы). Раненыхъ, принесенныхъ на носилкахъ, такъ и ставятъ на полъ. Повернуться—негдѣ. Стоитъ носилокъ двадцать, да легко раненыхъ, пришедшихъ на своихъ ногахъ или въ двуколкахъ тоже не менѣе тридцати. Тутъ же болтаются санитары, пришедшіе съ ранеными, и сбѣжавшіе сверху выздоравливающіе (ихъ страшно интересуетъ бой, судьба товарищей, результаты боя). Тѣ, что въ носилкахъ, большинство безъ чувствъ. Двѣ сестры и четыре фельдшера не въ состояніи справиться. Одинъ съ ножницами только и знаетъ, что рѣжетъ штаны, мундиры, сапоги и проч. чтобы извлечь опухшее, окровавленное ноющее тѣло несчастнаго изъ стѣсняющей и ненужной теперь одежды. А сколько пыли, грязи, міазмовъ въ этой одеждѣ, которая не снималась цѣлые мѣсяцы, и бѣльѣ, которое не стиралось за недостаткомъ мыла съ августа, а теперь ноября конецъ. Сколько

*) Соединяя два велосипеда между собой обыкновенными носилками, получали прекрасную повозку на резинахъ для перевозки раненыхъ. Всѣ частные жители, ѣздящіе на велосипедѣ, во время боевъ занимались перевозкой особенно тяжело раненыхъ на своихъ велосипедахъ. А нѣкоторые велосопедисты дежурили по очереди въ штабахъ и управленіяхъ для развозки пакетовъ. Это дѣлалось ради экономіи въ солдатахъ строевыхъ.

ранъ заражается, гніетъ, благодаря кусочкамъ одежды, попавшимъ въ тѣло вмѣстѣ со смертоноснымъ осколкомъ!

Сестра приводитъ въ чувство. Слышны ужасные стоны, душу раздирающіе крики изъ операціонной, куда по одному отправляютъ эти окровавленные куски мяса.

Весь вестибюль полонъ остраго запаха крови. Кровь всюду,—на лицахъ, на рукахъ, на халатахъ, на стѣнахъ. На полу цѣлыя лужи. Начнутъ снимать одежду, вдругъ сорвется повязка, и кровь бьетъ фонтаномъ. Отъ запаха крови голова кружится. Еле стоишь на ногахъ, въ глазахъ темнѣетъ, и все кажется краснаго, кроваваго цвѣта. Только когда видишь госпиталь во время приноса раненыхъ съ боя, тогда только сознаешь всю мерзость и дикость войны. Думается, что всѣ ярые сторонники войны стали бы противниками, если бы постояли въ госпиталѣ часа три и повидали бы первыя и прямыя послѣдствія войны. Но все-таки солдаты, попадая въ госпиталь, нравственно какъ то отдыхаютъ, нѣтъ того напряженія нервовъ, нѣтъ и той отвѣтственности какъ при несеніи службы въ секретѣ или на часахъ. Доктора въ госпиталяхъ въ отчаяніи: перевязочныхъ средствъ не хватаетъ, также и антисептическихъ средствъ, операціи кончаются гангреной.

Докторъ А., какъ заговоришь съ нимъ, начинаетъ громить и войну, и политику и безсердечныхъ людей. Видно и привычные нервы доктора тоже не выдерживаютъ при видѣ этихъ ужасовъ бойни.

Уже шестой часъ. Японцы увеличиваютъ интенсивность бомбардировки; изрѣдка пускаютъ снаряды и на V-ый фортъ и Рыжую гору.

Въ штабъ прибыло четыре роты моряковъ. Въ качествѣ офицеровъ въ ротахъ есть много инженеръ-механиковъ (какъ будто офицеровъ нѣтъ). Съ праваго фланга также пришли три роты стрѣлковъ. Начальникъ участка полковникъ Т. дѣлаетъ распоряженія о расчетѣ рабочихъ, инструментовъ, матеріаловъ и проч.

Завѣдывающій оружіемъ посылаетъ патроны.—Шт.-кап. Д. по телефону кланяется кому-то и проситъ поскорѣе прислать двуколки.—Мичманъ Г. осматриваетъ только что привезенныя изъ починки два пулемета и приказываетъ безъ него на гору не возить ничего. Капитанъ Г. по телефону справляется о числѣ снарядовъ привезенныхъ съ праваго фланга на батареи, могущія обстрѣлять подступы къ Высокой.

Въ штабѣ собралась масса офицеровъ. Всѣ ждутъ наступленія темноты, чтобы отправиться на гору, каждый по своему дѣлу.

— Сколько вамъ рабочихъ?—обращается полковникъ къ минному офицеру.

— Человѣкъ 45—отвѣчаетъ этотъ.

— Куда вамъ такъ много,—протестуетъ полковникъ.

— Никакъ нельзя меньше, надо работу кончить поскорѣе до атаки, иначе ничего не выйдетъ,—торгуется поручикъ.

— Ну, хорошо, дадимъ вамъ 45—соглашается полковникъ.

Проходитъ часа полтора въ такихъ распоряженіяхъ. Тѣмъ временемъ офицерство, пользуясь радушнымъ гостепріимствомъ 5-го полка, закусываетъ.—Та же горькая рѣдька, котлеты изъ конины и стаканъ чаю.—Для многихъ это послѣдній въ жизни ужинъ! Завтра они будутъ мертвы!

Стало темно. Каждый идетъ по своему дѣлу. Солдаты и матросы несутъ кто мѣшокъ, кто лопату, кто кирку.—Роты идутъ тихо, лишь изрѣдка слышенъ отрывистый разговоръ.

За ротами ѣдутъ двуколки съ минами, за ними минные рабочіе

— Какого чорта лѣзете подъ двуколки?—слышится окрикъ миннаго офицера,—вѣдь попадетъ пуля въ мину, такъ отъ васъ одни клочья останутся. Идите шаговъ на 50 сзади.

Еще сзади идутъ бочки съ водой. На горѣ воды нѣтъ, и воду доставляютъ издалека къ подошвѣ горы.

— Джж... рррахъ! Что то словно бичемъ разрѣзаетъ воздухъ.

— Ишь, дьяволъ, не дастъ дойти!—слышится недовольное ворчанье какого-то солдатика.

Это чернякъ—шестидюймовка пролетѣла и разорвалась гдѣ-то въ сторонѣ.

— Ну, братцы, подтягивайся, не отставай,—подбадриваетъ солдатъ офицеръ. Людей надо держать въ рукахъ, иначе некрѣпкіе духомъ дадутъ стрекача въ ближайшую канаву, а тамъ и въ городъ. Хотя солдаты и сами презираютъ такихъ молодцовъ, но все-таки дурной примѣръ заразителенъ. Вотъ уже подходимъ къ глубокой съ крутыми берегами водомоинѣ, что у самой подошвы горы. Здѣсь, въ мертвомъ пространствѣ, подъ откосомъ перевязочный пунктъ. Здѣсь же стоятъ бочки съ водой и конные охотники для посылки донесеній на случай, если телефонная линія испорчена, что часто случается. (Удивляться приходится самоотверженію солдатъ военнаго телеграфа. Подъ самымъ убійственнымъ огнемъ они расхаживаютъ по линіи и чинятъ ежеминутно перебиваемый проводъ). Снаряды пролетаютъ все чаще и чаще. Люди располагаются подъ откосомъ немного отдохнуть передъ подъемомъ на гору. Разговоровъ не слышно; каждый углубляется въ себя. У кого есть табакъ или папиросы, закуриваетъ самъ и даетъ товарищамъ.

Офицеры тоже дѣлятся своими папиросами съ сидящими рядомъ солдатиками.

Проходитъ минутъ 7.

— Ну, братцы, вставай,—слышится голосъ офицера.

Слышны вздохи, покашливанія, сплевываніе, звонъ стукающихся другъ объ друга лопатъ, кирокъ, или лязгъ двухъ сосѣдей-штыковъ.

Начинается восхожденіе на гору. Идутъ, какъ попало. Вся вере-

ница людей расползлась по дорогѣ. Голова уже дошла до половины горы, а хвостъ еще не тронулся изъ оврага.

По мѣрѣ приближенія къ вершинѣ снаряды начинаютъ рваться ближе и ближе.

Вотъ что-то рявкнуло гдѣ-то очень близко: посыпалась земля и камни, понесло удушливымъ дымомъ, слышится протяжный стонъ. Всѣ продолжаютъ идти молча, какъ будто ничего не случилось, только санитары съ носилками, спотыкаясь въ темнотѣ, торопливо идутъ на стоны раненаго.—Осколокъ бризантной гранаты стрѣлку пробилъ грудь. Кладутъ на носилки и начинаютъ спускаться внизъ. Темно, носильщики спотыкаются, несчастнаго раненаго кидаетъ изъ стороны въ сторону на носилкахъ, и острый зазубренный осколокъ все болѣе и болѣе разворачиваетъ и кромсаетъ живое тѣло...

— Моргачевъ,—говоритъ минный офицеръ своему унтеру,—ты распорядись доставить мины на гору, а я пойду съ рабочими и приготовлю мѣста.

— Есть!—отвѣчаетъ унтеръ съ перевязанной ногой.

Офицеръ уходитъ съ рабочими и двумя минерами.

— Ну, братцы, берись по четыре человѣка за мину,—распоряжается Моргачевъ,—да неси осторожнѣе, не урони, а то взорветъ.

Стрѣлки осторожно, съ опаской, какъ будто берутъ хрупкое стекло, берутся за черныя мины и начинаютъ подыматься на гору...

— И тяжелая же штука!—замѣчаетъ бородатый дядя изъ запасныхъ.

— Не ходи близко другъ къ другу,—вполголоса кричитъ минеръ,—держись подальше, а то ежели взорветъ одну, то и другая взорвется—авторитетно заявляетъ онъ недоумѣвающимъ стрѣлкамъ.

— А что, ежели бомба, либо пуля вдаритъ въ его, разорвется, али нѣтъ?—наивно спрашиваетъ стрѣлокъ минера.

— Бухнетъ такъ, что отъ насъ только мокро останется.

— Намеднись, какъ были этто на фортѣ третьемъ, какъ минеръ тамошній тяпнулъ это камеметомъ, такъ японца этого страсть, сколько положили,—говоритъ въ пространствѣ тотъ же стрѣлокъ.

— А какой вы губерніи, господинъ унтеръ-офицеръ?—нѣсколько погодя спрашиваетъ онъ почтительно минера, удивляясь въ душѣ, откуда сей послѣдній почерпнулъ такую бездну премудрости, что можетъ этими страшными минами орудовать.

Роты прибыли на гору. Офицеры являются къ коменданту.

Саперный офицеръ поручикъ Ф. съ комендантомъ соображаютъ, что надо исправлять. У коменданта есть готовая записка съ перечисленіемъ попорченнаго. Саперный офицеръ послѣ быстраго осмотра горы, распредѣляетъ рабочихъ между своими саперами, и работа закипаетъ.

Огонь японцевъ не прекращается. Изъ только что прибывшихъ ротъ человѣкъ десять уже убыло.

Земля всюду изрыта, словно оспой... Осколки снарядовъ, окровавленные камни, патроны, обломанныя части ружей, окровавленныя папахи, фуражки, оторванныя руки, ноги, головы, пустые патронные ящики, подсумки, пачки, части воинской аммуниціи—все это валяется, придавая землѣ какой-то страшный видъ разрушенія и безпорядка. На верхнихъ двухъ укрѣпленіяхъ безпорядка и разрушенія еще больше. На правой сопкѣ, что на короткое время была въ рукахъ японцевъ, масса труповъ, нашихъ и японскихъ. Люди лежатъ въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, кого и какъ смерть застала. Вотъ лежитъ японецъ; голова въ окопѣ, а ноги торчатъ вверхъ. На груди видна зіяющая рана, и изъ спины торчитъ кончикъ обломаннаго штыка. Видимо, нашъ прокололъ его, стоя въ окопѣ, и тотъ упалъ сверху внизъ, а руки судорожно впились въ землю.

Рядомъ лежитъ нашъ. Голова разсѣчена пополамъ, должно быть, японецъ хватилъ его своимъ штыко-кинжаломъ по головѣ. Немного далѣе лежатъ два японца. У одного нѣтъ совсѣмъ головы, а другой весь обугливши́йся и голый, лежитъ, уткнувшись лицомъ въ землю. Страшно смотрѣть на это черное вздувшееся тѣло. Стрѣлки подымаютъ, чтобы очистить окопъ. Изъ груди у него вываливаются внутренности...

Этотъ, видимо, погибъ отъ ручной бомбы.

На этой сопкѣ масса такихъ голыхъ и обгорѣвшихъ тѣлъ. У большинства не хватаетъ рукъ, ногъ, головы или же валяются только части туловища, внутренности.

Это все жертвы бомбочекъ.

На нихъ нѣтъ никакихъ признаковъ одежды, все обгорѣло. Какъ будто находишься въ какой то чудовищной мясной лавкѣ: всюду окровавленное истерзанное мясо, внутренности, кровь. Кровь всюду, земля покрыта громадными черными пятнами, на большихъ камняхъ лужами стоитъ кровь, не успѣвъ еще высохнуть, и, несмотря на холодное время года, уже слышится смрадъ начинающихъ разлагаться труповъ.

Глядя на эту массу валяющихся въ безпорядкѣ, окровавленныхъ, сожженныхъ, искромсанныхъ тѣлъ, какъ то даже не вѣрится, что это все были люди, такіе же люди, какъ тѣ, которые вонъ тамъ работаютъ и выбрасываютъ изъ траншей эти куски мяса. Не вѣрится, что вотъ эти безжизненныя руки, ноги принадлежали людямъ, которые ходили, работали, пили, ѣли, словомъ—жили. Не вѣрится, что вотъ эта одинокая голова съ вытаращенными отъ ужаса глазами и оскаленными отъ агоніи зубами нѣсколько часовъ раньше жила, мыслила, чувствовала. Быть можетъ, она думала о своей далекой родинѣ, о близкихъ и родныхъ своихъ и, вѣроятно, даже надѣялась снова вернуться къ прошлой жизни. Одни вотъ эти головы и напоминаютъ, что всѣ эти об-

горѣлые куски мяса принадлежатъ людямъ. А сколько этихъ головъ! Много, много... А сколько выраженія агоніи и муки въ этихъ лицахъ, сколько злобы, сколько ужаса: противъ кого эта злоба?..

Трупы, выбранные изъ окоповъ, выбрасываются за наружную сторону окопа. Убирать ихъ теперь нѣтъ возможности. На лѣвомъ флангѣ, внизу проволочной сѣтки труповъ тоже много. Въ трехъ мѣстахъ видны огромныя ямы и кругомъ масса мелкихъ частей человѣческаго тѣла. Есть и цѣлые трупы, даже безъ ранъ, но только какъ то странно приплюснутые. Это все послѣдствія взрыва минъ. Люди разорваны на мелкіе куски или цѣликомъ, подхваченные газами, подняты на высоту чуть ли не 100 саж. и брошены на землю... Дѣйствительно, изъ этихъ, несчастныхъ въ буквальномъ смыслѣ слова «вышибленъ духъ».

Около этихъ ямъ работаютъ минеры,—на старыхъ мѣстахъ вновь закладываются мины. Немного поодаль лежатъ черныя предательскія мины.

— Ну, братцы, вали живѣе,—торопитъ стрѣлковъ минный офицеръ, боясь, что новая атака помѣшаетъ кончить работу, да и людей жалко терять: изъ сорока пяти двое уже убиты и четверо ранены. Того и гляди, шальная пуля или осколокъ попадутъ въ мину, прощай тогда... и дѣла не сдѣлаешь, и людей зря погубишь. Солдаты работаютъ лихорадочно быстро, но скалистый грунтъ плохо поддается лопатѣ и киркѣ.

Уже десять часовъ. Звѣзды безучастно сверкаютъ съ небесъ, равнодушныя къ людской злобѣ.

Слышны оглушительные разрывы японскихъ снарядовъ и тикъ—такъ нашихъ стрѣлковъ.

Окопы очищены отъ труповъ и мало по малу приводятся въ опасное состояніе.

Минный офицеръ все торопитъ своихъ. Японскіе пулеметы потатакаютъ и замолчатъ, и опять снова... Огонь артиллерійскій понемногу усиливается, трещатъ и винтовки...

— Стой! Кто идетъ?—вполголоса окликаетъ минеръ человѣка, быстро карабкающагося снизу изъ лощины.

— Свой!—слышится отвѣтъ.—Здѣсь есть офицеръ?—спрашиваетъ человѣкъ, походя къ группѣ около минной ямы.

— Чего тебѣ?—подходитъ минный офицеръ къ пришедшему.

— Ваше благородіе, я изъ секрета внизу. Тамъ японцы по одиночкѣ перебѣгаютъ оврагъ и ползутъ на гору.

— Ну, бѣги живо къ коменданту,—приказываетъ офицеръ.—Черненко, иди и ты съ нимъ, а то, чего добраго, по дорогѣ убьютъ его и некому будетъ доложить.

— Ну, братцы, живѣй, надо скорѣй кончать,—еще больше торопитъ офицеръ своихъ.

— Кто у васъ есть толковый?—обращается онъ къ командиру стрѣл-

ковъ,—надо двоихъ послать впередъ, шаговъ на сто, а то японцы подползутъ и откроютъ по насъ огонь и всѣхъ, какъ перепелокъ перестрѣляютъ.

— Бондарчукъ, Филипповъ!—вызываетъ стрѣлковый офицеръ своихъ,—спуститесь ниже и впередъ къ оврагу и залягте. Какъ увидите, что японцы идутъ—дайте знать.

Сверху спускается группа, какъ будто офицеры.

— Ну, какъ поручикъ у васъ? Скоро кончите?—спрашиваетъ полковникъ Т., подходя къ минерамъ. (Онъ пріѣхалъ провѣрить работы и дать указанія, если надо).

— Ямы готовы, и мины заложены, остается поставить приборъ и закрыть,—отвѣчаетъ минеръ.

— Торопитесь, торопитесь, надо скорѣе кончить,—говоритъ полковникъ, прощаясь.

Проходитъ минутъ двадцать. Работа подходитъ къ концу. Остается самая опасная манипуляція съ минами. Вдругъ подбѣгаетъ одинъ изъ людей, посланныхъ впередъ:

— Ваше благородіе, японцы начинаютъ лѣзть, и нашъ секретъ тоже идетъ назадъ.

— А много японцевъ?—спрашиваетъ офицеръ

— Да, должно быть, около двухъ ротъ будетъ,—слышится отвѣтъ.

— Бѣги по окопамъ и доложи коменданту.

— Кажется, начинается,—замѣчаетъ флегматично стрѣлокъ.—Что то ужъ больно часто лопаются черняки.

Дѣйствительно японцы, собираясь снова атаковать, усилили огонь: бомбы и шрапнель ежесекундно рвутся на горѣ, чаще и чаще тататакаетъ пулеметъ. Отдѣльныхъ звуковъ нельзя различить. Все сливается въ одинъ оглушительный гулъ...

Работы прекращены, и роты заняли каждая свой окопъ, только минный офицеръ еще мечется отъ мины къ минѣ, стараясь закончить работу.

Японцы, перейдя оврагъ, залегаютъ на склонѣ горы и открываютъ убійственный огонь изъ винтовокъ и принесенныхъ съ собою пулеметовъ. Бомбы, шрапнель, осколки, пули,—все это воетъ, визжитъ, шипитъ, свиститъ, кажется, будто всѣ силы ада спущены на землю, чтобы уничтожить, стереть все, что есть живого.

Б-у-у-у-мъ... и камни и земля осыпаютъ рабочихъ...

— А чтобы васъ...—слышется крѣпкое слово. Взорвалась мина, что тамъ вдалекѣ стояла про запасъ. Взорваны три стрѣлка...

— Ну, поручикъ, бросайте работу, все равно, всѣхъ перебьютъ, надо занять свой окопъ,—говоритъ стрѣлковый офицеръ минеру.

— Голубчикъ, еще минутку; пусть эти трое постоятъ здѣсь, а то мы сами найдемъ на свою мину и взлетимъ,—проситъ тотъ.

Смерть царитъ всюду, невозможно, чтобы кто либо могъ уйти отсюда цѣлымъ...

Солдаты мрачно поглядываютъ на верхъ горы.

— Ваше благородіе,—подходитъ къ минеру солдатъ,—дозвольте спрятаться за камнемъ и зак...

О, ужасъ! У солдата головы не стало, а тѣло еще нѣсколько мгновеній стоитъ съ приподнятой рукой и падаетъ... Осколкомъ снесло голову несчастнаго на полусловѣ, и кровь и мозгъ брызнули на офицера и сосѣдей.

— Моргачевъ, живѣе!—металлически звенитъ голосъ минера.

— Готово, ваше благородіе! Что прикажете дѣлать съ запасными минами—двѣ остались?—слышится голосъ.

— Толкни ихъ въ оврагъ,—приказываетъ офицеръ.—Поручикъ, благодарю васъ и людей вашихъ за работу, вы свободны.

— Собирайся, ребята, иди только гуськомъ, по одиночкѣ, подальше другъ отъ друга,—приказываетъ командиръ стрѣлковъ.

Мины, столкнутыя Моргачевымъ, летятъ внизъ, прямо на японцевъ, перепрыгивая съ камня на камень. Внизу раздаются два ужасныхъ взрыва. Видно, пуля попала.

— Ваше благородіе,—подходитъ минеръ къ офицеру,—вы идите, мы сейчасъ соберемъ инструменты и пойдемъ за вами.

— Нѣтъ, нѣтъ, скорѣе собирайтесь—торопитъ офицеръ, тронутый заботой о немъ солдата.

Наконецъ, инструментъ собранъ, минеры карабкаются на гору, стараясь пройти ползкомъ мѣста, открытыя для огня съ нашихъ окоповъ. Они направляются къ тылу горы... Наконецъ, дошли до комендантскаго блиндажа.

— Ну, теперь вы идите домой, а я еще зайду на минную станцію,—обращается къ своимъ офицеръ.

— Никакъ нѣтъ, мы подождемъ васъ.

— Да и чего вамъ на станцію ходить, все равно Воробьевъ былъ на работѣ и все знаетъ, и чего вамъ зря здѣсь быть. Неровенъ часъ, всѣ подъ Богомъ ходимъ,—протестуетъ минеръ, боясь за своего офицера.

Поручикъ входитъ въ блиндажъ сообщить коменданту о работѣ и далѣе направляется на минную станцію.

Проходитъ минутъ двадцать. Японцы огонь довели до максимума.

— Эй, что за люди тамъ?—окликаетъ комендантъ какихъ то солдатъ, прижавшихся къ двери блиндажа.

— Мы минеры, ваше высокоблагородіе,—слышится отвѣтъ.

— Чего вамъ надо?

— Мы поручика своего ждемъ. Онъ на станцію пошелъ.

— Убирайтесь отсюда, дураки! Вѣдь убьютъ васъ всѣхъ!

— Никакъ нѣтъ! мы безъ поручика своего не пойдемъ. Они сейчасъ придутъ.

Разрывается шрапнель... Одного минера царапнуло вдоль по плечу.

— Ишь, черти вы этакіе,—сердится тѣмъ временемъ подошедшій минный офицеръ,—вѣдь, не дай Богъ, васъ всѣхъ могло убить.

— Никакъ нѣтъ,—увѣренно говоритъ унтеръ.

Офицеръ и чины начинаютъ спускаться съ горы. Солдаты стараются идти, такъ, чтобы офицеръ шелъ впереди, а не сзади.

— Ваше благородіе, позвольте руку: здѣсь круто, и камня много,— заботится минеръ, зная близорукость своего офицера въ темнотѣ.

Снаряды сыплются, какъ градъ. Почти свѣтло. На правомъ флангѣ слышны воинственные крики: японцы бросились въ атаку и хотятъ снова занять сопку. Здѣсь уже артиллерійскаго огня нѣтъ. Лишь работаютъ пулеметы и ружья. Вся сила артиллеріи перенесена на лѣвую вершину и нижніе окопы, чтобы не дать намъ возможности влить свѣжихъ людей въ гарнизонъ правой сопки. Наши бомбовщики работаютъ во всю. То и дѣло рвутся бомбочки, отрывая руки, ноги, головы...

Японцы гурьбой бросаются къ нашему окопу. Наши кидаютъ бомбу, и вдругъ—вся толпа японцевъ охвачена пламенемъ *). Обезумѣвшіе отъ ужаса, они бросаются назадъ, въ стороны, сталкиваются съ другими и поджигаютъ ихъ. Задніе, видя горящихъ товарищей, бѣгутъ обратно внизъ въ паникѣ... Начальство, замѣтивъ неудачу атаки, велитъ открыть огонь по бѣгущимъ, и на небѣ, сзади атакующихъ очерчивается бѣлая полоса изъ шрапнельныхъ дымковъ... Несчастные живые факелы, обезумѣвъ, бѣгаютъ, мечутся въ безпорядкѣ... Задніе, понуждаемые огнемъ своихъ же, бѣгутъ впередъ, но, не дойдя до нашихъ окоповъ, въ ужасѣ начинаютъ бѣжать вдоль окоповъ... Наши пользуясь моментомъ, пускаютъ въ ходъ пулеметы, винтовки, бомбочки... и черезъ пять минутъ отъ бросившейся въ атаку роты не остается никого...—Всѣ легли...

Стоновъ не слышно: громъ канонады заглушаетъ все. Видны только корчащіяся отъ муки тѣла и слышна вонь горящаго живого человѣскаго мяса.

Артиллерійскій огонь снова переносится на несчастную сопку. Снаряды сыплются безъ счета. Видимо японцы рѣшили выбить огнемъ весь гарнизонъ и тогда занять пустые окопы. Комендантъ бросается изъ окопа въ окопъ, руководя защитой и въ концѣ концовъ самъ падаетъ сраженный пулей. Старшій изъ ротныхъ командировъ вступаетъ въ должность и доноситъ въ штабъ. Полковникъ Т. самъ идетъ на гору комендантомъ, но пока онъ домчался изъ штаба, прошелъ

*) Японцы носили на себѣ въ холщевомъ мѣшкѣ бомбочки, но бомбочка ихъ была безъ оболочки и состояла изъ 2 шашекъ пироксилина и одной мелинита, связанныхъ бичевками. Отъ постоянной ходьбы, треція, эти взрывчатыя вещества обтерлись и получалась тончайшая пироксилиновая и мелинитовая пыль, которая пропитала одежду японцевъ. Отъ этого они такъ моментально загорались.

часъ съ лишнимъ и японцы снова бросились на сопку. Какъ ни самоотверженно гибли наши солдаты подъ убійственнымъ артиллерійскимъ, ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ, какъ ни работали они прикладами, штыками, бомбочками, какъ ни грызли они маленькихъ японцевъ зубами, сцѣпившись въ смертоносныхъ объятіяхъ... сила взяла перевѣсъ, и чрезъ полчаса отчаяннаго ожесточеннаго боя укрѣпленіе осталось за японцами. Всѣ защитники его погибли... Погибъ и временный комендантъ горы, употребляя нечеловѣческія усилія удержать сопку... Только стонущія и хрипящія въ смертной агоніи тѣла нашихъ солдатъ и офицеровъ свидѣтельствовали о недавнемъ владѣніи нами этимъ окрававленнымъ и изуродованнымъ клочкомъ земли.

Полковникъ Т. пріѣхалъ. Ознакомившись съ обстановкой, онъ сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія. Послана телефонограмма о необходимости резерва; отдано приказаніе двумъ ротамъ собраться изъ окоповъ. Необходимо взять обратно сопку во что бы то ни стало. Нельзя удержаться на горѣ, если правая болѣе высокая вершина будетъ въ рукахъ противника.

Японцы сверху наносятъ сильный уронъ пулеметами и винтовками...

Солдаты, видя хладнокровіе и самообладаніе командира, извѣстнаго имъ своей боевой опытностью, подбодрились...

У всѣхъ одно желаніе: броситься на врага скорѣе, скорѣе и самому стрѣлять, колоть, убивать... Сидѣть такъ на разстрѣлъ, въ окопахъ, подъ этимъ огненнымъ металлическимъ ливнемъ, нѣтъ силъ... Многіе тяжело раненые съ оторванными руками и ногами крестятся и молятся, когда санитары ихъ уносятъ. Они довольны, что уходятъ изъ этого ужаса, хотя и калѣками... Люди молятъ Бога о скорѣйшей смерти...

Полковникъ, собравъ офицеровъ, говоритъ о необходимости контръ атаки и, распредѣливъ кому что дѣлать, самъ бросается впереди всѣхъ на укрѣпленіе.

Опять заработали штыки, приклады, шашки... Опять полилась ручьями кровь и полетѣли брызги мозга изъ расшибаемыхъ головъ.. Долго сдерживаемое нервное напряженіе нашло исходъ, плотина прорвалась, запахъ крови и ужасъ превратили людей въ кровожадныхъ звѣрей...

Противники были достойны другъ друга... Обломавъ штыки, исколовъ другъ друга, расщепивъ приклады, люди схватывались руками, грызли другъ друга зубами, откусывали пальцы, душили, разбивали головы камнемъ, какъ орѣхъ.

Никто изъ этихъ обезумѣвшихъ отъ бѣшенства людей съ налитыми кровью и дико блуждавшими глазами не могъ бы сказать, сколько времени длилась эта бойня... Японцы были всѣ выбиты... Укрѣпленіе за нами.

Теперь внутри редута земли не видно. Одна громадная, сплошная

лужа крови съ плавающими въ ней тѣлами, мертвыми и умирающими, стонущими и конвульсивно ползающими.

Трупы—всюду... Трупами сплошь полны окопы, трупы на брустверѣ, трупы на траверсахъ. Мясо горитъ, распространяя отвратительно удушливый дымъ и ужасное зловоніе. Еще часъ тому назадъ живые люди, теперь изрубленные, исколотые, съ обгорѣвшими до бѣлѣющейся кости членами, шевелятся со звѣринымъ стономъ въ лужахъ крови, захлебываясь и утопая въ этой смрадной отвратительной жидкости. Нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ съ половиной головы и выливающимися мозгами, силятся еще привстать, но мозгъ выливается, полуоторванная голова падаетъ, и вновь растянувшееся на землѣ тѣло подобно только что зарѣзанной птицѣ, начинаетъ подпрыгивать, дрыгать руками и ногами, пока жизнь не прекращается совсѣмъ. Изъ подъ груды тѣлъ то тамъ, то здѣсь слышатся душу раздирающіе стоны и вопли. Можно иногда различить—русское слово или японское. Это—несчастные легко раненые, потерявшіе сознаніе и въ пылу боя погребенные подъ трупами товарищей и враговъ. Солдаты, взявшіе редутъ, отупѣли. Наступила реакція. Послѣ предыдущаго страшнаго подъема нервовъ, насталъ полный упадокъ ихъ.

Уже шестой часъ утра. Укрѣпленіе занимается двумя свѣжими ротами. Потерпѣвъ неудачу здѣсь, японцы пробуютъ броситься съ лѣваго фланга горы, стараясь обойти насъ въ тылъ, но пулеметы и удачно взорванные камнеметы не даютъ даже дойти до сѣтки.

Усѣявъ весь скатъ трупами почти цѣлаго баталіона, они снова скрываются въ оврагъ, спасаясь отъ пулеметовъ, которые косятъ ряды людей, какъ косарь траву.

Прошли сутки такого же боя. Ужасныя сутки, полныя томительнаго душу надрывающаго ожиданія. Теперь всѣмъ было ясно, что японцы, сознавая всю важность обладанія этой горой, стремятся цѣной какихъ бы то ни было жертвъ взять ее... Отстояніе этой позиціи стало для насъ вопросомъ жизни и смерти Артура. Позиціи на правомъ флангѣ и въ центрѣ на цѣлыя сотни шаговъ были лишены гарнизона: роты всѣ ушли на Высокую. Моряки также вняли нашему голосу и, понявъ, наконецъ, что Артуръ для флота, а не флотъ для Артура, прислали баталіонъ матросовъ. Все вниманіе всего Артура, солдатъ, офицеровъ, генераловъ, частныхъ жителей сосредоточилось на Высокой. Какъ голодные бросаются на пищу, такъ и всѣ набрасывались на человѣка, пришедшаго съ Высокой или изъ штаба западнаго фронта. Всѣ чувствовали, что Высокая—это послѣдняя ставка проигравшагося Артура: либо панъ, либо пропалъ.

Что только творилось въ штабѣ фронта! Богъ мой! Словами не передать той лихорадки, рвенія, мученій, что приходилось испытывать офицерамъ и нижнимъ чинамъ.

Люди валились съ ногъ отъ усталости, засыпали за ѣдой съ ложкой въ рукахъ, или стоя у телефона.

А эти телефоны?..

Стояло четыре телефона, и цѣлый день и ночь не переставая звонили, говорили; говорили, звонили. Приходилось по получасу ожидать, пока добьешься очереди передать приказаніе или спросить что либо. И офицеры, и нижніе чины чуть съ ума не спятили отъ нервнаго разстройства отъ возни съ телефонами. Ежеминутно линіи перебивались. Важное донесеніе, разговоръ прекращались на половинѣ,—или попадетъ снарядъ въ городъ около центральной станціи, или въ другомъ мѣстѣ въ воздушные провода, перебьетъ и перепутаетъ линіи. И вотъ извольте вызывать какую либо станцію. Вызываешь. штабъ крѣпости, отвѣчаетъ интендантское управленіе. Вызываешь инженерное управленіе, отвѣчаетъ штабъ западнаго фронта или какой либо Куропаткинскій люнетъ или фортъ № 1. А вѣдь нужда острая, жгучая: надо передать, приказать, подвезти, увезти и проч. Бой идетъ,—японцы не ждутъ, пока отправимъ коннаго вѣстового или ординарца. Одинъ только штабсъ-капитанъ Д. могъ говорить хладнокровно не изводясь. Поразительнаго самообладанія былъ человѣкъ! Гдѣ другіе изводились, злились, ругались, готовы были не только телефонъ разбить вдребезги, но кажется и на стѣну полѣзли бы, къ которой прибитъ телефонъ, тамъ штабсъ-капитанъ говорилъ спокойно, не волнуясь, вѣжливо. При разговорѣ съ кѣмъ либо изъ офицеровъ онъ обязательно здоровался въ началѣ разговора и заканчивалъ неизмѣннымъ: «честь имѣю кланяться, будьте здоровы». Словомъ, удивительный былъ человѣкъ по части телефоннаго обращенія.

Полковникъ Т. сидѣлъ на горѣ комендантомъ. Штабъ лишился мѣрнаго своего регулятора, приводившаго весь механизмъ въ равномѣрное движеніе. Полковникъ И., человѣкъ поразительной, отчаянной храбрости, рвалъ и металъ; онъ самъ готовъ былъ одинъ лѣзть на всѣхъ японцевъ въ рукопашную. Генералъ К. сидѣлъ безвыходно въ штабѣ и распоряжался.

Съ Высокой мало кто возвращался съ легкими ранами. Всѣ гибли тамъ. На идущихъ на гору всѣ смотрѣли, какъ на мертвецовъ...

Бой продолжался непрерывно.

Наконецъ, на третьи сутки, послѣ начала моего разсказа, 19 ноября, полковникъ Т. долженъ былъ оставить гору, получивъ тяжелую рану, и на его мѣсто пошелъ полковникъ С.

Коменданты смѣнялись чуть-ли не каждые 3, 4 часа. Въ штабѣ такъ и сыпалось: «А. убитъ, У. убитъ, К. убитъ, Л. убитъ, М. раненъ» и т. д.

Гарнизонъ на горѣ, несмотря на щедро подливаемый резервъ, таялъ, какъ снѣгъ на солнцѣ.

Былъ даже такой случай: комендантъ послалъ цѣлую роту въ верхній окопъ, но придя туда черезъ полчаса, окопъ нашелъ занятымъ японцами, между тѣмъ атаки не было... Оказалось, что вся рота, вмѣстѣ съ ротнымъ командиромъ, была перебита артиллерійскимъ

огнемъ, и японцы по одиночкѣ подползали и заняли пустой окопъ. Даже ни одинъ человѣкъ не уцѣлѣлъ, чтобы сообщить объ этомъ коменданту!

Наконецъ, послѣ цѣлаго ряда бѣшеныхъ атакъ, небывалаго въ исторіи героизма съ той и другой стороны, японцы заняли правую сопку. И затѣмъ, зайдя съ лѣваго фланга, заняли и крайніе лѣвые окопы внизу.

Ночью начальникъ фронта, полковникъ И., собравъ жалкіе остатки ротъ, въ составѣ приблизительно баталіона, самъ повелъ въ атаку, желая выбить противника изъ окоповъ.

Но безуспѣшно.

Японцы изъ пулеметовъ съ правой сопки косили нашихъ, какъ сѣно.

Героизмъ многострадальныхъ солдатъ разбился объ дьявольскій огонь противника.

Какъ будто раскрылись двери ада, и самъ Вельзевулъ изрыгалъ на кучу обезумѣвшихъ отъ горя, злобы и отчаянія людей всесокрушающій огонь.

Люди, какъ разъяренные львы, бросались впередъ на занятые японцами окопы, не доходили...

Пулеметы косили... Буквально косили, какъ косарь траву.

Сраженные пулями, вскинувъ бозпомощно руками, тутъ же падали или катились внизъ подъ гору, разбиваясь о камни.

Наконецъ, настало утро...

Подъ откосомъ, въ оврагѣ, у перевязочнаго пункта творилось нѣчто ужасное... Японцы съ горы обстрѣливали дорогу, и не было никакой возможности ни уйти съ перевязочнаго пункта, ни изъ города туда попасть. Всѣ, кто только высовывался изъ-за откоса, падали мертвыми.

Маленькіе желтые люди въ своей дерзости дошли до того, что человѣкъ пять стали открыто на вершинѣ горы, во весь ростъ, и оттуда охотились за тѣми, кто осмѣливался ѣхать къ подошвѣ горы или оттуда въ штабъ.

У перевязочнаго пункта была какая-то ужасная куча: люди, лошади, бочки, носилки, двуколки, раненые, убитые, сестры милосердія, врачи, священникъ велосипедисты, санитары—все это перемѣшалось, былъ какой-то хаосъ.

Всѣ старались прижаться къ откосу, быть въ полосѣ, недоступной огню японцевъ.

На трупахъ, еще не остывшихъ, сидѣли, лежали, спали.

Генералъ Ц., ничего не подозрѣвая, спокойно подъѣзжалъ къ перевязочному пункту. Только стали ему кричать, чтобы онъ поскорѣе проскакалъ обстрѣливаемую полосу, какъ онъ, сраженный на смерть, упалъ съ двуколки.

Полковникъ И. только успѣлъ счастливо, карьеромъ, проскочить пространство, видное японцамъ, какъ и конь его, и бравый штабъ-горнистъ пали мертвыми.

Японцы били съ 200 шаговъ, и били прямо на выборъ,—въ голову.

Наконецъ, удачно пущенный съ V форта снарядъ уложилъ всѣхъ пятерыхъ.

Только вечеромъ, съ наступленіемъ темноты, удалось убраться изъ этой ужасной клѣтки и размѣстить раненыхъ по госпиталямъ.

Ночью была сдѣлана послѣдняя отчаянная попытка завладѣть горой... Но не дала никакого результата, кромѣ гибели еще нѣсколькихъ сотъ человѣкъ.

Наконецъ, около двухъ часовъ ночи, генералъ К., съ тоской и отчаяніемъ въ сердцѣ, отдалъ приказаніе отступить съ горы горсти храбрецовъ, оставшихся въ живыхъ и сидѣвшихъ тамъ двое сутокъ почти безъ пищи и воды.

Одновременно было приказано отступать и съ горъ Дивизіонной и Плоской, которыя сами по себѣ безъ Высокой держаться не могли.

Отступили на окраину Новаго города.

Линія обороны прошла съ IV форта черезъ горки: Фугасную, Рыжую на V фортъ.

И начальство и нижніе чины сильно пріуныли. Ни для кого не было тайной, что скоро наступитъ конецъ. И хотя бы Куропаткинъ былъ близко, все равно ему во время не подоспѣть.

На офицерахъ штаба западнаго фронта лица не было, всѣ ходили какъ осенніе мухи. Даже энергичный штабсъ-капитанъ Д. весь осунулся, поблѣднѣлъ, охрипъ (отъ телефонныхъ разговоровъ), и еле держался на ногахъ. Не слышно было болѣе его подбадриваній духомъ падавшихъ товарищей.

Снова потянулись дни лихорадочной работы по укрѣпленію позицій.

Отрытые раньше окопы приводили въ порядокъ, отрывали новые, устраивали засѣки, проволочныя сѣти, мины, волчьи ямы и проч. *).

Японцы занявъ гору, замерли...

Никакихъ признаковъ жизни...

---

*) Къ работамъ были привлечены и дружинники и портовые рабочіе. Даже артиллеристы работали какъ пѣхотинцы, все равно имъ нечего было дѣлать, стрѣлять было нечѣмъ.

На мѣста попорченныхъ прожекторовъ ставили новые. Жалкіе остатки — нѣсколько десятковъ снарядовъ хотѣли использовать, ставили нѣсколько мелкихъ новыхъ пушекъ (старые разстрѣлялись, были негодны). Этими работами вѣдалъ артиллеристъ полковникъ Тах. Капитанъ Г. былъ раненъ и лежалъ въ госпиталѣ. Для отливки снарядовъ собирались устроить мѣсто подъ Ляотешаномъ.

Лишь четыре ночи подрядъ на вершинѣ Высокой горы горѣли шесть громадныхъ яркихъ костровъ.

Одни говорили, что это жгутъ трупы, а другіе, что это условный какой-то сигналъ.

На пятый день началась бомбардировка Новаго города... Снаряды сыпались какъ градъ.

Тутъ были всякихъ калибровъ и наименованій, начиная съ 11-ти дюймовыхъ и кончая 47 мм. бронебойными.

Съ Высокой весь Артуръ виденъ, какъ на ладони. Ходить по городу стало невозможно — по отдѣльнымъ людямъ пускали шрапнели или заводили пулеметы.

Корректируя стрѣльбу съ Высокой, они ежедневно уничтожали нѣсколько зданій. Тѣ нѣсколько десятковъ частныхъ жителей или гражданскихъ служащихъ, что остались въ Артурѣ, бѣжали изъ города на Дачныя мѣста, въ заброшенныя китайскія фанзы подъ Ляотешаномъ или скрывались въ подвальныхъ этажахъ домовъ подъ Обелисковой горой.

Всѣ зданія въ Новомъ городѣ за малыми исключеніями, были заняты подъ госпиталями.

Погода измѣнилась, пошелъ снѣгъ, наступили сильные холода и ужасные вѣтры.

Несчастные раненые, попавъ въ госпиталь думали, что спаслись отъ ужасовъ боя; но не тутъ-то было, ихъ ожидало нѣчто худшее.

Госпитали были переполнены, въ палатѣ для двадцати человѣкъ, помѣщалось шестьдесятъ. Люди лежали на нарахъ или койкахъ почти вплотную другъ къ другу. Все это были калѣки и тяжело раненые, легко больные за недостаткомъ мѣстъ сейчасъ же выписывали изъ госпиталя.

И вдругъ снарядъ за снарядомъ начинаютъ врываться въ это убѣжище горя и страданій, сѣя кругомъ смерть и разрушеніе.

Несчастные, больные искалѣченные люди, обезумѣвъ отъ ужаса срывались съ коекъ и, не будучи въ состояніи ходить,—ползли вонъ на улицу, на снѣгъ, на холодъ и вѣтеръ, въ однѣхъ рубашкахъ.

И многіе, окоченѣвъ, тутъ же умирали.

(Госпитальная прислуга сама удирала отъ снарядовъ, а докторамъ и сестрамъ невозможно было справиться со всѣми).

Что было дѣлать? Куда ихъ переводить?

Весь Артуръ былъ въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ.

Два госпиталя перевели. Одинъ въ зданіе гостинницы «Россія», а другой въ казармы 28-го полка.

Но какой прокъ? Раненые простуживались и умирали *).

*) Старшій врачъ Дальнинской больницы докторъ Н. получилъ благодар-

Ежедневно разрушали по нѣсколько зданій.

Суда эскадры подверглись той же участи.

Даже намъ, сухопутнымъ, больно и обидно было видѣть, какъ безпомощно гибли эти стройные великаны: Ретвизанъ, Пересвѣтъ, Полтава и другъ.

Молчали грозныя двѣнадцатидюймовыя орудія, глядя уныло на гибнущій Артуръ.

Матросы плакали глядя на свои суда.

Бомбардировка шла безпрестанно за очень рѣдкими и короткими перерывами.

Артуръ разрушался все болѣе и болѣе.

Дѣйствительно, японцы выполняли свое обѣщаніе.

(Въ іюлѣ во время разговоровъ въ окопахъ, японцы кричали намъ, что если Артуръ и не возьмутъ, то, по крайней мѣрѣ, будутъ бомбардировать такъ, что камня на камнѣ не останется).

Весь старый городъ сталъ грудой развалинъ. Одновременно съ городомъ стали громить и батареи морского фронта на Тигровомъ Хвостѣ, но безуспѣшно.

Снаряды не только добрасывались до вершины Золотой горы, но даже давали перелеты въ море.

Даже «Севастополь», стоявшій въ морѣ подъ Бѣлымъ Волкомъ, не избѣгъ общей участи. Стрѣляя перекиднымъ огнемъ черезъ батареи № 1 и № 2, японцы старались утопить его. Четыре ночи подрядъ японскіе миноносцы, какъ стая бѣшенныхъ собакъ, набрасывались на судно, тщетно силясь растерзать его своими минами. Но, несмотря на всѣ отчаянныя усилія, этого имъ не удалось, «Севастополь» получилъ лишь двѣ незначительныхъ пробоины. Отчаянной бомбардировкѣ подверглись IV-й фортъ, IV-ое укрѣпленіе, V-й фортъ и батарея литера Д.

На V форту взорвались бомбовый погребъ и паровой котелъ съ машиной отъ прожектора. Прожекторъ на лит. Д. также былъ испорченъ. Словомъ всюду царила и смерть и разрушеніе.

Никто, выходя изъ дома, не могъ быть увѣренъ, что вернется обратно.

Смерть къ каждому была болѣе близка, чѣмъ рядомъ сидящій за столомъ сосѣдъ.

Лицамъ не военнымъ, жившимъ по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, коммунами, приходилось конину покупать чуть ли не $1^1/_2$ рубля фунтъ.

Питаться было нечѣмъ, ни овощей, ни консервовъ, ни приправъ.

ность отъ г. Балашева, за то, что перевезъ больницу изъ Новаго города въ казармы 28-го полка, не потерявъ никого ни раненымъ, ни убитымъ, между тѣмъ какъ въ теченіе недѣли послѣ перевозки умерло 100 человѣкъ простуженныхъ во время перевозки.

Китайцы уже давно питались собаками, по 26 коп. за фунтъ.

Цѣна на корову, быка дошла до 1.800 руб., свинья стоила 600—700 руб. Гусь, индѣйка стоили по 100—150 руб.

Пудъ чесноку стоилъ 280 руб. и то съ трудомъ можно было достать.

Лимонной кислоты давно не было.

Цынга ежедневно стала уносить массу людей, до 8%.

Въ госпиталяхъ уже не было мѣста для цынготныхъ.

Двуколки съ мертвецами цѣлый день непрерывно тянулись по дорогѣ на кладбище подъ Бѣлымъ волкомъ.

Видъ этихъ продолговатыхъ, зашитыхъ въ матеріи всякихъ цвѣтовъ, тѣлъ, даже на самыхъ крѣпкихъ людей производилъ удручающее впечатлѣніе.

Надъ погибавшимъ Артуромъ безпрерывно тянулись тучи дыму отъ горящихъ судовъ, зданій и складовъ порта.

Такъ уныло и безпросвѣтно потянулись дни послѣ потери Высокой.

Всѣми любимый генералъ К. весь похудѣлъ, осунулся и ходилъ молчаливый и грустный. Только неотложныя заботы нѣсколько оживляли его.

Даже талантъ и умъ этого широкообразованнаго *) человѣка были безсильны противъ суровой дѣйствительности.

Одна только вѣра, безотчетная увѣренность въ способности покойнаго, укрѣпляли духъ слабыхъ и не давали падать сильнымъ.

Всякій изъ насъ, видя спокойно улыбающееся лицо и умный, добрый взглядъ сѣрыхъ глазъ генерала, самъ какъ-то успокаивался и думалъ: «Если К. не отчаявается, значитъ, еще не все потеряно».

Его ласковое обращеніе, его умѣніе цѣнить способныхъ изъ младшей братьи, его способность терпѣливо выслушивать мнѣніе какого либо подпоручика и соглашаться съ этимъ мнѣніемъ, а не кричать, что онъ генералъ и все знаетъ, и все должно быть такъ, какъ онъ хочетъ, обвораживало, увлекало и располагало къ нему всѣхъ. Не найдется ни одного офицера (молодого), ни одного солдата, который бы его не любилъ. Миръ праху его.

Покойный К. каждую ночь пріѣзжалъ на лѣвый флангъ, каждую ночь ходилъ по позиціямъ, провѣряя работы, давая новыя указанія.

Полковникъ И. тоже не выглядѣлъ прежнимъ энтузіастомъ и болѣе не мечталъ вслухъ о переходѣ въ наступленіе, а больше молчалъ или горячился изъ за пустяковъ.

Оборона Артура для этого «храбрѣйшаго изъ храбрыхъ» (какъ было вполнѣ справедливо отдано въ приказѣ) стала idée fixe.

Лишившись своего боевого товарища и сотрудника, полковника Т. (нынѣ генералъ,—георгіевскій кавалеръ), онъ чувствовалъ

*) Покойный кончилъ двѣ Академіи: Инженерную и Генеральнаго Штаба.

себя крайне сиротливо и не могъ мѣста себѣ найти. Новый его сотрудникъ, замѣнившій полковника Т., полковникъ С., бывшій гвардейскій офицеръ, мало походилъ на своего самоотверженнаго тактичнаго предшественника. И полковникъ И. походилъ на машину, лишившуюся регулятора.

Одно и было для него утѣшеніе—рыскать по позиціямъ на своемъ сѣромъ жеребцѣ и лазить по окопамъ.

Несмотря на свои преклонные годы, безсонныя ночи, треволненія войны, этотъ человѣкъ былъ неутомимѣе иного молодого.

Проскакать сорокъ верстъ и затѣмъ пройти верстъ 15, лазая съ горы на гору, для него было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ.

Перваго декабря, послѣ непрерывной 18-и часовой работы на морозѣ и удушливой атмосферѣ лабораторіи, мы попали въ свою квартиру часовъ въ 7 вечера.

Поужинавъ кускомъ холодной мулятины и запивъ стаканомъ добраго шамбертена, часовъ въ 8 легли спать.

(Вообще, спать надо было при всякомъ удобномъ случаѣ, ибо нельзя было ручаться, что вдругъ не понадобится какая-либо экстренная работа и спать не придется нѣсколько сутокъ подрядъ).

Вдругъ среди ночи телефонъ надъ кроватью сталъ неистово трезвонить.

Я вскочилъ и началъ неизмѣнное: «откуда говорятъ»? Отвѣта нѣтъ, лишь слышенъ глухой чужой разговоръ. Ну, значитъ, линіи опять перепутались, и, пока не исправятъ, всю ночь не дадутъ спать своимъ трезвономъ, подумалъ я, собираясь повѣсить трубку, какъ вдругъ слухъ мой былъ пораженъ ужасными словами: «Я зная, что убиты К., Н-ко, Р., и еще много человѣкъ, 15 офицеровъ всего».

Меня какъ будто кипяткомъ ошпарили, и сонъ мигомъ прошелъ, но нѣсколько минутъ не могъ сообразить, въ чемъ дѣло.

Что кажется проще того, что на войнѣ убьютъ кого-либо? Но этотъ человѣкъ всѣмъ намъ былъ такъ дорогъ, дѣлу Артура такъ необходимъ, что какъ-то не вѣрилось. Даже самая мысль о его смерти какъ-то казалась чѣмъ то дикимъ, несуразнымъ. Придя нѣсколько въ себя, я сталъ усиленно звонить на центральную.

— Что нужно? — спрашиваетъ телефонистъ.

— Кто сейчасъ говорилъ, что генералъ К. убитъ? — спрашиваю я, называя свою фамилію.

— Это мнѣ знакомый телефонистъ изъ штаба генерала Г. сообщалъ, — слышу отвѣтъ. — Тамъ еще много офицеровъ убито, около 15, говорятъ, — добавляетъ онъ.

— Можетъ быть, твой телефонистъ пьянъ?—допрашиваю я.

— Никакъ нѣтъ. Это не такой человѣкъ, да и какъ можно такія вещи врать.

На всѣ мои разспросы, какъ, когда, гдѣ произошло несчастіе, онъ могъ только сообщить, что всѣ убиты на второмъ форту сегодня ночью.

— Александръ Петровичъ, Александръ Петровичъ! — сталъ будить я своего жителя—вставайте, несчастіе, К. убитъ!—и разсказываю все, что самъ узналъ.—Брешутъ съ пьяна,—авторитетно пробурчалъ мой сожитель, высовывая голову съ заспанными глазами изъ подъ одѣяла,—К. не можетъ быть убитъ,—сказалъ, и снова голова скрылась подъ одѣяло.

Такое твердое убѣжденіе подѣйствовало почему то и на меня успокоительно, и я, ругая про себя и пьянство, и водку, легъ снова спать.

Утромъ, когда вѣстовой вошелъ съ чаемъ, меня удивило мрачное выраженіе обыкновенно плутоватой физіономіи моего Лепорелло.

На вопросъ, что съ нимъ, не боленъ ли онъ? онъ покачалъ головой.

— Никакъ нѣтъ, я здоровъ, да вотъ болтаютъ солдаты, что генерала К. убили, да съ имъ много г. офицеровъ, человѣкъ съ 10.

— Да ты генерала К. знаешь?—спрашиваетъ мой сожитель.

— Какъ не знать, это тотъ, что у насъ чай пилъ, когда въ прошломъ мѣсяцѣ въ лабораторію пріѣзжалъ,—возражаетъ денщикъ.

Помучившись съ телефономъ цѣлый часъ, наконецъ, мнѣ удалось вызвать штабъ западнаго фронта и попросить къ разговору штабсъ-капитана Д.

На мой вопросъ о дошедшемъ до насъ слухѣ, штабсъ-капитанъ отвѣчалъ трагическимъ голосомъ: «увы, правда, начало конца наступаетъ».

И болѣе онъ не въ состояніи былъ что либо сообщить, горе душило его.

День провели мы въ убійственно-тяжеломъ настроеніи, всѣ наши попытки узнать достовѣрно, при какихъ обстоятельствахъ погибли генералъ и 8 офицеровъ, не увѣнчались успѣхомъ. Разсказывали разныя небылицы.

На слѣдующій день къ намъ пріѣхалъ въ гости артиллеристъ поручикъ Н., и, какъ очевидецъ, разсказывалъ слѣдующее:

Генералъ собралъ на второмъ форту совѣтъ для обсужденія положенія форта. За столомъ сидѣли: генералъ К. инженеры подполковникъ Р. и капитанъ З., командиръ 28-го п-ка подполковникъ Н. и еще человѣкъ 20 офицеровъ всякихъ родовъ оружія и ранга.

Генералъ сидѣлъ спиной къ двери, ведущей въ сосѣдній казематъ, гдѣ работалъ саперный офицеръ—Б., дверь была забита досками. Одиннадцатидюймовый снарядъ, пробивъ бетонъ, влетѣлъ въ казематъ, гдѣ работалъ саперъ, разорвался и причинилъ ему лишь легкую

контузію, а въ томъ казематѣ, гдѣ былъ совѣтъ 9 офицеровъ убито и 8 ранено.

(Никогда еще ни одинъ снарядъ не уносилъ столько дорогихъ дѣлу обороны людей, какъ этотъ! Японцамъ слѣдовало бы выше мѣры наградить артеллириста, пустившаго его).

Черезъ два дня состоялись похороны генерала. Несмотря на отчаянную бомбардировку всего Артура, всѣ, кто только могъ, явились отдать послѣдній долгъ павшему герою.

Многіе офицеры и солдаты рыдали, какъ дѣти.

Странно было видѣть это проявленіе чувства у людей, которые, казалось бы, потеряли всякую чувствительность души и превратились лишь въ субъектовъ, помышляющихъ объ убійствѣ и крови.

Солдаты ходили унылые и сиротливые, и безнадежно махали рукой, когда бывало заговоришь объ удержаніи Артура.

Было ясно, что намъ Артура не отстоять, если даже Куропаткинъ у Самсона, а Рождественскій у Формозы, какъ увѣряли нѣкоторые.

Всѣ были готовы къ смерти, общая гибель казалась неизбѣжной, наступало начало скораго конца.

На мѣсто покойнаго К. былъ назначенъ генералъ Ф. Каждый наступающій день приносилъ все новыя и новыя неудачи. Каждый день отдавались позиція за позиціей на восточномъ и сѣверномъ фронтахъ.

Но это никого не трогало, не волновало.

Какъ капитанъ гибнущаго судна спокойно стоитъ на своемъ мостикѣ, хладнокровно ожидая погрузиться въ волны, вмѣстѣ со своимъ кораблемъ, такъ и гарнизонъ Артура, полуживой, жалкій—физически, но крѣпкій духомъ еще, ожидалъ своего конца на землѣ, насыщенной кровью своихъ товарищей, на твердыняхъ созданныхъ имъ же, на позиціяхъ, гдѣ погибли лучшіе люди.

Прежде отдача какого-либо неважнаго пункта вызывала ожесточенные споры; разговоровъ бывало на цѣлую недѣлю, а теперь къ отдачѣ такихъ позицій какъ 3-й фортъ, оставались совершенно равнодушны. Нервовъ не было.

Полковникъ Т., оправившись чуть чуть отъ ранъ, не утерпѣлъ и выписался изъ госпиталя.

Послѣ взятія Высокой, японцы повели сапу подъ V фортъ, но двигались довольно медленно.

Теперь они обратили все свое вниманіе и энергію на правый флангъ и центръ.

5 декабря съ утра обнаружилось желаніе ихъ штурмовать сѣверо-восточный фронтъ.

Опять стали безъ счета падать снаряды на окопы.

Опять начался тотъ же кромѣшный адъ, что и на Высокой.

Опять потянулись непрерывныя вереницы раненыхъ къ госпиталямъ...

Опять заметались въ отчаяніи врачи и сестры.

Къ полудню японцы дали горнъ (взрывъ изъ минной галлереи) на 2-мъ форту, и бросились массами на штурмъ.

Снова полилась кровь ручьями, снова полетѣли на воздухъ отрываемыя руки, ноги, головы, внутренности...

Снова стали рѣзать, колоть, душить, грызть другъ друга.

Снова воздухъ огласился душу раздирающими стонами.

Снова послышались «банзай» и «ура»...

Два часа слишкомъ длилось царствованіе кровожаднаго бога войны...

Оставивъ около 400 окровавленныхъ, истерзанныхъ, хрипящихъ въ смертной агоніи, полуживыхъ людей, уцѣлѣвшіе японцы отступили, не сумѣвъ взять фортъ.

Но долго удержаться на этомъ форту нельзя было.

Весь фортъ представлялъ собой кучу развалинъ, уцѣлѣло только два каземата.

Защищаться было негдѣ...

Было ясно, что японцы снова бросятся на штурмъ. Поэтому 6 декабря гарнизонъ былъ ночью выведенъ и уцѣлѣвшіе казематы взорваны нашимъ минным офицеромъ.

На этомъ злополучномъ форту за два дня и одинъ штурмъ, мы потеряли болѣе 200 человѣкъ.

А при общей малочисленности гарнизона въ 10000 челов. (съ моряками) это была солидная цифра.

Послѣ этого, крупнаго наступленія они не предпринимали, но зато стали особенно быстро подвигаться впередъ сапой, брали мелкія позиціи и попробовали взорвать 3 укрѣпленіе, но неудачно.

15 декабря съ ранняго утра началась отчаянная бомбардировка всего фронта вплоть до IV форта—включительно, одновременно съ бомбардировкой города и порта.

Непрерывный гулъ, грохотъ и рявканіе, свистъ и вой осколковъ наводили ужасъ, кровь холодѣла, мысли путались

Надъ горами стоялъ сплошной дымъ отъ разрывовъ шрапнели...

Между 9 и 11 часами утра японцы дали горнъ подъ фортомъ № III.

Обрушилась лишь небольшая часть бруствера *).

Огонь артиллерійскій достигъ апогея...

Словъ не хватаетъ описать...

---

*) Японцы плохо вели подземную минную войну.

Наши мученики-герои укрылись въ двухъ фланговыхъ окопахъ.

На форту царила смерть...

Тысячи осколковъ, пуль, камней свистѣли и шипѣли во всѣхъ направленіяхъ...

Японцы сидѣвшіе на гласисѣ и во рву бросились въ атаку...

Наши озвѣрѣли... Нервное напряженіе превратило этихъ хилыхъ, изможденныхъ, больныхъ людей въ разъяренныхъ тигровъ... въ мускулахъ появилась атлетическая сила.

Винтовки превратились въ цѣпы...

Стоя на краю бруствера, они молотили прикладами по головамъ лѣзшихъ изо рва японцевъ...

Брызги мозга, части черепа летѣли во всѣ стороны...

Большія ручныя бомбы, падая въ ровъ, уничтожали японцевъ десятками. То и дѣло слышался ужасный взрывъ, цѣлые люди, половины людей, руки, ноги, головы взлетали на воздухъ орошая все кругомъ кровавымъ дождемъ...

Отвратительнымъ сатанинскимъ градомъ падали эти полуживые, еще шевелящіеся и прыгающіе куски окровавленнаго мяса на живыхъ защитниковъ форта... Но никто этого не замѣчалъ...

Никто не соображалъ, гдѣ онъ и что съ нимъ... У всѣхъ было одно стремленіе, одно желаніе, одна цѣль... возможно больше убить, истребить этихъ, какъ саранча ползущихъ и карабкающихся, синихъ съ желтыми околышами людей.

И они истребили ихъ...

За часъ боя японцевъ легло около 400 человѣкъ, и они перестали лѣзть...

Наши валились съ ногъ отъ усталости...

Снова началась невѣроятная, небывалая бомбардировка форта...

Черезъ два часа снова бросились въ атаку...

Но наши герои дорого продавали свою жизнь...

На одного павшаго нашего, погибало пять японцевъ...

Японцы опять были отбиты...

...И опять начали громить фортъ...

И подъ прикрытіемъ убійственнаго артиллерійскаго огня и ужасающаго пулеметнаго изъ близъ лежащихъ траншей, они заняли взрывомъ обрушенное мѣсто бруствера... окопались... подлили резервъ, и къ вечеру бросились массой, около 1000 человѣкъ за бруствер...

Опять закипѣлъ страшный бой...

Но двѣ сотни нашихъ храбрецовъ мигомъ были уничтожены разъярившимися врагами...

Сила была на ихъ сторонѣ...

Горсточка нашихъ скрылась въ казематы, желая погибнуть съ фортомъ...

Остальные отступили въ окопъ сзади...

Японцы поставили пулеметы противъ казематовъ и истребляли оттуда всѣхъ.

Резервы три раза бросались въ бѣшеную атаку на фортъ, чтобы спасти товарищей...

Но... безуспѣшно...

Мѣста было мало, приходилось идти по одному ходу сообщенія и пулеметы косили всѣхъ...

Бой длился почти 7 часовъ...

Наконецъ черезъ окно удалось увести солдатъ, засѣвшихъ въ казематахъ.

И... Ш фортъ остался въ рукахъ японцевъ...

Теперь весь правый флангъ, центръ, а слѣдовательно, и Старый Городъ были почти во власти японцевъ.

Любой пунктъ они могли отсюда поражать.

Отступили на Китайскую стѣну и къ Орлиному Гнѣзду.

18-го началось наступленіе одновременно въ двухъ пунктахъ:

Японцы, числомъ около 2-хъ полковъ, ринулись на позиціи у Голубиной бухты и на 3-е укрѣпленіе.

Еще съ 1 часу ночи начали они громить 3-е укрѣпленіе и близъ лежащіе пункты...

Надъ Артуромъ стоялъ ревъ и стонъ отъ выстрѣловъ и разрывовъ...

Черные клубы дыма шимозе смѣшивались съ молочно бѣлымъ разрывомъ одиннадцатидюймовыхъ.

Клубки шрапнельныхъ дымковъ подымались на небо, образуя цѣлыя облака...

Съ зловѣщимъ воемъ летѣли одиннадцатидюймовые, подымая огромные столбы воды и брызгъ въ бухтѣ...

Сгорѣвшій «Бобръ» *) мрачно смотрѣлъ своимъ голымъ почернѣвшимъ остовомъ на гибнущихъ собратьевъ...

Даже Ангара, Казань, Монголія **), не избѣгли своей участи и на нихъ летѣли смертоносныя чудовища современной артиллеріи.

Утромъ послышался ужасный, оглушительный, взрывъ и земля, камни, доски, бревна, люди полетѣли на воздухъ надъ 3-емъ укрѣпленіемъ.

Японцы дали горнъ...

Комендантъ укрѣпленія штабсъ-капитанъ С. погибъ...

Погибло и большинство защитниковъ...

---

*) Канонерка. Стояла въ Западномъ бассейнѣ.

**) Плавучіе госпитали съ флагомъ Краснаго Креста.

Японцы устремились массами въ промежутокъ между фортомъ № III и Большимъ Орлинымъ Гнѣздомъ на Китайскую стѣну...

Закипѣлъ отчаянный, послѣдній бой...

Два раза они бросались въ штыки...

Героизмъ нашихъ былъ сверхъестественъ...

Сами гибли десятками и врага губили сотнями...

Батареи 7-го дивизіона и 4-ой бригады осыпали шрапнелью, какъ дождемъ.

Выпускались послѣдніе снаряды...

Наступила ночь...

Не было никакого сомнѣнія, что на Китайской стѣнѣ намъ не удержаться...

Отступили на окраины Стараго Города.

На Голубиной бухтѣ вся сводная команда поручика Е. была уничтожена, и самъ онъ тяжело раненъ. Отступили къ подошвѣ Ляотешана.

Не было прежнихъ разговоровъ. Не было оживленныхъ споровъ: Когда придетъ Куропаткинъ? Какъ придетъ? Какъ мы перейдемъ въ наступленіе? Какъ эскадра Рождественскаго отрѣжетъ отступленіе японцевъ въ Японію? Какъ, отстоявши Артуръ, вернемся въ Россію?

Теперь всѣ были мало разговорчивы, если и говорили объ отстояніи Артура, то только изъ того же чувства, какъ въ домѣ тяжело больного не говорятъ о смерти. Всякій про себя думалъ одно:—скоро конецъ, прощайте мои дорогіе, близкіе, родные и друзья, вы можете гордиться мной, читая о моей смерти, я гибну въ Артурѣ; общество съ уваженіемъ будетъ смотрѣть на васъ мои родители, потерявшихъ сына въ Артурѣ.

Да, такъ думалъ гарнизонъ Артура, но судьбѣ угодно было распорядиться иначе...

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

М—къ П—въ.

ОСЕНЬЮ.

* * *

Тропами потаенными, глухими
Въ лѣсныя чащи сумерки идутъ.
Засыпанные листьями сухими,
Лѣса молчатъ—осенней ночи ждутъ.
Вотъ крикнулъ сычъ въ пустынномъ буеракѣ...
Вотъ темный листъ свалился, чуть шурша...
Ночь близится: ужъ рѣетъ въ полумракѣ
Ея нѣмая скорбная душа.

Иванъ Бунинъ.

---

* * *

Проснулся я внезапно, безъ причины.
Мнѣ снилось что-то грустное—и вдругъ
Проснулся я... Сквозь голыя осины
Въ окно глядѣлъ туманный лунный кругъ.
Усадьба по осеннему молчала.
Весь домъ застылъ въ полночной тишинѣ.
И, какъ ребенокъ, брошенный, кричала
Ушастая пустушка на гумнѣ.
Мнѣ снилось много грустнаго... Я знаю,
Что снилось мнѣ. Но умерла печаль.
Одинъ я просыпаюсь, засыпаю,
Одинъ живу... Мнѣ ничего не жаль.

Иванъ Бунинъ.

РАЗВЯЗКА.

Повѣсть изъ жизни города Пропадинска.

Глава I.

Это была тяжелая каторжная работа, равную которой трудно сыскать даже въ угольныхъ копяхъ и зимнихъ соляныхъ варницахъ. Съ ранняго утра они стояли вдвоемъ у бревенчатаго станка и распиливали на доски сырыя бревна, окостенѣлыя подъ дѣйствіемъ пятидесяти-градуснаго мороза. Мерзлое дерево поддавалось туго и только крошилось подъ пилой, издавая ноющій скрипъ, какъ будто желѣзо подъ напилкомъ.

Бронскій стоялъ въ вышинѣ, разставивъ ноги и упирая свои безформенные мѣховые лапти о жидкія перекладины козелъ, укрѣпленныхъ подъ лѣсопильнымъ станкомъ. Февральское солнце свѣтило на небѣ сквозь тонкія и перистыя облака, но вѣтеръ дулъ съ рѣки и, принося съ собой струйки сухого снѣга, бросалъ ихъ прямо въ лицо Бронскому. Несмотря на усиленную работу и толстыя рукавицы, подбитыя волчьимъ мѣхомъ, ему знобило пальцы рукъ и иногда ему казалось, что ихъ концы, крѣпко прижатые къ рукояткѣ пилы, прикипаютъ къ холодному дереву, какъ мокрая кожа къ мерзлому лезвію топора. Онъ, однако, не сдавался и продолжалъ поочередно тянуть и подавать внизъ свой конецъ пилы, настойчивымъ усиліемъ заставляя ее въѣдаться въ оледенѣлыя волокна дерева. Онъ какъ будто примерзъ къ своему шаткому пьедесталу и его растрепанная фигура, несмотря на постоянное движеніе труда, походила на приземистую статую, еще не укрѣпленную на подножіи и окруженную наскоро сбитыми лѣсами.

Въ пилѣ не хватало зубьевъ и средина ея постоянно застревала. Они извлекли ее изъ груды хлама, сваленнаго въ артельномъ амбарѣ, среди множества испорченныхъ и ненужныхъ вещей и кое какъ привели ее въ годный видъ при помощи молотка и напилка.

*

— Держи, держи!

Полуотпиленная доска отвалилась отъ бревна, упала на землю съ глухимъ звономъ, какъ полоса тонкаго льда, и треснула поперекъ. Мерзлое дерево хрупко, какъ стекло.

— Чортъ!—Полозовъ, стоявшій внизу, крѣпко выругался и выпустилъ изъ рукъ свой конецъ пилы. Получасовая работа пропала даромъ.

— Пусть ее черти пилятъ!

Онъ отряхнулъ опилки съ сѣраго ворота своей оленьей рубахи и быстро направился ко входу въ избу. Даже изгибъ его широкой спины выражалъ раздраженіе и его шаги негодующе стучали по плотно утоптанной снѣжной дорогѣ. Бронскій неторопливо спустился со своего насѣста, приставилъ пилу къ станку, подобралъ обломки доски и положилъ ихъ поверхъ груды досокъ, правильно сложенныхъ съ лѣвой стороны станка. Попутно онъ убралъ топоръ, валявшійся на землѣ, и послѣдовалъ за товарищемъ. Собственно говоря, онъ не одобрялъ такихъ незаконныхъ перерывовъ, но онъ по опыту зналъ, что припадки разочарованія Полозова очень непродолжительны и торопился воспользоваться промежуткомъ, чтобы размять ноги и нѣсколько согрѣться въ жильѣ.

Изба была низкая, но широкая, въ двѣ связи, какъ всѣ Пропадинскія жилища, она не имѣла кровли и ея плоская крыша была покрыта только огромнымъ пластомъ снѣга, отвердѣвшаго подъ вѣтромъ и нависшаго кругомъ тяжелыми бѣлыми стрѣхами, съ ледяными сосульками на солнечной сторонѣ. По старой памяти она называлась школой, ибо она была построена въ исполненіе начальственнаго распоряженія, предписывавшаго устройство якутской школы въ центрѣ Пропадинскаго округа. Впрочемъ, уже много лѣтъ новоотстроенная школа, вмѣстѣ съ управскимъ домомъ, полицейскимъ амбаромъ и другими казенными зданіями Пропадинска, были заняты невольными пришлецами съ юга, которые свалились въ этотъ малолюдный уголъ, какъ снѣгъ на голову, и внѣ этихъ казенныхъ пристанищъ должны были бы искать себѣ пріютъ, развѣ въ лисьихъ норахъ на нагорной сторонѣ рѣки.

Съ тѣхъ поръ прошло около десятилѣтія, владѣніе школой пріобрѣло право давности, и три поколѣнія пріѣзжихъ смѣнились подъ ея кровомъ. Но въ эту зиму школа была превращена въ столярную мастерскую. Калнышевскій, еще ютившійся въ ея заплеснѣвѣлыхъ стѣнахъ, выбросилъ вонъ свою кровать и постилалъ оленью шкуру, служившую ему постелью, прямо на верстакѣ. Каждое утро онъ свертывалъ ее въ трубку и уносилъ на сохраненіе въ чуланъ.

Ястребовъ стоялъ у верстака и при помощи большого ресмуса,

столярнаго циркуля, что то тщательно размѣривалъ на крѣпкой березовой доскѣ, вычерчивая на ней различныя кривыя линіи. На верстакѣ лежалъ самодѣльный чертежъ, часть котораго онъ перечерчивалъ на доску въ увеличенномъ размѣрѣ.

Ратиновичъ возился надъ грудой сломанныхъ ящиковъ, методически превращая ихъ въ щепки и извлекая изъ нихъ искривленные гвозди. Онъ складывалъ гвозди въ кучку, потомъ тщательно выравнивалъ и выправлялъ ихъ на небольшой слесарной наковальнѣ. Выправленные гвозди онъ ссыпалъ въ большую же стяную банку, уже наполненную до половины.

Калнышевскій набилъ желѣзный котелокъ комьями древесной «сѣры», сырой лиственничной смолы, и перетапливалъ ее на огнѣ, съ тѣмъ чтобы очистить ее отъ хвои, сучьевъ и другихъ неподходящихъ примѣсей.

Вся комната была заставлена кусками досокъ и бревенъ, выпиленныхъ и вырѣзанныхъ по различнымъ кривымъ линіямъ, то одиночныхъ, то склеенныхъ вмѣстѣ. Часть ихъ сушилась подъ потолкомъ на жердяхъ, протянутыхъ отъ стѣны до стѣны. Другая съ той же цѣлью была нагромождена у камина съ рискомъ загорѣться отъ каждой случайно залетѣвшей искры.

Въ лѣвомъ углу комнаты, нѣсколько такихъ частей, соединенныхъ вмѣстѣ, лежали на полу, составляя двѣ короткія дуги, сходящіяся подъ прямымъ угломъ. Это соединеніе напоминало зачатокъ корабельнаго носа, какъ будто это былъ эмбріонъ, первая клѣточка, изъ которой въ будущемъ, путемъ новаго органическаго процесса, должно было вырости судно.

Это, дѣйствительно была попытка судостроенія, порожденная тѣмъ же непреодолимымъ инстинктомъ, который заставилъ Робинзона Крузо сколачивать неуклюжее подобіе лодки на необитаемомъ островѣ и заострилъ мужество Нансена, когда онъ пустился въ своемъ парусиновомъ челнокѣ на перерѣзъ Ледовитаго океана.

Городъ Пропадинскъ стоялъ слишкомъ близко отъ полярнаго моря, у тѣхъ самыхъ береговъ, которые извѣстны человѣчеству почти исключительно по описаніямъ мореходныхъ попытокъ найти проходъ сквозь непроходимые льды, на зло бурямъ, морозамъ и встрѣчнымъ теченіямъ.

Полярное море обладаетъ страннымъ притяженіемъ для уединенныхъ группъ пришельцевъ, заброшенныхъ сюда бурей, болѣе жестокой, чѣмъ та, которая разбила суда Гудсона и Франклина, и исторія этихъ группъ насчитываетъ подвиги, которые, съ извѣстной точки зрѣнія, могутъ соперничать, же съ плаваніемъ Росса и Фробишера.

Поразительнѣе всѣхъ исторія двухъ смѣльчаковъ, которые отправились на небольшомъ туземномъ челнокѣ внизъ по огром-

ной Ленѣ и потомъ на тысячу верстъ вдоль глинистаго мелководнаго и бурнаго морского прибрежья отъ селенія Булуна до устья рѣки Яны. Они питались по дорогѣ охотой на птицъ и рыбной ловлей, но въ исходѣ короткаго лѣтняго періода, видя себя лицомъ къ лицу съ ужасной сѣверной зимой, кончили тѣмъ, что направили свой челнокъ въ ближайшую рыбачью заимку, а оттуда пріѣхали въ Усть-Янскъ. Почта изъ Усть-Янска до Якутска ходитъ такъ рѣдко, что начальство узнало объ ихъ появленіи и сдачѣ только черезъ девять мѣсяцевъ. Оно предписало оставить ихъ на новомъ мѣстѣ, ибо обратный путь былъ бы слишкомъ затруднителенъ, если не для плѣнниковъ, то для обычнаго полицейскаго конвоя.

Попытка Пропадинскаго судостроенія, протекала среди непрерывныхъ затрудненій, часто смѣшныхъ, иногда совсѣмъ фантастическихъ. Но Пропадинскіе Робинзоны примѣнили къ ихъ преодолѣнію весь свой досугъ и всю свою энергію, которая до сихъ поръ изнывала безплодно въ замкнутомъ кругу этого уединеннаго края и хотѣли во что бы то ни стало довести дѣло до конца.

Въ сущности, никто изъ нихъ не имѣлъ понятія о кораблестроеніи и не могъ составить чертежей, необходимыхъ для постройки. Наконецъ, у Ястребова, который нѣкогда много лѣтъ прожилъ въ Парижѣ и занимался самыми разнообразными ремеслами, почти случайно оказалась странная и старая книга о быстротѣ парусной гонки призовыхъ судовъ, въ которой было нѣсколько подходящихъ чертежей.

Руководствуясь этими чертежами, Ястребовъ мало по малу составилъ проектъ новаго судна, главнымъ образомъ примѣнительно къ скуднымъ древеснымъ матеріаламъ, которые имѣлись въ захудаломъ Пропадинскомъ краю. Въ сущности, пригодныхъ матеріаловъ почти вовсе не было. Въ Пропадинскихъ широтахъ росла только лиственница, приземистая, съ искривленной древесиной, постоянно трескавшаяся отъ мороза. При распилкѣ изъ нея выходили короткія кривыя доски, ломавшіяся при каждой попыткѣ изогнуть ихъ для обшивки корабельнаго борта.

Желѣзныхъ гвоздей не было, ибо Пропадинская промышленность замѣнила ихъ ременными связями и деревянными колышками. Не было даже полосового желѣза, чтобы сковать гвозди, и только своеобразная дѣятельность Ратиновича, собиравшаго во всѣхъ лавкахъ остатки изломанныхъ ящиковъ, умудрялась добывать хотя минимальное количество, необходимое для скрѣпы важнѣйшихъ частей корабля. Вмѣсто смоленой пеньки, пазы между досками приходилось заполнять сырымъ мхомъ, который проскользывалъ сквозь щели и вездѣ оставлялъ зіяющія отверстія. Вмѣсто вара и смолы, была древесная «сѣра» хрупкая, какъ сургучъ, и отваливавшаяся прочь отъ каждаго толчка.

Полозовъ стоялъ передъ каминомъ, грѣя у огня свои огромныя, красныя руки.

— Чортъ, дьяволъ,—ругался онъ.—Чтобъ ты треснула пополамъ!

Пожеланіе это, относившееся къ доскѣ, было въ сущности совершенно излишне, ибо доска и безъ того треснула, но Полозовъ принималъ каждую неудачу съ бревномъ за личное оскорбленіе. Онъ провелъ вмѣстѣ съ Ратиновичемъ все лѣто въ верховьяхъ рѣки Пропады, выбирая подходящія деревья. Каждое вырубленное бревно они стащили къ водѣ на собственной спинѣ и потомъ связали ихъ въ плотъ, но теперь ему казалось, что отвѣтственность за матеріалъ лежитъ на его плечахъ еще тяжелѣе, чѣмъ сырыя лиственничныя бревна.

Калнышевскій продолжалъ возиться надъ своимъ котелкомъ, бормоча себѣ подъ носъ какія-то непонятныя слова. У него была фигура средневѣкового ученаго, съ пушистой бородой, строгимъ лицомъ и выцвѣтшими глазами и могло показаться, что онъ творитъ заклинанія надъ какими-то замысловатыми снадобьями, приготовляя магическій эликсиръ или философскій камень. На дѣлѣ это была привычка, пріобрѣтенная во время пятнадцатилѣтняго одиночества въ одномъ уединенномъ мѣстѣ, на берегу Ладожскаго озера, укромномъ, какъ монастырь, и мольчаливомъ, какъ усыпальница.

Судьба возложила на плечи Калнышевскаго такое бремя, что друзья и даже враги относились къ нему съ безмолвнымъ почтеніемъ и инстинктивно разступались передъ его «старшинствомъ въ страданіи». Теперь послѣ пятнадцати лѣтъ это былъ не человѣкъ, а призракъ, или, если угодно, икона.

Другіе члены пропадинской колоніи были живые, хотя и израненые жизнью люди, а онъ среди нихъ былъ, какъ снятый со креста. За пятнадцать лѣтъ у него исчезли всѣ индивидуальныя наклонности, легкія слабости и привычки, которыя создаютъ повседневное содержаніе нашего я. Остались одни идеи, по прежнему широкія, но уже холодныя и безстрастныя, какъ будто запечатлѣнныя приближеніемъ къ Нирванѣ. Рядомъ съ этимъ Калнышевскій отличался большой мягкостью нрава. Его присутствіе дѣйствовало умиротворяюще на самыхъ обидчивыхъ и закоренѣлыхъ спорщиковъ и этотъ больной человѣкъ, не знавшій слабостей личной жизни, былъ постояннымъ третейскимъ судьей при столкновеніяхъ мелкихъ слабостей, свойственныхъ другимъ членамъ пропадинской колоніи. Это былъ какъ будто мѣстный святой, домашній покровитель общества пропадинскихъ обитателей.

Въ матеріальномъ отношеніи Калнышевскій жилъ въ Пропадинскѣ, какъ и въ Ладожской усыпальницѣ, не интересуясь под-

робностями и не обращая вниманія на лишенія. Единственный личный интересъ, сохранившійся въ его душѣ, относился къ статистикѣ, которою онъ занимался всѣ пятнадцать лѣтъ, собирая цифры изъ каждой попадающейся подъ руки книжки до альманаховъ включительно, и за скудостью письменныхъ принадлежностей, занося ихъ для свѣдѣнія въ таблицы своей феноменальной памяти, которая никогда не теряла однажды усвоенной пищи. До сихъ поръ Калнышевскій собиралъ только матеріалъ, обработка откладывалась на послѣ, кромѣ двухъ трехъ небольшихъ, но довольно любопытныхъ этюдовъ. Въ этомъ замученномъ и изнуренномъ человѣкѣ, повидимому, таились задатки большого ученаго, которые увяли отъ холода его судьбы и уже не могли расцвѣсти въ полярной пустынѣ, среди этой утлой и слишкомъ поздней свободы.

Кораблестроеніе застало Калнышевскаго врасплохъ. Сначала онъ отнесся къ нему холодно, и даже участіе въ работѣ принялъ почти машинально, подобно тому, какъ онъ привыкъ ходить въ общія мастерскія на свою очередь работы въ прежнемъ мѣстѣ своего жительства. Душа его стояла внѣ перемѣнъ судьбы и всегда была равна себѣ самой въ своемъ строгомъ унынiи. Мало по малу новый проектъ прокрался въ его вниманіе и сталъ будить въ немъ какія-то иныя полузабытыя чувства.

Это было вольное дѣло, самостоятельное предпріятіе, не имѣвшее отношенія ни къ усыпальницѣ, ни къ Пропадѣ. Имъ, быть можетъ, удастся порвать всѣ невольныя и обязательныя отношенія, увидѣть другихъ людей, иную обстановку.

— Плыть!—повторялъ самъ себѣ Калнышевскій—подальше!

Предстоящее путешествіе постепенно овладѣло совершенно его мыслями и теперь почти каждую ночь ему снилось море. Весь остатокъ жизни, сокрывшійся подъ спудомъ его души, проснулся и прилѣпился къ этой мечтѣ и мало-по-мало онъ сталъ жить ею и вѣрить въ нее. Онъ сталъ освѣжать свои знанія иностранныхъ языковъ, особенно англійскаго, сочинялъ необходимыя фразы для всякихъ случаевъ и даже записывалъ ихъ на бумагѣ, составляя новыя вокабулы для полярныхъ путешественниковъ на морѣ. Ратиновичъ смѣялся надъ этими вокабулами, но кончилъ тѣмъ, что сталъ заглядывать каждое утро въ составленную Калнышевскимъ тетрадку. Они чувствовали себя, какъ школьники передъ экзаменомъ, и хотѣли получше выучить свой будущій урокъ.

— Прошу васъ, капитанъ, принять насъ подъ покровительство американскихъ звѣздъ!—произносили они вслухъ, воображая себѣ счастливую встрѣчу съ бродячими китоловами изъ С.-Франциско, и ими овладѣвало особое неизъяснимое чувство.

Ястребовъ недовольно двинулъ доской, и двумя взмахами короткаго струга соскоблилъ съ ея поверхности только что проведенную черту. Въ его углу было мало свѣта и намѣченная линія не соотвѣтствовала чертежу. Онъ взялъ со стола бумажку и подошелъ къ камину. Въ стѣнѣ у камина, оконная льдина, обтаявшая до полной прозрачности, давала больше свѣта.

— Что у васъ?—спросилъ Полозовъ и машинально протянулъ руку по направленію къ чертежу.

— Ничего,—проворчалъ Ястребовъ, отводя руку съ листкомъ въ сторону. Онъ ревновалъ свои чертежи ко всѣмъ живымъ людямъ и старался не показывать ихъ даже своимъ товарищамъ по работѣ. Строительную книгу онъ упрямо держалъ дома и приносилъ въ мастерскую только копіи чертежей на листочкахъ бумаги.

Несмотря на полное незнакомство съ англійскимъ языкомъ, онъ не хотѣлъ допустить къ своей строительной библіи ни Калнышевскаго, ни Ратиновича, и вмѣсто того просиживалъ надъ нею ночи съ словаремъ Рейфа, добираясь до смысла, отчасти по наитію, отчасти изъ нагляднаго изученія чертежей, приложенныхъ къ описаніямъ. Впрочемъ, упрямство и таинственность были частью его природы. Въ былые годы онъ скрывалъ отъ знакомыхъ свое настоящее имя и квартиру, хотя весь образъ его жизни былъ запечатлѣнъ невинностью. Таинственность въ концѣ концовъ довела его до Пропадинска, ибо самый покрой его широкой бороды давалъ поводъ досужему легковѣрію оффиціальныхъ чтецовъ мыслей предполагать за нею самыя ужасающія вещи. Теперь онъ тоже уединялся отъ товарищей, спалъ днемъ, работалъ по ночамъ, уходилъ въ лѣсъ на цѣлые дни и при встрѣчахъ не отвѣчалъ на самые обыденные вопросы, какъ будто все еще боялся раскрыть свои невѣдомыя карты предъ наблюдающимъ судьей.

— Ну, чортъ съ вами!—проворчалъ недовольно Полозовъ.

— Пойдемъ, Бронскій!—онъ отогрѣлъ руки и былъ готовъ снова начать свою каторжную работу. Бронскій пошелъ къ двери, но потомъ остановился.

— Вечеръ близко! — сказалъ онъ. — Я не могу пилить. Мнѣ надо къ Павлихѣ.

Помимо распилки досокъ, Бронскій занимался сотней разнообразныхъ дѣлъ. Между прочимъ, онъ складывалъ и чинилъ печи въ домахъ всѣхъ зажиточныхъ гражданъ Пропадинска. Печи по мѣстному обычаю складывались изъ сырого кирпича и начинали осыпаться въ ближайшую же зиму и Бронскому было много работы надъ ихъ починкой.

Глава II.

Солнце быстро спускалось къ западу. Морозъ окрѣпъ и соотвѣтственно этому вѣтеръ утихъ и какъ будто замерзъ въ вечернемъ воздухѣ. Скоро должна была наступить тусклая ночь съ плоскимъ и чернымъ небомъ и блѣдными звѣздами, такая ночь, какая будетъ свѣтить надъ міромъ, когда солнце погаснетъ и наша планета превратится въ мертвый комъ льда, плавающій въ пространствѣ. Пока въ воздухѣ было много свѣта. Легкія тучки, разбросанныя по краямъ горизонта, какъ кучки бѣлыхъ перьевъ, уже согрѣвались заревомъ багроваго заката, широкаго и яркаго, какъ отдаленный пожаръ, и обѣщавшаго на утро новый вѣтеръ и непогоду. Группа мальчишекъ собралась на дворѣ у станка и внимательно разсматривала пилу и плоды работы двухъ товарищей. Это была первая продольная пила, пущенная въ дѣло въ Пропадинскѣ.

— Экая она жидкая!—протянулъ одинъ казаченокъ въ глубокой шапкѣ изъ двойного мѣха, лопасти которой болтались по сторонамъ, какъ большія висячія уши.—Чисто, сонная рыба...

Опытъ кораблестроенія протекалъ среди напряженнаго вниманія пропадинскихъ сосѣдей, многіе изъ которыхъ даже пробирались въ избу, чтобы, если возможно, посмотрѣть на невиданные чертежи Ястребова.

— Русь мудрена!—говорили они, покачивая головой,—все съ бумагой и съ плантомъ, не какъ мы, только съ ножомъ и топоромъ...

Даже казаки изъ полицейскаго управленія приходили подъ различными предлогами въ импровизированную мастерскую, чтобы посмотрѣть на непонятное подобіе корабельнаго носа, уже воздвигнутое на ея полу.

Бронскій прошелъ мимо станка и пошелъ по дорогѣ, уводившей къ утлому мосту черезъ рѣчку Сосновку, которая раздѣляла Пропадинскъ на двѣ приблизительно равныя части. Кучка молодежи, разсматривавшей станокъ, тоже раздѣлилась и потянулась по домамъ. Впереди Бронскаго шла молодая дѣвушка въ шубкѣ, сшитой по туземной модѣ, въ видѣ прямого балахона шерстью вверхъ и съ расшитымъ шелками подоломъ, и съ пестрымъ шалевымъ платочкомъ на головѣ. Дѣвушка тихо напѣвала сладкую замысловатую мелодію *андыльщины*, одной изъ полуимпровизированныхъ любовныхъ пѣсенъ, которыя создались на сѣверѣ, Богъ знаетъ, какъ и когда, какъ будто сотканныя изъ прозрачнаго воздуха и алаго отблеска полярной зари на еще не растаявшемъ снѣгу. Напѣвы андыльщины идутъ въ ладъ и въ

склонъ съ русской народной пѣсней и вдругъ вздымаются на неудержимую высоту, крикомъ внезапной страсти, короткимъ и стремительнымъ, какъ дыханіе полярнаго лѣта, и переливаются тихими струйками, какъ горные ручьи, выбѣгающіе изъ-подъ бѣлыхъ наледей въ дикихъ ущельяхъ Яблоновыхъ горъ, и долго замираютъ и таютъ, какъ слѣды дикаго оленя, бѣгущаго вдоль низкой рѣчной косы, по влажному песку, столь же гладкому и коричневому, какъ и его лоснящаяся шерсть.

Дѣвушка шла тихо, и Бронскому показалось даже, что она задерживаетъ шагъ, какъ будто поджидаетъ кого то. Черезъ минуту или двѣ онъ догналъ дѣвушку и сдѣлалъ шагъ влѣво, намѣреваясь обойти ее по гладко утоптанной тропѣ.

— Здравствуйте, Борисъ Дмитричъ!

Бронскій остановился, словно застигнутый врасплохъ. Ему все еще не приходило въ голову, что дѣвушка замедлила путь, дожидаясь именно его. Но она стояла передъ нимъ и протягивала ему руку, по обычаю полярныхъ русскихъ жителей, которые здороваются за руку даже съ малознакомыми людьми.

— Здравствуйте, Маша!

Лѣвая рука Маши была въ желтой мѣховой перчаткѣ, но правая была обнажена. Какъ у всѣхъ женщинъ сѣвера, руки у Маши были небольшія и славныя. Ея обнаженная рука раскраснѣлась отъ холода и выглядывала изъ бѣличьей опушки рукава шубки, лукаво ежась, какъ розовая мордочка лисенка, наполовину спрятавшагося въ нору. Бронскій неловко снялъ огромную волчью рукавицу, похожую на принадлежность какого то страннаго доспѣха, и маленькая ручка Маши утонула въ его мозолистой ладони, затвердѣвшей, какъ кора, отъ постоянной работы на суровомъ воздухѣ зимы.

— Куда пошелъ, Борисъ Дмитричъ?—сказала дѣвушка.—О, я знаю, къ Павлихѣ, небось!..

Она стояла передъ нимъ, немного подавшись впередъ грудью и откровенно улыбаясь. Рука ея задержалась въ его рукѣ, но глаза ея глядѣли совершенно наивно и простодушно. Глаза у Маши были такіе большіе и голубые, какъ будто она родилась не на берегахъ Сибирскаго моря, среди черномазыхъ помѣсей «карымскаго» *) колѣна, а гдѣ-нибудь у Ильменя, или у Клязьмы. Голова Маши была повязана легкимъ шалевымъ платочкомъ, поверхъ котораго былъ накинутъ мѣховой колпакъ, пришитый по мѣстной модѣ къ воротнику шубки. У Маши была очень тонкая и нѣжная кожа, на щекахъ ея горѣлъ нѣжный румянецъ, и голубыя жилки просвѣчивали у висковъ. Все ея лицо было нѣжно,

*) Карымъ на сибирскомъ нарѣчіи означаетъ: метисъ.

даже хрупко, и говорило о слабости здоровья, свойственной русскимъ женщинамъ на сѣверѣ, которыя легко поддаются болѣзни и отцвѣтаютъ, едва успѣвая расцвѣсти. Оно свидѣтельствовало о вырожденіи русской расы среди ужасныхъ условій голоднаго и холоднаго сѣвера. Вся фигура Маши напоминала случайный цвѣтокъ, который выросъ на прогалинѣ среди нерастаявшихъ сугробовъ и увянетъ при первомъ новомъ заморозкѣ, въ майскую ночь, еще не дождавшись лѣта. Но въ эту минуту голубые глаза Маши свѣтились оживленіемъ.

— Къ Павлихѣ идешь?—повторила она съ улыбкой.

«Ой принесло тебя изъ дальней далиночки
«Дѣвушекъ, Ваня, удаленькій парень, да дѣвокъ сомущать».

тихонько пропѣла она, продолжая свою пѣсню. Минуту или двѣ они шли вмѣстѣ.

«На твои я глазки, парень родименькій, насмотрѣться не могу!..»

пѣла Маша.

«Покажется намъ эта ночка за минутку за одну»...

— Пойдемъ по Голодному Концу?—предложила она внезапно, снова обращая къ Бронскому свои веселые голубые глаза и, очевидно, выражая увѣренность, что молодой человѣкъ идетъ на другую сторону рѣчки вмѣстѣ съ нею.

— Ухъ, вы русскіе, страшные,—прибавила она и разсмѣялась.

Маша заигрывала съ Бронскимъ такъ откровенно, что это казалось естественнымъ проявленіемъ ея природы и даже шло къ ея открытому личику, точно такъ же, какъ черная шубка и шалевый платокъ на головѣ. Въ Пропадинскѣ господствовала вольность нравовъ, райская и первобытная, какъ на какомъ-нибудь островѣ Тихаго океана, до посѣщенія его европейцами. Парни и дѣвушки сходились для игрища на такъ называемыя «вечорки», избирали другъ друга, повинуясь каждому минутному влеченію, потомъ, при первомъ охлажденіи мирно разставались безъ ссоръ и сожалѣнія и переходили къ новымъ увлеченіямъ.

— Скажи, парень,—начала Маша безпечнымъ тономъ.—Почто вы такіе мохнатые... Старики?..

Дѣвушки давно заглядывались на русскихъ пришельцевъ, большая часть которыхъ была въ расцвѣтѣ молодости, но пришельцы держались въ сторонѣ, оберегая свою чистоту и книжную суровость. При этомъ, однако, дѣвицы мысленно дѣлили пришельцевъ на двѣ категоріи: «мохнатыхъ» и «гладколицыхъ». Мохнатые, заросшіе бородой, не имѣли въ ихъ глазахъ никакой привлекательности. Ихъ приравнивали къ старикамъ, ибо у мѣстнаго мужского населенія бороды выростали только въ среднемъ возра-

стѣ. Между прочимъ, имя «русскихъ» присваивалось пришельцамъ, какъ исключительное наименованіе. Себя же самихъ жители называли «пропадинскій народъ». Бронскій былъ молодымъ изъ молодыхъ, и лицо его мало отличалось отъ гладкаго лица дѣвушки, шедшей съ нимъ рядомъ.

«Голодный Конецъ» лежалъ поодаль уже на другомъ плесѣ извилистой рѣчки. Они свернули влѣво, прошли вдоль высокаго забора, огораживавшаго полицейскій дворъ, и очутились прямо въ лѣсу. Тропинка, извивавшаяся среди узловатыхъ лиственныхъ корней, была такъ узка, что иногда не было возможности идти рядомъ. Бѣлка молніей стрѣльнула черезъ дорогу, взлетѣла на дерево и остановилась на суку, прямо надъ головами молодыхъ людей. Трудно было повѣрить даже въ этомъ уединенномъ краю, что эта дорога проходитъ внутри города, соединяя его разбросанныя части.

— Скази, парень!—продолжала Маша довѣрчивымъ тономъ. Пришепетываніе, свойственное мѣстному русскому говору, придавало ея рѣчи особенно наивный и дѣтскій оттѣнокъ.

— Сказываютъ объ васъ, русскихъ, что вы къ женамъ немилосердные...

— Немилосердные?—переспросилъ Бронскій.

— У русскихъ мужиковъ, сказываютъ, женамъ съ другими любиться нельзя, не то убьетъ.

— Зачѣмъ же съ другими любиться?—спросилъ Бронскій, пораженный спокойствіемъ ея тона.

— А пошто нѣтъ?—сказала Маша.—Много мужиковъ-то! *Палецъ въ кольцѣ, не замокъ на крыльцѣ.* А объ дѣвкахъ сказываютъ,—продолжала Маша,—что, если которая принесетъ ребенка, отецъ выгонитъ ее на снѣгъ и домой назадъ не пуститъ.

— Бываетъ, что выгоняютъ!—подтвердилъ Бронскій.

— О, какая страсть!—вздохнула Маша.—А ребенка за что? Райская душка. У насъ ребенокъ придетъ на свѣтъ, чей бы не былъ, всѣ рады. Пословица говорится: *Чей бы бычокъ не скакалъ, а теленочекъ нашъ.* Видно, правду говорятъ, что вы русскіе страшные,—повторила она свое прежнее опредѣленіе.—Сердце у васъ злонравное, хуже чукчей.

— Зачѣмъ же нужно со всѣми любиться?—настаивалъ Бронскій, который никакъ не могъ усвоить себѣ ея точку зрѣнія.

— А по твоему какъ? за всякую малость убиваться?—возражала Маша.—Это какъ исправники говорятъ:—перескочила она на другую тему,—«если украдешь что-нибудь, такъ надо сажать въ каралулку и везти въ Якутскъ»! А надо жить по-сосѣдски и по-христіански, съ другого и исправникъ ничего не возьметъ. Къ примѣру: веснуся сталъ народъ голодать, Пака Гагарленокъ под-

ломилъ у Нарыбина амбаръ, выволокъ куль муки, да двѣ вязки рыбки сушеной. Ну, привели его къ исправнику:

— «Ты, говорятъ, амбаръ подломилъ»?

— «Не запараюсь, я»!

— «А какъ же ты посмѣлъ? Мы тебя туда увеземъ, куда воронъ костей не заносилъ»!

— «А я, говоритъ, старичекъ и дѣтишки у меня маленькія. Голоду закона нѣту. Ты что ли моихъ дѣтокъ питалъ бы»?

— Съ тѣмъ и отступились отъ него.

Это было міросозерцаніе племени слабаго и снисходительнаго, принесенное на берегъ полярной рѣки бѣглецами отъ московской тяготы, частью заимствованное отъ инородцевъ, которые слишкомъ страдали отъ скорпіоновъ государственности, чтобы сколько-нибудь цѣнить твердость ея законовъ. Въ этомъ уединенномъ краю жизнь была слишкомъ тяжела, людей было мало, новыя поколѣнія являлись медленно и держаться въ тяжелой борьбѣ съ природой можно было, только сбиваясь всѣ вмѣстѣ и взаимно снисходя къ чужимъ слабостямъ и даже порокамъ.

— Ты тоже невѣрно говоришь!—сказалъ Бронскій.—Одно дѣло голодъ, а другое любовь.

— Да ты что жадничаешь,—возмутилась Маша,—думаешь, не останется тебѣ? *Баба не калачъ—одинъ не съѣшь.*

Она неожиданно и звонко засмѣялась.

Послѣднее изрѣченіе пропадинской народной мудрости, достойное Декамерона, забавно соединяло вмѣстѣ и ѣду и любовь, два главныхъ двигателя человѣческой жизни, о которыхъ только что шла рѣчь.

Они спустились по откосу на мерзлое дно рѣчки и теперь шли впередъ между обрывистыхъ береговъ, какъ будто по дну глубокаго корыта, по узкой тропѣ, протоптанной среди огромныхъ сугробовъ снѣга, завалившихъ береговые овраги. Лиственницы, росшія на самомъ обрывѣ, склоняли къ нимъ свои мохнатыя, отягощенныя снѣгомъ лапы. Въ глубинѣ этой дороги они были отдѣлены отъ всей природы, какъ въ закрытой галлереѣ, прорванной силою воды среди оледенѣлой почвы. Дѣвушка лукаво взглядывала на своего спутника, какъ будто хотѣла заговорить о чемъ-то, но не рѣшалась или откладывала по пріему наивнаго кокетства.

Ой, парень Борисъ,
Онъ купилъ два фунта рисъ,

запѣла она тихонько,

Призывалъ онъ къ себѣ Машу
Варить рисовую кашу.

Это была импровизированная сатирическая пѣсня, какія въ

большомъ ходу у пропадинской молодежи. Сюжетомъ такихъ пѣсенъ служитъ любой, попадающійся на глаза предметъ, но чаще всего берутся, однако, темы, относящіяся до любовныхъ отношеній между молодежью.

— Ты говоришь, нашто любиться?—начала вдругъ Маша, обрывая пѣсню.—Сладко любиться-то. Небось, кабы тебя полюбила какая дѣвушка, ты не сталъ бы спрашивать: нашто?..

Бронскій невольно покачалъ головой. Онъ чувствовалъ себя приблизительно въ томъ же родѣ, какъ юный и невинный Іосифъ предъ женой Пентефрія.

— Охъ ты, старикъ!—шутливо сказала дѣвушка.—Или у тебя кровь рыбья?

Они подошли къ площадкѣ, утоптанной на снѣгу, среди которой были пробиты двѣ большія проруби. У одной проруби пила красная корова, косматая, костлявая, не крупнѣе годовалой телки. Прорубь была глубока и окружена валомъ намерзшаго льда. Корова качалась на ногахъ отъ слабости, и каждый разъ, когда она протягивала голову впередъ, чтобы достать до воды, колѣни ея подгибались и стукались объ закраину. Въ городѣ была безкормица, скотъ питался подстилкой, побѣгами лозы. Лошади кое-какъ добывали себѣ подножный кормъ по кочкарникамъ и замерзшимъ озерамъ, но коровы, стоявшія цѣлый день въ хлѣву, доходили до того, что выбирали стебли сѣна изъ собственнаго помета, выщипывали мохъ изъ бревенчатыхъ стѣнъ хлѣва, грызли ремни и потники. Надъ обрывомъ виднѣлись огоньки Голоднаго Конца. Отъ второй проруби наверхъ вела дорожка, обледенѣлая отъ воды, постоянно расплескиваемой водоносами. Она была такая крутая и скользкая, что, несмотря на ступеньки, вырубленныя тамъ и сямъ въ загрязненномъ льду, добраться по ней вверхъ было довольно головоломной задачей. Водоносы нерѣдко падали и скатывались внизъ, роняя наполненныя ведра и еще больше увеличивая ея оледенѣлость. Время отъ времени наступалъ кризисъ, мальчики приходили съ топорами и вырубали новыя ступеньки, но черезъ нѣсколько дней дорога возвращалась къ своему обычному состоянію.

— Ну, ползи вверхъ!—сказала Маша, пропуская Бронскаго впередъ,—а я за тобою! Ай!—взвизгнула она черезъ минуту, поскользнувшись.

Бронскій сдѣлалъ шагъ назадъ и, рискуя тоже свалиться внизъ, схватилъ дѣвушку за руку.

— Тащи меня!—тихо сказала Маша, подаваясь впередъ, чтобы уравновѣсить тяжесть своего тѣла.

Они поднимались теперь другъ за другомъ, сцѣпившись руками и пользуясь неровностями и углубленіями почвы, подобно

тому, какъ дѣлаютъ это проводники въ горныхъ мѣстностяхъ. Достигнувъ верхней площадки надъ тропинкой, они остановились, чтобы перевести духъ.

Голодный Конецъ былъ пристанищемъ городской бѣдноты, которая отбилась въ сторону отъ другихъ жителей и ютилась въ юртахъ, землянкахъ и полуразрушенныхъ избушкахъ. То были городскіе паріи, голодные, бѣдные, больные, маломочные люди, вдовы и сироты, одинокія старухи, не имѣвшія пищи и приносившія свою долю топлива на собственной спинѣ изъ мертваго лѣса. Въ центрѣ стояла ужасная больница, назначенная для сифилитиковъ и прокаженныхъ, и представлявшая зловонное гнѣздо заразы, вплоть до мерзлой земли, поддерживавшей ея бревенчатыя стѣны. Часть жителей Голоднаго Конца жили при больницѣ, мыли для нея бѣлье и питались изъ больничныхъ запасовъ, подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ урывая пищу отъ больныхъ. Здѣсь же сосредоточивались, такъ называемыя, картежныя конторы, гдѣ нѣсколько городскихъ искусниковъ обыгрывали пріѣзжихъ якутовъ, при молчаливомъ одобреніи писаря и другихъ членовъ якутской улусной управы.

— Спасибо,— тихо вздохнула Маша, оглядываясь по сторонамъ.

Теперь всѣ избы Голоднаго Конца топились, какъ будто повинуясь общей командѣ. Изъ широкихъ деревянныхъ трубъ, обмазанныхъ глиной, валилъ густой дымъ, подымаясь въ безвѣтренномъ воздухѣ прямыми черными столбами, и искры, проскакивавшія сквозь дымъ, сверкая, улетали вверхъ и какъ будто разсыпались по небосклону, смѣшиваясь съ безконечной толпой звѣздъ, мерцавшихъ въ вышинѣ. Льдины всѣхъ оконъ переливались отблескомъ пламени, пылавшаго внутри, трескъ сухого дерева долеталъ наружу, и эта уединенная улица казалась наполненной шумомъ и оживленіемъ, какъ будто пылающіе очаги разговаривали и перекликались на своемъ огненномъ языкѣ. Дѣвушка еще разъ поглядѣла вокругъ. На улицѣ, однако, не было видно ни души. Въ избахъ готовился ужинъ, и всѣ обитатели теперь наслаждались тепломъ и созерцаніемъ своего домашняго бога.

— Охъ, миленькій!—вздохнула Маша,—Боря!

И неожиданно для Бронскаго и, быть можетъ, для самой себя, она упала къ нему на грудь, обняла его руками за шею и припала къ его губамъ своими горячими, немного влажными губами. Бронскій отвѣтилъ такимъ же страстнымъ объятіемъ, но Маша уже отскочила въ сторону.

— Что, обожгло?—засмѣялась она прямо въ изумленное лицо юноши.

— Прощай, парень!

Они стояли у входа въ избу ея матери, которая была у са-

маго взгорья рѣки. Маша подскочила къ входу, съ силой отдернула огромную дверь, обитую толстой шкурой и похожую скорѣе на входъ въ пещеру, чѣмъ на входъ въ человѣческое жилище.

Передъ глазами Бронскаго на мгновеніе открылась широкая и низкая изба, съ земляным полом, устланным густым слоем сѣна, чтобы оградить ноги отъ вѣчно мерзлой земли. Вдоль стѣнъ тянулись «ороны», бревенчатыя скамьи, служившія сидѣньями и кроватями. Широкій глиняный каминъ съ низко нахмуреннымъ челомъ и короткими деревянными «рогами» по сторонамъ, похожими на обрубленныя руки, занималъ правый уголъ. Груда дровъ, нагроможденныхъ въ глубинѣ его жерла, пылала, какъ костеръ, и при этомъ яркомъ свѣтѣ закопченныя и неровныя стѣны казались еще чернѣе и угрюмѣе. Предъ огнемъ толпилось населеніе юрты, довольно многочисленное и разнообразное, состоявшее изъ трехъ семей. Каждая изъ этихъ семей имѣла собственное жилище, но зима согнала ихъ вмѣстѣ, ибо при своей маломочной силѣ они могли только въ складчину отопить прожорливую пасть пропадинскаго домашняго огня. Къ лѣту они опять должны были раздѣлиться и даже разъѣхаться въ разныя стороны для промысла «ходовой» рыбы. Теперь же они жались другъ къ другу, какъ бѣлки въ зимнемъ гнѣздѣ. Въ группѣ людей у камина была мать Маши Арина, женщина лѣтъ шестидесяти, высокая и еще довольно бодрая, но съ неизгладимыми слѣдами болѣзни на бѣломъ, тускломъ, словно посыпанномъ грязной пудрой, лицѣ. Рядомъ съ Ариной стоялъ ея другъ, поселенецъ Зотѣй, жившій въ той же юртѣ, старый, небритый, въ оборванной одеждѣ, опустившійся до самого низкаго уровня туземной жизни и думавшій только о кускѣ полугнилой рыбы для своего дневного пропитанія. Тутъ же былъ другой поселенецъ Иванъ Ивановъ, по прозванію: Заверни-въ-кустъ, изъ сибирскихъ бродягъ, присланный въ Пропадинскъ за ссору съ тюремнымъ начальствомъ. Онъ жилъ въ семьѣ Арины на правахъ жениха Маши, что при мѣстной вольности нравовъ предполагало полную близость. Онъ былъ столяръ по ремеслу и зарабатывалъ немного денегъ; при крайней бѣдности Голоднаго Конца это давало ему важное преимущество въ глазахъ Арининой семьи. Около Арины ютились: ея двоюродный братъ, Алешка Хватайка, единственный воръ по ремеслу въ городѣ, кромѣ, разумѣется, поселенцевъ, и Егорша Худой, слабоумный идіотъ, такой же единственный нищій Пропадинска, круглый годъ собиравшій подаяніе по домамъ. Младшій братъ Маши, Пронька, оборванный пятнадцатилѣтній заморышъ, жилъ въ той же избѣ, но онъ считалъ себя принадлежавшимъ къ другой семьѣ ея обитателей. Глава этой семьи была тоже вдова, Афимья Черноносая. Пронька, несмотря на свою юность

состоялъ въ близкой дружбѣ съ ея младшей дочкой, Чичиркой, которая была моложе его на годъ и за стремительность своихъ движеній получила прозвище Стрѣлы. Оба старшихъ брата Чичирки лежали въ больницѣ, но вмѣстѣ съ Ариной въ избѣ жили жены и малолѣтнія дѣти. Самыя младшія изъ дѣтей были совершенно голыя и не имѣли даже рубашки, чтобы прикрыть свою наготу. Въ разгарѣ зимней стужи они иногда выбѣгали, или выползали нагишомъ на дворъ и на сорокоградусной стужѣ принимались бѣгать по снѣгу, съ такой непринужденностью, какъ будто это былъ легкій коверъ, постланный въ теплой комнатѣ, и ползали такъ до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь изъ старшихъ не водворялъ ихъ обратно въ избу. Таково было населеніе избы, дававшей пріютъ этой чистенькой голубоглазой дѣвушкѣ, бывшей только что спутницей Бронскаго и чей поцѣлуй онъ ощущалъ еще на своихъ губахъ. Когда дверь повернулась въ пятѣ и тяжко встала на прежнее мѣсто, у Бронскаго невольно сжалось сердце. Ему казалось, какъ будто Маша снова погрузилась въ пучину людской тины и жизни, гдѣ проходила большая часть ея существованія, и откуда она освобождалась, въ сущности, на короткіе промежутки времени, проводимые на улицѣ или въ гостяхъ, и ему показалось, что дверь, закрывшаяся за нею, сомкнулась, какъ дверь тюрьмы, запертой невидимымъ, но крѣпкимъ затворомъ голода, невѣжества и покорности, и которая могла быть разрушена только желаніемъ и усиліемъ его, Бронскаго, молодого русскаго пришельца, изъ-за огромной дали, больше 10.000 верстъ.

Глава III.

Борисъ Бронскій былъ, дѣйствительно, самымъ молодымъ изъ всей колоніи пришельцевъ, несмотря на то, что уже черезъ годъ ему открывалась возможность покинуть Пропадинскіе предѣлы. Онъ началъ свою скитальческую карьеру такъ рано, что даже теперь, приближаясь къ ея завершенію, или точнѣе говоря, къ первому крупному перерыву, онъ еще былъ весь покрытъ юношескимъ пухомъ, какъ молодой плодъ, рано сорванный и не успѣвшій дозрѣть въ слишкомъ холодной кладовой.

Онъ отправился въ Пропадинскъ почти по прямой линіи изъ Берлина, во время лѣтнихъ вакацій, проводимыхъ на родинѣ, восемнадцатилѣтнимъ студентомъ, восторженнымъ и наивнымъ, ежеминутно готовымъ пуститься на завоеваніе своей мечты, какъ юный Иванъ Царевичъ на поискъ Жаръ-птицы. Правда, путешествіе его осложнилось нѣкоторыми мытарствами. Бронскій побывалъ и въ Петербургѣ и въ Москвѣ, хотя и не выходилъ за предѣлы высокихъ каменныхъ стѣнъ. Когда, постепенно подви-

гаясь къ востоку, согласно пословицѣ: «тише ѣдешь—дальше будешь», онъ добрался, наконецъ, до Пропадинска, онъ могъ бы уже отпраздновать свое совершеннолѣтіе, если бы эта длинная дорога внушила праздничныя мысли. Теперь, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Пропадинскѣ, ему было еще только двадцать три года.

Полярный холодъ и скудость окружающей жизни, вообще, способствуютъ консервированію чувствъ и впечатлѣній, принесенныхъ съ собою извнѣ въ эту морозную среду. Однако, организмъ Бронскаго былъ настолько могучъ и дѣятеленъ, что онъ развивался и росъ, шелъ впередъ даже здѣсь, въ этой окостенѣлой обстановкѣ. Молодой берлинскій студентъ перевезъ съ собой черезъ границу въ качествѣ новаго credo вѣру въ трудовое начало. Теперь предстояло приложить его къ жизни. Бронскій былъ упрямъ отъ природы и не хотѣлъ уступить дѣйствительности ни одного атома изъ своихъ мечтаній и надеждъ. Еще будучи въ Берлинѣ, онъ постоянно дѣлалъ попытки перейти отъ теоріи къ болѣе практическому образу дѣйствій и превратить себя изъ «интеллигентнаго перебѣжчика» въ «мыслящаго пролетарія, существующаго собственнымъ трудомъ». Оба опредѣленія занимали видное мѣсто среди общественно-экономическихъ терминовъ, которыми онъ учился оперировать въ это время.

Многимъ молодымъ людямъ случалось дѣлать попытки въ этомъ направленіи, которыя обыкновенно кончаются безрезультатно. Бронскій былъ настойчивѣе другихъ и наполовину добился своей цѣли. У него это выходило тѣмъ болѣе естественно, что у него не было рѣшительно никакихъ средствъ къ существованію. Хозяйки выдворяли его изъ меблированныхъ комнатъ за неплатежъ; его рыжее пальто, подбитое рыбьимъ мѣхомъ, выдѣлялось даже изъ студенческихъ одеждъ; у него большей частью не хватало тридцати пфениговъ для того, чтобы заплатить за такъ называемую студентами, лягавую котлету, въ дешевой кухмистерской возлѣ университета. Въ самый разгаръ зимней стужи ему приходилось странствовать по улицамъ безъ квартиры, отогрѣваться въ безплатныхъ пріютахъ для бродягъ, обѣдать у «арміи спасенія», вмѣстѣ съ толпой другихъ безработныхъ, гдѣ, въ обмѣнъ за хлѣбъ и супъ, приходилось выслушивать забористые гимны и веселую музыку «Спасителей.» Такимъ образомъ, онъ свелъ знакомство съ другими несчастливцами изъ рабочаго резерва, и когда на ихъ долю перепадала временная удача, они удѣляли частицу также ему.

Несмотря на свою молодость, Бронскому доводилось участвовать въ переноскѣ тяжелыхъ кулей съ мукой, толкать передъ собою бочки съ виномъ и масломъ, подъ рискомъ, что одна изъ нихъ раскатится назадъ и отдавитъ ему ноги, разбирать старые

дома среди клубовъ пыли и обломковъ кирпича, которые сыпались на голову.

Когда, послѣ долгаго періода вынужденнаго бездѣлья и одинокой жизни въ четырехъ стѣнахъ, онъ явился въ Пропадинскъ, руки его тосковали и требовали физической работы. Въ Пропадинскѣ предъ нимъ открылось самое широкое поприще дѣятельности. Каждый житель полярнаго края былъ предоставленъ самому себѣ и волей или неволей долженъ былъ вести борьбу съ природой собственными усиліями и удовлетворять своимъ потребностямъ цѣной напряженія собственной спины и рукъ. Это было примѣненіе естественной справедливости, проявленіе трудового принципа въ его первобытномъ видѣ, еще неизмѣненнаго никакими искусственными ухищреніями.

Бронскій немедленно сталъ проводить его въ жизнь до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Онъ не захотѣлъ даже жить въ избушкѣ, построенной чужими руками, и въ первое же лѣто, изъ бревенъ, подобранныхъ на рѣкѣ во время ледохода, соорудилъ себѣ юрту, родъ деревяннаго шалаша крытаго дерномъ и густо обмазаннаго глиной. Около половины мѣстныхъ жилищъ были того же типа. Юрта Бронскаго, построенная изъ слишкомъ тонкаго лѣса, въ первую же осень промерзла насквозь, и послѣ того температура ея поднималась выше нуля только во время топки и варки пищи. Ночью вся юрта замерзала. Случайно пролитая вода немедленно превращалась въ ледъ. Стаканъ недопитаго чая, забытый на ночь, примерзалъ къ блюдечку, а блюдечко примерзало къ столу, ножки котораго, въ свою очередь, примерзали къ землѣ. Земляной полъ юрты, впрочемъ, никогда не выходилъ изъ ледянаго періода. Однажды Ратиновичъ, проливъ себѣ подъ ноги чай, умудрился даже приморозить къ полу мягкіе подошвы своихъ мѣховыхъ сапогъ и ихъ нужно было отковыривать отъ земли ножомъ, какъ какую-нибудь окаменѣлость. Бронскій, впрочемъ, не обращалъ вниманія на такія мелочи и спокойно спалъ въ своей мерзлой берлогѣ, завернувшись въ овчинное одѣяло, вывезенное изъ Западной Сибири. Онъ указывалъ, что въ западной Европѣ жители спятъ въ нетопленныхъ спальняхъ, открывъ форточки, и утверждалъ, что онъ привыкъ.

Помимо постройки юрты, Бронскій немедленно по пріѣздѣ занялся множествомъ самыхъ разнообразныхъ работъ. Онъ ставилъ сѣти на рѣкѣ, даже плелъ тальничныя морды и загружалъ ихъ по озерамъ не хуже природныхъ якутовъ, рубилъ дрова въ лѣсу, носилъ сѣно и вывозилъ его зимою въ городъ на собачьей нартѣ. Каждую осень, вмѣстѣ съ толпою городскихъ обитателей, онъ отправлялся на «торосъ», странный и азартный промыселъ, гдѣ рыбаки балансируютъ на тонкомъ и движущемся льду, опираясь

на длинныя палки, брошенныя плашмя, и вычерпываютъ изъ проруби, вмѣстѣ съ стеклообразной *шугой*, отборную рыбу, обезумѣвшую отъ *нереста*. Въ самомъ разгарѣ зимы Брянскій долбилъ пѣшней двухаршинный ледъ на срединѣ рѣки, чтобы заметать волосяную сѣть сквозь косо-вырубленное «корыто», болѣе похожее на рудокопную штольню, чѣмъ на обыкновенную прорубь.

Въ противоположность Горскому, другому универсальному работнику города Пропадинска, Бронскій не любилъ ремесла и ощущалъ влеченіе къ грубому чернорабочему труду, отъ котораго трещала спина и мускулы рукъ напрягались, какъ узловатыя веревки. Только для печной работы онъ дѣлалъ исключеніе, быть можетъ, потому, что приходилось возиться съ камнемъ и глиной, пачкаться въ грязи, переносить увѣсистыя ноши, и работа казалась ему достаточно трудной и грубой.

Это было развитіе привычки, заложенной еще въ Берлинѣ; оно соотвѣтствовало его характеру, прямому и рѣшительному, какъ будто высѣченному изъ кремня. Его небольшое, но прочно построенное тѣло стало, какъ каменное, онъ былъ нечувствителенъ къ лишеніямъ; могъ при случаѣ обходиться безъ ѣды, а ночью безъ сна; простаивалъ часами по колѣно въ ледяной водѣ, среди острыхъ осколковъ льда, намерзающихъ у края отмели; косилъ болотную траву по поясъ въ мочагѣ и пилъ воду прямо изъ подъ ногъ, изъ лужи, кишѣвшей тлями и еще Богъ знаетъ чѣмъ.

Здоровье его было несокрушимо, руки окрѣпли и отвердѣли и товарищи часто жаловались на его пожатіе, похожее на привѣтствіе стальныхъ тисковъ. Бронскій былъ рыжеватый блондинъ, у него были большіе голубые глаза, немного близорукіе, съ открытымъ и почти простодушнымъ взглядомъ, но челюсти у него были крупныя и какъ будто постоянно крѣпко стиснутыя. Въ его лицѣ игралъ яркій румянецъ, заливавшій щеки и переходившій на лобъ и подбородокъ. Изъ-за этого румянца на него заглядывались пропадинскія дѣвицы, ибо лицо «румяное, какъ огонь», «красное, какъ кровь», считается на полярномъ сѣверѣ лучшими признаками мужской красоты.

Подъ личиной этой простоты и яркаго румянца жила душа мрачная и озлобленная, не дорожившая ничѣмъ на землѣ и готовая къ самымъ рѣшительнымъ дѣламъ. Это упругое, закаленное въ трудѣ тѣло было для нея, какъ стальной рычагъ, крѣпко выкованный молотъ, главное назначеніе котораго въ томъ, чтобы въ нужную минуту своротить въ сторону камни, загромождавшіе путь. Бронскій былъ молчаливъ и до поры до времени присматривался вокругъ, отыскивая, какъ Архимедъ, точку приложенія для своего живого рычага. Однако, на Пропадѣ все было узко, мелко и мертво, и не было ничего кромѣ борьбы съ мерз-

лой природой. И онь уходилъ глубже внутрь и вымещалъ свое сердце только съ топоромъ въ рукахъ на бездушныхъ бревнахъ, съ киркою на глыбахъ мерзлой земли и надъ пластами льда, оковавшаго рѣку.

Душевная сущность Бронскаго измѣнилась глубоко и рѣшительно за послѣдній періодъ его жизни. Когда шесть лѣтъ тому назадъ онъ долженъ былъ выйти изъ послѣдняго класса гимназіи и, не долго думая, махнулъ въ Берлинъ, онъ весь былъ сотканъ изъ одного восторженнаго порыва, и краски его души напоминали яркія и наивныя краски ранней итальянской живописи, несложной и опредѣленной, какъ молитва или утренній гимнъ.

У Бронскаго никогда не было личной жизни. Въ отрочествѣ онъ весь жилъ въ своихъ книгахъ, въ тѣхъ охотничьихъ и географическихъ разсказахъ, которые играютъ роль современныхъ рыцарскихъ романовъ, но, вмѣсто взрослыхъ мечтателей, увлекаютъ только дѣтей къ игрѣ въ индѣйцы или даже къ побѣгамъ изъ дома, съ капиталомъ въ двугривенный и съ сумой сухарей за плечами. Подобно сотнямъ другихъ мальчиковъ, Боря Бронскій поочередно сливалъ себя со всѣми любимыми героями, воображалъ себя Курумиллой и Краснымъ Кедромъ, молодымъ охотникомъ Франциском и могучимъ вождемъ племени семиноловъ. Къ шестнадцати годамъ дѣтскія книги были брошены; горизонтъ Бронскаго измѣнился въ какіе-нибудь полгода и расширился такъ внезапно, что иногда ему казалось, будто его подняли на высокую гору, откуда видно далеко—далеко, въ глубину безсчетныхъ міровъ и въ безконечное будущее человѣчества. Его умственному взору открылась исторія земной коры, измѣненіе видовъ, развитіе человѣческой культуры. Пророческимъ проникновеніемъ своей пылкой и безгрѣшной юности онъ какъ бы могъ заглядывать въ бездну мірозданія и видѣть его сокровенныя тайны.

«Была ему звѣздная книга ясна и съ нимъ говорила морская волна»...

Но отношеніе его къ дѣйствительности и къ книгамъ осталось тоже,—дѣтски довѣрчивое, немедленно готовое къ дѣйствіямъ, настроеніе рыцарскихъ романовъ и чудесно разукрашенныхъ сказокъ. Очень скоро наступилъ кризисъ и переломъ. Въ его довѣрчивую душу, открывшуюся на встрѣчу сложнымъ чудесамъ окружающаго міра, какъ чашечка цвѣтка открывается на встрѣчу росѣ, и впитывавшую въ себя всѣми порами разнообразныя познанія о веществѣ и движеніи, о жизни и духѣ, объ исторіи и философіи, влилось нѣсколько опредѣленныхъ ярко окрашенныхъ книгъ.

Среди этихъ сложныхъ умственныхъ ингредіентовъ, онѣ

произвели реакцію, какъ химическій ферментъ, и внезапно окрасили содержаніе его ума своимъ опредѣленнымъ цвѣтомъ. Вниманіе мальчика сузилось и заострилось, мысли его сошли съ неба на землю, отвлеклись отъ безпредѣльности міровъ къ судьбамъ земного человѣчества и окончательно опредѣлились въ этой новой формѣ.

Первое мѣсто среди этихъ книгъ принадлежало извѣстнымъ «Историческимъ Письмамъ», которыя играли для стольких интеллигентныхъ поколѣній роль введенія въ евангеліе, того толкованія для оглашенныхъ, которое увлекаетъ ихъ неопытные шаги на путь новой вѣры и любви.

Рѣшающій моментъ принадлежалъ третьему «письму»: — о цѣнѣ человѣческаго прогресса; Бронскій прочелъ его ночью, съ бьющимся сердцемъ среди безмолвія, и ему казалось, что окружающая тишина заглядываетъ черезъ плечо и тоже читаетъ эти простыя и значительныя слова. Лѣстница человѣческой культуры, которая уже успѣла обольстить его молодое вниманіе своими измѣнчивыми красками, представилась ему, какъ цѣпь безконечныхъ злодѣяній, какъ рѣка крови, по которой ладья прогресса плыветъ, какъ черный гробъ, наполненный трупами павшихъ.

Книга хотѣла возложить отвѣтственность за эти злодѣянія на молодыя плечи его, Бронскаго. Чтобы избавиться отъ нихъ, онъ въ эту ночь отказался отъ своей личности и отдѣлилъ себя отъ романическихъ и историческихъ героевъ, отъ побѣдителей, рыцарей удачи и завоевателей міра и соединился мысленно съ этой огромной страдательной и неопредѣленной толпой.

Это былъ моментъ мистическаго экстаза, вполнѣ подобный тому, какъ юные неофиты христіанства отказывались отъ радостей міра и сливались съ божествомъ, и въ эту памятную ночь, божество Бронскаго едва-ли было менѣе туманно и неопредѣленно.

Элементъ жалости и состраданія почти не входилъ въ идейный экстазъ Бронскаго. Онъ былъ слишкомъ неопытенъ и безгрѣшенъ, чтобы представить себѣ воочію язвы и терніи міра. Если бы онъ былъ старше и испорченнѣе, онъ могъ бы перевести въ частные образы широкую и безличную картину страданій, нарисованную чудесной книгой, размѣнять по мелочамъ свой экстазъ и воображать себя активнымъ героемъ человѣческой драмы, карателемъ пороковъ и осушителемъ чужихъ слезъ, какимъ-то Георгіемъ Побѣдоносцемъ своей новой вѣры. Вмѣсто того, онъ просто сказалъ себѣ: «отдамъ все» и остановился на этомъ.

Въ немъ проявилось то безличное и стихійное самоотреченіе русской молодежи, которое роднитъ ее съ народными персонажами Толстого, съ Платономъ Каратаевымъ или съ умирающимъ ямщикомъ Семеномъ. Оно пригодно болѣе для смерти, чѣмъ для

жизни, но иногда, вмѣстѣ со смертью, оно падаетъ, какъ таранъ, и ведетъ къ потрясающимъ эффектамъ, столь же неожиданнымъ и грознымъ, какъ взрывъ паровъ, невидимыхъ и безшумныхъ, сжатыхъ подъ молчаливой крышкой желѣзнаго котла и никого не предупреждающихъ о наступающей развязкѣ.

Съ такимъ состояніемъ души Бронскій пріѣхалъ за границу. Напряженность городской жизни запада, повседневное біеніе пульса общественно-политической борьбы, стянувшей къ классовому вопросу науку, философію, искусство и даже религію, повліяли и на его мысль, и если не измѣнили его настроенія, то сузили его еще разъ и болѣе опредѣлили его объектъ.

Человѣчество въ представленіи Бронскаго, вмѣсто страданія и угнетенности, стало отмѣчаться трудомъ и борьбой. Изъ прежняго расплывчатаго и смутнаго народа выдѣлилось представленіе о трудящихся классахъ, преимущественно городскихъ, или, даже еще тѣснѣе, о болѣе активной ихъ части, организованной и планомѣрно дѣйствующей на исторической аренѣ.

— Они работаютъ—сказалъ себѣ Бронскій—я тоже буду работать. Настроеніе его, однако, оставалось прежнимъ. Вмѣсто того, чтобы мечтать о руководительствѣ и отвѣтственной роли впереди другихъ, онъ сказалъ себѣ:—«Я тоже буду однимъ изъ многихъ»,—и отдаваясь обстоятельствамъ и влеченію своего крѣпкаго тѣла, перешелъ къ физическому труду и положилъ начало своему рабочему опрощенію.

Черезъ два года, когда онъ сталъ порядочно понимать по нѣмецки, эта идеальная связь стала превращаться въ реальную. Вмѣсто отвлеченныхъ рабочихъ рядовъ, онъ представлялъ себѣ Сидора, Ивана и Петра, вмѣстѣ съ которыми толкался на рынкѣ безработицы, или, быть можетъ, сидѣлъ рядомъ въ какомъ-нибудь собраніи за кружкой чернаго пива и парой дешевыхъ бутербродовъ.

Каждый изъ нихъ имѣлъ свои недостатки, но въ общемъ сложеніи недостатки покрывали и уничтожали другъ друга и конечная сумма складывалась въ такое же идеалистическое содержаніе, какъ и прежній отвлеченный народъ.

Судьба свалилась Бронскому, какъ камень на голову, благодаря сцѣпленію обстоятельствъ, разсказывать которыя показалось бы долго и неумѣстно. Съ тѣхъ поръ его душевный міръ сталъ подвергаться новому и не менѣе рѣзкому измѣненію. Рабочая масса и, вообще, народъ отступили на задній планъ. Бронскій былъ вырванъ изъ своей среды и изъ жизни, и его общеніе съ ней оборвалось на неопредѣленное время. Привязанность къ живымъ людямъ и даже идейный экстазъ стали расплываться и тонуть за отдаленностью разстоянія и мало-по-малу активъ души Бронскаго началъ сокращаться и исчезать за неимѣніемъ питанія.

Любить было не кого. Народъ былъ слишкомъ далеко. Въ Пропадинскѣ не было ни классовой борьбы, ни активности, окружавшіе жители жили жизнью троглодитовъ, и чувства ихъ были столь же чужды Бронскому, какъ чувства людей каменнаго вѣка. Межъ ними почти не было никакихъ сословныхъ перегородокъ, различія между ними были случайны и общимъ ихъ врагомъ была жестокая и скудная природа. Бронскій чувствовалъ, что борьба съ ея неумолимымъ гнетомъ невозможна и немыслима, и что его собственная культурная приспособленность такъ же непригодна для этой задачи, какъ и безпомощныя руки и умы этихъ первобытныхъ жителей. Впрочемъ, Бронскій относился къ полярной природѣ безъ ненависти и если не съ любовью, то съ своеобразнымъ уваженіемъ. Въ ея угрюмой ширинѣ были размахъ и величіе, тяжелая и своеобразная красота, напоминавшая мрачные пейзажи Мильтоновскаго ада и къ тому же соотвѣтствовавшая унылымъ и тяжелымъ мыслямъ юноши.

Человѣческое сердце такъ устроено, что въ немъ нѣтъ мѣста для вражды къ природѣ, даже къ такой безотрадной мачихѣ, какъ полярная пустыня.

Кромѣ того, въ сердцѣ Бронскаго не было мѣста для такой вражды. Оно было наполнено ненавистью къ другому врагу, не менѣе жестокому, но болѣе доступному для противодѣйствія и проклятій. До первой серьезной катастрофы Бронскій не испытывалъ вражды ни къ кому на свѣтѣ. Даже повторяя исповѣдь своего символа вѣры, онъ останавливался только на свѣтлыхъ цѣляхъ, но никогда не думалъ о тѣхъ грозныхъ средствахъ, которыя нужно было употребить для ихъ достиженія. Онъ былъ слишкомъ наивенъ и жизнерадостенъ, и его мысленное великодушіе распространялось на всѣхъ людей, вообще, не исключая и притѣснителей, относительно которыхъ онъ допускалъ, что подъ вліяніемъ достаточно убѣдительныхъ аргументовъ они могли бы усвоить себѣ болѣе правильное міровоззрѣніе.

Ненависть вползла въ его сердце съ первымъ ударомъ судьбы, и съ тѣхъ поръ, въ теченіе четырехъ лѣтъ, обстоятельства его жизни были таковы, что это враждебное чувство могло только расширяться и укрѣпляться. Бронскій былъ человѣкъ настойчиваго духа и ко всему относился серьезно, даже строго. Но въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ ему пришлось перенести столько незаслуженныхъ обидъ, что онѣ могли бы ожесточить даже воплощенную кротость. Съ каждымъ дальнѣйшимъ шагомъ, который Бронскій дѣлалъ въ глубину таинственной завѣсы, за черный порогъ, надъ которымъ написано: lasciate ogni speranza, сердце его ожесточалось и, вмѣсто исчезающей любви тамъ запылала ненависть.

Послѣ пріѣзда въ Пропадинскъ, развитіе его ненависти измѣни-

лось. Врагъ уже не былъ такъ близко. Этотъ полярный край былъ слишкомъ заброшенъ и уединенъ отъ міра, и весь оффиціальный элементъ его состоялъ изъ нѣсколькихъ жалкихъ казаковъ, уроженцевъ той же пустыни, и двухъ трехъ чиновниковъ, заброшенныхъ въ эту глушь благодаря сцѣпленію житейскихъ неудачъ и тяготившихся своей службой, какъ томительной ссылкой.

Тѣ изъ чиновниковъ, которые происходили изъ Европейской Россіи, чувствовали иго Пропадинска по своему не менѣе болѣзненно, чѣмъ колонія ссыльныхъ. У нихъ не было взаимной поддержки, они читали меньше, и полярная зимняя ночь ложилась на ихъ нервы болѣе тяжелымъ бременемъ, чѣмъ на крѣпкіе и упругіе нервы интеллигентной молодежи. Не одинъ изъ такихъ чиновниковъ спился или погибъ отъ болѣзни, запущенной за отсутствіемъ медицинской помощи и комфорта.

Почта приходила три раза въ годъ и приносила колоніи пришельцевъ пачки газетъ и журналовъ, а начальству вереницу циркуляровъ, изъ которыхъ иные относились даже къ неослабному наблюденію, дабы такіе то Имяреки и въ предѣлахъ Пропандинской пустыни не были изъяты отъ общихъ сибирскихъ скорпіоновъ. Но и газеты и циркуляры были слишкомъ чужды первобытной жизни этого глухого края; они одинаково невнимательно отбрасывались въ сторону и между, прочимъ, вышеупомянутые Имяреки могли дѣлать, что имъ угодно, и безпрепятственно скитаться въ обширныхъ предѣлахъ Пропадинскаго края, на тысячу верстъ вдоль и вширь, ограничиваемые исключительно непроходимостью болотъ и густыхъ лѣсовъ, наполнявшихъ всю ширину Пропадинской земли.

Бронскій и его товарищи невольно привыкали смотрѣть на своихъ оффиціальныхъ сосѣдей, жившихъ въ такихъ же утлыхъ избушкахъ, черезъ дорогу напротивъ, какъ на спутниковъ изгнанія. Безсознательно они причисляли къ изгнанникамъ мѣстныхъ казаковъ и мѣщанъ, тѣмъ болѣе, что въ жилахъ мѣстнаго населенія была значительная примѣсь ссыльной крови.

Они чувствовали себя, какъ выброшенные крушеніемъ на островъ среди океана, только, вмѣсто морскихъ волнъ, островъ былъ окруженъ безбрежной ледяной тундрой, мерзлымъ болотомъ, гдѣ зимой на пятьдесятъ верстъ не попадалось ни червя, ни былинки, по выраженію туземныхъ сказокъ. Къ своимъ сосѣдямъ по мѣсту жительства они относились отчасти такъ, какъ Робинзонъ Крузо относился къ Пятницѣ, или къ своему попугаю, столь меланхолически произносившему:—Робинъ, бѣдный, Робинъ, гдѣ ты былъ?—Такимъ образомъ, между Бронскимъ и его товарищами съ одной стороны и оффиціальными чиновниками съ другой, установились довольно сносныя отношенія, въ частныхъ случаяхъ переходившія почти во внѣшнюю пріятельскую близость.

Тѣмъ не менѣе вражда, жившая въ сердцѣ Бронскаго, не ослабѣвала. По мѣрѣ того, какъ шли мѣсяцы, и его представленіе объ оставленной родинѣ блѣднѣло и теряло въ деталяхъ, оно въ то же время какъ будто выростало и пріобрѣтало мистическій характеръ, какъ символъ той жизни, отъ которой онъ былъ оторванъ насильственно. Такъ изгнанный ангелъ можетъ забыть подробности райской жизни, но тоска его будетъ рости, и потерянный рай съ годами станетъ для него символомъ незабвеннаго прошлаго и, въ концѣ концовъ, заслонитъ все небо и текущую жизнь.

Родина стала для Бронскаго совокупностью его воспоминаній. Народъ, активные борющіеся классы, занимали теперь въ ея общихъ очертаніяхъ скромное мѣсто, ничуть не больше, чѣмъ какой-нибудь пейзажъ, развѣсистая липа, море, въ которомъ Бронскій купался въ дѣтствѣ, оврагъ, въ которомъ онъ спасался отъ жары. Всѣ эти неодушевленныя части русской картины были ему теперь такъ же близки и дороги, какъ человѣчество, стоявшее на ея переднемъ планѣ.

Рядомъ съ представленіемъ о родинѣ, росла и ея антитеза Въ Пропадинскѣ не было стражи, но иногда Бронскому казалось, что огромная черная фигура стоитъ на границѣ этой унылой пустыни и что ея огромная тѣнь падаетъ на пропадинскую землю, тянется вплоть до моря, и что именно отъ этой тѣни родится холодная сумеречная ночь зимы.

Этотъ образъ принялъ въ представленіи Бронскаго преувеличенные мистическіе размѣры, и во всякое время дня и ночи онъ не могъ представить его себѣ безъ того, чтобы сердце его не стиснулось ненавистью холодной и безсильной, но цѣпкой до самозабвенія, до готовности на любое дѣло, лишь бы удовлетворить голодъ, сжимавшій ему грудь, какъ ледяными тисками.

Сила его желанія была такъ велика, что иногда ему казалось, что она переноситъ его, какъ бы на мягкихъ черныхъ крыльяхъ, въ ту полузабытую обстановку и что онъ, огромный и страшный, безмолвно стоитъ у цѣли, готовый помѣряться съ тѣмъ, Чернымъ Сторожемъ.

Потомъ дѣйствительность возращалась съ удесятеренной силой: огромное пространство, властное распоряженіе, собственная безпомощность, и Бронскій молча проклиналъ и мысленно трясъ свою цѣпь, и, наконецъ, смирялся передъ неизбѣжностью и снова замыкался въ своемъ угрюмомъ ожесточеніи.

Такъ прошелъ годъ и другой, приближалось время его отъѣзда изъ Пропадинска и возможность вернуться къ той самой родинѣ, которая занимала въ его мечтахъ и мысляхъ такое постоянное и выдающееся мѣсто. Но къ его собственному удивленію, сердце его не удовлетворялось этой перспективой. При

мысли объ отъѣздѣ, при бумагѣ за номеромъ такимъ то, по той же дорогѣ, чрезъ цѣпь мытарствъ, хотя и сокращенныхъ, но достаточно тяжелыхъ и унизительныхъ, что то какъ будто загоралось въ немъ, злость душила его и подкатывала къ горлу.

Ему казалось иногда, что за эти шесть лѣтъ, особенно за послѣдніе два, надъ нимъ произвели мучительную операцію, вынули изъ его души что то безконечно дорогое, что уже никогда не вернется въ нее и мысль о томъ, что онъ оставитъ эту страну, такъ же спокойно, какъ прибылъ въ нее, укатится отсюда по тѣмъ же этапнымъ рельсамъ, подталкиваемый конвойными солдатами, приводила его въ ярость. Отложить свою ярость до возвращенія на родину онъ не могъ или не хотѣлъ, ибо въ сущности говоря, родина уже утратила для него реальность, красота ея поблекла, и живое чувство его гнѣва отказывалось сочетаться съ ея поблѣднѣвшимъ, лишеннымъ красоты, образомъ.

Поэтому при первомъ появленіи идеи о кораблестроеніи Бронскій схватился за нее со всей энергіей своей душевной и тѣлесной природы. Товарищи удивлялись ему; нѣкоторые, съ темпераментомъ болѣе уравновѣшеннымъ или вялымъ, пытались отговаривать его доказывая, что первая попытка совершить настоящее плаваніе, только на нѣсколько мѣсяцевъ опередитъ возможность отъѣзда Бронскаго. Большинство принимало его трудовое содѣйствіе, оставляя вопросъ открытымъ, состоять ли ему въ числѣ экипажа на будущемъ суднѣ.

Но Бронскій не слушалъ никого и отдавался кораблестроенію съ поразительнымъ упорствомъ и трудоспособностью Онъ исполнялъ самыя трудныя работы, вырубалъ и сплавлялъ плоты, пилилъ доски, сталъ устраивать громоздкое приспособленіе для спуска судна въ воду по крутому берегу рѣчного угорья. Теперь ему казалось, что въ его жизни есть новый центръ тяготѣнія, и предстоящее начало этого фантастическаго предпріятія представлялось ему необходимымъ и реальнымъ, между тѣмъ какъ отъѣздъ на родину по обычной сухопутной дорогѣ, казался какимъ то неумѣстнымъ вымысломъ, сантиментальнымъ и скучнымъ, какъ благополучный конецъ трагедіи, придѣланный къ ней совсѣмъ некстати, для успокоенія зрителей.

Еще одно чувство уцѣлѣло въ душѣ Бронскаго, со всей юношеской или, лучше сказать, дѣтской чистотой. Это было чувство цѣломудренной стыдливости предъ женщиной и любовью. Идея долга человѣчеству захватила его въ свою власть юнымъ отрокомъ и съ тѣхъ поръ для другой болѣе горячей и нѣжной власти не было мѣста въ его душѣ.

Страсти юношей, проникнутыхъ идейнымъ восторгомъ, вообще развиваются медленно и поздно. Большая часть товарищей Бронскаго принесла съ собой въ Пропадинскъ тотъ же нетронутый

кладъ тѣлесной и душевной чистоты и продолжала хранить его въ послѣдующіе годы, иногда до морщинъ и сѣдыхъ волосъ.

Общественное мнѣніе колоніи относилось довольно строго къ нарушеніямъ этого невольнаго монашескаго обѣта. Туземныя дѣвушки были слишкомъ непохожи на культурное представленіе о женщинѣ, и браки съ ними не могли сулить счастья, а легкія связи, для которыхъ пропадинскіе нравы представляли поле очень обширное, разсматривались, почти какъ измѣна идеалу. Мало по малу въ этой общинѣ холостяковъ, выработались суровые взгляды на женщинъ вообще, напоминавшіе рыцарскій орденъ или Запорожскую сѣчь.

Бронскій былъ чистымъ изъ чистыхъ. Онъ сохранилъ въ несокрушимомъ видѣ дикость и застѣнчивость пятнадцатилѣтняго отрока передъ молодыми женщинами. Теоретически онъ былъ адептомъ женскаго освобожденія. Дѣвушка за швейной машиной, представляющая олицетвореніе и символъ женскаго труда въ современномъ обществѣ, казалась ему достойной высшей справедливости, и пѣсня о рубашкѣ Гуда зажигала его душу такой же страстью, какъ марсельеза рабочихъ, Sztandart czervony или первомайскій гимнъ.

На практикѣ Бронскій даже отчасти боялся женщинъ, относился къ нимъ, какъ къ опаснымъ существамъ другой породы, не похожей на мужчинъ, въ родѣ того, какъ собака относится къ кошкѣ. Умъ его созрѣлъ и сосредоточился въ себѣ самомъ, но первобытная дѣтская наивность сохранилась въ его душѣ до такой степени, что въ сущности онъ полуинстинктивно вѣрилъ, что люди являются на свѣтъ не отъ человѣческаго брака, но какимъ то инымъ непостижимымъ способомъ, недалекимъ отъ того аиста, который долженъ приносить новорожденныхъ дѣтей.

Въ послѣдній годъ въ эту первобытную невинность вошла, почти противъ вѣдома юноши, смущающая нота. Тѣло Бронскаго окрѣпло съ возрастомъ и закалилось трудомъ и самымъ холодомъ Пропадинска. Несмотря на постоянное напряженіе работы и усталость поздняго отдыха, кровь Бронскаго заговорила о чемъ то невѣдомомъ и полномъ смятенія.

По ночамъ ему снились неопредѣленные и волнующіе сны. Бѣлыя лѣтнія ночи, съ своимъ неумолчнымъ шумомъ любви и возрожденія, внушали ему желаніе бѣжать неизвѣстно куда, искать чего то или кого то, кто могъ бы утишить непонятную тревогу его мыслей и ощущеній. Онъ не могъ оставаться одинъ въ своей мрачной избушкѣ и даже въ разгарѣ іюльскаго зноя, когда онъ подсѣкалъ деревья въ густой зеленой тайгѣ, взглядъ его безсознательно искалъ, не явится ли между деревьями чья то невѣдомая тѣнь.

Бронскій не отдавалъ себѣ отчета въ причинахъ своего безпо-

койства; инстинктивно онъ удлинялъ свой трудовой день, стараясь усталостью заглушить непонятный запросъ своей крѣпкой юности; онъ былъ готовъ приписывать свое смятеніе тоскѣ изгнанія, отчужденію отъ міра и, быть можетъ, его судостроительная рѣшимость питалась также и желаніемъ уйти отъ самого себя и заглушить тревогу болѣе интенсивной и отвѣтственной работой.

На пропадинскихъ дѣвушекъ онъ смотрѣлъ такъ же мало, какъ средневѣковый монахъ, на пилигримствѣ къ святымъ мѣстамъ, сталъ бы смотрѣть на турецкій гаремъ въ сладострастной красѣ его ковровъ и нагого тѣла. Случайная встрѣча съ Машей какъ бы сдернула завѣсу. Это было сдѣлано внезапно и почти грубо, съ чисто пропадинской простотой и непосредственностью, но теперь, послѣ одного короткаго обмѣна объятій, Бронскій, уходя домой, уже чувствовалъ себя, какъ послѣ грѣхопаденія. Однако, грѣхопаденіе не тяготило его; ему было пріятно вспомнить объ этой недлинной и несложной сценѣ, которая неожиданно создала близость между нимъ и этой дѣвушкой. Близость была только физическая, ибо наивные вопросы Маши были совершенно чужды всему укладу мыслей Бронскаго. Несмотря на это, представленіе о бѣлокурой дѣвушкѣ, которая жила въ смрадной человѣческой берлогѣ, въ центрѣ клубка запутанныхъ любовныхъ отношеній, достойныхъ Содома и Гоморры, влилась въ то представленіе о женщинѣ, которое такъ или иначе было доступно мысли Бронскаго, соединилось съ бѣдной швеей столичной мансарды, съ работницей предмѣстій, даже съ Офеліей и Дездемоной.

Вѣчно женственное начало жизни, das ewig weibliche, стало доступно душѣ Бронскаго, и Маша съ Голоднаго Конца была той Галатеей, которая исторгла искру восторга у этого новаго Пигмаліона. Онъ перебиралъ въ умѣ каждое слово, каждое движеніе Маши, и они казались ему значительны и граціозны.

Бронскій, невольный житель Пропадинска, лучшій работникъ ссыльной колоніи и наиболѣе принципіальный человѣкъ, готовъ былъ влюбиться въ миловидную мѣстную дѣвушку, которая не знала грамоты и даже говорила на мѣстномъ жаргонѣ съ обиліемъ туземныхъ словъ и странными нерусскими, какъ будто упрощенными, оборотами.

Танъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

О ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛѢ ВЪ ЯПОНІИ *).

ВВЕДЕНІЕ.

Объ главы нижеслѣдующей статьи нашей были уже сданы въ наборъ, когда неожиданно состоялась портсмутская конференція. Естественно, что мы задержали печатаніе статьи, впредь до исхода переговоровъ о мирѣ, чтобы, въ случаѣ успѣха ихъ, подѣлиться съ читателями соображеніями о томъ, въ какой мѣрѣ условія его повліяютъ на торгово-промышленные рессурсы Японіи. Приступая теперь къ исполненію этого намѣренія, мы прежде всего остановимся на финансовомъ положеніи Японіи въ данный моментъ, поскольку можно судить о немъ изъ оффиціальныхъ данныхъ; затѣмъ—разсмотримъ экономическія «пріобрѣтенія» ея по условіямъ мирнаго договора и, наконецъ, выскажемъ свои предположенія о томъ, къ какой мѣрѣ должна будетъ она, повидимому, прибѣгнуть, чтобы возможно скорѣе начать «утилизацію» этихъ пріобрѣтеній, открывающихъ ей, по нашему мнѣнію, широкія перспективы въ торговопромышленномъ отношеніи.

По оффиціальнымъ японскимъ даннымъ **), денежныя средства для покрытія расходовъ, вызванныхъ войною, составились изъ слѣдующихъ суммъ:

Чрезвычайные доходы и сбереженія	48.000.000 енъ
Сборы отъ увеличенныхъ налоговъ и по табачной монополіи	62.000.000 »

*) На страницахъ „Міра Божьяго“ (іюль—октябрь 1904 года) печатался рядъ статей, подъ заглавіемъ „Очерки прошлаго и настоящаго Японіи“ г-жи Т. Богдановичъ, въ которыхъ сообщены, между прочимъ, и главнѣйшія свѣдѣнія о состояніи торговли и промышленности въ этой странѣ, (см. октябрь 1904 года, стр. 240—253). Поэтому мы въ своей статьѣ ограничиваемся разсмотрѣніемъ только тѣхъ вопросовъ, которымъ въ упомянутыхъ „Очеркахъ“, согласно задачѣ ихъ, не могло быть отведено достаточно мѣста.

**) См. The Nineteenth century and after. 1905, № 341. Первыя три суммы относятся къ апрѣлю мѣсяцу этого года. Послѣ того онѣ, несомнѣнно, еще увеличились.

Фонды, заимствованные изъ различныхъ правительственныхъ департаментовъ и со спеціальныхъ счетовъ		55.000.000	енъ
Внутр. займы:			
февральскій	1904 г. . .	100.000.000	»
майскій	» » . .	100.000.000	»
октябрьскій	» » . .	80.000.000	»
февральскій	1905 г. . .	100.000.000	»
апрѣльскій	» » . .	100.000.000	»
	Итого . .	645.000.000	енъ
	или	64.500.000	фунт. стерл.
Внѣшніе займы, выпущенные на Лондонской и Нью-Іоркской биржахъ:			
майскій	1904 г. . .	10.000.000	енъ
ноябрьскій	» » . .	12.000.000	»
мартовскій	1905 г. . .	30.000.000	»
іюльскій	» » . .	30.000.000	енъ
		82.000.000	
	Итого	146.500.000	ф. ст.
	или почти *полтора милліарда енъ.*		

Эти голыя и внушительныя уже сами по себѣ числа необходимо «освѣтить» еще слѣдующими поясненіями:

Первый внѣшній заемъ—6%-ный, при эмиссіи 90½ за 100 и гарантіи таможенныхъ доходовъ. Второй внѣшній заемъ,—заключенный при самомъ невыгодномъ положеніи японскаго кредита за время войны, созданномъ упорствомъ сопротивленія Портъ-Артура и слѣдованіемъ на Дальній Востокъ, казавшейся тогда грозною, эскадры Рожественскаго,—еще тяжелѣе для японцевъ, чѣмъ первый: онъ также 6%-ный, но банкиры выдали имъ всего лишь 86 за 100 и, по прежнему, при гарантіи таможенныхъ доходовъ. Когда же Японіи понадобились еще займы за границей послѣ паденія Портъ-Артура, то иностранная биржа отнеслась къ ней значительно съ большимъ довѣріемъ, чѣмъ относилась ранѣе: оба внѣшніе займа 1905 года были заключены только по 4½%, при эмиссіи 90 за 100 и гарантіи табачной монополіи.

Если принять во вниманіе, что въ моментъ объявленія войны непогашенный японскій государственный долгъ равнялся только 519 мил. енъ *) и что не болѣе шестой части этой суммы было выпущено на иностранныхъ рынкахъ, то окажется, что за полтора года войны общая сумма японской задолженности увеличилась въ три съ полови-

*) Japan by the Japanese, ed. by A. Stead. 1904; p.p. 357—360.

ной раза; внѣшніе-же займы увеличились болѣе, чѣмъ въ девять разъ. Мало того, расходы по погашенію, равнявшіеся до войны 40 мил. енъ, въ настоящій моментъ выражаются въ суммѣ, немного большей 107 мил. енъ въ годъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такая задолженность—серіозная, и никакое государство не можетъ легко принять на свои плечи бремя въ полтора милліарда рублей за полтора года... Вотъ почему большинство политическихъ и финансовыхъ дѣятелей на Западѣ высказывали предположеніе, что Японія не можетъ не поставить какъ conditio sine qua non при переговорахъ о мирѣ контрибуцію съ Россіи, равную приблизительно названной сейчасъ суммѣ... Къ счастью для насъ, эти предположенія не оправдались.

Посмотримъ теперь, какія условія мира надо считать факторами, заставившими Японію помириться съ отказомъ отъ денежнаго вознагражденія съ Россіи.

Непосредственно отвѣтить на этотъ вопросъ могутъ, по нашему мнѣнію, слѣдующія четыре статьи мирнаго договора, которыя мы приводимъ здѣсь по тексту газеты «Matin».

Ст. 2. Россія признаетъ, что съ политической, военной и экономической точекъ зрѣнія интересы Японіи въ Кореѣ—преобладающіе, и не будетъ противиться мѣропріятіямъ охраны и наблюденія, какія Японія признаетъ нужнымъ примѣнить въ Кореѣ съ согласія корейскаго правительства. Русскія предпріятія въ Кореѣ будутъ пользоваться такими же правами, какъ предпріятія другихъ странъ.

Ст 5. Россія и Японія обязываются обоюдно не противиться общимъ, касающимся всѣхъ націй мѣропріятіямъ, какія Китай найдетъ нужными для поднятія торговли и промышленности въ Манчжуріи.

Ст 9. Россія уступаетъ Японіи южную часть о. Сахалина, до 50 градуса сѣверной широты, съ прилежащими островами.

Признается свобода судоходства въ Лаперузовомъ и Татарскомъ проливахъ.

Ст. 11. Россія обязывается заключить съ Японіей соглашеніе относительно правъ японцевъ на рыбную ловлю въ Японскомъ, Охотскомъ и Беринговомъ моряхъ.

Чтобы уяснить себѣ огромное значеніе для японцевъ 2-й статьи договора, надо помнить, что всѣ изслѣдователи Дальняго Востока одинаково признаютъ Корею житницей земледѣльческихъ продуктовъ и сокровищницей цѣнныхъ ископаемыхъ, а воды, ее омывающія,—источникомъ огромныхъ рыбныхъ богатствъ. Еще и до войны, послѣ торговаго договора Японіи съ Кореей, состоявшагося въ 1882 году,—какъ объ этомъ изложено во второй главѣ нашей статьи,—Японія добилась большого развитія своей торговли въ Кореѣ. Разсматриваемая статья мирнаго договора, при инертности населенія Кореи, фактически отдаетъ ее во власть Японіи, которая, безъ сомнѣнія, сумѣетъ

воспользоваться всѣми ея рессурсами въ торговопромышленномъ отношеніи съ несравненно большей для себя выгодой, чѣмъ умѣла пользоваться до сихъ поръ.

Пятая статья договора развязываетъ Японіи руки въ дѣлѣ вліянія на Китай, въ отношеніи мѣропріятій послѣдняго для поднятія торговли и промышленности. И если читатели согласятся съ тѣми разсужденіями японскихъ и англійскихъ экономистовъ о ростѣ вліянія Японіи въ торговлѣ Дальняго Востока, которыя приведены нами во второй главѣ, то они согласятся также и съ тѣмъ, что упомянутая сейчасъ статья открываетъ еще болѣе широкія перспективы для преобладанія страны Восходящаго Солнца на рынкахъ Китая, сравнительно съ другими державами, чѣмъ это имѣло мѣсто до начала войны.

Статьей 9-й договора уступается Японіи южная часть о. Сахалина, и для поясненія истиннаго смысла этого пріобрѣтенія Японіи въ экономическомъ отношеніи, мы напомнимъ читателямъ нѣкоторыя свѣдѣнія о названномъ островѣ.

Какъ извѣстно, послѣдній, по своимъ естественнымъ условіямъ, никогда не можетъ сдѣлаться ни земледѣльческою страной, ни страною, населенною настолько густо, чтобы получить значеніе въ качествѣ рынка сбыта. Главныя богатства о. Сахалина скрываются въ нѣдрахъ земли и омывающихъ его водъ. Минеральныя богатства—каменный уголь, нефть, руды, концентрируются главнымъ образомъ на сѣверномъ Сахалинѣ. Спеціалисты признаютъ, что Сахалинскій уголь едва ли не лучшій уголь на Дальнемъ Востокѣ, что недостаточно оцѣнено Россіей только потому, что она не умѣла до сихъ поръ эти богатства эксплуатировать. Но къ этому есть еще время, такъ какъ они остались за нами. Уступкой южной части Сахалина Японіи мы потеряли не ихъ (хотя, можетъ быть, потеряли при этомъ другія минеральныя богатства, такъ какъ есть предположеніе, что по туземнымъ рѣкамъ встрѣчается золото), а богатства морскія. Холодныя моря, окружающія южную часть острова, изобилуютъ рыбой. «Можно сказать, безъ всякаго преувеличенія, что воды эти богаче остальныхъ морей, которыми владѣетъ Россія. По рыбнымъ богатствамъ южный Сахалинъ можетъ быть сравниваемъ лишь съ Ньюфаундлендомъ, съ берегами Шотландіи и Норвегіи»,—говоритъ компетентный въ этомъ дѣлѣ русскій ученый П. Ю. Шмидтъ. «Ежегодно въ апрѣлѣ, — продолжаетъ онъ,—какъ только начнутъ таять снѣга, къ западнымъ берегамъ Сахалина, подходятъ для икрометанія несмѣтныя стаи сельдей. Онѣ такъ густы, что рыба мѣшаетъ грести, и, попадая въ стаю, лодка двигается, какъ въ кашѣ. Спинки рыбъ показываются надъ поверхностью воды, а отъ выпущенныхъ молокъ вода въ морѣ становится бѣловатой, жирной и, какъ отъ масла, прекращаетъ волненіе. Въ это время сельдь можно прямо черпать сачкомъ. Если поднимается буря, то, бываетъ, на берегъ выбрасываются цѣлые валы рыбы, ко-

торая тотчасъ же гибнетъ. Жителямъ остается лишь пріѣзжать съ телѣгами и приходить съ корзинками, нагружать ихъ снизу до верху и увозить домой. Если буря разыграется, когда выметана икра, то на берегъ выбрасывается такой же валъ икры. Какъ-то мнѣ пришлось идти по западному берегу Сахалина нѣсколько верстъ по мягкому ковру высохшей сельдяной икры, — онъ былъ въ нѣсколько аршинъ шириной, и нога въ немъ утопала».

Воды эти богаты не только сельдями, но также и лососевыми породами—горбушой и кетой, походящей на нашу семгу, треской и палтусами — «пудовыми рыбинами, съ нѣжнымъ и жирнымъ мясомъ, не уступающимъ по вкусу знаменитому тюрбо»... «Въ предѣлахъ Россіи нѣтъ ни одного моря, гдѣ бы встрѣчалось такое множество съѣдобныхъ рыбныхъ породъ и при томъ въ такихъ колоссальныхъ количествахъ».

И до войны рыбные продукты вывозились Японіей въ огромномъ количествѣ,—главнымъ образомъ, въ видѣ удобрительнаго тука, представляющаго для этой страны «предметъ первой необходимости», какъ то указано въ первой главѣ нашей статьи. Сдѣлавшись теперь законной владѣтельницей южныхъ сахалинскихъ водъ, Японія, конечно, будетъ извлекать изъ нихъ огромныя выгоды. Она, безъ сомнѣнія, сумѣетъ оправдать предсказанія американскихъ и гамбургскихъ рыбопромышленниковъ, которые уже нѣсколько лѣтъ назадъ высказывали обоснованную спеціальными изысканіями увѣренность, что рыбные продукты сахалинскихъ водъ, будучи доставляемы въ Европу и Америку на спеціальныхъ пароходахъ, снабженныхъ рефрежираторами доставятъ тѣмъ, кто возьметъ на себя такую эксплуатацію даровъ моря, заманчивыя выгоды.

Наконецъ, не малую выгоду должны представить для японцевъ права на рыбную ловлю въ другихъ моряхъ, упоминаемыхъ въ статьѣ 11-й договора.

Полагаемъ, что читатели признаютъ теперь вмѣстѣ съ нами «пріобрѣтенія» Японіи, по ожидающему ратификаціи мирному договору, «драгоцѣнными» для нея. Но, чтобы утилизировать ихъ, необходимы свободные капиталы, а между тѣмъ, финансовое состояніе Японіи въ настоящій моментъ,—какъ мы видѣли это въ началѣ настоящаго введенія,—нельзя не признать тяжелымъ. Исходъ, повидимому, одинъ:— открытіе самаго широкаго доступа въ страну иностраннымъ капиталамъ. Что Японіи не трудно будетъ теперь привлечь послѣдніе, это намъ кажется несомнѣннымъ, такъ какъ «потенціально» ея экономическая состоятельность обезпечена. И отъ искусства ея финансовыхъ и промышленныхъ дѣятелей будетъ зависѣть такая постановка дѣла, при которой чужіе капиталы будутъ не источникомъ экономическаго рабства ея населенія, а здоровымъ нервомъ его благосостоянія.

I.

Главнѣйшія данныя о производительности земледѣльческаго хозяйства и другихъ видовъ добывающей промышленности въ Японіи въ связи съ вопросомъ о народномъ продовольствіи.—Возростаніе спроса на ввозъ пищевыхъ продуктовъ изъ континентальныхъ странъ. — Аналогія между Японіей и Великобританіей въ отношеніи промышленной эволюціи. — Быстрое „освобожденіе“ Японіи отъ иностранныхъ руководителей, положившихъ начало успѣхамъ современной промышленности ея. — Замѣчанія о вліяніи техническаго образованія въ Японіи на эти успѣхи.—О степени проявленія японцами творческихъ способностей въ области прикладныхъ знаній.

Какъ извѣстно, Японія слагается изъ трехъ главныхъ острововъ: Ниппонъ, или Хондо, Кіу-Сіу и Сикоку, огромнаго числа второстепенныхъ острововъ (около 400) и обладаетъ двумя обширными и весьма важными для нея колоніями: островъ Хоккаидо (прежде Езо) и островъ Тайванъ, извѣстный у европейцевъ подъ названіемъ Формозы. Общая поверхность этой территоріи составляетъ 363,4 тыс. кв. килом. (т.-е. немного болѣе Италіи) и на ней проживаетъ нынѣ (къ 1 января 1904 г.) 49 милліоновъ человѣкъ, что составляетъ, въ круглыхъ числахъ, около 136 человѣкъ на квадратный километръ. Въ этомъ отношеніи Японія уступаетъ только Великобританіи (146 человѣкъ на кв. килом.) и Бельгіи (268 человѣкъ на 1 кв. килом.). Что же касается собственно колоній, то на остр. Формоза, вмѣстѣ съ островами Пескадорскими (Хоко), при общемъ протяженіи поверхности около 35.000 кв. килом., насчитывается почти 2,7 милл. китайскаго населенія, и пока лишь нѣсколько десятковъ тысячъ японцевъ; а весьма обширный остр. Хоккаидо (94 тыс. кв. килом.) имѣетъ только 610.000 жителей. Естественный приростъ населенія Японіи весьма значителенъ, и по даннымъ за послѣднія пять лѣтъ составляетъ въ круглыхъ числахъ полмилліона человѣкъ въ годъ, что уже само по себѣ опредѣляетъ серіозность для имперіи вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ естественныя богатства страны обезпечиваютъ требованія народнаго продовольствія.

«По характеру народной промышленности, Японію до сихъ поръ надо отнести къ числу странъ, по преимуществу земледѣльческихъ. Старая истина *Но ва куни но мо то*,— т.-е. *Земледѣліе есть основа государства*, сохраняетъ значеніе для Японіи и нынѣ», замѣчаетъ Н. И. Кохановскій *) въ интересномъ трудѣ своемъ объ экономическомъ положеніи Японіи.

Дѣйствительно, по даннымъ за 1900 годъ исчислено, что на доходы отъ земледѣлій живетъ, въ круглыхъ числахъ, 28.000.000 человѣкъ, т.-е. почти 60% всего насенія имперіи, при 4.800.000 отдѣль-

*) „Очеркъ Экономическаго положенія Японіи“. Н. И. Кохановскій. — Владивостокъ. 1903.

ныхъ хозяйствъ, на каждое изъ которыхъ приходится, такимъ образомъ, около 6 человѣкъ.

Несмотря на такое значеніе земледѣлія, площадь, занятая земледѣльческими культурами, весьма незначительна. Для собственной Японіи (т.-е. безъ включенія упомянутыхъ колоній) она составляетъ лишь 17%, а со включеніемъ ихъ всего 15,7%) *), отъ всей поверхности, такъ что, въ среднемъ, одно земледѣльческое хозяйство имѣетъ въ своемъ распоряженіи только три четверти десятины. Почва, даже при обильномъ орошеніи, сама по себѣ мало плодородна, и хорошіе результаты посѣва достигаются только при посредствѣ *искусственныхъ удобреній*, важнѣйшимъ изъ которыхъ въ приморскихъ мѣстностяхъ является *рыбный тукъ*, т.-е. рыбные отбросы и сушеная рыба — по преимуществу сельдь, ловившаяся до сихъ поръ въ русскихъ водахъ, у береговъ Сахалина и Камчатки.

Вопреки увеличенію населенія, площадь воздѣлываемой земли не увеличивается сколько-нибудь замѣтно; но, тѣмъ не менѣе, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, благодаря дѣятельному и искусному введенію западныхъ методовъ сельскаго хозяйства, производительность земли для всѣхъ продуктовъ послѣдняго, главнѣйшимъ изъ которыхъ является рисъ (по преимуществу «мокрый», т.-е. требующій обильнаго орошенія), замѣтно увеличивается. Это рельефно иллюстрируется слѣдующими данными за два года, раздѣленные между собою десятилѣтнимъ періодомъ времени:

	Рисъ.	Ячмень.	Бобы.	Картоф.	Сладк. картф.
	въ милліон. коку **)			въ милліон. кванъ ***)	
1892 г. .	41,4	16	3,1	40,5	568,4
1901 г. .	46,9	20,6	4,1	73,7	711,6

Несмотря на приведенные факты, количество производимыхъ страною хлѣбныхъ продуктовъ, дававшихъ въ первые годы послѣ реставраціи цѣнный товаръ для вывоза, нынѣ недостаточно для населенія, при чемъ ввозъ этихъ продуктовъ увеличивается съ годами быстрѣе увеличенія населенія, что̀ показываетъ улучшеніе экономическаго по-

---

*) A Handbook of Modern Japan, by E. W. Clement. Chikago, 1904.—Для сравненія приводимъ слѣдующія данныя объ отношеніи поверхности воздѣланной земли ко всей поверхности въ разныхъ странахъ:

Бельгія	53,9	Австрія	36,7
Пруссія	50,3	Испанія	35,7
Франція	50,2	Голландія	27,3
Германія.	43,4	Англія	27,9
Данія	42,5	Португалія	24,9
Италія.	39,9	Европейская Россія . .	16,4
Венгрія	37,7	Японія	13,8

**) *Коку* = 6,33 куб. фунта.

***) *Кванъ* = 8,3 фунта.

ложенія послѣдняго. О томъ же свидѣтельствуютъ данныя, относящіяся къ культурѣ и потребленію другого продукта сельскаго хозяйства, а именно *чая*. Почти съ самаго начала, какъ Японія была открыта для иностранной торговли, большое количество его потреблялось въ Америку, и въ настоящее время Соединенные Штаты и Канада поглощаютъ большую долю вывоза этого продукта (въ нашу Сибирь ввозится лишь незначительное количество чернаго чая и кирпичнаго); но хотя сборъ чая съ годами увеличивается, вывозъ его уменьшается, вслѣдствіе постояннаго увеличенія домашняго потребленія, которое за десять лѣтъ болѣе, чѣмъ утроилось, какъ видимъ это изъ слѣдующихъ данныхъ, выраженныхъ въ милліонахъ японскихъ *катти* *):

	Полный сборъ.	Экспортъ.	Внутреннее потребленіе.
1891 г.	44,4	39,9	4,5
1900 г.	47,6	32,2	15,4

Животноводство разработано въ Японіи весьма мало, что́ обусловливается, главнымъ образомъ, тѣмъ, что лошади и рогатый скотъ были ввезены въ эту страну сравнительно поздно, когда система земледѣлія, при которой земля обрабатывается ручными инструментами, уже опредѣлилась. Кромѣ того, обѣ религіи японцевъ — буддизмъ и синтоизмъ рекомендуютъ воздерживаться отъ мясной пищи. Пока спросъ на нее удовлетворяется небольшимъ ввозомъ, главнымъ образомъ изъ Соединенныхъ Штатовъ и Австраліи, тогда какъ молоко, масло и олеомаргаринъ получаются (въ консервованномъ видѣ) почти исключительно изъ Европы и Америки. Но необходимо имѣть въ виду, что въ послѣднее время мясная, такъ же какъ и молочная пища получаетъ въ Японіи значительное и все увеличивающееся распространеніе, а потому недалеко, повидимому, время, когда страна будетъ нуждаться въ большомъ ввозѣ упомянутыхъ продуктовъ.

Рыба и морскіе продукты, вообще, всегда составляли важный элементъ народнаго продовольствія въ Японіи. Благодаря своему географическому положенію, направленію прибрежныхъ морскихъ теченій, а также обилію превосходныхъ бухтъ, служащихъ убѣжищемъ для судовъ во время бурь, она является идеальною страной для рыболова. Неудивительно поэтому, что (по даннымъ 1900 г.) свыше 900.000 се-

*) Катти = 1½ русск. фунта.—Мы разсматриваемъ здѣсь вопросъ о производительности сельскаго хозяйства только въ отношеніи пищевыхъ продуктовъ; но все-таки замѣтимъ мимоходомъ, что изъ другихъ продуктовъ его высокое мѣсто по своему экономическому значенію для народа занимаетъ *шелкъ*, такъ какъ культурѣ его весьма благопріятствуютъ климатическія и почвенныя условія нѣкоторыхъ мѣстностей. Въ 1902 году шелководствомъ были заняты около 2½ милліоновъ семействъ, и годовой вывозъ шелка и шелковыхъ издѣлій изъ Японіи, въ среднемъ за 1902 и 1903 годы, далъ 113,8 милл. енъ.

мействъ, или болѣе 3 милліоновъ человѣкъ, прибрежнаго населенія заняты рыбопромышленнымъ дѣломъ, которое обслуживается, по крайней мѣрѣ, 600 тысячами судовъ. При быстромъ возрастаніи населенія и развитіи внутреннихъ путей сообщенія, требованія на рыбные продукты начали обнаруживать огромный ростъ, который увеличился также и заграничнымъ спросомъ. О прогрессѣ этого дѣла можно судить по тому, что въ то время, какъ въ 1894 году цѣнность добычи морскихъ и рѣчныхъ продуктовъ опредѣлялась въ 25,4 милліона енъ (сырыхъ—на 10,2 мил., а консервованныхъ и удобреній—на 15,2 мил)., въ 1901 году эта цѣнность возрасла до 51,1 мил. енъ, при чемъ увеличеніе потребленія морскихъ продуктовъ населеніемъ имперіи видно уже изъ того, что изъ названной сейчасъ суммы на долю сырыхъ продуктовъ приходится 22,2 мил. енъ, и что весь вывозъ ихъ не превысилъ 2 мил. енъ.

Изученіе статистическихъ данныхъ,—относящихся съ одной стороны къ спросу на пищевые продукты быстро увеличивающагося населенія Японіи, а съ другой стороны, къ производительности видовъ промышленности, добывающей упомянутые продукты,—приводитъ къ заключенію, что страна эта уже нынѣ нуждается,—а съ годами, *если не увеличитъ площади воздѣлываемой земли,* будетъ нуждаться все болѣе и болѣе—во ввозѣ хлѣбныхъ и другихъ пищевыхъ продуктовъ изъ-за границы.

Вопросъ о томъ, имѣются ли въ Японіи еще свободныя земли, не утилизированныя для сельскаго хозяйства, но вполнѣ для него годныя, разрѣшается компетентными изслѣдователями естественныхъ рессурсовъ страны положительно, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, слѣдующія строки уже цитированнаго нами выше труда Н. И. Кохановскаго *).

«Какъ въ собственной Японіи, такъ и въ особенности на Хоккаидо, имѣется еще весьма обширный запасъ цѣлинныхъ земель, которыя могутъ быть обращены въ поля для воздѣлыванія, частью, риса и высокоцѣнныхъ торговыхъ растеній, но, главнымъ образомъ,—другихъ менѣе цѣнныхъ хлѣбныхъ и торговыхъ растеній. По новѣйшимъ исчисленіямъ, количество этихъ земель почти равно находящимся нынѣ въ обработкѣ. Распространенію земледѣлія препятствуютъ трудности первоначальной разработки почвы и высокія затраты при этомъ, отсутствіе пригодныхъ для этого земледѣльческихъ орудій, недостатокъ удобренія въ ненаселенныхъ мѣстностяхъ и привязанность къ старинной системѣ земледѣлія, въ которой рисъ является основнымъ продуктомъ для каждаго почти земледѣльческаго хозяйства. Государство поощряетъ культивированіе цѣлинныхъ земель освобожденіемъ на много лѣтъ отъ поземельныхъ налоговъ, но эта мѣра оказываетъ свое дѣйствіе лишь на Хоккаидо. Интересы сельскаго населенія и общегосу-

*) „Очеркъ экономическаго положенія Японіи“, стр. 14.

дарственные одинаково требуютъ распространенія земледѣльческихъ культуръ на втунѣ лежащія земли. Это возможно лишь при значительномъ участіи государства. Необходимо разбить свободныя земли на участки, проложить дороги, снабдить поселенцевъ улучшенными орудіями и скотомъ и (съ помощью показательныхъ фермъ и странствующихъ учителей) научить поселенцевъ системѣ земледѣлія, примѣняемой въ другихъ странахъ къ землямъ подобнаго же рода. Старая система земледѣлія необходима для большей части обработываемыхъ уже земель, но непримѣнима на остальныхъ. Обширныя горныя пространства, непригодныя для земледѣлія, представляютъ превосходныя естественныя пастбища. Здѣсь можно бы съ выгодой промышлять скотоводствомъ и молочнымъ хозяйствомъ, такъ какъ спросъ на продукты быстро развивается, и есть удобныя сообщенія съ городами. Что касается о. Тайванъ, то здѣсь возможно и желательно распространеніе цѣнныхъ культуръ, какъ производство сахара, чая, хлопка, табака и проч»...

«Въ земледѣліи и сельскомъ хозяйствѣ, такимъ образомъ, умноженномъ и улучшенномъ,—продолжаетъ далѣе г. Кохановскій,—Японія пріобрѣла бы болѣе обширное и болѣе устойчивое основаніе, необходимое для страны, обладающей почти пятидесятимилліоннымъ населеніемъ и не щадящей средствъ и усилій для культурнаго и политическаго возвышенія. Насколько вѣроятенъ такой прогрессъ японскаго земледѣлія и сельскаго хозяйства, трудно сказать. Пока въ этомъ направленіи сдѣлано очень мало»... Безъ сомнѣнія потому, замѣтимъ мы, что Японія предпочла стать на путь торговли и промышленности, и едва ли должна была поступить иначе, разъ она рѣшилась—послѣ первыхъ столкновеній съ иностранными державами, заставившими ее открыть имъ свои порты для торговаго обмѣна,—добиться равноправнаго съ ними международнаго положенія, а не стать въ тяжелую отъ нихъ зависимость. Въ самомъ дѣлѣ, послѣдняя была бы неизбѣжна, если бы Японія искала рессурсовъ для увеличенія своего благосостоянія исключительно, или даже только главнымъ образомъ, въ земельномъ хозяйствѣ, такъ какъ обращеніе на него народной энергіи не позволило бы ей своевременно развить организацію у себя такихъ техническихъ учрежденій, безъ которыхъ немыслимо обезпеченіе дѣйствительной обороны страны отъ внѣшнихъ враговъ для всякаго государства вообще, а для островного въ особенности. Не надо, однако, думать, чтобы Японія не признавала возможности и важности утилизаціи подъ сельское хозяйство свободныхъ земель своихъ въ будущемъ. Напротивъ, экономисты ея дѣятельно разработываютъ связанные съ этой утилизаціей вопросы, а правительство подготовляетъ для нея населеніе широкимъ распространеніемъ агрономическаго образованія отъ высшихъ до низшихъ степеней его, устройствомъ образцовыхъ сельскохозяйственныхъ фермъ, лабораторій и т. п. И это обстоятельство надо имѣть въ виду для вѣрной оцѣнки

рессурсовъ ея экономическаго благосостоянія. Несмотря на то, можно принять, повторяемъ, что *въ настоящее время* Японія идетъ по пути торгово-промышленныхъ, а не земледѣльческихъ странъ, поставивъ, повидимому, идеаломъ для себя Великобританію. Умѣстно остановиться здѣсь поэтому на интересной аналогіи ея съ послѣдней въ отношеніи эволюціи экономическаго развитія.

Въ Великобританіи много лѣтъ назадъ, почти столѣтіе, преобладающей промышленностью было земледѣліе. Однако, давно уже съ тѣхъ поръ она отказалась отъ серьезныхъ попытокъ питаться сельскимъ хозяйствомъ и нашла болѣе цѣлесообразнымъ производить только тѣ предметы, которые доставляютъ наибольшую выгоду. На выручаемыя, такимъ образомъ, деньги она покупаетъ бо́льшую часть пропитанія для населенія отъ заграничныхъ странъ и своихъ колоній.

«Японія также, и при томъ лишь недавно, была по преимуществу земледѣльческою страною; но теперь она быстро уклоняется отъ такого идеала. Можетъ быть, точнѣе сказать, что изъ года въ годъ возрастающая въ ней современная промышленность поглощаетъ трудъ, цѣнный для земледѣльческихъ цѣлей, и значеніе мануфактурныхъ продуктовъ беретъ въ ней верхъ надъ стоимостью продуктовъ добывающей промышленности. Японія уже начинаетъ ввозить свою основную пищу—рисъ, какъ Англія ввозитъ пшеницу» *). Въ самомъ дѣлѣ, напримѣръ, въ 1901 году, въ Японію было ввезено этого продукта въ круглыхъ числахъ на 18 милліоновъ енъ; въ 1902 году—на 26 мил. енъ и, наконецъ, въ 1903 году—на 65 мил. енъ (изъ британской и французской Индій, Бирмы, Сіама и Кореи).

«Современная фабрично-заводская промышленность,—продолжаетъ тотъ же авторъ,—распространяется теперь по всей странѣ. Самымъ большимъ центромъ ея является, безъ сомнѣнія, Осака; этотъ городъ теперь быстро развивается въ самый типичный промышленный городъ, и уже нынѣ англичане зовутъ его Манчестеромъ, шотландцы—Глазгоу, французы—Лиллемъ, германцы—Гамбургомъ, а американцы—Чикаго—Японіи»... Слабымъ мѣстомъ Осака до послѣдняго времени было мелководье гавани его, не дававшее возможности входить въ нее океанскимъ пароходамъ. Но съ 1897 года начались работы по углубленію ея, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по устройству здѣсь морского порта вообще, грандіозныя сооруженія котораго намъ удалось видѣть въ 1903 году. Къ началу настоящей войны эти работы почти закончились и сдѣлали Осака не только первокласснымъ портомъ на Дальнемъ Востокѣ, но и однимъ изъ самыхъ первоклассныхъ портовъ во всемъ мірѣ. Упомянутыя сооруженія, потребовавшія расхода въ суммѣ около 22 милліоновъ енъ, дали возможность обезпечить погрузку на суда товаровъ въ количествѣ 3 милліоновъ тоннъ въ годъ. Всѣ многочис-

*) „Japan in transition“, by S. Ransome. London & New-York. 1899; p. 226.

ленныя желѣзнодорожныя линіи, входящія въ этотъ городъ, простираются до береговыхъ пристаней, связанныхъ, такимъ образомъ, со всѣми частями имперіи.

Другими центрами крупной промышленности въ Японіи являются города: Токіо, Іокогама, Кіото и Кобе, которые, вмѣстѣ съ Осака, принадлежатъ къ наиболѣе густонаселеннымъ территоріямъ на всемъ земномъ шарѣ: на квадратный километръ здѣсь приходится отъ 180 до 180 человѣкъ.

По отношенію къ естественнымъ рессурсамъ для современной фабрично-заводской промышленности уподобленіе Японіи Англіи оправдывается еще тѣмъ, что въ первой, какъ и во второй, имѣются обильныя, «почти неисчерпаемыя» *угольныя копи*. Правда, по качеству, японскій уголь значительно уступаетъ англійскому; но авторитетные европейскіе металлурги объясняютъ этотъ фактъ скорѣе неумѣлой разработкой копей и недостаточно тщательной сортировкой угля, чѣмъ естественными его свойствами. Какъ бы то ни было, матеріалъ этотъ, находясь въ обиліи «подъ рукой» у японцевъ, облегчаетъ и удешевляетъ имъ организацію и эксплоатацію фабрично-заводскихъ учрежденій. Съ другой стороны, есть существенное отличіе Японіи отъ Великобританіи въ отношеніи естественныхъ рессурсовъ развитія обрабатывающей промышленности, а именно—*скудость залежей желѣза* въ странѣ Восходящаго Солнца. Добыча этого металла, составляющаго основу современной промышленности, не превосходитъ тамъ полутора милліона пудовъ въ годъ и не проявляетъ тенденціи къ увеличенію. Но Японія надѣется успѣшно считаться съ этимъ фактомъ обезпеченіемъ дешевой доставки къ своимъ берегамъ желѣза изъ другихъ странъ при достаточномъ развитіи своего торговаго флота.

Часто приходится слышать мнѣніе, которое въ Россіи сдѣлалось почти ходячимъ, что все то, что производитъ нынѣ Японія въ области фабрично заводской промышленности, дѣлается подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и даже при прямомъ участіи иностранцевъ, и особенно англичанъ. Однако, такое мнѣніе, имѣя «историческое» основаніе, совершенно ошибочно въ примѣненіи къ современному положенію дѣла.

Хорошо извѣстно, что первые руководители императора Мутсухито вложили въ уста его, при восшествіи его на престолъ въ 1867 году, обѣщаніе народу, что въ цѣляхъ обезпеченія благосостоянія его, «мудрость и знаніе будутъ заимствоваться изъ всѣхъ странъ свѣта». И сообразно съ этимъ, въ первые же годы эры мейдзи, японское правительство не только приступило къ дѣятельному изученію западной культуры путемъ командированія въ страны Европы и Америки «способныхъ учиться людей», но и пригласило оттуда компетентныхъ спеціалистовъ организовать въ Японіи различныя, въ томъ числѣ

торгово-промышленныя, учрежденія и предпріятія. Но какъ только сроки заключенныхъ съ такими иностранцами контрактовъ закончились, такъ «ученики» поспѣшили освободиться отъ своихъ «учителей».

Такъ напримѣръ, еще лѣтъ пять назадъ «хозяевами» каждой отдѣльной отрасли обширныхъ портовыхъ учрежденій въ Нагасаки были англичане. Когда же мнѣ пришлось посѣтить этотъ портъ въ 1903 году, то я нашелъ тамъ лишь одного пожилого шотландца, носящаго званіе «завѣдывающаго докомъ», при чемъ оказалось, что и онъ скоро будетъ освобожденъ отъ своей должности. Такъ, на высказанное мною невольно восхищеніе быстротою и качествами работъ, исполненныхъ при вводѣ въ докъ и окраскѣ въ немъ парохода Добровольнаго флота, на которомъ я прибылъ въ Нагасаки, шотландецъ сказалъ мнѣ: «Я тутъ не при чемъ теперь, потому что, несмотря на свое званіе, давно уже не вмѣшиваюсь въ работы, такъ какъ въ этомъ нѣтъ никакой надобности. Прежде я былъ здѣсь въ числѣ пяти своихъ соотечественниковъ, организовавшихъ все, что́ вы видите теперь въ порту. Они пробыли здѣсь лѣтъ двадцать, возвратившись на родину только въ прошломъ году; но послѣдніе пять или даже болѣе лѣтъ и они были здѣсь лишними: японцы хорошо усвоили то дѣло, которому учились отъ насъ. Въ будущемъ году кончается и мой контрактъ»... Не считая себя въ правѣ дѣлать рѣшительные выводы изъ кратковременныхъ наблюденій, представлю слово автору, долго жившему въ Японіи и имѣвшему «дѣловыя» сношенія со многими учрежденіями, расположенными какъ въ открытыхъ портахъ, такъ и внутри страны этой. Вотъ что говоритъ онъ:—«При ознакомленіи моемъ съ торгово-промышленными учрежденіями Японіи, болѣе всего поразилъ меня фактъ, что въ личномъ составѣ ихъ нынѣ почти нѣтъ иностранцевъ. За исключеніемъ только тѣхъ единичныхъ предпріятій въ открытыхъ портахъ, владѣльцами которыхъ состоятъ иностранцы, здѣсь нигдѣ не найдешь европейца или американца на отвѣтственныхъ должностяхъ. Еще на пивоваренныхъ заводахъ можно, пожалуй, встрѣтить одного или двухъ нѣмцевъ, да на частныхъ судостроительныхъ верфяхъ—шотландцевъ, отбывающихъ послѣдніе годы сроковъ контрактовъ... Вы можете посѣщать арсеналы и адмиралтейства, строительные, желѣзнодорожные и, вообще, разные механическіе заводы, фабрики и мастерскія, не увидѣвъ въ личномъ составѣ ихъ ни одного иностранца. Васъ будутъ принимать люди въ европейскихъ костюмахъ, въ конторахъ иностраннаго образца, со всѣми аттрибутами западной дѣловой суеты кругомъ; съ вами будутъ говорить по-англійски; вамъ покажутъ заводскія сооруженія, построенныя и оборудованныя по англійскимъ образцамъ и кишащія рабочими, одѣтыми такъ же, какъ одѣваются англійскіе машинисты, и работающими у англійскихъ станковъ съ клеймами англійскихъ фирмъ на нихъ... Но вы будете единственнымъ англичаниномъ или, вообще, европейцемъ

тамъ... Съ удивленіемъ осматриваясь кругомъ, вы невольно зададите себѣ вопросъ,—какъ все это сдѣлалось?..

«Вашъ японскій другъ не скажетъ вамъ ничего объ иностранной помощи, хотя вы увидите руку иностранца вездѣ. Но гдѣ онъ? И ваши мысли инстинктивно обратятся въ прошлое и къ большимъ образовательнымъ учрежденіямъ въ Японіи, болѣе всего къ профессіональнымъ отдѣленіямъ токійскаго университета, а также къ малочисленному кружку скромныхъ и невидныхъ людей, которые собираются въ часы отдыха въ маленькомъ токійскомъ клубѣ: это—иностранные профессора и инструкторы, отбывающіе послѣдніе годы тѣхъ обязательствъ, для исполненія которыхъ были призваны... Тогда только вы поймете въ надлежащей степени колоссальность работы, исполненной этими людьми и ихъ предшественниками, — людьми, которые отдали свою энергію въ лучшіе годы своей жизни для образованія современной просвѣщенной Японіи... И вы не безъ причины будете чувствовать гордость, что многіе изъ нихъ ваши земляки, англичане» **).

Но если надо отдать честь «учителямъ», то, по нашему мнѣнію, еще въ большей снепени заслуживаютъ этого «ученики». Японцы желаютъ и умѣютъ учиться, не жалѣя на это ни силъ, ни времени, ни средствъ. Здѣсь не мѣсто говорить подробно о техническихъ школахъ въ Японіи, которыя, по разнообразію ихъ спеціальностей, вѣрнѣе опредѣляются болѣе широкимъ эпитетомъ «промышленныя». Замѣтимъ только, что онѣ весьма многочисленны: въ 1902 году ихъ насчитывалось 392 (6 правительственныхъ, 365 общественныхъ и 27 частныхъ). Изъ нихъ: 17 механико-техническихъ, 79 земледѣльческихъ и лѣсныхъ, 41 коммерческая, 5 торговопромышленныхъ, 5 рыбопромышленныхъ, со включеніемъ въ курсъ ихъ свѣдѣній по эксплоатаціи водныхъ богатствъ вообще, 25 учебныхъ мастерскихъ и 220 дополнительныхъ школъ и вечернихъ курсовъ для рабочихъ по различнымъ спеціальностямъ... Кромѣ того, три института для подготовки преподавателей промышленныхъ школъ, изъ которыхъ одинъ — при агрономическомъ факультетѣ императорскаго университета въ Токіо.

Характерный и въ высшей степени раціональный элементъ организаціи промышленнаго образованія въ Японіи составляетъ связь обслуживающихъ его учебныхъ заведеній съ практической жизнью. Въ каждомъ значительномъ промышленномъ предпріятіи есть комитетъ, члены котораго слѣдятъ за степенью приспособленности учениковъ тѣхъ или другихъ школъ къ практической дѣятельности и находятся въ сношеніяхъ съ администраціей послѣднихъ по этому предмету.

Здѣсь, кстати сказать, что иностранцы, близко наблюдавшіе дѣя-

---

*) Университетъ этотъ, по своей организаціи, представляетъ нѣчто среднее между американскими и германскими политехникумами.

**) Ibidem, p. 216.

тельность японцевъ въ инженерно-механическомъ дѣлѣ, какъ вообще въ области прикладныхъ знаній, отнюдь не отказываютъ имъ въ творческихъ способностяхъ и вообще въ «оригинальности» по отношенію къ научнымъ изысканіямъ. Изъ многихъ извѣстныхъ мнѣ отзывовъ англійскихъ профессоровъ съ видными именами, я ограничусь здѣсь двумя, весьма, по моему мнѣнію, убѣдительными.

Генри Дайеръ, бывшій начальникъ и профессоръ въ Инженерной Коллегіи Токійскаго университета, говоритъ:

«По отношенію къ механическимъ орудіямъ современныхъ производствъ и къ инженернымъ сооруженіямъ можно сказать, что чертежи ихъ, по существу, почти во всемъ мірѣ одинаковы,—измѣненія возможны лишь въ деталяхъ, сообразно требованіямъ обстановки, и въ проектированіи такихъ измѣненій японскіе инженеры не показали себя неудовлетворительными. Они не только удачно приспособили западные образцы къ условіямъ Японіи, но во многихъ отношеніяхъ показали и несомнѣнную оригинальность.

«Потребовалось бы слишкомъ много мѣста для того, чтобы доказывать это соотвѣтствующими примѣрами изъ различныхъ отраслей инженернаго дѣла вообще, но нетрудно и достаточно указать на то, что японцы сдѣлали въ этомъ направленіи по отношенію къ техникѣ военнаго и военно-морского искусства. Суда военнаго флота служатъ, вѣроятно, лучшей иллюстраціей изобрѣтательныхъ способностей японцевъ. Здѣсь они приняли, такъ сказать, все то руководство, которое могъ дать имъ западный міръ, но въ то же время далеко не ограничились рабской подражательностью,—и военный флотъ, который они создали, является единственнымъ по свойствамъ составляющихъ его единицъ. Британскіе чертежи въ самыхъ послѣднихъ судахъ этого флота во многихъ отношеніяхъ были усовершенствованы съ такими результатами, которые завоевали удивленіе всего свѣта. Среди изобрѣтеній, которыя увеличили существенно и замѣтнымъ образомъ боевую дѣеспособность военнаго флота, можно привести орудійныя установки контръ-адмирала Ямануци, водотрубный котелъ инженеръ-адмирала Мійябара, бездымный порохъ доктора Шимозе, ударный патронъ адмирала Идуима, плавучую мину командира Ода и капитана Тенеда» (которая, повидимомому, и погубила русскій броненосецъ «Петропавловскъ») и нѣкоторыя другія,—всѣ настолько большого практическаго значенія, что употребленіе ихъ можетъ произвести революцію въ способахъ войны въ будущемъ. Въ арміи японцы показали сами себя мастерами тактики не только въ подражаніи западнымъ методамъ, но и во введеніи своихъ собственныхъ. Уже ружье Мурата было усовершенствованнымъ сравнительно съ его европейскимъ прототипомъ, но и оно замѣщено нынѣ еще луч-

*) „Dai Nippon, The Britain of the East. A study in national evolution", by Henry Dyer. London. 1904.

шимъ оружіемъ японскаго изобрѣтенія, а именно ружьемъ Аризака»... «И въ мирныхъ искусствахъ и на поприщѣ научныхъ изслѣдованій,—продолжаетъ далѣе Дайеръ,—японцы показали, что способны думать и дѣйствовать сами за себя и могутъ не только прилагать къ дѣлу уже добытыя наукой знанія, но также и расширять ихъ. Открытіе доктора Дзокици Токамине въ области химіи и доктора Хитацата въ бактеорологіи, и многія другія служатъ хорошимъ тому примѣромъ».

Другой англичанинъ—Вестъ, работающій болѣе 10 лѣтъ также въ качествѣ профессора Инженерной Коллегіи Токійскаго университета, гдѣ мнѣ пришлось познакомиться съ нимъ въ 1903 году, говоритъ по тому же вопросу: «Надо помнить, что способность создавать абсолютно новые и оригинальные плѣны присуща лишь весьма немногимъ людямъ. Изобрѣтатель, какъ и поэтъ, родится, а не дѣлается, и школа не можетъ создать изобрѣтательныя способности ученика,—она можетъ лишь направить ихъ. Изъ своихъ долголѣтнихъ сношеній съ японской учащейся молодежью и съ японскими инженерами-практиками я составилъ мнѣніе, что для ума японца, въ процессѣ проектированія машинъ и разныхъ инженерныхъ схемъ, не поставлено никакой грани, которая отличала бы его въ этомъ отношеніи отъ западныхъ товарищей по профессіи. Я не только не вижу никакого пункта, на которомъ японецъ долженъ былъ бы непремѣнно остановиться, если европеецъ можетъ идти дальше, но и знаю нѣсколько изъ такихъ произведеній японскихъ инженеровъ, которыя должны быть причислены къ категоріи настоящихъ изобрѣтеній».

II.

Балансъ внѣшней торговли Японіи.—О японскомъ торговомъ флотѣ и участіи его во внѣшней торговлѣ страны.—Конкуренція Японіи съ западными державами на рынкахъ Дальняго Востока.—О вліяніи экономическаго элемента въ Англо-японскомъ союзѣ.

Изъ приведенныхъ въ статьѣ г-жи Т. Богдановичъ подробныхъ статистическихъ данныхъ о внѣшней торговлѣ Японіи за время съ 1868 года по 1901 годъ *), видно, что за послѣдній изъ нихъ ввозъ (255,8 мил. енъ) и вывозъ (252,3 мил. енъ) дали въ суммѣ 508,1 мил. енъ (противъ 26,1 мил. енъ въ 1868 году). Мы замѣтимъ здѣсь, что въ послѣдующіе за тѣмъ годы числа эти возросли еще болѣе; такъ (въ милліонахъ енъ):

въ 1902 г.	ввозъ .	271,7;	вывозъ .	258,3;	сумма. 530
» 1903 »	» .	317,1;	» .	289,5;	» 608,6

Разсматривая эти числа, нельзя, конечно, не обратить вниманія на тотъ фактъ, что они, свидѣтельствуя о поразительной быстротѣ раз-

*) „Міръ Божій“; октябрь, 1904 г., стран. 257.

витія внѣшней торговли Японіи, говорятъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, *повидимому*, о неблагопріятномъ для нея торговомъ балансѣ, а именно—о превышеніи ввоза надъ вывозомъ. Послѣднее началось, и продолжается непрерывно, съ 1894 года, когда оно выразилось суммой 54 мил. енъ и было особенно велико въ 1898 году (111,7 мил. енъ) и въ 1900 г. (82,8 мил. іенъ). Это обстоятельство, однако, не безпокоитъ государственныхъ и коммерческихъ дѣятелей страны, такъ какъ они находятъ объясненіе ему въ соображеніяхъ, сущность которыхъ баронъ Сибусава излагаетъ такъ *):

«Несомнѣнно, что въ Японіи уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ происходитъ отливъ золота за границу,—однако же не въ такой степени, какъ можно предположить по голымъ цифрамъ. Такъ, хотя за періодъ между 1894 и 1900 годомъ включительно ввозъ превысилъ вывозъ на 307 мил. енъ, но всестороннее изученіе финансовыхъ операцій показываетъ, что въ дѣйствительности отливъ монеты за эти 7 лѣтъ выразился суммой только въ 19 мил. енъ. Разница покрыта контрибуціей, которую Японія взяла съ Китая». Далѣе, «надо усвоить себѣ», говоритъ тотъ же авторъ,—«что путемъ такого, сравнительно, малаго расхода монеты Японія сдѣлала большой запасъ матеріаловъ, которые ощутительно помогаютъ ея промышленному развитію, такъ какъ значительная часть избытка ввоза приходится на долю предметовъ, увеличивающихъ производительныя силы страны, именно — на пароходы, желѣзнодорожные матеріалы и локомотивы».

Англійскіе авторитеты по вопросамъ о состояніи торговли и промышленности въ Японіи (Brinkley, Dyer, Ransome и друг.) вполнѣ согласны съ приведенными доводами барона Сибусава, точно такъ же, какъ и со слѣдующимъ взглядомъ его на пережитый японской промышленностью отъ 1899 г. до 1901 г. кризисъ, который,—какъ это можно заключить изъ торговыхъ отчетовъ иностранныхъ консуловъ въ Японіи,—временно «развѣнчалъ» въ глазахъ европейцевъ быстрые экономическіе успѣхи ея:

«Недавнія экономическія затрудненія Японіи были просто естественною реакціей послѣ увлеченія той лихорадочной дѣятельностью, которая послѣдовала за побѣдоносною войной 1894—1895 года, и послѣдствія этого увлеченія далеко не были такими бѣдственными для страны, какими нѣкоторые японскіе и иностранные органы печати старались ихъ представить. Напротивъ, эта небольшая «буря» имѣла спасительнымъ результатомъ очищеніе экономической атмосферы отъ чрезмѣрныхъ спекуляцій и другихъ операцій, которыми она была прежде обременена. Во время разгара различныхъ предпріятій, которыя возникли въ странѣ послѣ войны, было поставлено на ноги много

*) „Commerce and Industries by Baron Eichi Shibusawa. Статья его въ сборникѣ „Japan by the Japanese", edited by A. Stead. London. 1904, p. 388.

тысячъ видовъ промышленности; и небольшой кризисъ, черезъ который прошло теперь населеніе, усилилъ его благоразуміе и серіозность въ промышленныхъ предпріятіяхъ. По моему мнѣнію, дѣйствительныя блага для Японіи побѣдоносной войны, имѣвшей духовнымъ слѣдствіемъ возбужденіе энергіи ея населенія, а матеріальнымъ—полученіе страною контрибуціи, не могли еще проявиться вполнѣ въ лихорадочный періодъ, который послѣдовалъ непосредственно послѣ войны, но проявятся въ будущемъ» *).

Чтобы дать читателямъ наглядную картину торгово-промышленнаго роста Японіи за послѣднее десятилѣтіе, приводимъ здѣсь иллюстрирующую его таблицу, въ которой денежныя суммы округлены до полныхъ милліоновъ и показаны въ енахъ, т.-е., можно считать, въ русскихъ рубляхъ:

	1894 г.	1904 г.
Число промышленныхъ компаній	4.595	8.612
Ихъ капиталъ	618.000.000	1.226.000.000
Капиталъ банковъ	112.000.000	540.000.000
Внѣшняя торговля	230.000.000	786.000.000
Правительственный доходъ . .	98.000.000	250.000.000
Деньги въ обращеніи	276.000.000	592.000.000
Депозиты въ сберегат. Банкахъ.	292.000.000	2.988.000.000
На счетахъ расчетныхъ палатъ четырехъ главныхъ городовъ.	252.000.000	3.586.000.000
Нефтяныя компаніи	10.000.000	32.000.000
Число миль жел. дорогъ . . .	1.500	5.600
Вмѣстимость паровыхъ судовъ торговаго флота	120.000 тоннъ	715.000 тоннъ
Вмѣстимость парусныхъ судовъ	45.000 »	340.000 »

По поводу приведенныхъ въ этой таблицѣ данныхъ о торговомъ флотѣ, умѣстно замѣтить, что, ступивъ на путь торгово-промышленнаго развитія, Японія, въ силу географическаго положенія своего, должна была направить значительныя усилія къ развитію торговаго мореходства. И такъ какъ задача внѣшней обороны ея, какъ островной страны, требуетъ въ то же время обезпеченія сильнаго военнаго флота, то поощреніе судостроенія и мореходства вообще съ самаго начала эры Мейдзи составляли одну изъ главнѣйшихъ заботъ японскаго правительства. Но особенный импульсъ этому дѣлу былъ данъ «закономъ о поощреніи судостроенія и судоходства» **), вступившемъ въ силу вскорѣ послѣ

---

*) Ibidem, p. 400.

**) Читатели, интересующіеся подробностями этого закона, могутъ найти текстъ его въ упомянутомъ въ предшествующей выноскѣ сборникѣ; стран. 650—656.

японо-китайской войны, а именно въ 1896 году. Согласно этому закону, за стальныя и желѣзныя паровыя суда, построенныя въ Японіи для японскаго предпринимателя или компаніи предпринимателей, если они состоятъ въ японскомъ подданствѣ, выдаются установленныя преміи изъ казны. Рядомъ съ этимъ правительство выдаетъ щедрыя, хотя и обусловленныя суровыми требованіями, субсидіи на судоходныя предпріятія. Какъ упомянутыя преміи, такъ и субсидіи соображены такъ, чтобы онѣ способствовали развитію, главнымъ образомъ, крупныхъ и быстроходныхъ пароходовъ дальняго плаванія.

По бюджету на 1901 годъ сумма судостроительныхъ и судоходныхъ премій опредѣлялась, въ круглыхъ числахъ, въ 6,9 мил. енъ, т.-е. около $2^1/_2\%$ отъ всей суммы государственныхъ расходовъ, которые составляли на упомянутый годъ 275,8 милліоновъ енъ. Въ результатѣ всѣхъ этихъ мѣропріятій торговый флотъ Японіи растетъ съ поразительной быстротой. Такъ, въ 1897 году общая вмѣстимость всѣхъ ея торговыхъ судовъ, включая паровыя и парусныя, не превосходила 400.000 тоннъ; въ 1899 году вмѣстимость однихъ только паровыхъ судовъ составляла 474 тысячи тоннъ, а къ 1904 году она превышала уже 715 тыс. тоннъ. При прибавленіи же сюда вмѣстимости парусныхъ судовъ, получимъ вмѣстимость въ 1055 тысячъ тоннъ, которая, слѣдовательно, за 5 лѣтъ съ 1897 года возросла болѣе чѣмъ въ $2^1/_2$ раза.

Въ начальный періодъ развитія торговаго флота пароходы пріобрѣтались Японіей исключительно за границей; такъ, за десятилѣтній промежутокъ времени, между 1868 и 1878 г. было куплено въ Англіи и Америкѣ 138 пароходовъ. Вмѣстѣ съ покупкой послѣднихъ ихъ, обыкновенно нанимался для службы на нихъ по долгосрочнымъ контрактамъ и иностранный составъ судоводителей и механиковъ; такимъ же путемъ комплектовался сначала офицерскій составъ и тѣхъ океанскихъ пароходовъ торговаго флота, которые (съ 1888 года) строились въ самой Японіи. Вслѣдствіе этого еще въ 1890 году болѣе 50% упомянутаго состава были иностранцы (англичане и американцы); но, вѣрные своей политикѣ, японцы систематически освобождаются отъ послѣднихъ, такъ что къ 1 января 1902 года на пароходахъ ихъ числилось въ офицерскомъ составѣ только одна шестая часть иностранцевъ, а именно:

	Японцевъ:	Иностранцевъ:
Судоводителей	920	213
Механиковъ и машинистовъ . . .	981	118
	1901	331

При этомъ нынѣ иностранцы гораздо чаще занимаютъ должности помощниковъ капитановъ пароходовъ, чѣмъ самихъ капитановъ и,

какъ замѣчаетъ Ренпеи Кондо *)—президентъ правленія пароходной компаніи «Нипонъ Юзенъ Кайша»—«необходимость пользованія услугами иностранцевъ на отвѣтственныхъ должностяхъ въ японскомъ торговомъ флотѣ, практически говоря, исчезла». Тѣ иностранцы, которые состоятъ въ немъ теперь, дослуживаютъ свои контрактные сроки, послѣдній изъ которыхъ кончается въ 1908 году. Замѣчу по этому поводу, что въ 1903 году мнѣ пришлось совершить плаванія на двухъ океанскихъ пароходахъ названной компаніи, и я не видѣлъ ни одного иностранца ни въ судоводительскомъ составѣ ихъ, ни въ числѣ механиковъ и машинистовъ... На одномъ изъ этихъ пароходовъ «Кобе-Мару»,—совершавшемъ тогда торговые рейсы между портами Японіи и Кореи, «въ конкурренцію» съ пароходами Общества Восточно-Китайской желѣзной дороги,—я видѣлъ только фотографическую группу европейцевъ, помѣщенную передъ входомъ въ каютъ-кампанію; и на мой вопросъ, «изъ кого состоитъ эта группа?» капитанъ-японецъ,—любезно, но съ лукавой, какъ мнѣ показалось, усмѣшкой,—отвѣтилъ: «изъ нашихъ бывшихъ учителей, которыхъ мы всегда будемъ вспоминать съ благодарностью». Кстати сказать, пароходъ содержался въ образцовомъ порядкѣ, и режимъ на немъ,—по скольку онъ распространялся на экипажъ—напоминалъ скорѣе военное судно. Въ воскресенье капитанъ прочелъ командѣ нѣкоторыя статьи изъ узаконеній о службѣ на торговыхъ судахъ и сдѣлалъ для доставленія своему экипажу практики, примѣрную тревогу: «спускъ шлюпокъ для посадки на нихъ пассажировъ въ случаѣ опасной аваріи парохода».

Хорошимъ показателемъ быстраго развитія японскаго торговаго флота служитъ участіе его въ ввозной и вывозной торговлѣ страны: въ 1889 году сумма оборотовъ внѣшней морской торговли,—за вычетомъ стоимости купленныхъ за границей пароходовъ и пароходныхъ принадлежностей,—составляла 133 милліона енъ; а стоимость товаровъ, перевезенныхъ японскими судами, составляла всего 10,1 мил. енъ, т.-е. менѣе чѣмъ одну двѣнадцатую долю названной суммы. А черезъ десять лѣтъ послѣ того, т.-е. въ 1899 г., изъ полной суммы внѣшней торговли, 428 мил. енъ (за такимъ же вычетомъ, какой упомянутъ выше), на долю товаровъ, перевезенныхъ японскими судами, пришлось только 140 мил. енъ, или почти лишь одна треть названной полной суммы.

Какъ извѣстно, въ Японіи процвѣтаютъ одновременно промышленность туземнаго происхожденія,—которую можно характеризовать, какъ «кустарное производство художественныхъ предметовъ», и промышленность, введенная изъ западныхъ странъ и основанная на фабрично-заводской системѣ. Въ промышленности перваго рода Япо-

*) „The Merchant Marine", by Renpei Kondo.—См. сборникъ „Japan by the Japanese"; p. 471.

нія не имѣетъ соперниковъ, и степень процвѣтанія ея зависитъ всецѣло отъ того, въ какой мѣрѣ дальнѣйшее развитіе машиннаго производства повліяетъ на пониженіе артистическихъ способностей и художественнаго вкуса, присущихъ до сихъ поръ японскому ремесленнику. Во всякомъ случаѣ, однако, «туземная» промышленность, какъ и всякая кустарная, являясь хорошимъ подспорьемъ для заработковъ населенія, не дастъ почвы, на которой возможно развитіе крупныхъ экономическихъ предпріятій. Что же касается фабрично-заводской промышленности, то какъ бы ни развивалась она въ Японіи, произведенія ея, вѣроятно, еще въ теченіе многихъ лѣтъ, не могутъ конкурировать съ такими же произведеніями европейской и американской промышленности на *западныхъ* рынкахъ,—не только по отдаленности послѣднихъ отъ Японіи, но и потому, что западныя державы имѣютъ безконечно бо́льшія сравнительно съ нею опытность и знанія въ этой отрасли человѣческой дѣятельности. Правда, въ первые годы развитія въ Японіи современныхъ видовъ промышленности на Западѣ часто выражалось опасеніе, что «дешевый трудъ на Дальнемъ Востокѣ поведетъ къ пониженію цѣнъ на европейскіе товары или къ пониженію заработковъ для западныхъ рабочихъ»; но ходъ событій показалъ, что такая перспектива была призрачной, такъ какъ въ дѣйствительности произошло обратное явленіе: заработная плата на Дальнемъ Востокѣ рабочимъ, искуснымъ въ отрасляхъ западной промышленности, постоянно возростаетъ *).

Итакъ, *западные* рынки мало интересуютъ Японію; но зато ея государственные дѣятели посвящаютъ исключительно напряженное вниманіе на то, чтобы имперія Микадо сдѣлалась въ экономическомъ отношеніи своего рода Англіей Тихаго океана и добилась промышленнаго господства на всѣхъ *восточныхъ* рынкахъ.

Примѣромъ энергіи, настойчивости и умѣнья, съ какими Японія старается осуществить свои стремленія въ охарактеризованномъ сейчасъ направленіи, могутъ служить дѣйствія ея въ Кореѣ, начавшіяся непосредственно послѣ заключенія ею съ послѣдней торговаго договора въ 1882 году **). Японское правительство субсидировало тогда японскіе пароходы, поддерживающіе сношенія съ корейскими портами; оно содѣйствовало открытію въ Кореѣ отдѣленій банковъ, которые стали выдавать ссуды подъ товары, отправляемые въ названную страну на японскихъ судахъ, и принимать на себя храненіе этихъ товаровъ, по прибытіи ихъ на мѣсто назначенія, а также, при выпискѣ товаровъ изъ Японіи купцами, проживающими въ Кореѣ; облегчило устройствомъ

---

*) „Рабочему вопросу“ въ Японіи будетъ посвящена нами отдѣльная статья. *Н. А.*

**) См. обширный трудъ, изданный Министерствомъ Финансовъ: „Описаніе Кореи“. С.-Петербургъ, 1900.

посредническихъ конторъ производство расчетовъ съ отправителемъ и пароходными компаніями, и т. п. При содѣйствіи того же правительства, въ Кореѣ появились и агентства японскихъ страховыхъ компаній, которыя стали принимать на страхъ только товары, отправляемые на японскихъ судахъ. Наконецъ, при поддержкѣ своихъ дипломатическихъ и консульскихъ представителей, японцы захватили всѣ лучшіе земельные участки въ корейскихъ портахъ.

Такъ какъ въ Кореѣ долгое время не существовало кредитныхъ учрежденій, кромѣ японскихъ, то таможенныя пошлины стали помѣщаться на текущій счетъ въ отдѣленія японскихъ банковъ. Въ виду крайней недостаточности денежныхъ знаковъ въ этой странѣ, японцы выговорили себѣ право производить тамъ расчеты своими деньгами и такимъ образомъ получили возможность вліять на курсъ мѣдной корейской монеты.

Среди факторовъ, сильно содѣйствовавшихъ развитію японской торговли въ Кореѣ, слѣдуетъ упомянуть объ учрежденномъ японцами «Обществѣ изученія и поощренія японо-корейской торговли». Общество это имѣетъ цѣлью покровительствовать японской торговлѣ внутри Кореи. Его главное управленіе находится въ Чемульпо, отдѣленія—въ Сеулѣ, Фузанѣ и Гензанѣ. Вся территорія Кореи въ отношеніи дѣятельности общества раздѣлена на 16 округовъ, при чемъ для каждаго округа назначенъ особый завѣдующій. Между всѣми округами учреждено почтовое сообщеніе и установленъ переводъ денегъ; члены общества при перевозкѣ товаровъ обязаны помогать японскимъ торговцамъ своими людьми. Общество насчитывало къ январю 1898 года 440 членовъ, въ числѣ которыхъ состоятъ многіе изъ капиталистовъ г. Осака, учредившихъ тамъ мѣстное отдѣленіе Общества. Ежемѣсячный членскій взносъ—20 центовъ. Такъ какъ получаемой, такимъ образомъ, суммы далеко недостаточно для выполненія цѣлей общества, то японское министерство земледѣлія и торговли назначило обществу субсидію въ 10.000 долларовъ и обѣщало не оставлять его и въ будущемъ. Такимъ образомъ Японія быстро обезпечила въ Кореѣ и свое положеніе и свою торговлю.

Стремленія и надежды имперіи микадо въ вопросѣ о дальнѣйшемъ развитіи своей промышленности, и главное въ дѣлѣ обезпеченія за собою рынковъ Дальняго Востока, хорошо выражены въ цитируемыхъ нами строкахъ одного изъ видныхъ торгово-промышленныхъ дѣятелей ея—Реппеи Кондо. Эти строки, кромѣ того, имѣютъ значеніе для насъ и потому, что сопоставленіе высказанныхъ въ нихъ мыслей съ излагаемыми нами ниже *) соображеніями Эльцбахера (O. Eltzbacher) радѣтеля британскихъ интересовъ на Дальнемъ Востокѣ, даетъ интересную

*) См. стр. 87.

перспективу неизбѣжнаго въ будущемъ соперничества Японіи и Англіи въ странахъ Тихоокеанскаго бассейна.

Указавъ въ статьѣ своей «О японскомъ торговомъ флотѣ» *) на «утѣшительное» экономическое состояніе Японіи въ настоящемъ, Ренпеи Кондо говоритъ:

«Но можетъ возникнуть вопросъ, достаточно-ли имѣетъ страна національныхъ рессурсовъ для обезпеченія своего благосостоянія въ будущемъ? Небольшое размышленіе показываетъ, что мы не менѣе счастливы въ этомъ отношеніи, чѣмъ другія страны. Независимо отъ богатыхъ, но недостаточно еще эксплоатируемыхъ горныхъ промысловъ, обширныхъ пространствъ невоздѣланной земли, камфоры, чаю, рыбы и другихъ рессурсовъ добывающей промышленности, какіе могутъ дать Хоккаидо и Формоза,—и даже независимо отъ того, что существующіе и въ самой Японіи виды добывающей промышленности подлежатъ еще дальнѣйшему усовершенствованію и развитію,—едва ли можно отрицать, что артистическій талантъ нашего народа составляетъ серіозный рессурсъ. Онъ можетъ быть утилизированъ въ значительно большей степени, чѣмъ это дѣлается въ настоящее время. Шелковая промышленность **) представляетъ яркую иллюстрацію этого: Японія производитъ сырой шелкъ и вывозитъ его въ большихъ количествахъ. Почему же не приложитъ она своего артистическаго таланта и интеллигентнаго труда къ усовершенствованію шелковыхъ издѣлій, вмѣсто того, чтобы позволять французамъ и американцамъ наслаждаться, говоря практически, монополіей ткацкой промышленности?

Далѣе, не надо забывать,—говоритъ тотъ же авторъ—что географическое положеніе Японіи, такъ же, какъ и расовое родство населенія ея съ китайскимъ народомъ, способствуютъ развитію ея торговли съ Китаемъ, который возбуждаетъ такой аппетитъ со стороны проницательныхъ дѣловыхъ людей всего міра. Разъ Японія такъ благопріятно расположена по отношенію къ доступу на китайскіе рынки, и разъ мы способны изучить китайскіе вкусы и потребности лучше, чѣмъ это могутъ сдѣлать западныя государства, вслѣдствіе общности письменнаго языка и цѣлыхъ столѣтій тѣснаго общенія со своимъ сосѣдомъ, то наши торговыя сношенія съ нимъ едва-ли будутъ испытывать затрудненія, подобныя почти инстинктивному «предубѣжденію», которое создаетъ преграду между Китаемъ и западными державами. Это хорошо понято въ Японіи, и народъ не замедлитъ воспользоваться такими очевидными преимуществами. По мнѣнію Ренпеи Кондо, послѣднія должны разсматриваться, какъ богатые рессурсы страны, и могутъ служить подтвержденіемъ его убѣжденія въ томъ, что экономическое будущее Японіи полно ясныхъ надеждъ.

---

*) „The Merchant Marine“, p. 473.

**) См. выноску на стран. 70.

Мечты японцевъ о преобладаніи надъ европейцами на западныхъ рынкахъ—или, можетъ быть, даже о вытѣсненіи ихъ оттуда,—уже начинаютъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ частностяхъ, сбываться. Особенно чувствуется это британскими коммерсантами на хлопчатобумажной промышленности, необычайное развитіе которой въ Японіи составляетъ, по выраженію нѣмецкаго экономиста Л. Качера *), «на ряду съ арміей и флотомъ, главный предметъ гордости подданныхъ Микадо...». И въ самомъ дѣлѣ, это развитіе поразительно. До 1880 года въ Японіи существовала всего лишь одна бумагопрядильня о 6.000 веретенъ, оборудованная англичанами и изъ англійскихъ матеріаловъ еще въ 1865 году въ Кагошимѣ, по приглашенія князя Шимаву; и не ранѣе, какъ четверть вѣка назадъ, японцы поняли, что учрежденіе въ ихъ странѣ ткацкихъ фабрикъ, работающихъ по европейскимъ методамъ, будетъ лучшимъ способомъ борьбы противъ ввоза европейскихъ тканей. Правительство оказало поддержку національному промышленному движенію въ этомъ направленіи, выписывая лучшія машины изъ Англіи и продавая ихъ на льготныхъ условіяхъ молодымъ предпріятіямъ. Въ результатѣ уже въ 1891 году въ Японіи дѣйствовали 39 хлопчатобумажныхъ фабрикъ при 385.114 веретенъ; къ серединѣ же 1900 года число такихъ фабрикъ возросло до 86, а число веретенъ до—1.300 тысячъ, т.-е. болѣе, чѣмъ утроилось. Вслѣдствіе этого уже болѣе десяти лѣтъ назадъ продукты хлопчатобумажной промышленности въ Японіи не только удовлетворяютъ спросу на нихъ въ самой этой странѣ, но и вывозятся на китайскій и корейскій рынки въ постоянно возростающемъ количествѣ; такъ, въ 1890 году хлопчатобумажной пряжи изъ Японіи было вывезено на 2,4 милліона енъ, а въ 1903 году—уже на 20 милліоновъ енъ... При этомъ, какъ свидѣтельствуютъ послѣдніе китайскіе таможенные отчеты, «японскіе промышленники,—хотя имъ и приходится оплачивать экспортную пошлину въ Китай на выдѣланную изъ него пряжу, вмѣстѣ съ расходами по двойной перевозкѣ матеріаловъ и товара черезъ океанъ,—имѣютъ возможность продавать послѣднюю въ Китаѣ дешевле китайской пряжи...». Фактъ, который краснорѣчиво говоритъ о дѣеспособности и организаторскомъ талантѣ японцевъ. «Въ концѣ концовъ,—говоритъ англичанинъ Дайеръ, въ изслѣдованіи своемъ по этому же вопросу,—можно сказать, что уже теперь торговля на Дальнемъ Востокѣ хлопчатобумажной пряжей, британскаго издѣлія, прекратилась. И то, что осуществилось уже по отношенію къ хлопчатобумажной промышленности, въ недалекомъ будущемъ случится и по отношенію къ многимъ отраслямъ торговли» **).

Несмотря на возрастающій успѣхъ конкуренціи Японіи съ запа-

---

*) „Политическія и экономическія задачи Японіи", переводъ съ нѣмецкаго Изданіе Н. Кранихфеледъ. Харьковъ. 1905 г. стр. 41.

**) „Dai Nipron"; p. 336.

домъ на рынкахъ Дальняго Востока, быстрый ростъ населенія ея, развитіе ея экономическаго благосостоянія, а главное, потребность въ разнаго рода механическихъ орудіяхъ для организаціи постояннаго расширяющихся и вновь организуемыхъ въ ней фабрично-заводскихъ предпріятій, дѣлаютъ эту страну, саму по себѣ, цѣннымъ рынкомъ для сбыта многихъ продуктовъ добывающей и обрабатывающей промышленности запада. Это обстоятельство, рядомъ съ соображеніями «военно-политическаго» характера, является, повидимому, важнымъ факторомъ въ стремленіи Англіи обезпечить за собою возможно скорое возобновленіе, дѣйствующаго нынѣ англо-японскаго союза, срокъ котораго истекаетъ 30 января 1906 года. Интересный вопросъ этотъ обстоятельно трактуется на страницахъ мартовской книги за этотъ годъ журнала «The Nineteenth Century and after», въ статьѣ «The Renewal of the Japanese Alliance; by O. Eltzbacher» *), обратившей на себя вниманіе политическихъ и экономическихъ органовъ западной печати.

Изложимъ здѣсь поэтому вкратцѣ сущность той части названной статьи, которая относится непосредственно къ разсматриваемому нами въ настоящей главѣ вопросу.

Японія, при томъ знаніи своемъ Востока и Запада, въ которомъ она не имѣетъ соперниковъ,—говоритъ авторъ,—предназначена быть посредникомъ между Европою и Азіей. Китай обращается въ Японію и спрашиваетъ у нея совѣта, когда не можетъ понять насъ, и мы должны обращаться туда же, если хотимъ имѣть успѣхъ въ Китаѣ. Въ прямыхъ сношеніяхъ между послѣднимъ и Европой недоразумѣнія слѣдовали за недоразумѣніями; обманъ практиковался съ обѣихъ сторонъ, Китаю то льстили, то угрожали, и онъ «обирался» всѣми. Поэтому онъ естественно видитъ въ каждой иностранной державѣ Европы возможнаго врага. Если Китай послѣдуетъ, хотя бы до нѣкоторой степени, примѣру Японіи и приметъ европейскую кутьтуру, то «велико будетъ благо для тѣхъ государствъ, къ которымъ онъ отнесется съ довѣріемъ, потому что слѣдствіемъ послѣдняго будутъ торговыя сношенія его съ ними». И нѣтъ причины думать, почему бы Великобританія, которая не имѣетъ территоріальныхъ притязаній на Китай, не сдѣлалась главнымъ руководителемъ его и, преимущественно передъ другими державами, поставщикомъ его. Но лишь весьма немногіе англичане понимаютъ китайскій языкъ; и изъ тѣхъ, которые его понимаютъ, только незначительное меньшинство понимаетъ китайскій народъ. Отсюда, слѣдуетъ, что національныя и индивидуальныя кооперації японцевъ въ Китаѣ были бы въ высшей степени плодотворны, какъ для Японіи, такъ и для насъ самихъ».

Далѣе, указавъ на то, что иностранная торговля Японіи, поразительно возросшая съ 1876 года, обѣщаетъ впредь еще болѣе быстрый

*) № 337, March, 1905, p. 500.

ростъ,—авторъ продолжаетъ:—«Насколько ввозъ въ Японію изъ британской имперія увеличился въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ, и какія перспективы сулитъ развитію британской торговли съ Японіей будущее, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Годы.	Великобританія.	Индія.	Соединнен. Штаты.	Германія.
1873	19.273.057	819.931	2.727.585	1.280.645
1883	12.775.124	2.455.619	3.233.032	1.421.612
1888	28.693.567	7.689.092	5.648.734	5.260.897
1893	27.929.628	8.679.029	6.090.408	7.318.135
1898	62.707.573	40.764.245	40.001.098	25.610.862
1903	48.736.758	69.894.197	46.273.871	26.958.977

Въ настоящее время Великобританія и Индія вмѣстѣ доставляютъ болѣе одной трети ввоза въ Японію, а вмѣстѣ съ Соединенными Штатами—значительно болѣе половины. Отсюда ясно, что японскій рынокъ имѣетъ чрезвычайное значеніе для англо-саксонскихъ государствъ, которымъ поэтому и есть изъ-за чего культивировать. Главную часть американскаго ввоза въ Японію составляютъ зерновые хлѣба, сырой хлопокъ и керосинъ. Индія ввозитъ въ Японію почти исключительно рисъ и хлопокъ; Великобританія посылаетъ въ эту страну механическія орудія и мануфактурные товары всякаго рода,—особенно бумажныя и шерстяныя издѣлія».

Обзоръ предыдущей таблицы показываетъ, что германскій ввозъ въ Японію растетъ быстрѣе, чѣмъ Великобританскій, и что, слѣдовательно, германскіе товары за послѣдніе годы до нѣкоторой степени вытѣсняютъ британскіе съ японскаго рынка... «Тѣмъ не менѣе, Великобританія занимаетъ все еще первое мѣсто во ввозѣ мануфактурныхъ товаровъ и была бы способна улучшить еще свое положеніе при достаточной энергіи».

«Требованія Японіи на сырой хлопокъ, зерновые хлѣба, мясо, шерсть и т. д. должны постоянно рости. Въ настоящее время она получаетъ, согласно ея оффиціальной статистикѣ, ничтожное количество этихъ продуктовъ изъ Канады и Австраліи, съ которыми ея торговля, вообще, сводится почти къ нулю. Но нѣтъ причины къ тому, чтобы значительная часть хлѣба и мяса, которые она получаетъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, не доставлялась бы изъ Канады, а шерсть—изъ Австраліи... И если бы въ будущемъ могла быть установлена возможность цѣлесообразнаго договора между Великобританской имперіей и Японіей, то англійскіе мануфактурные товары быстро замѣнили бы въ послѣдней германскіе, «а наши колоніи доставляли бы ей много изъ тѣхъ сырыхъ матеріаловъ, которые теперь доставляются, главнымъ образомъ, Соединенными Штатами».

Закончимъ настоящую главу изложеніемъ сущности соображеній Генри Дайера, интересныхъ для насъ особенно потому, что, имѣя

близкую связь съ предметомъ нашей статьи, они въ то же время относятся къ тѣмъ «міровымъ факторамъ», которымъ «суждено опредѣлить великую международную роль Японіи въ будущемъ».

Призывая отечество свое ко вниманію къ той перемѣнѣ условій полититескихъ и экономическихъ, какая вызывается въ послѣднее время новой ролью Дальняго Востока, Дайеръ говоритъ *), что Великобританія должна тщательно изучать событія, чтобы быть подготовленной къ послѣдствіямъ происходящихъ теперь перемѣнъ. «Счастливое стеченіе обстоятельствъ скорѣе, чѣмъ достоинства или врожденные таланты, дали намъ такое преобладающее положеніе въ промышленности и торговлѣ въ теченіе XIX столѣтія. Но теперь обстоятельства измѣняются въ противоположномъ направленіи. Происходятъ радикальныя перемѣны экономическія не только въ Японіи, и Китаѣ, но и во всѣхъ странахъ, ограниченныхъ Тихоокеанскими водами: и въ ближайшемъ будущемъ мы можемъ ожидать еще бо́льшихъ перемѣнъ, которыя, конечно, повліяютъ на иностранную политику какъ Японіи, такъ и другихъ великихъ державъ міра. Если мы внимательно всмотримся въ чудесную Тихоокеанскую береговую линію Азіи, простирающуюся отъ Сингапура къ Владивостоку, съ примыкающими къ ней обширными странами Сибири, Китая и Австраліи, и затѣмъ обратимся къ противоположному Тихоокеанскому побережью Америки, которое тянется отъ Аляски до Патагоніи, съ не менѣе обширными странами Канады, Соединенныхъ Штатовъ, Южной Америки, и вообразимъ населеніе, которое окажется въ этихъ странахъ къ концу текущаго столѣтія, то мы должны быть почти подавлены мыслью о грандіозности грядущей экономической революціи. Хотя въ данное время мы не можемъ, конечно, отчетливо представить себѣ ходъ событій, который приведетъ къ ней, но мы должны быть увѣрены, что Японія будетъ играть въ немъ важную роль. Въ соединеніи съ Китаемъ она можетъ не только революціонизировать экономическія условія на Дальнемъ Востокѣ, но также имѣть большое вліяніе на послѣднія и на Западѣ». Зевардъ почти сорокъ лѣтъ назадъ предсказалъ въ сенатѣ Соединенныхъ Штатовъ, что «Тихій Океанъ, его берега, его острова и обширныя страны, къ нему примыкающія, сдѣлаются главною ареной міровыхъ событій въ близкомъ будущемъ.» Это пророчество теперь исполняется. Но должны-ли быть эти событія результатомъ взаимодѣйстія свободныхъ экономическихъ силъ; будутъ-ли послѣднія направляемы законодательствомъ и тарифами, или же состязательная борьба приведетъ къ вооруженнымъ комбинаціямъ, которыя разстроятъ всѣ расчеты и умозрѣнія, это—тайна, которую раскроетъ только будущее. Прямое, такъ же какъ и косвенное экономическое вліяніе Японіи на другія страны и особенно на тѣ, которыя граничатъ съ площадью Тихаго океана, составятъ въ высшей степени интересный

*) „Dai Nippon;“ chapter XVI. „International Relations“ pp. 334—338.

предметъ изученія въ теченіе настоящаго столѣтія. И со стороны людей, которые руководятъ судьбами народовъ, должно быть проявлено напряженное вниманіе къ этому предмету, если они хотятъ, чтобы ихъ политика была направлена по раціональнымъ путямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, обозрѣніе карты земного шара показываетъ намъ, что Японія находится въ исключительно благопріятномъ положеніи не только по отношенію къ обезпеченію военно-морской обороны и наступательныхъ дѣйствій. Она является центромъ всѣхъ самыхъ важныхъ путей не только Тихоокенскаго бассейна, но и міровыхъ, будучи связана съ обоими берегами Европы и Америки линіями пароходныхъ и желѣзнодорожныхъ путей, которыя должны сосредоточить въ ней большіе торговые интересы и дать ей большое преимущество почти на всѣхъ рынкахъ земного шара.

Японія одинаково хорошо расположена для всякой военной или морской операціи, которая можетъ имѣть мѣсто на Дальнемъ Востокѣ, и ея географическое положеніе будетъ играть большую роль для обезпеченія ей успѣха, если когда-нибудь придется прибѣгнуть къ ужасному посредничеству международной войны. Длинная линія береговъ японской имперіи, отъ Езо до Формозы, обильна безопасными и удобными станціями, какъ для морскихъ, такъ и для береговыхъ цѣлей; армія и флотъ будутъ близко отъ ея источниковъ снабженія, а не на тысячи миль отъ базы, какъ это будетъ имѣть мѣсто по отношенію къ европейскимъ и американскимъ державамъ. Такимъ образомъ, Японія будетъ владѣть берегами Китая, и прохожденіе въ ея водахъ всякихъ враждебныхъ ей силъ сдѣлается чрезъ то весьма затруднительнымъ. Корея находится всего въ разстояніи нѣсколькихъ часовъ плаванія отъ самыхъ сильныхъ и самыхъ удобныхъ военныхъ портовъ Японіи, и Гонконгъ лежитъ близко къ южной оконечности Формозы; Филиппинскіе острова отстоятъ только на семь дней плаванія отъ Нагасаки, тогда какъ Индо-Китай, Сіамъ, Австралія легко достижимы для Японіи. Очевидно, поэтому, что Японія сама по себѣ должна быть весьма могущественнымъ факторомъ во всѣхъ вопросахъ Дальняго Востока. Въ союзѣ съ Великобританіей, какой заключенъ теперь, она будетъ непреодолима и непобѣдима никакой комбинаціей, возникновеніе которой возможно или, по крайней мѣрѣ, вѣроятно. Кромѣ того, есть еще другая сторона предмета,— замѣчаетъ Дайеръ,— которую ненадо упускать изъ виду: хотя и не видно, чтобы Японія имѣла желаніе или намѣреніе слѣдовать агрессивной политикѣ, но все-таки хорошо, чтобы иностранныя державы признали не только силу ея положенія, но также возможность подъ главенствомъ ея гигантской военной и морской организаціи, которая сдѣлаетъ народы Востока всемогущими, если себялюбивая политика европейскихъ державъ принудитъ ихъ стать въ оборонительное положеніе.

Н. Азбелевъ.

ВЕРНУЛСЯ.

(Разсказъ).

> И изыдутъ живущіи во градѣхъ Ізраилевыхъ, и пожгутъ оружіе, и щиты и копія, и луки и стрѣлы, и жезлы ручные и сулицы, и раждегутъ ими огнь семдь лѣтъ. И не возьмутъ древесъ съ поля, не изсѣкутъ отъ дубравы: но оружіемъ раждегутъ огнь, и плѣнятъ плѣнившыя ихъ, и расхитятъ расхитившихъ я, глаголетъ Адонаи Господъ.
>
> Іезекіель, гл. 39, ст. 9, 10.

— Какъ васъ зовутъ?

— Матреной, батюшка, зовусь. Пиши: Матрена.

— По фамиліи какъ?

— Занозовы мы, изъ Карасевки-слободы.

— Что-же у васъ болитъ?

Матрена Занозова поглядѣла на меня, тяжело вздохнула, потомъ медленно приподнялась со стула, на которомъ сидѣла, и, быстро взглянувъ на образъ, висѣвшій въ углу пріемной, тихо произнесла:

— Ничего-то у меня, батюшка, не болитъ... Я къ тебѣ, отецъ, по другому дѣлу пришла. Такое ужъ мудреное выходитъ дѣло. Не знаю, какъ и приступиться...

Эта женщина явилась ко мнѣ въ самомъ началѣ пріема, но упорно отказывалась заходить въ кабинетъ, говоря, что она обождетъ, и что ей не къ спѣху. Наконецъ, послѣ того, какъ были отпущены всѣ больные, она зашла, положила на столъ пестрый платокъ, въ которомъ было завязано десятка полтора яицъ и, послѣ нѣкотораго колебанія, усѣлась на предложенномъ стулѣ.

Во всѣхъ движеніяхъ этой, еще довольно молодой и крѣпкой женщины и на ея крупномъ, красивомъ, смугломъ лицѣ, съ умными, темнокарими глазами, строгимъ, прямымъ носомъ и энергичнымъ ртомъ—лежала печать какой-то неясной печали и растерянности, совсѣмъ неподходившими ко всему ея крѣпкому и умному виду. Подобная растерянность обыкновенно появляется на

такомъ лицѣ лишь по причинѣ совсѣмъ непредвидѣнныхъ и необычныхъ въ деревнѣ и въ деревенской семьѣ событій... Очевидно, и въ настоящемъ случаѣ было что-то такое.

— Такой случай—ума не приложу,—заговорила Матрена, понизивъ голосъ и подойдя почти вплотную ко мнѣ.—И совѣстно, и жутко... Съ мужемъ-те, съ моимъ, болѣсть такая приключилась... Такъ что и ходитъ-то онъ, не то, чтобы, сказать, лежалъ, и ничего, говоритъ, у меня не болитъ, а промежду того съ кажиннымъ часомъ все болѣе сохнетъ... Замучилъ все семейство въ отдѣлку; вотъ ужъ второй мѣсяцъ пошелъ.

— Съ чего-же у него началось?

— Началось-то съ чего?.. Дозволь, батюшка, я все тебѣ порядкомъ разскажу. Мужа-то мого осеннее время на войну, вишь, угнали. Осталась я съ тремя ребятенками—меньшому до годочку мѣсяца не хватало... Ну, ужъ куды ни шло, не меня одныё вить обидѣли. Почитай, что вся деревня безъ мужиковъ осталась... Билась я кой-какъ... Свекоръ подсоблялъ, хушъ и старый-те онъ, ну, все думала, продышимъ. Что ему не подъ силу—я сработаю. Силой-то Господь не обидѣлъ, и достатокъ у насъ не послѣдній: пчелы есть, капусту, картошку продала, пряжи малость. Отъ земства способіе выдавали; не велико способіе-то, да все поддержка, одно при другомъ... Первое время страшно мнѣ было, ну, какъ убьютъ, либо искалѣчутъ... Да ужъ и горевать-то некогда было, работы-заботы и на день и на ночь вдосталь хватало. Ну-те, стали отъ мужа письма приходить, такъ что кажинный мѣсяцъ письмо либо два присылалъ—самъ-то онъ хорошо грамотенъ. Писалъ такъ: въ страженіяхъ, дескать, бываю и все Господь милуетъ... Потомъ ужъ опосля Рожества смотрю, нѣтъ писемъ, да и шабашъ. И мѣсяцъ и другой все нѣту. Ужъ, думаю я, не иначе, что убили, али въ плѣнъ забрали. Потому, кабы ранили его, хоша бы самъ не написалъ, такъ товарища попросилъ бы написать. Такъ другой разъ задумаешься, затоскуешь и заболитъ у тебѣ сердце...

— Передъ Благовѣщеньемъ, смотрю, загомонили по деревнѣ, раненые, молъ, приходютъ, и мужъ мой, сказываютъ, будто Егорія крестъ получилъ и домой скоро воротится. И вправду вернулся, передъ самымъ-те Благовѣщеньемъ. Собралась я въ церкву итить, только вышла изъ хаты, глянь, а онъ родимый, вотъ-те у порога... Глянула я на его, да такъ и залилась слезами—не тотъ человѣкъ вернулся, словно подмѣнили его... Я къ нему съ радостью кинулась, въ хату его веду, а онъ на мѣстѣ уперся...

Матрена оборвала разсказъ и взглянула на меня тѣмъ же растерянным взглядомъ, съ какимъ приступила къ разсказу. Потомъ вздохнула глубокимъ, икающимъ вздохомъ, какъ ребенокъ послѣ долгаго плача и продолжала:

— Ну, чего-жъ ты, говорю, касатикъ родимый, въ избу не заходишь? Неужто, говорю, ты и не радъ, что домой вернулся, аль по батюшкѣ-то, по своемъ, да по дѣткамъ не стосковался?

— Не то, говоритъ, Матренушка... Допрежъ того, что въ хату войду, прости ты меня, окаяннаго,—да съ энтими словами, бухъ мнѣ въ ноги... Испугалась я, страсть какъ, заголосила, свекоръ тутъ изъ хаты на мой голосъ вышелъ, ребятишки повыскочили, всѣ къ ему: тотъ «тятька» кричитъ, свекоръ—«сыночекъ», а онъ ровно тебѣ деревянный,—ни тебѣ ухмыльнется, ничего въ свѣтѣ... Только одно повторяетъ: простите меня, окаяннаго. Стали сусѣди сходиться, а онъ къ нимъ съ этакими же словами... Съ тѣхъ самыхъ поръ и пошло до сего дни...

Однако же, потомъ зашелъ онъ въ избу. Посадили мы его за столъ, изготовила я самоварчикъ, закуски поставила—ѣшь, голубчикъ. А онъ сидитъ, ни къ чему не притрагуется...—Ты, говорю, хошъ бы Васятку пожалѣлъ, до себѣ закуской поманилъ. Вижу я, словно въ толкъ онъ не возьметъ и словъ-те моихъ. Только поглядѣлъ на меня таково страшно... ну, какъ деревянный и ничегошенько не сказалъ... Тутъ ужъ сусѣди заговорили: дескать, что-жъ ты эдакъ, Иванъ Миколаичъ? То, бывало, съ городу воротисся, да все, какъ по писанному, разскажешь, а вить нонѣ ты съ войны пришелъ, легко ли сказать. Объясни ты намъ все въ точности, какъ тамъ съ японцемъ воюютъ, скоро-ль съ нимъ раздѣлаются, доколь воевать будемъ?—А онъ имъ:—Ничего этого, говоритъ, не знаю. Забылъ я все, задушилъ меня грѣхъ-то мой...—да съ энтими словами—шасть з-за стола, опять середъ хаты сталъ на колѣнки — простите, говоритъ, православные... — Самъ черный, сухой, да сурьезный... Глаза-то у него были вострые, да веселые-быстрые. А теперя такіе... ровно бы чижолые, еле ими ворочаетъ, да смутные... Вотъ, какъ у коровы бываютъ, у которой телка отняли...

Такъ и разошлись сусѣди ни съ чѣмъ. — Должно, говорятъ,—здорово тебя, Миколаичъ, оглушили, по сю пору въ себя не пришелъ. Ну, молъ, ничего это, у себѣ дома отойдешь... Только не вышло по ихнимъ словамъ.

Полегли мы спать, а онъ такъ и легъ, не ѣмши. Ночью, слышу, ворочается онъ съ боку на бокъ безо сна. Я шопоткомъ у его и спрашиваю: чего ты, говорю, родной, не спишь, въ своей ты избѣ, не въ чужой вить ночуешь.—Ничего, говоритъ, не хоцца мнѣ спать-то.—Ну, гдѣ ужъ тамъ не хоцца: сколько ночей, видно, на чугункѣ-то путемъ не спалъ.—Да чего ты такъ-то?.. Стала у его допытываться, съ чего это, дескать, съ тобой? Хворость отъ раны, либо-что,—раненъ вить онъ былъ, въ бокъ; только тамъ и залѣчили, покуль доѣхалъ—ничего ужъ не осталось. Билась я,

маялась—разсказалъ онъ мнѣ все безъ утайки... Такое вышло дѣло, ваше благородіе, просто я тебѣ скажу—военное дѣло, ничего больше. Вишь, съ японцемъ-то съ однимъ онъ обмишулился, японца обидѣлъ крѣпко, до смерти... И съ тѣхъ самыхъ поръ является онъ, стало быть, ему, является и жалуется: за что ты меня обидѣлъ?..

Стала я его урезонивать: ничего, молъ, не подѣлаешь, на то война; ты его, а онъ, либо другой—тебя. Въ круговую оно идетъ, одно за одно цѣпляется. Самого-то, вишь, тоже поцарапали.—Нѣ, говоритъ, не то вовсе. Вотъ онъ, говоритъ, передо мной стоитъ, да головой разъ въ разъ помахиваетъ, а изъ глазъ-то у его, у японца, слезы; какая-же это такая война? Вотъ, говоритъ, крестъ Егорія получилъ, а за что такое, не помню. Неужто за японца?.. И снова простите, да простите. Мы все считали такъ, что отдохнетъ онъ, анъ нѣтъ, все по старому: на дѣтей не глядитъ, работать не въ силу. Попробовалъ тамъ кой-какую работушку, попервамъ легонькую,—ну сбрую чинить, либо струментъ облаживать, который поиспортился, ничего въ рукахъ не держится. Только примется, глядь, ужъ и застылъ на мѣстѣ, какъ мертвый, передъ собой, какъ малое дитё, безо всякаго понятія смотритъ... Потомъ опомнится, кругомъ себѣ глянетъ—какъ кого увидалъ, сейчасъ работу въ сторону, подойдетъ и все съ тѣми же словами: дескать, явился онъ передо мной, жалился—простите меня, грѣхъ у меня на душѣ агромадный... Чего мы ужъ не испробовали: училъ его батюшка-свекоръ. Ты, молъ, чего такой-сякой, шадронецъ, лодырь. Работай. Безъ сердца это онъ,—сусѣди посовѣтовали, чай, не образумится ли? Ничего не помогло.—Мнѣ, говоритъ, батюшка, никакъ не больно. Радъ былъ бы, коли бы ты меня до боли ушибъ...—Къ отцу Ананію ходили, и призывалъ онъ его до себѣ, бесѣдовалъ объ японцѣ; потомъ молебенъ служили... не поможетъ ли Господь? Нѣтъ полегченія никакого. Должно и впрямь согрѣшили мы... передъ Господомъ...

Вонъ урядникъ-то все злобится на насъ: всеё деревню, говоритъ, мужъ-то твой завонялъ японцемъ-те своимъ. Нешто, говоритъ, энто егорьевской кавалеръ? Энто смутьянъ, хуже японца, народъ булгачитъ. А намъ самимъ нешто весело? Въ хатѣ ровно бы покойникъ лежалъ... И сохнетъ-то онъ на глазахъ, какъ свѣча таетъ... Думала такъ, что помретъ онъ въ скорости, ему же лучше, какая ужъ тутъ жизнь... и намъ бы руки развязалъ. Ну, только вспомню я, въ какомъ онъ видѣ пошелъ на войну—почитай что на деревяѣ первый мужикъ былъ и на работѣ и въ весельи... Радостный былъ мужикъ, семейственный... О-охъ, какъ жалко, батюшка родный... Прямо такъ пришлось, хушь ложись да помирай. Къ тебѣ вотъ присовѣтовали пойти, не поможешь

ли? Ничего-бы кажись, не пожалѣла, только пособи. Можетъ, ты на его чѣмъ ни то подѣйствуешь.—Простите, говоритъ, больше ничего..

Сходи ты къ нему, отецъ. Сказывали мнѣ на кухнѣ — не обѣдалъ ты ишшо. Гдѣ ужъ тутъ пообѣдать,—народу-то—вишь, сколько понабилось. Вотъ-бы ты пообѣдалъ, батюшка, да сходилъ-бы со мной на деревню,—недалече вить туда... Сдѣлай божескую милость, потолкуй ты съ нимъ.

Черезъ часъ я шагалъ уже полемъ по дорогѣ въ Карасевку. Слѣдомъ за мной шла Матрена Занозова, и въ ея походкѣ, прямой и строгой, и въ томъ, какъ она ставила впереди себя прямой рукой высокую палку,—чувствовалось все то же: стойкая, выносливая сила, желѣзное терпѣніе, борющееся съ огромнымъ, непривычнымъ бѣдствіемъ, готовое сломиться, упасть...

Было начало мая; погода уже нѣсколько дней стояла на рѣдкость ясная, радостная, и весна особенно сильно чувствовалась здѣсь, въ полѣ, на тугой, блестящей шинными слѣдами, еще не совсѣмъ окрѣпшей дорогѣ, среди густо и ярко зеленѣющихъ всходовъ ржи и уже довольно высокой, жирной травы съ желтыми—золотыми блестками лютиковъ и одуванчиковъ... Скоро дорога полемъ кончилась и пошла молодымъ ивнячкомъ. Въ немъ было совсѣмъ еще сыро; подъ ногами шелестѣлъ прошлогодній слежавшійся листъ, еще почти не обсохшій, пахло весенней водой талаго снѣга и мокрой землей; изъ подъ листа то и дѣло выглядывали кроткимъ взглядомъ голубыя фіалки... На близкомъ разстояніи деревья казались совсѣмъ еще голыми, темными, но, когда дорога, вынырнувъ изъ ивнячка, опять потянулась полемъ, я, пройдя нѣсколько шаговъ, обернулся,—и онъ показался мнѣ подернутымъ нѣжной и тонкой зеленой сѣткой... Чувствовалось, что пройдетъ недѣля,—и зашумитъ онъ по лѣтнему, и зашныряютъ въ немъ разныя птицы, начнутъ онѣ вить себѣ гнѣзда и громкими голосами распѣвать красивыя пѣсни... И сейчасъ уже въ высокомъ, прозрачномъ небѣ, по весеннему чистомъ и ярко-синемъ,—звонко кричали жаворонки, то и дѣло камешками взметываясь и перелетая надъ головой.

Слѣва, на лугу виднѣется живое, пестрое, подвижное пятно—это деревенское стадо пасется на выгонѣ, а за выгонами и Карасевка. Впереди, въ полуверстѣ, тянется желѣзнодорожное полотно, и телеграфные столбы съ бѣлыми чашечками на верхушкѣ, идущіе о бокъ полотна, издали очень походятъ на стебельки ландыша, правильно разставленные до самаго горизонта... Вьется бѣлый паръ отъ быстро пролетающаго поѣзда, цѣпляясь и путаясь о придорожныя березы, точно бѣлымъ пушистымъ цвѣ-

томъ осыпая ихъ обнаженныя вѣтки... Ярко отражая солнечный цвѣтъ, блестятъ разноцвѣтные вагоны, блестятъ тоже какъ будто по весеннему, особенно радостно и беззаботно... Доносится громкій крикъ паровоза, задорный, гулко, разсыпающійся по полю. И слушая этотъ крикъ и звонкіе переливы жаворонковъ и глядя на буйно-веселое и дружное пробужденіе природы и жизни—съ трудомъ вѣрится, что вотъ пройдешь съ версту этимъ изумруднымъ полемъ и приведутъ тебя къ человѣку, который «обидѣлъ до̀ смерти» японца и теперь у него «чижолые глаза, какъ у коровы бываетъ, что теленка отняли...» И что гдѣ-то, тамъ, далеко,—огромная лабораторія, въ которой массами готовятъ такихъ людей: безумныхъ и калѣкъ!..

Степь дышитъ крѣпкимъ ароматомъ сочной, весенней травы, полевыхъ цвѣтовъ и сырой могучей земли, и грудь дышитъ въ одно съ дыханіемъ степи, и голова кружится отъ свѣжести и опьяняющей весенней ласки... сзади доносится тяжелый, сосредоточенный голосъ Матрены:

— Такая-те благодать... Господи-Боже... Только-бы пожить...

Она вздыхаетъ опять въ два пріема, до дна души, и, обернувшись къ ней, я вижу, какъ она смахиваетъ съ лица скупую слезу и подымаетъ глаза къ небу, точно прося тамъ пощады...

Дорога поворачиваетъ влѣво и скоро мы уже въ Карасевкѣ, небольшой деревнѣ дворовъ изъ 50, широко разбросанныхъ по обширной балкѣ. Свернувъ съ дороги на узкую тропиночку, еле замѣтную среди молодой травы, перемѣшанной съ прошлогоднимъ бурьяномъ и чертополохомъ, мы задами подошли къ чистой, крытой тесомъ, избѣ Занозовыхъ.

— Проходи, батюшка, впередъ, не бойси, собака-то у насъ на цѣпи,—сказала Матрена, окидывая взглядомъ избу, какъ мнѣ показалось, все съ тою-же мыслью: только-бы пожить...

Навстрѣчу намъ изъ сарая выбѣжалъ мальчуганъ лѣтъ 6, бѣлоголовый, въ красной рубашонкѣ безъ пояса, босой. Замѣтивъ меня, онъ положилъ палецъ лѣвой руки въ ротъ, а правую протянулъ къ матери, исподлобья, безъ улыбки глядя на меня, и, приблизившись къ ней, сказалъ серьезно:

— Мамка, тятя въ сараѣ, опять имъ японецъ явился...—и бросился къ матери, прижимаясь къ ея ногамъ. Она погладила его по головѣ и, взявъ за руку, повела за собой.

— Обожди, отецъ, туточка, а я сею минуту мужа покличу,—сказала Матрена, подводя меня къ избѣ и, обмахнувъ рукой табуретъ, предложила мнѣ его, а сама пошла въ сарай, откуда скоро появилась вмѣстѣ съ мужемъ, высокимъ мужикомъ, медленными шагами направившимся ко мнѣ. Матрена осталась

позади, изъ-за спины мужа подавъ мнѣ таинственный знакъ: дескать—вотъ онъ, самъ посмотри.

Я посмотрѣлъ. Это былъ, повидимому, очень сильный человѣкъ, широкій въ плечахъ, съ крупной, черной, будто цыганской взлохмаченной головой, безъ шапки. Но съ его черными волосами какъ-то болѣзненно-одноцвѣтно сливался почернѣвшій цвѣтъ лица и даже губъ, и чѣмъ-то черным повѣяло изъ его большихъ «чижолыхъ» глазъ, когда онъ, подойдя ко мнѣ, поднялъ голову и взглянулъ мнѣ въ глаза. Казалось, что онъ позади меня вглядывается въ кого-то, не было въ его взглядѣ той твердости и «конечности» мысли, какая бываетъ отъ впечатлѣнія яснаго и понятнаго...

— Здравствуйте, ваше благородіе,—тусклымъ, безцвѣтнымъ голосомъ произнесъ онъ, разведя сомкнутыя, слипшіяся губы и еле ворочая языкомъ. Обнажившіеся ярко-бѣлые зубы странно сверкнули на его черномъ лицѣ...

— Здравствуйте. Что, расхворались?..—спросилъ я, чувствуя какую-то неловкость.

Онъ поглядѣлъ на меня—опять точно не совсѣмъ на меня, а еще на кого-то.

— Какая-же у меня хворость? Хворость, она съ болью бываетъ, а у меня, господинъ, никакой боли нѣту-ти... Грѣхъ у меня тяжкой, ничего больше... Жена-то вамъ, небось, сказывала? Да все одно, я разскажу. Всякому поразсказалъ бы, всему бы міру, судите молъ меня по грѣхамъ моимъ... Ужъ много-то я и позабылъ; чѣмъ далѣ, все болѣ путаю. Въ мысляхъ-то у меня помутненіе... Сосѣди баютъ: да что ты разъ такъ, да разъ эдакъ, не въ одно у тебѣ выходитъ. Да вить все объ немъ-же, объ японцѣ. Его-то я ужъ не забуду... Вникните, ваше благородіе, въ это дѣло; всякъ, кому ни разскажешь—головой только покачаетъ: да, скажетъ, дѣло такое, что затруднительно, а больше и словъ-те никакихъ... Ужъ мнѣ-то конецъ, тутъ хошь бы съ покаяніемъ настоящимъ помереть-бы...

— Вотъ какъ дѣло-то было. Вышло тамъ у насъ страженіе большое, такъ что народу полегло гибель. А мнѣ-то оно не вперовой было—почитай что разовъ пять ходилъ, коли не болѣе. Крестъ Егорія ужъ потомъ мнѣ дали, опосля всего, какъ ужъ я въ лазаретѣ лежалъ. Такъ и не упомню, за что такое получилъ... Нутe, къ самому ужъ концу стали мы отступать. При нашихъ-то орудіяхъ всѣхъ почти что поубили да покалѣчили, стали изъ лезерву народъ брать, чтобы орудія на рукахъ ташить, потому лошади всѣ начисто перебиты. А я въ лезервѣ тоже былъ. Какъ привели насъ къ орудіямъ, уцѣпился я за колесо лафетное, за спису,—поволокли, какъ тутъ бацъ ядро! Разорвалось въ самомъ

мясѣ, много душъ, должно, положило. И меня повалило. Схватился я сгоряча—думаю цѣлъ, анъ нѣтъ! Припалъ на колѣнку—въ боку въ правымъ заныло, думалъ справиться, съ колѣнка подняться, да такъ и брыкнулся ничкомъ. Забуравился я мордой въ кровь да въ мясо; тутъ и люди и кони. А надъ головой, чую, ходитъ лошадь брюхомъ и голову-то мою всеё кровью заливаетъ... и въ ротъ, то же самое... Хочу я повернуться, да силы ужъ и нѣту. Такъ и залило меня кровью и память отшибло и ужъ потомъ не помню, что было, долгое время...

— Ужъ я ночью только очнулся, мѣсяцъ полный на небѣ, видать все чисто, какъ и днемъ, кровь только черной сдается. Боль въ боку во какая, въ голосъ кричалъ бы; а это у меня рана-то на холоду заныла, какъ вырвало изъ боку мясо, такъ же и одежу. Снялъ я башлыкъ тутъ съ одного мертваго, завязалъ рану полегчело быстро, только зябнуть сталъ и ѣсть захотѣлось. Передъ боемъ тоже долгое время не ѣли, сухарика пожуешь, да что съ него толку-то. Съ собой-то у меня какъ есть ничего не было. Опять сталъ я шарить по карманамъ, по убитымъ не найду-ли чего. Руки-то у меня цѣлы, только вотъ повертываться бокомъ-те раненымъ не въ мочь. Ну, нашелъ я сухарей штукъ нѣсколько у одного въ карманѣ, сталъ жевать, а отъ нихъ духъ пошелъ; я глянулъ противъ мѣсяца, а это они въ кровѣ... Ну, я ужъ и вниманія не обратилъ, съѣлъ; окрѣпъ малость А и посейчасъ пожуешь хлѣбца и духъ кровяной чудится, словно бы онъ, хлѣбъ-отъ, кровью напоенъ... Ну, окрѣпъ я да и началъ пробовать, не сдвинусь ли съ мѣста. Морозъ поослабъ быдто, а все еще зябко. Руки оскизаются объ кровь тоже, на которыхъ вить еще и не застыла-то путемъ. Ну, подвинулся я шаговъ на пять, такъ, на карачкахъ, уперся рукой обо что-то, а оно какъ застонетъ, да слабо такъ, жалобно... Испугался я до того, такъ силы-то меня и оставили, повалился опять, да на него-же, который вотъ застоналъ... Хочу подняться, да колотится у меня сердце отъ этого стону, а онъ, слышу, подо мною ворушится, я и сомлѣлъ опять... А какъ прокинулся снова, гляжу, ужъ и солнышко свѣтитъ, кругомъ убитые... гнѣздами прямо валяются... Вспомнилъ я про вчерашняго, который застоналъ подо мной, глянулъ, а онъ уже мертвый... Эдакъ вотъ: заснулъ на живомъ, прокинулся на мертвомъ...

Занозовъ остановился и задумчиво привычнымъ солдатскимъ движеніемъ, медленно расправилъ пальцами свои длинные черные усы.

— Отъ холода должно и я проснулся,—продолжалъ онъ,—оченно ужъ мнѣ холодно стало, такъ что стала меня лихорадка бить, а въ боку опять боль, похуже прежняго, надо полагать, башлыкомъ-то я его больно натрудилъ. Поотпустилъ я узелъ

малость—все болитъ. Кругомъ оглядываюсь—мертвыхъ видимо—невидимо, а живыхъ хоша бы тебѣ одна душа... Такъ это мнѣ тошно стало: помирай, значитъ, въ одиночку. Убили бы, подумалъ, разомъ—все бы лучше было, къ одному ужъ... Только вижу—двигается что-то промежду побитыхъ, дюже далеко, и въ глазахъ-то у меня помутненіе: ну, какъ мимо пройдетъ, даже не вижу кто такой. Собралъ я всѣ силы, да какъ крикну:—сюда милый человѣкъ, сюда, ради Христа!.. Должно по морозу-то докатилось до его—и впрямъ ко мнѣ направился. Закутанный весь и сумка при ёмъ. Да какъ подошелъ онъ поближе, вглядѣлся я хорошенько—японецъ!.. Ну, думаю, значитъ, теперя пропалъ. дорѣжешь ты меня, коли одинъ, ежели васъ много—тэды значитъ въ плѣнъ, все одно—голодомъ заморютъ. Сказывали намъ, бытто они голодомъ морютъ нашего брата. Но только вижу я,—помахиваетъ это онъ головой, ласково эдакъ и рукой мнѣ тоже: дескать, помалкивай, не безпокойся, и лопочетъ по своему, а потомъ говоритъ:—русска, русска...—Да ужъ видишь самъ, говорю, что русскай, ничего не подѣлаешь, что хошь со мной дѣлай, силы-то у меня никакой нѣту.

Ну, однако, ничего-то онъ мнѣ худого не дѣлаетъ, а все словно ласково. Потомъ повернулся онъ ко мнѣ бокомъ, а у его на рукавѣ крестъ нашитъ—значитъ смекаю, изъ санитаровъ ты будешь, либо фершалъ. Такъ оно и есть, должно взправду это былъ фершалъ. Поставилъ онъ на земь сумочку-те свою, похлопалъ руками одна объ другую, потомъ досталъ изъ сумки бутылку небольшую, ототкнулъ ее,—на, говоритъ по своему, пей. Выпилъ я—крѣпкое такое, по всѣмъ жиламъ пошло—сразу потеплѣло. А потомъ ужъ по нашему японецъ-то спрашиваетъ:—рана?—Вѣрно, говорю, рана, вотъ она. Показалъ ему свою рану, онъ опять къ сумочкѣ, разстегнулъ мнѣ шинельку, мундиръ, вытеръ спервоначалу рану накрѣпко эдакой водой, духовитой, потомъ досталъ все такое по фершалской части, ловко такъ мнѣ рану перевязалъ, засупонилъ—и не больно и не туго—въ пору какъ разъ Далъ мнѣ опять хлебнуть изъ бутылочки и рису горсточку, предложилъ,—тутъ же при немъ я и сжевалъ. А онъ сумочку увязалъ, стоитъ себѣ, да все посмѣивается. А я совсѣмъ окрѣпъ, хошь воевать. Ну, думаю, поведешь ты меня теперича въ плѣнъ. Все одно, веди, не замерзать мнѣ вить тута. А онъ опять по своему залопоталъ: дескать, не робь, Занозовъ, перевязалъ я тебѣ рану-то твою въ лучшемъ видѣ, вполнѣ доволенъ будешь...

— Откуда же знаете, что онъ именно сказалъ?—невольно перебилъ я разсказчика, увлеченный разсказомъ,—вѣдь онъ по японски говорилъ.

*

— Что-жъ такое,—съ неудовольствіемъ возразилъ Занозовъ,—окончательно все понялъ, даромъ что по японскому. Нешто по дѣйствію то его нельзя было понять? Да ужъ будьте покойны, все чисто разобралъ, обходительный японецъ, привѣтливый... Наконецъ, вижу, замѣсто того, чтобы въ плѣнъ меня весть, поглядѣлъ онъ на меня, внушительно поглядѣлъ, да и поворачиваетъ за плечи. Опосля руками показываетъ—вотъ здакъ, дескать, иди, по такому направленію.—Русски солдаты, говоритъ, туды, стало быть, отступили и ты за ними ступай, ежели замерзать неохота, нечего мнѣ тутъ съ тобою возиться. Это онъ, стало быть, раненыхъ искалъ промежду убитыхъ: можетъ, кто остался, вотъ здакъ, какъ и я. То ли своихъ онъ искалъ, то ли нашихъ, вообче, раненныхъ—ужъ этого я вамъ въ точности не скажу. Должно всякихъ, потому вотъ мною же не побрезговалъ, получше дохтора перевязалъ.

Понялъ я его, и куды мнѣ итить понялъ. Похлопалъ онъ меня по плечу и по головѣ рукой потрепалъ:—русска, говоритъ, русска.—Солдатъ, да русска—только и словъ-то у его. Сталъ я на ноги, ничего, стою хорошо, какъ въ строю, и ноги подо мной крѣпкія, ровно бы не меня ранили. Такъ это ловко онъ меня перевязалъ, да напоилъ. Напослѣдокъ подалъ онъ мнѣ руку, головой покивалъ, попрощался, надо полагать, да и пошелъ назадъ, откель пришелъ.

Гляжу я ему вослѣдъ—японецъ передо мною этто идетъ, не оглядывается, словно я и не солдатъ... у его за спиной... Ну, думаю, итить мнѣ пора, покуль сила есть во мнѣ. Только глянулъ я этакъ вкругъ себѣ—и попадись мнѣ на глаза ружжо чье-то такое, на снѣгу валяется...

— Какое ружжо, тятенька, настоящее, какъ у Сидора-охотника?—раздался вдругъ возлѣ меня дѣтскій голосъ, отъ котораго мы оба вздрогнули. Я обернулся: на землѣ сидѣлъ въ позѣ внимательнаго слушателя тотъ самый мальчикъ, котораго я давеча встрѣтилъ. Онъ, очевидно, сидѣлъ уже здѣсь давно, никѣмъ незамѣченный. Его вопросъ вырвался у него, вѣроятно, непроизвольно—онъ густо покраснѣлъ, растерянно и испуганно поглядѣлъ на насъ и, сморщивъ лицо, началъ кулачками протирать глаза. Потомъ вдругъ громко заплакалъ и пошелъ отъ насъ прочь, не глядя себѣ подъ ноги и спотыкаясь на каждомъ шагу.

— Вотъ, ребенокъ малый, а вижу, все ему понятно,—тихо сказалъ Занозовъ, глядя на плачущаго сына,—пугливъ сталъ сердечный, до крайности. Ну, ваше благородіе, поднялъ я это ружжо, какъ взялъ его, ровно огонь по рукамъ-то по моимъ прошелъ... Сожмалъ это прикладъ, а потомъ къ плечу подвожу... Словно на плацу это я, али въ строю промежду солдатъ, и чью-то команду

слушаю... Хочу я озлобиться на этого самаго: японца: ахъ ты, говорю себѣ, японецъ—и опричь этого, не придумаю никакой злобности... А потомъ ужъ окончательно мои мысли помутились, въ голову ударило, и сердце застучало, понять не могу, чего дѣлаю... Вотъ точно кто руками-то моими орудуетъ, а удержать-то мнѣ *его* не въ мочь... Потянулась рука къ курку, и опять супротивъ воли: видитъ Богъ, ничего я этого не хотѣлъ... Такъ это я всѣ ружейные пріемы продѣлываю, какъ на пальбу изготовляюсь... все по правиламъ... А японецъ-то передъ глазами качается все какъ на одномъ мѣстѣ—съ линіи не сворачиваетъ... Зажмурилъ я глаза, чтобъ не видать его... И въ тѣ поры вотъ словно бы кто мнѣ «пли!» крикнулъ... надъ самымъ ухомъ... въ тыщу голосовъ... Нажалъ я... не цѣлясь... Ахъ ты, Боже мой!..—выговорилъ разсказчикъ съ усиліемъ, глядя уже совсѣмъ позади меня помутнѣвшими и одичалыми отъ страха глазами.

— Простите вы меня, Христа ради!—воскликнулъ онъ съ короткимъ рыданіемъ и разомъ повалился на землю.—Вотъ онъ... опять передо мной... головой помахиваетъ... Простите меня, окаяннаго!..—И онъ, съ силой уцѣпившись обѣими руками въ свои волосы, медленно закачалъ головой изъ стороны въ сторону. Черезъ нѣсколько минутъ онъ поднялся, съ отчаяніемъ поглядѣлъ на меня и, вытащивъ изъ кармана какую-то тряпицу, сталъ вытирать лицо. На маслакахъ у него, сквозь темную кожу, выступилъ лихорадочный румянецъ, а къ высохшимъ пальцамъ прилипли черные волосы...

— Ну, что тутъ говорить?!.. Повалился я на земь прямо замертво, замычалъ по коровьему... Потомъ голову этто въ колѣнки зажалъ, опять навзничь повалился... какъ въ черной болѣзни... Ружжо все изъ рукъ не выпущаю, да какъ замѣтилъ его—вцѣпился зубами въ стволъ, грызу его, а боли не чувствую... Обломалъ себѣ и зубы до крови—нѣту боли... Потомъ руки себѣ почалъ грызть—хошь бы тебѣ малая боль была, только сердце еще пуще отяжелѣло, а боли никакой... Глянулъ я на мѣсто, гдѣ японецъ былъ—никого нѣту. Побѣжалъ я туды... такъ это колѣнки и подламываются. Шаговъ сорокъ мѣста отбѣжалъ—слышу, стонъ, такой легкой, ровно птенчикъ малый до себѣ мать подзываетъ... Ишо малость пробѣжалъ—вотъ онъ и японецъ... Сразу онъ меня глазами своими устрѣлъ... Лежитъ на спинѣ, а на груди кровь выступила, должно въ спину-то ему угодило, да наскрозь и прошло... Кинулся я до его, хочу прощенія просить, да духу не хватаетъ, языкъ коломъ сталъ, и весь я, какъ безъ памяти... Глядитъ *онъ* на меня безо всякой, сказать, злобы, сердечно глядитъ душевно.!. Рукой своей, видно, схотѣлъ на рану указать, да не дотянулъ и руки-то до груди, такъ это она у его и свалилась

назадъ. Потомъ говоритъ тихонько такъ, чуть слышно, со стономъ:—рана... русска... капутъ... Ахъ, ты, голубчикъ мой... какъ это онъ жалобно сказалъ... Это значитъ я его ранилъ, капутъ ему. И все на меня глядитъ, глазъ не спущаетъ и опять головой пошевелилъ, какъ и давеча, когда рану мнѣ перевязывалъ... Только тады съ веселостью, а теперича съ жалостью, да бытто съ упрекомъ... Хотѣлъ я съ него сумочку снять, чтобы напоить его, какъ и онъ меня и рану перевязать—хошь бы попробовать. А онъ, должно, подумалъ, что я его ограбить хочу... живого...—Рана, говоритъ, русска...—и глаза на мою рану свелъ, а у самого слеза показалась, на глазу остановилась—ишо жальчѣе глядитъ, съ тоскою такой... смертной... Вы подумайте горе-то какое!. —Что ты, говорю, братецъ, Богъ съ тобой. Нешто я грабитель?.. Не сталъ я и сумочки-то отвязывать. А у него ужъ и глаза-те подкатываются.. бѣлками затянулись... Раскинулъ онъ раза два руками, захрипѣлъ,—да и духъ вонъ... Хотѣлъ я хошь пекстить его, даромъ, что онъ, басурманъ... Только не посмѣлъ я и пальцы-то для крестнаго знамени сложить, такъ это сразу грѣхъ-то на меня горой навалился... Постоялъ я по длѣ его часочекъ, потомъ рукой махнулъ и по-ошелъ... И не помню, какъ это ноги-то меня понесли, не то я пьяный, не то зачумѣлый...

... Долго эдакъ я шелъ и чѣмъ далѣ, все шибче, ровно-бы кто за мной гнался—отъ грѣха, видно, хотѣлъ убѣчь, да гдѣ тамъ... Боли нѣту нигдѣ, ни въ ранѣ ни въ сердцѣ—окаменѣлъ я весь... Такъ должно я долго бѣгъ, ужъ солнышко надъ самой головой стояло, какъ набѣжалъ я нашихъ... вѣрно, значитъ, мнѣ японецъ направленіе-то указалъ... Какъ увидалъ я своихъ—тутъ меня силы и оставили. Радости, скажу я вамъ, никакой у меня, не было, даже ишо пуще подъ сердцемъ затошнило...—Что-ты, да откелева, то, другое... Ничего, говорю, братцы, простите меня братцы, грѣхъ у меня. Повалился на земь, а встать ужъ не въ мочь. Запримѣтилъ тутъ солдатикъ одинъ мою перевязку, позвали дохтора, все допытываютъ—откуда, да какъ, а я молчу, говорить не могу...

— Ну, отвезли меня въ лазаретъ, положили на койку, стали рану развязывать,—сдавило тутъ мнѣ сердце и подкатилось камнемъ подъ душу, только все-же боли нѣту... Очумѣлъ я въ отдѣлку и сколько это денъ я пролежалъ—сказать вамъ не могу; должно, не мало, такъ фершелъ сказывалъ. Рана моя совсѣмъ ужъ зажила, а изъ лазарета не выписываютъ.—Домой, спрашиваютъ, въ Россію, желаешь ѣхать, ай нѣть?—Про меня, говорю, все одно, хоть и ѣхать—ничего я не знаю, только простите вы меня?..—Да за что прощать то тебя, чудакъ ты?—Ну, стану я передавать, какъ это мнѣ японецъ является... съ упреками, и

опять на денекъ, на другой меня оставляютъ—поуспокойся, молъ... Ахъ, Господи Ісусе! гдѣ ужъ тутъ спокой-то съ грѣхомъ получить... Бились они, бились, поили меня горькимъ и кислымъ, потомъ говорятъ—ну, поѣзжай, Богъ съ тобой, ведешь ты себя тихо, дома, можетъ, и окрѣпнешь.

Снарядили меня въ компанію, отправили на родину. Почитай, что мѣсяцъ цѣльный я въ пути провелъ, народу всякаго повстрѣчалъ—безъ счету. Кому ни станешь говорить объ японцѣ-то объ этомъ, всякъ тебѣ по иному разрѣшаетъ.—Да, скажетъ одинъ, дѣло вышло не солдатское; а другой говоритъ:—на то и война. Нашелся и такой, что, какъ разсказалъ я ему про мое видѣніе постоянное, такъ не повѣрилъ: больно врешь ты, говоритъ. Нешто это возможно такому дѣлу быть. Коль скоро ты его убилъ, значитъ, тебѣ извѣстно было, за что такое. А то—безъ воли, безъ памяти. Гдѣ-жъ онѣ пропадали, воля-то твоя съ памятью.—Вотъ, поди-жъ ты,—я и самъ не пойму, гдѣ онѣ въ тѣ поры подѣвались...

Занозовъ замолчалъ и низко свѣсилъ голову. Потомъ онъ опустился у моихъ ногъ на траву и, облокатясь на свои колѣни, подперъ руками голову, задумчиво глядя передъ собой. Тутъ только я замѣтилъ, глядя сверху на него, множество мелкихъ плѣшинъ въ его густыхъ, спутанныхъ волосахъ...

— Что я попрошу у васъ, ваше благородіе—заговорилъ Занозовъ въ раздумьи;—вотъ я и въ лазаретѣ объ этомъ самомъ толковалъ, только выходило все безо всякаго вниманія... Дайте вы мнѣ снадобья такого, тамъ кореньевъ, либо порошковъ, чтобы мнѣ выпить ихъ, да боль почувствовать... крѣпкую чтобы боль... Я вить и по сю пору безъ боли живу... словно каменный... Извольте вотъ посмотрѣть—сказалъ онъ, засучивая рукава рубахи,—какъ я себѣ руки истиранилъ, зубами больше (руки были сплошь покрыты кровоподтеками, струпьями и свѣжими язвами),—хоть-бы тебѣ малую боль получить... А то возьмешь каменюку, да по головѣ... либо волосья выдирать космами... И впрямь, должно, грѣшная душа не оказываетъ,—нѣтъ никакого дѣйствія... Эхъ, кабы вы потрафили мнѣ такимъ снадобьемъ, чтобы больно стало быть... подѣйствовало... Эти всѣ средствія, которыя въ лазаретѣ—не къ тому; они, сказывали, супротивъ боли, а мнѣ для боли... Ахъ, ты, Боже мой... грѣшнѣй меня должно нѣтъ... Простите вы меня, ваше благородіе,—покаяться путемъ и то, вотъ, не могу. Мнѣ-бы сердцемъ покаяться, но не устами, а сердце-то вотъ и холодное... . . . . .

Передъ тѣмъ, какъ уходить домой, я зашелъ въ избу,—повидаться съ Матреной и посовѣтовать ей отвезти мужа въ городъ.

въ психіатрическую земскую лѣчебницу, такъ какъ у меня самого не оказалось средствъ утолить его страстную жажду боли... Матрены въ хатѣ не было—объ этомъ мнѣ сказалъ высокій старикъ отецъ больного, находившійся въ избѣ и качавшій ногой люльку, въ которой тихо плакалъ ребенокъ. Въ глазахъ старика было то-же выраженіе растерянности и тупой тяжести, что и на лицѣ Матрены, только оно не было смягчено, какъ у нея, женской жалостью и было поэтому еще рѣзче и тяжелѣе... Онъ сухо посмотрѣлъ на меня и, строго пожевавъ беззубымъ ртомъ, сказалъ, подымаясь со скамейки и переставъ качать:

— Нема Матрены... На огородѣ, должно... плачетъ... А ты, батюшка, къ Ивану мому приходилъ... дохторъ ты? Она тоже и вздумала это: дохтора, говоритъ, покличу, сусѣди совѣтуютъ... Пустики, выдумка бабья! —сказалъ онъ строго, скрипучимъ голосомъ.

— ...Извѣстно, жалко бабѣ...—добавилъ онъ мягче и вдругъ рѣзко, съ отчаяніемъ, махнулъ рукой, и его суровое старческое лицо сразу побагровѣло и задрожало крупной дрожью.—Нѣшто ей одной жалко?.. Покалѣчили-то какъ мужика... Таперя всему семейству конецъ пришелъ...—Онъ отвернулся отъ меня и всхлипнулъ сухимъ, подавленнымъ рыданіемъ.—Вотъ я съ Васяткой возись—баба-то съ дѣвчонкой на работѣ, а какая съ нея работа—въ слезахъ постоянно... А опричь ея, некому больше...

Въ избу вошла дѣвочка лѣтъ 9, очень похожая на отца, и все то же выраженіе растерянности на ея лицѣ странно, до жуткости сливалось съ дѣтскимъ выраженіемъ довѣрчивости и испуга передъ чужимъ... Я попробовалъ приласкать ее, но она заплакала и убѣжала...

— Вишь, вотъ—завсегда при матери бѣгаетъ. Въ хатѣ, говоритъ, боюсь одна оставаться—нука *онъ* явится... И тебѣ вонъ испужалась...

Мѣсяца черезъ три мнѣ снова довелось встрѣтиться съ Матреной Занозовой...

Было начало августа, уже больше мѣсяца продолжалось бездождіе, говорили, что такого жестокаго лѣта не запомнятъ. Хлѣбъ во многихъ мѣстахъ былъ скошенъ скотинѣ на кормъ, говорили о тяжеломъ предстоящемъ голодѣ... Жара стояла необычайная и днемъ и ночью, земля потрескалась, и надъ нею отъ малѣйшаго вѣтерка подымались тучи пыли, закрывая знойной пеленой знойное солнце... Безнадежная тоска и тяжелыя предчувствія подымались въ душѣ при взглядѣ на сухую, бритую, измученную степь и на бродившихъ по ней апатичныхъ и ошалѣлыхъ отъ жары и страха измученныхъ людей... Цѣлыя села, какъ одна спичка, сгорали отъ пожаровъ... Надвигалась холера...

На зарѣ, въ воскресный день, я возвращался изъ города домой Навстрѣчу мнѣ, на дорогѣ, показался клубокъ пыли, озаренный еще краснымъ блескомъ зари, уже дышавшей огнемъ, и изъ него показался вскорѣ возъ съ мѣшками, на которомъ сидѣла Матрена. Очевидно, она ѣхала въ городъ на базаръ, и въ мѣшкахъ, кажется. былъ картофель. Увидя меня, она спрыгнула съ воза и подошла ко мнѣ. За это время, что я ее не видалъ, она сильно похудѣла. и въ ея взглядѣ, отразившемъ красную зарю, которымъ она меня окинула, лежала печать тупой покорности и затаенной боли... Это было уже совсѣмъ обыкновенное лицо деревенской бабы—покорно-трагическое, непротестующее и уже не было на немъ никакихъ слѣдовъ борющейся энергіи, какъ три мѣсяца назадъ... И въ невыразимо-печальной гармоніи съ этимъ лицомъ сливалась пыльная, безлюдная дорога и выжженная, безлюдная степь...

— Померъ Иванъ Миколаичъ, вотъ ужъ третья недѣля,—сказала она просто, не дожидаясь моего вопроса.—Возила я его въ городъ, какъ ты, батюшка, приказывалъ,—тамъ и преставился. За два дни до смерти я у его была—такой-же все—прошенія у меня просилъ, да про японца... Все жалился—боли нѣту... Гдѣ ужъ тамъ нѣту,—высохъ такъ,—глядѣть было страшно, Васятка испужался, на руки къ ему не пошелъ...—Матрена тихо заплакала и стала вытирать глаза.—Сказывали тама, въ больницѣ—до самаго смертнаго часу все одно твердилъ: простите, братцы, меня окаяннаго... съ этихъ словъ и не сходилъ... Бытто плачу было: и дохтора и прислуга—всѣ чисто плакали: дескать—Богъ тебѣ проститъ... Съ тѣмъ и померъ: простите, да простите...

А. Дерманъ.

На негритянскомъ островѣ.

Кнута Гамсуна.

(Съ норвежскаго К. Ж.).

Въ Удверенѣ много острововъ, и одинъ изъ нихъ называется Негритянскимъ островомъ; жителей на немъ едва ли наберется сто человѣкъ. Но сосѣдній островъ уже много больше, на немъ, пожалуй, сотни три-четыре жителей, есть церковь и начальство. Онъ называется Церковнымъ. Во времена моего дѣтства на Церковномъ островѣ ввели уже почту и телеграфъ.

Удверенцы считали шикомъ быть родомъ съ большого острова, а жители Церковнаго острова даже людей съ материка считали ни вочто, хотя у тѣхъ и былъ въ распоряженіи весь материкъ. Населеніе, на цѣлыя мили въ окружности, сплошь рыбачье.

Негритянскій островъ лежитъ далеко въ Атлантическомъ океанѣ. Онъ очень крутъ и съ трехъ сторонъ недоступенъ, только на югѣ, къ полуденному солнцу, Богъ и люди устроили удобную тропинку въ гору: это лѣстница въ двѣсти ступеней. Послѣ каждой бури море пригоняетъ къ острову доски, балки и всякій ломъ, и изъ этихъ отбросовъ лодочники строятъ суда. Они втаскиваютъ доски по ступенямъ, сколачиваютъ изъ нихъ лодки около своихъ избъ и дожидаются, пока наступитъ зима, и скалы на сѣверной сторонѣ заблестятъ и посинѣютъ отъ льда, тогда стаскиваютъ ихъ на канатахъ и веревкахъ съ этого ледника и спускаютъ въ море. Я самъ въ дѣтствѣ видѣлъ, какъ это дѣлается: двое мужчинъ становятся на верху скалы и разматываютъ канатъ, а одинъ сидитъ въ лодкѣ и отпихиваетъ ее, если она гдѣ-нибудь зацѣпится. И все это совершается храбро и осторожно, и все время сопровождается негромкими восклицаніями. А когда лодка, наконецъ, становилась на воду, мужчина въ лодкѣ кричалъ двоимъ другимъ, что довольно, ладно, она ужъ стоитъ. И больше не распространялся о великомъ событіи, что лодка благополучно спущена.

Самая большая изба на Негритянскомъ островѣ принадлежитъ старому, честному лодочнику Іоахиму. Въ его избѣ изъ года въ годъ на святкахъ устраивались танцы и пять-шесть паръ за-разъ умѣщались

въ ней свободно. Музыкой служила скрипка, а на скрипкѣ игралъ мастеръ этого дѣла, по имени Дидрикъ, онъ отлично пиликалъ разные танцы, отбивая тактъ ногой. Парни танцовали безъ пиджаковъ, въ жилеткахъ.

Былъ одинъ молодой парень, большой любитель танцевъ и нѣчто въ родѣ распорядителя,—младшій сынъ лодочника, и самъ тоже лодочникъ. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ, благодаря своему ремеслу и хорошей головѣ, и дѣвушки всѣ вздыхали: Ахъ! Марцелліусъ! Ахъ! Марцелліусъ. Даже дѣвушки съ Церковнаго острова знали его имя. Самъ же Марцелліусъ думалъ только о Фредерикѣ, дочери учителя, хотя она была очень деликатна, говорила книжнымъ языкомъ и была такъ высокомѣрна, что онъ никогда не могъ разсчитывать получить ее. У учителя домъ тоже большой, и такъ какъ онъ былъ не рыбакъ, а важный человѣкъ, то на окнахъ у него висѣли гардины, и всѣ сначала стучали пальцемъ въ дверь, прежде чѣмъ войти къ нему. Но Марцелліусъ былъ довѣрчивъ и слѣпъ въ своей любви. Онъ былъ у учителя въ прошломъ году и въ этомъ году опять пришелъ на кухню. И говоритъ: здравствуйте, нельзя ли мнѣ поговорить съ Фредерикой?

— Что тебѣ нужно?—говоритъ Фредерика и выходитъ за нимъ на дворъ, а сама отлично знаетъ, что ему нужно.

— Не можешь ли ты сдѣлать то, что знаешь?

— Нѣтъ,—говоритъ Фредерика,—не могу. И нечего тебѣ больше обо мнѣ думать, Марцелліусъ, не становись ты мнѣ поперекъ дороги.

— Да, я знаю, что новый учитель за тобой ухаживаетъ,—отвѣчаетъ Марцелліусъ.—Только дѣло въ томъ, что изо всего этого благородства ничего не выйдетъ.

И, правда, новый учитель ухаживалъ за Фредерикой. Онъ былъ съ Церковнаго острова и учился въ семинаріи. Отецъ его былъ простой рыбакъ, какъ другіе, но былъ богатъ и щедръ, у него всегда висѣла на снастяхъ навага и корюшка и на столъ подавались масло, свинина, и сушеная камбала. Сынъ вернулся изъ семинаріи такимъ же франтомъ, какъ сынъ священника вернулся изъ ученія; онъ отпустилъ на щекахъ баки, ходилъ съ носовымъ платкомъ въ карманѣ и, изъ высокомѣрія, носилъ длинный резиновый шнурокъ, спускавшійся съ шляпы. Народъ очень издѣвался надъ его носовымъ платкомъ и говорилъ, что изъ Симона Руста вышелъ порядочный скряга, разъ онъ бережетъ даже мокроту изъ носа.

— Онъ заказалъ намъ лодку,—говоритъ Марцелліусъ,—и дай Богъ, чтобы она пошла ему на пользу.

— Къ чему ты это говоришь?—спрашиваетъ Фредерика.

— Я знаю, что говорю. Онъ хочетъ, чтобъ я выкрасилъ ему борта въ зеленый цвѣтъ, — ладно, я выкрашу въ зеленый. Но онъ хочетъ, чтобъ я написалъ ему названіе лодки—это пусть ужъ онъ пишетъ самъ.

— Онъ хочетъ названіе?

— Слышала ты такую чепуху? И это даже не палубная лодка, а простая четырехвесельная... Такъ что, можетъ, ты подумаешь все-таки, не пойти ли тебѣ за меня, а, Фредерика?

— Нѣтъ, не могу, слышишь. Потому что онъ владѣетъ моимъ сердцемъ.

— Вотъ какъ, онъ владѣетъ твоимъ сердцемъ,—говоритъ Марцелліусъ и уходитъ...

На святкахъ Симонъ Рустъ долженъ былъ пріѣхать съ Церковнаго острова и написать названіе на лодкѣ. Онъ поселился у стараго учителя, и Фредерика цѣлые дни ходила въ праздничномъ платьѣ, съ красивой лентой на шеѣ. А когда названіе было написано, то немногіе могли прочесть латинскія буквы, значили же онѣ *Superfin*. Вотъ, какое названіе было у лодки. И еще меньше понимали это благородное слово.

Но вотъ наступилъ одинъ ясный звѣздный вечеръ, это былъ канунъ сочельника. Марцелліусъ пришелъ въ домъ учителя и вызвалъ Симона Руста.

— Названіе высохло,—сказалъ Марцелліусъ.

— Такъ спусти лодку завтра на воду,—отвѣтилъ Симонъ Рустъ.

Марцелліусъ продолжалъ:

— Правда ли, что ты женишься на Фредерикѣ?

— Это тебя не касается,—отвѣтилъ учитель Симонъ.

— Все равно, если ты серьезно мнѣ скажешь, что женишься на Фредерикѣ, то получишь лодку задаромъ.

Симонъ Рустъ подумалъ немного и, такъ какъ онъ былъ страшно скупъ на деньги, какъ былъ всегда и отецъ, онъ вызвалъ Фредерику и спросилъ:

— Не пожениться ли намъ?

И Фредерика отвѣтила *да*, и что ея сердце принадлежитъ ему.

И было такъ свѣтло отъ звѣздъ, что видно было, какъ глаза Фредерики засіяли отъ радости при этихъ словахъ.

Идя домой, Марцелліусъ горько раскаивался, что сдѣлалъ Симону лодку задаромъ. Но онъ получитъ ее въ страшно исковерканномъ видѣ, думалъ онъ, я самъ сяду въ лодку, когда ее будутъ спускать.

Онъ бродилъ отъ избы къ избѣ, никуда не заходилъ, а только брелъ впередъ, при свѣтѣ звѣздъ и сѣвернаго сіянья. Онъ вышелъ на сѣверную часть острова, гдѣ висѣли его канаты и тали, готовые принять новую лодку и спустить ее въ бездну. Атлантическій океанъ шумѣлъ подъ нимъ. Онъ сѣлъ.

Вдали на морѣ горѣли два огня на парусникѣ; еще дальше виднѣлись два другихъ огня на пароходѣ, тяжелой черной массой выдѣлявшемся на востокѣ. Онъ думалъ: самое лучшее теперь, сѣсть въ одинъ прекрасный день на пароходъ и уѣхать. Фредерика навсегда потеряна,

и нечего тутъ дѣлать, разъ она покидаетъ Негритянскій островъ. Ну, Господь Богъ на небѣ будетъ ей поддержкой и покровителемъ во всѣ дни! А что касается до того, что онъ хотѣлъ исковеркать Симону Русту лодку, то онъ проситъ прощенія за эту дурную мысль, и наоборотъ, изо всѣхъ силъ постарается сохранить лодку въ исправности при спускѣ. Вотъ, что онъ за человѣкъ.

Онъ всталъ и хотѣлъ идти домой, какъ вдругъ до него донесся слабый крикъ, зовъ, къ которому онъ прислушался. Кто-то шелъ къ нему навстрѣчу.

— Фредерика, это ты?—сказалъ онъ.

— Да. Я хотѣла только сказать тебѣ, чтобъ ты не дѣлалъ чего нибудь надъ собой, Марцелліусъ.

— Я просто гуляю,—отвѣтилъ Марцелліусъ.

Она взяла его за руку и, удерживая его, продолжала:

— Не стоитъ принимать это такъ близко къ сердцу. Да я еще къ тому же и не рѣшилась.

— Ну, какъ не рѣшилась?

— Чѣмъ это кончится!—воскликнула она.—Сейчасъ онъ былъ со мной прямо невыносимъ. Я вѣрю тебѣ больше, чѣмъ Симону. Онъ все отговаривается, сегодня онъ сказалъ: время покажетъ.

Марцелліусъ ничего не отвѣтилъ на это. Они пошли. Но Фредерика, несмотря на всю свою растерянность, была умна и сообразительна и вдругъ сказала:

— Во всякомъ случаѣ ты не долженъ отдавать ему лодку задаромъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣтилъ Марцелліусъ.

На перекресткѣ она протянула ему руку и сказала:

— Теперь я пойду домой, а то онъ разсердится на меня. Онъ, можетъ, видѣлъ, куда я пошла.

Они простились и разошлись по домамъ.

На слѣдующій день вѣтра не было, и море лежало спокойное. Честный лодочникъ Іоахимъ и его оба сына еще до разсвѣта снесли лодку къ талямъ на сѣверѣ острова; всѣ мужчины съ острова помогали имъ, чтобъ прекрасное судно не попортилось во время переноски. И зеленая красивая лодка висѣла уже щеголевато на канатахъ.

Старый учитель уговорилъ своего изящнаго сотрудника и коллегу Симона Руста отложить свое возвращеніе на Церковный островъ до послѣ обѣда, и теперь часъ этотъ насталъ. Повидимому, отношенія между помолвленными со вчерашняго вечера не улучшились, наоборотъ, они шли неподобающе далеко другъ отъ друга, а невѣста казалась преисполненной сомнѣній. Когда они подошли къ талямъ, Іоахимъ и его люди были уже въ сборѣ. Всѣ мужчины сняли шапки передъ обоими учителями и ихъ спутницей.

— Все готово?—спрашиваетъ Симонъ.

Іоахимъ отвѣчаетъ:

— Все готово, по нашему мнѣнію.

Вдругъ Фредерика, мучимая сомнѣніемъ, говоритъ громко:

— Ты бы поберегся сегодня, Марцелліусъ. Развѣ никто другой не можетъ сѣсть сегодня въ лодку, вмѣсто тебя?

Всѣ это слышали.

— О, онъ вѣдь привыкъ,—говоритъ Іоахимъ, отецъ парня.

— Вѣдь это же посмѣшище—лодка съ именемъ,—говоритъ Фредерика.

— Наоборотъ, у нея прекрасное названіе,—говоритъ снисходительно ея отецъ.—Ты этого не понимаешь, Фредерика.

Тогда Симонъ Рустъ говоритъ:

— Я самъ сяду въ лодку.

Всѣ стараются отговорить его отъ этого, но Симонъ влѣзаетъ на верхъ и садится. Его просятъ нѣсколько минутъ, но Симонъ отвѣчаетъ гордо и краснорѣчиво:

— Пусть Фредерикина душа успокоится.

— Привяжись, во всякомъ случаѣ, покрѣпче,—говоритъ Іоахимъ и протягиваетъ ему веревку.

— Спускай!—кричитъ злобно Симонъ.

Отпускаютъ канаты, лодка начинаетъ спускаться. Симонъ снимаетъ резиновую тесемку со шляпы и прикрѣпляетъ конецъ къ пуговицѣ.

Іоахимъ кричитъ, Симонъ отвѣчаетъ все ниже и ниже изъ подъ отвѣса скалы, но ни одинъ другому не виденъ. Симонъ такъ обиженъ, что отвѣчаетъ все рѣже и рѣже и не желаетъ дѣлать много шума изъ за такой простой вещи; подъ конецъ онъ совсѣмъ замолкаетъ. Марцелліусу нечего дѣлать, и онъ стоитъ вдалекѣ.

— Онъ, должно быть, на полпути,—говоритъ Іоахимъ.—Это толковый малый.

Вдругъ крикъ изъ глубины. Никто не понимаетъ этого языка; это не ладно, лодка стала, а, ау, ау, сопровождаемые сильными дерганьемъ веревки. На верху на скалѣ всѣ думаютъ, что должны опять приподнять немного, и Іоахимъ и его люди поднимаютъ. Вдругъ раздается рѣзкій, пронзительный крикъ изъ бездны, слышится ударъ лодки о стѣну скалы, точно весь островъ кашлянулъ.

Всѣ блѣднѣютъ. Канаты вдругъ какъ то, странно полегчали. Іоахимъ говоритъ: Спускай! Немного погодя говоритъ: Поднимай! Но всѣ понимаютъ, что это ни къ чему, Симонъ перевернулъ лодку и свалился въ море.

Въ это время колокола на Церковномъ островѣ зазвонили къ вечернѣ. А какое тамъ теперь будетъ Рождество!

Но Фредерика была чрезвычайно умна и сообразительна, она ухватилась за Марцелліуса и сказала: Прости мнѣ Господь, мой грѣхъ, но я рада, что это не ты. Чего ты здѣсь стоишь? Сбѣгай внизъ, возьми лодку и поищи его.

И когда всѣ сообразили, что она права, цѣлая куча мужчинъ пустилась бѣжать на южную сторону острова. Остался одинъ только старикъ Іоахимъ, честный лодочникъ.

II.

— Не могу я стоять здѣсь и держать лодку цѣлую вѣчность,— думалъ старый Іоахимъ.—Или я долженъ опять поднять ее сюда, но на это у меня не хватитъ силъ, или я долженъ спустить ее въ море!— Онъ еще долго раздумывалъ объ этомъ и пустилъ канатъ.

Но тутъ произошла удивительная вещь: канатъ поползъ всего съ полминуты изъ его руки и слабо повисъ въ воздухѣ. Лодка стала на воду.

Іоахимъ не могъ понять этого. Онъ приподнялъ канатъ, потомъ опять опустилъ его, лодка снова стала на воду. Тогда старый Іоахимъ очень обрадовался и обернулся, чтобы разсказать кому нибудь объ этомъ. Если лодка была всего въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ воды, то Симонъ Рустъ не могъ убиться до смерти. Развѣ только, что онъ утонулъ?

— Живѣй, ребята!—крикнулъ Іоахимъ.—Онъ, можетъ, цѣлъ!

Іоахимъ еще держалъ ослабшую веревку, и вдругъ почувствовалъ, что она дернулась, точно рука схватилась за лодку. Но это, должно быть, просто волна качнула лодку, подумалъ Іоахимъ. Онъ крикнулъ внизъ.

— Ты живъ?

Но Атлантическій океанъ сильно шумѣлъ, и нельзя было слышать отвѣта.

Онъ долго держалъ веревку. Онъ могъ привязать ее и мирно и спокойно дожидаться; но Іоахимъ думалъ: не время щадить себя. Здѣсь, можетъ, ученый человѣкъ, съ широкимъ будущимъ, на его глазахъ разстается съ жизнью.

Прошло добрыхъ четверть часа. Когда вѣтеръ усиливался, Іоахимъ слышалъ гулъ колоколовъ на Церковномъ островѣ, и, по правдѣ сказать, онъ производилъ на него внушительное, мистическое впечатлѣніе. Вдругъ онъ услышалъ глубоко внизу голоса спасателей. Лодкой правили его собственные рябята, и онъ зналъ, что она идетъ быстро. Іоахимъ затаилъ дыханье и прислушался.

— Вонъ онъ!—говоритъ Марцелліусъ.

— Нашли?—спрашиваетъ отецъ со скалы.

Немного погодя, онъ чувствуетъ, что его веревку снимаютъ съ лодки, ложится надъ бездной и кричитъ:

— Онъ живъ?

— Да!—отвѣчаетъ Марцелліусъ.—Поднимай-ка веревку.

— Слава тебѣ, Господи!—бормочетъ Іоахимъ. Онъ поднялъ веревку, заложилъ за щеку порцію жвачки и пошелъ къ пристани на южномъ берегу, встрѣтить лодку. По дорогѣ честный лодочникъ не могъ отвязаться отъ мысли о Симонѣ Рустѣ и его близкой погибели. Симонъ ученый и хитроумный малый, можетъ, онъ самъ отвелъ лодку и выбросился, разъ оставалось всего нѣсколько саженей. — Чортъ бы его побралъ,—думалъ Іоахимъ.

Онъ встрѣтилъ учителя съ дочерью на пристани и сказалъ:

— Онъ спасенъ.

— Спасенъ?—крикнула Фредерика.—Ты шутишь?

— Онъ спасенъ.

Старикъ учитель сказалъ слава Богу и искренно обрадовался. Но Фредерика стояла молча...

Когда лодки подошли къ пристани, Симонъ Рустъ сидѣлъ на веслахъ и гребъ, что было силы; онъ былъ мокръ съ головы до пятокъ и дрожалъ.

— Ты не расшибся?—спросила Фредерика.—Гдѣ твоя шляпа?

— Мы ее не нашли,—сказалъ Марцелліусъ.

— Ты могъ бы дать ему пока свой картузъ,—сказала Фредерика и стала очень внимательна къ Симону.

— Онъ не бралъ его,—отвѣтилъ Марцелліусъ.

— Нѣтъ, извини ужъ, я не желаю его брать, — сказалъ Симонъ горделиво, хотя и трясся отъ холода.

Старый учитель сталъ разспрашивать своего коллегу о несчастіи, и тотъ отвѣчалъ; Іоахиму казалось, что они говорятъ между собой на какомъ то мудреномъ, глубокомысленномъ языкѣ. Симонъ Рустъ объяснилъ, что научился плавать въ семинаріи, что и спасло его. Но онъ испытывалъ муки Тантала, пока не показалась спасательная лодка. Онъ хотѣлъ подробно разсказать обо всемъ происшествіи, чтобы потомъ не было другихъ версій.

— Я желаю знать только одну вещь,—сказалъ онъ и обернулся къ Фредерикѣ.—Какъ ты почувствовала себя, Фредерика, когда лодка со мной опрокинулась?

— Какъ почувствовала?—переспросила Фредерика.

— И какое было твое первое слово?

Фредерика быстро сообразила:

— Я погнала народъ спасать тебя,—сказала она.

— Ну, это хорошо,—сказалъ Симонъ.

Марцелліусъ молчалъ. Онъ понималъ, что теперь Симонъ Рустъ опять владѣетъ всѣмъ ея сердцемъ.

— Пойдемъ сейчасъ же домой и переодѣнься въ сухое платье,—сказалъ старикъ учитель.—Поистинѣ, будетъ чудомъ Божіимъ, если ты переживешь эту катастрофу.

Всѣ помогли вытащить лодки на берегъ, и Марцелліусъ не сдѣ-

лалъ между ними никакого различія, а, наоборотъ, подложилъ чурки подъ Симонову лодку, какъ и подъ свою собственную, чтобы ихъ не снесло вѣтромъ. Онъ отпустилъ всѣхъ впередъ, а самъ, въ мрачномъ раздумьи, пошелъ домой.

Вечеромъ Фредерика пошла за чѣмъ-то въ сосѣднюю избу, но не заглянула къ Марцелліусу. Онъ вышелъ на порогъ, подкараулить ее, и, когда она проходила, сказалъ:

— Добрый вечеръ. Ты вышла полюбоваться сѣвернымъ сіяніемъ?

— Я иду по дѣлу,—отвѣтила она.—Что ты думаешь о сегодняшнемъ чудѣ?

Марцелліусъ отвѣчалъ:

— Я тебѣ сейчасъ это скажу: я думаю, что тутъ никакого чуда нѣтъ.

— Вотъ какъ. Но еслибъ ты выпалъ бы изъ лодки, ты бы спасся?

— Онъ не выпалъ. Онъ выбросился съ двухъ-трехъ саженей,— говоритъ отецъ.

— Выбросился? Ну, что-жъ. Это ты еще меньше могъ бы сдѣлать.

Марцелліусъ молчалъ.

— Потому, что ты не умѣешь плавать, — продолжала Фредерика. И ты не учился тому, чему учился онъ. И не учился играть на органѣ.

— Значитъ, вы поженитесь?—сказалъ Марцелліусъ.

— Не знаю, какъ будетъ,—отвѣтила она.—Похоже на то.

Марцелліусъ сказалъ съ горечью.

— Тогда все равно, ты и онъ можете получить лодку задаромъ, какъ я рѣшилъ.

Фредерика подумала и отвѣтила:

— Ну да, если у насъ что-нибудь сладится, то мы можемъ взять лодку, какъ ты говоришь. Но если онъ меня обманетъ, то тогда, вѣдь, поженимся мы съ тобой, и тогда онъ долженъ заплатить намъ за лодку.

Марцелліусъ не проявилъ никакого изумленія при этомъ договорѣ и спросилъ:

— Черезъ сколько времени я могу узнать это?

Фредерика отвѣчала:

— Онъ уѣзжаетъ завтра домой, значитъ, навѣрно скажетъ. Я, вѣдь, не могу сама спрашивать его о такихъ вещахъ, ты понимаешь.

Но Марцелліусу пришлось ждать нѣсколько мѣсяцевъ, раньше чѣмъ узнать что-нибудь опредѣленное.

Симонъ Рустъ уѣхалъ домой въ первый день Рождества и ни о чемъ не уговорился съ Фредерикой передъ отъѣздомъ; затѣмъ онъ сватался въ нѣсколькихъ мѣстахъ на Церковномъ островѣ и вездѣ получилъ согласіе, благодаря богатству отца. Но Симонъ нигдѣ не

связалъ себя, а оставался воленъ и свободенъ до поры до времени. Наконецъ, онъ посватался и къ учительницѣ, но та была барышня изъ благородныхъ, и здѣсь Симонъ Рустъ получилъ отказъ.

Все это Фредерика слышала и часто сокрушалась больше, чѣмъ слѣдовало.

На Тринадцать Святыхъ въ этотъ годъ, какъ и въ прошлые, предполагались танцы въ избѣ лодочника Іоахима, и Марцелліусъ какъ всегда, былъ распорядителемъ. Были наняты скрипачи, и Дидрикъ, мастеръ пиликать, тоже нанятъ заблаговременно. Парни уже пригласили своихъ дѣвушекъ и Фредерика обѣщала Марцелліусу придти.

Вдругъ въ этотъ день къ острову пристала четырехвесельная лодка, прислалъ ее старый рыбакъ Рустъ за Фредерикой съ приглашеніемъ на танцы на Церковный островъ въ тотъ же вечеръ. Фредерика сейчасъ же собралась и нарядилась, какъ подобало на такое торжество.

Марцелліусъ стоялъ на пристани и сказалъ ей:

— Ну, теперь будетъ ужъ окончательно рѣшено?

— Да, да, теперь будетъ рѣшено,—отвѣтила Фредерика.

Она всю дорогу сидѣла въ лодкѣ съ такимъ видомъ, какъ будто знала, что теперь дѣлать.

Богатый рыбакъ Рустъ принялъ ее хорошо, и вечеромъ, когда начались танцы, парни приглашали ее на перебой. Симонъ же, хозяйскій сынъ, по прежнему шутилъ со всѣми и хотѣлъ, чтобъ между нимъ и Фредерикой все оставалось по старому.

Черезъ извѣстные промежутки весь вечеръ гостямъ подавались напитки и кофе, и старый Рустъ не скупился на одну-двѣ лишнихъ полбутылочки. Симонъ Рустъ тоже выпивалъ стаканчикъ за стаканчикомъ, чтобъ не прослыть гордецомъ, но танцовать по настоящему съ простыми рыбачками ему не подобало, такъ какъ онъ былъ воспитателемъ юношества.

Ночью, когда всѣ разошлись по домамъ, Фредерика осталась одна съ Симономъ, она должна была ночевать у нихъ. Но даже и теперь Симонъ былъ съ ней не ласковѣе, чѣмъ раньше, и она была бы очень глупа, еслибъ приняла его толчекъ въ бокъ за вѣчную любовь.

— Я вышла немножко освѣжиться,—сказала Фредерика.

— Напрасно,—отвѣтилъ Симонъ,—это легко можетъ имѣть серьезныя послѣдствія для твоего здоровья.

— Богъ знаетъ, почему дверь въ амбаръ открыта,—сказала Фредерика, указывая на дверь.

Симонъ тоже этого не зналъ.

— Пойдемъ, закроемъ ее,—сказала она.

Они пошли къ амбару; отъ сѣвернаго сіянья и звѣздъ было совсѣмъ свѣтло.

Фредерика просунула голову въ амбаръ и сказала:

— Покажи мнѣ, много ли у васъ корма.

Они вошли оба.

— Тутъ у насъ одинъ полокъ съ сѣномъ, а тамъ другой, — сказалъ Симонъ.

— Гдѣ?

Симонъ влѣзъ на сѣно и показалъ ей. За нимъ полѣзла и Фредерика.

III.

Фредерика еще нѣкоторое время поддерживала Марцелліуса въ слабой возможности ихъ брака, и онъ выжидалъ этой минуты съ тайной надеждой. Но, постомъ, въ мартѣ, Фредерика не была уже въ неувѣренности, и сказала Марцелліусу, что нѣтъ, нечего больше просить, она выйдетъ за Симона.

— Ага,—сказалъ Марцелліусъ.

И ни слова не сказалъ о лодкѣ. Она можетъ получить ее теперь задаромъ, ему все равно. Онъ имѣлъ время приготовиться къ своей судьбѣ, и всѣ видѣли Марцелліуса цѣлую весну за работой, какъ прежде. Но онъ не былъ уже такъ бодръ и веселъ, и много бывалъ въ одиночествѣ.

И вотъ, дни стали длиннѣе, солнце и оттепель согнали снѣгъ, такъ что скоро нельзя было спускать лодки съ ледника на сѣверномъ берегу. Корабельщики недѣли двѣ ходили безъ дѣла, но когда прошли весеннія бури, и Атлантическій океанъ снова улегся, корабельщики выѣхали на рыбную ловлю около острововъ. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ Марцелліусъ и его братъ заработали много денегъ, спасши шкуну, носившуюся по морю безъ мачтъ и людей.

Нельзя было ошибиться: уваженіе къ Марцелліусу на островѣ послѣ этого подвига сильно поднялось, и такъ какъ онъ каждый день навѣщалъ спасенное судно, стоявшее у пристани, то сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ его капитана. Объявились датскіе комиссары и заплатили за спасеніе, сумма была очень велика, но молва сдѣлала ее еще больше. Говорили, что корабельщикъ Марцелліусъ хочетъ стать купцомъ на островѣ и называться Іоахимсеномъ.

Однажды онъ пошелъ къ Фредерикѣ и сказалъ:

— Значитъ, ты навѣрное выйдешь за Симона?

— Да,—отвѣтила она,—такъ сложилось.

Она проводила его до его избы и дорогой сказала:

— Еслибъ ты былъ, какъ въ старину, я попросила бы тебя съѣздить къ Симону и привезти его сюда. Но ты вѣдь сталъ теперь такимъ важнымъ, Марцелліусъ.

Марцелліусъ отвѣтилъ:

— Я покажу тебѣ, что я не важнѣе, чѣмъ былъ.

И честно поѣхалъ къ Симону.

Когда Симонъ пріѣхалъ и уѣхалъ, Марцелліусъ опять пришелъ и, въ слѣпотѣ своей, снова спросилъ Фредерику.

— Теперь вы ужъ уговорились?

Она отвѣчала:

— Да. Есть важная причина, чтобъ остаться при прежнемъ рѣшеніи.

— Значитъ, нечего больше спрашивать?

— Ты вѣдь знаешь, кому принадлежитъ мое сердце,—сказала Фредерика.—Я никогда не была влюблена ни въ кого, кромѣ него.

На это Марцелліусъ не отвѣчалъ ничего, потому что это былъ тонкій, книжный языкъ. Онъ пригласилъ ее выпить кофе, но она сказала, нѣтъ, спасибо, не къ чему угощать. Уходя, она вспомнила о лодкѣ.

— Ты вѣдь не нуждаешься въ уплатѣ за лодку,—сказала она,—разъ ты теперь такъ разбогатѣлъ? Симонъ велѣлъ мнѣ спросить тебя.

— Нѣтъ, Богъ съ ней, съ лодкой,—отвѣчалъ онъ.—У меня, слава Богу, довольно денегъ и богатства. Когда васъ огласятъ?

— Черезъ двѣ недѣли.

— А ты не собираешься въ этомъ году на стрижку овецъ?

Она отвѣчала:

— Это мы тоже отложимъ недѣльки на двѣ. Еще не время, снѣгъ не сталъ.

— Я только спросилъ,—сказалъ онъ.

А стричь надо было жесткорунныхъ овецъ исландской породы. Ихъ выпускали разъ навсегда на какой-нибудь островъ, гдѣ онѣ жили зиму и лѣто, и сами выискивали себѣ кормъ. Разъ въ годъ ихъ ловили, чтобы стричь шерсть, и происходило это весной, съ наступленіемъ оттепели.

Черезъ двѣ недѣли огласили въ киркѣ на Церковномъ островѣ Фредерику съ Симономъ Рустомъ. Наконецъ-то дѣло у нихъ рѣшилось, на деревнѣ давно этого ждали.

Въ тотъ же вечеръ Фредерика пришла въ избу корабельщика Іоахима въ веселомъ, шутливомъ настроеніи.

— Давай Богъ счастья!—сказала жена корабельщика.—Я нынче слышала твое имя съ амвона.

— А ты не ошиблась?—сказала Фредерика въ шутку.

— Давай Богъ счастья!—сказалъ и Марцелліусъ.—Что-жъ ты подумала о стрижкѣ?

Фредерика улыбнулась и отвѣчала:

— Что это ты такъ торопишься въ этомъ году. Что съ тобой? Ты еще на страстной недѣлѣ началъ говорить объ овцахъ.

— Я спрашивалъ, потому что мнѣ нужно,—отвѣтилъ онъ.

— Впрочемъ, я пришла сказать тебѣ, что ты можешь ѣхать съ нами завтра,—сказала Фредерика.

Онъ спросилъ поспѣшно:

— Я могу поѣхать,—говоришь ты?—Можетъ, ты сама не справишься въ этомъ году?

Она почти рѣшила побереченся эту весну, но при коварномъ вопросѣ Марцелліуса слегка покраснѣла и отвѣчала:

— Не справлюсь? Можетъ, ты скажешь мнѣ, почему это я не справлюсь?

Да, Фредерика не хотѣла показать, что она такъ пополнѣла за послѣднія недѣли, и потому рѣшила въ этомъ году, какъ и раньше, сама ловить овецъ.

Услышавъ это, Марцелліусъ сейчасъ же вышелъ и не возвращался до тѣхъ поръ, пока она не ушла.

Марцелліусъ спустился по ступенькамъ до скалъ, гдѣ находилась лодочная мастерская. Это была длинная пещера, гдѣ были устроены штапели для всякихъ лодокъ, отъ душегубокъ до десятивесельныхъ. Здѣсь онъ все прибралъ хорошенько и вымелъ полъ. Стоялъ конецъ мая мѣсяца, было свѣтло часовъ до одиннадцати вечера, и позже. Марцелліусъ заглянулъ на пристань. Его пятипарная лодка стояла на причалкахъ и точно смотрѣла на него. Пробило полночь, когда онъ пошелъ домой.

Онъ не раздѣлся, а сѣлъ на постель; старшій братъ его уже спалъ Марцелліусъ подошелъ къ окну и долго смотрѣлъ въ него. Эхехе! Господи, Господи!—проговорилъ онъ и вернулся къ постели. Онъ легъ не раздѣваясь и не спалъ всю ночь. Какъ только онъ заслышалъ, что мать разводитъ огонь, онъ всталъ, разбудилъ брата и сошелъ внизъ. Было всего четыре часа.

— Ты нынче рано всталъ,—сказала мать.

— Я собираюсь на стрижку,—отвѣтилъ онъ.—Если мы хотимъ остричь всѣхъ овецъ сегодня, то надо выѣхать пораньше.

Они собрались всѣ трое, оба сына и мать, пошли къ учителю и подождали наружу, пока выйдетъ Фредерика. Фредерика взяла съ собой только служанку. Ихъ сѣло въ лодку пять человѣкъ.

Оба брата гребли спокойно и увѣренно, и разговоръ шелъ между женщинами. Взошло солнце, островъ, на которомъ жили овцы, тяжелой массой всплывалъ на спокойныхъ водахъ. Овцы уже издали замѣтили приближающуюся лодку, онѣ стояли, точно пораженныя громомъ, глядѣли и даже перестали жевать. Чтобы не испугать робкихъ животныхъ, въ лодкѣ старались производить какъ можно меньше шума

Но овцы забыли такое же прошлогодне посѣщеніе, онѣ никогда въ жизни не видѣли подобнаго видѣнья. Онѣ подпустили лодку и въ своей чудовищной глупости, отнеслись къ этому спокойно; только, когда лодка причалила, высокій передовой баранъ началъ дрожать. Онъ бросилъ взглядъ на своихъ овецъ, потомъ на лодку. Вдругъ, — когда пятеро человѣкъ очутились на берегу, и лодка была вытащена — баранъ подумалъ, что это превосходитъ всѣ видѣнныя имъ до сихъ поръ опасности, заметался и дикими скачками бросился бѣжать внутрь острова.

— Въ этомъ году не легко будетъ поймать и самокъ, — говорили между собой женщины.

Вся компанія отправилась въ глубь острова. Нужно было сначала поймать ягненка, тогда легче словить мать. Они хлопотали до поздняго утра, пока имъ удалось схватить взрослое животное. Одна кучка со страху забѣжала къ лодкѣ, бросилась въ море, и Марцелліусъ промокъ, вытаскивая овецъ одну за другой.

— Какъ ты вымокъ, — сказала Фредерика.

Пока три женщины сидѣли и стригли овецъ, братья стояли наготовѣ съ тремя связанными другими, и Марцелліусъ стоялъ около Фредерики. Весеннее солнце ярко и тепло озаряло ихъ всѣхъ.

— Это моя вторая овца — сказала Фредерика, заткнула шерсть въ мѣшокъ и встала.

— Пойдемъ, попытаемся поймать какую нибудь матку, — сказалъ Марцелліусъ, съ странной дрожью въ голосѣ.

Фредерика пошла за нимъ, и они скрылись съ глазъ отъ остальныхъ.

— Мнѣ кажется, онѣ въ другомъ мѣстѣ, сказала Фредерика.

Марцелліусъ отвѣтилъ:

— Посмотримъ сначала здѣсь.

Они вышли на сѣверную часть, гдѣ была тѣнь; но овецъ не увидали.

— Онѣ, должно быть, тамъ, на самомъ верху,—сказалъ Марцелліусъ и побѣжалъ туда. Но Фредерика не могла бѣжать такъ проворно, какъ встарину, и не поспѣвала за нимъ. Марцелліусъ схватилъ ее за руку и потащилъ, въ то же время повторяя неестественно громко:

— Вотъ увидишь! Вотъ увидишь,—говорю я!

— Не кричи такъ громко и не пугай овецъ,—сказала Фредерика, думая о своей работѣ.

Но онъ продолжалъ тащить ее и говорилъ громко и дико:

— Увидишь! Я научу тебя играть на органѣ!

— Да что съ тобой? — спросила она, пытаясь догадаться по его лицу.

А лицо его было неузнаваемо.

Тогда она стала сопротивляться, упиралась, скользила на подошвахъ съ горы, а Марцелліусъ тащилъ ее безъ пощады. Она поняла, что онъ хочетъ убить ее, и испугалась. Безъ одного слова или крика, онъ втащилъ ее на скалу и сбросилъ въ бездну.

Она была въ такомъ оцѣпенѣніи, что даже не ухватилась за платье Марцелліуса, онъ въ цѣлости остался на скалѣ, хотя и предполагалось, что онъ свалится вмѣстѣ съ ней.

Онъ боязливо оглянулся, не идутъ ли ихъ спутники, но никого не было видно. Онъ поглядѣлъ со скалы внизъ, тамъ тяжело шумѣло, море уже приняло Фредерику. Онъ хотѣлъ послѣдовать за ней, снялъ пиджакъ и хотѣлъ броситься внизъ, но раздумалъ и сталъ искать спуска. При спускѣ онъ осторожно ощупывалъ ногой всякій камень, чтобы не скатиться. Дойдя до полдороги, онъ подумалъ, что все равно, не важно, еслибъ онъ упалъ и расшибся, но все-таки соблюдалъ ту же осторожность, ступая.

Море подходило вплотную къ отвѣсу скалы, и когда до него оставалось всего нѣсколько саженей, Марцелліусъ остановился. Онъ снялъ куртку и пиджакъ, положилъ ихъ на скалѣ, чтобы это платье могло кому-нибудь пригодиться, сложилъ руки и помолился, чтобы Богъ принялъ его душу, во имя Господа Іисуса Христа. Затѣмъ бросился внизъ.

ОСЕННІЕ МОТИВЫ.

I.

Пѣсни безъ названія.

Мертвый сумракъ надъ садомъ плыветъ
Тихо въ сонной аллеѣ.
Одинокая пѣсня грустнѣе
Позабытаго друга зоветъ.

Слышенъ запахъ увядшихъ цвѣтовъ.
Звуки таютъ въ послѣднемъ дрожаньѣ,
Этой пѣсни забылъ я названье,
Это пѣсня безъ словъ.

Кто-то стонетъ и робко зоветъ
И все проситъ нѣжнѣе.
Тихо въ сонной аллеѣ
Мертвый сумракъ надъ садомъ плыветъ.

II.

Осенняя буря.

Туманъ наплываетъ на лѣсъ обнаженный,
Безмолвныя тучы спустились низко...
Осенняя буря, какъ врагъ потаенный,
Сторóжитъ минуту, хоронится близко.

И тускло горятъ ея мрачныя очи,
И злобно трепещутъ тяжелыя крылья,
Но нѣтъ въ ней отваги, и ждетъ она ночи
И мучится страхомъ тоски и безсилья.

III.

На родинѣ.

Блѣдный свѣтъ струился на дорогу,
Одинокій мѣсяцъ умиралъ.
Старый садъ въ тоскѣ молился Богу
И о прошломъ тихо вспоминалъ.

Уходила далеко дорога
И терялась въ сумракѣ ночномъ,
А въ душѣ моей росла тревога,
Въ эту ночь я былъ въ краю родномъ.

Видѣлъ я: тамъ старый садъ молился,
Одинокій мѣсяцъ умиралъ,
На дорогу блѣдный свѣтъ струился,
Мой двойникъ, задумавшись, блуждалъ.

IV.

Въ саду.

Было пусто и тихо въ аллеяхъ.
Сизый сумракъ сливался съ туманомъ.
Отрывались поблекшіе листья
Съ обезсиленныхъ черныхъ вѣтвей
Боязливыя, нѣжныя звѣзды
Догорали на небѣ холодномъ.
Умирали дрожащія тѣни
Въ похороненномъ зыбкомъ саду.
Было пусто и тихо въ аллеяхъ.
Утомленныя липы молчали.
Одиноко ходилъ я по саду,
Одиноко и грустно мечталъ.
Улетали крылатыя думы.
Обнажалась забытая мука,
Испугалось и смолкнуло сердце
И просить не могло ни о чемъ.

В. Башкинъ.

ЧААДАЕВЪ и НАДЕЖДИНЪ.

(По неизданнымъ матеріаламъ).

(*Продолженіе* *).

III.

«Телескопъ» и «Молва»

(1831—1836 гг.)

Въ 1831 году году Надеждинъ вступаетъ на путь болѣе широкаго журнализма: онъ самъ начинаетъ издавать одновременно два журнала: «*Телескопъ*», *журналъ современнаго просвѣщенія*, и «*Молву*», *журналъ модъ и новостей*. Второй былъ прибавленіемъ къ первому.

Телескопъ выходилъ дважды въ мѣсяцъ книжками въ 7 — 9 печатныхъ листовъ. Онъ состоялъ изъ всѣхъ тѣхъ отдѣловъ (современная лѣтопись, изящная словесность, критика, наука, нравы, смѣсь), которые были обязательны тогда каждому журналу. Въ особомъ объявленіи Надеждинъ обѣщалъ «сдѣлать свой журналъ указателемъ современнаго просвѣщенія», главнымъ образомъ отечественнаго, чтобы показать, что «русская гордость не должна ограничиваться одними безотчетными восклицаніями». Конечно, вступая на такой путь угожденія русской гордости, отчего было не вступить и на другой—угожденія экономному обывателю: *Молва*, выходившая еженедѣльно **), содержала въ себѣ прежде всего «моды», а затѣмъ уже текущія новости жизни, литературы и театра...

Еще такъ недавно порицая Полевого за торгашескую угодливость публикѣ, Надеждинъ ни на минуту не задумался послѣдовать его примѣру, какъ только дѣло дошло до своего кармана, вѣрнѣе—даже перещеголять Полевого, преподнося моды четыре раза въ мѣсяцъ...

Точно такая же «твердость взглядовъ» была обнаружена Надеждинымъ и во внѣшности его изданій. Горячо защищаемая ореогра-

---

*) См., „Міръ Божій", № 9, сентябрь 1905 г.

*) Въ 1832 г. по два раза въ недѣлю, въ 1833 г.—по три, а съ 1834 г. снова еженедѣльно.

фія Каченовскаго, въ родѣ «есѳетическій», «typографія» etc., была брошена, и *Телескопъ* и *Молва* не заслужили уже эпиграммъ грамматѣя—Пушкина.

Послѣдній даже взятъ теперь подъ защиту... Надеждинъ сумѣлъ обойти великаго поэта настолько, что заручился уже и его сотрудничествомъ... Общій пріятель ихъ, Погодинъ, умудрился такъ устроить, что въ нужную минуту Надеждинъ даже ссудилъ Пушкина деньгами и тѣмъ, конечно, обезоружилъ вѣчно нуждавшагося и денежно безалабернаго поэта. Погодинъ даже устроилъ особый вечеръ для примиренія ихъ другъ съ другомъ...*) Псевдонимъ Пушкина «Ѳеофилактъ Косичкинъ» только и употреблялся въ *Телескопѣ*.

Вообще, Надеждинъ совершенно забылъ «екс—студента Нікодима Надоумку» и все ближе и ближе примыкалъ къ кружкамъ новыхъ литературныхъ и общественныхъ направленій... Впрочемъ, это дѣлалось съ осторожностью и осмотрительностью ловкаго человѣка: въ числѣ сотрудниковъ состояли, и не безъ вліянія на журналъ, Погодинъ, Шевыревъ и К°. Съ этими господами Надеждинъ былъ всегда ближе, чѣмъ съ тѣми, кто, прикрывая его своими свѣтлыми именами, давалъ *Телескопу* и *Молвѣ* право именоваться такъ или иначе прогрессивными изданіями. Какъ, напримѣръ, трогательно его письмо къ лизоблюдствовавшему въ Петербургѣ Погодину: «Ну, Мишутка! Я радъ, что дѣла твои обѣщаютъ хорошій успѣхъ. Да что-жъ ты, чучело, ничего ко мнѣ не пишешь, ни о чемъ меня не извѣстишь? Губы что ли дуешь? Извѣсти, что говорятъ о *Телескопѣ*? Какое общее мнѣніе? Чѣмъ довольны? Чего требуютъ? Особенно повыспроси Пушкина и Жуковскаго» **).

Кромѣ трогательнаго амикошонства, здѣсь есть очень цѣнный штрихъ: особенное вниманіе къ отзывамъ о *Телескопѣ* Пушкина и Жуковскаго... Отзывы перваго нужны были, съ одной стороны, потому, что шли отъ умнаго человѣка, съ другой—отъ сотрудника, котораго надо было ублажать. Отзывы второго были отзывами дворца. Благодаря сотрудничеству Жуковскаго (черезъ А. П. Елагину), изданія Надеждина читались тамъ... Вотъ что печаталъ объ этомъ самъ издатель: «Высокое вниманіе Монарха, удостоившаго, во время пребыванія своего въ древней столицѣ, повелѣть считать себя пренумерантомъ *Телескопа* и *Молвы*, возвышаетъ ревность издателя до священной обязанности, исполненіе коей составитъ украшеніе и награду его жизни» ***).

А Надеждинъ, дѣйствительно, «старался...»

То вдругъ обвинитъ Полевого въ посягательствѣ сдѣлать карри-

---

*) Барсуковъ, н. с. III. 31—32.

**) Ibid., 335.

***) „Телескопъ“, 1831 г., № 24, стр. 586.

катуру «на Великаго Монарха (Петра), коего память есть предметъ благоговѣнія для насъ русскихъ» *), то разразится по его же адресу патріотической тирадой только потому, что издатель «Московскаго Телеграфа» въ «Юріи Милославскомъ» усмотрѣлъ звонъ въ «колокольчикъ народнаго самохвальства».

Когда въ 1833 г. была разрѣшена «Библіотека для Чтенія», Надеждинъ обратился и по адресу Сенковскаго. Напримѣръ, онъ утверждалъ, что баронъ Брамбеусъ «возстаетъ, не хуже Руссо, противъ порядка вещей, существующаго въ образованномъ обществѣ; что подъ омутомъ домашняго насилія» разумѣются у него семейныя узы, связывающія супруговъ съ супругами, «основной цементъ житейскаго быта» и что вообще «всѣ доселѣ извѣстныя статьи Брамбеуса отзываются явнымъ недоброжелательствомъ къ условіямъ общественной жизни» **).

Такіе доносы одновременно достигали двухъ цѣлей: уловленія конкурентовъ и удовольствія журналомъ со стороны правительства. Послѣднее достигалось еще и цѣлымъ рядомъ статей, гдѣ Надеждинъ расписывался въ квасномъ патріотизмѣ. Лафайета онъ называлъ «наглымъ авантюристомъ», іюльскіе дни 1830 года—«праздникомъ обманутыхъ дураковъ», «мятежомъ» etc., etc., etc. Помѣщая переводную статью «Современный духъ анализа и критики», Надеждинъ говорилъ, что цѣнитъ ее, какъ «живую, искреннюю, сердечную исповѣдь современнаго европеизма, глубоко чувствующаго свое внутреннее растлѣніе и заслуженныя бѣдствія, отъ которыхъ благій промыслъ да сохранитъ навсегда наше любезное отечество!» ***).

Велегласно привѣтствовалъ «Телескопъ» паденіе Варшавы, находя, что оно «увѣнчало новою славою побѣдоносное оружіе русское, одушевило первыхъ нашихъ поэтовъ благороднымъ патріотическимъ восторгомъ и отозвалось на ихъ звучныхъ лирахъ достойными пѣснопѣніями» ****).

По тому же вопросу были помѣщены двѣ статьи Погодина о Польшѣ... *****) Вскорѣ авторъ ихъ получилъ запросъ отъ Бенкендорфа: чего онъ желаетъ за статью, очень понравившуюся государю?.. Конечно, Погодину это предложеніе не показалось оскорбительнымъ... Жаль только, что его біографъ не говоритъ, чѣмъ награжденъ былъ историкъ шефомъ жандармовъ ******)..

Очевидно, все это создавало *Телескопу* соотвѣтствующее положеніе. Я умышленно остановился на его первомъ годѣ, потому что онъ

*) „Молва“, 1831 г., № 27, стр. 9.
**) Ibid. т. XXI, 255—256.
***) Ibid. 1832 г., т. XI.
****) Ibid., 1831 г., № 16, 505.
*****) Ibid. 1831 г., №№ 7 и 9.
******) И. Барсуковъ, п. с., III. 271—273.

наиболѣе характеренъ: Надеждинъ спѣшилъ развернуть свой талантъ возможно шире... Говорить о томъ, чѣмъ былъ журналъ въ смыслѣ научно литературномъ, я считаю не особенно важнымъ именно въ данной работѣ, не имѣющей въ виду такую сторону *Телескопа*. Намъ достаточно будетъ знать, что разнообразіемъ матеріала онъ не уступалъ «Московскому Телеграфу», но сравниться съ нимъ, все-таки, не могъ: Полевой былъ чистъ и опрятенъ, совершая гардеробъ не на страницахъ своего журнала.

Очень цѣнившій Надеждина, какъ критика, Чернышевскій вѣрно характеризовалъ его журналъ: «*Телескопъ* не пользовался особеннымъ успѣхомъ, хотя и не былъ журналомъ совершенно безъ читателей; онъ пользовался нѣкоторымъ, но не очень значительнымъ, вліяніемъ на публику» *).

Но и Надеждину на первыхъ же шагахъ приходилось слышать, что его журналъ не свободенъ отъ подозрѣній.

Первое по времени подобное заявленіе онъ услышалъ сразу послѣ выхода первой книжки: помѣщенная тамъ статья «Современное направленіе просвѣщенія» не понравилась московскому оберъ-полицеймейстеру, С. Н. Муханову, и попечителю округа, кн. С. М. Голицыну **).

Это бы еще не было большой бѣдой. Гораздо хуже неодобреніе журнала всесильнымъ Бенкендорфомъ. Но почему, на основаніи какихъ дѣйствительныхъ преступленій Надеждинъ могъ быть скомпрометированъ передъ жандармскою властью? Отвѣтъ на это очень простъ. *Телескопъ* не пользовался расположеніемъ Булгарина, вѣрнаго слуги III отдѣленія по надзору за печатью... Но и съ Булгаринымъ у Надеждина не было принципіальной вражды. По духу они были даже сродни. Просто Булгаринъ былъ сначала обиженъ сатирической статьей Надеждина о его романѣ «Иванъ Выжигинъ» ***), а затѣмъ, позже—статьей Пушкина «Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Б.... и о прочемъ...» ****). Этого было, конечно, довольно, чтобы Ѳаддей, неизмѣнно вѣрный своему правилу: доносы при всякомъ случаѣ и безъ случая—ознакомилъ III отдѣленіе съ неблагонамѣренностью надеждинскихъ органовъ. Уже 9 февраля 1832 года Бенкендорфъ писалъ министру просвѣщенія кн. Ливену: «Разсматривая журналы, издаваемые въ Москвѣ, я неоднократно имѣлъ случай замѣтить расположеніе издателей оныхъ къ идеямъ самаго вреднаго либерализма. Въ семъ отношеніи особенно обратили мое вниманіе журналы «Телескопъ» и «Телеграфъ», издаваемые Надеждинымъ и Полевымъ» *****).

---

*) „Очерки Гоголевскаго періода etc“, 1892 г., 201.

**) Н. Барсуковъ, н. с., III., 268.

***) „Молва“, 1831 г., № 5.

****) „Телескопъ“, 1831 г., XV.

*****) „Цензура въ царствованіе импер. Николая I“, „Рус. Стар.“ 1903 г., II, 312—313.

Ливенъ, зная что съ Бенкендорфомъ спорить нельзя, сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія.

Теперь понятно будетъ, почему бывшій въ томъ же году въ Москвѣ товарищъ министра народнаго просвѣщенія, С. С. Уваровъ, нашелъ *Телескопъ* столь же неблагонамѣреннымъ, какъ и «Московскій Телеграфъ». Онъ самъ пишетъ: «издателей «Телеграфа» и «Телескопа» призывалъ къ себѣ и излагалъ имъ съ умѣренностью, но твердо, всѣ послѣдствія, какія влекутъ за собою опасное направленіе ихъ журналовъ, и разсуждая съ ними о семъ предметѣ, получилъ отъ нихъ торжественное обѣщаніе исправить сію ложную и вредную нелѣпость; особенно издателю «Телескопа» и «Молвы», какъ профессору московскаго университета, замѣтилъ въ присутствіи Голохвастова *), что его обязанность къ правительству двоякаго рода; ибо не только какъ журналистъ, но еще какъ профессоръ, долженъ онъ служить орудіемъ здраваго разсудка и хорошихъ началъ, и что изъ сей двоякой обязанности проистекаетъ для него двоякая весьма важная и тѣсная отвѣтственность. Тому и другому изъ сихъ журналистовъ изъяснилъ я, что пора прекратить имъ не только дерзкое сужденіе о предметахъ, лежащихъ внѣ ихъ круга, но также и облагородить ихъ изданія, положа конецъ ругательнымъ критикамъ и дерзкимъ личностямъ. По вниманію, кажется, искреннему, съ коимъ они слушали мои слова, долженъ думать, что они, при бдительномъ надзорѣ цензуры, сдержатъ данное слово». **).

Если бы это былъ не Уваровъ, то получалось бы какое-то странное противорѣчіе: очерченный выше *Телескопъ* находили вреднымъ... Но съ Уваровымъ все понятно. Этотъ человѣкъ, добиваясь министерскаго поста, вездѣ и во всемъ видѣлъ вредъ и злую мысль. Его прославленная образованность, которой на самомъ дѣлѣ у него было столько же, сколько и честности, вела къ такому изувѣрству, что иногда не хочется вѣрить фактамъ.

Давая слово исправиться, Надеждинъ могъ быть увѣренъ, что выполнитъ его...

Къ этому времени относится его знакомство съ Чаадаевымъ, происшедшее въ англійскомъ клубѣ. До этого Надеждинъ много слышалъ о немъ. «Но съ перваго взгляда,—говоритъ онъ,—странная наружность его истребила во мнѣ желаніе съ нимъ сблизиться. Въ 1832 г. мнѣ доставили въ переводѣ отрывки изъ неизвѣстнаго большого сочиненія, съ замѣчаніемъ, что это сочиненіе писано русскимъ, но по-французски. Въ этихъ отрывкахъ говорено было о *древней архитектурѣ* и о *безсмертіи души*. Я напечаталъ ихъ въ моемъ журналѣ въ томъ же 1832 г., но въ которой именно книжкѣ, не припомню. Послѣ

*) Попечитель московскаго округа.

**) Н. Барсуковъ. н. с., IV. 98—99.

того вскорѣ, г. Чадаевъ, встрѣтясь со мной также въ клубѣ, объявилъ мнѣ, что онъ сочинитель напечатанныхъ отрывковъ, и предложилъ мнѣ свое знакомство, намекая, что онъ желалъ бы и впредь участвовать въ моемъ журналѣ помѣщеніемъ своихъ сочиненій. Вслѣдствіе такого предложенія, я сдѣлалъ ему визитъ; но при разговорѣ, относившемся, вообще, къ наукамъ и способу занятія ими, мое предубѣжденіе противъ него усилилось: я нашелъ въ немъ очень тяжелаго и сухого человѣка, такъ что не только не напомнилъ ему о его предложеніи, но и не сталъ къ нему больше ѣздить. Тогда я имѣлъ много сотрудниковъ по журналу, почему и не подорожилъ предложеніемъ г. Чадаева, тѣмъ болѣе, что онъ, повидимому, хотѣлъ дать этому предложенію видъ одолженія. Съ тѣхъ поръ снова прекратилось всякое сношеніе между мной и имъ. Мы только кланялись, видая другъ друга въ клубѣ; въ другихъ же обществахъ и не встрѣчались вовсе. Г. Чадаевъ принадлежалъ совсѣмъ къ другому кругу московскихъ литераторовъ, между которымъ и мною до послѣдняго времени (писано въ 1836 году—*М. Л.*) существовало журнальное несогласіе. Въ этомъ кругу журналъ мой не пользовался благорасположеннымъ мнѣніемъ, и, сколько мнѣ извѣстно было по слухамъ, г. Чадаевъ былъ не изъ послѣднихъ моихъ противниковъ и охуждателей» *).

Итакъ, вотъ очеркъ перваго знакомства Надеждина и Чаадаева. Читателю ясно, что эти люди и не могли сойтись сколько-нибудь серьезно и близко: ужъ очень они были различны во всѣхъ отношеніяхъ. Кромѣ того, нельзя забывать, что отъ Чаадаева объ этомъ знакомствѣ мы ничего не знаемъ; слѣдовательно, опровергнуть детали нѣтъ возможности.

Съ Бѣлинскимъ у Надеждина тоже не установилось хорошихъ отношеній. «Настоящей симпатіи между ними не образовалось»,—замѣчаетъ Пыпинъ. Надеждинъ «смотрѣлъ на Бѣлинскаго съ высоты своего ученаго величія, а потомъ и совсѣмъ недружелюбно. Недостатокъ сочувствія не былъ бы удивителенъ: характеры были слишкомъ различны. Надеждину не могла быть симпатична или оставалась чужда природа Бѣлинскаго, состоявшая изъ энтузіазма и увлеченія и совершенно лишенная житейскаго благоразумія и разсчета» **).

По словамъ Панаева, Надеждинъ не любилъ говорить о неистовомъ Виссаріонѣ, и на вопросъ о немъ, отвѣчалъ обыкновенно нехотя. Иногда, онъ, впрочемъ, выдумывалъ цѣлый разсказъ о томъ, какъ облагодѣтельствовалъ Бѣлинскаго хорошей квартирой и пр., а тотъ, будучи циникомъ (sic!) все это бросилъ *).

---

*) Дѣло № 368, показанія Надеждина на вопросные пункты.

**) Пыпинъ, „Бѣлинскій etc.“, I, 142—143.

***) Панаевъ, „Литературныя воспоминанія“, Спб., 1888 г., 127, 310.

Теперь, намъ необходимо вернуться на время назадъ, чтобы разсказать о нѣкоторыхъ цензурныхъ перипетіяхъ *Телескопа*.

Въ 1834 году, еще до отъѣзда Надеждина за границу, *Телескопъ* снова былъ взятъ въ особое подозрѣніе; возникло особое дѣло.

Началось оно, благодаря отношенію штабъ-офицера корпуса жандармовъ, находящагося въ Рязанской губ., подполковника Барановича начальнику 2 (московскаго) округа того же корпуса, ген.-лейт. Лесовскому *).

31 января 1834 г. Барановичъ сообщилъ Лесовскому, что находитъ въ № 18 *Телескопа* за 1833 г. нѣкоторыя мысли, изложенныя слишкомъ свободно. Напримѣръ, мѣсто въ переводной статьѣ: «Вліяніе Вальтеръ Скотта на богатство, нравственность и счастіе современнаго общества». Поэтому Барановичъ полагалъ, что «помѣщеніе означенной статьи въ *Телескопѣ*, вовсѣ не соотвѣтствуетъ ни образу правленія существующаго въ нашемъ отечествѣ, ни оказываемому правительствомъ попеченію».

Далѣе грамотный подполковникъ доносилъ: «При разсужденіи моемъ сомнѣніи благомыслящими и образованными людьми, о статье выше сего изъясненной—нѣкоторые соглашаясь со мнѣніемъ моимъ объ оной, въ подтвержденіе общаго явившагося подозрѣнія къ переводчику и самому издателю сего журнала г. Надеждину, къ какому то неблагонамѣренному образу его мыслей указалъ мнѣ напечатанную виньетку на заглавномъ листкѣ первой книги того журнала, въ прошломъ 1833 году издававшагося. Изъ фигуръ составляющихъ оную, усмотрѣно ими значеніе нисколько не соотвѣтствующее *современному просвѣщенію*, для каковой цѣли предположилъ г. Надеждинъ издавать журналъ свой: Кинжалъ пронзающій Хартію, разорванная въ началѣ цѣпь, надъ коими изображенъ опрокинутый Сосудъ съ разъяренною змѣею и знакомъ побѣднаго торжества лавровою вѣтвью; внушаетъ идею болѣе политическую, нежели относящуюся къ предметамъ литературнымъ и ученымъ. Но какъ обстоятельство сіе, по важности своей, подлежитъ болѣе высшему разсмотрѣнію, что и представляю оное на благоуваженіе Вашего Превосходительства; присовокупляя при томъ мое мнѣніе, что если предметъ мною здѣсь оставленный, обратитъ на себя вниманіе публики, то таковое вниманіе вѣроятно возбуждено весьма отдаленнымъ и тонкимъ отношеніемъ къ оной, съ какою то подозрительною цѣлью, тѣхъ лицъ, которые составили сію эмблемму».

---

*) Съ этихъ бумагъ и начинается обширное дѣло № 368, 1 экспед. 1834 г. „о запрещеніи журнала „Телескопъ“, объ издателѣ онаго Надеждинѣ, о литераторахъ Чаадаевѣ и Бѣлинскомъ и о цензорѣ Болдыревѣ“. По возможности привожу бумаги съ соблюденіемъ орѳографіи подлинниковъ—это даетъ читателю возможность судить объ элементарной образованности тогдашняго корпуса жандармовъ, не исключая и его начальника—Бенкендорфа.

Чтобы читатель видѣлъ самъ эту политически неблагонадежную «эмблемму», помѣщаю ее ниже. При этомъ надо добавить, что она уже до того не разъ употреблялась типографіями Москвы (напр., на обложкѣ изданныхъ въ 1827 г. «Цыганъ» Пушкина) и никогда не возбуждала никакихъ подозрѣній.

Генералъ Лесовскій передалъ докладную записку Барановича состоящему при себѣ камеръ-юнкеру Кашинцову. Послѣдній нашелъ докладъ основательнымъ и прибавилъ: «выраженіе упомянутой статьи въ журналѣ № 18 нахожу заслуживающимъ вниманія тѣмъ болѣе, что невыгодное заключеніе объ оной произошло изъ такого мѣста, которое есть родина издателя онаго Г. Надеждина, совершенно извѣстнаго публикѣ сколько по его разсужденію въ Рязанской губ. столько и по воспитанію его въ тамошней семинаріи; относительно же сужета на виньеткѣ перваго листа по основанію здѣланнаго впечатлѣнія онаго на публику, полагаю: не излишнимъ бы было выборъ таковыхъ издателями подвергнуть одобренію цензуры».

Лесовскому оставалось направить всю эту переписку къ Бенкендорфу и дать слѣдующее о ней заключеніе: «признавая заключеніе гг. подполковника Барановича и камеръ-юнкера Кашинцова, особенно по подробно изложенномъ представленіи перваго призналъ справедливымъ, ибо рѣзкіе выраженія въ телескопѣ называющемся журналомъ современнаго просвѣщенія, служатъ вообще направленіемъ противнымъ духу благонамѣренности, я полагаю журналъ сей болѣе, или особенно оскорбляющій дворянство ироническимъ названіемъ (во многихъ номерахъ) *аристократовъ аристократической вѣтоши* и даже названіемъ московскихъ улицъ *аристократными*, по общему на оный сѣтованію, воспретить изданіемъ, или по крайней мѣрѣ сдѣлать за то Г. Надеждину гласный выговоръ.—Изъ чего благородная публика убѣдится въ защитѣ и противъ дерзкихъ выходокъ журналиста, прочимъ же издателямъ послужитъ сіе примѣромъ и вмѣстѣ вѣроятно удержитъ поревновеніе молодыхъ людей отъ послѣдованія непріятнымъ внушеніямъ изданія».

На другой день послѣ полученія этого тоже отмѣнно грамотнаго отношенія, 3 марта, Бенкендорфъ просилъ Уварова (тогда уже министра) прочесть обѣ бумаги московскаго и рязанскаго жандармовъ и, возвративъ ихъ ему, обратить строгое вниманіе на цензора, пропустившаго статью о Вальтеръ-Скоттѣ.

Уваровъ поспѣшилъ увѣрить грознаго генерала, что исполнитъ все какъ слѣдуетъ, и прибавлялъ: «Вашему Сіятельству извѣстенъ мой образъ мыслей касательно журналовъ, въ Москвѣ издаваемыхъ, а именно «Телескопа» и «Телеграфа» и о всегдашнемъ, по мѣрѣ возможности наблюденіи за сими изданіями, которыя, не взирая на взыскательный надзоръ, еще отклоняются иногда къ сожалѣнію отъ назначаемой цѣли. При семъ случаѣ могу увѣрить васъ, что ежели издатели сихъ журналовъ не будутъ соображаться съ волею правительства, то я не премину приступить къ другимъ, еще болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ, о коихъ я предоставляю своевременно объясниться съ вашимъ сіятельствомъ».

Вскорѣ они, дѣйствительно, объяснились и 3 апрѣля «Московскій Телеграфъ» былъ уже запрещенъ...

Что говорилось о *Телескопѣ*—неизвѣстно. Но есть указаніе, что въ октябрѣ 1834 года Надеждинъ, по настоянію Погодина, посѣтилъ пріѣхавшаго въ Москву Уварова и вернулся отъ него «безъ памяти», говоря, что «не ожидалъ столько добра, столько здраваго смысла и готовности на все благое» *). Очевидно, разговоръ былъ такого содержанія, который вполнѣ реабилитировалъ, дѣйствительно, мало повиннаго въ либерализмѣ Надеждина. Безъ труда онъ получилъ потомъ возможность официально оставить журналы на Бѣлинскаго и уѣхать за границу **).

Въ декабрѣ (1835 г.) онъ вернулся, а въ февралѣ былъ впервые у новаго попечителя, гр. С. Г. Строганова, чтобы узнать курсъ отношеній его къ *Телескопу*. «Графъ принялъ меня — пишетъ Надеждинъ въ отвѣтахъ на вопросные пункты III Отдѣленія — очень ласково, говорилъ со мной долго о моемъ путешествіи, о моихъ теперешнихъ намѣреніяхъ касательно мѣстопребыванія и службы... Въ это время ни слова не было говорено о журналѣ».

Между тѣмъ, послѣдній все улучшался и разнообразился. Въ 1836 г. была помѣщена статья Герцена «Гоффманъ», первыя повѣсти Кудрявцева, первыя работы В. Боткина и И. Панаева. Въ это же время дружба Надеждина съ Погодинымъ и Шевыревымъ, благодаря Бѣлинскому, поослабла, и *Телескопъ* начиналъ выходить на путь иной, чѣмъ тотъ, по которому его велъ издатель въ 1831—

---

*) Н. Барсуковъ, н. с., IV 210.

**) Къ доносамъ враговъ по литературѣ, которыхъ у Надеждина было едвали больше, чѣмъ у всѣхъ другихъ современныхъ ему журналистовъ, надо отнести и тѣ свѣдѣнія о „Телескопѣ“, которыя были сообщены начальнику московскаго жандармскаго округа, генералу Перфильеву. Послѣдній такъ сформулировалъ ихъ въ письмѣ къ Бенкендорфу послѣ закрытія „Московскаго Телеграфа“, „что издатель „Телескопа“ гораздо рѣшительнѣе открываетъ мысль о равенствѣ, (чѣмъ „Москов. Телеграфъ“—*М. Л.*), но сего какъ будто бы не замѣчаютъ“.

34 г.г. Но это давалось молодежи, окружающей Бѣлинскаго, очень нелегко. Вліяніе Надеждина все еще было значительно, и оно-то и вносило въ журналъ тотъ диссонансъ, который такъ рѣзалъ ухо каждому интеллигентному читателю.

Весьма понятно, что въ Петербургѣ и въ Москвѣ *Телескопъ* не почитался органомъ сколько нибудь неблагонамѣреннымъ. Это видно и изъ показаній Надеждина о своемъ второмъ (въ іюнѣ 1836 г.) посѣщеніи гр. Строганова. «Графъ говорилъ мнѣ, что онъ находитъ журналъ мой весьма полезнымъ, желалъ мнѣ ревности къ продолженію его и ожидаетъ отъ него весьма много для содѣйствія просвѣщенію». Затѣмъ Надеждинъ поинтересовался узнать, о какихъ диссонансахъ въ «Телескопѣ» графъ говорилъ одному изъ ихъ общихъ знакомыхъ. На это Строгановъ отвѣтилъ, что разумѣетъ противорѣчіе надеждинскихъ мыслей о кое-какихъ частностяхъ воспитанія «тѣмъ видамъ, которыми намѣрено руководствоваться университетское начальство». Строгановъ не скрылъ отъ Надеждина, что правительство намѣрено усилить изученіе древнихъ языковъ и дать преподаванію наукъ исключительно эмпирическое направленіе, не вдаваясь въ логическія построенія ни по одной наукѣ. Надеждинъ заявилъ, что не присоединяется къ такому плану, но что «если графъ находитъ это мнѣніе неумѣстнымъ, то я впредь излагать его въ журналѣ не буду, хотя внутренно всегда при немъ останусь». Лукавый графъ очень мило и любезно «отклонилъ» эту услугу,—«весьма ласково прибавивъ, что ему пріятнѣе было бы и для общаго дѣла просвѣщенія было бы полезнѣе, если-бы я шелъ съ нимъ *рука въ руку*». Просто на просто сказано, значитъ, было, что ваши убѣжденія намъ не нужны, нужны страницы журнала... Въ заключеніе свиданія послѣдовала даже нѣжная сцена: «Графъ просилъ меня ходить къ нему чаще, забыть всѣ раздѣляющія насъ отношенія, говорить все просто, открыто, искренно, какъ «Строгановъ и Надеждинъ». Когда при прощаньи онъ снова мнѣ повторилъ, что я могу приносить и вѣрно принесу журналомъ своимъ большую пользу (т.-е. буду настолько уменъ, что пропляшу по его дудкѣ— *М. Л.*), я сказалъ ему, что для поддержанія во мнѣ ревности всего нужнѣе его начальническое покровительство; графъ обнадежилъ меня въ немъ самымъ благосклоннымъ и увѣрительнымъ образомъ» *).

Сомнѣвается ли теперь читатель, что никакой оппозиціонной роли

---

*) Одна изъ заученныхъ всѣми ошибокъ, состоящая въ общей убѣжденности въ высокихъ качествахъ гр. Строганова, и умственныхъ и нравственныхъ, ровно ни на чемъ серьезномъ не основана. Истинное его значеніе хорошо выяснено проф. Бобровымъ въ его компилятивной работѣ „Литература и просвѣщеніе въ Россіи въ XIX в.“, т. IV. Всѣмъ апологетамъ графа необходимо внимательно прочесть тѣ источники, которые лишь частично использованы въ этой книгѣ.

Телескопъ и не занималъ, и не собирался занять? Полагаю, что все сказанное достаточно убѣждаетъ въ полной смиренности Надеждина.

IV.

Философическое письмо.

Въ концѣ сентября 1836 г. вышла въ свѣтъ 15-я книжка *Телескопа* этого года *). Въ отдѣлѣ «Науки и искуства» была, между прочимъ, помѣщена статья, очень оригинально озаглавленная: «Философическія письма къ г-жѣ ***. Письмо 1-е». Вмѣсто подписи стояло: «Некрополисъ. 1829 г., декабря 17 **).

Редакторъ сдѣлалъ къ «письму» такое примѣчаніе:

«Письма эти писаны однимъ изъ нашихъ соотечественниковъ. Рядъ ихъ составляетъ цѣлое, проникнутое однимъ духомъ, развивающее одну главную мысль. Возвышенность предмета, глубина и обширность взглядовъ, строгая послѣдовательность выводовъ и энергическая искренность выраженія даютъ имъ особенное право на вниманіе мыслящихъ читателей. Въ подлинникѣ онѣ писаны на французскомъ языкѣ. Предлагаемый переводъ не имѣетъ всѣхъ достоинствъ оригинала относительно наружной отдѣлки. Мы съ удовольствіемъ извѣщаемъ читателей, что имѣемъ дозволеніе украсить нашъ журналъ и другими изъ этого ряда писемъ».

Это уже обращало вниманіе на анонимную статью. Но стоило начать читать ее, чтобы уже не оторваться.

Вначалѣ авторъ отдаетъ должное чистосердечію и искренности своей адресатки; убѣждаетъ ее предаться «безбоязненно религіознымъ чувствованіемъ: изъ этого чистаго источника не могутъ родиться чувства нечистыя»; высказывается о главной обязанности церкви—воцарять истину между людьми и находитъ, что «религіозное чувство поддерживается лучше всего выполненіемъ постановленій церкви, что же касается такой покорности, то, по его мнѣнію, она «заключаетъ въ себѣ гораздо больше, нежели предполагаютъ», недаромъ ее «налагали на себя величайшіе умы», и «по зрѣломъ разсужденіи, съ полнымъ сознаніемъ» должна быть «настоящимъ чествованіемъ Бога». «Большая часть обрядовъ христіанской религіи, постановленные самимъ Верховнымъ Умомъ, существенно дѣйствительны для каждаго, кто умѣетъ

---

*) Журналъ выходилъ очень неаккуратно: послѣдній 24 номеръ за 1835 г. вышелъ въ концѣ сентября 1836 г.; 14 и 15 №№ за 1836 г. датированы цензурой 13 сентября.

**) Теперь можно положительно уже утверждать, что „Философическія письма“ писались къ Пановой, урожденной Улыбышевой. „Некрополисомъ“ называлась Москва.

проникнуться истинами, которыя онѣ выражаетъ. Горе тому, кто приметъ обольстительные призраки своего тщеславія, суемудрствованія своего разсудка за высшее просвѣтленіе и возмечтаетъ, что оно освобождаетъ его отъ общаго закона!»

Но авторъ сознаетъ, что повторяетъ трюизмы, что всѣмъ это уже извѣстно... Всѣмъ, кромѣ нашего отечества, гдѣ подобныя азбучныя истины «имѣютъ всѣ достоинства новости».

«Это одна изъ самыхъ жалкихъ странностей нашего общественнаго образованія, что истины, давно извѣстныя въ другихъ странахъ даже у народовъ, во многихъ отношеніяхъ, менѣе насъ образованныхъ, у насъ только что открываются. *И это оттого, что мы никогда не шли вмѣстѣ съ другими народами; мы не принадлежали ни къ одному изъ великихъ семействъ человѣчества, ни къ Западу, ни къ Востоку, не имѣемъ преданій ни того, ни другого* *). Мы существуемъ какъ бы внѣ времени, и всемірное образованіе человѣческаго рода не коснулось насъ. Эта дивная связь человѣческихъ идей въ теченіе вѣковъ, эта исторія человѣческаго разумѣнія, доведшія его въ другихъ странахъ міра до настоящаго положенія, не имѣли на насъ никакого вліянія. То, что у другихъ народовъ вошло въ жизнь, для насъ до сихъ поръ есть только умствованіе, теорія».

«У каждаго народа есть въ его прошломъ періодъ сильной, страстной, безсознательной дѣятельности; это время его юности, время наибольшаго развитія всѣхъ его духовныхъ силъ, время, которое потомъ, въ возрастѣ возмужалости, служитъ предметомъ наслажденія и урока.

«Мы не имѣемъ ничего подобнаго. Въ самомъ началѣ у насъ дикое варварство, потомъ грубое суевѣріе, затѣмъ жестокое, унизительное владычество завоевателей, владычество, слѣды котораго въ нашемъ образѣ жизни не изгладились совсѣмъ и донынѣ. Вотъ горестная исторія нашей юности. Мы совсѣмъ не имѣли возраста этой безмѣрной дѣятельности, этой поэтической игры нравственныхъ силъ народа. *Эпоха нашей общественной жизни, соотвѣтствующая этому возрасту, наполняется существованіемъ темнымъ, безцвѣтнымъ, безъ силы, безъ энергіи.* Нѣтъ въ памяти чарующихъ воспоминаній, *нѣтъ сильныхъ наставительныхъ примѣровъ въ народныхъ преданіяхъ.* Пробѣгите взоромъ *всѣ вѣка* нами прожитые, все пространство земли нами занимаемое, вы не найдете *ни одного* воспоминанія, которое бы васъ остановило, *ни одного* памятника, который бы высказалъ вамъ протекшее живо, сильно, картинно. *Мы живемъ въ какомъ то равнодушіи ко всему, въ самомъ тѣсномъ горизонтѣ, безъ прошедшаго и будущаго.* Еслижъ иногда и принимаемъ въ чемъ участіе, то не отъ желанія, не съ цѣлью достигнуть истиннаго существенно нужнаго и приличнаго

*) Курсивъ во всѣхъ цитатахъ „письма“ мой.

намъ блага, а по дѣтскому легкомыслію ребенка, который подымается и протягиваетъ руки къ гремушкѣ, которую завидитъ въ чужихъ рукахъ, не понимая ни смысла ея, ни употребленія».

Что же намъ дѣлать, чтобы наверстать такъ безплодно и неумѣло прожитые вѣка? «Надобно переначать для себя снова все воспитаніе человѣческаго рода» — отвѣчаетъ авторъ. «Конечно, великъ этотъ трудъ, и можетъ быть одно поколѣніе людей не въ состояніи совершить его; но прежде всего необходимо узнать: въ чемъ дѣло, что это за воспитаніе человѣческаго рода, и какое мѣсто занимаемъ мы въ общемъ порядкѣ міра?»

«Мы явились въ міръ, *какъ незаконнорожденныя дѣти*, безъ наслѣдства, безъ связи съ людьми, которые намъ предшествовали, не усвоили себѣ ни одного изъ поучительныхъ уроковъ минувшаго. Каждый изъ насъ долженъ самъ связывать разорванную нить семейности, которой мы соединялись съ цѣлымъ человѣчествомъ. Намъ нужно молотами вбивать въ голову то, что у другихъ сдѣлалось привычкою, инстинктомъ. *Наши воспоминанія не далѣе вчерашняго дня; мы, такъ сказать, чужды самимъ себѣ.* Мы идемъ по пути временъ такъ странно, что каждый сдѣланный шагъ исчезаетъ для насъ безвозвратно. Все это есть слѣдствіе образованія совершенно привознаго, подражательнаго. *У насъ нѣтъ развитія собственнаго, самобытнаго совершенствованія логическаго.* Старыя идеи уничтожаются новыми, потому что послѣднія не истекаютъ изъ первыхъ, а западаютъ къ намъ Богъ знаетъ откуда; наши умы не браздятся неизгладимыми слѣдами послѣдовательнаго движенія идей, которое составляетъ ихъ силу, потому что мы заимствуемъ идеи, уже развитыя. *Мы ростемъ, но не зрѣемъ; идемъ впередъ, но по какому то косвенному направленію, не ведущему къ цѣли.* Мы подобны дѣтямъ, которыхъ не заставляли разсуждать; возмужавъ, они не имѣютъ ничего собственнаго; все ихъ знаніе во внѣшности ихъ существованія, во внѣшности вся душа ихъ.

«Народы существа нравственныя, точно такъ же, какъ и люди. Они образуются вѣками, какъ люди годами. *Но мы почти, можно сказать, народъ исключительный.* Мы принадлежимъ къ націямъ, которыя кажется не составляютъ еще необходимой части человѣчества, а существуютъ для того, чтобъ современемъ преподать какой-нибудь великій урокъ міру. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это предназначеніе принесетъ свою пользу; но кто знаетъ, когда это будетъ?»

Для перевоспитанія необходимо обладать тѣми «начальными идеями», которыя могли бы руководить нами въ этомъ сложномъ и очень трудномъ процессѣ. «*Это идеи долга, закона, правды, порядка*». Но «онѣ развиваются изъ происшествій, содѣйствовавшихъ образованію общества; онѣ необходимыя начала міра общественнаго. Вотъ что составляетъ атмосферу Запада; это болѣе, чѣмъ исторія, болѣе чѣмъ

психологія: это физіологія европейца». «Чѣмъ вы замѣните все это?»— спрашиваетъ авторъ и этимъ уже даетъ понять, что замѣны и быть не можетъ. А между тѣмъ, «по нашему мѣстному положенію, между Востокомъ и Западомъ, опираясь однимъ локтемъ на Китай, другимъ на Германію, мы должны бы соединять въ себѣ два великія начала разумѣнія: *воображеніе и разсудокъ*; должны бы совмѣщать въ нашемъ гражданственномъ образованіи исторію всего міра. Но не таково предназначеніе, павшее на нашу долю. Опытъ вѣковъ для насъ не существуетъ. Взглянувъ на наше положеніе, можно подумать, что общій законъ человѣчества не для насъ. Отшельники въ мірѣ, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него; не пріобщили ни одной идеи къ массѣ идей человѣчества; ничѣмъ не содѣйствовали совершенствованію человѣческаго разумѣнія, и исказили все, что сообщило намъ это совершенствованіе. Во все продолженіе нашего общественнаго существованія, мы ничего не сдѣлали для общаго блага людей: *ни одной полезной мысли не возросло на безплодной нашей почвѣ*; ни одной великой истины не возникло изъ—среди насъ. Мы ничего не выдумали сами, и изъ всего, что выдумано другими, заимствовали только обманчивую наружность и безполезную роскошь.

«...Чтобъ обратить на себя вниманіе, мы должны были распространиться отъ Берингова пролива до Одера. Нѣкогда великій царь хотѣлъ насъ образовать, и чтобъ заохотить къ просвѣщенію, бросилъ намъ мантію цивилизаціи: мы подняли мантію, *но не коснулись просвѣщенія*. Въ другой разъ, другой великій государь пріобщилъ насъ своему великому посланію, проведши побѣдителями съ одного края Европы на другой; мы прошли просвѣщеннѣйшія страны свѣта, и что же принесли домой? Одни дурныя понятія, гибельныя заблужденія, которыя отодвинули насъ еще на полстолѣтіе» *).

Гдѣ же искать причинъ такого нашего положенія? По мнѣнію автора, въ немъ виновата не только непостижимая судьба, но и «люди, которыхъ содѣйствіе во всемъ, что свершается въ нравственномъ мірѣ, неизбѣжно». Поэтому онъ еще разъ обращается къ исторіи, надѣясь, что она объяснитъ это лучше всего.

«Что дѣлали мы въ то время, какъ изъ жестокой борьбы варварства сѣверныхъ народовъ съ высокою мыслію религіи, возникло величественное зданіе новаго образованія? Ведомые *злою судьбою*, мы

---

*) Здѣсь авторъ говоритъ, разумѣется, о событіяхъ 14 декабря 1825 года; это отношеніе его къ нимъ поразительно сходно съ тѣмъ, что говорили очень многіе послѣ возстанія декабристовъ, вѣрившіе въ совсѣмъ другой характеръ царствованія Николая I, если бы не 14 декабря. Одинъ изъ судей декабристовъ говорилъ кн. Трубецкому: „Ah, mon prince! Vous avez fait bien du mal á la Russie, vous l'avez reculée de cinquante ans“ („ахъ, князь, вы сдѣлали много для Россіи, вы отодвинули ее назадъ на 50 лѣтъ“). Ср. Пыпинъ, „Характеристики литератур. мнѣній etc.“, СПБ. 1890 г. стр. 93).

заимствовали первыя сѣмена нравственнаго и умственнаго просвѣщенія *у растлѣнной, презираемой всѣми народами Византіи.* Мелкая суетность только что оторвала ее отъ всемірнаго братства; и мы приняли отъ нея идею, искаженную человѣческою страстію *). Въ это время животворящее начало единства **) одушевляло всю Европу. Все истекало тамъ изъ этого начала; все сосредоточивалось; всякое умственное движеніе силилось объединить человѣческую мысль; всякое побужденіе проявлялось могучею потребностью отыскать одну всемірную идею: это самое и составляетъ духъ новѣйшихъ временъ. *Чуждые этому дивному началу, мы сдѣлались добычею завоевателей.* Свергнувъ иго чужеземное, мы могли бы воспользоваться идеями, которыя развились между тѣмъ у нашихъ западныхъ братій; но мы были оторваны отъ общаго семейства».

«...Мы не вмѣшивались въ великое дѣло міра. Мы остались чужды высокимъ доблестямъ, которыми религія озарила новѣйшія поколѣнія и которыя въ глазахъ здраваго смысла возвышаютъ ихъ надъ древними народами, такъ же какъ эти послѣдніе возвышаются надъ готтентотами и лапландцами. Въ насъ не развились эти новыя силы, которыми она обогатила человѣческое разумѣніе; эта кротость нравовъ, потерявшихъ свое первобытное звѣрство отъ покорности власти безоружной. *Несмотря на названіе христіанъ, мы не тронулись съ мѣста, тогда какъ западное христіанство величественно шло по пути, начертанному его божественнымъ основателемъ.* Міръ пересоздавался, а мы прозябали въ нашихъ лачугахъ изъ бревенъ и глины. Коротко, не для насъ совершались новыя судьбы человѣчества; *не для насъ, христіанъ, зрѣли плоды христіанства».*

Поэтому ясно должно быть всякому, что «мы можемъ усвоить европейское просвѣщеніе» только пройдя и исторію европейскую, развивавшуюся подъ напоромъ идей католицизма. Внѣ европейской образованности нѣтъ просвѣщенія.

«Итакъ, если эта сфера, въ которой живутъ европейцы, сфера единственная, гдѣ человѣческій родъ можетъ достигнуть своего конечнаго предназначенія, есть плодъ религіи; если, напротивъ, враждебныя обстоятельства отстранили насъ отъ общаго движенія, въ которомъ общественная идея христіанства развилась и приняла извѣстныя формы; если всѣ причины отбросили насъ въ категорію народовъ, которые не могли воспользоваться всѣмъ вліяніемъ христіанства, *то не очевидно ли, что должно стараться оживить въ насъ вѣру всѣми возможными способами?* Вотъ что я хотѣлъ сказать, говоря, что у насъ должно переначать все воспитаніе человѣческаго рода».

---

*) Это возможный при тогдашней цензурѣ намекъ на принятое нами отъ Византіи православіе. „Всемірное братство"—католичество.

**) Тоже католичество.

Вѣрный своему основному положенію, авторъ возражаетъ всѣмъ, кто порицаетъ фанатизмъ католичества, выразившійся въ войнахъ за вѣру, кострахъ, нетерпимости и пр.: «мы можемъ только завидовать народамъ, которые въ этой ошибкѣ мнѣній, въ этой кровопролитной борьбѣ за истину, создали себѣ цѣлый міръ идей, міръ, который мы не можемъ представить себѣ воображеніемъ, не только перенестись въ него тѣломъ и душой, какъ у насъ предполагаютъ».

Въ заключеніе, «сдавленный жалкою, окружающею его существенностію» авторъ находитъ, что обвиненіе его въ излишнихъ нападкахъ на русскихъ было бы неосновательно: «нѣтъ, я говорилъ истину, и еще не высказалъ ее вполнѣ» *).

Представьте себя, читатель, перенесеннымъ въ русскую атмосферу конца 1830-хъ годовъ—и вамъ сразу же станетъ ясно, какимъ молотомъ являлось «Философическое письмо»! Написанное еще въ 1829 году, оно съ тѣхъ поръ ходило въ рукописяхъ и теперь, напечатанное, сразу же было приписано своему истинному творцу—Чаадаеву. Послѣдній ни на минуту не отрицалъ этого.

Итакъ, это есть результатъ его историко-философскихъ размышленій въ періодѣ, когда онъ, по собственному признанію, переживалъ самые тяжелые годы своей жизни, «въ продолженіе долгаго уединенія, наложеннаго на себя по возвращеніи изъ-за границы» **). О болѣзни и психическомъ переломѣ читатель найдетъ много интереснаго въ статьѣ М. О. Гершензона, написанной преимущественно по чаадаевскимъ бумагамъ, которыя ему удалось получить изъ частныхъ рукъ ***).

По мнѣнію г. Милюкова, это письмо есть «первая теоретическая попытка, поставившая вопросъ о національной и всемірно-исторической роли Россіи на ту почву, на которой этотъ вопросъ рѣшался затѣмъ теоретиками славянофильства. При всей своей смѣлости попытка Чаадаева вовсе не такъ оригинальна, какъ кажется съ перваго взгляда, но и по продуманности мысли, и по блеску изложенія, она далеко оставляетъ за собою» всѣ тѣ, о которыхъ можно говорить, разбирая основныя теченія нашей исторической мысли ****).

Нельзя не согласиться съ Пыпинымъ, что «письмо» было самымъ крайнимъ противорѣчіемъ системѣ офиціальной народности, прони-

---

*) Цитирую по 6-й книжкѣ „Полярной Звѣзды“ (Лондонъ, 1861 г.), гдѣ „Философическое письмо“ напечатано въ томъ же видѣ, какъ и въ „Телескопѣ“. При этомъ считаю нужнымъ замѣтить, что цитаты въ работахъ г. Скабичевскаго и другихъ сдѣланы не по первоисточнику, а по передачѣ „письма“ своими словами Герценомъ. Конечно, г. Милюковъ и покойный Пыпинъ цитировали какъ слѣдуетъ, и это замѣчаніе къ нимъ не относится.

**) „Вѣстникъ Европы“ 1873 г., XI, 86, 88.

***) „Научное Слово“ 1905 г. VI, „Молодость П. Л. Чаадаева“.

****) „Главныя теченія русской исторической мысли“, I, 378.

кавшей тогда насквозь всю русскую жизнь. «Во все теченіе этого періода не было высказано такого рѣзкаго, безпощаднаго приговора надъ русской дѣйствительностью и ея прошедшимъ: здѣсь собралось столько горькаго чувства, столько неотразимаго сознанія въ недостаткахъ русской жизни, сколько не было ни у кого еще изъ дѣятелей нашей умственной жизни,—и сколько авторитетъ, привыкшій къ панегирику, вѣроятно, даже не считалъ возможнымъ» *).

Мнѣ только кажется, что писавшіе о «Философическомъ письмѣ» не обратили серьезнаго вниманія на одно обстоятельство, весьма, между тѣмъ, существенное. Чаадаевъ выступилъ лишь противъ двухъ началъ нашей тогдашней системы офиціальной народности,—православія и народности собственно, оставивъ въ сторонѣ третье—самодержавіе, и даже не въ сторонѣ, а какъ бы подъ легкою своею защитою. Припомните то мѣсто, гдѣ онъ славитъ Петра I «великимъ царемъ», Александра I—«великимъ государемъ» и гдѣ безусловно не сочувствуетъ декабристамъ. Въ оцѣнкѣ послѣдствій его сочиненія для него самого, для журнала и цензуры это обстоятельство играетъ, несомнѣнно, крупную роль. Впрочемъ, не буду забѣгать впередъ.

Какое же впечатлѣніе произвело «письмо» на русское общество? Конечно, очень различное.

Герценъ называетъ «письмо» Чаадаева «послѣднимъ словомъ, рубежемъ». «Это былъ выстрѣлъ,—говоритъ онъ,—раздавшійся въ темную ночь; тонуло ли что и возвѣщало свою гибель, былъ ли это сигналъ, зовъ на помощь, вѣсть объ утрѣ или о томъ, что его не будетъ—все равно, надобно было проснуться. Что, кажется, значатъ два, три листа, помѣщенныхъ въ ежемѣсячномъ обозрѣніи? а между тѣмъ, такова сила рѣчи сказанной, такова мощь слова въ странѣ, молчащей и не привыкнувшей къ независимому говору, что письмо Чаадаева потрясло всю мыслящую Россію. Оно имѣло полное право на это. Послѣ «Горе отъ ума» не было ни одного литературнаго произведенія, которое сдѣлало бы такое сильное впечатлѣніе». Герценъ говоритъ даже, что боялся, не сошелъ ли онъ съ ума, когда видѣлъ «письмо» напечатаннымъ по-русски! **).

«Ужасная суматоха въ цензурѣ и въ литературѣ»—записываетъ Никитенко. «Здѣсь такой трезвонъ по гостинымъ, что ужасъ»—сообщаетъ кн. Одоевскій Шевыреву изъ Петербурга. «Здѣсь большіе толки о статьѣ Чаадаева»—пишетъ А. И. Тургеневъ кн. Вяземскому изъ Москвы. «Баратынскій пишетъ опроверженіе — сообщаетъ онъ черезъ недѣлю. Здѣсь остервенѣніе продолжается, а паче молва бываетъ». ***) Самъ кн. Вяземскій прислалъ опроверженіе своему другу—

---

*) „Характеристики etc“, 185.

**) „Сочиненія“. VIII 1879 г., 274—276.

***) „Остафьевскій архивъ кн. Вяземскаго“, III 333, 336.

Тургеневу. «Письмо твое о *письмѣ* — отвѣчаетъ послѣдній — многимъ чрезвычайно понравилось... Ежедневно, съ утра до шумнаго вечера (который проводятъ у меня въ сильномъ и громогласномъ спорѣ Чаадаевъ, Орловъ, Свербеевъ, Павловъ и прочіе), оглашаемъ я преніями собственными и сообщаемыми изъ другихъ салоновъ объ этой филиппикѣ.» *)

«Журнальная статья Чаадаева—свидѣтельствуетъ только что упомянутый Свербеевъ,—произвела страшное негодованіе публики и потому не могла не обратить на него преслѣдованія правительства. На автора возстало все и всѣ съ небывалымъ до того ожесточеніемъ, въ нашемъ довольно апатическомъ обществѣ (я говорю только о Москвѣ) и, замѣтно, возстало не столько за оскорбленное православіе, сколько за грубые упреки современной Россіи и, главное, высшему нашему обществу». **)

Не такъ обобщающе и гораздо болѣе основательно группируетъ общество біографъ Чаадаева, Жихаревъ. «Большинство безъ дальнихъ околичностей называло статью антинаціональною, невѣжественною и вздорною, не стоющею никакого вниманія, а между тѣмъ, непрерывающимися про нее бранчивыми толками и сужденіями само озабочивалось объ окончательномъ опроверженіи и уничтоженіи своего мнѣнія. Просвѣщенное меньшинство находило статью высокозамѣчательною, но въ конецъ ложною, чему, по его понятіямъ, причиною былъ принятый за точку отправленія и въ основаніе положенный чрезвычайно затѣйливый и специфически обманчивый софизмъ ***). Большинство, изъ котораго безполезно было бы выключать великолѣпныхъ барынь и людей при крупныхъ чинахъ и съ громкими именами, на словахъ собиралось вооружиться уничтожающимъ презрѣніемъ, а на дѣлѣ обнаруживало распѣтушившееся, самое разъяренно-ненавидящее озлобленіе; меньшинство готовилось къ спокойному, благородному, пріятному, исполненному изящной вѣжливости и утонченнаго приличія, научно-крити-

---

*) Ibidem, 337.

**) *Свербеевъ*, „Воспоминанія о П. Я. Чаадаевѣ", „Рус. Арх." 1868 г. VI. 985—986.

***) Разумѣется, нарождавшееся тогда только славянофильство было все противъ статьи Чаадаева, и нельзя не согласиться съ тѣмъ, что она значительно способствовала скорѣйшему завершенію теоретическаго обоснованія славянофильства. Тутъ умѣстно привести возраженіе Чаадаева на обвиненіе „славянами" Петра I въ похищеніи родной народности. На это онъ отвѣчалъ (впрочемъ, не печатно): „Ни Петръ Великій, ни кто другой, никогда не былъ въ состояніи похитить у цѣлаго народа его личности, что на свѣтѣ нѣтъ и быть не можетъ столько сатанической индивидуальности, которая возмогла бы въ кратковременный срокъ человѣческой жизни украсть у цѣлаго народа его физіономію и характеръ и унести ихъ подъ полою платья" („Вѣстн. Европы", 1871 г., IX. 26).

ческому опроверженію. Безусловно сочувствующихъ и совершенно согласныхъ не было ни одного человѣка» *).

Все это, не исключая и послѣдняго утвержденія, нужно признать весьма и весьма близкимъ къ дѣйствительности. Поэтому нѣтъ основаній не довѣрять и той картинѣ, которую Жихаревъ рисуетъ дальше: «Никогда съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи стали писать и читать, съ тѣхъ поръ, какъ завелась въ ней книжная и грамотная дѣятельность, никакое литературное или ученое событіе, ни послѣ, ни прежде этого (не исключая даже и смерти Пушкина **) не производило такого огромнаго вліянія и такого обширнаго дѣйствія, не разносилось съ такой скоростью и съ такимъ шумомъ. Около мѣсяца среди цѣлой Москвы почти не было дома, въ которомъ не говорили бы про «чаадаевскую статью» и про «чаадаевскую исторію»; даже люди, никогда не занимавшіеся никакимъ литературнымъ дѣломъ, круглые неучи, барыни, по степени интеллектуальнаго развитія мало чѣмъ разнившіяся отъ своихъ кухарокъ и прихвостницъ, подьячіе и чиновники, увязшіе и потонувшіе въ казнокрадствѣ и взяточничествѣ; тупоумные, невѣжественные, полупомѣшанные святоши, изувѣры или ханжи, посѣдѣвшіе и одичалые въ пьянствѣ, распутствѣ или суевѣріи; молодые отчизнолюбцы ***) и старые патріоты—все соединилось въ одномъ общемъ воплѣ проклятія и презрѣнія къ человѣку, дерзнувшему оскорбить Россію ****).

Все это весьма правдоподобно, потому что, вотъ что записалъ объ этомъ же очевидецъ впечатлѣнія,—маркизъ Кюстинъ: «il n'y avait dans toutes les Russies pas assez de Sibérie, pas assez de mines, pas assez de Knout pour punir un homme traître à son Dieu et à son pays. Pétersbourg et Moscou la sainte etaient en feu» *****).

Итакъ, всѣ ждали, а многіе жаждали расправы съ авторомъ, съ издателемъ, съ цензоромъ...

---

*) „П. Я. Чаадаевъ", „Вѣст. Европы", 1871 г. IX, 31.

**) Авторъ здѣсь оговаривается выноской: „Смѣшно было бы утверждать, что вліяніе, произведенное смертью Пушкина, было менѣе; но оно было совершенно разнородное и другого свойства. Въ кончинѣ Пушкина ничего больше не видѣли и не могли видѣть, какъ неизмѣримую и невозвратную, преждевременную народную потерю, общую народную печаль, общій народный трауръ".

***) „Въ то время я слышалъ—дѣлаетъ примѣчаніе авторъ—будто студенты московскаго университета приходили къ своему начальству съ изъявленіемъ желанія оружіемъ вступиться за оскорбленную Россію и преломить въ честь ея копье, и что графъ, тогдашній попечитель, ихъ успокаивалъ".

****) Ibidem.; 31—32.

*****) „La Russie en 1839", цитирую по пыпинскимъ „Характеристикамъ etc"

„Во всей Россіи не было достаточно Сибири, рудниковъ и кнута, чтобы наказать человѣка, измѣнившаго своему Богу и своей странѣ. Петербургъ и святая Москва были объяты пламенемъ".

Она, конечно, не заставила себя долго ждать и жаждать: это было не въ нравахъ и правилахъ николаевскаго времени...

Взглядъ правительства на статью Чаадаева вполнѣ ясенъ изъ словъ, сказанныхъ гр. Бенкендорфомъ М. Ѳ. Орлову, замѣтившему главному начальнику III отдѣленія, что Чаадаевъ «суровъ къ прошедшему Россіи, но чрезвычайно много ждетъ отъ ея будущности»: «Le passé de la Russie a été admirable; son présent est plus que magnifique; quant à son avenir il est au delà de tout ce que l'imagination la plus hardie se peut figurer; voilà, mon cher, le point de vue sous lequel l'histoire russe doit être conçue et écrite» *).

Устами Бенкендорфа говорила эпоха тогдашняго режима...

V.

Расправа.

Теперь намъ предстоитъ подробно ознакомиться съ крайне характерными деталями запрещенія *Телескопа*, съ новыми данными по характеристикѣ Надеждина и Чаадаева и съ весьма цѣнными чертами эпохи Николая I.

До сихъ поръ гибель журнала объяснялась совершенно не вѣрно. Сложилась легенда, ровно ни на чемъ не основанная — какихъ, впрочемъ, много въ объясненіяхъ историко-литературныхъ лицъ и явленій—и ее повторяютъ всѣ съ тѣми или иными подробностями.

И г. Скабичевскій («Очерки исторіи русской цензуры»), и Кирпичниковъ («Рус. Стар.» 1896 г., III, 611—617), и В. Богучарскій въ своей книгѣ «Изъ прошлаго русскаго общества», и очень многіе другіе сводятъ все къ доносу небезызвѣстнаго Ф. Ф. Вигеля, сумѣвшаго, де, подѣйствовать на петербургскаго митрополита Серафима, просившаго, въ свою очередь, гр. Бенкендорфа довести до свѣдѣнія государя о содержаніи статьи Чаадаева. Нѣкоторые, какъ, напримѣръ, г. Барсуковъ, не утверждая о роли Вигеля, не даютъ, однако, свѣдѣній о причинахъ, непосредственно вызвавшихъ запрещеніе *Телескопа*. Отчасти это объясняется просто: подробное выясненіе событій помѣщено впервые въ мартовской книжкѣ «Рус. Старины» за 1903 г. Говорю «отчасти» потому, что нѣкоторыя данныя были уже въ «Рус. Архивѣ». Теперь приходится реабилитировать, до нѣкоторой степени, и Вигеля, и Серафима. Написанное ими навсегда останется

*) М. Жихаревъ, „П. Я. Чаадаевъ", „Вѣстн. Европы", 1871 г., IX, 37—38. „Прошедшее Россіи было удивительно, ея настоящее болѣе, чѣмъ великолѣпно, что же касается ея будущаго, то оно выше всего, что можетъ нарисовать себѣ самое смѣлое воображеніе; вотъ, мой другъ, точка зрѣнія, съ которой русская исторія должна быть разсматриваема и писана".

тѣмъ, что есть, но закрытъ *Телескопъ* не по ихъ навѣтамъ. Донось Вигеля помѣченъ 21 октября, а жалоба Серафима—27, тогда какъ главное управленіе цензуры предложило министру закрыть *Телескопъ* 19, онъ вошелъ съ докладомъ 20, а государь положилъ резолюцію 22-го. До чего укоренилось въ памяти людей, занимающихся исторіей русской журналистики, это ложное представленіе о роли Вигеля, лучше всего видно изъ словъ анонимнаго автора «Цензура въ царствованіе императора Николая I», давшаго, повторяю, впервые такіе факты, съ которыми можно уже категорически оспаривать старую легенду. Говоря о постановленіи главнаго управленія цензуры отъ 19 октября, онъ вскользь, все-таки, замѣчаетъ: «главное управленіе..., *вполнѣ сочувствуя доносу Вигеля на статью Чаадаева*, постановило» etc *). Очевидно, авторъ не провѣрилъ даты доноса. Теперь, пользуясь архивомъ III отдѣленія, все это можетъ быть нарисовано совершенно иначе.

На 15-ю книжку *Телескопа* было обращено, какъ мы уже знаемъ, общее вниманіе. Гр. Строгановъ донесъ обо всемъ министру, прося закрытія журнала съ новаго года. Уваровъ, какъ человѣкъ, которому николаевская система была обязана установленіемъ трехъ своихъ символовъ, и какъ обиженный къ тому же Чаадаевымъ министръ народнаго просвѣщенія,—особенно внимательно прочелъ статью и самъ просмотрѣлъ и своею рукою добавилъ черновой проектъ опредѣленія главнаго управленія цензуры, засѣданіе котораго и назначилъ очень быстро—на 19-ое октября. Конечно, опредѣленіе было утверждено и 20-го представленъ государю такой всеподданнѣйшій докладъ:

«Усмотрѣвъ въ № 15 журнала «Телескопъ», статью «Философическія письма», которая дышитъ нелѣпою ненавистью къ отечеству и наполнена ложными и оскорбительными понятіями какъ насчетъ прошедшаго, такъ и на счетъ настоящаго и будущаго существованія государства, я предложилъ сіе обстоятельство на разсужденіе главнаго управленія цензуры. Управленіе признало, что вся статья равно предосудительна въ религіозномъ, какъ и въ политическомъ отношеніи, что издатель журнала нарушилъ данную подписку объ общей съ цензурою обязанности пещись о духѣ и направленіи періодическихъ изданій; также, что не взирая на смыслъ цензурнаго устава и непрестанное взыскательное наблюденіе правительства, цензоръ поступилъ въ семъ случаѣ если не злоумышленно, то, по крайней мѣрѣ, съ непростительнымъ небреженіемъ должности и легкомысліемъ. Вслѣдствіе сего главное управленіе цензуры предоставило мнѣ довести о семъ до свѣдѣнія Вашего И. В. и испросить Высочайшаго разрѣшенія на прекращеніе изданія журнала «Телескопъ» съ 1-го января наступающаго года и на немедленное удаленіе отъ должности цензора Болдырева, пропустившаго оную статью».

---

*) „Рус. Стар.“ 1903 г., III, 582.

22-го октября Николай I положилъ резолюцію: «Прочитавъ статью, нахожу, что содержаніе оной смѣсь дерзостной безсмыслицы, достойной умалишеннаго: это мы узнаемъ непремѣнно, но не извинительны ни редакторъ журнала, ни цензоръ. Велите сейчасъ журналъ запретить, обоихъ виновныхъ отрѣшить отъ должности и вытребовать сюда къ отвѣту» *).

Какъ разъ въ тотъ же день, 22-го, Бенкендорфъ получилъ рапортъ начальника московскаго округа корпуса жандармовъ, генерала Перфильева, отъ 15-го октября, въ которомъ сообщалось, что чаадаевская статья «произвела въ публикѣ много толковъ, и сужденій и заслужила по достоинству своему общее негодованіе, сопровождаемое восклицаніемъ: «какъ позволили ее напечатать?». «Въ публикѣ — сообщалось далѣе — не столько обвиняютъ сочинителя статьи—Чеодаева **), сколько издателя журнала—Надеждина, цензора же только сожалѣютъ». Рукою Бенкендорфа написано на рапортѣ ***): «Чеодаева кто перевелъ?»

Въ тотъ же день, 22-го же, Бенкендорфъ былъ позванъ къ государю и получилъ приказаніе составить проектъ историческаго отношенія къ московскому военному генералъ-губернатору, кн. Д. В. Голицыну. Черезъ нѣсколько часовъ проектъ былъ представленъ государю, который написалъ на немъ: «очень хорошо».

Вотъ это, повторяю, историческое «очень хорошее» отношеніе отъ 22-го октября:

«Въ послѣдневышедшемъ № 15 ****) журнала Телескопъ помѣщена статья подъ названіемъ Философическія письма, коей сочинитель есть живущій въ Москвѣ г. Чеодаевъ. Статья сія, конечно уже Вашему Сіятельству извѣстная, возбудила въ жителяхъ московскихъ всеобщее удивленіе. Въ ней говорится о Россіи, о народѣ русскомъ, его понятіяхъ, вѣрѣ и исторіи съ такимъ презрѣніемъ, что непонятно даже, какимъ образомъ русскій могъ унизить себя до такой степени, чтобъ нѣчто подобное написать. Но жители древней нашей столицы, всегда отличающіеся чистымъ здравымъ смысломъ, и будучи преисполнены

*) „Рус. Архивъ“ 1884 г., IV, 457—458 и „Рус. Старина“ 1903 г. III. 582—583. Послѣдствіемъ прекращенія „Телескопа“ принято считать затрудненія въ полученіи разрѣшенія на изданіе новыхъ журналовъ. Это также недоразумѣніе. За три недѣли до этого, а именно 1-го октября по министерству народнаго просвѣщенія состоялось распоряженіе: „представленія о дозволеніи новыхъ періодическихъ изданій на нѣкоторое время воспрещаются“ („Сборникъ“, 227). Сдѣлано оно было въ виду резолюціи государя 13-го сентября на докладѣ Уварова о разрѣшеніи кн. Одоевскому, Враскому и А. А. Краевскому журнала „Русскій Сборникъ“: „и безъ того много“ („Рус. Стар.“, 1903 г. III, 588—589).

**) Почти ни въ одной бумагѣ фамилія не напечатана правильно.

***) Архивъ III Отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи.

****) Ошибка—Надеждинъ успѣлъ выпустить № 16-й.

чувствомъ достоинства Русскаго Народа, тотчасъ постигли, что подобная статья не могла быть писана соотечественникомъ ихъ, сохранившимъ полный свой разсудокъ, и потому,—какъ дошли сюда слухи,—не только не обратили своего негодованія противъ г. Чеодаева, но, напротивъ, изъявляютъ искреннее сожалѣніе свое о постигшемъ его разстройствѣ ума, которое одно могло быть причиною написанія подобныхъ нелѣпостей. Здесь получены свѣдѣнія, что чувство состраданія о несчастномъ положеніи г. Чеодаева единодушно раздѣляется всею московскою публикою. Вслѣдствіе сего Государю Императору угодно, чтобы Ваше Сіятельство, по долгу званія вашего, приняли надлежащія мѣры къ оказанію г. Чеодаеву всевозможныхъ попеченій и медицинскихъ пособій. Его Величество повелѣваетъ, дабы Вы поручили лѣченіе его искусному медику, вмѣнивъ сему послѣднему въ обязанность непремѣнно каждое утро посѣщать г. Чеодаева, и чтобъ сдѣлано было распоряженіе, дабы г. Чеодаевъ не подвергалъ себя вредному вліянію нынѣшняго сырого и холоднаго воздуха; однимъ словомъ, чтобъ были употреблены всѣ средства къ возстановленію его здоровья.—Государю Императору угодно, что Ваше Сіятельство о положеніи Чеодаева каждомѣсячно доносили Его Величеству».

Этотъ документъ едва-ли не лучше сотенъ другихъ рисуетъ тотъ страшный гнетъ, который давилъ все русское общество; то ужасное подавленіе и распоряженіе личностью, которое проходило красной чертой черезъ все царствованіе Николая I.

Наказать автора сумасшествіемъ—это отдаетъ такимъ средневѣковьемъ, такимъ ужасомъ, подобныхъ которому нѣтъ въ нашей исторіи. Въ глазахъ людей системы офиціальной народности Чаадаева лучше всего было вполнѣ дискредитировать въ общественномъ мнѣніи; показать полное благополучіе и отсутствіе здоровыхъ, не сумасшедшихъ протестантовъ и скептиковъ...

Кромѣ того, несомнѣнно, что выбирая такую мѣру именно для Чаадаева, знали, что для него, всегда вполнѣ законно, гордившагося своимъ умомъ, она будетъ особенно тяжела, гораздо тяжелѣе, чѣмъ ссылка, и т. п. Я вовсе не раздѣляю предположеній современниковъ, что съ Чаадаевымъ потому было поступлено такъ... милостиво, что знали его матеріальное положеніе, при которомъ ссылка была бы очень тяжела. Не раздѣляю какъ потому, что не могу вѣрить въ гуманныя чувства того времени по отношенію человѣка его оскорбившаго, такъ и потому, что только толстокожіе патріоты могли находить «годовое сумасшествіе» болѣе милостивымъ, чѣмъ ссылка...

22-го же Голицыну сообщалось о необходимости немедленно выслать Надеждина, какъ нигдѣ не служащаго, въ Петербургъ, для допроса, а на слѣдующій день ген. Перфильеву предписывалось, по Высочайшему повелѣнію, взять у Чаадаева «всѣ его бумаги безъ исключенія» и доставить ихъ Бенкендорфу. При этомъ прибавлялось: «Поручаю в.

ціально посвященъ изученію круговорота энергіи въ атмосферѣ—метеорологіи.

По мѣрѣ развитія метеорологіи мы будемъ несомнѣнно все болѣе и болѣе приближаться къ идеально точному рѣшенію той задачи, которую ставитъ себѣ эта наука, и рѣшенія которой настойчиво требуетъ общество; сроки предсказаній погоды будутъ постепенно раздвигаться, вѣроятность предсказаній будетъ расти. Но все то, что сказано было въ первой части статьи, говоритъ намъ, что задача предсказанія погоды слишкомъ сложна, что даже приближенное рѣшеніе ея крайне трудно; предсказаніе же погоды съ полною достовѣрностію и на любой промежутокъ времени впередъ даже немыслимо по самому существу дѣла.

Въ вопросѣ о предсказаніи погоды, на самомъ дѣлѣ, мы наталкиваемся на одно крайне существенное обстоятельство, ставящее предѣлы нашимъ попыткамъ въ этомъ направленіи. Это обстоятельство глубоко коренится въ самыхъ физическихъ свойствахъ воздуха: его крайней прозрачности, очень малой теплопроводности и его величайшей подвижности. Совокупность всѣхъ этихъ свойствъ ведетъ къ слѣдующему. Будучи въ высшей степени прозрачнымъ для солнечныхъ лучей, воздухъ самъ этими лучами совершенно не нагрѣвается, пока онъ свободенъ отъ всякихъ непрозрачныхъ примѣсей. Но именно вслѣдствіе этого нагрѣвается земная поверхность, поглощающая всѣ падающіе на нее солнечные лучи. Отъ нея-то только и долженъ былъ бы нагрѣваться понемногу воздухъ уже исключительно путемъ теплопроводности; нагрѣваніе пошло бы тогда въ немъ снизу вверхъ. Вотъ это-то обстоятельство, при огромной подвижности воздуха, и является роковымъ для всего вопроса о погодѣ. При этомъ способѣ нагрѣванія,—какъ только оно началось,—воздухъ оказывается въ неустойчивомъ равновѣсіи, начинается конвекція или перемѣщеніе массъ воздуха, конденсація (или осажденіе) водяныхъ паровъ и т. д.; словомъ дѣло такъ осложняется, что разобраться въ немъ становится уже чрезвычайно труднымъ. Но несравненно важнѣе еще то обстоятельство, что разъ возникшее неустойчивое равновѣсіе можетъ нѣкоторое время,—правда, вообще, очень непродолжительное,—существовать, не вызывая никакихъ особыхъ процессовъ и явленій: но достаточно малѣйшей причины, часто дѣйствующей на огромныхъ разстояніяхъ отъ мѣста существованія такого неустойчиваго равновѣсія, чтобы вызвать здѣсь колоссальные иногда по своимъ размѣрамъ перевороты. Вотъ эта—то невозможность предвидѣть всѣ малѣйшія причины, которыя, могутъ вызвать нарушеніе возникшаго неустойчиваго равновѣсія, и дѣлаетъ тщетными и невозможными наши попытки совершенно точнаго предсказанія погоды во всѣхъ возможныхъ случаяхъ.

Чтобы еще болѣе подчеркнуть эту невозможность точнаго предска-

занія погоды во всѣхъ возможныхъ случаяхъ, я позволю себѣ привести здѣсь подлинныя слова одного изъ величайшихъ физиковъ XIX вѣка,—человѣка, который глубже, чѣмъ кто-либо изъ его современниковъ, проникалъ въ истинный духъ, истинныя силы и границы научнаго анализа,—Г. Гельмгольтца.

Въ своей рѣчи «О вихревыхъ буряхъ и грозахъ» Гельмгольтцъ, резюмируя свои мысли объ этихъ явленіяхъ, говоритъ слѣдующее.

«Въ описанныхъ явленіяхъ (бурь и грозъ) нѣтъ ничего такого, что не основывалось бы на простомъ и обусловленномъ законами дѣйствіи хорошо извѣстныхъ физическихъ силъ; только неустойчивое равновѣсіе играетъ здѣсь особенную роль, такъ какъ при таковомъ малѣйшія измѣненія температуры, влажности или скорости отдѣльныхъ частицъ могутъ вызвать въ тотъ или другой моментъ, въ томъ или другомъ мѣстѣ проявленіе колоссальныхъ силъ. Чтобы имѣть возможность предсказать, въ какой моментъ и въ какомъ именно мѣстѣ нарушится это неустойчивое равновѣсіе, мы должны были бы, во первыхъ, знать предыдущее состояніе атмосферы точнѣе, чѣмъ мы его знаемъ на самомъ дѣлѣ, такъ какъ для всей земной поверхности мы знаемъ только среднія значенія температуры, влажности и вѣтра, а точныя показанія у насъ имѣются только для отдѣльныхъ станцій и для опредѣленныхъ часовъ наблюденій. Во вторыхъ, имѣя уже данныя числа, мы должны были бы умѣть, помощію этихъ данныхъ, съ точностью вести вычисленія для всего хода послѣдующихъ явленій. Но, хотя мы и могли бы установить общія правила для такихъ вычисленій, выполненіе ихъ на самомъ дѣлѣ представило бы такія трудности, что намъ поневолѣ пришлось бы отъ нихъ отказаться въ ожиданіи иныхъ, лучшихъ методовъ вычисленія. Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что нашему вычисленію и пониманію доступны такія только явленія, при которыхъ маленькая ошибка въ заданіи можетъ вызвать лишь малую же ошибку въ конечномъ результатѣ. Какъ только къ дѣлу примѣшивается неустойчивое равновѣсіе, то наша задача становиться невыполнимою.

Такимъ образомъ, случайность еще не исключается изъ нашего міросозерцанія, но она въ дѣйствительности служитъ только выраженіемъ недостаточности нашихъ знаній и неповоротливости нашихъ соображеній. Только геній, который обладалъ бы познаніемъ всѣхъ причинъ, мысль котораго работала бы достоточно точно и быстро, чтобы непосредственно слѣдить за всѣми безпорядочными измѣненіями погоды,—только такой геній созерцалъ бы въ этомъ, какъ въ теченіи свѣтилъ, одно гармоническое господство законовъ, которое мы можемъ лишь предполагать и о которомъ можемъ лишь догадываться». *)

*) Г. Гельмгольтцъ. Популярныя рѣчи. Ч. II, Спб. 1898. Вихревыя бури и грозы.

Таково мнѣніе Гельмгольтца относительно предсказанія погоды. Но не значитъ-ли это, что практическая сторона въ области метеорологіи безнадежна, что на дѣло предсказанія погоды съ научной точки зрѣнія надо, какъ говорится, поставить крестъ? Конечно нѣтъ,—и ни въ какомъ случаѣ! Чѣмъ дальше будемъ мы изучать законы погоды, тѣмъ шире и шире будутъ раздвигаться рамки нашихъ предсказаній, тѣмъ больше и больше будетъ процентъ ихъ оправдываемости, тѣмъ длиннѣе будутъ промежутки времени, на которые наши предсказанія будутъ пригодны. Изъ того, что мы никогда не сумѣемъ и не сможемъ достигнуть идеально-полнаго рѣшенія задачи, поставленной себѣ наукою, не слѣдуетъ, что мы должны отказаться отъ возможно—полнаго ея рѣшенія. Только необходимо помнить, что это возможно—полное рѣшеніе связано съ дальнѣйшимъ прогрессомъ физической науки, который состоитъ въ изученіи физическихъ силъ, дѣйствующихъ въ природѣ.

Stürme brausen, um die Wette,
Vom Meer aufs Land, vom Land aufs Meer,
Und bilden, wütend, eine Kette
Des tiefsten Wirkung rings umher...

Грозя землѣ, волнуя воды,
Бушуютъ бури и шумятъ,
И грозной цѣпью силъ природы
Весь міръ таинственно объятъ...

сказалъ великій германскій поэтъ. Вотъ эту-то таинственную цѣпь силъ природы, при посредствѣ атмосферы объемлющую весь земной шаръ, и стремится постигнуть и примѣнить къ жизни на благо человѣчества та часть физики, которая носитъ названіе метеорологіи.

Проф. Г. Любославскій.

ПОБѢДИТЕЛЬ.

Романъ **Эдуарда Рода.**

Переводъ съ французскаго **З. Журавской.**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Весь день къ Баньезскому кладбищу тянутся похоронныя процессіи, выходя изъ улицы Фонтенэ, окаймленной маленькими домиками, гдѣ живутъ продавцы цвѣтовъ и надгробныхъ вѣнковъ, дачами, боскетами и пустырями. Впереди сельскій пейзажъ: шатильонская колокольня, утонувшая въ кустахъ деревьевъ; лѣсистые склоны, усѣянные отдѣльными хуторками, изрѣзанные полями. Сначала идутъ вдоль кладбищенской ограды, закрывающей горизонтъ; затѣмъ, пройдя черезъ большія желѣзныя ворота, всегда открытыя, какъ ненасытная пасть, углубляются въ главную аллею, межъ двухъ рядовъ тощихъ платановъ. Шпалеры кустовъ по обѣ стороны дороги частью скрываютъ обманчивую растительность вѣнковъ изъ целлюлоида и стеклянныхъ крестовъ; мѣстами на гравіѣ дорожекъ для пѣшеходовъ блестятъ осколки стекла съ обрывками надписей.

Въ этотъ чудный лѣтній день, подъ занесенными пылью платанами обычнымъ путемъ двигались къ кладбищу бѣдныя дроги, какія высылаютъ на похороны послѣдняго разряда. За гробомъ рядомъ съ мальчикомъ лѣтъ двѣнадцати, такимъ блѣднымъ въ своемъ траурномъ нарядѣ, шелъ Альсидъ Делемонъ и какъ будто дивился, зачѣмъ онъ попалъ сюда. Его энергичное лицо кирпичныхъ тоновъ, прорѣзанное жесткими сѣдѣющими усами, коротко подстриженными надъ верхней губой, выражало скорѣе досаду, чѣмъ огорченіе, больше гордости, чѣмъ печали. Подъ густыми черными бровями, упрямо топорщившимися кверху, словно опрокинутыя запятыя, его маленькіе сѣростальные глазки бѣгали по всѣмъ направленіямъ и снова останавливались на бѣдномъ гробѣ, украшенномъ парой тощихъ букетовъ и слишкомъ роскошнымъ вѣнкомъ, купленнымъ имъ по пути. Словно

обороняясь, онъ стискивалъ зубы инстинктивнымъ движеніемъ, отъ котораго втягивались внутрь щеки, и еще больше выступалъ впередъ четырехугольный бритый подбородокъ. Безъ сомнѣнія онъ спрашивалъ себя, какимъ образомъ онъ, именитый купецъ, владѣлецъ и директоръ *«Бутылочнаго завода на островѣ Сенъ-Жермэнъ»*, попалъ на эти убогія похороны и шагаетъ за гробомъ, вмѣстѣ съ привратникомъ, типографскимъ рабочимъ и двумя-тремя кумушками, между тѣмъ какъ невдалекѣ ѣдетъ шагомъ его собственная удобная коляска? И этотъ вопросъ приводилъ ему на память давно позабытыя сцены и лица, и въ душѣ его, какъ легкій туманъ, подымалось волненіе, не отражавшееся однако на его лицѣ.

Онъ много лѣтъ не видалъ своей сестры Катерины, послѣдней изъ многочисленной семьи, въ которой онъ былъ старшимъ, и ничего не зналъ о ней. Онъ уже зарабатывалъ свой хлѣбъ, какъ «мальчишка»— подручный, когда она появилась на свѣтъ въ одномъ изъ домиковъ, обступившихъ патріархальный заводъ въ Шалонѣ-на-Сенѣ. Онъ помнилъ ее крошкой, съ которой онъ послѣ работы игралъ, какъ съ котенкомъ; у нея были такіе же проворные коготки, острые зубки и граціозная манера свертываться клубочкомъ. Когда онъ уѣзжалъ изъ Шалона, ей могло быть четыре-пять лѣтъ. Потомъ, вернувшись домой на похороны отца, онъ видѣлъ ее уже взрослой, хорошенькой, кокетливой и капризной. Немного времени спустя мать написала ему, что Катерина ушла съ рабочимъ. Съ тѣхъ поръ никто изъ семьи не видалъ ея; когда мать умерла, она не явилась требовать свою долю убогаго наслѣдства. Однако она переписывалась съ одной изъ сестеръ, Маріанной, вышедшей замужъ за комиссіонера по покупкѣ земель. Отъ Маріанны онъ зналъ, что у Катерины есть ребенокъ, что любовникъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ совмѣстной жизни, бросилъ ее и теперь она держитъ бумажную лавочку въ кварталѣ Монружъ. Потомъ и Маріанна умерла; никто не справлялся больше о Катеринѣ. Уцѣлѣвшіе члены семьи разбрелись въ разныя стороны—въ колоніи, въ Америку, разлетѣлись, какъ сѣмена, унесенныя вѣтромъ и пускающія ростки тамъ, куда ихъ заброситъ судьба.

Одна только изъ сестеръ, Клара, жила въ Парижѣ.

Совсѣмъ молоденькой она поступила продавщицей въ магазинъ въ своемъ родномъ городѣ и на двадцатомъ году познакомилась тамъ съ молодымъ учителемъ, Максимильяномъ Романешемъ, который и женился на ней. Приглашенный вскорѣ послѣ того въ Парижъ преподавателемъ исторіи въ новомъ лицеѣ Гельвеціусъ, онъ читалъ еще другой курсъ въ женской гимназіи и кромѣ того давалъ множество уроковъ, трудясь ради воспитанія своихъ четырехъ сыновей: Роберта, Марка, Тони и Жюста. Время отъ времени вся семья проводила воскресенье на заводѣ. Дедемонъ находилъ ее слишкомъ большой и шумливой; онъ не сходился съ шуриномъ, какъ всегда человѣкъ дѣла съ

человѣкомъ мысли, въ особенности, когда отвлеченный умъ этого послѣдняго вертится въ узкомъ кругу интеллектуальной рутины. Романешъ былъ изъ тѣхъ людей, которые могутъ безъ конца умножать свой запасъ положительныхъ знаній, ни на іоту не расширяя свой горизонтъ. Лысый, съ огромнымъ черепомъ, съ большимъ лбомъ, расширявшимся у вдавленныхъ висковъ, съ сѣрымъ цвѣтомъ лица и торчавшей кпереди бородой, онъ былъ пропитанъ убѣжденностью, готовыми категорическими сужденіями, педантъ, все время чувствующій себя на каѳедрѣ. Онъ считалъ себя свободнымъ умомъ, но не смѣлъ коснуться ни одного изъ догматовъ своей вѣры: рѣзкій и суровый, когда рѣчь шла о религіи, онъ благоговѣлъ передъ наукой, соціализмомъ, революціей—кумирами, замѣнившими въ его душѣ изгнанныхъ, какъ онъ думалъ боговъ, абстракціями, на которыя онъ перенесъ свою набожность. Страдая отъ сознанія, что онъ обреченъ судьбой учить ребятъ, когда его тянетъ къ политикѣ, и править тетрадки, когда онъ могъ-бы исправлять законы, онъ внимательно слѣдилъ за событіями, быть можетъ, только подстерегая случай для прыжка въ неизвѣстность, поддерживалъ кой-какія сношенія съ прогрессивной печатью и посѣщалъ собранія, но еще не выступая въ роли оратора, какъ человѣкъ, который ждетъ своего часа. Онъ часто бранилъ буржуазное общество, но уважалъ Делемона, какъ человѣка энергичнаго, завоевателя, умѣющаго подчинять себѣ жизнь, быть можетъ даже завидовалъ ему немного—конечно, не сознаваясь въ томъ и самому себѣ. Какъ бы то ни было онъ любилъ втягивать шурина въ споры, гдѣ онъ съ маху разрѣшалъ рабочій вопросъ экономическими реформами и предсказывалъ скорое крушеніе капиталистическаго режима. Шуринъ считалъ его однимъ изъ тѣхъ шалыхъ людей, бредни которыхъ, по его словамъ, могли-бы стать опасными, еслибъ онѣ, по счастью, не были слишкомъ нелѣпы.

Делемонъ говорилъ иногда съ Кларой объ ихъ братьяхъ и сестрахъ, разбросанныхъ по бѣлу свѣту, но никогда о Катеринѣ. Добренькая Клара не прочь была бы розыскать заблудшую сестру, но у нея было для этого слишкомъ мало иниціативы, а мужъ остерегся бы подтолкнуть её на это, хоть и охотно декламировалъ на тему о «правѣ любить». Что касается Альсида, онъ вспоминалъ о сестрѣ лишь съ чувствомъ стыда и страха, что она когда-нибудь явится къ нему попрошайкой, и никогда не говорилъ о ней со своею второй женой и дѣтьми. Катерина, съ своей стороны, хоть и нуждалась, не шла къ разбогатѣвшему брату, хотя тотъ, вѣроятно, не отказалъ бы ей въ помощи. Она жила бѣдно, продавала бумагу, газеты, карандаши и, какъ умѣла, воспитывала сына. Умерла она внезапно, отъ разрыва сердца. Привратница дома, гдѣ она жила, взялась увѣдомить брата, но невѣрно адресованное письмо запоздало, и Альсидъ едва поспѣлъ на похороны, извѣстивъ телеграммой Романеша. Онъ пріѣхалъ какъ разъ въ ту ми-

нуту, когда процессія тронулась, поспѣшилъ дать знать въ похоронное бюро, что расходы онъ беретъ на себя, и шумно выразилъ сожалѣніе, что его не извѣстили раньше.

— ... Тогда бы я устроилъ шикарныя похороны.

Онъ прямо страдалъ отъ убожества этого похороннаго шествія. Когда прохожій, при встрѣчѣ съ нимъ, снималъ шляпу, Альсидъ косился на него изподлобья, дергая себя за усы, словно говоря:—«Да, это правда, я иду за бѣднымъ гробомъ, рядомъ съ мальчишкой безъ имени, который оказывается моимъ племянникомъ; гордиться тутъ нечѣмъ, сознаюсь; а все-таки я Альсидъ Делемонъ, хозяинъ стекляннаго завода, неоднократно получавшаго почетные отзывы и медали на выставкахъ. И, когда я покончу съ этимъ непріятнымъ и тягостнымъ долгомъ, вотъ этотъ самый чудесный рысакъ, что везетъ сзади мою собственную коляску, умчитъ меня домой!»—Эта маленькая рѣчь положительно читалась въ его глазахъ, и вся его фигура требовала почтенія къ себѣ. Консьержъ, ковылявшій рядомъ, не попадая въ ногу, выпрямлялъ станъ, гордясь, что онъ въ одной компаніи съ такимъ важнымъ бариномъ. Женщины шептались о томъ, какъ онъ нажилъ богатство, преувеличивая цифру его капитала. Одинъ только типографскій рабочій не обращалъ на него вниманія; онъ шелъ, понуривъ голову, глядя въ землю, прижимая къ груди свою длинную рыжую бороду. Онъ тоже только въ послѣдній моментъ узналъ печальную новость, напрасно прождавъ весь вечеръ покойницу наканунѣ—день ихъ обычныхъ свиданій. Его такъ поразилъ этотъ нежданный ударъ, что онъ шелъ, какъ во снѣ. Крупныя слезы скатывались по его щекамъ на волнистую бороду. Онъ уже шесть лѣтъ зналъ Катерину, и они только что рѣшили повѣнчаться, такъ какъ отлично ладили между собой, да и ради мальчика, покинутаго отцомъ. И вотъ, приходилось хоронить всѣ эти прекрасныя мечты, всю любовь и все счастье.

Самые черствые люди, твердо рѣшившіе не поддаваться грусти, которую навѣваютъ случайности жизни, не могутъ однако иногда устоять передъ неотразимой печалью, которую разливаетъ вокругъ себя смерть, и все къ ней относящееся, и во время этого унылаго шествія на кладбище къ эгоистической досадѣ Делемона, мало-по-малу присоединилось почти горестное волненіе. Онъ вспомнилъ о другихъ своихъ сестрахъ, о братьяхъ, объ умершихъ родителяхъ, о стволѣ и вѣтвяхъ стараго фамильнаго дерева. Однажды, эпидемія дифтерита въ двѣ недѣли унесла троихъ, какъ гроза ломаетъ вѣтки на пышномъ деревѣ. Потомъ Этьенъ, работавшій въ Монсо, задохнулся въ рудникѣ при взрывѣ газа. Лица ихъ представлялись Делемону въ какомъ-то туманѣ, какъ на выцвѣтшихъ старыхъ фотографіяхъ. А уцѣлѣвшіе Пьеръ, Жанъ, Марія, Варфоломей, Анжелика—гдѣ они теперь? Богъ вѣсть! Ему вспоминались отдѣльные эпизоды изъ ихъ общаго дѣтства. Онъ видѣлъ дѣтей съ запачканными мордочками, съ босыми ножками, съ

чувствомъ достоинства Русскаго Народа, тотчасъ постигли, что подобная статья не могла быть писана соотечественникомъ ихъ, сохранившимъ полный свой разсудокъ, и потому,—какъ дошли сюда слухи,—не только не обратили своего негодованія противъ г. Чеодаева, но, напротивъ, изъявляютъ искреннее сожалѣніе свое о постигшемъ его разстройствѣ ума, которое одно могло быть причиною написанія подобныхъ нелѣпостей. Здесь получены свѣдѣнія, что чувство состраданія о несчастномъ положеніи г. Чеодаева единодушно раздѣляется всею московскою публикою. Вслѣдствіе сего Государю Императору угодно, чтобы Ваше Сіятельство, по долгу званія вашего, приняли надлежащія мѣры къ оказанію г. Чеодаеву всевозможныхъ попеченій и медицинскихъ пособій. Его Величество повелѣваетъ, дабы Вы поручили лѣченіе его искусному медику, вмѣнивъ сему послѣднему въ обязанность непремѣнно каждое утро посѣщать г. Чеодаева, и чтобъ сдѣлано было распоряженіе, дабы г. Чеодаевъ не подвергалъ себя вредному вліянію нынѣшняго сырого и холоднаго воздуха; однимъ словомъ, чтобъ были употреблены всѣ средства къ возстановленію его здоровья.—Государю Императору угодно, что Ваше Сіятельство о положеніи Чеодаева каждомѣсячно доносили Его Величеству».

Этотъ документъ едва-ли не лучше сотенъ другихъ рисуетъ тотъ страшный гнетъ, который давилъ все русское общество; то ужасное подавленіе и распоряженіе личностью, которое проходило красной чертой черезъ все царствованіе Николая I.

Наказать автора сумасшествіемъ—это отдаетъ такимъ средневѣковьемъ, такимъ ужасомъ, подобныхъ которому нѣтъ въ нашей исторіи. Въ глазахъ людей системы офиціальной народности Чаадаева лучше всего было вполнѣ дискредитировать въ общественномъ мнѣніи; показать полное благополучіе и отсутствіе здоровыхъ, не сумасшедшихъ протестантовъ и скептиковъ...

Кромѣ того, несомнѣнно, что выбирая такую мѣру именно для Чаадаева, знали, что для него, всегда вполнѣ законно, гордившагося своимъ умомъ, она будетъ особенно тяжела, гораздо тяжелѣе, чѣмъ ссылка, и т. п. Я вовсе не раздѣляю предположеній современниковъ, что съ Чаадаевымъ потому было поступлено такъ... милостиво, что знали его матеріальное положеніе, при которомъ ссылка была бы очень тяжела. Не раздѣляю какъ потому, что не могу вѣрить въ гуманныя чувства того времени по отношенію человѣка его оскорбившаго, такъ и потому, что только толстокожіе патріоты могли находить «годовое сумасшествіе» болѣе милостивымъ, чѣмъ ссылка...

22-го же Голицыну сообщалось о необходимости немедленно выслать Надеждина, какъ нигдѣ не служащаго, въ Петербургъ, для допроса, а на слѣдующій день ген. Перфильеву предписывалось, по Высочайшему повелѣнію, взять у Чаадаева «всѣ его бумаги безъ исключенія» и доставить ихъ Бенкендорфу. При этомъ прибавлялось: «Поручаю в.

ціально посвященъ изученію круговорота энергіи въ атмосферѣ—метеорологіи.

По мѣрѣ развитія метеорологіи мы будемъ несомнѣнно все болѣе и болѣе приближаться къ идеально точному рѣшенію той задачи, которую ставитъ себѣ эта наука, и рѣшенія которой настойчиво требуетъ общество; сроки предсказаній погоды будутъ постепенно раздвигаться, вѣроятность предсказаній будетъ расти. Но все то, что сказано было въ первой части статьи, говоритъ намъ, что задача предсказанія погоды слишкомъ сложна, что даже приближенное рѣшеніе ея крайне трудно; предсказаніе же погоды съ полною достовѣрностію и на любой промежутокъ времени впередъ даже немыслимо по самому существу дѣла.

Въ вопросѣ о предсказаніи погоды, на самомъ дѣлѣ, мы наталкиваемся на одно крайне существенное обстоятельство, ставящее предѣлы нашимъ попыткамъ въ этомъ направленіи. Это обстоятельство глубоко коренится въ самыхъ физическихъ свойствахъ воздуха: его крайней прозрачности, очень малой теплопроводности и его величайшей подвижности. Совокупность всѣхъ этихъ свойствъ ведетъ къ слѣдующему. Будучи въ высшей степени прозрачнымъ для солнечныхъ лучей, воздухъ самъ этими лучами совершенно не нагрѣвается, пока онъ свободенъ отъ всякихъ непрозрачныхъ примѣсей. Но именно вслѣдствіе этого нагрѣвается земная поверхность, поглощающая всѣ падающіе на нее солнечные лучи. Отъ нея-то только и долженъ былъ бы нагрѣваться понемногу воздухъ уже исключительно путемъ теплопроводности; нагрѣваніе пошло бы тогда въ немъ снизу вверхъ. Вотъ это-то обстоятельство, при огромной подвижности воздуха, и является роковымъ для всего вопроса о погодѣ. При этомъ способѣ нагрѣванія,—какъ только оно началось,—воздухъ оказывается въ неустойчивомъ равновѣсіи, начинается конвекція или перемѣщеніе массъ воздуха, конденсація (или осажденіе) водяныхъ паровъ и т. д.; словомъ дѣло такъ осложняется, что разобраться въ немъ становится уже чрезвычайно труднымъ. Но несравненно важнѣе еще то обстоятельство, что разъ возникшее неустойчивое равновѣсіе можетъ нѣкоторое время,—правда, вообще, очень непродолжительное,—существовать, не вызывая никакихъ особыхъ процессовъ и явленій: но достаточно малѣйшей причины, часто дѣйствующей на огромныхъ разстояніяхъ отъ мѣста существованія такого неустойчиваго равновѣсія, чтобы вызвать здѣсь колоссальные иногда по своимъ размѣрамъ перевороты. Вотъ эта—то невозможность предвидѣть всѣ малѣйшія причины, которыя, могутъ вызвать нарушеніе возникшаго неустойчиваго равновѣсія, и дѣлаетъ тщетными и невозможными наши попытки совершенно точнаго предсказанія погоды во всѣхъ возможныхъ случаяхъ.

Чтобы еще болѣе подчеркнуть эту невозможность точнаго предска-

занія погоды во всѣхъ возможныхъ случаяхъ, я позволю себѣ привести здѣсь подлинныя слова одного изъ величайшихъ физиковъ XIX вѣка,—человѣка, который глубже, чѣмъ кто-либо изъ его современниковъ, проникалъ въ истинный духъ, истинныя силы и границы научнаго анализа,—Г. Гельмгольтца.

Въ своей рѣчи «О вихревыхъ буряхъ и грозахъ» Гельмгольтцъ, резюмируя свои мысли объ этихъ явленіяхъ, говоритъ слѣдующее.

«Въ описанныхъ явленіяхъ (бурь и грозъ) нѣтъ ничего такого, что не основывалось бы на простомъ и обусловленномъ законами дѣйствіи хорошо извѣстныхъ физическихъ силъ; только неустойчивое равновѣсіе играетъ здѣсь особенную роль, такъ какъ при таковомъ малѣйшія измѣненія температуры, влажности или скорости отдѣльныхъ частицъ могутъ вызвать въ тотъ или другой моментъ, въ томъ или другомъ мѣстѣ проявленіе колоссальныхъ силъ. Чтобы имѣть возможность предсказать, въ какой моментъ и въ какомъ именно мѣстѣ нарушится это неустойчивое равновѣсіе, мы должны были бы, во первыхъ, знать предыдущее состояніе атмосферы точнѣе, чѣмъ мы его знаемъ на самомъ дѣлѣ, такъ какъ для всей земной поверхности мы знаемъ только среднія значенія температуры, влажности и вѣтра, а точныя показанія у насъ имѣются только для отдѣльныхъ станцій и для опредѣленныхъ часовъ наблюденій. Во вторыхъ, имѣя уже данныя числа, мы должны были бы умѣть, помощію этихъ данныхъ, съ точностью вести вычисленія для всего хода послѣдующихъ явленій. Но, хотя мы и могли бы установить общія правила для такихъ вычисленій, выполненіе ихъ на самомъ дѣлѣ представило бы такія трудности, что намъ поневолѣ пришлось бы отъ нихъ отказаться въ ожиданіи иныхъ, лучшихъ методовъ вычисленія. Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что нашему вычисленію и пониманію доступны такія только явленія, при которыхъ маленькая ошибка въ заданіи можетъ вызвать лишь малую же ошибку въ конечномъ результатѣ. Какъ только къ дѣлу примѣшивается неустойчивое равновѣсіе, то наша задача становиться невыполнимою.

Такимъ образомъ, случайность еще не исключается изъ нашего міросозерцанія, но она въ дѣйствительности служитъ только выраженіемъ недостаточности нашихъ знаній и неповоротливости нашихъ соображеній. Только геній, который обладалъ бы познаніемъ всѣхъ причинъ, мысль котораго работала бы достоточно точно и быстро, чтобы непосредственно слѣдить за всѣми безпорядочными измѣненіями погоды,—только такой геній созерцалъ бы въ этомъ, какъ въ теченіи свѣтилъ, одно гармоническое господство законовъ, которое мы можемъ лишь предполагать и о которомъ можемъ лишь догадываться». *)

*) Г. Гельмгольтцъ. Популярныя рѣчи. Ч. II, Спб. 1898. Вихревыя бури и грозы.

Таково мнѣніе Гельмгольтца относительно предсказанія погоды. Но не значитъ-ли это, что практическая сторона въ области метеорологіи безнадежна, что на дѣло предсказанія погоды съ научной точки зрѣнія надо, какъ говорится, поставить крестъ? Конечно нѣтъ,—и ни въ какомъ случаѣ! Чѣмъ дальше будемъ мы изучать законы погоды, тѣмъ шире и шире будутъ раздвигаться рамки нашихъ предсказаній, тѣмъ больше и больше будетъ процентъ ихъ оправдываемости, тѣмъ длиннѣе будутъ промежутки времени, на которые наши предсказанія будутъ пригодны. Изъ того, что мы никогда не сумѣемъ и не сможемъ достигнуть идеально-полнаго рѣшенія задачи, поставленной себѣ наукою, не слѣдуетъ, что мы должны отказаться отъ возможно—полнаго ея рѣшенія. Только необходимо помнить, что это возможно—полное рѣшеніе связано съ дальнѣйшимъ прогрессомъ физической науки, который состоитъ въ изученіи физическихъ силъ, дѣйствующихъ въ природѣ.

Stürme brausen, um die Wette,
Vom Meer aufs Land, vom Land aufs Meer,
Und bilden, wütend, eine Kette
Des tiefsten Wirkung rings umher...

Грозя землѣ, волнуя воды,
Бушуютъ бури и шумятъ,
И грозной цѣпью силъ природы
Весь міръ таинственно объятъ...

сказалъ великій германскій поэтъ. Вотъ эту-то таинственную цѣпь силъ природы, при посредствѣ атмосферы объемлющую весь земной шаръ, и стремится постигнуть и примѣнить къ жизни на благо человѣчества та часть физики, которая носитъ названіе метеорологіи.

Проф. Г. Любославскій.

ПОБѢДИТЕЛЬ.

Романъ Эдуарда Рода.

Переводъ съ французскаго З. Журавской.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Весь день къ Баньезскому кладбищу тянутся похоронныя процессіи, выходя изъ улицы Фонтенэ, окаймленной маленькими домиками, гдѣ живутъ продавцы цвѣтовъ и надгробныхъ вѣнковъ, дачами, боскетами и пустырями. Впереди сельскій пейзажъ: шатильонская колокольня, утонувшая въ кустахъ деревьевъ; лѣсистые склоны, усѣянные отдѣльными хуторками, изрѣзанные полями. Сначала идутъ вдоль кладбищенской ограды, закрывающей горизонтъ; затѣмъ, пройдя черезъ большія желѣзныя ворота, всегда открытыя, какъ ненасытная пасть, углубляются въ главную аллею, межъ двухъ рядовъ тощихъ платановъ. Шпалеры кустовъ по обѣ стороны дороги частью скрываютъ обманчивую растительность вѣнковъ изъ целлюлоида и стеклянныхъ крестовъ; мѣстами на гравіѣ дорожекъ для пѣшеходовъ блестятъ осколки стекла съ обрывками надписей.

Въ этотъ чудный лѣтній день, подъ занесенными пылью платанами обычнымъ путемъ двигались къ кладбищу бѣдныя дроги, какія высылаютъ на похороны послѣдняго разряда. За гробомъ рядомъ съ мальчикомъ лѣтъ двѣнадцати, такимъ блѣднымъ въ своемъ траурномъ нарядѣ, шелъ Альсидъ Делемонъ и какъ будто дивился, зачѣмъ онъ попалъ сюда. Его энергичное лицо кирпичныхъ тоновъ, прорѣзанное жесткими сѣдѣющими усами, коротко подстриженными надъ верхней губой, выражало скорѣе досаду, чѣмъ огорченіе, больше гордости, чѣмъ печали. Подъ густыми черными бровями, упрямо топорщившимися кверху, словно опрокинутыя запятыя, его маленькіе сѣро-стальные глазки бѣгали по всѣмъ направленіямъ и снова останавливались на бѣдномъ гробѣ, украшенномъ парой тощихъ букетовъ и слишкомъ роскошнымъ вѣнкомъ, купленнымъ имъ по пути. Словно

обороняясь, онъ стискивалъ зубы инстинктивнымъ движеніемъ, отъ котораго втягивались внутрь щеки, и еще больше выступалъ впередъ четырехугольный бритый подбородокъ. Безъ сомнѣнія онъ спрашивалъ себя, какимъ образомъ онъ, именитый купецъ, владѣлецъ и директоръ «*Бутылочнаго завода на островѣ Сенъ-Жермэнъ*», попалъ на эти убогія похороны и шагаетъ за гробомъ, вмѣстѣ съ привратникомъ, типографскимъ рабочимъ и двумя-тремя кумушками, между тѣмъ какъ невдалекѣ ѣдетъ шагомъ его собственная удобная коляска? И этотъ вопросъ приводилъ ему на память давно позабытыя сцены и лица, и въ душѣ его, какъ легкій туманъ, подымалось волненіе, не отражавшееся однако на его лицѣ.

Онъ много лѣтъ не видалъ своей сестры Катерины, послѣдней изъ многочисленной семьи, въ которой онъ былъ старшимъ, и ничего не зналъ о ней. Онъ уже зарабатывалъ свой хлѣбъ, какъ «мальчишка»—подручный, когда она появилась на свѣтъ въ одномъ изъ домиковъ, обступившихъ патріархальный заводъ въ Шалонѣ-на-Сенѣ. Онъ помнилъ ее крошкой, съ которой онъ послѣ работы игралъ, какъ съ котенкомъ; у нея были такіе же проворные коготки, острые зубки и граціозная манера свертываться клубочкомъ. Когда онъ уѣзжалъ изъ Шалона, ей могло быть четыре-пять лѣтъ. Потомъ, вернувшись домой на похороны отца, онъ видѣлъ ее уже взрослой, хорошенькой, кокетливой и капризной. Немного времени спустя мать написала ему, что Катерина ушла съ рабочимъ. Съ тѣхъ поръ никто изъ семьи не видалъ ея; когда мать умерла, она не явилась требовать свою долю убогаго наслѣдства. Однако она переписывалась съ одной изъ сестеръ, Маріанной, вышедшей замужъ за комиссіонера по покупкѣ земель. Отъ Маріанны онъ зналъ, что у Катерины есть ребенокъ, что любовникъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ совмѣстной жизни, бросилъ ее и теперь она держитъ бумажную лавочку въ кварталѣ Монружъ. Потомъ и Маріанна умерла; никто не справлялся больше о Катеринѣ. Уцѣлѣвшіе члены семьи разбрелись въ разныя стороны—въ колоніи, въ Америку, разлетѣлись, какъ сѣмена, унесенныя вѣтромъ и пускающія ростки тамъ, куда ихъ заброситъ судьба.

Одна только изъ сестеръ, Клара, жила въ Парижѣ.

Совсѣмъ молоденькой она поступила продавщицей въ магазинъ въ своемъ родномъ городѣ и на двадцатомъ году познакомилась тамъ съ молодымъ учителемъ, Максимильяномъ Романешемъ, который и женился на ней. Приглашенный вскорѣ послѣ того въ Парижъ преподавателемъ исторіи въ новомъ лицеѣ Гельвеціусъ, онъ читалъ еще другой курсъ въ женской гимназіи и кромѣ того давалъ множество уроковъ, трудясь ради воспитанія своихъ четырехъ сыновей: Роберта, Марка, Тони и Жюста. Время отъ времени вся семья проводила воскресенье на заводѣ. Делемонъ находилъ ее слишкомъ большой и шумливой; онъ не сходился съ шуриномъ, какъ всегда человѣкъ дѣла съ

человѣкомъ мысли, въ особенности, когда отвлеченный умъ этого послѣдняго вертится въ узкомъ кругу интеллектуальной рутины. Романешъ былъ изъ тѣхъ людей, которые могутъ безъ конца умножать свой запасъ положительныхъ знаній, ни на іоту не расширяя свой горизонтъ. Лысый, съ огромнымъ черепомъ, съ большимъ лбомъ, расширявшимся у вдавленныхъ висковъ, съ сѣрымъ цвѣтомъ лица и торчавшей кпереди бородой, онъ былъ пропитанъ убѣжденностью, готовыми категорическими сужденіями, педантъ, все время чувствующій себя на каѳедрѣ. Онъ считалъ себя свободнымъ умомъ, но не смѣлъ коснуться ни одного изъ догматовъ своей вѣры: рѣзкій и суровый, когда рѣчь шла о религіи, онъ благоговѣлъ передъ наукой, соціализмомъ, революціей—кумирами, замѣнившими въ его душѣ изгнанныхъ, какъ онъ думалъ боговъ, абстракціями, на которыя онъ перенесъ свою набожность. Страдая отъ сознанія, что онъ обреченъ судьбой учить ребятъ, когда его тянетъ къ политикѣ, и править тетрадки, когда онъ могъ-бы исправлять законы, онъ внимательно слѣдилъ за событіями, быть можетъ, только подстерегая случай для прыжка въ неизвѣстность, поддерживалъ кой-какія сношенія съ прогрессивной печатью и посѣщалъ собранія, но еще не выступая въ роли оратора, какъ человѣкъ, который ждетъ своего часа. Онъ часто бранилъ буржуазное общество, но уважалъ Делемона, какъ человѣка энергичнаго, завоевателя, умѣющаго подчинять себѣ жизнь, быть можетъ даже завидовалъ ему немного—конечно, не сознаваясь въ томъ и самому себѣ. Какъ бы то ни было онъ любилъ втягивать Шурина въ споры, гдѣ онъ съ маху разрѣшалъ рабочій вопросъ экономическими реформами и предсказывалъ скорое крушеніе капиталистическаго режима. Шуринъ считалъ его однимъ изъ тѣхъ шалыхъ людей, бредни которыхъ, по его словамъ, могли-бы стать опасными, еслибъ онѣ, по счастью, не были слишкомъ нелѣпы.

Делемонъ говорилъ иногда съ Кларой объ ихъ братьяхъ и сестрахъ, разбросанныхъ по бѣлу свѣту, но никогда о Катеринѣ. Добренькая Клара не прочь была бы розыскать заблудшую сестру, но у нея было для этого слишкомъ мало иниціативы, а мужъ остерегся бы подтолкнуть её на это, хоть и охотно декламировалъ на тему о «правѣ любить». Что касается Альсида, онъ вспоминалъ о сестрѣ лишь съ чувствомъ стыда и страха, что она когда-нибудь явится къ нему попрошайкой, и никогда не говорилъ о ней со своею второй женой и дѣтьми. Катерина, съ своей стороны, хоть и нуждалась, не шла къ разбогатѣвшему брату, хотя тотъ, вѣроятно, не отказалъ бы ей въ помощи. Она жила бѣдно, продавала бумагу, газеты, карандаши и, какъ умѣла, воспитывала сына. Умерла она внезапно, отъ разрыва сердца. Привратница дома, гдѣ она жила, взялась увѣдомить брата, но невѣрно адресованное письмо запоздало, и Альсидъ едва поспѣлъ на похороны, извѣстивъ телеграммой Романеша. Онъ пріѣхалъ какъ разъ въ ту ми-

нуту, когда процессія тронулась, поспѣшилъ дать знать въ похоронное бюро, что расходы онъ беретъ на себя, и шумно выразилъ сожалѣніе, что его не извѣстили раньше.

— ... Тогда бы я устроилъ шикарныя похороны.

Онъ прямо страдалъ отъ убожества этого похороннаго шествія. Когда прохожій, при встрѣчѣ съ нимъ, снималъ шляпу, Альсидъ косился на него изподлобья, дергая себя за усы, словно говоря:—«Да, это правда, я иду за бѣднымъ гробомъ, рядомъ съ мальчишкой безъ имени, который оказывается моимъ племянникомъ; гордиться тутъ нечѣмъ, сознаюсь; а все-таки я Альсидъ Делемонъ, хозяинъ стекляннаго завода, неоднократно получавшаго почетные отзывы и медали на выставкахъ. И, когда я покончу съ этимъ непріятнымъ и тягостнымъ долгомъ, вотъ этотъ самый чудесный рысакъ, что везетъ сзади мою собственную коляску, умчитъ меня домой!»—Эта маленькая рѣчь положительно читалась въ его глазахъ, и вся его фигура требовала почтенія къ себѣ. Консьержъ, ковылявшій рядомъ, не попадая въ ногу, выпрямилъ станъ, гордясь, что онъ въ одной компаніи съ такимъ важнымъ бариномъ. Женщины шептались о томъ, какъ онъ нажилъ богатство, преувеличивая цифру его капитала. Одинъ только типографскій рабочій не обращалъ на него вниманія; онъ шелъ, понуривъ голову, глядя въ землю, прижимая къ груди свою длинную рыжую бороду. Онъ тоже только въ послѣдній моментъ узналъ печальную новость, напрасно прождавъ весь вечеръ покойницу наканунѣ—день ихъ обычныхъ свиданій. Его такъ поразилъ этотъ нежданный ударъ, что онъ шелъ, какъ во снѣ. Крупныя слезы скатывались по его щекамъ на волнистую бороду. Онъ уже шесть лѣтъ зналъ Катерину, и они только что рѣшили повѣнчаться, такъ какъ отлично ладили между собой, да и ради мальчика, покинутаго отцомъ. И вотъ, приходилось хоронить всѣ эти прекрасныя мечты, всю любовь и все счастье.

Самые черствые люди, твердо рѣшившіе не поддаваться грусти, которую навѣваютъ случайности жизни, не могутъ однако иногда устоять передъ неотразимой печалью, которую разливаетъ вокругъ себя смерть, и все къ ней относящееся, и во время этого унылаго шествія на кладбище къ эгоистической досадѣ Делемона, мало-по-малу присоединилось почти горестное волненіе. Онъ вспомнилъ о другихъ своихъ сестрахъ, о братьяхъ, объ умершихъ родителяхъ, о стволѣ и вѣтвяхъ стараго фамильнаго дерева. Однажды, эпидемія дифтерита въ двѣ недѣли унесла троихъ, какъ гроза ломаетъ вѣтки на пышномъ деревѣ. Потомъ Этьенъ, работавшій въ Монсо, задохнулся въ рудникѣ при взрывѣ газа. Лица ихъ представлялись Делемону въ какомъ-то туманѣ, какъ на выцвѣтшихъ старыхъ фотографіяхъ. А уцѣлѣвшіе Пьеръ, Жанъ, Марія, Варфоломей, Анжелика—гдѣ они теперь? Богъ вѣсть! Ему вспоминались отдѣльные эпизоды изъ ихъ общаго дѣтства. Онъ видѣлъ дѣтей съ запачканными мордочками, съ босыми ножками, съ

взъерошенными лохматыми головами; онъ какъ будто снова вдыхалъ въ себя тяжелый воздухъ комнаты, гдѣ они ютились всѣ, какъ котята въ корзинѣ. Онъ припомнилъ длинную немощеную улицу, извивающуюся къ фабрикѣ, ряды домиковъ, какъ двѣ капли воды похожихъ одинъ на другой—Сону, на берегу садики, кустъ крыжовника, о который онъ кололъ себѣ пальцы. Вдругъ сердце его сжалось: на этомъ сѣроватомъ фонѣ ярко выступилъ одинъ эпизодъ, трагическій въ своей простотѣ: однажды вечеромъ отецъ вбѣжалъ въ кухню, съ отчаяніемъ въ лицѣ, и, схватившись руками за голову, крикнулъ:—Пропала моя головушка! Не вижу я, не могу ковать звенья... Попалъ опять въ «старшіе подручные»... Пропащіе мы теперь люди!

Къ воспоминаніямъ примѣшивалось смутное раскаяніе: какъ легко онъ забылъ о своихъ, словно неблагодарный черенокъ, пересаженный на лучшую почву! Какъ скоро онъ съ легкимъ сердцемъ стряхнулъ съ себя долю общихъ заботъ. Какъ безжалостно онъ отвернулся отъ виноватой сестры!..—И вотъ, теперь она умерла и онъ больше никогда ея не увидитъ... Горечь этихъ позднихъ сожалѣній, никогда не посѣщавшихъ его, удивляла его самого, но онъ не далъ имъ времени вырости въ угрызенія совѣсти. Чего ради волноваться изъ за другихъ? Точно у каждаго нѣтъ своихъ заботъ и огорченій? Точно у него ихъ нѣтъ? Еще сколько! Была охота плакать о чужихъ горяхъ... Сколько трудовъ и усилій стоило поднять и поставить на ноги фабрику—вѣрнѣе создать ее заново, потому что она была совсѣмъ въ упадкѣ, когда онъ купилъ ее, почти безъ денегъ, и потомъ поддерживать ее! Сколько разъ онъ бывалъ на волоскѣ отъ банкротства! Тѣ, кто дивился результатамъ его усилій, не могли оцѣнить всего героизма этихъ усилій; для этого нужно было знать и его домашнія горести, всю жизнь давившія его и совсѣмъ бы измучившія, если бы любовь къ дѣлу не отодвигала на второй планъ всѣхъ другихъ заботъ: долгая болѣзнь жены, подруги трудныхъ дней, единственнаго существа, которое онъ когда-нибудь любилъ, медленно умиравшаго отъ жестокаго рака; потомъ ея смерть, его горе, одиночество, неурядица въ домѣ, непріятности съ нанятой имъ хозяйкой, дѣти безъ присмотра; потомъ второй бракъ, выручившій его въ трудную минуту, но зато навсегда поселившій подъ его кровомъ раздоры, ревность, недовѣріе, все, что отравляетъ семейную жизнь. Онъ имѣлъ даже больше того, о чемъ мечталъ въ юности: дѣло процвѣтало, состояніе росло съ каждымъ днемъ; съ богатствомъ пришелъ и почетъ, даже почести, о чемъ свидѣтельствовала красная ленточка въ петлицѣ; но побѣда не радовала его; заботъ и огорченій у него было пропасть, а дома ни отдыха, ни покоя. Пожалуй, если все взять въ расчетъ, покойница была счастливѣй его, съ своей беззаботностью, птичьимъ характеромъ и способностью вездѣ срывать удовольствіе. Недаромъ, когда заколачивали гробъ, толстуха консьержка причитала надъ нею:

— Ахъ, бѣдная женщина, много натерпѣлась она на своемъ вѣку! Но всегда была веселая. Бывало, говоритъ мнѣ: «Видите ли, мадамъ Дюранъ, въ жизни всегда все устраивается, иной разъ лучше, иной разъ хуже, а все-таки, въ концѣ концовъ все уладится. Такъ стоитъ ли волноваться и портить себѣ характеръ?» Оттого-то она никогда и не была несчастна, несмотря на все, что ей пришлось пережить... — Подумавъ немного, добрая женщина продолжала: — Впрочемъ, если бы она знала, что помретъ вотъ такъ въ одиночествѣ, а мальченка ее останется одинъ на свѣтѣ, тутъ бы и она призадумалась. Ужъ очень она любила своего мальченку, хоть и родила его какъ-то такъ, невзначай... Ахъ, ты, Господи, что же съ нимъ то бѣдняжкой станется?..

Онъ ли это, Альсидъ Делемонъ,—воскликнулъ въ отвѣтъ, словно желая оправдать легкомысліе покойницы:—Ребенку нечего бояться за будущее, я его беру къ себѣ! Это обязательство, взятое на себя подъ впечатлѣніемъ минуты, удивило и волновало его. Онъ внимательно приглядѣлся къ ребенку: — безцвѣтная рожица мальчишки изъ предмѣстья, веснушчатая, словно до времени поблекшая, узкій выпуклый лобъ, прямые волосы неопредѣленнаго цвѣта—скорѣй темнаго, приплюснутый носъ, поражавшій мягкостью своихъ очертаній въ сравненіи съ подбородкомъ—квадратнымъ, выступающимъ фамильнымъ подбородкомъ Делемоновъ, хрупкія плечи, ноги, какъ у кузнечика; въ общемъ, хилое маленькое созданьице, болѣзненное и замкнутое, какъ это часто бываетъ съ дѣтьми, которыхъ съ дѣтства давитъ чужая ноша, которыя рано начинаютъ прятаться и смутно бояться жизни, стараясь чтобы глаза ихъ не отражали ихъ мыслей.

Кто его знаетъ, какой онъ, этотъ дичекъ, выросшій безъ отца, какъ занесенное сѣмя, для того, чтобъ увѣковѣчить проступокъ матери! А между тѣмъ, нужно ввести его въ домъ, въ семью, объяснить откуда онъ взялся, разсказать кузинамъ исторію его матери, выносить презрительные взгляды жены... Такого рода заботы были всего тягостнѣе для фабриканта, потому что онѣ не входили въ кругъ его обычной дѣятельности.

Процессія шла теперь по дорожкѣ между могилами, потомъ остановилась. Когда гробъ опустили въ черную яму, Альсидъ потрепалъ по щекѣ ребенка. Священника не пригласили, такъ какъ покойная не ходила въ церковь, а консьержъ былъ свободомыслящій. Изъ ямы вытащили веревки, все было кончено, но приглашенные еще не расходились, словно чего-то ожидая. Подъ любопытными взглядами женщинъ консьержъ съ дѣловымъ видомъ подошелъ къ Делемону и освѣдомился: «А какъ же быть съ лавкой?».

Фабрикантъ при случаѣ умѣлъ разыграть добродушнаго, но для привратника онъ не счелъ нужнымъ трудиться и отвѣтилъ сухо, властнымъ тономъ, какимъ онъ говорилъ съ подчиненными: «Я займусь этимъ въ свое время». Консьержъ ожидалъ большей любезности;

оскорбленный въ своихъ понятіяхъ о равенствѣ, онъ отошелъ. Его смѣнилъ рабочій.

— А значится... ребенокъ... Съ нимъ что будетъ?

Отвѣтъ былъ также коротокъ и сухъ: «Я беру его съ собой.

— Дѣло въ томъ, что... можетъ, это стѣснитъ васъ, сударь... такъ я бы... мнѣ бы онъ не помѣшалъ...

Делемонъ съ минуту колебался. Какъ легко было бы, все уладить, принявъ это предложеніе! Но онъ угадывалъ отношенія этого человѣка къ покойницѣ, и ему, почтенному корректному буржуа было неловко.

Онъ быстро сообразилъ, какія неудобства, это можетъ повлечь за собою и отказалъ.—Спасибо! какъ ни какъ, онъ мой племянникъ; мнѣ надлежитъ заботиться о немъ.

Рабочій все не уходилъ, грустный и нерѣшительный, какъ будто подыскивая доводы въ защиту своего предложенія, но не найдя ихъ, тяжело вздохнулъ.—Да, оно, конечно... мнѣ онъ никакъ не приходится... Ну, что-жъ, прощай, малецъ.

Онъ наклонился надъ мальчикомъ, поцѣловалъ его въ лобъ и пошелъ догонять привратника. Ребенокъ проводилъ его долгимъ взглядомъ сожалѣнія, сдерживая рыданія, отъ которыхъ вздрагивало его худенькое тѣло. И вдругъ, испытывая непреодолимую потребность въ покровительствѣ и ласкѣ, схватилъ руку еще вчера чужого ему человѣка, который отнынѣ былъ его единственной опорой.

— Идемъ, мой мальчикъ,—сказалъ Делемонъ.—Кстати, какъ тебя зовутъ?

Тоненькій голосокъ пробормоталъ что-то невнятное. Делемонъ наклонился ниже:—Какъ?

Шопотъ повторился чуть-чуть явственнѣе.

— Валентиномъ?.. Да? Ага! Ну, такъ вотъ, Валентинъ, ты вѣдь согласенъ? ты вѣдь хочешь ѣхать со мной?

Мальчикъ слѣдилъ глазами за силуэтами консьержа и наборщика, удалявшимися внизъ по аллеѣ. Послѣдній обернулся и махнулъ ему мокрымъ платкомъ. Но Делемонъ хотѣлъ добиться отвѣта.—Ты понимаешь,—пояснилъ онъ,—вѣдь я твой дядя, братъ твоей матери.

Ребенокъ все молчалъ и крѣпче сжалъ сильную руку, въ которой лежала его ручонка.

— Ты не отвѣчаешь? Ужъ не боишься ли ты меня? Не бойся, я не людоѣдъ, я тебѣ хочу только добра. Ну говори же—хочешь ты ѣхать со мною? да?

Слезы опять полились изъ глазъ Валентина, безмолвныя, сдержанныя—слезы горя, которыя нѣтъ силъ скрыть, но которыя все же сдерживаютъ и прячутъ. Что было въ нихъ, — волненіе, страхъ, отчаяніе? Какъ знать! Взрослые люди не умѣютъ читать въ сердцахъ дѣтей; они забыли, изъ какихъ элементовъ складывается ихъ горе,

не умѣя понять и утѣшить, они только теряются и огорчаются сами. Взволнованный этими слезами, которыхъ онъ не могъ осушить, Делемонъ искалъ ласковыхъ словъ.

— Бѣдный мальчикъ! Бѣдняжка! Такъ она была очень добрая, твоя мама? Ты очень любилъ ее?

— О!!!

Этотъ крикъ вырвался съ такой потрясающей искренностью, что Делемонъ снова почувствовалъ себя виноватымъ. Можетъ быть, у Катерины въ самомъ дѣлѣ были такія хорошія качества, которыхъ и не подозрѣвали ея родные? Отчаяніе этого ребенка, горе наборщика, слова привратницы и то, что она все время съ достоинствомъ держалась вдали отъ родныхъ—все это шло въ разрѣзъ съ его предубѣжденіемъ по отношенію къ ней. Можетъ быть, и она, какъ многія другія, была лучше своей жизни. Можетъ быть, еслибъ больше жалости и меньше эгоизма... Онъ опять отогналъ эти докучливыя мысли.

— Бѣдный мальчикъ. Да, это несчастье... большое несчастье... Но что-жъ подѣлаешь? Ты видишь, тѣмъ болѣе тебѣ надо ѣхать со мной, разъ твоей мамы ужъ больше нѣтъ на свѣтѣ, разъ Боженька взялъ ее къ себѣ.

Эту фразу онъ выговорилъ не безъ труда: религіозные взгляды у Делемона были самые рудиментарные и не оказывали никакого вліянія на его жизнь. Они только дополняли его міровоззрѣніе, простое и практичное, гдѣ въ невидимомъ центрѣ всѣхъ вещей находился Богъ, какъ двигатель сложной машины, тайны механизма которой никому кромѣ него неизвѣстны. И въ эту минуту онъ счелъ полезнымъ упомянуть о Богѣ, чтобъ объяснить необъяснимое. Онъ не зналъ, что его слова вызвали долгую работу въ душѣ Валентина и приняли такой смыслъ, какого онъ вовсе не хотѣлъ имъ придать, поселили въ ней жестокую вражду къ невѣдомому существу, которое отнимаетъ мать у дѣтей.

— Куда же ты предпочелъ бы пойти? Къ этому доброму человѣку, который предлагалъ тебя взять? Но онъ тебѣ чужой и онъ самъ бѣднякъ... Что бы онъ могъ для тебя сдѣлать?.. Я другое дѣло. Во-первыхъ я твой дядя, ты понимаешь. И кромѣ того я могу тебя выучить прибыльному ремеслу, дать тебѣ хорошій примѣръ, словомъ все, что нужно, чтобы пробить себѣ дорогу въ жизни. У меня красивый домъ, большая фабрика—бутылочный заводъ, мальчуганъ!.. У тебя будетъ двоюродный братъ, кузины, ты не будешь чувствовать себя одинокимъ. Но вотъ видишь, такъ же лучше? да?

Ребенокъ лепеталъ:—«да, да»,—но слезы его все текли.

— Ну вотъ, въ добрый часъ, ты, я вижу, разсудительный... Мы еще сдѣлаемъ изъ тебя человѣка!

Экипажъ ждалъ у воротъ кладбища. Кучеръ Жеромъ, толстый, блестящій, въ золотыхъ пуговицахъ, стоявшій рядомъ съ лошадью,

вопросительно посмотрѣлъ на своего господина; тотъ далъ ему знакъ сѣсть на козлы, но въ это время Делемонъ замѣтилъ, что глаза Валентина, еще полные слезъ, остановились на тарелкѣ съ бріошами въ окнѣ сосѣдней булочной.

— Ты, можетъ быть, голоденъ?

Жалобный голосокъ отвѣтилъ:—Немножко.

— Что-жъ ты не скажешь? Ты ничего не ѣлъ сегодня утромъ, нѣтъ? Ну идемъ-же!

Онъ повелъ его въ одинъ изъ ресторановъ напротивъ кладбища, велѣлъ подать яйца, ветчину, вино. Валентинъ, ослабѣвшій отъ голода, ѣлъ все, что подавали; слезы его высохли, онъ повеселѣлъ, а дядя говорилъ, глядя на него:

— Ну что, теперь полегче стало? Вотъ и хорошо. Ты быстро ѣшь—это добрый знакъ. Я, знаешь, не люблю, когда копаются; все надо дѣлать живо. Просто обидно, когда по пустякамъ тратятъ время. Вѣдь время—деньги, его всегда не хватаетъ. И отчего это въ суткахъ только двадцать четыре часа? Даже обидно, честное слово! Въ ресторанъ неожиданно ворвались Романеши: мужъ въ черномъ сюртукѣ, съ разсчитаннымъ выраженіемъ своего изсѣра-блѣднаго личика и разсчитанными движеніями, которыя должны были въ точности соотвѣтствовать степени его огорченія; жена—плачущая, съ взволнованнымъ измятымъ лицомъ. Она порывисто обняла племянника, восклицая сквозь слезы:

— Это ты? Въ самомъ дѣлѣ?.. сынъ Катерины—моей сестры... моей бѣдной сестры?.. Возможно ли! Ахъ ты, бѣдняжка мой! Скажи мнѣ, Альсидъ, отчего она умерла? Она много страдала? Бѣдная, бѣдная сестра!..

При видѣ слезъ ребенокъ опять заплакалъ, сконфуженный тѣмъ, что его застали за ѣдой въ такую минуту. Романешъ стоялъ, держа платокъ въ одной рукѣ, обтянутой черной перчаткой, и шляпу въ другой, знаками показывая шурину, что онъ не одобряетъ этихъ проявленій чувствительности, не соотвѣтствующей обстоятельствамъ. Клара никогда не думала о сестрѣ, никогда не искала видѣть ее при жизни, а теперь сокрушается, что она умерла. Его, всегда хвастывшагося своею логичностью, поражала человѣческая непослѣдовательность. Онъ вполголоса объяснялъ Делемону, что они опоздали не по своей винѣ, что они вышли тотчасъ же, какъ получили телеграмму, и не рѣшились взять съ собой сыновей, не имѣвшихъ понятія о существованіи этой тетки.

— У меня не было времени объяснить имъ это анормальное положеніе... Не знаю, какъ вы устроитесь со своими дочерьми; ваше положеніе еще щекотливѣе. Я хочу все сказать своимъ мальчикамъ, иначе они получатъ ложное представленіе о фактѣ, а я ихъ научу судить о немъ здраво и трезво. Наука жизни, какъ и прочія науки, требуютъ хорошей методы, которой никогда нельзя пріобрѣсти слишкомъ рано.

Делемонъ разсказалъ, что зналъ о Катеринѣ. Романешъ слушалъ и лицо его омрачилось; онъ тревожно поглядывалъ на Валентина. Но одна фраза успокоила его.

— Что касается ребенка, я беру его на себя.

— Да, вотъ это хорошо, это великодушно. Да, вы это можете, мой дорогой, ваше положеніе позволяетъ вамъ...—Въ его голосѣ уже звучала нотка горечи.—Я даже скажу, что оно обязываетъ васъ.

Потомъ онъ обернулся къ мальчику, котораго ласкала его жена, красивымъ, покровительственнымъ жестомъ положилъ руку ему на голову и произнесъ маленькую рѣчь, полную добрыхъ совѣтовъ. И ребенокъ дивился этой незнакомой дотолѣ семьѣ, неожиданно вышедшей изъ могилы, гдѣ спала его мать.

II.

Альсидъ Делемонъ умѣлъ извлекать пользу изо всего. Каждый разъ, при видѣ новаго предмета, или новаго человѣка, онъ уже спрашивалъ себя: «на что онъ можетъ пригодиться»? подразумѣвая исключительно интересы своего дѣла и своего завода. И, если оказывалось, что предметъ или человѣкъ «пригодиться» не могъ, Делемонъ переставалъ интересоваться имъ. Поэтому отношенія у него были только дѣловыя, съ поставщиками и кліентами, а друзей никогда не бывало. Онъ никогда не испытывалъ потребности поговорить о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ своего завода, и всѣ свои чувства, вплоть до семейныхъ привязанностей, подчинялъ интересамъ. Несмотря на то, что первая жена его была слабаго сложенія и на свою искреннюю привязанность къ ней, онъ утилизировалъ ее, какъ и другихъ, не боясь утомить ее мелкими работами, которыя онъ прибавлялъ къ хлопотамъ по хозяйству. Эта утомительная и однообразная жизнь скоро подорвала ея силы, и она угасла, но не страдая, такъ какъ была изъ тѣхъ пассивныхъ личностей, которыя всегда умѣютъ сообразовать свои желанія со своими рессурсами.

У Делемоновъ родилось двѣ дочери, Алиса и Эстелла. Отецъ не радовался ихъ рожденію, такъ какъ пользы отъ нихъ быть не могло,—напротивъ, лишніе расходы на туалетъ и воспитаніе,—но потомъ привыкъ и полюбилъ ихъ по своему. Зато на сынѣ, маленькомъ Бернарѣ, рожденіе котораго наполнило радостью его сердце, онъ сосредоточилъ всѣ свои честолюбивыя мечты.—«Онъ будетъ знать все, чему я не могъ научиться, и что мнѣ было бы такъ полезно знать... будетъ заводчикомъ въ новомъ стилѣ, съ образованіемъ, воспитаніемъ, съ хорошими манерами. Ростъ соціальной борьбы и конкуренціи готовитъ трудные дни промышленникамъ—ничего, онъ будетъ вооруженъ для борьбы онъ выйдетъ изъ нея побѣдителемъ, какъ я»!..

Заводъ онъ пріобрѣлъ за безцѣнокъ, благодаря случайному выигрышу въ лотерею 60.000 фр., въ то время, когда самъ онъ еще служилъ «поддувалой» на стеклянномъ заводѣ на окраинѣ города, зарабатывая до 12 франковъ въ день. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ дѣлалъ чудеса, стараясь поднять и поставить на ноги дѣло, но все же чуть не обанкротился и въ эту трудную минуту, по совѣту зятя, женился на Алинѣ Лантенэ.

Единственная дочь профессора философіи, рано овдовѣвшаго и оставившаго ее сиротой въ семнадцать лѣтъ, она лучшіе годы провела въ домѣ дяди—рантье, который взялъ ее къ себѣ, тиранилъ и, умирая, завѣщалъ ей часть своего огромнаго состоянія. Освободившись отъ гнета, висѣвшаго надъ ней цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ, она не знала, что дѣлать съ своей независимостью. Робкая, невзрачная, некрасивая, съ огромной, поросшей рыжими волосками родинкой посрединѣ лѣвой щеки, съ большой наклонностью къ полнотѣ, она подъ этой неблагодарной внѣшностью таила довольно нелѣпыя романическія мечты, которыя были ей и не къ лицу, и не по лѣтамъ. Это было какое-то недоконченное существо. Въ ранней юности чтеніе подъ руководствомъ отца развило въ ней наклонность къ умственной жизни, но обстоятельства сложились иначе и, жалѣя о прошломъ, она не имѣла силы вернуться къ нему. Она только перечитывала безъ конца уцѣлѣвшія страницы объемистаго «Опыта новой философской системы основанной на разумѣ», надъ которымъ Лантенэ работалъ всю свою жизнь и умеръ, не докончивъ его; и въ ея неразвитомъ умѣ смутно шевелились какія-то идеи, борясь съ тревогами, предчувствіями, болѣзненными страхами. Одиночество пугало ее. Первая партія, которая ей представилась, былъ Делемонъ, и она согласилась, боясь не найти другой, въ надеждѣ отдать его осиротѣвшимъ дѣтямъ весь запасъ нѣжности, накопившейся въ ея душѣ. Но роль мачихи всегда трудна;—Алинѣ она оказалась совсѣмъ не по плечу. Молодыя дѣвушки отнеслись скорѣе съ симпатіей къ новой мамѣ, избавившей ихъ отъ тираніи экономки; но она требовала бо́льшаго, привязанности, которая приходитъ не сразу, обижалась естественной сдержанностью, была то слишкомъ строга, то слишкомъ снисходительна, и не сумѣла заставить себя полюбить. Одна Алиса, съ ея тонкимъ чутьемъ, угадала, что подъ безтактностями мачихи кроются добрыя намѣренія и не слѣдуетъ третировать ее, какъ врага. Бернару, вообще справедливому, она внушала только непобѣдимую антипатію, и сама его терпѣть не могла. Послѣ рожденія дочери, не доставившаго удовольствія отцу, она стала недовѣрчива, подозрительна, ревниво оберегая интересы своего ребенка; и ея жалобы, воркотня, упреки и вѣчно сдерживаемая досада сдѣлали совсѣмъ ужъ непривѣтливымъ домашній очагъ, въ которомъ и безъ того недоставало уюта и тепла. Это, конечно, не могло привязать къ ней мужа, слишкомъ хорошо помнившаго кротость первой жены.

Такія обстоятельства не могли, конечно, развить и чувствительность Альсида Делемона. Тѣмъ не менѣе, когда онъ уже въ экипажѣ хорошенько пригляделся къ Валентину, ему стало жаль ребенка. Это былъ несомнѣнно болѣзненный, тщедушный мальчикъ съ впалой грудью; покраснѣвшіе отъ слезъ глаза придавали ему еще болѣе жалкій видъ. Чтобы не дать себѣ растрогаться, Делемонъ началъ разспрашивать его:

— Который тебѣ годъ?

Мальчикъ испуганно поднялъ на него глаза и прошепталъ:

— Тринадцать лѣтъ, сударь.

— Тринадцать лѣтъ!—На видъ ему нельзя было дать одиннадцать.

— Зови меня дядей... Тринадцать лѣтъ? Ты увѣренъ въ этомъ, да? Гм... Ты часто хвораешь? Что ты дѣлалъ, когда жилъ у матери?

— Я ходилъ въ школу.

— А, ты ходилъ въ школу? И что-жъ, тебѣ нравилось ходить въ школу? Ты любишь учиться?

— О, да.

— Ты, можетъ быть, много учился? оттого ты и дохлый такой?

Мальчикъ, съежившись въ уголкѣ, выпрямился, стараясь сдѣлать грудь колесомъ.

— Я здоровъ. И довольно силенъ.

— Неужели?

— Я гораздо сильнѣе, чѣмъ кажется.—Онъ сжалъ кулаки, напрягая изо всей силы мышцы.—Я помогалъ мамѣ, и не только въ лавочкѣ: я носилъ воду. Ведро было тяжелое. Но я никогда не жаловался—и не горбился.

Делемонъ съ улыбкой потрепалъ его по щекѣ.

— Во всякомъ случаѣ, у тебя есть мужество, это хорошо! Когда человѣкъ слабъ, онъ всегда долженъ дѣлать видъ, что онъ силенъ. Помолчавъ, онъ прибавилъ:—У меня, ты знаешь, заводъ, большой заводъ... Тамъ дѣлаютъ бутылки... Тамъ всѣ работаютъ, и здорово!—Это нужно, чтобы успѣть въ жизни... и зарабатывать деньги.

Онъ смотрѣлъ, какое впечатлѣніе произведетъ это магическое слово *деньги* на его спутника; но на лицѣ ребенка не выразилось ничего, словно съ нимъ говорили на чужомъ языкѣ. Делемонъ пояснилъ еще разъ съ широкимъ жестомъ правой руки, какъ бы разрѣзавшимъ воздухъ:—Да, въ жизни можно выбиться на дорогу только трудомъ.

Валентинъ ничего не отвѣтилъ. Делемонъ не настаивалъ и снова погрузился въ свои мысли. Теперь онъ думалъ уже не о прошломъ, а о будущемъ. У него зародилась мысль помѣстить Валентина на фабрику. Своего сына онъ воспитывалъ по барски: отдалъ его въ центральную школу, потомъ пошлетъ путешествовать; онъ хотѣлъ сдѣлать изъ него новый типъ промышленника, знающаго все, что нужно знать, но не прошедшаго суровой школы рабочаго. И тѣмъ не менѣе, онъ не совсѣмъ довѣрялъ такой системѣ воспитанія, въ осо-

бенности, когда думалъ о конфликтахъ, такъ часто возникающихъ между хозяевами и рабочими. Онъ былъ увѣренъ, что хорошо знать рабочихъ, умѣть обращаться съ ними, умѣть при случаѣ прижать ихъ или улестить можетъ только тотъ, кто самъ былъ рабочимъ. Что если между Бернаромъ, буржуа второй формаціи, уже смягченнымъ ученіемъ и легкой жизнью, и его рабочими, аппетиты которыхъ все возростаютъ, поставить Валентина, выросшаго на фабрикѣ, которая стала ему родной, дослужившагося до надсмотрщика, быть можетъ, даже до вице-директора, и отстаивающаго интересы патрона?.. Онъ уже мечталъ о томъ, какъ Валентинъ привяжется къ дядѣ, къ этому доброму дядѣ, который такъ великодушно принялъ его въ свой домъ, забывъ о грѣхѣ матери—къ кузену Бернару, на котораго онъ будетъ смотрѣть, какъ на существо высшаго разряда—въ особенности же къ заводу. Развѣ можно жить на заводѣ и не полюбить его!.. Рабочій стараго закала, любящій дѣло, вѣрный хозяину, онъ будетъ беречь, какъ свое, имущество семьи, которой онъ столькимъ обязанъ, подавать благотворный примѣръ товарищамъ... Но тутъ мысли Делемона круто повернули въ другую сторону.—Однако, прежде надо ввести его въ домъ, показать дочерямъ, женѣ... Она опять надуется и будетъ молчать двѣ недѣли.

Вдали уже виднѣлись двѣ высокихъ трубы, осыпанныхъ сажей, изъ которыхъ шелъ черный дымъ, и сѣрое зданіе съ черепичной крышей. Делемонъ снова широкимъ жестомъ правой руки указалъ на нихъ:—Смотри! Это заводъ.

Мальчикъ вздрогнулъ, оторванный отъ дорогихъ образовъ прошлаго, и поднялъ глаза. Но взоръ его остановился не на трубахъ, не на сѣрыхъ постройкахъ и даже не на бѣломъ домѣ съ зелеными ставнями у рѣки, а на пейзажѣ, совершенно новомъ для него, выросшаго въ предмѣстьѣ. Онъ привыкъ видѣть тощіе каштаны на тротуарахъ, скучную анфиладу улицъ, однообразіе которой лишь изрѣдка нарушалось выгорѣвшей отъ солнца зеленью крѣпостныхъ валовъ; а тутъ передъ нимъ сразу раскинулись оба рукава Сены, искрящейся въ лучахъ солнца, густолиственныя деревья на берегу, а тамъ дальше на горизонтѣ—луга, мосты, віадуки, всюду зелень и тѣнь, тайна небесъ и простора. Онъ раскрылъ ротъ отъ удивленія и воскликнулъ:—О, какъ это красиво!

Делемонъ вообразилъ, что онъ ослѣпленъ грандіозностью заводскихъ построекъ, грандіозностью его завода.—Не правда-ли? А что ты скажешь, когда побываешь внутри, когда увидишь горны, рабочихъ, машины, мастерскія! Ты только подумай: вѣдь заводъ даетъ работу четыремъ стамъ человѣкъ; это годовой оборотъ въ шестьсотъ тысячъ франковъ!.. Тебѣ, навѣрно, это даже въ голову не приходило, а?

Самъ онъ и не подозрѣвалъ, что вокругъ этихъ трубъ, крышъ и

каменныхъ стѣнъ была красота природы, прохлада лѣсовъ, улыбки воды и неба,—вся эта роскошь, чары которой были невластны надъ нимъ, и которые Валентинъ почувствовалъ сразу. Положивъ руку на плечо восхищеннаго мальчика, не замѣчая недоразумѣнія, онъ продолжалъ:—Я очень радъ, что тебѣ сразу понравилось; я вижу изъ тебя выйдетъ толкъ. Въ твои годы я уже работалъ на шалонскомъ стекляннomъ заводѣ вмѣстѣ съ отцомъ. Отецъ мой былъ отличнымъ поддувалой, онъ прямо славился этимъ. Онъ ужъ много лѣтъ служилъ на этомъ заводѣ, и я любилъ его, какъ свой собственный... Горны, отдушины, формы, товарищей—все любилъ! страсть любилъ смотрѣть, какъ работаютъ, и самъ любилъ работать... Видишь ли, любовь къ работѣ это великое дѣло! Я говорилъ себѣ: когда нибудь и у меня будетъ заводъ и рабочіе, и я буду хозяиномъ!.. Да я еще, когда подъ столъ пѣшкомъ ходилъ, думалъ объ этомъ. И вотъ видишь, добился! Работай, какъ я работалъ, и ты добьешься...

Валентинъ не слушалъ: глаза его были полны зелени, свѣта, отблесковъ. Ему казалось, что его перенесли вдругъ куда то далеко, въ сказочную страну, въ царство грезъ. Онъ забылъ и свое горе, и робость, и страхъ; измѣнившимся голосомъ, вздрагивавшимъ отъ любопытства, онъ вдругъ спросилъ:—Эта большая рѣка... это Сена?

— А ты что жъ думалъ, Миссисипи что-ли?..—Это очень удобно, что она тутъ подъ рукою: мы сплавляемъ по ней товаръ. Желѣзнодорожные тарифы такъ высоки, что и не подступиться, ну а съ Сеной еще кой-какъ можно жить.—И потомъ, она даромъ доставляетъ песокъ—все выгода!..

— А вонъ тѣ горы?

— Это не горы,—лѣса... Медонскіе, Севрскіе... ну, отъ нихъ толку мало: лѣнивцы ходятъ гулять туда по воскресеньямъ, только и всего!—Онъ опять вернулся къ своему коньку:—Вонъ это большое зданіе, позади завода, это рабочій городокъ... Моя идея! *Имъ* тамъ очень хорошо, ты увидишь... Воздухъ, видъ, просторъ,—какого еще рожна!.. Это *имъ* не мѣшаетъ, конечно, жаловаться и слушать всякихъ шарлатановъ, которые жирѣютъ на агитаціи... Этихъ молодчиковъ ничѣмъ не удовлетворишь.

Экипажъ повернулъ, въѣхалъ въ большія ворота, проѣхалъ черезъ дворъ, оставивъ по лѣвую руку заводъ, и остановился передъ крыльцомъ бѣлаго дома. Какъ разъ въ эту минуту на крыльцо вышла мадамъ Делемонъ, въ городскомъ туалетѣ; она собиралась дѣлать визиты. Рядомъ съ нею безобразный бульдогъ, съ могучею грудью, морда вся въ складкахъ, съ обвисшими щеками.

— Смотри, будь повѣжливѣе съ моею женой, мальчуганъ,—шепнулъ Делемонъ,—она очень слѣдитъ за манерами... Сними же шляпу!

Бульдогъ, шевеля обрубкомъ хвоста, пошелъ навстрѣчу своему хозяину. Госпожа Делемонъ застегивала перчатки.

— Надо, однако, предупредить ее,—сказалъ Делемонъ.—Погоди немного, мальчикъ, постой здѣсь, я поговорю съ ней.

Онъ взошелъ на крыльцо, оттолкнулъ собаку, ласкавшуюся къ нему, и объяснилъ женѣ:—Это племянникъ, мой родной племянникъ... У него умерла мать, моя сестра... Скоропостижно... Я взялъ его къ себѣ... Мы увидимъ, что изъ него можно сдѣлать.

Онъ говорилъ коротко, отрывисто, точно бранился. Невзрачное лицо госпожи Делемонъ, очень бѣлое подъ черной вуалеткой, выразило удивленіе и нѣкоторое любопытство.

— Племянникъ?—Сестра?.. Въ Парижѣ?.. Вы никогда не говорили мнѣ о ней!

— Я самъ давно потерялъ ее изъ виду.

Рѣзкая сухость отвѣта не удержала госпожу Делемонъ отъ дальнѣйшихъ разспросовъ.

— У нея остался мужъ? другія дѣти?..

— Одинъ этотъ мальчикъ.

— Какъ его зовутъ?

— Валентинъ.

— Валентинъ—а дальше?

— Делемонъ, какъ и я.

— Значитъ, ваша сестра была замужемъ за родственникомъ?

Онъ помедлилъ минуту, потомъ, чувствуя невозможность скрыть истину, отрубилъ напрямикъ:—Нѣтъ, это незаконный сынъ.

— А! Тогда я понимаю... Понимаю.

Крикъ испуга помѣшалъ госпожѣ Делемонъ пояснить, что она понимаетъ. Бульдогъ давно уже кружилъ около Валентина, глядя на него своими кровью налитыми, глазами, ворча и скаля зубы. Мальчикъ, сначала оцѣпенѣвшій отъ испуга, хотѣлъ убѣжать, и злое животное бросилось на него.

— Ісі, Стебъ,—крикнулъ Делемонъ, грозя палкой. Собака неохотно отошла, сопя, ворча и распуская слюну.

— Couche, на мѣсто!

Делемонъ посадилъ ее на цѣпь и взялъ за руку Валентина, дрожавшаго всѣмъ тѣломъ, успокаивая его:—Стебъ сторожъ, ты понимаешь, это его ремесло. Онъ еще не знаетъ тебя. Потомъ вы съ нимъ подружитесь. Это хорошій песъ, очень преданный. Но только онъ не любитъ плохо одѣтыхъ людей, и мнѣ уже не разъ приходилось платить за порванные штаны; но это ничего, намъ такого и надо.

Это вышло кстати. Госпожа Делемонъ, въ сущности, была добрая женщина; но она прятала свою доброту, такъ какъ дурное отношеніе мужа вынуждало ее всегда держаться на оборонительной позиціи. Неожиданное появленіе этого племянника какого-то подозрительнаго происхожденія, сразу настроило ее враждебно, но когда Стебъ кинулся на него, ей стало жаль ребенка, и она почти ласково сказала ему

— Мнѣ нужно въ городъ за покупками, я сейчасъ вернусь.—Вы скажете вашимъ дочерямъ, что найдете нужнымъ,—понизивъ голосъ прибавила она, глядя на мужа. — Это ужъ вы, пожалуйста, возьмите на себя.

— Какъ вамъ угодно. Идемъ, Валентинъ.

Но къ нему уже бѣжалъ, махая рукой его помощникъ, Сутръ. Пришлось остановиться еще разъ.

— Одну минуту, мальчуганъ! Подожди здѣсь!

Сутръ былъ колоссъ, съ мускулами атлета, съ головой гладіатора, съ низкимъ лбомъ и грубыми чертами лица. Грубость ихъ смягчалась добродушнымъ выраженіемъ глазъ. Съ перваго взгляда онъ казался однимъ изъ тѣхъ людей, которые съ необычайной энергіей удовлетворяютъ всѣ свои вожделѣнія, потомъ вы начинали угадывать, что въ этомъ огромномъ тѣлѣ доброта способна исправлять ошибки силы; но ума, во всякомъ случаѣ, не чувствовалось. Сутръ уже нѣсколько лѣтъ пользовался полнымъ довѣріемъ Делемона, который прочилъ за него свою старшую дочь. Это онъ велъ переговоры съ рабочими и воображалъ, что пользуется авторитетомъ. Чтобы поддержать этотъ авторитетъ, онъ къ произволу присоединялъ фамильярность, кричалъ о своей любви къ рабочимъ, о своей преданности ихъ интересамъ—его ограниченный умъ не шелъ дальше дипломатіи кажущихся уступокъ и пустыхъ обѣщаній. На самомъ дѣлѣ его вспыльчивость, противорѣчія, вспышки гнѣва въ перемѣшку съ благодушіемъ и мелкія хитрости, шитыя бѣлыми нитками, сѣяли злобу, обиду, ненависть, но онъ и не подозрѣвалъ объ этомъ.

Онъ посмотрѣлъ на Валентина сверху внизъ, какъ великанъ на муравья, смѣрилъ его съ ногъ до головы опытнымъ взоромъ и спросилъ высокимъ тонкимъ фальцетомъ, представлявшимъ такой забавный контрастъ съ его богатырскимъ тѣлосложеніемъ: — Это вы носильщика привезли, господинъ Делемонъ?

— Нѣтъ, я вамъ послѣ объясню.

— Жаль, онъ былъ бы не лишній. Четверо изъ нашихъ маленькихъ итальянцевъ опять захворали и некѣмъ ихъ замѣнить.

— Телефонируйте въ Бюро.

— Я уже справлялся—ни одного свободнаго мальчугана. Можно подумать, что они нарочно это дѣлаютъ.

— Шепните Готто, онъ вамъ приведетъ.

— Да и этихъ онъ привелъ, но онъ ихъ доставляетъ въ такомъ состояніи, такъ плохо ихъ кормитъ, что черезъ недѣлю они въ лежку лежатъ.

Глаза его блеснули негодованіемъ. — Это прямо варварство, такъ обращаться съ дѣтьми! Не говоря уже о томъ, что для насъ это совсѣмъ неудобно, такъ какъ они скоро оказываются не въ состояніи работать, и намъ приходится замѣнять ихъ другими...

Делемонъ начиналъ терять терпѣніе: — Чего же вы отъ меня-то хотите? устраивайтесь какъ знаете! Только чтобы работа не стояла! Мы еще поговоримъ объ этомъ. Мнѣ надо сначала покончить другое... Это племянникъ, Сутръ—я вамъ потомъ разскажу. Ну, пойдемъ мальчуганъ, я тебя познакомлю съ твоими кузинами.

III.

Они шли прямо въ гостиную, откуда неслись звуки фортепьяно. Тамъ были обѣ молодыя дѣвушки и маленькая Дотти, игравшая экзерсисы. Алиса сидѣла возлѣ нея и слѣдила за ея игрой; лицо ея, съ удлиненнымъ оваломъ, казавшееся смуглымъ въ тѣни, хранило обычное сдержанное выраженіе внимательнаго доброжелательства.

Эстелла читала, сидя въ оконной нишѣ. Она была красивѣй сестры, тоненькая, изящная, съ прекраснымъ цвѣтомъ лица, съ роскошными бѣлокурыми волосами, которые она причесывала à la grecque, открывая прелестную шейку. Но въ ея красивомъ лицѣ было что-то мрачное, тревожное; въ глубинѣ сѣрыхъ съ золотыми искорками глазъ, мелькали почти трагическіе отблески; въ юныхъ чертахъ чувствовалось какое-то напряженіе, словно отъ интенсивной работы мысли; красивыя губы складывались въ горькую складку, отнюдь не внушавшую симпатіи. Она казалась погруженной въ чтеніе, но при этомъ не упускала изъ виду ничего изъ того, что творилось вокругъ; нога ея машинально отбивала тактъ музыки и при каждой фальшивой нотѣ она хмурила брови.

Гостиная была очень простая, меблированная въ стилѣ плохого подражанія Луи XV, что было въ модѣ среди мелкой буржуазіи временъ второй Имперіи: диванъ, кресла и стулья съ медальонами, крытыя алымъ бархатомъ, небольшой квадратный коврикъ, золоченая бронза на каминѣ, на стѣнахъ четыре литографіи съ картинъ Ораса Вернэ. Въ общемъ выглядѣло не бѣдно, но неуютно, неизящно и безвкусно. Самъ Делемонъ и не нуждался никогда въ уютѣ. Онъ жилъ въ своей конторѣ, среди трехъ камышевыхъ стульевъ, папокъ, выставочныхъ дипломовъ въ черныхъ рамкахъ и образчиковъ разноцвѣтнаго стекла, служившихъ ему вмѣсто пресс-папье, — и не понималъ, чего еще нужно его семьѣ. На всѣ просьбы дочерей и второй жены перемѣнить обстановку, онъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ—и разбитое фортепьяно издавало деревянный звукъ, изъ креселъ лѣзъ наружу волосъ, коверъ протерся до нитокъ. Съ второй женой у него выходило изъ-за этого много ссоръ. Когда же она напоминала, что ея капиталъ вложенъ въ дѣло, онъ сердился, выходилъ изъ себя, кричалъ, что деньги ея не пропадутъ, что они приносятъ бо́льшій процентъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было,—не лучше ли это, чѣмъ

сорить ими на мебель, которая ломается, и посуду, которая можетъ разбиться? Жена обижалась, подолгу дулась, потомъ начинала опять приставать къ нему и опять получала грубый рѣзкій отпоръ, отъ котораго долго страдала молча. Въ этомъ домѣ богачей атмосфера были тяжелая, съ первой минуты, какъ тяжелый запахъ, стѣснявшая вамъ дыханіе.

При стукѣ отворившейся двери Дотти бросила играть и сконфузилась—она пугалась всякой неожиданности; Эстелла положила книгу; Алиса повернулась лицомъ къ входящимъ. Всѣ три удивились, увидавъ рядомъ съ отцомъ незнакомаго мальчика, который мялъ шляпу въ рукахъ и горбился, чтобы казаться еще меньше.

— Это кузенъ, — торопливо пояснилъ Делемонъ. — У него умерла мать — ваша тетка, которой вы не знали. Я привелъ его къ вамъ.— Онъ подтолкнулъ мальчика впередъ.—Въ большихъ семьяхъ это часто бываетъ. Разбредутся въ разныя стороны и живутъ каждый своей жизнью...—Онъ самъ чувствовалъ неудовлетворительность такого объясненія и спѣшилъ предупредить разспросы:—Мнѣ дали знать слишкомъ поздно. Да и сестра скончалась скоропостижно... Онъ страшно усталъ, бѣдняжка. Я потомъ разскажу вамъ его исторію.

Эстелла подошла ближе, взволнованная этой неожиданностью, скрывавшей какую-то тайну, готовая дать волю сердцу и воображенію. Но Делемонъ, не глядя на нее, толкнулъ ребенка къ старшей дочери, хотя и болѣе сдержанной, какъ бы выжидающей.

— Смотри, какъ онъ напуганъ, Алиса. Ты постараешься приручить его, не правда ли?

Молодая дѣвушка взяла мальчика за руки.—А... его отецъ?

Делемонъ уже съ порога откликнулся:—У него нѣтъ ни отца, ни матери.—И поспѣшилъ ретироваться.

Доротея, пользуясь удобнымъ предлогомъ, выскользнула въ дверь вслѣдъ за нимъ. Эстелла смотрѣла на Валентина, и ей страшно хотѣлось тоже приласкать его, утѣшить, первой увидѣть, какъ онъ улыбнется. Она положила руку ему на плечо, какъ бы призывая его. Мальчикъ обернулся, посмотрѣлъ на нее, и тотчасъ-же, словно испугавшись, или же не довѣряя ей, крѣпче прижался къ Алисѣ.—Всегда такъ! Старшая сестра привлекала всѣ симпатіи, всѣ привязанности!.. Глаза Эстеллы потемнѣли; выраженіе лица стало жесткимъ, губы сложились въ горькую складку. Она сразу преобразилась, сдѣлалась злой и жестокой; нахлынувшее чувство обиды заглушило добрый порывъ. Не понижая голоса, она рѣзко спросила:

— Что же папаша хочетъ, чтобы мы съ нимъ дѣлали?

Валентинъ услыхалъ—испуганно воззрился на нее, покраснѣлъ до ушей и закрылъ рукою глаза. Ему было страшно и стыдно, хотѣлось провалиться сквозь землю, хотѣлось убѣжать въ поле, въ лѣсъ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то обнялъ его, и нѣжный голосъ прошепталъ ему на ухо:—Бѣдный мальчикъ!

Это Алиса пожалѣла его, задѣтая несправедливостью сестры. Добрая улыбка освѣтила ея серьезное лицо, слишкомъ серьезное, слишкомъ правильное для того, чтобы казаться красивымъ, и рѣдко нравившееся съ перваго взгляда. Она нагнулась и погладила его по головѣ, повторяя:—Бѣдняжка... Почему ты закрываешься?.. Ты боишься насъ? Почему?.. Ты нашъ кузенъ, ты сирота—у насъ тоже нѣтъ матери... Хочешь, я попробую немножко замѣнить тебѣ твою маму?—О, конечно, я не могу замѣнить ее вполнѣ! Но я буду очень любить тебя... Ты увидишь, мы всѣ тебя будемъ любить!.. И Бернаръ тоже—мой братъ, славный мальчикъ,—онъ теперь въ лицеѣ... Ты увидишь!..

Въ ея голосѣ было столько материнской, убаюкивающей нѣжности. И еще другое чувство, которое угадать онъ не могъ, но которое чувствовалъ въ тепломъ прикосновеніи рукъ, лежавшихъ на его плечахъ, въ добромъ участливомъ взглядѣ; сознаніе несправедливости судьбы, острая жалость къ умершей, невѣдомой и такой близкой, покинутой родными—за что?.. Покоренный этимъ голосомъ, Валентинъ забылъ страхъ и, не противясь болѣе, въ порывѣ довѣрія обнялъ Алису и прижался къ ея груди, отдыхая отъ пережитой бури. Эстелла слѣдила за этой сценой съ нехорошей иронической усмѣшкой. Она тоже думала о покойницѣ и уже сочинила весьма сложный романъ. Этотъ застѣнчивый худенькій мальчикъ подстрекалъ ея любопытство. Онъ легко могъ-бы завоевать и ея симпатіи,—но почему онъ, какъ и всѣ другіе, предпочелъ Алису?

— Ты, кажется, воображаешь, что тебѣ подарили куклу?—процѣдила она, обращаясь къ сестрѣ.

Но они не слышали. Алиса продолжала ласкать ребенка, стараясь приручить его, вполголоса говоря ему ласковыя слова:—Ну, что, милый? теперь ты уже не боишься? Ну, вотъ и хорошо!—Ты видишь, мы не кусаемся... Мы сдѣлаемъ для тебя все, что можемъ!

Онъ принималъ ея ласки и отвѣчалъ на нихъ, какъ маленькое животное, которое радо успокоиться и пригрѣться.

— Ты намъ разскажешь о твоей мамѣ—мы вѣдь не знали ея. Кстати, скажи мнѣ твое имя.

Онъ, улыбаясь, назвалъ себя.—Валентинъ.

— Какое красивое имя! Валентинъ! Что-же, Валентинъ, хочешь остаться у насъ?

Онъ поднялъ на кузину блестящіе глаза, уже радостные—въ этомъ возрастѣ горе не помнится долго—и воскликнулъ:

— О, да!.. навсегда!

Эта маленькая сценка могла растрогать, но Эстеллу она раздражала. Молодая дѣвушка вернулась на прежнее мѣсто въ нишѣ, взяла книгу, но не раскрывала ея, а смотрѣла въ окно, на дворъ, гдѣ отецъ ея разговаривалъ съ Сутромъ. Когда оба ушли, она глубоко вздохнула, снова встала и подошла къ группѣ.

— Насколько я могла понять, твоя мама умерла, не правда-ли?

— Да, мама.

— А отецъ твой? Онъ тоже умеръ? Когда? Отчего ты не отвѣчаешь?

— Я... я... не знаю...

— Не знаешь?.. Какъ не знаешь! Развѣ ты не помнишь его? Развѣ твоя мама никогда не разсказывала тебѣ о немъ?

Алиса, встревоженная, пыталась защитить его.

— Смотри, какъ онъ усталъ, Эстелла... Послѣ столькихъ волненій! Потомъ онъ намъ все разскажетъ.

Эстелла пожала плечами.—Что-же тутъ удивительнаго? Я спрашиваю его о такихъ простыхъ вещахъ!—Надо же знать!—И она продолжала, еще настойчивѣй:

— Чѣмъ же онъ занимался, твой отецъ? Ты и этого не знаешь?.. Ты никогда не видалъ его?—никогда?.. Даже когда ты былъ совсѣмъ маленькимъ?..

У Валентина, можетъ быть, и были смутныя воспоминанія, но онъ не находилъ словъ, чтобы формулировать ихъ, въ особенности теперь, подъ градомъ смущавшихъ его вопросовъ.

— Скажи, по крайней мѣрѣ, какъ его звали. Его имя... Не станешь же ты насъ увѣрять, что ты не знаешь, какъ тебя зовутъ!

— Валентиномъ.

Алиса начинала предчувствовать истину, которую уже угадала ея сестра.

— Оставь его въ покоѣ!.. Какая ты жестокая!

Эстелла, не слушая, продолжала:—Валентиномъ... а дальше?

Ребенокъ едва слышно пролепеталъ:—Делемонъ!..

Сестры снова переглянулись, и выраженіе ихъ глазъ было различно, какъ ихъ души. Глаза Эстеллы блестѣли злобнымъ торжествомъ: ея подозрѣніе оправдалось. Она искривила губы и, презрительно махнувъ рукой, пробормотала:—Я такъ и думала!

Алиса, потрясенная, обняла Валентина, шепча:—Бѣдный мальчикъ!

IV.

На другой день—это была суббота — Бернаръ пришелъ домой въ воскресный отпускъ, и Алиса поспѣшила разсказать ему о происшедшемъ.

Подъ корректной до натянутости внѣшностью, сынъ Альсида Делемона таилъ живую воспріимчивость. Онъ любилъ высокіе воротнички, красивые галстухи, тонкія ботинки,—по крайней мѣрѣ, насколько это ему позволяла отцовская скупость. Но въ то же время, подъ вліяніемъ старшей сестры, онъ сталъ доступенъ чувствамъ, нерѣдко чуждымъ молодымъ людямъ его возраста и положенія и, какъ всегда неопытная

юность, былъ страшно строгъ и прямолинеенъ. Онъ больше Алисы взволновался исторіей Валентина и тотчасъ поставилъ вопросъ, который она, можетъ быть, и задавала себѣ въ душѣ, но не рѣшалась высказать вслухъ: какимъ образомъ сестра ихъ отца могла умереть заброшенной, въ бѣдности? Ни тотъ, ни другая не рѣшались отвѣтить на этотъ вопросъ.

— Что же отецъ думаетъ сдѣлать для этого ребенка? — мѣняясь въ лицѣ отъ волненія, спрашивалъ юноша.

— Не знаю. Вѣроятно, объ этомъ будетъ разговоръ сегодня вечеромъ. *Онъ* пригласилъ Романешей—навѣрно, для этого...

— А дядя Романешъ, какъ могъ онъ терпѣть такую несправедливость?

Наряду съ утилитарнымъ позитивизмомъ отца, дядя былъ въ ихъ глазахъ воплощеніемъ безкорыстной борьбы противъ соціальной несправедливости, стремленія къ солидарности, къ защитѣ слабыхъ—словомъ, «великодушныхъ» идей. Они вѣрили его урокамъ, какъ вѣрили въ его высокія душевныя качества. Почему же дѣла его расходятся съ его словами?..

— Подождемъ судить,—рѣшила Алиса, — вѣдь мы же не знаемъ, что произошло *между ними*.

За столомъ всѣмъ было не по себѣ. Сутръ, приглашенный въ качествѣ жениха Алисы — хотя обрученіе было отложено до осени, до совершеннолѣтія молодой дѣвушки — всегда немного робѣлъ въ присутствіи своей quasi — невѣсты; плѣненный ею, восхищаясь ея врожденнымъ изяществомъ, онъ въ то же время немножко боялся ея, боялся, что онъ не нравится ей. Больше всего онъ старался скрыть свой исполинскій аппетитъ, надъ которымъ иной разъ трунили, и эта отрицательная забота такъ поглощала его, что онъ не замѣчалъ странно пристальнаго, горячаго взгляда Эстеллы, все время искавшаго его взгляда. По лѣвую руку его, госпожа Делемонъ не ѣла вовсе и ничего не говорила, только катала шарики изъ хлѣба, раскладывая ихъ симметрическими фигурами вокругъ кольца отъ салфетки. На другомъ концѣ стола четверо маленькихъ Романешей исподтишка наблюдали за своимъ кузеномъ, который имѣлъ очень жалкій видъ въ своемъ бѣдномъ платьѣ и съ печальнымъ лицомъ. Лакей, подавая ему кушанье, какъ то особенно поджималъ губы; мальчикъ стѣснялся и бралъ самые худшіе куски. Алиса принуждена была накладывать ему на тарелку. Но у него все валилось изъ рукъ. Жаль было смотрѣть, какъ онъ старался разрѣзать свое жаркое, или ронялъ шпинатъ сквозь зубья вилки. Клара, чтобы ободрить ее, заговорила съ нимъ,—онъ окончательно растерялся. Въ заключеніе, когда подали шоколадный кремъ, и очередь дошла до него, большой кусокъ очутился на скатерти. Доротея расхохоталась; за ней два Романеша. Алиса поспѣшила поправить бѣду.—Это ничего,—шептала она на ухо мальчику, готовому заплакать.—Ничего! Не огорчайся изъ-за такихъ пустяковъ!

О, какъ ему хотѣлось юркнуть подъ столъ, гдѣ уже давно валялись его хлѣбъ и салфетка, и онъ не рѣшался поднять ихъ. Его растерянность такъ бросалась въ глаза, что Романешъ взялся ободрить его.

— Отчего у тебя такой испуганный видъ, мой мальчикъ? Здѣсь никто тебя не съѣстъ; мы всѣ здѣсь добрые люди, всѣ члены одной семьи... твоей семьи, мой дружокъ!... Человѣку нечего и некого бояться, если онъ не сдѣлалъ дурного. Ты вѣдь ничего дурного не сдѣлалъ, не правда ли? Значитъ, и бояться тебѣ нечего... У тебя горе, я понимаю; ты былъ бы чудовищемъ, еслибы не горевалъ. Но даже и въ твои годы надо быть разсудительнымъ и, такъ какъ тебѣ не въ чемъ упрекнуть себя, подыми голову, покажи, что ты мужественный мальчикъ!

Онъ говорилъ, какъ съ кафедры, нараспѣвъ, подчеркивая каждый слогъ, или покачиваньемъ головы, или красивымъ ораторскимъ жестомъ. Валентинъ, чувствуя себя еще болѣе неловко, смотрѣлъ на свой кремъ и не смѣлъ дотронуться до него изъ боязни новой бѣды.

— Покажи, что у тебя есть мужество,—повторилъ Романешъ, выпячивая грудь.—Вотъ, несмотря на свое горе, чтобы сдѣлаться большимъ и сильнымъ! Не правда ли, ты вѣдь хочешь быть большимъ и сильнымъ? Это необходимо въ наше время, въ особенности, тому, у кого нѣтъ отца, который бы сглаживалъ ему путь, какъ у твоего кузена Бернара... Вотъ у меня четыре сына; они не богаче тебя, но они будутъ работать, и будущее за ними.

— Простите, дядя,—прервалъ Бернаръ, — и я вѣдь не намѣренъ сидѣть, сложа руки.

Романешъ воспользовался перерывомъ, чтобы выпить рюмку малаги и налить себѣ новую.—Я въ этомъ увѣренъ,—отвѣтилъ онъ съ графиномъ въ рукѣ,—я тебя знаю, и знаю, чего ты стоишь. Но, позволь замѣтить тебѣ, что это не совсѣмъ одно и то же; мои сыновья, какъ и этотъ юноша, начинаютъ безъ ничего. А для тебя самое трудное сдѣлано.

— Кто знаетъ?—возразилъ Делемонъ.—Можетъ быть, его задача и не такъ проста, какъ кажется. Промышленникамъ съ каждымъ годомъ становится все труднѣе. Мнѣ приходилось считаться только съ конкурренціей, и то прежде она была не такъ сильна, и съ рабочими, которые были благоразумнѣе нынѣшнихъ. А теперь, конкурренція все растетъ, рабочія руки дорожаютъ, у насъ явился еще новый врагъ, опаснѣе всѣхъ остальныхъ: государство, съ его нелѣпыми законами!..

Онъ лукаво посмотрѣлъ на зятя, который тотчасъ же поднялъ руку:—Позвольте, милѣйшій Делемонъ!..

Каждый разъ, какъ его шуринъ съ раздраженіемъ говорилъ о регламентаціи труда, установленной закономъ 2-го ноября 1892 года, онъ возражалъ, горячился и разматывалъ до конца клубокъ своей системы. Ярый коллективистъ и сторонникъ постояннаго вмѣшательства, онъ видѣлъ спасеніе современныхъ обществъ въ нагроможденіи

законовъ, зажимающихъ въ тискахъ между обязательствомъ и запретомъ послѣднія преимущества личной иниціативы, поскольку она еще участвуетъ въ нормальной игрѣ конкурренціи. Онъ хранилъ въ умѣ еще огромный запасъ такихъ законовъ, ни мало не смущаясь ихъ непослѣдовательностью. По первому же знаку, онъ ихъ вытаскивалъ и спускалъ, какъ стаю гончихъ на своего собесѣдника, переворачивая всѣ понятія о собственности, упраздняя войну, насаждая равенство, благодѣтельствовалъ всѣхъ, ублажая каждаго въ отдѣльности, и скромно пояснялъ:

— Это только набросокъ; развить его и дополнить дѣло законодателя.

Когда люди практическаго ума, вродѣ Делемона, указывали ему на трудность такой завершительной работы, онъ отнюдь не смущался и, улыбаясь будущему, красивымъ жестомъ отстранялъ всякія возраженія. — Ничего! все уладится само собой, силой естественнаго хода вещей.

Шлюзы открылись и до конца обѣда вокругъ стола звучали въ сотый разъ тѣ же обычныя формулы, тѣже противорѣчивые примѣры, силлогизмы и выводы. Два противника нападали и защищались съ обычнымъ упорствомъ—одинъ, побагровѣвшій, властный, уничтожавшій противника рѣзкими выходками, презрительными восклицаніями, ироническимъ смѣхомъ, сарказмами; другой, блѣдный отъ гнѣва, но сдержанный, владѣющій собой, доводящій до крайности свои методическія отвлеченныя разсужденія.

Даже госпожа Делемонъ вышла изъ своей обычной разсѣянности и внимательно слушала. Она любила эти споры и потому что они напоминали ей жизнь въ домѣ отца и его неоконченный трудъ, и потому что мужъ ея не всегда выходилъ изъ нихъ побѣдителемъ. Клара какъ всегда снисходительно улыбалась, не понимая, какъ можно такъ горячиться изъ за идеи... и наблюдая за своими мальчиками, уничтожавшими дессертъ. Алиса и Бернаръ переговаривались взглядами: этой горячей защитой справедливости и солидарности дядя снова вернулъ свой престижъ въ ихъ глазахъ. Они были увѣрены, что у него найдутся невѣдомые имъ мотивы, объясняющіе его поведеніе въ отношеніи къ покинутой сестрѣ; и они только спрашивали себя, какимъ же образомъ въ мірѣ есть еще несчастныя и голодныя, виновныя жертвы, когда все должно уладиться естественнымъ путемъ. Сутру тоже хотѣлось что-нибудь возразить, чтобы показать своей невѣстѣ, что и у него есть собственныя идеи; но его мысли такъ запаздывали, такъ медленно складывались въ опредѣленную форму, что онъ не успѣвалъ слѣдить за ходомъ разговора и даже забылъ о своей земляникѣ. Одна Эстелла совсѣмъ не слушала и только смотрѣла на него.

Схватка длилась недолго. Хозяинъ, прерывая Романеша на половинѣ неоконченной тирады, поднялся и бросилъ на стулъ салфетку.

— Ну будетъ, довольно! У насъ есть болѣе интересное, о чемъ надо

поговорить. Идемте пить кофе въ мой кабинетъ. Ты, Алиса, какъ старшая и ты, Бернаръ, пойдете съ нами! И вы тоже, Сутръ, вѣдь вы свой человѣкъ.

Кабинетъ этотъ, какъ двѣ капли воды, былъ похожъ на заводскую контору, тѣ же папки, тѣ же тростниковыя стулья, съ добавленіемъ кушетки, крытой потертымъ трипомъ, на которой Делемонъ иногда отдыхалъ минутъ десять, какъ человѣкъ, который умѣетъ управлять своимъ сномъ; на каминѣ бронзовая копія арлекина Сенъ Марсо, поднесенная заводскими служащими по случаю второго брака. И такъ странно было видѣть здѣсь веселаго арлекина, съ его ироническимъ лицомъ и деревянной сабелькой! Въ эту комнату Делемонъ лишь изрѣдка вводилъ самыхъ почетныхъ кліентовъ и провинціальныхъ корреспондентовъ, которыхъ онъ оставлялъ завтракать. Онъ жестомъ пригласилъ сѣсть, самъ усѣлся на вертящемся табуретѣ, словно готовясь къ дѣловому разговору, откашлялся — ему было неловко объясняться въ присутствіи дочери, которую онъ любилъ представлять себѣ наивнымъ ребенкомъ—нахмурился и, не найдя удобнаго вступленія, рубнулъ сразу:—Прежде всего, вы должны знать, что у этого ребенка никогда не было законнаго отца. Сестра моя жила, какъ хотѣла; теперь ужъ безполезно осуждать ее.

Онъ посмотрѣлъ на Сутра, онъ поднялъ руку и снова уронилъ ее на колѣно. Остальные молчали. Наконецъ Клара своимъ ровнымъ спокойнымъ голосомъ, съ обычной ясностью взора, производившей такое впечатлѣніе какъ будто то, что она говоритъ нисколько ея не интересуетъ, промолвила:—Она жестоко искупила свою ошибку: мы были очень строги къ ней.

Романешъ поспѣшилъ прибавить:—Я лично даже не имѣлъ и случая быть снисходительнымъ: когда я вошелъ въ семью, она уже исчезла. Жена моя почти не говорила о ней. Я никогда ея не видалъ. Мы не знали, что она нуждается.

Онъ спѣшилъ отвѣтить на невысказанное сомнѣніе Алисы и Бернара. Молодые люди предпочли бы однако другое объясненіе: это ихъ не удовлетворило, между тѣмъ какъ искренность и прямота отца поднимали его въ ихъ уваженіи. Бернаръ правдивый до того, что ему было совѣстно утаить какую-нибудь мысль, счелъ долгомъ заявить:—Мы съ Алисой догадались объ этомъ.

Делемонъ удивился и посмотрѣлъ на Сутра; тотъ улыбнулся.

— Наши дѣти знаютъ больше, чѣмъ мы думаемъ,—сказалъ Романешъ.

Пауза вышла нѣсколько длинной. Всѣ думали. Сутръ слѣдилъ за своей невѣстой и, видя ее взволнованной, старался представить себѣ, что она чувствуетъ. Госпожа Делемонъ слушала и, какъ всегда, оставалась непроницаемой. Словно для того, чтобы разрѣшить заранѣе сложный вопросъ объ отвѣтственности, Делемонъ продолжалъ:—Вѣдь, ребенокъ не виноватъ.

— Конечно,—воскликнулъ Бернаръ.

Сутръ, знавшій, что братъ и сестра живутъ въ добромъ согласьи, поспѣшилъ поддержать его одобрительнымъ кивкомъ головы.

Романешъ какъ всегда счелъ необходимымъ обобщить.—Разумѣется, кто рѣшится въ наше время утверждать, что дѣти отвѣтственны за ошибки своихъ родителей.

Госпожа Делемонъ въ первый разъ подала голосъ: — Однако, они рѣдко ускользаютъ отъ послѣдствій этихъ ошибокъ.

— Потому что всѣ мы полны предразсудковъ, которые разрушитъ будущее, отъ которыхъ и теперь уже болѣе или менѣе отрѣшаются люди съ душой, когда ихъ средства позволяютъ имъ быть великодушными.—Онъ посмотрѣлъ на шурина, тотъ отвернулся. — Альсидъ не спрашивалъ у этого ребенка, въ порядкѣ ли его метрическое свидѣтельство; онъ взялъ его за руку и привелъ въ свой домъ. Онъ только исполнилъ свой долгъ. Не какъ многіе, и побогаче его, уклонились бы отъ исполненія.

Молодые люди не замѣтили, что, великодушничая такимъ образомъ, дядя только снимаетъ съ себя свою долю отвѣтственности; но Делемонъ нахмурился, а жена его возразила:

— Кто не сдѣлалъ бы того-же на мѣстѣ Альсида? Бѣдный ребенокъ, безпріютный сирота — ему невольно протянешь руку, какъ инстинктивно бросаешься спасать утопающаго. А когда еще связанъ съ этимъ ребенкомъ кровнымъ родствомъ, тутъ ужъ безусловный долгъ, который надо выполнить.

Обыкновенно она говорила, только отвѣчая на обращенные непосредственно къ ней вопросы. Поэтому ея вмѣшательство всѣхъ удивило. Но у нея, очевидно, была задняя мысль, которой она не рѣшалась высказать сразу. Выполняя этотъ долгъ, нужно хладнокровно обсудить всѣ послѣдствія... Они могутъ быть очень серьезны... Эти дѣти грѣха такъ часто — какъ бы это выразить, носятъ заразу въ крови!.. На нихъ точно лежитъ роковая печать... они не похожи на другихъ дѣтей, и потому вы понимаете, они могутъ быть опасны для... для тѣхъ, кто около нихъ!..

Она, очевидно, боялась за свою дочь. Романешъ не сообразилъ этого:—Вотъ онъ, предразсудокъ!—вскричалъ онъ, выпрямляясь на своихъ коротенькихъ ножкахъ.—Вотъ! Вотъ!

Г-жа Делемонъ остановила на немъ тревожный взглядъ: — А наслѣдственность? Вы такъ часто ссылаетесь на нее.

Профессоръ, уличенный въ противорѣчіи, вывернулся:—Я говорилъ о физической наслѣдственности; это несомнѣнно туберкулезъ, эпилепсія и т. д. Въ нравственномъ отношеніи совсѣмъ другое дѣло, здѣсь воспитаніе можетъ исправить недостатки. Съ отравленной кровью ужъ ничего не подѣлаешь, но для пороковъ души существуютъ особые методы...

— Мнѣ кажется, что многіе бѣдные дѣти вступаютъ на дурной путь только потому, что они растутъ безъ присмотра въ испорченной семьѣ. Если бы ихъ помѣстить въ хорошую семью, окружить заботами привязанностью, можетъ быть, они могли бы справиться съ наслѣдственнымъ зломъ.

Сутръ поспѣшилъ поддержать его:—Конечно... Конечно... Конечно...—Онъ хотѣлъ бы быть краснорѣчивымъ, но, кромѣ этого, ничего не придумалъ.

— Мой бѣдный отецъ много думалъ объ этомъ законѣ наслѣдственности,—продолжала г-жа Делемонъ.—Онъ увѣрялъ, что отъ нея не уйти, это тотъ же древній рокъ. Онъ приводитъ очень интересные примѣры въ своей «Системѣ». Вотъ почему я такъ взволновалась, встревожилась, увидѣвъ этого несчастнаго ребенка.—Она, должно быть, боялась, чтобы слова ея не были истолкованы въ другую сторону, и ускоренно мигая рѣсницами, прибавила:—только поэтому... безъ всякой другой причины... у меня нѣтъ заднихъ мыслей...

Делемонъ пожалъ плечами:—Ну, конечно, у него происхожденіе скверное. Отецъ былъ негодяй, я его знаю; такъ неужто изъ-за этого бросить ребенка на произволъ судьбы и общественной благотворительности? Я этого не могу—людямъ въ глаза глядѣть и то будетъ стыдно!

Клара опять высказала тягостную мысль, которая, однако жъ, казалось, нисколько не нарушала ея невозмутимой ясности духа:—мы поступали съ нашей сестрой Катериной не такъ, какъ бы слѣдовало поступать, и это теперь болѣе обязываетъ насъ по отношенію къ ея ребенку.

Тогда г-жа Делемонъ открыла, наконецъ, свои батареи:—Но вѣдь мы должны подумать и о нашихъ дѣтяхъ, прежде всего!.. Прежде всего!.. Подумайте, вѣдь это совершенно невоспитанный ребенокъ... А общественное мнѣніе? Что скажутъ люди... Развѣ можно такъ рисковать, когда въ домѣ есть молодыя дѣвушки?..

Она вдругъ остановилась, сконфузившись, какъ всегда, когда касалось дѣло этой семьи, которая осталась ей чужой. Она чувствовала, что не владѣетъ собой, ни своими словами, ни мыслями. Каждая мелочь въ ея умѣ принимала невѣроятные размѣры, и она выдавала себя на каждомъ шагу. Валентинъ казался ей страшно опаснымъ для ея Доротеи, и она не знала, какъ сказать это, не задѣвая другихъ. Она осмотрѣлась кругомъ: Алиса и Бернаръ отворачивались, видимо, осуждая ее, Сутръ тоже, Романешъ готовъ былъ разразиться негодующей рѣчью.

— Боже,—пролепетала она,—я не хочу сказать... и запнулась на полсловѣ. Романешъ началъ было:—Вопросъ о наслѣдственности...—Но Делемонъ перебилъ его.—Не будемъ заходить въ такія дебри. Чортъ возьми, вѣдь это не какая-нибудь философская проблема! Рѣчь идетъ о ребенкѣ, который пришелъ сюда и здѣсь останется. Вопросъ, что намъ съ нимъ дѣлать? Вотъ о чемъ я васъ спрашиваю!

Онъ посмотрѣлъ на жену, та подумала, что онъ хочетъ знать ея мнѣніе, и пробормотала:—Это вопросъ... котораго нельзя отдѣлить отъ остального...

— Остального не существуетъ!—вскричалъ Делемонъ, ударяя кулакомъ по конторкѣ.—Вы только и умѣете, чтобъ выдумывать теоріи. Нашли время, ей богу!

Возрастающій страхъ видѣть этого, съ улицы явившагося, ребенка, незаконнаго, можетъ быть, испорченнаго, съ дурными наклонностями, рядомъ съ Дотти, придалъ ея матери мужества сопротивляться.—Мы ничего не знаемъ объ этомъ ребенкѣ, два дня тому назадъ вы не имѣли о немъ никакого понятія, въ какой средѣ онъ жилъ, какое воспитаніе онъ могъ получить? Я увѣрена, что мать любила его и старалась для него, какъ могла, но что можетъ сдѣлать женщина при такихъ обстоятельствахъ, одна, покинутая...—Она невольно подчеркнула это слово—*покинутая*; Алиса и Бернаръ вспыхнули, какъ отъ удара; самъ Делемонъ потупился, она продолжала:—И вотъ, все сразу вдругъ измѣнилось, онъ перенесенъ въ домъ, который долженъ ему казаться дворцомъ. Какое будетъ его положеніе въ этомъ домѣ? Какую роль онъ будетъ играть?

Алиса вскричала:—Онъ будетъ нашимъ братомъ, а вслѣдъ за нею Бернаръ:—Мы будемъ счастливы принять его, какъ брата, и всѣмъ дѣлиться съ нимъ.

Делемонъ поднялъ голову и нахмурилъ брови:—Ну ужъ это другой вопросъ. Вашимъ братомъ, эко чего захотѣли! Прежде всего, замѣтьте, что онъ вамъ только двоюродный братъ, я его взялъ къ себѣ, потому что такъ было нужно, но я никогда не думалъ устраивать его здѣсь такъ, чтобы онъ былъ какъ у себя дома, или воспитывать его выше своего положенія...

— Но какое же его положеніе?—спрашивала г-жа Делемонъ, которая никакъ не могла успокоиться,—какъ опредѣлить его, если онъ не ровня вашимъ дѣтямъ, моей дочери—вашимъ мальчикамъ, Романешъ, чѣмъ же онъ здѣсь будетъ, подчиненнымъ?

— Никогда!—воскликнулъ Бернаръ.

— Обязательно,—сказалъ его отецъ, остановивъ на немъ властный взоръ. Онъ же не имѣлъ надобности въ совѣтахъ: то, что здѣсь говорилось, только укрѣпило его рѣшимость.—Я же началъ съ ничего и выбился въ люди. Всякій можетъ сдѣлать тоже, да не всякій дѣлаетъ, оттого то и есть неравенство между людьми,—и должно быть!..

Краснорѣчивый взглядъ Алисы сказалъ Романешу, что такія слова нельзя оставить безъ возраженія, и онъ началъ-было:—Мы не должны забывать...—но зять грубо прервалъ его:—Мнѣ извѣстны ваши взгляды, милѣйшій!.. Равенство, да, да, равенство!.. Я не прочь потолковать объ этомъ за дессертомъ, когда отъ этого особаго вреда быть не можетъ, кромѣ развѣ несваренія желудка. Но теперь не время для

праздной болтовни. Нужно принять рѣшеніе, и я утверждаю, что каждый сверчокъ долженъ знать свой шестокъ.

Онъ жестомъ остановилъ Романеша и сына, который собирался возражать:—Молчи! я знаю жизнь, а ты не знаешь, этого ребенка нельзя воспитывать, какъ? потому что у него жизнь будетъ другая. О тебѣ отецъ позаботился, а о немъ позаботиться некому. Отъ этого и надо исходить.

Романешъ не выдержалъ.

— Какой блестящій аргументъ противъ наслѣдства!—воскликнулъ онъ, забывъ всякую осторожность.—Судьбой человѣка управляетъ случайность рожденія. Одному все, каковъ бы онъ ни былъ; другому ничего, хотя бы онъ былъ и лучше перваго. Одному ровная, прямая, гладкая дорога, другому крутая тернистая тропинка...

— Ради Бога, не говорите вздору!—нетерпѣливо вскричалъ Делемонъ,—ужъ это споконъ вѣку такъ, неужели вы думаете, что ваши теоріи могутъ что-нибудь измѣнить? Ты хозяйскій сынъ, Бернаръ; благодаря моей работѣ у тебя будетъ чудесный заводъ, который я поставилъ на ноги своими трудами. Одинъ Богъ знаетъ, чего мнѣ это стоило! И ты будешь хозяиномъ, какъ твой отецъ, какъ твои сыновья послѣ тебя.

— Феодальщина,—пробормоталъ Романешъ, презрительно вытянувъ губы.

— Феодальщина, почему нѣтъ? Феодальное право буржуазіи. Почему бы ему не быть? Я заработалъ свое дворянство, я его передаю своимъ дѣтямъ: это мое право.

— Право синьора!

— Право работника, священное право! Чтобы упразднить это право, нужно перевернуть вверхъ дномъ все общество до самаго основанія.

— И это можетъ случиться.

— ...Уничтожить, не только собственность, но даже чувство собственности. Полноте, противъ природы ничего не подѣлаешь.

— Природа несовершенна: дѣло цивилизаціи исправить ее.

— Оставьте меня въ покоѣ,—говорю вамъ, теперь не время философствовать. Мы говоримъ о ребенкѣ, а не о соціальныхъ реформахъ. Я сдѣлаю для него необходимое и ничего больше. Если вы находите, что этого мало, я вамъ его уступаю: берите его, уводите и воспитывайте какъ знаете, дѣлайте изъ него что хотите, хоть отщепенца; я больше ни во что не вмѣшиваюсь, даю вамъ слово!

Испуганный угрозами, Романешъ опустилъ голову, пробормотавъ настолько громко, чтобы Бернаръ могъ слышать его:—Ахъ, если бы я могъ, если бы я былъ богатъ!..

Делемонъ смягчился, видя такую покорность.

— Вѣрьте мнѣ, если онъ станетъ хорошимъ работникомъ на

стекляномъ заводѣ, и то будетъ для него счастіемъ, на которое онъ не могъ разсчитывать.

— Работникомъ, ой!—воскликнули разомъ Бернаръ и Алиса.

— Почему же нѣтъ, развѣ рабочимъ такъ худо живется? Вы смотрите, хорошее помѣщеніе, хорошій заработокъ, отличные харчи... Да теперь и законы-то издаютъ только для нихъ; обезпечиваютъ имъ и отдыхъ и старость; скоро будутъ имъ ренты выдавать, пенсіи, ужъ не знаю, что еще... Говорю вамъ,—они счастливѣе насъ и болѣе увѣрены въ завтрашнемъ днѣ.

Сутръ не подавалъ голоса; онъ боялся и обидѣть патрона противорѣчіемъ и не угодить невѣстѣ, поддерживая его, да у него и не было своего мнѣнія. Г-жа Делемонъ и въ этомъ успокоительномъ рѣшеніи нашла поводъ къ тревогѣ:

— Здѣсь, на заводѣ?—спросила она,—можетъ быть, лучше бы въ другомъ мѣстѣ?

— Мы увидимъ... Тамъ будетъ видно. Если изъ него выйдетъ солидный и дѣльный работникъ, почему же мнѣ и не оставить его у себя? Можно было бы сдѣлать его надсмотрщикомъ, что вы скажете, Сутръ?

Не дожидаясь отвѣта, онъ всталъ и всѣ перешли въ садъ, куда послали играть дѣтей. Четверо маленькихъ Романешей, подъ предлогомъ игры въ жандармы и воры, добросовѣстнѣйшимъ образомъ тузили Валентина. Отецъ надралъ имъ уши.

— Негодные мальчишки, вѣдь онъ сирота, гдѣ же солидарность.

Эстелла мечтала, сидя въ сторонкѣ. Прощаясь, она удержала въ своей рукѣ огромную лапищу Сутра и крѣпко сжала ее, стараясь вложить въ это пожатіе невысказанное признаніе. Но Сутръ думалъ только объ Алисѣ и ничего не угадалъ.

V.

Романеши ушли и вечеръ окончился, но споръ возобновился въ спальнѣ, которая у супруговъ Делемонъ была общей, несмотря на ихъ несогласную жизнь.

Однимъ изъ худшихъ недостатковъ госпожи Делемонъ была ея неспособность остановиться во́-время: каждый споръ и недоразумѣніе она страшно раздувала: или ныла, или жаловалась, когда ей наносили пораженіе въ первой же стычкѣ, или же безъ конца хвасталась своей побѣдой, если на ея сторонѣ оказывалось хотя бы самое маленькое преимущество — не проявляя ни достоинства, ни великодушія. Отъ дневныхъ схватокъ мужъ обыкновенно спасался бѣгствомъ; ночью уйти было некуда и поневолѣ приходилось мѣнять систему обороны, тогда онъ поворачивался носомъ къ стѣнѣ, и гроза проносилась надъ

нимъ, утихая подъ его храпъ; или же обрывалъ жену на первомъ словѣ, крича на нее, какъ онъ кричалъ на рабочихъ, и послѣднее слово всегда оставалось за нимъ, такъ какъ глотка у него была здоровая. Униженная своимъ пораженіемъ, жена замыкалась въ себѣ, молча глотала слезы, надутая бродила изъ угла въ уголъ, и ея вздохи, дутье, ворчанье, раздражали его, мѣшали уснуть. Онъ, сильный и здоровый, не подозрѣвалъ, что подъ этими «вздорными» жалобами, крылись давно копившіяся затаенныя страданія, что онъ уже успѣвалъ забыть причину ссоры, а бѣдная женщина все мучилась сомнѣніями, страхами, угрызеніями совѣсти, подсчитывая свои промахи, растравляя раны души, вертясь безъ конца все въ томъ же ограниченномъ кругу идей, какъ, напримѣръ: «Въ этомъ домѣ никто меня не любитъ; какъ бы они всѣ обрадовались, если-бъ Господь прибралъ меня!» Или: «Не такая я жена, какая нужна моему мужу, и не такая мать, какую нужно дѣтямъ. Я всѣмъ хотѣла добра и всѣхъ сдѣлала несчастными. Зачѣмъ только я вошла въ эту семью!..» Мало-по-малу эти навязчивыя мысли расплывались, теряли форму и смыслъ, переходя въ болѣзненную тоску, угнетавшую ее, повидимому, безпричинно. Впрочемъ, эта ночная работа не мѣшала ей утромъ завести новую ссору изъ-за пустяковъ. Въ семейной жизни нѣтъ ничего хуже этихъ докучныхъ мелочей, повторяющихся изо-дня въ день, наполняя часы и минуты.

Въ этотъ вечеръ ссора приняла болѣе серьезные размѣры. Возбужденная предшествующимъ разговоромъ, г-жа Делемонъ, въ тревожной душѣ которой мельчайшія заботы выростали до грандіозныхъ размѣровъ, какъ образы въ выпукломъ зеркалѣ, не понимая, что мужъ ея самъ энервированъ и лучше его не трогать, начала приставать къ нему съ оскорбительными вопросами: «Что это за сестра такая, которой она даже и существованія не подозрѣвала? Какъ могъ онъ оставить ее въ такой нищетѣ? Что онъ знаетъ объ отцѣ Валентина? А другія сестры, другіе братья? Онъ никогда не говоритъ о нихъ — почему? Гдѣ они? Что дѣлаютъ? Какъ живутъ?» Делемонъ сначала отвѣчалъ коротко, недовольнымъ тономъ; потомъ совсѣмъ пересталъ отвѣчать, а она все повторяла, какъ заученный припѣвъ:

— Мнѣ надо знать! Надо!.. Мнѣ давно слѣдовало это знать!.. Всякая жена на моемъ мѣстѣ потребовала бы того же...

Полураздѣтая, она усѣлась на кровать и обхватила руками голову. Мужъ ея свирѣпо швырнулъ куртку на стулъ и зашагалъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину, кусая усы. Со вчерашняго дня его преслѣдовали внутренніе голоса смутными укорами, которыхъ онъ вовсе не желалъ слышать изъ чужихъ устъ; онъ былъ недоволенъ собой и только искалъ, на комъ сорвать зло. А тутъ жена пристала, да еще съ такими обидными, задѣвавшими за живое, словами, какихъ она никогда не говорила раньше.

— Я думала: вотъ сдѣлаю доброе дѣло.. Мнѣ жалко было этихъ

дѣвочекъ безъ матери... Я готова была душу имъ отдать... Онѣ сами мени оттолкнули... Ахъ! никто меня не понимаетъ... Я всѣмъ чужая въ этомъ домѣ! А между тѣмъ, если онъ еще цѣлъ—кому онъ этимъ обязанъ? Безъ меня, что бы сталось съ заводомъ?

Делемонъ швырнулъ жилетъ вслѣдъ за курткой. При этихъ словахъ онъ круто повернулся, почти швырнулъ и часы на каминъ и обернулся къ ней, весь дрожа отъ злобы:

— Чего ты тамъ бормочешь? Что ты деньги вложила въ мое дѣло, такъ, вѣдь, онѣ же здѣсь сохраннѣй, чѣмъ въ государственномъ банкѣ. Тебѣ нечего тревожиться о нихъ.

— Нечего тревожиться, кто знаетъ... Да, да, могу ли я имѣть довѣріе?.. Все прячутъ, всюду тайны... Вотъ и сегодня этотъ сюрпризъ... Эта сестра, племянникъ безъ имени... Кто знаетъ, можетъ быть, и съ заводомъ въ одинъ прекрасный день...

— Молчи, заводъ вполнѣ надеженъ! Я знаю свое дѣло. Я строилъ на камнѣ. Запиши это себѣ разъ навсегда и оставь меня въ покоѣ!

Она возражала. Ихъ голоса гулко разносились по квартирѣ въ безмолвіи ночи: одинъ гнѣвный, выкрикивающій угрозы, ругательства, проклятія; другой жалобный, но настойчивый, снова повторяющій свое, когда уже думали, что онъ затихъ. Каждый разъ такіе споры наполняли домъ звонкими отголосками. И теперь они доносились въ комнату Алисы, куда пришелъ и Бернаръ потолковать съ сестрой о событіяхъ дня.

Комнатка эта была очень простая, безъ обоевъ и меблированная только узенькой желѣзной кроватью, письменнымъ столикомъ краснаго дерева въ стилѣ ампиръ, на каминѣ только терракотовый бюстъ Бетховена и два бронзовыхъ подсвѣчника. На стѣнахъ нѣсколько фотографій съ хорошихъ картинъ, въ томъ числѣ одна въ рамкѣ—«Путешествіе въ Эммаусъ». На этажеркѣ около сотни книгъ, по большей части, безъ переплета. За исключеніемъ «Правосудія» Сюлли Прюдома, томика стихотвореній Шелли и «Анны Карениной»—все это были сочиненія по политической экономіи и соціализму: маленькая коллекція классиковъ новой религіи, библіей которой является капиталъ Карла Маркса, слишкомъ объемистый и недоступный не вполнѣ посвященнымъ.

— Сегодня перевѣсъ на *ея* сторонѣ,—сказалъ Бернаръ, прислушиваясь къ звукамъ раздраженныхъ голосовъ.—Этотъ семейный позоръ, который отъ нея скрывали, бѣдная тетка, даже не знавшая, что мы живемъ богато, все это нежданное богатство нищеты и стыда!

Обыкновенно Алиса защищала мачеху, но сегодня и ей было непріятно, что эта чужая знаетъ ихъ грустную тайну, она только задумчиво выговорила со вздохомъ:

— Бѣдный отецъ!

— Дѣйствительно, ему не позавидуешь! Конечно, онъ несчастливъ! Но онъ самъ виноватъ.

Молодая дѣвушка посмотрѣла на брата.

— Развѣ отъ этого онъ менѣе достоинъ сожалѣнія?

— Ну, мнѣ сейчасъ жаль не его!—воскликнулъ Бернаръ,—нѣтъ, я думаю объ одной бѣдной женщинѣ, которую онъ долженъ былъ поддержать въ минуту слабости, помочь ей въ борьбѣ, облегчить ея трудную жизнь. Вѣдь онъ ея братъ, какъ я твой... А вѣдь онъ ничего для нея не сдѣлалъ; онъ имени ея не произносилъ передъ нами; онъ сдѣлалъ насъ сообщниками своего эгоизма, а, можетъ быть, онъ просто забылъ о ней... Зато я теперь только о ней и думаю.

Алиса, казалось, что-то обдумывала, опираясь рукой на столъ:

— Лишь бы только не вышло по ея! Только бы не пришлось страдать ребенку!..

И тотчасъ же ласковая улыбка освѣтила его лицо, сразу сдѣлавъ его привлекательнымъ.

— У него такая милая мордочка, ты не находишь?

Когда она улыбалась такимъ образомъ, на щекахъ у нея показывались двѣ ямочки, и изъ слишкомъ серьезнаго, оно вдругъ становилось добрымъ, ласковымъ, почти радостнымъ. Но Бернаръ думалъ не объ этомъ. Онъ теперь увлекался детерминизмомъ и всюду искалъ примѣровъ, подтверждающихъ эту доктрину. Не замѣчая, что онъ высказываетъ ту же мысль, какъ и его сестра, только пришелъ къ ней другой дорогой, онъ отвѣтилъ:

— Кто знаетъ? Его происхожденіе, среда, гдѣ онъ росъ заранѣе, опредѣляютъ его будущее. Другіе рѣшатъ за него, а ему придется подчиниться. Отецъ, вѣдь, не станетъ спрашивать его мнѣнія, считаться съ его вкусами и наклонностями; онъ возьметъ его, какъ вещь, и вылѣпитъ изъ него, что захочетъ, властный и жестокій, какъ всегда!

Сестра взяла его за руку:

— Отецъ столько натерпѣлся въ жизни всякаго горя, онъ такъ много работалъ—намъ ли судить его?

Тонъ и манера говорить еще больше, чѣмъ самыя слова, свидѣтельствовали о разницѣ натуръ сестры и брата: Алиса оставалась спокойной, владѣла собой; ея умное и доброе лицо говорило о доброй душѣ, которая предпочитаетъ оправданіе укору, пониманіе—осужденію. Бернаръ—болѣе пылкій и нервный, менѣе развитой, несмотря на занятія философіей, кипятился и самъ себя подстрекалъ своими словами; вычитавъ изъ книгъ убѣжденіе, что всѣ наши поступки зависятъ отъ постороннихъ вліяній, надъ которыми мы не имѣемъ власти, онъ, тѣмъ не менѣе, порицалъ отца за его недостатки, какъ будто тотъ являлся исключеніемъ изъ общаго закона и, по горячности натуры не замѣчалъ противорѣчія.

— Ты всегда такъ говоришь! Но, а я не могу не возмущаться тѣмъ, что здѣсь происходитъ! Слишкомъ многое оскорбляетъ меня и заставляетъ негодовать—и на заводѣ, и дома... Я самъ бы радъ былъ восхищаться отцомъ, такъ пріятно, должно быть, любить беззавѣтно тѣхъ, кого мы обязаны любить... Но онъ меня обезкураживаетъ своею

черствостью, своею сухостью. Я не понимаю его, какъ и онъ не понялъ бы меня, если-бъ я открылъ ему свою душу.

— Ты никогда не пробовалъ?

— Къ чему? Мы слишкомъ далеки другъ отъ друга.

— Мы столькимъ ему обязаны!

— Да, да, я знаю. Не будь онъ умнымъ человѣкомъ, мы были бы рабочими, пролетаріями, какъ наши предки. Это онъ поднялъ насъ на нѣсколько ступеней выше. Онъ не щадилъ ни силъ, ни трудовъ; онъ создалъ заводъ, который представляетъ собою цѣлый капиталъ.

— Ну такъ что-жъ? Развѣ это онъ сдѣлалъ для насъ? Развѣ всѣ эти усилія были жертвы? Онъ трудился, создавалъ, расширялъ дѣла только потому, что это было нужно для него самого, такова его натура.—Юноша весь дрожалъ отъ волненія.—Ахъ, это богатство, которое намъ достанется послѣ него—какое это убожество!.. Не лучше ли было бы поменьше денегъ въ машинѣ и побольше тепла и счастья въ домѣ. Всю свою душу онъ вложилъ въ заводъ, а сумѣлъ ли онъ сплотить семью? Что онъ далъ намъ? Деньги-то есть, или, по крайней мѣрѣ, будутъ, какъ онъ говоритъ, послѣ его смерти, но какую мы отъ него видѣли радость, заботу, развѣ онъ насъ воспитывалъ, развѣ давалъ намъ то, что имѣютъ многія дѣти бѣдняковъ, что ничего не стоитъ, и однако жъ, подготовляетъ къ жизни. Никогда!.. И вотъ, я чувствую у насъ въ домѣ присутствіе какой-то враждебной силы, какого-то злого начала, которое готовитъ намъ жестокіе сюрпризы. Можетъ быть, сегодняшній только вступленіе.

Алиса не прерывала брата: въ его словахъ звучала та же смутная тревога, которая часто мучила и ее и только не находила себѣ опредѣленнаго выраженія.

— Этотъ домъ, который ему стоилъ столько крови и душевныхъ силъ—тебѣ не кажется, что онъ не надеженъ, что онъ стоитъ на шаткомъ основаніи?.. Въ чемъ вина архитектора, я не знаю. Можетъ быть, въ него вложено слишкомъ много упорства, честолюбія? Можетъ быть, это возмездіе за все, что побѣдитель давилъ и попиралъ ногами, чтобы выиграть битву?.. Не знаю, но я чувствую какую-то невидимую для него опасность, которая грозитъ и ему, и намъ... Не то, чтобъ это было что-нибудь опредѣленное... Мнѣ кажется иногда, что мы въ крѣпости, у которой рушатся стѣны; а вокругъ трещатъ устои стараго міра, слишкомъ переполненнаго всякими беззаконіями и несправедливостями. Онъ ничего не сдѣлалъ, чтобы уменьшить число ихъ.

Алисѣ были знакомы эти смутныя предчувствія, но она была разсудительнѣе брата и отгоняла ихъ; при томъ же она была убѣждена, что въ мірѣ все постепенно совершенствуется, и отдѣльныя особи и видъ, и что достаточно немного доброй воли и настойчивости, чтобы ускорить этотъ прогрессъ.

— Не забывай, что у отца никогда не было свободнаго времени подумать. Именно, труды такихъ людей, какъ онъ, расчищаютъ дорогу

для такихъ, какъ ты, опредѣляютъ ихъ задачу и даютъ имъ возможность выполнить ее. Его энергія вся ушла на борьбу съ препятствіями; ему приходилось творить и создавать изъ ничего. А теперь онъ создалъ дѣло и передаетъ его тебѣ; тебѣ и надлежитъ смягчить его, приблизить къ болѣе безкорыстному, чистому, гуманному идеалу!.. Вообще, отецъ человѣкъ той эпохи, когда матеріальные интересы стояли на первомъ планѣ, наша будетъ, можетъ быть, лучше, великодушнѣе. Вотъ дядя Максимильянъ вѣритъ въ это.

— Неужели и онъ не лучше другихъ?—задумчиво выговорилъ Бернаръ.

— Во всякомъ случаѣ,—продолжала Алиса, уклоняя разговоръ отъ дяди, котораго слова и жесты въ этотъ вечеръ произвели на нихъ обоихъ тягостное впечатлѣніе,—во всякомъ случаѣ, наше время благопріятствуетъ добрымъ намѣреніямъ: никогда еще не замѣчалось такого общаго порыва солидарности, стремленія къ общему благу, столько коллективныхъ предпріятій, столько добровольныхъ жертвъ! Каждый день это великое движеніе пріобрѣтаетъ новыхъ сторонниковъ; нашъ отецъ пока изъ тѣхъ, которые не довѣряютъ ему, можетъ быть, и онъ когда-нибудь пойметъ!

— Дай Богъ, чтобъ ты была права,—воскликнулъ Бернаръ,—какъ бы я любилъ его, если-бы онъ сдѣлалъ хоть одинъ шагъ въ этомъ направленіи, хоть одинъ!

— Вѣдь принялъ же онъ этого ребенка. Можетъ быть, съ этой сиротой къ намъ въ домъ войдутъ новыя вѣянія... И потомъ отецъ все-таки нуждается въ любви, вѣдь какъ не суди, онъ несчастливъ...

При этихъ словахъ дверь отворилась; вошла Эстелла, которую шумъ ссоры оторвалъ отъ романа, который она читала.

— Они еще никогда такъ не буянили,—нервно выговорила она,—весь домъ дрожитъ. Они кончатъ тѣмъ, что подерутся. Я прямо боюсь, какъ въ грозу.

Наступило молчаніе; ея приходъ прервалъ интимный разговоръ, и онъ уже не могъ возобновиться. Она продолжала:—вы увидите, они будутъ ссориться всю ночь... И, навѣрное, изъ-за мальчишки... Только этого не доставало! Мало еще у насъ было всякихъ ссоръ и непріятностей!..

Въ корридорѣ яростно хлопнули дверью. Послышались торопливые, тяжелые шаги; въ комнату ворвался Делемонъ, безъ сюртука, весь багровый, съ горящими глазами, крича:—на этотъ разъ я потерялъ терпѣніе, я ей далъ по физіономіи.

Онъ нисколько не удивился, что засталъ всѣхъ троихъ у Алисы, и напрямикъ сознался имъ въ своей грубости. Изумленіе и порицаніе, выразившіяся на ихъ лицахъ, пробудили въ немъ стыдъ:—ну, и что же, и тѣмъ хуже,—воскликнулъ онъ, какъ бы оправдываясь.—Я виноватъ, конечно, но чаша переполнилась.

И онъ началъ разсказывать все въ перемѣжку; всѣ накопившіяся обиды; постоянныя колкости, укоры, затаенную злость... Онъ увлекался, приводилъ, увеличивалъ, вспоминалъ старое, потомъ перешелъ

къ настоящему:—вы можете себѣ представить, она воображаетъ, что я разоряю ее? Ужъ сказала бы прямо обкрадываю! Да, да она осмѣливается утверждать, что ея деньги, вложенныя въ заводъ, недостаточно надежно помѣщены...—При словѣ заводъ Алиса и Бернаръ невольно переглянулись.—Она способна повторить это и постороннему человѣку,—продолжалъ Делемонъ,—можетъ быть, своему нотаріусу!.. Вы себѣ представляете, что это будетъ... И какую сцену она мнѣ закатила! Изъ-за ребенка! Можно подумать, что я привелъ въ домъ чуму или холеру... Да, впрочемъ, не изъ-за этого, такъ изъ-за другого нашла бы къ чему придраться... Ахъ, бѣдные вы мои дѣтки, нечего сказать, хорошую я вамъ выбралъ мать!..

Когда онъ чувствовалъ себя несчастнымъ, ему становилось жаль дѣтей. Онъ оглядѣлъ всѣхъ троихъ, словно призывая ихъ въ свидѣтели своего огорченія, потомъ опустился на стулъ, съ котораго всталъ Бернаръ, и безнадежно махнулъ рукой:—а развестись не могу, не могу, не могу!..

— А, можетъ быть, лучше было бы?—вскричала Эстелла, но Алиса перебила ее:—о, папаша, не надо говорить объ этомъ; разводъ это такая ужасная вещь, это крушеніе всей семьи!.. Лучше ужъ потерпѣть.

Принципіально она всегда высказывалась *за* разводъ, какъ и за всѣ новшества, которыя, какъ ей казалось, ослабляли цѣпи «условности», разрушали «предразсудки», «рутину», «обветшалые взгляды», подготовляли болѣе «нормальное существованіе» для будущихъ поколѣній. Но, когда призракъ развода всталъ у ея собственнаго семейнаго очага, она, какъ истая женщина, инстинктивно возмутилась. Въ ней проснулась безсознательная хранительница традицій, прикованная невидимыми нитями къ прошлому своего пола и своей расы, пугавшаяся этого крайняго выхода изъ супружескихъ распрь, быть можетъ, необходимаго, но отъ этого только болѣе тягостнаго. И она думала, что такое же чувство вырвало и у отца ея этотъ крикъ каторжника, волочащаго за собою цѣпь.

Но Делемонъ былъ вовсе не такъ щепетиленъ: женившись по расчету на деньгахъ, онъ не задумался бы и развестись, еслибы дѣла ему это позволили; и теперь, какъ всегда, онъ думалъ о дѣлахъ. Помолчавъ и успокоившись немного, онъ сталъ объяснять:

— Конечно, разводъ всегда тяжелъ, и въ обществѣ на это плохо смотрятъ, но я бы, все-таки, развелся, если бы я могъ, — вѣдь эта женщина прямо-таки отравляетъ намъ жизнь... И еще теперь она вздумала мѣшаться не въ свое дѣло... Но когда же я не могу! Вы не знаете, при какихъ обстоятельствахъ я женился вторично, вы, можетъ быть, думаете, что я увлекся или что-нибудь въ этомъ родѣ? Ничего подобнаго! Заводу пришлось круто; нужны были деньги... А тутъ она подвернулась, какъ разъ во время! Но условія!.. Ея нотаріусъ... О, конечно, не она! Она все повторяла:—«Я ничего не понимаю въ этихъ денежныхъ дѣлахъ, устройтесь съ моимъ нотаріусомъ».

А нотаріусъ старый, еще ея дяди, мелочный, подозрительный, увертливый, прямо крючокъ судейскій. А упрямый — кремень! На каждомъ шагу предосторожности, гарантіи... Онъ мнѣ поставилъ такое условіе! Если-бъ я тогда зналъ, ни за что бы не женился... Ну, словомъ, контрактъ состоитъ въ томъ, что половина чистой прибыли отъ завода принадлежитъ моей женѣ. Конечно, я бы не согласился, но ничего не подѣлаешь, нужда пришпорила; вы, понимаете, что изъ этого вышло? Заводъ выросъ, развился, утроился въ цѣнѣ, но, вѣдь, и всѣ мои деньги вложены въ него же; свободныхъ капиталовъ у меня нѣтъ. Если разводиться, ей пришлось бы выплатить крупную сумму— а гдѣ ее взять? Или же оставить ее пайщицей... Уходя, она унесла бы съ собой часть нашего достоянія, часть дѣла, которое создалось моими трудами, моимъ потомъ и кровью. О, нѣтъ, нѣтъ! Тутъ, вѣдь, вложенъ и кусочекъ жизни вашей бѣдной матери, дѣлившей со мною трудные дни. Она, конечно, имѣла бы право, но эта, чужая!.. Заводъ принадлежитъ мнѣ одному. Я не отдамъ изъ него ни кусочка. Мнѣ нужны всѣ мои средства, чтобъ развивать дѣло. Ради этого,—что-жъ, буду терпѣть—чтобъ ее черти взяли!

Все дѣла, всюду деньги! Вмѣстѣ съ грудами угля въ печи бросаютъ домашній миръ, счастье, достоинство, лишь бы только горѣло поярче, лишь бы приносило выгоду!

Дѣти его переглянулись. У всѣхъ троихъ была одна и та же мысль. Наконецъ, Бернаръ сказалъ твердымъ голосомъ:

— Послушай, отецъ, если ты такъ несчастливъ, не лучше ли принести жертву, какъ бы она ни была тягостна?

Алиса прибавила:

— Разводъ тяжелая вещь, но когда совмѣстная жизнь невыносима... Если тебя удерживаютъ только матеріальныя соображенія...

— Ты можешь быть увѣренъ, что ни одинъ изъ насъ никогда не упрекнетъ тебя.

Дедемонъ ушамъ своимъ не вѣрилъ:

— Честное слово, вы всѣ съ ума посходили! Жертва! Да развѣ можно приносить такія жертвы! Когда что имѣешь, такъ надо беречь, это, прежде всего... А терпѣть — что-жъ, будемъ терпѣть! По крайней мѣрѣ, когда меня не станетъ, вы скажете: «Нашъ отецъ не былъ счастливъ, бѣдняга! Но зато онъ оставилъ намъ превосходно-налаженное дѣло».

Онъ всталъ, простился съ ними и вернулся въ супружескую спальню.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ.

(Критическій очеркъ).

I.

Въ автобіографической повѣсти Д. Н. Мамина, составившаго себѣ извѣстность въ нашей литературѣ съ приставнымъ эпитетомъ—«Сибиряка»—«Черты изъ жизни Пепко», герой ея, начинающій писатель, жалуется своему сожителю на то, что «вѣдь Россія, голубчикъ, не Франція... Тамъ въ самомъ воздухѣ виситъ культура. А намъ приходится, т.-е. каждому начинающему автору, проходить всю теорію словесности собственнымъ горбомъ, начиная съ поученія какого-нибудь Луки Жидяты. Да, до сихъ поръ мы, русскіе, изобрѣтаемъ часы, швейныя машины и проч., что давно извѣстно. Тоже самое и въ литературѣ»... Такое сѣтованіе—въ какой мѣрѣ всякій художникъ, если только онъ художникъ слова, а не музыкантъ, не живописецъ, не архитекторъ, неминуемо принужденъ достигать своего мастерства совершенно самостоятельно, или какъ выражается г. Маминъ, только «своимъ собственнымъ горбомъ», съ совершенно одинаковымъ правомъ могъ бы, конечно, высказать и французъ, и нѣмецъ, и англичанинъ и кто угодно. Вѣдь нѣтъ академіи для художниковъ литературы, какъ есть академіи музыки и живописи. Но русскіе начинающіе писатели дѣйствительно переживаютъ еще болѣе трудный искусъ. Это «прохожденіе теоріи словесности собственнымъ горбомъ» дается имъ еще труднѣе. Причина этому—только не въ условіяхъ русской жизви, какъ это думаетъ Пепко, а въ насъ самихъ, въ нашемъ собственномъ, совершенно своеобразномъ отношеніи къ искусству.

И въ семидесятыхъ, и въ восьмидесятыхъ годахъ оно было еще гораздо болѣе своеобразно, чѣмъ въ наши дни. Въ чемъ заключается это своебразное отношеніе русскаго человѣка и даже русскаго художника къ искусству, это и видно ясно изъ той же повѣсти г. Мамина «Черты изъ жизии Пепко».

Передъ нами здѣсь два молодыхъ человѣка, пріѣхавшихъ изъ «далекой провинціи» искать счастья въ Петербургѣ. Оба они бѣдны и безпріютны. Обоимъ имъ не легко дается борьба за существованіе.

Пока—они студенты; но хотятъ они вовсе не просто пріобрѣсти себѣ профессію и устроиться въ жизни, а чего-то гораздо болѣе труднаго и сложнаго. Обоихъ ихъ гложетъ еще тотъ безпокойный, неугомонный и часто жестокій червь, который отличаетъ будущаго артиста отъ всѣхъ остальныхъ людей. Положеніе—не новое, даже банальное. Сотни и тысячи юношей испытали его послѣ того, какъ однимъ пасмурнымъ утромъ, съ тощимъ багажемъ въ рукахъ, они вышли изъ вагоновъ третьяго класса на жесткую и горючую мостовую Парижа, Вѣны, Берлина, Лондона. И тамъ, на западѣ, этимъ юношамъ борьба за существованіе далась бы еще труднѣе, чѣмъ жильцамъ «Ѳедосьиныхъ Покрововъ» въ повѣсти г. Мамина. Предложеніе интеллигентнаго труда тамъ еще больше. Требованія несравненно выше. Жизнь— жесточе. Надеждъ—меньше. Вся огромная пресса со всѣми своими несмѣтными газетами, еженедѣльными и ежемѣсячными журналами тамъ фактически не можетъ дать работу всѣмъ желающимъ. Даже—самую скромную. Талантъ! Да, конечно, талантъ—вотъ, на что весь расчетъ. Въ этой погонѣ за мѣстомъ у литературнаго очага прежде всего необходимъ талантъ и это-то и есть то великое еще непознанное, что привозятъ съ собою начинающіе писатели. Пока онъ еще только въ ихъ скрытыхъ внутреннихъ упованіяхъ, но можетъ быть, вотъ сейчасъ, вотъ завтра вспыхнетъ онъ краснымъ пожарищемъ и озаритъ всю жизнь. Но, можетъ быть, талантъ откроется и черезъ пять, шесть, десять, черезъ пятнадцать лѣтъ! Его надо найти, высвободить, выхолить. И вотъ оттого-то кромѣ таланта и надо еще очень многое. Даже самый жизненный успѣхъ опредѣляется вовсе не талантомъ, а особой цѣпкостью, съ талантомъ не имѣющей ничего общаго. Но и кромѣ цѣпкости, которая можетъ быть, а можетъ и не быть, нужно еще нѣчто, нужно упорное ученичество, упорный и сознательный трудъ надъ своимъ искусствомъ и надъ собою, какъ источникомъ этого искусства.

Первые годы, такъ называемые, годы борьбы, напр., французскаго молодого писателя и будутъ годами ученичества. Найдетъ ли онъ въ себѣ самомъ и въ кружкѣ, съ которымъ сойдется, сѣмя новыхъ художественныхъ исканій, еще не дошедшихъ до своего выраженія, или, напротивъ, онъ будетъ приверженцемъ установившихся художественныхъ воззрѣній, и въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ будетъ упорно учиться, упорно и усердно думать объ искусствѣ, всматриваясь въ его созданія и изучая внимательно всѣ его оттѣнки и особенности. Онъ будетъ чувствовать себя артистомъ, поборникомъ огромнаго и труднаго дѣла, значеніе котораго онъ будетъ скорѣе склоненъ преувеличивать, чѣмъ умалять. Артистической будетъ и среда, въ которой онъ станетъ вращаться. Каждое явленіе искусства въ этой средѣ будетъ отдаваться властно и сильно и принимать даже несообразно огромные размѣры. Они будутъ вызывать восторгъ и ненависть, негодованіе и чувство побѣды.

Ничего подобнаго въ очеркѣ «Черты изъ жизни Пепко» мы не видимъ. Правда, то лицо, отъ имени котораго ведется разсказъ, говоритъ о «непреодолимыхъ трудностяхъ», какія пришлось ему побѣдить, чтобы «разбить» поэму на части и главы», такъ какъ дѣйствующія лица никакъ не укладывались въ предполагаемыя рамки, и самое дѣйствіе не поддавалось расчлененію». Одинъ опытный журналистъ даетъ ему также полезныя указанія относительно выработки стиля. «Возьмите,— говоритъ онъ,—страницу и сосчитайте, сколько разъ встрѣчаются слова «былъ» и «который». Вѣдь въ языкѣ весь авторъ, эти два слова рельефно показываютъ, какой запасъ словъ въ распоряженіи даннаго автора». Тотъ же Василій Ивановичъ, какъ называется главное лицо повѣсти, также «не пропускалъ ни одной выставки, подробно познакомился съ галлереями Эрмитажа» и «русскіе пейзажисты помогли ему въ его описаніяхъ природы». Идутъ сожители какъ-то разъ и въ оперу слушать великую Патти. Но вѣдь все это такъ первоначально и обще. По поводу пѣнія Патти Василій Ивановичъ, напримѣръ, просто отдѣлывается такимъ замѣчаніемъ: «говорить о томъ, какъ поетъ Патти—излишне. Особенно хороши были дуэты съ Николини. Увы, нынче ужъ такъ не поютъ». Разумѣлъ ли тутъ авторъ какую-либо особенность въ пѣніи Патти? Теперь, вѣдь, дѣйствительно, «такъ не поютъ». Едва ли. Повидимому, это: «увы, нынче такъ не поютъ», просто напросто—сожалѣніе о великой пѣвицѣ, и его могъ бы высказать любой человѣкъ изъ публики.

А между тѣмъ пора презрительнаго отношенія къ искусству въ то время, когда начиналъ г. Маминъ, уже давно прошла. Онъ самъ въ очеркѣ «Первые студенты» изображаетъ намъ писаревщину 60 годовъ. Студентъ Рубцовъ увѣряетъ тамъ, что «нужна фотографія, нужны рисовальщики для хорошихъ сочиненій, нужны, пожалуй, двѣ-три хорошихъ пѣсенки, нужно умѣнье приготовить изъ папье-маше манекена, нужна музыка для домашняго обихода, т.-е. когда Софронъ играетъ на своей гармоніи, нужны національные танцы, чтобы встряхнуться— и только». Теперь, т.-е. черезъ 15—20 лѣтъ, отъ подобныхъ грубо наивныхъ взглядовъ не осталось и помину. Въ глазахъ нынѣшняго поколѣнія начинающій писатель—вовсе не «разслабленный эстетикъ», а, такъ сказать, человѣкъ, предающійся своему полу-инстинктивному увлеченію съ полнымъ правомъ и свѣтлой надеждой. Стремленіе къ искусству и чувствуется, какъ мы видѣли въ «Чертахъ изъ жизни Пепко», но увы, писаревщина не прошла безслѣдно. Она унесла съ собой артистичность 40 годовъ, обѣднила художественную мысль, и вотъ теперь начинающему писателю и предстоитъ заново «проходить всю теорію словесности собственнымъ горбомъ, начиная съ поученія какого-нибудь Луки Жидяты». И проходить ощупью, неумѣло, не твердой поступью, неуклюже, неувѣренно.

Въ концѣ концовъ, Василій Ивановичъ справляется, однако, со своей

трудной задачей. И онъ становится художникомъ. Но какъ? этотъ процессъ побѣды надъ не дававшимся художествомъ въ высшей степени характеренъ.

То «безпокойство, которое — по выраженію Пушкина, — предшествуетъ вдохновенію», вызываетъ въ Василіи Ивановичѣ мысли о далекой и милой провинціи». Отъ нея «вѣяло тепломъ среди безпорядочной и безпріютной студенческой обстановки «Ѳедосьиныхъ покрововъ». Василій Ивановичъ начинаетъ скучать по своей родинѣ. Онъ «такъ любилъ ее и такъ тосковалъ по ней, подавленный петербургской слякотью, сыростью и, вообще, всякой мерзостью», и тогда въ немъ просыпается пейзажистъ. «Мнѣ много помогло,—говоритъ при этомъ Василій Ивановичъ,—что я съ дѣтства бродилъ съ ружьемъ по степи и въ лѣсу и не одинъ десятокъ ночей провелъ подъ открытымъ небомъ на охотничьихъ привалахъ. Подъ рукой былъ необходимый живой матеріалъ, и я разработывалъ его съ упоеньемъ влюбленнаго, радуясь каждому удачному штриху, каждому удачному эпитету и сравненію». Это уже, конечно,—слова автора «Уральскихъ Разсказовъ». И вотъ въ одномъ изъ нихъ, въ словахъ дьячка Ѳомича изъ очерка «Лѣсъ», также страстнаго охотника и любителя природы, становившагося въ лѣсу «прозорливымъ поэтомъ, сливавшимъ свою мысль съ дыханіемъ самой жизни», мы имѣемъ еще одно признаніе, проливающее свѣтъ уже на самый характеръ вдохновенія русскаго художественнаго искателя 70 годовъ.

«Зашелъ ты въ лѣсъ,—говоритъ Ѳомичъ,—для тебя мертво все... И трава, и лѣсъ, и кусты—все мертво. Такъ я говорю? А это такъ кажется, потому что все страхомъ затаилось отъ тебя—и козявка, и птица, и звѣрушка всякая. Ты, какъ чума, идешь по лѣсу-то... да! А вотъ если ты этакъ гдѣ-нибудь затихнешь—все и покажется, со всѣхъ сторонъ подымется всякое живье. И у всякой то твари свой уголъ есть, у всякой то твари свой порядокъ и все на своемъ мѣстѣ». Г. Маминъ именно *затихалъ* во внутреннемъ созерцаніи своихъ воспоминаній о «далекой милой провинціи», и тогда «со всѣхъ сторонъ и подымалось всякое живьё», и все оказывалось на своемъ мѣстѣ и всему оказывался «свой порядокъ». Это выраженіе *затихать* въ высшей степени характерно. Оно все объясняетъ. Оно вырвалось не даромъ. Въ немъ сказалось сознаніе совершенно особой, своеобразной привычки вдохновенія. Вдохновеніе, посѣтившее подъ тѣнью «Ѳедосьиныхъ покрововъ», было строго пассивно. Авторъ нашъ отдается вдохновенію, возникшему подъ вліяніемъ постороннихъ, чисто личныхъ, случайныхъ ощущеній, но не въ силахъ вырвать его. И онъ совсѣмъ во власти этого вдохновенія. Оно уноситъ его, возбуждаетъ воображеніе, и вотъ вновь видится подъ сѣрымъ небосклономъ Петербурга то, что видѣлось тамъ. Т.-е., собственно даже не то, не сама «милая и далекая провинція, какою она воспринималась нѣкогда, а уже новая, просвѣтлен-

ная разлукой, еще болѣе милая и желанная, такая, какою ее дѣлаетъ тоска по ней. И тогда-то проходятъ люди и картины природы въ «чарованьѣ красныхъ вымысловъ», и надо сейчасъ бросить все это на бумагу, потому что это—уже искусство, это уже настоящее непосредственное творчество, наивное, какъ пѣніе птицъ, искреннее, живое и проникновенное.

II.

Такъ возникъ рядъ очерковъ изъ жизни Урала и Западной Сибири, впервые увидѣвшихъ свѣтъ въ «Устояхъ», въ «Дѣлѣ» и въ «Отечественныхъ Запискахъ» начала 80-хъ годовъ. Тѣ, что были въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ 1880 году собраны вмѣстѣ и названы «Уральскими разсказами»; но совершенно тотъ же характеръ носятъ и собранные позже «Сибирскіе разсказы», третій томикъ которыхъ только что вышелъ. Схожіе очерки и по географическому пріуроченію дѣйствія и по самому своему замыслу разсѣяны и по другимъ, почти несмѣтнымъ сборникамъ г. Мамина, какъ «Преступники», «Золотая лихорадка», «Встрѣчи» и многіе другіе, вплоть до «Человѣка съ прошлымъ», гдѣ повѣсть, носящая это заглавіе, такъ ярко выдѣляется изъ другихъ, уже не уральскихъ.

Что Уральскіе разсказы возникли въ воображеніи г. Мамина, какъ «чарованье красныхъ вымысловъ», какъ яркая радость воспоминаній о родинѣ, какъ свѣтлыя мечты о ея заманчивой прелести, это составляетъ ихъ главное художественное достоинство. Можно даже сказать, что въ этомъ ихъ сущность. И не только для самого ихъ автора, но и для читателя. И читатель охваченъ мечтами о родинѣ г. Мамина и его тянетъ въ этотъ заколдованный міръ дѣвственныхъ лѣсовъ, быстрыхъ горныхъ рѣчекъ, свѣтлыхъ озеръ, бойкой и лихорадочной пріисковой жизни и огромной и сложной работы старинныхъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ. Въ изображеніи г. Мамина все это такъ привлекательно, сказочно, необыкновенно; все живетъ такъ кипуче и своеобразно. На каждомъ шагу интересные люди и интересныя событія. На каждомъ шагу необычныя, сильныя чувства, необычные характеры. Все блеститъ своимъ собственнымъ отблескомъ и чувствуется какая-то особая чисто русская красота, завѣтная и родная даже тому, кто никогда не былъ на Уралѣ, такъ что если невольно, какъ и самого г. Мамина, при чтеніи его очерковъ тянетъ также побродить съ ружьемъ гдѣ-нибудь на Шиханѣ или около Міаса, или по рѣчкѣ Чусовой, то тянетъ туда именно ради того русскаго и даже старо-русскаго, что сохранилось въ этой природѣ, что уцѣлѣло и въ этихъ людяхъ, знающихъ тайные раскольничьи скиты и не утратившихъ чисто русскую обстановку жизни, чисто русскую полународную рѣчь, русскіе суевѣрія и русскіе обычаи.

О г. Маминѣ принято говорить, что онъ знаетъ Уралъ и открылъ намъ его. Нѣтъ, г. Маминъ не только знаетъ Уралъ, онъ еще гораздо болѣе влюбленъ въ него.

Въ одномъ изъ сравнительно недавнихъ своихъ романовъ «Безъ названія» г. Маминъ заставляетъ цѣлую партію москвичей ѣхать на Уралъ для основанія тамъ большого дѣла по эксплоатаціи мѣстныхъ богатствъ на какихъ-то особыхъ новыхъ началахъ. Когда герои его пріѣзжаютъ, наконецъ, на станцію Тагиль, авторъ говоритъ: «Окоемовъ опять любовался уральскимъ бойкимъ людомъ. Какія все смышленыя лица, какая смѣтка и какой, наконецъ, свободный разговоръ съ совершенно незнакомыми людьми. Только привольный богатый край могъ создать такое населеніе. Простой рабочій выглядѣлъ здѣсь завтрашнимъ богачемъ, и это придавало ему совершенно особенную складку». И немного дальше, когда рѣчь идетъ уже не о людяхъ, а о самой природѣ, г. Маминъ еще болѣе воодушевляется: «Какой неистощимо богатый край! Это была сказка, сонъ на яву... Поѣздъ продолжалъ мчаться по золотоносной почвѣ и даже балластъ желѣзнодорожнаго полотна былъ устроенъ изъ золотоносныхъ песковъ. Вообще что-то невѣроятное, какъ сонъ. Это и не здѣсь только, а по всему восточному склону Урала, который въ буквальномъ смыслѣ насыщенъ золотомъ, этимъ величайшимъ изъ всѣхъ двигателей, какъ на него смотрѣлъ Окоемовъ со своей точки зрѣнія. И это на разстояніи цѣлой тысячи верстъ... Остается къ этому прибавить другія сокровища, какъ желѣзо, лѣса, двигательную силу въ формѣ горныхъ рѣкъ, благодатную башкирскую степь, рыбныя озера» и т. д., и т. д. Но это вовсе не патріотизмъ мѣстнаго человѣка, восхищеннаго богатствомъ своего края. Г. Маминъ шире этого. Противополагать Уралъ остальной Россіи ему не приходитъ и въ голову. Нѣтъ у него особой слабости и къ уральскому люду. Онъ всегда изображаетъ свою родину какъ мѣсто, куда стекаются люди со всѣхъ концовъ. Кого только нѣтъ въ его разсказахъ? И хохлы, и нѣмцы, и русскіе ссыльные, и петербургскіе слетыши. Стоитъ имъ, однако, попасть на Уралъ, и они сразу какъ-то мѣняются; они сразу становятся интереснѣе, ярче, живѣе. Любопытенъ въ этомъ отношеніи разсказъ «Куку» изъ сборника «Золотая муха». Здѣсь авторъ изображаетъ намъ убогихъ акробатовъ: Альфонса, Анджелику, маленькую Сафо и самого Куку, несмотря на эти имена просто нижегородскихъ мѣщанъ. Они пѣшкомъ пробираются на кумысъ въ киргизскую степь поближе къ Уралу, и тутъ тотчасъ же какъ-то исчезаетъ ихъ убожество. Странная мысль свести вмѣстѣ уличныхъ акробатовъ и степныхъ киргизовъ приводитъ даже къ потрясающему роману «Куку» съ киргизской «красавицей Бэлой».

Въ «Чертахъ изъ жизни Пепко» г. Маминъ говоритъ, что Василію Ивановичу было тѣсно въ рамкахъ обыкновеннаго существованія, обыкновенныхъ смертныхъ, и его тянуло поэтому «къ типичной красотѣ».

Всѣхъ своихъ героевъ, какъ только рѣчь идетъ объ Уралѣ, г. Маминъ и облекаетъ золотомъ «типичной красоты». Эта типичная красота есть полное соотвѣтствіе богато одаренной, роскошной и сильной природы съ такими же богато одаренными сильными личностями.

Огромная физическая сила и почти геніальная смѣтка, къ чему бы она не примѣнялась, къ исканію золота, къ ремеслу, къ охотѣ—вотъ излюбленныя свойства героевъ г. Мамина. Даже отецъ Андроникъ въ ранней повѣсти «Авва» изображенъ необыкновеннымъ силачемъ, и таковъ же попъ Андронъ въ разсказѣ «Въ уральской старинѣ», и помѣщикъ Евграфъ Павловичъ оттуда же, и даже «актерка», помѣщичья дочь изъ «Грозы», не говоря уже о герояхъ-крестьянахъ отъ «сплавщика», Савоськи изъ «Бойцевъ», вплоть до «купленнаго вора» Гаврюшки изъ «Человѣка съ прошлымъ». Особую смѣтку выказываютъ, конечно, прежде всего люди «подверженные золоту», тѣ «старатели», которые находятъ новыя мѣста рожденія золотоноснаго песка или кварца, либо смѣльчаки, торгующіе краденымъ золотомъ. Таковы—старикъ Сила изъ «Золотухи», Агашковъ изъ «Золотой ночи», «Злой духъ», Лука Демьянычъ, изъ разсказа «Злой духъ» и многіе другіе. Но по своему замѣчательные люди—и Вахрушка изъ «Отравы», умнѣющій отъ вина, и поэтъ уральской природы Ѳомичъ изъ «Лѣса». А надъ всѣми ними возвышается фигура сплавщика, Савоськи изъ «Бойцовъ», этого артиста своего дѣла, которымъ такъ любуется авторъ. И Савоська въ то же время интересенъ и какъ человѣкъ. И самой своей прошлой жизнью, которую онъ старается выплакать въ пѣснѣ, онъ типичный уральскій герой, выкормокъ суровой, но богатой природы, суровыхъ нравовъ и обычаевъ, суровыхъ страстей и увлеченій.

«Бойцы» — одинъ изъ наиболѣе блестящихъ очерковъ г. Мамина, и именно на немъ всего яснѣе видны основныя черты его писательской манеры.

Все содержаніе разсказа сводится просто къ нѣсколькимъ эпизодамъ изъ сплава желѣза по рѣкѣ Чусовой внизъ, въ Пермь, на неуклюжихъ баркахъ, построенныхъ только для одного рейса и тотчасъ же продаваемыхъ на сломъ. Но вѣдь авторъ «затихъ» передъ картиной сплава: онъ весь отдался созерцанію, и тогда передъ нимъ открылись всѣ его внутреннія особенности, всѣ сложныя и своеобразныя перипетіи сплава. Сначала оживляется пристань Каменка, и на берегу начинаютъ толпиться сошедшіеся иногда изъ за ста верстъ бурлаки. Какое разнообразіе типовъ и народностей! Тутъ крестьяне Пермской и Вятской губерній и башкиры изъ Уфимской губерніи, и вогулы, и пермяки, и зыряне, и татары и, наконецъ, заводская вольница, разбитные рабочіе, всю свою жизнь проведшіе на тяжелой «огневой работѣ», сами потомки «сибирскихъ варнаковъ», переселенныхъ хохловъ и разнаго сброда изъ центральныхъ великорусскихъ губерній. Оттого «кромѣ рваныхъ овчинныхъ полушубковъ, сѣрыхъ кафтановъ и лаптей, здѣсь

попадались бѣлыя войлочныя шляпы съ широкими полями, мѣховыя треухи, оленьи круглыя шапки съ наушниками и просто невообразимая рвань, какимъ то чудомъ державшаяся на головѣ». Все это смѣшивалось въ работѣ, пѣло Дубинушку, пускало остроты и прибаутки, ругалось и орало, а надъ всѣмъ этимъ возвышался неугомонный и неистовый крикъ главнаго приказчика по сплаву Осипа Иваныча, «приземистая, широкоплечая фигура» котораго мелькала то тутъ, то тамъ. Весь этотъ народъ ждалъ «паводка». Лихорадочно шла наводка барокъ огромныхъ и неуклюжихъ, о которыхъ, когда они еще стоятъ на мели, такъ странно слышать, что они «бѣгутъ», «бьются» и проч., точно о живыхъ и подвижныхъ существахъ. Но вотъ, наконецъ, открыли шлюзъ и начали спускать барки въ рѣку. Тогда, разсказываетъ авторъ, — когда барку подхватило струей, какъ перышко, и понесло впередъ съ неудержимой бѣшеной быстротой, только тогда я понялъ и оцѣнилъ, почему бурлаки относятся къ баркѣ, какъ къ живому существу. Это нескладное суденышко, сшитое на живую нитку, дѣйствительно превратилось въ одно живое цѣлое, исторически сложившееся мужицкимъ умомъ, управляемое мужицкой волей и преодолѣвающее на своемъ пути почти непреодолимыя препятствія той мужицкой силой, той силой, которая смѣло вступала въ борьбу съ самой бѣшеной стихіей, чтобы побѣдить ее».

И тутъ, когда Каменка быстро скрылась изъ вида, и пока теперь «мимо зеленой шпалерой бѣжитъ темный вязникъ, тонкая вешняя волна съ захватывающимъ стономъ хлещетъ въ крутой берегъ» и «въ этомъ бѣшеномъ разгулѣ могучей стихійной силы била ключемъ суровая поэзія глухового сѣвера, поэзія титанической борьбы, не знавшей мѣры и границъ собственнымъ силамъ», настоящимъ побѣдителемъ всего этого, настоящимъ геніемъ устроившаго сплавъ по горнымъ рѣкамъ мужицкаго ума встаетъ передъ нами Савоська, котораго еще только нѣсколькими страницами раньше мы видѣли пьянымъ загулявшимъ мужикомъ, вытолкнутымъ изъ конторы Осипомъ Ивановичемъ. Это его находчивость, смѣлость, умѣнье и присутствіе духа спасаютъ барку, на которой плыветъ авторъ, пока она, увлеченная извилистымъ и стремительнымъ теченіемъ Чусовой, несется отъ одного бойца на другой, т.-е. миновавъ одну скалу, выростающую прямо изъ воды на поворотѣ рѣки, летитъ, чтобы, казалось бы, неминуемо разбиться, на такую же скалу, стоящую на слѣдующемъ поворотѣ. Пока «садятся» и «бьются» переднія барки, мы и проникаемся все большимъ уваженіемъ къ Савоськѣ и его искусству и все большимъ восторгомъ передъ своеобразной и опасной прелестью этого путешествія среди живописной горной природы. А когда барка дошла, наконецъ, до Перьми, тогда Савоська становится и другимъ еще героемъ; мы узнаемъ его прошлое, это сгубившее его преступленіе, эту старую незатянувшуюся любовную рану, зіяющую до сихъ поръ, каждый разъ, какъ онъ вспо-

минаетъ о покойной женѣ, погибшей, по его мнѣнію, какъ отмщеніе за его преступленіе. Сильныя чувства, сильный умъ, сильная воля, огромная, чисто природная, сила бьетъ ключемъ въ этомъ героѣ, и она то выливается въ его пѣснѣ тамъ, въ чаду пермскаго трактира.

Росписавъ сплавъ по рѣкѣ Чусовой всѣми переливами романтическихъ красокъ, т.-е. такъ, какъ издали рисовало все это воображеніе, воспаленное мечтами о красотѣ родного края, г. Маминъ, однако, вовсе не скрываетъ оборотной стороны этого красиваго зрѣлища. Онъ вовсе не рисуетъ свой Уралъ какой-то вожделѣнной страной радостей. Напротивъ. «Типичная красота» не боится борьбы тьмы со свѣтомъ. Она гораздо болѣе боится всего слащаваго и прикрытаго мишурнымъ украшеніемъ или неискреннимъ замалчиваніемъ.

Уралъ г. Мамина—суровъ и сумраченъ опять таки, какъ его природа. При описаніи сплава по рѣкѣ Чусовой, такого поэтическаго и захватывающаго, авторъ не скрываетъ отъ насъ глубокихъ страданій бурлаковъ. Нужда заставила ихъ подписать контракты въ волостяхъ, потому что задатки были единственнымъ ресурсомъ, и вотъ теперь, когда уже пора сѣять, эти дальніе мужики, голодные и обнищавшіе должны съ опасностью жизни гнать барки по такой ничтожной цѣнѣ, что домой придется вернуться почти съ пустыми руками. Г. Маминъ изображаетъ ихъ на пристани, какъ они питаются кусочками, или въ пріемномъ покоѣ, гдѣ они мрутъ отъ простудныхъ болѣзней. Поэтическій сплавъ своеобразно оттѣняетъ и дикій вой инородцевъ, съ голодухи полакомившихся «веселой коровкой» т.-е. мясомъ отъ взбѣсившейся коровы. И всюду во всѣхъ почти и другихъ разсказахъ г. Мамина, всегда стонетъ и изнываетъ уральскій крестьянинъ, будь-то «смотритель» на пріискахъ, обманутый и эксплотируемый, будь-то заводскій рабочій, теряющій здоровье на «огневой работѣ». Нужда всюду. Отъ нея не спасаетъ богатство края, а напротивъ, на фонѣ его, она еще нагляднѣе, еще страшнѣе... Оттого среди этого населенія, еще не забывшаго временъ приписки къ казеннымъ заводамъ, когда свирѣпствовала плеть и «зеленая улица» шпицрутеновъ и безнаказанно набивались карманы управляющихъ горнаго вѣдомства, не знавшихъ предѣловъ насилій и эксплотаціи, оттого среди него выработалась и еще одна особая предпріимчивость—эти многострадальные ходоки, и съ «родительской кровью» передается стремленіе постоять за міръ, даже у людей отбившихся отъ крестьянства, какъ Евстратъ Семенычъ Баженинъ изъ разсказа «Родительская кровь».

Сурова жизнь уральца, какъ сурова жизнь и вообще русскаго мужика, сурова и страшна. Звѣрское отношеніе и звѣрскіе нравы Г. Маминъ не скрываетъ и не замалчиваетъ и этого. Онъ не обходитъ и потрясающія своимъ грубымъ изувѣрствомъ сцены истязанія бабъ, этихъ паріевъ среди паріевъ, этихъ рабынь порабощеннаго народа. Нельзя идти дальше въ неумолимомъ изображеніи озвѣрѣвшей жесто-

кости, какъ въ томъ эпизодѣ «Бойцовъ», когда Бубновъ и Гришка расправляются съ Маришкой за то, что она не сумѣла помочь имъ украсть кусокъ мѣди.

«Гришка, не говоря ни слова, такъ ударилъ Маришку своимъ десятипудовымъ кулакомъ, что несчастная бабенка покатилась по землѣ, какъ выброшенный изъ окна щенокъ.

— Поливай ее!—поощрялъ Бубновъ, давая Маришкѣ нѣсколько пинковъ ногой.—Ишь притворилась... Язва! Валяй ее, зачѣмъ воровать не умѣешь... Подъ другой глазъ наладь ей!

На Маришку посыпался градъ ударовъ. Собравшаяся толпа съ тупымъ безучастіемъ смотрѣла на происходившую сцену, и ни на одномъ лицѣ не промелькнуло даже тѣни состраданія».

Такая же расправа, не менѣе жестокая, изображается и въ «Золотухѣ» надъ несчастной Лукерьей, женой Никиты, и опять тамъ никто не двинулся—даже родная мать. Подобныя сцены не много чѣмъ отличаются отъ изувѣрства крѣпостного управителя Ивана Антоновича надъ молодой женой Харитиной, въ «Родительской крови».

«Типичная красота», требовавшая игры свѣта и тѣни, требовавшая того, чтобы вся жизнь уральскаго люда выразилась въ описаніяхъ не только цѣликомъ, но и выпукло, въ своихъ самыхъ сильныхъ проявленіяхъ, привела затихшаго передъ созерцаніемъ ея г. Мамина и къ особому раздумью. Онъ вдумался въ игру свѣта и тѣни, и она представилась ему, если не гармонической, то все-таки стремящейся стать таковою.

Въ тѣ далекія времена крѣпостного права, когда еще шла вѣками установившаяся жизнь, безъ внесенія въ нее какихъ бы то ни было гуманитарныхъ поправокъ или осложненій, вырванныхъ постороннимъ, свыше вліяющимъ законодательствомъ, безправіе и угнетеніе народа порождало особое возмездіе въ видѣ «крѣпостныхъ разбойниковъ». «Осѣвшее въ горахъ волей и неволей населеніе рѣзко отличалось отъ крѣпостного росейскаго брата, отличалось именно неумиравшимъ духомъ протеста, глухой борьбы и взрывами дикой воли,—пишетъ г. Маминъ. «Однимъ изъ самыхъ яркихъ воспоминаній моего дѣтства является именно разбойникъ, какъ нѣчто необходимо роковое, какъ своего рода судьба или кара, какъ выраженіе чего-то такого, что съ плеча ломило и разносило вдребезги всѣ установившіяся нормы, до дна возмущая мирное теченіе жизни и оставляя послѣ себя широкій слѣдъ». Крѣпостныхъ разбойниковъ и изображаетъ намъ г. Маминъ въ романѣ «Три конца» и въ особыхъ очеркахъ изъ сборника «Преступники». О разбойникѣ слышимъ мы и въ разсказѣ «Бойцы». И совершенно такой же «карой», «ломившей и разносившей вдребезги всѣ установившіяся нормы», представленъ г. Маминымъ и протестъ порабощенной женщины. Въ разсказѣ «Отрава» писарь Иванъ Антонычъ говоритъ:—«Звѣрства этого вполнѣ достаточно... Мужики

звѣрствуютъ, а бабы травятъ—это по всѣмъ деревнямъ такъ». Отравительница, смышленая баба, знающая составленіе ядовъ, оказывается, такимъ образомъ, чѣмъ-то въ родѣ возстановительницы попранныхъ правъ женщины на существованіе совершенно параллельно тому, какъ разбойникъ—мститель за угнетеніе народа. Оттого о героинѣ разсказа «Отрава» нашъ авторъ и отзывается въ концѣ съ объективнымъ безпристрастіемъ. Пусть свое дѣло дѣлаетъ судъ; зачѣмъ еще «осуждать осужденнаго».

III.

Особое мѣсто среди произведеній г. Мамина занимаютъ его романы.

Первые изъ нихъ, и я сразу скажу—лучшіе, «Горное Гнѣздо» и «Три конца», правда, всецѣло принадлежатъ еще къ «Уральскимъ разсказамъ». «Горное Гнѣздо», прошедшее черезъ «Отечественныя Записки» въ 1884 году вызвало особый интересъ тѣмъ, что въ немъ искали портретовъ крупныхъ уральскихъ дѣльцовъ, въ то время привлекавшихъ къ себѣ всеобщее вниманіе среди толковъ объ ожидаемыхъ успѣхахъ россійской промышленности, раздававшихся подъ гулъ націоналистическихъ увлеченій этого послѣдняго пережитка уже угасавшаго славянофильства. Но что собственно сказать о «Горномъ Гнѣздѣ» помимо этого? Весь романъ построенъ на анекдотѣ. Интриги въ управленіи одной цѣпи заводовъ вызвали пріѣздъ на Уралъ самого владѣльца, капризнаго и безучастнаго даже къ своей собственности прожигателя жизни, очерченнаго дѣйствительно очень мѣтко и остроумно. И вокругъ него кишитъ и волнуется, интригуетъ и угодничаетъ цѣлый рой служащихъ, также очерченныхъ очень мѣтко и остроумно. Но главную прелесть романа непремѣнно представляетъ собою все-таки природа Урала, сцены охоты, описаніе самаго завода, его барскаго парка, его окрестностей. Только потому, что анекдотъ имѣлъ мѣсто здѣсь въ этой живописной мѣстности, можетъ онъ имѣть интересъ внѣ узкой среды горныхъ инженеровъ и уральскихъ служащихъ. Только потому, что этотъ романъ также проникнутъ стремленіемъ къ возсозданію «типичной красоты» Урала можно было растянуть перипетіи простого анекдота на цѣлый томъ и все время держать интересъ читателей на-сторожѣ.

Нѣсколько иное положеніе занимаютъ «Три конца». Тутъ уже начинаетъ сказываться новое направленіе въ творчествѣ г. Мамина, развившееся потомъ въ слѣдующихъ его романахъ.

Художественный замыселъ г. Мамина, какъ мы уже видѣли, вовсе не похожъ на Глѣба Успенскаго, Златовратскаго, Коронина и прочихъ постоянныхъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ». «Уральскіе

разсказы» не столь любвеобильной души о народномъ горѣ. Народное горе въ нихъ ни въ коемъ случаѣ ни разу не осталось позабытымъ. Оно даже зіяетъ; но оно только тѣнь для пестрыхъ и блестящихъ красокъ «типичной красоты». Ни Гѣбъ Успенскій, ни Златовратскій, ни Коронинъ не были также пейзажистами, потому что народъ не видитъ и не знаетъ пейзажа, а великая скорбь народная заститъ его и отъ взоровъ «народника». Г. Маминъ, напротивъ, пейзажистъ, и даже именно, какъ пейзажистъ, спокойно, созерцательно изображалъ онъ и народную нужду. Однако, посторонній общему направленію «Отечественныхъ Записокъ», куда онъ пришелъ со стороны, г. Маминъ сталъ ихъ сотрудникомъ, а отсюда, конечно, и читателемъ. И вотъ читатель «Отечественныхъ Записокъ», другъ народниковъ, и другъ, конечно, искренній, и сталъ сказываться въ его писаніяхъ. Уже въ «Золотухѣ» есть одно интересное отступленіе, одно чисто внѣшне вставленное разсужденіе лица, отъ котораго ведется разсказъ о томъ, какъ устроить бытъ пріисковаго «старателя». *Затихавшій* передъ прелестью родного края художникъ-созерцатель, не отдавая себѣ отчета сталъ тяготѣть къ публицистической беллетристикѣ и это тяготѣніе и вылилось уже довольно ярко въ «Трехъ концахъ», а потомъ, когда при отсутствіи установившихся художественныхъ воззрѣній трудно было рѣшить, надо ли это или нѣтъ, подъ давленіемъ окружающихъ вліяній публицистика стала развиваться. Творчество стало уже не «затихшимъ» и созерцательнымъ, а преднамѣренно тенденціознымъ. И при этомъ, если таковымъ оно стало именно въ романахъ, то это опять-таки связано съ затвержденнымъ взглядомъ на романъ или большую повѣсть, какъ на художественное произведеніе непремѣнно требующее, не въ примѣръ простому очерку, развитія какой-либо идеи, выставленной средствами искусства, но служащей прежде всего наставительно познавательнымъ цѣлямъ.

Одной изъ основныхъ идей народниковъ «Отечественныхъ Записокъ» и идей въ высшей степени важныхъ, особенно если не бояться довести ее до конца, до всѣхъ ея логическихъ послѣдствій,—было обнаруженіе «деревенскаго оскудѣнія», шедшаго вровень съ оскудѣніемъ помѣщичьимъ, какъ естественнаго слѣдствія односторонняго проведенія въ жизнь реформы 1861 года. Въ художественномъ отдѣлѣ «Отечественныхъ Записокъ» объ оскудѣніи деревень повѣствовалъ съ особой ожесточенной настойчивостью цѣлый рядъ очерковъ Коронина отъ «Союза» до «Фантастическихъ замысловъ Миная» и «Снизу вверхъ». Эта идея и была воспринята г. Маминымъ. Оскудѣніе народа—вотъ, что изображаютъ по своему, сообразно уральскимъ условіямъ «Три конца», начинающіеся такимъ захватывающимъ описаніемъ объявленія воли, гдѣ такъ чувствуется недоумѣніе народа лишь смутно и по своему оцѣнившаго величіе переживаемой минуты, понявшаго его не нашимъ книжнымъ пониманіемъ и не такъ цѣликомъ, какъ крѣпост-

ная интеллигенція, даже тогда, когда вся жизнь собственно прошла и крѣпостной режимъ уже раздавилъ, измучилъ и искалѣчилъ. Но въ «Трехъ концахъ» уральское оскудѣніе, т.-е. оскудѣніе помѣщичьяго заводскаго дѣла и рядомъ съ нимъ оскудѣніе и привязанныхъ къ нему деревень еще какъ бы заглушено цѣлымъ множествомъ событій изъ взаимныхъ отношеній самихъ трехъ концовъ заводскаго поселка, рязанскаго, хохлацкаго и мѣстнаго раскольничьяго, и вниманіе читателя слишкомъ часто упускаетъ изъ виду основную тему романа. Созерцательность «Уральскихъ разсказовъ» еще преобладаетъ. Живописность Урала съ его пестрымъ населеніемъ заслоняетъ соціально-историческое значеніе замысла. Г. Маминъ все еще живописецъ того же склада, что и раньше; онъ все еще «затихаетъ» передъ богатствомъ созданныхъ его воображеніемъ образовъ и лишь въ слѣдующемъ романѣ, гдѣ развивается та же тема, онъ уже перестанетъ «затихать», захочетъ сдѣлаться полнымъ хозяиномъ положенія и тогда-то начнется полное осуществленіе его новой писательской манеры.

Этотъ слѣдующій романъ, вновь говорящій объ оскудѣніи, носитъ названіе «Хлѣбъ».

Романъ этотъ возникъ подъ вліяніемъ голодовъ 91—92 года и входитъ, такимъ образомъ, въ довольно обширную «голодную литературу», наиболѣе сильный представитель которой—«Голодный годъ» В. Короленка. Но голодъ, съ точки зрѣнія народничества, отнюдь не былъ чѣмъ-то новымъ. И еще менѣе онъ насталъ неожиданно. Народническая литература его предчувствовала, предсказывала и предостерегала еще заранѣе отъ его ужасовъ. Голодъ явился именно ужасающимъ фактическимъ подтвержденіемъ такъ упорно изображавшагося «оскудѣнія деревень». Еще въ 80 году, отвѣчая на статью Ивана Аксакова въ первомъ номерѣ Руси, гдѣ говорилось о нашемъ «настроеніи, недоумѣніи и сомнѣніи», Н. К. Михайловскій прямо писалъ: «Какое тутъ недоумѣніе, когда голодъ завтра загуляетъ по родинѣ, какъ полновластный хозяинъ» (*Отеч. Зап.* 1880 г. № 12). Въ романѣ «Хлѣбъ» собственно голоду и посвящены лишь послѣднія главы, а весь романъ есть именно попытка художественнаго воспроизведенія этого медленнаго, но вѣрнаго, постепеннаго, но неотвратимаго наступленія ужасающаго народнаго бѣдствія.

Но вотъ тутъ-то и сказывается новая манера г. Мамина. Изображенія въ романѣ собственно нѣтъ вовсе. Романъ скорѣе пересказанъ, чѣмъ написанъ. Вдохновеніе не явилось. Воображеніе осталось вяло. Оно почти бездѣйствуетъ. Двѣ, три яркія сцены, два три настоящихъ уральскихъ пейзажа—вотъ и все, что можно назвать художественнымъ. При предвзятой задуманности вызвать вдохновеніе и не могло удасться.

И этотъ главный недостатокъ романа, его сухая и поспѣшная пересказанность, какъ то всегда бываетъ, когда въ искусствѣ сказы-

вается пренебреженіе формой, сводитъ на нѣтъ и самую ту идею, исходя изъ которой искалъ на этотъ разъ г. Маминъ вдохновенія. Слѣдя за разсказомъ о жизни Галактіона Колобова и тѣсно связанной съ ней исторіей банка въ Запольѣ, все время спрашиваешь себя, почему же собственно финансовыя предпріятія Галактіона и его друзей, Штаффа, Ечкина, Стабровскаго и др. должны были привести къ обнищанію когда-то богатаго края. Гдѣ тутъ связь? Г. Маминъ не показалъ намъ этого; онъ только сказалъ намъ, что это такъ, требуя отъ насъ вѣры. Онъ, правда, изображаетъ открытіе въ селѣ Заслонѣ новаго кабака, но то обстоятельство, что скирды хлѣба, нѣкогда окружавшія Заслонъ, теперь быстро стали уменьшаться, потому что мужики начали покупать ситцы и для этого продавали рожь, это уже намъ просто сообщаетъ авторъ и такъ какъ подобное соображеніе не можетъ быть сочтено за аксіому, мы вправѣ этому вовсе не вѣрить. Авторъ не обязанъ былъ доказывать свою политико-экономическую теорію. Онъ пишетъ не трактатъ, но онъ былъ обязанъ наглядно представить намъ это явленіе въ образахъ, т.-е. въ поступкахъ своихъ героевъ. Нельзя также безъ всякаго недоумѣнія принять и зависимость между основаніемъ банка и разореніемъ старика Колобова, Малыгина и Луковникова. Принятая на вѣру и безъ особенно вдумчиваго къ ней отношенія теорія народниковъ объ «оскудѣніи деревень», какъ прямое послѣдствіе оставленнаго на произволъ судьбы стараго натуральнаго крестьянскаго хозяйства, слилась здѣсь съ также принятой на вѣру идеей тѣхъ же народниковъ о губительномъ дѣйствіи капитализма, и вотъ, г. Маминъ пишетъ романъ, изъ котораго мы узнаемъ, что основаніе банка и проведеніе новыхъ путей сообщенія непосредственно ведутъ къ разоренію, при чемъ усвоенная имъ манера пересказывать свой замыселъ, вмѣсто того, чтобы осуществлять его въ образахъ, отнимаетъ у романа всякое правдоподобіе и всякую доказанность.

Оттого судъ надъ Галактіономъ Колобовымъ, производимый его отцомъ, бывшимъ исправникомъ Полуяновымъ, и Харитиной не трогаетъ вовсе читателя. Галактіонъ слишкомъ блѣденъ; его вина слишкомъ расплывчата; даже если признать поэтическую справедливость, какъ правильный художественный пріемъ, то и тогда самоубійство Колобова вызываетъ недоумѣніе. Но еще болѣе сказывается эта предвзятая манера задумывать художественныя произведенія, этотъ характеръ романа-притчи, въ романѣ «Безъ названія».

Тутъ самая «теза» автора уже болѣе не только не народническая, но даже противорѣчащая народничеству. Теперь нашъ авторъ, бичевавшій въ «Хлѣбѣ» дѣловую горячку, охватившую русское общество послѣ освобожденія крестьянъ, еще усилившуюся въ 80 годахъ и, по собственному мнѣнію г. Мамина, вызвавшую «оскудѣніе деревни», дошедшее до своего крайняго предѣла, до прямого голода, эту самую

дѣловую горячку теперь онъ какъ будто воспѣваетъ. Его герой Окоемовъ—русскій американецъ. Онъ принципіальный предприниматель. Основывать огромныя «дѣла»—вотъ, что онъ поставилъ себѣ задачей. И оттого онъ—«прежде всего купецъ». Но этотъ «прежде всего купецъ» теперь оказался благодѣтелемъ. Его дѣло почему-то свято и прекрасно. Оно хорошо уже тѣмъ, что Окоемовъ привлекъ къ нему прокутившагося бездѣльника Сережу и цѣлый рядъ интеллигентовъ-неудачниковъ, собранныхъ въ Москвѣ по газетнымъ объявленіямъ. Трудъ облагораживаетъ. При смѣткѣ и энергіи должны возникнуть прочныя дѣла въ такомъ благодатномъ краю, какъ Уралъ. Надо только не говорить, а дѣлать. И сколько молодыхъ силъ пропадаетъ у насъ, потому что никто не пустилъ ихъ въ дѣло. Вотъ, что говоритъ намъ авторъ. Но, увы, онъ только говоритъ, и такъ ли это, дѣйствительно ли возможно ли такое легкое осуществленіе мечтаній Окоемова, этого мы опять таки и не узнаемъ. Сказать легче, чѣмъ сдѣлать, хочется выразить автору, переворачивая послѣднюю страницу... И сказать легче чѣмъ изобразить...

Такой же характеръ пересказанности отнимаетъ почти всякое значеніе и у другихъ романовъ г. Мамина, напримѣръ, у «Золота», возникшаго еще раньше «Хлѣба», и у болѣе позднѣйшихъ «Приваловскихъ милліоновъ». Тутъ, однако, отсутствуетъ уже и «теза» и пересказъ возможнаго романа оказывается въ своемъ чистомъ видѣ, только отъ времени до времени захватывая занимательностью фабулы.

IV.

Отсутствіе самостоятельности мысли, съ одной стороны, и какая-то безсознательность въ отношеніи къ художественному замыслу, естественнымъ послѣдствіемъ чего и явилось предвзятость и сухая пересказанность,—вотъ, что пришлось, стало быть, отмѣтить въ романахъ г. Мамина. Тѣ же черты своеобразно сказались и во всѣхъ почти разсказахъ нашего автора, которые возникли уже не подъ вліяніемъ «уральскаго» вдохновенія, не среди воспоминаній о «далекой и милой провинціи», а напротивъ, просто повѣствуетъ намъ объ «обыкновенномъ существованіи» и объ «обыкновенныхъ смертныхъ». Такихъ очерковъ довольно много. Они заполняютъ собою сборники «Золотая муха», «Ноктюрны», «Именинникъ» и др. Послѣдніе изъ нихъ «Человѣкъ съ прошлымъ» и «Вокругъ ракитова куста».

Что это такъ—не трудно показать, оставаясь на почвѣ однихъ только новыхъ сборниковъ г. Мамина.

За «Человѣкомъ съ прошлымъ», слѣдуютъ напримѣръ, два недурныхъ разсказа «Судъ идетъ» и «Городская сестра», и что же? въ нихъ опять проявляется та же несостоятельность, то же шатаніе худо-

жественнаго замысла, какъ будто какого-то не своего и даже чуждаго. Въ разсказѣ «Судъ идетъ», гдѣ описывается смерть прокурора Ивана Павловича Мухина, чувствуется, напримѣръ, не то, что-то напоминающее «Смерть Ивана Ильича» (ср. отношенія Мухина къ курьеру Евграфа) не то, что-то приближающееся къ «Обыкновенной исторіи» Чехова. А между тѣмъ г. Маминъ заканчиваетъ разсказъ морализирующимъ финаломъ, въ которомъ прокуроръ Мухинъ въ ужасѣ сознаетъ, что надъ нимъ идетъ творить расправу судъ (откуда и заглавіе разсказа) за то, что онъ прижилъ такъ легкомысленно троихъ дѣтей, послѣ того какъ жена его оказалась вслѣдствіе операціи неспособной къ супружеской жизни, и его незаконныя дѣти остаются за его смертью брошенными на произволъ судьбы. Этотъ выводъ: «судъ идетъ», очевидно, «придуманъ»; онъ даже совершенно несправедливъ. Виноватъ вѣдь не Мухинъ, а законъ, по которому пенсія Мухина цѣликомъ пойдетъ только на дѣтей рожденныхъ въ бракѣ. Прокурорство же Мухина тутъ совершенно не при чемъ и представляется явной натяжкой. Этотъ конецъ, такимъ образомъ, какъ-то приклеенъ къ разсказу. Приблизительно то же можно сказать и о «Городской сестрѣ». Здѣсь это противоположеніе содержанки какого-то петербургскаго домовладѣльца и «коммерціи совѣтника», Авдотьи Ивановны, пріѣхавшей на родину, чтобы склонить свою младшую сестру отдаться тому же своему содержателю въ ожиданіи крупной подачки, и семьи Авдотьи Ивановны сапожника, Маркыча и его жены Анисьи, при чемъ жаднѣе и безстыднѣе оказываются Маркычъ и его жена, смутно напоминаетъ «Мужиковъ» тоже Чехова. Но опять-таки весьма некстати и на этотъ разъ только для того, чтобы какъ-нибудь закончить разсказъ, г. Маминъ заставляетъ Авдотью Ивановну устыдиться и уѣхать, оставивъ сестру въ покоѣ, вслѣдствіе чего въ воображеніи читателя образуется какой-то провалъ и вселяется какое-то недоумѣніе.

Нужно ли, вообще, морализирующее искусство, или гораздо больше впечатлѣнія, и впечатлѣнія именно въ смыслѣ раздумья надъ жизнью, производитъ отсутствіе навязанной морали,—объ этомъ можно еще спорить. Поэтическая справедливость искони тяготѣетъ надъ искусствомъ. Притча—одна изъ основныхъ видовъ поэтическаго повѣствованія, и возникновеніе романовъ—притчъ и разсказовъ—притчъ, въ значительной степени, неизбѣжно. Но какое значеніе имѣетъ притча, когда она предвзято придумана, когда она не подкупаетъ своей жизненной правдой? Въ такихъ случаяхъ она даже способна дѣйствовать отъ противоположнаго. Притча требуетъ поэтому даже еще большей художественности, еще большаго совершенства формы, еще больше искренности и еще больше самопровѣрки, работы, мастерства.

Въ самомъ дѣлѣ. Вотъ вспомнилъ еще разъ г. Маминъ свои народническія симпатіи и захотѣлъ внушить намъ убѣжденіе, что русскій простой человѣкъ, оторвавшійся отъ деревни, тоскуетъ по ней.

Даже русскій горожанинъ,—хочетъ увѣрить насъ г. Маминъ, — въ существѣ дѣла мужикъ, пахарь, человѣкъ деревни. Съ этой цѣлью онъ создаетъ небольшой очеркъ, озаглавленный «Отчаянный человѣкъ». Суть дѣла здѣсь въ томъ, что петербургскій парикмахеръ Павелъ Митричъ, уроженецъ Олонецкой губерніи, мечтаетъ вновь сѣсть на землю въ родномъ селѣ. Не будемъ оспаривать вѣроятность такого положенія, но посмотримъ, какъ авторъ передаетъ намъ мечты Павла Митрича въ образной формѣ.

Павелъ Митричъ сидитъ подъ вечеръ на «соймѣ» земляка, пріѣхавшаго съ рыбой и зачалившаго на Фонтанкѣ.

Павелъ Митричъ нѣкоторое время молчалъ, попыхивалъ папиросой, а потомъ проговорилъ:

— Эхъ бы теперь огоньку разложить, Ѳедоръ Евсеичъ? Въ лучшемъ бы видѣ около огоньку посидѣть...

— Начальство не дозволяетъ...

Въ головѣ Павла Митрича пронеслись картины далекаго, далекаго дѣтства, когда онъ съ другими деревенскими мальчишками ранней весной пасъ лошадей по зеленямъ и уходилъ въ ночное. Горитъ весело огонекъ, въ темнотѣ слышится лошадиное фырканье, кто-нибудь разсказываетъ «страшное»,—эхъ, хорошо было!»

Тутъ что ни слово, то—недоразумѣніе. Прежде всего, на сѣверѣ Россіи едва-ли даже знаютъ, что, это такое «ходить въ ночное». При обиліи лѣса «ухожи» обнесены «осѣками», лошадей спутавъ пускаютъ туда безъ всякаго призора, кормить же лошадей ранней весной на «озими» этого по совершенно понятнымъ причинамъ никому не можетъ придти и въ голову. На сѣверѣ весною на озими слишкомъ сыро. Лошади втоптали бы ее и уничтожили. А какъ вамъ нравится темнота весною на Ладожскомъ озерѣ? Авторъ забылъ бѣлыя ночи. Но и этого мало. Всего любопытнѣе тутъ фраза: «кто-нибудь разсказываетъ страшное». Почему непремѣнно «страшное?» Развѣ таковъ обычай? Конечно, нѣтъ. Просто г. Мамину вспомнился «Бѣжинъ лугъ» Тургенева.

При такой художественной необдуманности можно ли еще надѣяться произвести впечатлѣніе? Кто повѣритъ правдоподобію мечтаній петербургскаго парикмахера о деревнѣ, когда его мечты такія бутафорскія, картонныя, совсѣмъ не всамдѣлишныя?

Надо ли послѣ этихъ замѣчаній останавливаться еще на большой повѣсти «Вокругъ ракитова куста?» Въ нее г. Маминъ не вложилъ уже никакой «тезы», но воспроизведеніе его еще болѣе безсознательно. Въ первой сценѣ между Еленой Григорьевной и Чвашинымъ чувствуется какой-то полетъ «новыхъ вѣяній». Она укутана той особой дымкой, разсѣивающейся только передъ пытливой и творческой воспріимчивостью читателя, назовите это настроеніемъ или символизмомъ. Но вотъ, черезъ нѣсколько страницъ мы уже погружаемся въ манеру

старыхъ англійскихъ криминальныхъ романовъ, чтобы къ концу повѣсти оказаться въ обстановкѣ напоминающей «Сафо» Альфонса Доде. Я, конечно, не хочу однако сказать, чтобы г. Маминъ подражалъ въ своей повѣсти тому или другому. И «Бѣжинъ лугъ» Тургенева въ «Отчаянномъ человѣкѣ» онъ вѣрнѣе всего вовсе не помнилъ. Но г. Маминъ ужъ слишкомъ привыкъ «затихать» передъ работой своего воображенія. Онъ ужъ слишкомъ пассивенъ и безсознателенъ. Безсознательная память и сыграла съ нимъ злую шутку.

Если «затиханье» автора передъ роскошью возникающихъ образовъ составило главную прелесть «Уральскихъ разсказовъ», потому что внутреннее волненіе, вызвавшее эти образы, было тепло, искренне и лично, было стремленіемъ всего существа къ красотѣ родного края среди неприглядности «Ѳеодосьиныхъ покрововъ», то теперь мы видѣли, что это затиханье можетъ быть и опасно. Упорной работы, упорнаго и неустаннаго ученичества требуетъ искусство отъ всякаго, кто хочетъ вознести свое жертвенное моленіе на его таинственномъ алтарѣ, а безсознательность, убогость въ дѣлѣ искусства, вотъ что оставила по себѣ позабытая, но не превзойденная, писаревщина. И оттого-то мы и видимъ писателя, достигшаго большого мастерства, поддающагося чужимъ вліяніямъ, колеблющагося и недостаточно оцѣнившаго свои собственные художественные пріемы, свои собственныя чувства и мысли.

V.

Въ 1892 году въ «Русскомъ Богатствѣ» начали выходить небольшіе очерки г. Мамина подъ общимъ заглавіемъ «Дѣтскія Тѣни», а черезъ два года они были выпущены отдѣльнымъ изданіемъ подъ тѣмъ же заглавіемъ. Это особая полоса писательской дѣятельности нашего автора. Онъ научился всматриваться въ міръ дѣтей. Можетъ быть, какъ и у Сергѣя Ивановича Колосова въ разсказѣ «Врагъ», въ это время рожденіе собственнаго ребенка раскрывало ему такія стороны жизни, которыхъ онъ не замѣчалъ, какъ не замѣчаютъ другіе, не обращалъ на нихъ никакого вниманія и даже не подозрѣвалъ объ ихъ существованіи».

Читая «Дѣтскія Тѣни» и другіе сродные очерки, напр., изъ сборника, озаглавленнаго «Повѣсти», читая дѣтскія сказки г. Мамина, невольно представляешь себѣ ихъ автора у изголовья маленькой кроватки снова «затихшимъ», какъ нѣкогда въ уральскомъ лѣсу. Но теперь онъ затихнуть долженъ былъ иначе. Онъ любовно шепталъ придуманную для Аленушки присказку: «Одинъ глазокъ у Аленушки спитъ—другой смотритъ; одно ушко у Аленушки спитъ—другое слушаетъ», и подъ звуки этой присказки, съ замираніемъ сердца, дѣятельно и любовно всѣмъ напряженіемъ воли, старался онъ вдуматься

въ маленькій и нѣжный умственный міръ ребенка. И вотъ, тогда-то въ этомъ новомъ созерцаніи, трепетномъ и робкомъ, вновь посѣтило его то внутреннее безпокойство, которое предшествуетъ вдохновенію». И опять, какъ нѣкогда, «отовсюду поползло всякое живье». Оно было вызвано упорнымъ стремленіемъ угодить, приладиться, дать радость тому, что дорого, что ближе всего къ сердцу. Воображеніе заработало подъ нашептыванье присказки, которой улыбалось милое личико, и зажили своей наивной жизнью «храбрый зайчикъ—длинныя уши, косые глаза», маленькая «Козявочка», которой казалось, что весь міръ созданъ только для нея одной, и «сердитые Шмели», и «серьезные Червяки», и «гадкіе Воробьи», и «Комаръ Комаровичъ», и «куколки Аня и Катя», и «Уточка хохлатка» и Клоунъ, что «звенѣлъ своими тарелочками», и аленушкина метелочка, и аленушкинъ башмачекъ, и сколько еще причудливыхъ существъ, жившихъ въ младенческомъ сердцѣ и заставлявшихъ его трепетать радостью и веселой рѣзвостью.

Дѣти самые отзывчивые и самые лучшіе слушатели, а сказочка лучшій ключъ къ дѣтской душѣ. Передъ ея магическими словами открывается душа ребенка всѣмъ своимъ живымъ восторгомъ, и ждетъ, и вторитъ, и обнаруживаетъ всѣ свои тайны. Оттого сочинять сказки для дѣтей, а сколько придумывается ихъ даже тѣми, кто ни къ какому сочинительству не способенъ—всегда значитъ проникнуть въ незамысловатый дѣтскій міръ и понять его живымъ и дѣятельнымъ.

Однако, всматриваясь въ міръ ребенка, г. Маминъ создалъ лишь нѣсколько чисто дѣтскихъ разсказовъ. Герои его рѣдко дѣти. А этихъ беззаботныхъ, веселыхъ и счастливыхъ дѣтей, что наполняютъ жизнь человѣка такой незамѣнимой радостью, такихъ дѣтей въ его воображеніи не возникло даже вовсе. Дѣти г. Мамина глубоко несчастны. Это или безнадежно больныя дѣти, какъ «господинъ Скороходовъ», въ разсказѣ того же имени, или, что еще хуже, больныя духомъ, уже зараженныя порчей жизни и воспринявшія ее съ дѣтской жестокостью и совсѣмъ не дѣтской сознательностью, какъ потрясающая своей извращенностью семилѣтняя Сусанна Антоновна, играющая ужасомъ человѣческихъ страстей и рано научившаяся презирать своихъ родителей и доводящая несчастнаго актера Антошку, своего отца, до самоубійства. Не радость въ дѣтяхъ, а скорбь по нимъ породила эти образы. Сидя у изголовья дѣтской кроватки и нашептывая аленушкину присказку, нашъ авторъ какъ будто былъ охваченъ ужасомъ дѣтскаго горя, дѣтскихъ страданій, дѣтской смерти. Смерть дѣтей онъ изображаетъ съ неостанавливающимся упорствомъ. Изображаетъ дома въ передней, дѣтской, какъ въ разсказѣ «Тотъ самый, который...», въ уютномъ домикѣ, какъ въ разсказѣ «Онъ», и сколько дѣтскихъ смертей, какое безконечное множество ихъ чувствуется еще въ разсказахъ «Аннушка», «Живая совѣсть», «Врагъ»! Это дѣти несчастныхъ «Аннушекъ», незаконно-рожденные младенцы обманутыхъ дѣвушекъ, ко-

торыхъ сотнями зарываютъ на кладбищахъ въ забываемыя могилки разные могильщики Самошки, зарываютъ съ презрѣніемъ, точно не людей, и смерть ихъ не можетъ вызвать даже настоящихъ материнскихъ слезъ, настоящаго сожалѣнія и горя! Но, охваченный ужасомъ передъ этимъ страннымъ и непонятнымъ явленіемъ: страданіе и смерть ребенка, почти не жившаго и какъ бы нарочно для того только и родившагося, чтобы мучиться и умереть, нашъ авторъ не отворачивается отъ дѣтей, не хочетъ смотрѣть на нихъ лишь какъ на источникъ лишней скорби. Большая, сильнѣйшая радость въ жизни все-таки отъ дѣтей, и вотъ въ разсказѣ «Пана», какой внутренній холодъ охватываетъ Ивана Петровича, такого уравновѣшаннаго, самодовольнаго, устроившагося въ жизни, когда онъ видитъ дѣтей женщины, которую любилъ когда-то, хотя живется ей не легко именно потому, что семья большая, и мужу ея трудно управиться со всѣмъ, что надо, изъ жалованья провинціальнаго доктора. «Гдѣ же его дѣти, его семья»? думается Ивану Петровичу въ безсонную ночь, и сразу становится ему очевидно, что это-то и есть самое главное, что тутъ-то и заключается самое счастье и все, что лежитъ на пути къ нему, и жизненная борьба, и трудъ, и неудачи, и оскорбленное супружеское чувство, и болѣзни, и самая смерть, все это надо превозмочь, и все это стоитъ превозмочь ради этого великаго счастья: «дѣти, семья».

Мы видѣли, что всматриваясь въ причудливую уральскую жизнь г. Маминъ увидѣлъ въ ней какое-то роковое возмездіе, какое-то отомщеніе зломъ за зло, возникающее безсознательно и неудержимо, въ силу самихъ вещей. Вотъ такая же мысль лежитъ въ основѣ и всѣхъ его размышленій о дѣтскомъ горѣ. Въ разсказѣ «Врагъ», наиболѣе продуманномъ и прочувствованномъ и написанномъ съ тѣмъ художественнымъ совершенствомъ, до котораго не подымался г. Маминъ давнымъ давно, онъ противопоставляетъ рожденіе двухъ дѣтей. Родитъ жена Сергѣя Ивановича, Анна Петровна, родитъ съ полнымъ сознаніемъ права и значенія этого, родитъ на фермѣ около Царскаго-Села, гдѣ все такъ уютно, обдуманно и интеллигентно, гдѣ жизнь такъ прочна и такъ здорова, и родитъ тутъ же горничная, Анисья, обманутая дѣвушка, родитъ стыдливо, точно совершаетъ преступленіе и родитъ не думая ни о своемъ здоровьѣ ни о здоровьѣ ребенка. Хозяева не гонятъ Анисью, какъ люди добрые и образованные, они даютъ ей возможность спокойно и ни въ чемъ не нуждаясь, разрѣшиться отъ бремени въ маленькомъ свободномъ флигелькѣ на своей фермѣ. Оба ребенка, такимъ образомъ, родились здоровыми, но потомъ, пока господскій маленькій Вадимъ становился идоломъ и тираномъ всего дома, пока его ублажаютъ и мать, и тетушка, молодая не замужняя дѣвушка, и бабушка, и отецъ, дѣвочка Анисьи сначала попадаетъ на воспитаніе бабы-профессіоналки этого дѣла, а потомъ, поглотивъ все жалованье Анисьи и доведя ее до отчаянія пока не

было мѣста, оказывается подкинутой гдѣ-то на Васильевскомъ Островѣ, потому что даже внести требуемыя деньги въ Воспитательный домъ было не откуда. Ребенокъ Анисьи пропадаетъ и судьба его—это судьба множества заброшенныхъ незаконныхъ дѣтей. Но увы не лучше и судьба Вадима. Ему было жить не долго. Не долго онъ радовалъ семью. Его унесла злая болѣзнь. Оба ребенка, значитъ, погибли. Уютная жизнь не спасла господскаго ребенка. Судьба хотѣла, чтобы и онъ также быстро исчезъ изъ объятій матери, какъ незаконнорожденный ребенокъ прислуги. Отчего? Г. Маминъ думаетъ, что въ этомъ есть внутренняя связь, что тутъ и тамъ, какъ онъ выражается въ другомъ разсказѣ, одна и та же «послѣдовательность той внутренней сути, которая связываетъ факты». «Коллективный брошенный ребенокъ, — говоритъ г. Маминъ мыслями Сергѣя Ивановича, — мститъ намъ страшными дѣтскими эпидеміями. Откуда эти эпидеміи налетаютъ на насъ и вызываютъ тысячи жертвъ, несмотря на всѣ ухищренія науки, родительскую любовь и предосторожность? Страшный врагъ мститъ смертью за смерть, онъ зарождается въ подвалахъ, въ мансардахъ, по всевозможнымъ угламъ, гдѣ ютится бѣдность и нищета... и проникаетъ вездѣ, какъ воздухъ... Онъ не знаетъ жалости, какъ и мы. «Вы меня выбросили на улицу, вы любите только своихъ дѣтей, такъ вотъ вамъ и дифтеритъ, и скарлатина, и новая болѣзнь—инфлуэнца»...

Вотъ почему въ своихъ «Дѣтскихъ тѣняхъ» г. Маминъ и воспроизводитъ не самихъ дѣтей. Ему важнѣе родители. На нихъ остановилось его раздумье. Они несутъ отвѣтственность и они же и скорбятъ, мучаются, терзаются дѣтскимъ горемъ.

И напрасно, конечно, кто-нибудь, какъ нѣмецъ Шикъ изъ «Врага» сталъ бы успокаивать себя тѣмъ, что «все въ природѣ устроено на опредѣленномъ законномъ основаніи и я хочу жить тоже на опредѣленномъ законномъ основаніи». Такое утѣшеніе явная нелѣпость. Это невозможно человѣку. Онъ не можетъ, не долженъ стать безучастнымъ и воспитывать въ себѣ безучастіе, это уродство, порокъ, униженіе человѣческой природы. «Законъ борьбы за существованіе, — справедливо возражаетъ Сергѣй Ивановичъ, — только констатируетъ самый несправедливый фактъ, извѣстную степень зоологической безпощадной правды, но онъ не мѣшаетъ мнѣ чувствовать существующее зло и чувствовать желаніе бороться съ нимъ»...

Г. Маминъ своими «Дѣтскими тѣнями» и выступилъ на борьбу съ существующимъ зломъ. И эти его разсказы — разсказы-притчи. Но теперь они глубоко продуманы, а, можетъ быть, и выстраданы. Отъ нихъ вѣетъ правдой, и то, что они говорятъ намъ, не пришло со стороны, не вычитано и не подслушано. Это плодъ горькаго раздумья, породившаго образы, истинно усвоенные и болѣе краснорѣчивые, чѣмъ всякое разсужденіе.

Вы, вы сами виноваты во всемъ, хочетъ сказать г. Маминъ людямъ своими «Дѣтскими тѣнями». Вы забыли о дѣтяхъ въ своихъ каждодневныхъ маленькихъ заботахъ. Вы, какъ Коробкинъ, какъ Петръ Степановичъ, какъ Иванъ Петровичъ Самойловъ, бездушно думающіе тоже о своихъ жизненныхъ успѣхахъ, отталкиваете отъ себя постоянную любовь и послѣ остаетесь одни безъ цѣли въ жизни. Вы же рабы жизненныхъ устоевъ, вами же созданныхъ, калѣчите себя и свою плоть и послѣ того ваши дѣти платятъ за это. И ваши женщины не способны къ материнству, и мучаясь и сознавая, что онѣ дѣлаютъ, покупаютъ онѣ, какъ Анна Сергѣевна, чужую жизнь для своего ребенка, потому что каждая кормилица убиваетъ свое дитя, отнимая у него свое молоко для вашего. Вы создали жестокіе законы и жестокіе нравы, по которымъ есть дѣти, не имѣющіе права на рожденіе и потому приговоренные къ смерти въ самый день своего появленія на свѣтъ. Но не смотрите хладнокровно и безучастно, какъ мимо васъ везутъ тысячи «питомцевъ» на воспитаніе въ деревни, какъ тысячи младенцевъ несутъ въ воспитательные дома. Онъ отомститъ за себя, этотъ ребенокъ, приговоренный къ смерти, потому что, умирая, онъ оставитъ по себѣ заразу, чтобы отравить вашихъ выхоленныхъ дѣтей. Вы, вы родители, строющіе свои уютные дома для дѣтей вашихъ, создали безпросвѣтную бѣдность, боящуюся дѣторожденія или безсильную совладать съ нимъ, но и на это не смотрите безучастно, вы, счастливые отцы и матери, потому что и этотъ ребенокъ, зачатый и взрощенный въ нищетѣ отомститъ вамъ за свое убожество тѣми же эпидеміями.

Страшна, потрясающе страшна современная жизнь, несправившаяся съ вопросомъ о дѣтяхъ, неумѣющая поставить его на прочныя основанія и жертвующая имъ ради всѣхъ своихъ устоевъ, имущественныхъ, соціальныхъ, узко-морализирующихъ, грубо хватающихъ наслажденія. Для всего этого нужны вамъ женщины и мужчины, не имѣющіе права имѣть дѣтей и потому рожающіе враговъ вашихъ и вашихъ дѣтей.

Легкомысліе и привычка закрываетъ вамъ глаза и убаюкиваетъ вашу совѣсть. Но бросьте же ваши злобныя привычки! Осмотритесь, постарайтесь увидѣть адъ, въ которомъ вы живете и который вы сами создали. Стройте, разбивъ ваши привычки, новый міръ, міръ будущаго, міръ дѣтей вашихъ, счастливыхъ и улыбающихся, и любящихъ, дѣтей вашихъ, что одни только своимъ свѣтлымъ взглядомъ впередъ на жизнь, стелющуюся передъ ними, могутъ дать вамъ настоящую радость, настоящее утѣшеніе...

Евгеній Аничковъ.

НЕГАТИВЫ.

I.

У колыбели.

Маленькая жестяная лампочка еле освѣщаетъ убогую внутренность крестьянской избы.

Облупленная, покривившаяся печь. Горбатыя нары вдоль стѣны. Двѣ неуклюжія скамьи въ переднемъ углу и около нихъ столъ.

Между печью и нарами мотается на узловатыхъ веревкахъ люлька.

Въ люлькѣ кричитъ ребенокъ, кричитъ безпрерывно, пронзительно.

— Сунь ему соску... соску сунь... слышишь, Гранька?! — доносится съ печки старческій голосъ.

— Давала... не бере... — досадливо бросаетъ подростокъ-дѣвушка, изо всей силы раскачивая люльку.

— А ты помусли ее... слюнями помусли соску то... оно и возьметъ...

— Муслила... не бере... а-о-у... а-о-э... бай...

у-о-а... э-о-а... бай!—

— подвываетъ дѣвчушка, качаясь вмѣстѣ съ люлькой всѣмъ корпусомъ своего худенькаго существа.

Крики ребенка и няньки сливаются и наполняютъ избу отчаяннымъ воемъ.

— Да замолчи хоть ты, ради Бога, Гранька! — ворчитъ старуха, сползая съ печи.—Тебѣ говорю замолчи! перевернуть надо... мокрое, поди...

Гранька умолкаетъ. Люлька перестаетъ мотаться.

Старуха, пустивъ посвѣтлѣе огонь лампочки, вытаскиваетъ на нары кричащій комокъ мокрыхъ тряпокъ.

— Болѣзный ты мой... осипъ кричамши... вишь — какъ посинѣло тѣльце-то... ты!.. чего ротъ то раззявила—давай пеленки.

— Да нѣту-ти ихъ, пеленокъ... всѣ мокреховки... эти послѣднія были...—полувнятно лепечетъ поминутно позѣвывающая Гранька.

— Послѣднія... что же теперь замерзать дитю то... давай хоть запонъ мой, что ли... — ворчитъ старуха, обтирая багрово-синеватое тѣльце, безпорядочно барахтающееся дрожащими отъ холода оконечностями.

Появляется дырявый холщевый запонъ. Старуха завертываетъ ребенка и снова укладываетъ въ люльку.

— Нажуй ему пожиже ржанца въ соску, а то вишь пустую совала... слышишь Гранька!..

Но Гранька, не слышитъ; привалившись къ косяку наръ головою, она спитъ.

— Господи.. —стонетъ старуха.—И когда это смѣна кончится... Гранька... Гранька!—толкаетъ она уснувшую—нажуй аржанца въ соску... тебѣ говорю...

Дѣвушка просыпается и, стукнувшись съ просонокъ о нары головой, идетъ къ столу за хлѣбомъ.

Хлѣбъ недѣльный, черствый. Гранькѣ съ большимъ трудомъ удается отломить кусочекъ корки и еще съ большими усиліями жевать его.

Хлѣбъ нажеванъ, завернутъ въ тряпочку, и соска готова, но ребенокъ кричитъ по прежнему.

— И чего оно не спитъ, оглашенное... — сердится Гранька, снова изо всей силы раскачивая люльку.

— А того и не спитъ, што исть хочетъ... молока хочетъ материнаго, а оно на фабрикѣ холсты ткетъ, молоко то... такъ то— ворчитъ старуха забираясь на печь—пѣтухи то вторыя кричали, аль нѣтъ еще, а?

— Кричали...

— Ну, значитъ, скоро смѣна...

— Скоро... а-о-у... у-о-а... бай...

э-о-а... а-о-э... бай!

Въ окна доносится ревъ фабричнаго гудка.

Свѣтаетъ.

II.

Въ ученьи.

Въ тѣсной квартирѣ башмачной мастерской шумъ и крики.

Сапожникъ пьянъ, грозно машетъ ременнымъ шпандыремъ и кричитъ:—Вонъ! что бы тебя не было... что бы духу твоего не пахло... дрянь паршивая... вонъ!

— Ав-в-в... а-в-в-в—слышится изъ темнаго угла комнаты и, при каждомъ взмахѣ шпандыря, по направленію къ сапожнику тянутся двѣ дрожащія худенькія руки.

— Тиша... брось... я не серчаю на него... ну, проучилъ и будя... брось, Тишенька брось...

— Нѣтъ, его не шпандыремъ, мерзавца... а вотъ этой колодкой...—замахивается остервенѣвшій сапожникъ.

— Тетенька!.. не буду... родименькій, не буду... тетенька!..— взвизгивая и захлебываясь слезами, умоляетъ мальчикъ, извиваясь въ углу комнаты подъ грозно-машущей рукой сапожника.

— А-а-а, пакость эдакая... тетенька стала, а какъ ты ее давеча обозвалъ, а? молчишь, щенокъ эдакій! молчишь?! молчишь!..—и шпандырь снова свиститъ въ воздухѣ, рѣзко ляская по голымъ рукамъ мальчугана.

— Айя-яй не буду... тетенька не-не-не... айя-яй не-не-не...

— Вотъ тебѣ непутевая... вотъ тебѣ шлюха!.. вотъ тебѣ, вотъ...

— Тихонъ Семенычъ, да что это вы, побойтесь Бога, батюшка...—вбѣгаетъ въ дверь старуха,—квартирная хозяйка—вѣдь вы всѣхъ жильцовъ взбулгачили... образумьтесь, батюшка...

— Не ваше дѣло...—грубо возражаетъ сапожникъ, прерывая на время истязаніе — его не учитъ, такъ онъ на голову напакоститъ...

— Да вы учите, Господь съ вами, только шуму то не дѣлайте... вѣдь вы такой скандалъ подняли, хоть на улицу убѣгай, всѣ стѣны трясутся... эдакъ у меня не то что жильцы, а и собаки жить не станутъ...

— А кого это вы за собакъ считаете, а?—грозно подступая къ хозяйкѣ, рычитъ сапожникъ, но послѣдняя, испуганно замахавъ руками, исчезаетъ.

— Стерва старая... правду, стерва... собаки... я тебѣ такихъ собакъ покажу... я... я не посмотрю, что ты полковница... я...—ворчитъ сапожникъ вслѣдъ исчезнувшей хозяйкѣ и, вооружившись шпандыремъ, снова направляется въ уголъ.

— Тиша, голубчикъ, брось... не бей его...—ухватившись за поднятую руку упрашиваетъ женщина.

— Что, аль жалко стало?

— Боюсь я, Тишенька, изувѣчишь ты его... отвѣчать еще придется...

— Отвѣчать?!—злорадно хохочетъ сапожникъ—что онъ мнѣ... передъ кѣмъ это я отвѣчать то за него буду... разъ я воспитываю, значитъ, и учить долженъ... меня въ его годы не такъ лупили, да что то ни одинъ дьяволъ не отвѣтилъ, а то, видишь, чего сказала, отвѣчать... Пусть мнѣ сперва отвѣтятъ, чей онъ хлѣбъ жретъ, кто его обуваетъ, одѣваетъ, да кто ему мать съ

отцемъ замѣняетъ? а то отвѣчать... Я вотъ ему такъ отвѣчу, что онъ до новыхъ вѣниковъ не забудетъ... Я ему покажу, какъ оскорблять старшихъ... она тебѣ кто? кто она тебѣ, а?!—спрашиваетъ сапожникъ, показывая на женщину.

— Ма-ма-ша...—какъ то неестественно протягиваетъ мальчикъ и, словно застыдившись, отвертывается въ уголъ.

— А какъ ты ее давеча обозвалъ, а?

Мальчикъ молчитъ и, судорожно всхлипывая и вздрагивая отъ страха, жмется все глубже въ уголъ комнаты, какъ бы ища защиты у нѣмыхъ стѣнъ.

— Что, стыдно, дрянь паршивая... молчишь... извѣстно, мамаша... разъ я живу съ ней, значитъ, она тебѣ мать... понялъ?! взялъ вотъ я тебя безроднаго на воспитаніе, кормлю тебя. пою, обуваю и одѣваю, а за что, а... ты какъ думаешь... за что бы это я воспитывать тебя взялся; пятишницу нищимъ за кого я заплатилъ? молчишь, дуракъ эдакой...—вразумляетъ сапожникъ болѣе мягкимъ тономъ и, усадивъ на колѣни мнимую мамашу, обращается къ мальчику уже совсѣмъ снисходительно и даже ласково:

— Ты... будетъ хныкать то... поди сюда... слышишь, Васька!

Изъ угла робко выступаетъ встрепаная фигура Васьки. Голова всклокочена; въ волосахъ слѣды штукатурной пыли; лицо мокрое и вспухшее; плечи вздрагиваютъ...

— Ну, расхлюпался...—уже совсѣмъ по-отечески упрекаетъ сапожникъ Ваську,—распустилъ нюни то... поди умойся да сходишь къ жиду за заготовками... слышишь!

— Слышу:..

— То-то... у меня, братъ, смотри въ оба... дай ему другую рубаху, Фрося, да пойдемъ чай пить...

Фрося достаетъ рубаху.

Васька торопливо умывается и, не безъ боли напяливъ на исполосованное тѣло заплатанную рубашенку, уходитъ.

— Смотри, не вздумай опять пожаловаться кому дорогой...—кричитъ въ слѣдъ сапожникъ,—шкуру спущу на голенища!

III.

Пѣсня на голодный мотивъ.

Я стою у окна и слушаю, какъ просыпается городъ, какъ онъ стонетъ гудками фабрикъ и заводовъ, гулкимъ рокотомъ мостовыхъ, свистками пароходовъ и паровозовъ...

Онъ стонетъ все громче и громче.

Я стою у окна и смотрю, какъ по панелямъ идутъ и бѣгутъ заводскіе рабочіе, спѣшатъ торговцы-разносчики, несутся лихачи-легковые и ломовые извозчики...

Боже мой, какъ они всѣ торопятся... зачѣмъ они такъ торопятся?—спрашиваю я себя и отвѣчаю:

— Они спѣшатъ «быть сытыми».

Вотъ я слышу подъ окномъ чьи-то звонкія голоса. Открываю раму и выглядываю.

— Сельди голандскія и астраханскія-я!—пронзительно выкрикиваетъ разносчикъ рыбы.

— Свѣже холодное... свѣже говяжее!—словно въ мѣдный рупоръ реветъ мясникъ, неся на головѣ огромный лотокъ мяса.

— Халатъ... ха-а-атъ... ха-тъ!—отрывочно бросаетъ татаринъ-старьевщикъ, посматривая на окна верхнихъ этажей.

Но мнѣ ничего не надо, и я качаю головой отрицательно.

Вотъ противъ моего окна останавливается шарманщикъ и, установивъ свой инструментъ на подножку, заводитъ трескучій мотивъ «камаринской».

Я нахожу въ карманѣ мѣдную, монету, бросаю и жду, когда онъ кончитъ, но онъ все продолжаетъ и продолжаетъ.

Закрываю раму и ухожу къ противоположному окну.

На площадкѣ тѣснаго двора, окруженнаго громадами стѣнъ многоэтажныхъ зданій, толпится кучка народа и о чемъ-то шумитъ. Всматриваюсь. Лица знакомыя. Все это жильцы подвальныхъ помѣщеній. Между ними дворникъ, онъ держитъ за руку отрепаннаго мальчугана. Лицо послѣдняго горитъ выраженіемъ испуга и страданія.

— Отпусти его, Иванъ!.. проситъ чей-то голосъ — какой онъ воръ... просто по глупости...

— Нѣтъ... я его мошенника въ участокъ сведу... тамъ ему покажутъ, какъ пиджаки красть... тамъ ему пропишутъ глупость...—не безъ задора возражаетъ дворникъ, подталкивая сопротивляющагося мальчугана.

— Дяденька, я не кралъ... порази меня Богъ... не кралъ...

— А это что? — возражаетъ дворникъ, потрясая передъ лицомъ несчастнаго какими-то грязными лоскутьями.

— Я думалъ, его выкинули въ соръ...—оправдывается мальчуганъ, торопливо крестясь въ подтвержденіе свой невинности,—вѣдь онъ пиджакъ-то около помойной ямы валялся... ей Богу... дяденька!..

— Отпусти... Иванъ...

— Надери ему уши и отпусти... Заявляютъ окружающіе. Но дворникъ не умолимъ и тщедушная фигура мальчугана безнадежно озирается вокругъ и исчезаетъ вмѣстѣ съ дворникомъ за воротами.

Онъ хотѣлъ быть сытымъ—говорю я себѣ и стучу въ стѣну кулакомъ. Дверь отворяется, и въ комнату вносятъ самоваръ.

Сажусь. На колѣни прыгаетъ котъ и, начиная ласкаться, выразительно мурлычитъ.

— Онъ хочетъ быть сытымъ—говорю я и даю ему хлѣба.

— Эй, балалаечникъ! балалаечникъ пришелъ — доносится со двора чей-то звонкій, дѣтскій голосъ.

Наливаю стаканъ и усаживаюсь на подоконникъ. По срединѣ двора, дѣйствительно, стоитъ балалаечникъ, окруженный толпой подростковъ и дѣтишекъ. Изъ оконъ верхнихъ этажей и подвальныхъ помѣщеній всюду видны головы любителей даровой музыки. Передергивая плечами и потопывая ногой, балалаечникъ ударяетъ по струнамъ и поетъ:

«Эхъ, ты, барыня моя,
Ты, сударыня моя,
Покорми-ка ты меня,
Ужъ и ѣсть-же хочу я...
Барыня, ты моя,
Сударыня ты моя!

Оконная публика улыбается. Слышатся голоса одобреній. Откуда-то появляется пьяный мастеровой и, крикнувъ «жарь», начинаетъ выдѣлывать заплетающимися ногами комичныя па.

— Вдарь ему «посадскую»... пусть попляшетъ...

— Не то трепака...

Кричатъ изъ оконъ, бросая мѣдныя монетки. Балалаечникъ польщенъ: голосъ все крѣпче и звончѣе. Струны балалайки не поспѣвая выскакивать изъ-подъ торопливо прыгающей руки визжать и завываютъ. И слышится въ этомъ завываньи что-то скорбно-отчаянное; чудится, что балалайка словно выкрикиваетъ: «ѣсть хочу!.. ѣсть хочу!

Ай-я-яй, какъ ѣсть хочу!..

Вслушиваюсь и недоумѣваю: «ѣсть хочу» такъ и бьетъ по моему слуху. Разумѣется, хочетъ быть сытымъ, думаю я, но зачѣмъ же голодному музыканить, когда можно работать: онъ очень молодой... и малый, какъ видится, не изъ слабыхъ.

А балалайка завываетъ все отчаяннѣе:

«Нѣтъ работки для меня...
Барыня ты, моя
Сударыня ты моя...
Работенка вся подъ паромъ,
Подъ машинами идетъ;
Мои руки никто даромъ—
Изъ-за хлѣба не беретъ...

*

Барыня, будь добра:
Былъ я голоденъ вечера,
Нынче тоже я не ѣлъ—
Все тебѣ, сударка, пѣлъ...
Барыня ты моя...
Сударыня ты моя!..»

Все громче и отчетливѣе поетъ балалаечникъ, а струны балалайки такъ и вызваниваютъ: «ѣсть хочу—ѣсть хочу!» И все: ухарски-задорное выраженіе лица балалаечника, его плутоватыя подмигиванія публикѣ, притоптыванія ногами, передергиваніе плечами, и заплатанный пиджачишко, и худыя колошенки, и фуражка безъ козырька—все говоритъ: «ѣсть хочу!»

— Вдарь еще... вдарь!—кричитъ мастеровой, неуклюже дрыгая ногами. — Во всю вдарь! — и, споткнувшись о чьи-то ноги, грузно падаетъ.

Мальчуганы хохочутъ.

— Эй, Иванъ... дворникъ! — гдѣ ты тамъ?!—кричитъ тучная женщина, полуоткрывъ дверь,—выведи этихъ оборванцевъ... что у насъ кабакъ что-ли на дворѣ... живо...

— Халатъ! Халатъ! Ха-а-тъ!—доносится съ улицы покрывая послѣдніе звуки балалайки, и пѣсня «барыня» смолкаетъ.

— Эта женщина не понимаетъ, что онъ хочетъ быть сытымъ,— говорю я себѣ и, одѣвшись въ мундиръ, иду на службу.

Я понимаю, что значитъ хотѣть быть сытымъ.—Да!

Ѳ. Поступаевъ.

журнала, то въ отличіе отъ первыхъ послѣдніе изображаются въ «Вѣсахъ» какимъ-нибудь особливымъ шрифтомъ. Напримѣръ, въ послѣдней, 7-й, книжкѣ «Вѣсовъ» въ отзывѣ о сборникѣ Александра Цатуріана рецензенту приходится перечислять поэтовъ; Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Некрасова, Тютчева и другихъ онъ изображаетъ обычнымъ шрифтомъ, но какъ только ему случается упоминать рядомъ съ этими именами сотрудниковъ «Вѣсовъ», эти послѣдніе печатаются въ разбивку: Минскій, Мережковскій, Бальмонтъ, Брюсовъ и др. (стр. 63).

Во всякомъ другомъ журналѣ эта рецензія показалась бы намъ простымъ типографскимъ недоразумѣніемъ, на которое не стоитъ обращать вниманія. Но въ «Вѣсахъ» это одно изъ многочисленныхъ проявленій культа взаимнаго обожанія, культа, доведеннаго здѣсь прямо-таки до уродливыхъ размѣровъ. Въ каждомъ номерѣ журнала сотрудники «Вѣсовъ» распинаются другъ передъ другомъ, публично свидѣтельствуя о своихъ чувствахъ уваженія и преданности, преданности и уваженія. Чувство мѣры при этомъ утрачено у нихъ до такой степени, что наиболѣе умнымъ изъ нихъ приходится даже «защищаться» (sic!!) отъ неумѣренныхъ похвалъ своихъ болѣе наивныхъ сотоварищей. Такъ, г. Валерій Брюсовъ въ № 5 «Вѣсовъ» вынужденъ былъ написать «Въ защиту отъ одной похвалы», стараясь нѣсколько смягчить восторги г. Андрея Бѣлаго (въ № 4 «Вѣсовъ»), который въ число шести русскихъ поэтовъ, «имена которыхъ—только и западаютъ глубоко въ душу», занесъ гг. Брюсова и Блока, рядомъ съ Некрасовымъ, Тютчевымъ, Фетомъ и Влад. Соловьевымъ. Г. Брюсовъ собственно и не прочь принять фиміамы изъ кадильницы г. Бѣлаго, но... но онъ «предпочитаетъ быть исключеннымъ изъ представителей современной поэзіи, вмѣстѣ съ Бальмонтомъ, чѣмъ числиться среди нихъ съ однимъ Блокомъ» («Вѣсы», № 5, стр. 38). Маленькій урокъ г. Бѣлому на тему о томъ, что и кланяться надо умѣючи.

Непомѣрно восхваляя самихъ себя и другъ друга, возводя даже самыхъ заурядныхъ своихъ товарищей по журналу, имена которыхъ должны погибнуть въ «Вѣсахъ», какъ въ Летѣ, на степень великихъ поэтовъ земли русской, они дошли въ своемъ самообожаніи до того, что не на шутку провозгласили себя даже пророками.

«И хотя Брюсовъ воскликнулъ (Бальмонту): «Мы пророки, ты—поэтъ» («Вѣсы», № 7, стр. 2), но г. Бальмонтъ не согласенъ съ такимъ раздѣленіемъ власти: подобно всѣмъ остальнымъ сотрудникамъ «Вѣсовъ», онъ чувствуетъ себя *и* поэтомъ *и* пророкомъ. И, пожалуй, даже, что пророческій даръ проявляется въ немъ сильнѣе, чѣмъ даръ поэта. По крайней мѣрѣ, когда онъ узналъ въ Коруньи о томъ, что Горькій приговоренъ къ повѣшенію, его не только не удивило это невѣроятное сообщеніе испанскихъ газетъ, но онъ тутъ же записалъ: «я предсказывалъ въ точности,—еще во времена Эрмитажнаго банкета,—то, что дѣйствительно случилось черезъ $1^1/_2$ мѣсяца».

Въ томъ же номерѣ «Вѣсовъ» съ г. Бальмонтомъ соперничаетъ г. Бѣлый. Онъ клятвенно завѣряетъ читателя, что всѣ ужасы русско-японской войны и драму нашихъ внутреннихъ событій онъ предвидѣлъ еще весною 1900 г.,

присутствуя на лекціи Соловьева «о концѣ всемірной исторіи». «Еще тогда я понялъ—пишетъ онъ на свойственномъ ему мистико-риторическомъ жаргонѣ,—что дымка, занавѣсившая духовный взоръ, падетъ на Россію, являя во внѣ всѣ ужасы войнъ и междуусобій. Я ждалъ извнѣ признаковъ, намекающихъ о происходящемъ внутри. Я зналъ: надъ человѣчествомъ разорвется фейерверкъ химеръ» (?).

Съ своей стороны, на пророческій даръ ни мало не претендуя, мы не можемъ воздержаться отъ предсказанія, которое, въ отличіе отъ пророковъ изъ «Вѣсовъ», выскажемъ не заднимъ числомъ. Мы предсказываемъ именно, что къ мавзолею «Вѣсовъ» очень скоро совершенно заростетъ тропа, протоптанная немногочисленными любителями литературнаго жонглерства, потому что даже отъ жонглерства требуется извѣстное разнообразіе и совершенствованіе пріемовъ, чего, повидимому, сотрудники «Вѣсовъ» дать болѣе не въ состояніи.

На великія злобы нынѣшняго дня откликнулся и великій писатель земли русской графъ Л. Н. Толстой, и—что совсѣмъ не привычно для насъ—откликнулся на этотъ разъ не въ заграничной прессѣ и не въ гектографированныхъ листкахъ, а въ легальной печати — въ іюльской книжкѣ «Русской Мысли», которая, впрочемъ, по этому случаю вышла съ большими затрудненіями и съ значительнымъ опозданіемъ.

Въ сущности говоря, тотъ, кто знаетъ хоть нѣкоторыя теоретическія статьи гр. Толстого, знаетъ и его послѣднюю статью, весьма типично озаглавленную авторомъ: «Великій Грѣхъ». Міросозерцаніе гр. Толстого очень упрощеннаго типа. Для него не существуетъ сложныхъ соціальныхъ и политическихъ проблемъ, которыя въ его сознаніи «опрощаются» такъ же, какъ по его теоріи долженъ «опроститься» каждый человѣкъ. Всѣ соціальныя, экономическія, политическія и всякія другія проблемы, надъ которыми человѣчество ломало и ломаетъ лучшія изъ данныхъ ему природою головъ, гр. Толстой превращаетъ въ одну проблему—этическую или, точнѣе религіозную. И такъ какъ всякая религія, являясь вершиною индивидуальныхъ настроеній, представляетъ собою систему разногласій и не обладаетъ достаточно убѣдительной для сознанія всякаго «другого» человѣка аргументаціей, то вся сущность разсужденій гр. Толстого въ этой, какъ и во многихъ другихъ его статьяхъ, можетъ быть, сведена къ слѣдующей схемѣ: «По данному вопросу я думаю такъ-то; я вѣрю въ это, а кто со мной не согласенъ, тотъ еретикъ, и да будетъ тому анаѳема».

Въ данномъ случаѣ передъ Толстымъ одна изъ самыхъ сложныхъ, изъ самыхъ мучительныхъ проблемъ русской дѣйствительности—проблема аграрная. Но сложность этой проблемы ни мало не пугаетъ писателя. Для него это такъ просто, такъ ясно, что онъ даже не въ состояніи понять существующихъ по этому вопросу споровъ и разномыслій. Онъ прочиталъ Генри Джорджа, увѣровалъ въ него, и объявляетъ его рѣшеніе единственнымъ, какъ будто не подозрѣвая и, во всякомъ случаѣ, игнорируя, что даже положительно разрѣшенный вопросъ о націонализаціи земли даетъ все-таки не одно, а нѣсколько рѣшеній.

Сдѣлавъ рядъ длинныхъ всѣмъ извѣстныхъ выписокъ изъ облюбованнаго имъ писателя и совершенно при этомъ игнорируя—повторяемъ—его противниковъ (хотя бы даже изъ сторонниковъ того же принципа націонализаціи земли), гр. Л. Н. Толстой, увѣряетъ:

«Съ ученіемъ Джорджа не спорятъ, а просто не знаютъ его. (Иначе и нельзя поступать съ ученіемъ Джорджа, потому что тотъ, кто узнаетъ его, не можетъ не согласиться съ нимъ)».

Откуда же—спрашивается—такое легкомысліе,—овладѣвшее всѣмъ человѣчествомъ?

«Люди Европы и Америки—отвѣчаетъ на этотъ вопросъ гр. Толстой—находятся въ положеніи человѣка, уже такъ далеко зашедшаго по дорогѣ, которая сначала казалась настоящей, но которая чѣмъ дальше онъ шелъ по ней, тѣмъ болѣе удаляла его отъ цѣли, что ему страшно признаваться въ своей ошибкѣ. Но русскіе все стоятъ на дорогѣ до поворота и могутъ, по мудрой пословицѣ, стоя на дорогѣ, о дорогѣ спрашивать.

«И что же дѣлаютъ всѣ русскіе люди, которые хотятъ или, по крайней мѣрѣ, говорятъ, что хотятъ устраивать хорошую жизнь народа?

«Во всемъ рабски подражаютъ тому, что дѣлается въ Европѣ и Америкѣ.

«Для устройства хорошей жизни народа они заботятся о свободѣ печати, о вѣротерпимости, о свободѣ союзовъ, о тарифахъ, объ условномъ наказаніи, объ отдѣленіи церкви отъ государства, о кооперативныхъ товариществахъ, о будущемъ обобществленіи орудій труда и, главное, о представительствѣ, о томъ самомъ представительствѣ, которое давно существуетъ въ европейскихъ и американскихъ государствахъ, но существованіе котораго нисколько не содѣйствовало и не содѣйствуетъ не только разрѣшенію, но даже постановкѣ того одного, разрѣшающаго всѣ затрудненія земельнаго вопроса. Если же русскіе политическіе дѣятели и говорятъ про земельное злоупотребленіе, которое они почему-то называютъ аграрнымъ вопросомъ, вѣроятно, полагая, что это глупое слово скроетъ сущность дѣла, то говорятъ объ этомъ не въ томъ смыслѣ, что частная земельная собственность есть зло, которое должно быть уничтожено, а въ томъ смыслѣ, чтобы какъ-нибудь, разными заплатами, палліативами замазать, замять, обойти эту главную, стоящую на очереди уничтоженія не только въ Россіи, но во всемъ мірѣ старую, жестокую, очевидную, вопіющую несправедливость.

«Въ Россіи, гдѣ 100-милліонная масса людей не переставая страдаетъ отъ захвата земли частными владѣльцами и не переставая вопитъ объ этомъ, отношеніе людей, мнимо отыскивающихъ вездѣ, но только не тамъ, гдѣ оно находится, средство улучшенія народнаго быта, совершенно напоминаетъ то, что бываетъ на сценѣ, когда всѣ зрители прекрасно видятъ того, кто спрятался, и актеры должны бы видѣть, но притворяются, что не видятъ, нарочно отвлекаютъ вниманіе другъ друга и видятъ все, но только не то, что одно нужно, но чего они не хотятъ видѣть».

И все это, по мнѣнію гр. Толстого, «происходитъ отъ того, что люди,

какъ правительственные, такъ и антиправительственные, устраивающіе благо народа, не имѣютъ религіи. А безъ религіи человѣкъ не можетъ жить самъ разумной жизнью и тѣмъ менѣе можетъ знать, что хорошо, что дурно, что нужно и что не нужно для другихъ людей. Только отъ этого люди нашего времени вообще и люди русской интеллигенціи въ особенности, совершенно лишенные религіознаго сознанія и прямо съ гордостью заявляющіе объ этомъ, такъ превратно понимаютъ жизнь и требованія того народа, которому они хотятъ служить, и требуютъ для него самыхъ разнообразныхъ вещей, но только не того одного, что ему нужно.

«Къ счастью, великія, благотворныя движенія въ человѣчествѣ совершаются не паразитами, питающимися народными соками, какъ бы они ни называли себя: правительствами, революціонерами, либералами, а людьми религіозными, т.-е. людьми серьезными, простыми, трудящимися, живущими не для своей корысти, своего тщеславія, честолюбія, не для достиженія внѣшнихъ результатовъ, а для того, чтобы исполнить передъ Богомъ свое человѣческое назначеніе.

«Такіе люди, и только такіе, своей не шумной, но твердой дѣятельностью двигаютъ впередъ человѣчество. Такіе люди не будутъ, стараясь отличиться передъ людьми, придумывать такія или иныя улучшенія народнаго быта (такихъ улучшеній можетъ быть безчисленное количество, и всѣ они ничтожны если не сдѣлано главнаго), а будутъ стараться жить согласно съ закономъ Бога, съ совѣстью и, стараясь жить такъ, естественно наткнутся на наиболѣе явное нарушеніе этого закона и будутъ искать для себя и для другихъ средствъ избавиться отъ него».

Побивая всѣхъ, несогласно съ нимъ мыслящихъ, текстами изъ Генри Джорджа и св. писанія, гр. Толстой заканчиваетъ свою статью съ полною и спокойною увѣренностью, что теперь-то дѣло пойдетъ на ладъ, что всѣ эти политики, революціонеры и соціалисты успокоются и предоставятъ дѣло освобожденія русскаго народа теченію времена, которое наступитъ, вѣроятно, къ лѣту 2905 г., когда землевладѣльцы—толстовцы, въ конецъ пристыженные статьей: «Великій Грѣхъ», побросаютъ свои земли и передадутъ ихъ... ставимъ многоточіе, потому что и послѣ прочтенія статьи гр. Толстого не знаемъ, кому же собственно надлежитъ гг. землевладѣльцамъ передавать свои земли? Не государству же, которому Джорджъ отдаетъ «единый налогъ», и которое совершенно отрицаетъ гр. Толстой?

Поясняя смыслъ и происхожденіе заглавія своей статьи, гр. Толстой рисуетъ вполнѣ жизненную и вполнѣ правдоподобную сценку, которой тутъ же даетъ слишкомъ искусственное и мало правдоподобное истолкованіе.

«На-дняхъ знакомый мнѣ врачъ, дожидаясь поѣзда на большой желѣзнодорожной станціи въ третьемъ классѣ, читалъ газету. Сидѣвшій подлѣ крестьянинъ спросилъ о новостяхъ. Въ номерѣ газеты была статья объ «аграрномъ» съѣздѣ. Врачъ перевелъ по-русски смѣшное слово «аграрный», и, когда стало понятно, что дѣло идетъ о землѣ, крестьянинъ попросилъ прочесть. Врачъ сталъ читать, подошли еще крестьяне. Собралась кучка: одни лежали на спинахъ

другихъ, нѣкоторые сидѣли на полу, лица у всѣхъ были сосредоточенно торжественныя. Когда чтеніе кончилось, одинъ изъ заднихъ, старикъ, глубоко вздохнулъ и перекрестился. Человѣкъ этотъ, навѣрное, ничего не понялъ изъ того путаннаго жаргона, которымъ написана статья и который трудно понимать даже человѣку, умѣющему разговаривать на этомъ жаргонѣ. Онъ ничего не понялъ изъ того, что написано въ статьѣ, но понялъ, что дѣло идетъ о великомъ, давнишнемъ грѣхѣ, отъ котораго страдали его предки, страдаетъ и онъ; понялъ, что люди, совершающіе грѣхъ, начинаютъ сознавать его. И понявъ это, онъ обратился мысленно къ Богу и перекрестился. И въ этомъ одномъ движеніи руки этого человѣка больше смысла и содержанія, чѣмъ во всей той болтовнѣ, которая наполняетъ теперь столбцы газетъ. Человѣкъ этотъ понимаетъ, какъ понимаетъ весь народъ, что захватъ земли неработающими людьми есть великій грѣхъ, отъ котораго страдали и гибли тѣлесно его предки, страдаетъ тѣлесно и онъ и его ближніе, страдали все время духовно тѣ, которые совершали этотъ грѣхъ, и тѣ, которые теперь совершаютъ его, и что этотъ грѣхъ, какъ всякій грѣхъ, какъ на его памяти грѣхъ крѣпостного права, долженъ быть, не можетъ не быть развязанъ. Онъ знаетъ и чувствуетъ это и потому не можетъ не обратиться къ Богу при мысли о приближеніи развязки».

Признаемся читателю что совершенно въ такой же степени, въ какой мы цѣнимъ и любимъ гр. Л. Н. Толстого, какъ художника, мы отрицательно относимся къ его теоретическимъ статьямъ. Когда говорятъ о немъ, какъ о художникѣ, въ нашемъ сознаніи, какъ набатъ колокола, звучитъ оцѣнка, данная Толстому умирающимъ Тургеневымъ: «великій писатель земли русской». Да, это онъ, авторъ «Севастопольскихъ разсказовъ», «Анны Карениной» и «Войны и Мира». Но какъ теоретикъ, онъ для насъ тѣмъ болѣе величина отрицательная, чѣмъ больше значенія придаетъ своимъ теоретическимъ построеніямъ онъ самъ. Въ нихъ нѣтъ ни эрудиціи, ни логики, ни перспективы, и тѣмъ не менѣе, всѣ они претендуютъ на роль откровенія, боговдохновеннаго и потому презирающаго все, что «отъ міра сего», и чѣмъ мы всего болѣе дорожимъ.

Вотъ образецъ перспективы гр. Толстого, взятый нами изъ цитированной выше статьи. Указывая *ближайшія* задачи нашей жизни, онъ перечисляетъ: «такова въ наше время смертная казнь и вообще наказанія, такова проституція, *таково мясоѣденіе* (sic!! курсивъ нашъ. Вл. Кр.), таково дѣло милитаризма, война, и таково самое близкое и настоятельное дѣло—частная земельная собственность». Переворачивайте этотъ «текстъ» Толстого, какъ хотите, но все-же вы не объясните намъ, почему мясоѣденіе занимаетъ среднее мѣсто между смертной казнью, проституціей и войной?

Далѣе, находится ли въ какой бы то ни было логической связи со всей статьей Толстого его націоналистическое противопоставленіе «вымирающихъ (?) и запутавшихся (?) европейскихъ и американскихъ народовъ (стр. 259) великой исторической миссіи «именно русскаго народа», который «укажетъ другимъ народамъ (за смертью европейскихъ и американскихъ, вѣроятно, только африканскимъ, азіатскимъ и австралійскимъ?) путь разумной,

свободной и счастливой жизни, внѣ промышленнаго, фабричнаго, капиталистическаго насилія и рабства»?

Какимъ забытымъ уже, отдаленнымъ прошлымъ звучатъ теперь эти національстическіе восторги, которыми, по наслѣдію, полученному не совсѣмъ законными путями отъ славянофиловъ, завладѣли теперь на правахъ полной собственности гг. Шараповы, Суворины и прочіе идеологи черносотеннаго движенія.

Еще два слова о публицистическихъ пріемахъ гр. Толстого.

О чемъ бы онъ не заговорилъ, въ немъ всегда чувствуется великій мастеръ слова и прежде всего художникъ. Не говоря уже о множествѣ параллелизмовъ, аналогій, образныхъ выраженій, завладѣвающихъ воображеніемъ читателя, вотъ, напримѣръ, при помощи какихъ еще другихъ чаръ онъ идетъ къ своей цѣли:

По поводу ничтожныхъ завоеваній, какія идея націонализаціи земли сдѣлала въ Германіи, въ словарѣ Брокгауза, въ статьѣ «Націонализація земли» (т. XX[A], стр. 710) читаемъ: «Въ Германіи пропаганда націонализаціи земли не встрѣтила особеннаго сочувствія, отчасти потому, что поземельныя отношенія имѣютъ здѣсь болѣе или менѣе здоровый характеръ, отчасти потому что соціалъ-демократія, проводящая идею обобществленія всѣхъ орудій производства, привлекла на свою сторону большую часть недовольныхъ экономическимъ строемъ».

У гр. Толстого то же самое объясненіе, нѣсколько лишь укороченное, выражено слѣдующими словами: «Въ Германіи оно (ученіе Джорджа) проповѣдуется въ очень маленькомъ кружкѣ и всюду заглушается шумнымъ (?) ученіемъ соціализма».

При полномъ внутреннемъ тождествѣ этихъ двухъ объясненій, какъ будто даже заимствованныхъ изъ одного общаго источника, какая поразительная разница во внѣшнемъ ихъ строеніи! Маленькое умолчаніе въ одномъ мѣстѣ, ничтожная вставка одного лишняго слова («шумный») въ другомъ, и эффектъ достигается настолько сильный, что сама мысль какъ бы выворачивается на изнанку.

О законности подобныхъ художественныхъ пріемовъ въ работѣ, претендующей на научную доказательность, мы говорить здѣсь не станемъ. Да и вообще, разъ идея націонализаціи земли провозглашена дѣломъ религіи, всякіе разговоры по этому поводу становятся излишними.

Не потому, что «г. Кранихфельдъ глубоко равнодушенъ къ религіи вообще» и не потому, что «г. Кранихфельду просто *нечего* сказать о религіи», какъ это удостовѣряетъ въ «Вопросахъ Жизни» мой самозванный духовникъ о. Г. Чулковъ («Вопросы Жизни», № 8, стр. 211—212), а потому, что сотворившіе себѣ кумиры, на землѣ ли (какъ гр. Толстой), или на небесахъ (какъ г. Чулковъ), до такой степени монополизируютъ области нахожденія своихъ боговъ (по праву перваго захвата, должно быть), что верблюду легче пролѣзть сквозь уши игольныя, чѣмъ имъ подвинуться хоть на одинъ миллиметръ, уступая напору логической мысли. Религія не знаетъ логики, и всякія споры на этой почвѣ, по меньшей мѣрѣ, безплодны.

И все-таки въ вопросѣ о націонализаціи земли позиція гр. Толстого несравненно сильнѣе, чѣмъ позиція «Русскаго Богатства», которое тоже стоитъ за націонализацію, хотя и не въ смыслѣ «единаго налога» Генри Джорджа.

Гр. Толстой силенъ своею вѣрою, которая дѣлаетъ его глухимъ ко всякимъ возраженіямъ. Въ крайнемъ случаѣ, онъ можетъ поражать своихъ противниковъ текстами, въ то время, какъ «Русское Богатство» вынуждено защищать свою позицію аргументаціей. И гр. Толстой не знаетъ и не желаетъ знать своихъ противниковъ, тогда какъ всѣ теоретическія построенія «Русскаго Богатства» сводятся къ тому, чтобы, если не разбить противника, то, въ крайнемъ случаѣ, какими-нибудь искусными обходными движеніями заставить его отступить. Всѣ разсужденія на эту тему, какъ г. Пѣшехонова, такъ и г. Новоторжскаго въ послѣдней (№ 8, августъ) книжкѣ «Русскаго Богатства» сводятся исключительно къ такого именно рода обходнымъ маршамъ.

Сражаясь на два фронта, имѣя серьезныхъ противниковъ, съ одной стороны, въ экономической структурѣ современнаго государства, съ другой—въ «народной психологіи», они стараются обойти ихъ—г. Пѣшехоновъ какой-то несовсѣмъ понятной формой частичной націонализаціи земли, г. Новоторжскій—замѣною націонализаціи «соціализаціей»; при этомъ оба они, ради торжества пропогандируемой ими идеи, готовы даже и въ будущемъ безсословномъ государствѣ удержать крестьянъ въ рамкахъ сословной обособленности.

«Основной смыслъ реформъ,—разсуждаетъ г. Пѣшехоновъ,—заключается, вѣдь, въ томъ, чтобы обезпечить трудовое хозяйство въ сферѣ земледѣльческаго производства. Крестьянскія надѣльныя и купчія земли, въ массѣ своей, уже входятъ въ составъ трудового хозяйства, *хотя и на иныхъ нѣсколько основаніяхъ, чѣмъ это должно быть по завершеніи реформы.* Но спѣшить съ ними, во всякомъ случаѣ, нечего. Имѣются даже серьезныя соображенія въ пользу того, чтобы за крестьянами на ихъ теперешнія земли сохранить *особое право* до тѣхъ поръ, пока въ странѣ не упрочится демократическій режимъ» (NB. Курсивъ нашъ. Вл. Кр.).

Такимъ путемъ—думаетъ г. Пѣшехоновъ—можно разрѣшить вопросъ, «не приходя въ столкновеніе съ народной психологіей», а довершить начатую операцію «будетъ не трудно» впослѣдствіи, когда новый порядокъ упрочится.

Справившись съ «народной психологіей», г. Пѣшехоновъ полагаетъ, что теперь всѣ затрудненія по пути къ націонализаціи земли совершенно устранены. Опасенія г. Новоторжскаго онъ раздѣляетъ лишь «въ извѣстной степени», а потому и не видитъ никакой необходимости въ замѣнѣ націонализаціи соціализаціей земли. Дѣло въ томъ, что г. Новоторжскаго больше всего смущаетъ опасеніе, какъ бы «народное представительство, основанное даже на всеобщей, тайной, прямой и равной подачѣ голосовъ, при всѣхъ свободахъ и вольностяхъ и свободѣ предвыборной агитаціи, какъ бы даже такое представительство не оказалось въ большинствѣ противъ «истинно—демократическихъ началъ». Исходя изъ этихъ опасеній, онъ предлагаетъ «соціализацію», какъ одну изъ формъ націонализаціи, при которой верховное право государственной власти по распоряженію землей ограничивается особыми пра-

Барыня, будь добра:
Былъ я голоденъ вечера,
Нынче тоже я не ѣлъ—
Все тебѣ, сударка, пѣлъ...
Барыня ты моя...
Сударыня ты моя!..»

Все громче и отчетливѣе поетъ балалаечникъ, а струны балалайки такъ и вызваниваютъ: «ѣсть хочу—ѣсть хочу!» И все: ухарски-задорное выраженіе лица балалаечника, его плутоватыя подмигиванія публикѣ, притоптыванія ногами, передергиваніе плечами, и заплатанный пиджачишко, и худыя колошенки, и фуражка безъ козырька—все говоритъ: «ѣсть хочу!»

— Вдарь еще... вдарь!—кричитъ мастеровой, неуклюже дрыгая ногами. — Во всю вдарь! — и, споткнувшись о чьи-то ноги, грузно падаетъ.

Мальчуганы хохочутъ.

— Эй, Иванъ... дворникъ! — гдѣ ты тамъ?!—кричитъ тучная женщина, полуоткрывъ дверь,—выведи этихъ оборванцевъ... что у насъ кабакъ что-ли на дворѣ... живо...

— Халатъ! Халатъ! Ха-а-тъ!—доносится съ улицы покрывая послѣдніе звуки балалайки, и пѣсня «барыня» смолкаетъ.

— Эта женщина не понимаетъ, что онъ хочетъ быть сытымъ,— говорю я себѣ и, одѣвшись въ мундиръ, иду на службу.

Я понимаю, что значитъ хотѣть быть сытымъ.—Да!

Ѳ. Поступаевъ.

журнала, то въ отличіе отъ первыхъ послѣдніе изображаются въ «Вѣсахъ» какимъ-нибудь особливымъ шрифтомъ. Напримѣръ, въ послѣдней, 7-й, книжкѣ «Вѣсовъ» въ отзывѣ о сборникѣ Александра Цатуріана рецензенту приходится перечислять поэтовъ; Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Некрасова, Тютчева и другихъ онъ изображаетъ обычнымъ шрифтомъ, но какъ только ему случается упоминать рядомъ съ этими именами сотрудниковъ «Вѣсовъ», эти послѣдніе печатаются въ разбивку: Минскій, Мережковскій, Бальмонтъ, Брюсовъ и др. (стр. 63).

Во всякомъ другомъ журналѣ эта рецензія показалась бы намъ простымъ типографскимъ недоразумѣніемъ, на которое не стоитъ обращать вниманія. Но въ «Вѣсахъ» это одно изъ многочисленныхъ проявленій культа взаимнаго обожанія, культа, доведеннаго здѣсь прямо-таки до уродливыхъ размѣровъ. Въ каждомъ номерѣ журнала сотрудники «Вѣсовъ» распинаются другъ передъ другомъ, публично свидѣтельствуя о своихъ чувствахъ уваженія и преданности, преданности и уваженія. Чувство мѣры при этомъ утрачено у нихъ до такой степени, что наиболѣе умнымъ изъ нихъ приходится даже «защищаться» (sic!!) отъ неумѣренныхъ похвалъ своихъ болѣе наивныхъ сотоварищей. Такъ, г. Валерій Брюсовъ въ № 5 «Вѣсовъ» вынужденъ былъ написать «Въ защиту отъ одной похвалы», стараясь нѣсколько смягчить восторги г. Андрея Бѣлаго (въ № 4 «Вѣсовъ»), который въ число шести русскихъ поэтовъ, «имена которыхъ—только и западаютъ глубоко въ душу», занесъ гг. Брюсова и Блока, рядомъ съ Некрасовымъ, Тютчевымъ, Фетомъ и Влад. Соловьевымъ. Г. Брюсовъ собственно и не прочь принять фиміамы изъ кадильницы г. Бѣлаго, но... но онъ «предпочитаетъ быть исключеннымъ изъ представителей современной поэзіи, вмѣстѣ съ Бальмонтомъ, чѣмъ числиться среди нихъ съ однимъ Блокомъ» («Вѣсы», № 5, стр. 38). Маленькій урокъ г. Бѣлому на тему о томъ, что и кланяться надо умѣючи.

Непомѣрно восхваляя самихъ себя и другъ друга, возводя даже самыхъ заурядныхъ своихъ товарищей по журналу, имена которыхъ должны погибнуть въ «Вѣсахъ», какъ въ Летѣ, на степень великихъ поэтовъ земли русской, они дошли въ своемъ самообожаніи до того, что не на шутку провозгласили себя даже пророками.

«И хотя Брюсовъ воскликнулъ (Бальмонту): «Мы пророки, ты—поэтъ» («Вѣсы», № 7, стр. 2), но г. Бальмонтъ не согласенъ съ такимъ раздѣленіемъ власти: подобно всѣмъ остальнымъ сотрудникамъ «Вѣсовъ», онъ чувствуетъ себя *и* поэтомъ *и* пророкомъ. И, пожалуй, даже, что пророческій даръ проявляется въ немъ сильнѣе, чѣмъ даръ поэта. По крайней мѣрѣ, когда онъ узналъ въ Коруньи о томъ, что Горькій приговоренъ къ повѣшенію, его не только не удивило это невѣроятное сообщеніе испанскихъ газетъ, но онъ тутъ же записалъ: «я предсказывалъ въ точности,—еще во времена Эрмитажнаго банкета,—то, что дѣйствительно случилось черезъ $1^1/_2$ мѣсяца».

Въ томъ же номерѣ «Вѣсовъ» съ г. Бальмонтомъ соперничаетъ г. Бѣлый. Онъ клятвенно завѣряетъ читателя, что всѣ ужасы русско-японской войны и драму нашихъ внутреннихъ событій онъ предвидѣлъ еще весною 1900 г.,

присутствуя на лекціи Соловьева «о концѣ всемірной исторіи». «Еще тогда я понялъ—пишетъ онъ на свойственномъ ему мистико-риторическомъ жаргонѣ,—что дымка, занавѣсившая духовный взоръ, падетъ на Россію, являя во внѣ всѣ ужасы войнъ и междуусобій. Я ждалъ извнѣ признаковъ, намекающихъ о происходящемъ внутри. Я зналъ: надъ человѣчествомъ разорвется фейерверкъ химеръ» (?).

Съ своей стороны, на пророческій даръ ни мало не претендуя, мы не можемъ воздержаться отъ предсказанія, которое, въ отличіе отъ пророковъ изъ «Вѣсовъ», выскажемъ не заднимъ числомъ. Мы предсказываемъ именно, что къ мавзолею «Вѣсовъ» очень скоро совершенно заростетъ тропа, протоптанная немногочисленными любителями литературнаго жонглерства, потому что даже отъ жонглерства требуется извѣстное разнообразіе и совершенствованіе пріемовъ, чего, повидимому, сотрудники «Вѣсовъ» дать болѣе не въ состояніи.

На великія злобы нынѣшняго дня откликнулся и великій писатель земли русской графъ Л. Н. Толстой, и—что совсѣмъ не привычно для насъ—откликнулся на этотъ разъ не въ заграничной прессѣ и не въ гектографированныхъ листкахъ, а въ легальной печати — въ іюльской книжкѣ «Русской Мысли», которая, впрочемъ, по этому случаю вышла съ большими затрудненіями и съ значительнымъ опозданіемъ.

Въ сущности говоря, тотъ, кто знаетъ хоть нѣкоторыя теоретическія статьи гр. Толстого, знаетъ и его послѣднюю статью, весьма типично озаглавленную авторомъ: «Великій Грѣхъ». Міросозерцаніе гр. Толстого очень упрощеннаго типа. Для него не существуетъ сложныхъ соціальныхъ и политическихъ проблемъ, которыя въ его сознаніи «опрощаются» такъ же, какъ по его теоріи долженъ «опроститься» каждый человѣкъ. Всѣ соціальныя, экономическія, политическія и всякія другія проблемы, надъ которыми человѣчество ломало и ломаетъ лучшія изъ данныхъ ему природою головъ, гр. Толстой превращаетъ въ одну проблему—этическую или, точнѣе религіозную. И такъ какъ всякая религія, являясь вершиною индивидуальныхъ настроеній, представляетъ собою систему разногласій и не обладаетъ достаточно убѣдительной для сознанія всякаго «другого» человѣка аргументаціей, то вся сущность разсужденій гр. Толстого въ этой, какъ и во многихъ другихъ его статьяхъ, можетъ быть, сведена къ слѣдующей схемѣ: «По данному вопросу я думаю такъ-то; я вѣрю въ это, а кто со мной не согласенъ, тотъ еретикъ, и да будетъ тому анаѳема».

Въ данномъ случаѣ передъ Толстымъ одна изъ самыхъ сложныхъ, изъ самыхъ мучительныхъ проблемъ русской дѣйствительности—проблема аграрная. Но сложность этой проблемы ни мало не пугаетъ писателя. Для него это такъ просто, такъ ясно, что онъ даже не въ состояніи понять существующихъ по этому вопросу споровъ и разномыслій. Онъ прочиталъ Генри Джорджа, увѣровалъ въ него, и объявляетъ его рѣшеніе единственнымъ, какъ будто не подозрѣвая и, во всякомъ случаѣ, игнорируя, что даже положительно разрѣшенный вопросъ о націонализаціи земли даетъ все-таки не одно, а нѣсколько рѣшеній.

Сдѣлавъ рядъ длинныхъ всѣмъ извѣстныхъ выписокъ изъ облюбованнаго имъ писателя и совершенно при этомъ игнорируя—повторяемъ—его противниковъ (хотя бы даже изъ сторонниковъ того же принципа націонализаціи земли), гр. Л. Н. Толстой, увѣряетъ:

«Съ ученіемъ Джорджа не спорятъ, а просто не знаютъ его. (Иначе и нельзя поступать съ ученіемъ Джорджа, потому что тотъ, кто узнаетъ его, не можетъ не согласиться съ нимъ)».

Откуда же—спрашивается—такое легкомысліе,—овладѣвшее всѣмъ человѣчествомъ?

«Люди Европы и Америки—отвѣчаетъ на этотъ вопросъ гр. Толстой—находятся въ положеніи человѣка, уже такъ далеко зашедшаго по дорогѣ, которая сначала казалась настоящей, но которая чѣмъ дальше онъ шелъ по ней, тѣмъ болѣе удаляла его отъ цѣли, что ему страшно признаваться въ своей ошибкѣ. Но русскіе все стоятъ на дорогѣ до поворота и могутъ, по мудрой пословицѣ, стоя на дорогѣ, о дорогѣ спрашивать.

«И что же дѣлаютъ всѣ русскіе люди, которые хотятъ или, по крайней мѣрѣ, говорятъ, что хотятъ устраивать хорошую жизнь народа?

«Во всемъ рабски подражаютъ тому, что дѣлается въ Европѣ и Америкѣ.

«Для устройства хорошей жизни народа они заботятся о свободѣ печати, о вѣротерпимости, о свободѣ союзовъ, о тарифахъ, объ условномъ наказаніи, объ отдѣленіи церкви отъ государства, о кооперативныхъ товариществахъ, о будущемъ обобществленіи орудій труда и, главное, о представительствѣ, о томъ самомъ представительствѣ, которое давно существуетъ въ европейскихъ и американскихъ государствахъ, но существованіе котораго нисколько не содѣйствовало и не содѣйствуетъ не только разрѣшенію, но даже постановкѣ того одного, разрѣшающаго всѣ затрудненія земельнаго вопроса. Если же русскіе политическіе дѣятели и говорятъ про земельное злоупотребленіе, которое они почему-то называютъ аграрнымъ вопросомъ, вѣроятно, полагая, что это глупое слово скроетъ сущность дѣла, то говорятъ объ этомъ не въ томъ смыслѣ, что частная земельная собственность есть зло, которое должно быть уничтожено, а въ томъ смыслѣ, чтобы какъ-нибудь, разными заплатами, палліативами замазать, замять, обойти эту главную, стоящую на очереди уничтоженія не только въ Россіи, но во всемъ мірѣ старую, жестокую, очевидную, вопіющую несправедливость.

«Въ Россіи, гдѣ 100-милліонная масса людей не переставая страдаетъ отъ захвата земли частными владѣльцами и не переставая вопитъ объ этомъ, отношеніе людей, мнимо отыскивающихъ вездѣ, но только не тамъ, гдѣ оно находится, средство улучшенія народнаго быта, совершенно напоминаетъ то, что бываетъ на сценѣ, когда всѣ зрители прекрасно видятъ того, кто спрятался, и актеры должны бы видѣть, но притворяются, что не видятъ, нарочно отвлекаютъ вниманіе другъ друга и видятъ все, но только не то, что одно нужно, но чего они не хотятъ видѣть».

И все это, по мнѣнію гр. Толстого, «происходитъ отъ того, что люди,

какъ правительственные, такъ и антиправительственные, устраивающіе благо народа, не имѣютъ религіи. А безъ религіи человѣкъ не можетъ жить самъ разумной жизнью и тѣмъ менѣе можетъ знать, что хорошо, что дурно, что нужно и что не нужно для другихъ людей. Только отъ этого люди нашего времени вообще и люди русской интеллигенціи въ особенности, совершенно лишенные религіознаго сознанія и прямо съ гордостью заявляющіе объ этомъ, такъ превратно понимаютъ жизнь и требованія того народа, которому они хотятъ служить, и требуютъ для него самыхъ разнообразныхъ вещей, но только не того одного, что ему нужно.

«Къ счастью, великія, благотворныя движенія въ человѣчествѣ совершаются не паразитами, питающимися народными соками, какъ бы они ни называли себя: правительствами, революціонерами, либералами, а людьми религіозными, т.-е. людьми серьезными, простыми, трудящимися, живущими не для своей корысти, своего тщеславія, честолюбія, не для достиженія внѣшнихъ результатовъ, а для того, чтобы исполнить передъ Богомъ свое человѣческое назначеніе.

«Такіе люди, и только такіе, своей не шумной, но твердой дѣятельностью двигаютъ впередъ человѣчество. Такіе люди не будутъ, стараясь отличиться передъ людьми, придумывать такія или иныя улучшенія народнаго быта (такихъ улучшеній можетъ быть безчисленное количество, и всѣ они ничтожны если не сдѣлано главнаго), а будутъ стараться жить согласно съ закономъ Бога, съ совѣстью и, стараясь жить такъ, естественно наткнутся на наиболѣе явное нарушеніе этого закона и будутъ искать для себя и для другихъ средствъ избавиться отъ него».

Побивая всѣхъ, несогласно съ нимъ мыслящихъ, текстами изъ Генри Джорджа и св. писанія, гр. Толстой заканчиваетъ свою статью съ полною и спокойною увѣренностью, что теперь-то дѣло пойдетъ на ладъ, что всѣ эти политики, революціонеры и соціалисты успокоются и предоставятъ дѣло освобожденія русскаго народа теченію времена, которое наступитъ, вѣроятно, къ лѣту 2905 г., когда землевладѣльцы—толстовцы, въ конецъ пристыженные статьей: «Великій Грѣхъ», побросаютъ свои земли и передадутъ ихъ... ставимъ многоточіе, потому что и послѣ прочтенія статьи гр. Толстого не знаемъ, кому же собственно надлежитъ гг. землевладѣльцамъ передавать свои земли? Не государству же, которому Джорджъ отдаетъ «единый налогъ», и которое совершенно отрицаетъ гр. Толстой?

Поясняя смыслъ и происхожденіе заглавія своей статьи, гр. Толстой рисуетъ вполнѣ жизненную и вполнѣ правдоподобную сценку, которой тутъ же даетъ слишкомъ искусственное и мало правдоподобное истолкованіе.

«На-дняхъ знакомый мнѣ врачъ, дожидаясь поѣзда на большой желѣзнодорожной станціи въ третьемъ классѣ, читалъ газету. Сидѣвшій подлѣ крестьянинъ спросилъ о новостяхъ. Въ номерѣ газеты была статья объ «аграрномъ» съѣздѣ. Врачъ перевелъ по-русски смѣшное слово «аграрный», и, когда стало понятно, что дѣло идетъ о землѣ, крестьянинъ попросилъ прочесть. Врачъ сталъ читать, подошли еще крестьяне. Собралась кучка: одни лежали на спинахъ

другихъ, нѣкоторые сидѣли на полу, лица у всѣхъ были сосредоточенно торжественныя. Когда чтеніе кончилось, одинъ изъ заднихъ, старикъ, глубоко вздохнулъ и перекрестился. Человѣкъ этотъ, навѣрное, ничего не понялъ изъ того путаннаго жаргона, которымъ написана статья и который трудно понимать даже человѣку, умѣющему разговаривать на этомъ жаргонѣ. Онъ ничего не понялъ изъ того, что написано въ статьѣ, но понялъ, что дѣло идетъ о великомъ, давнишнемъ грѣхѣ, отъ котораго страдали его предки, страдаетъ и онъ; понялъ, что люди, совершающіе грѣхъ, начинаютъ сознавать его. И понявъ это, онъ обратился мысленно къ Богу и перекрестился. И въ этомъ одномъ движеніи руки этого человѣка больше смысла и содержанія, чѣмъ во всей той болтовнѣ, которая наполняетъ теперь столбцы газетъ. Человѣкъ этотъ понимаетъ, какъ понимаетъ весь народъ, что захватъ земли неработающими людьми есть великій грѣхъ, отъ котораго страдали и гибли тѣлесно его предки, страдаетъ тѣлесно и онъ и его ближніе, страдали все время духовно тѣ, которые совершали этотъ грѣхъ, и тѣ, которые теперь совершаютъ его, и что этотъ грѣхъ, какъ всякій грѣхъ, какъ на его памяти грѣхъ крѣпостного права, долженъ быть, не можетъ не быть развязанъ. Онъ знаетъ и чувствуетъ это и потому не можетъ не обратиться къ Богу при мысли о приближеніи развязки».

Признаемся читателю что совершенно въ такой же степени, въ какой мы цѣнимъ и любимъ гр. Л. Н. Толстого, какъ художника, мы отрицательно относимся къ его теоретическимъ статьямъ. Когда говорятъ о немъ, какъ о художникѣ, въ нашемъ сознаніи, какъ набатъ колокола, звучитъ оцѣнка, данная Толстому умирающимъ Тургеневымъ: «великій писатель земли русской». Да, это онъ, авторъ «Севастопольскихъ разсказовъ», «Анны Карениной» и «Войны и Мира». Но какъ теоретикъ, онъ для насъ тѣмъ болѣе величина отрицательная, чѣмъ больше значенія придаетъ своимъ теоретическимъ построеніямъ онъ самъ. Въ нихъ нѣтъ ни эрудиціи, ни логики, ни перспективы, и тѣмъ не менѣе, всѣ они претендуютъ на роль откровенія, боговдохновеннаго и потому презирающаго все, что «отъ міра сего», и чѣмъ мы всего болѣе дорожимъ.

Вотъ образецъ перспективы гр. Толстого, взятый нами изъ цитированной выше статьи. Указывая *ближайшія* задачи нашей жизни, онъ перечисляетъ: «такова въ наше время смертная казнь и вообще наказанія, такова проституція, *таково мясоѣденіе* (sic!! курсивъ нашъ. Вл. Кр.), таково дѣло милитаризма, война, и таково самое близкое и настоятельное дѣло—частная земельная собственность». Переворачивайте этотъ «текстъ» Толстого, какъ хотите, но все-же вы не объясните намъ, почему мясоѣденіе занимаетъ среднее мѣсто между смертной казнью, проституціей и войной?

Далѣе, находится ли въ какой бы то ни было логической связи со всей статьей Толстого его національстическое противопоставленіе «вымирающихъ (?) и запутавшихся (?) европейскихъ и американскихъ народовъ (стр. 259) великой исторической миссіи «именно русскаго народа», который «укажетъ другимъ народамъ (за смертью европейскихъ и американскихъ, вѣроятно, только африканскимъ, азіатскимъ и австралійскимъ?) путь разумной,

свободной и счастливой жизни, внѣ промышленнаго, фабричнаго, капиталистическаго насилія и рабства»?

Какимъ забытымъ уже, отдаленнымъ прошлымъ звучатъ теперь эти національстическіе восторги, которыми, по наслѣдію, полученному не совсѣмъ законными путями отъ славянофиловъ, завладѣли теперь на правахъ полной собственности гг. Шараповы, Суворины и прочіе идеологи черносотеннаго движенія.

Еще два слова о публицистическихъ пріемахъ гр. Толстого.

О чемъ бы онъ не заговорилъ, въ немъ всегда чувствуется великій мастеръ слова и прежде всего художникъ. Не говоря уже о множествѣ параллелизмовъ, аналогій, образныхъ выраженій, завладѣвающихъ воображеніемъ читателя, вотъ, напримѣръ, при помощи какихъ еще другихъ чаръ онъ идетъ къ своей цѣли:

По поводу ничтожныхъ завоеваній, какія идея націонализаціи земли сдѣлала въ Германіи, въ словарѣ Брокгауза, въ статьѣ «Націонализація земли» (т. XX^{A}, стр. 710) читаемъ: «Въ Германіи пропаганда націонализаціи земли не встрѣтила особеннаго сочувствія, отчасти потому, что поземельныя отношенія имѣютъ здѣсь болѣе или менѣе здоровый характеръ, отчасти потому что соціалъ-демократія, проводящая идею обобществленія всѣхъ орудій производства, привлекла на свою сторону большую часть недовольныхъ экономическимъ строемъ».

У гр. Толстого то же самое объясненіе, нѣсколько лишь укороченное, выражено слѣдующими словами: «Въ Германіи оно (ученіе Джорджа) проповѣдуется въ очень маленькомъ кружкѣ и всюду заглушается шумнымъ (?) ученіемъ соціализма».

При полномъ внутреннемъ тождествѣ этихъ двухъ объясненій, какъ будто даже заимствованныхъ изъ одного общаго источника, какая поразительная разница во внѣшнемъ ихъ строеніи! Маленькое умолчаніе въ одномъ мѣстѣ, ничтожная вставка одного лишняго слова («шумный») въ другомъ, и эффектъ достигается настолько сильный, что сама мысль какъ бы выворачивается на изнанку.

О законности подобныхъ художественныхъ пріемовъ въ работѣ, претендующей на научную доказательность, мы говорить здѣсь не станемъ. Да и вообще, разъ идея націонализаціи земли провозглашена дѣломъ религіи, всякіе разговоры по этому поводу становятся излишними.

Не потому, что «г. Кранихфельдъ глубоко равнодушенъ къ религіи вообще» и не потому, что «г. Кранихфельду просто *нечего* сказать о религіи», какъ это удостовѣряетъ въ «Вопросахъ Жизни» мой самозванный духовникъ о. Г. Чулковъ («Вопросы Жизни», № 8, стр. 211—212), а потому, что сотворившіе себѣ кумиры, на землѣ ли (какъ гр. Толстой), или на небесахъ (какъ г. Чулковъ), до такой степени монополизируютъ области нахожденія своихъ боговъ (по праву перваго захвата, должно быть), что верблюду легче пролѣзть сквозь уши игольныя, чѣмъ имъ подвинуться хоть на одинъ миллиметръ, уступая напору логической мысли. Религія не знаетъ логики, и всякія споры на этой почвѣ, по меньшей мѣрѣ, безплодны.

И все-таки въ вопросѣ о націонализаціи земли позиція гр. Толстого несравненно сильнѣе, чѣмъ позиція «Русскаго Богатства», которое тоже стоитъ за націонализацію, хотя и не въ смыслѣ «единаго налога» Генри Джорджа.

Гр. Толстой силенъ своею вѣрою, которая дѣлаетъ его глухимъ ко всякимъ возраженіямъ. Въ крайнемъ случаѣ, онъ можетъ поражать своихъ противниковъ текстами, въ то время, какъ «Русское Богатство» вынуждено защищать свою позицію аргументаціей. И гр. Толстой не знаетъ и не желаетъ знать своихъ противниковъ, тогда какъ всѣ теоретическія построенія «Русскаго Богатства» сводятся къ тому, чтобы, если не разбить противника, то, въ крайнемъ случаѣ, какими-нибудь искусными обходными движеніями заставить его отступить. Всѣ разсужденія на эту тему, какъ г. Пѣшехонова, такъ и г. Новоторжскаго въ послѣдней (№ 8, августъ) книжкѣ «Русскаго Богатства» сводятся исключительно къ такого именно рода обходнымъ маршамъ.

Сражаясь на два фронта, имѣя серьезныхъ противниковъ, съ одной стороны, въ экономической структурѣ современнаго государства, съ другой—въ «народной психологіи», они стараются обойти ихъ—г. Пѣшехоновъ какой-то несовсѣмъ понятной формой частичной націонализаціи земли, г. Новоторжскій—замѣною націонализаціи «соціализаціей»; при этомъ оба они, ради торжества пропогандируемой ими идеи, готовы даже и въ будущемъ безсословномъ государствѣ удержать крестьянъ въ рамкахъ сословной обособленности.

«Основной смыслъ реформъ,—разсуждаетъ г. Пѣшехоновъ,—заключается, вѣдь, въ томъ, чтобы обезпечить трудовое хозяйство въ сферѣ земледѣльческаго производства. Крестьянскія надѣльныя и купчія земли, въ массѣ своей, уже входятъ въ составъ трудового хозяйства, *хотя и на иныхъ нѣсколько основаніяхъ, чѣмъ это должно быть по завершеніи реформы.* Но спѣшить съ ними, во всякомъ случаѣ, нечего. Имѣются даже серьезныя соображенія въ пользу того, чтобы за крестьянами на ихъ теперешнія земли сохранить *особое право* до тѣхъ поръ, пока въ странѣ не упрочится демократическій режимъ» (NB. Курсивъ нашъ. Вл. Кр.).

Такимъ путемъ—думаетъ г. Пѣшехоновъ—можно разрѣшить вопросъ, «не приходя въ столкновеніе съ народной психологіей», а довершить начатую операцію «будетъ не трудно» впослѣдствіи, когда новый порядокъ упрочится.

Справившись съ «народной психологіей», г. Пѣшехоновъ полагаетъ, что теперь всѣ затрудненія по пути къ націонализаціи земли совершенно устранены. Опасенія г. Новоторжскаго онъ раздѣляетъ лишь «въ извѣстной степени», а потому и не видитъ никакой необходимости въ замѣнѣ націонализаціи соціализаціей земли. Дѣло въ томъ, что г. Новоторжскаго больше всего смущаетъ опасеніе, какъ бы «народное представительство, основанное даже на всеобщей, тайной, прямой и равной подачѣ голосовъ, при всѣхъ свободахъ и вольностяхъ и свободѣ предвыборной агитаціи, какъ бы даже такое представительство не оказалось въ большинствѣ противъ «истинно—демократическихъ началъ». Исходя изъ этихъ опасеній, онъ предлагаетъ «соціализацію», какъ одну изъ формъ націонализаціи, при которой верховное право государственной власти по распоряженію землей ограничивается особыми пра-

вами земельныхъ общинъ. Въ такомъ видѣ «соціализація земли—по г. Новоторжскому—представляетъ изъ себя только качественно улучшенное и количественно распространенное общинное землепользованіе».

Г. Пѣшехоновъ возражаетъ на это, «что кромѣ представителей, за насъ будетъ сама жизнь, властно требующая преобразованій въ извѣстномъ направленіи. Давленіе такъ велико, что и не демократическія партіи должны будутъ за нихъ высказаться». Кромѣ того,—думаетъ г. Пѣшехоновъ—«государство, которое передвинетъ землю въ опредѣленную сторону, не страшно и въ качествѣ земельнаго собственника».

Мы думаемъ однако, что какъ бы далеко ни заходилъ оптимизмъ г. Пѣшехонова, какихъ бы успѣховъ онъ ни ожидалъ отъ торжества демократическихъ началъ, тѣмъ не менѣе и онъ не можетъ же мыслить себѣ русскія политическія формы ближайшаго будущаго перескочившими черезъ частоколъ буржазнаго государства. А если такъ, то всѣ ухищренія гг. Пѣшехонова и Новоторжскаго не ослабятъ силы тѣхъ возраженій, которыя, въ условіяхъ буржуазнаго строя, одинаково дѣйствительны, одинаково неоспоримы, какъ на западѣ, такъ и у насъ.

«Не слѣдуетъ имѣть слишкомъ много довѣрія къ государству—писалъ К. Каутскій:—Въ настоящее время государство прежде всего институтъ классового господства. Этого характера оно не теряетъ и тамъ, гдѣ ему выпадаютъ хозяйственныя функціи. Конечно, уже и теперь переходъ къ государству нѣкоторыхъ предпріятій можетъ быть выгоденъ въ хозяйственномъ отношеніи для всѣхъ. Это относится къ тѣмъ предпріятіямъ, которыя являются монополіями, или по природнымъ условіямъ — желѣзныя дороги, нѣкоторыя рудники, или по общественнымъ,—картели, тресты». Сюда же можно отнести и лѣсное хозяйство, раціональное веденіе котораго трудно совмѣщается съ жаждою капиталистической прибыли. «Но гдѣ не существуетъ такого положенія, тамъ нѣтъ никакого экономическаго основанія передать промышленныя предпріятія въ руки государства. Скорѣе напротивъ. Къ причинамъ экономическаго характера, которыя говорятъ противъ этого, присоединяются еще и политическія, вытекающія изъ характера современнаго государства, какъ организаціи классового господства» *).

И если будетъ у насъ представительство, основанное на всеобщемъ, прямомъ, равномъ и тайномъ голосованіи, то не въ нашихъ разсчетахъ заранѣе обезсиливать его и дѣлать правительство болѣе независимымъ отъ согласія на бюджетъ народныхъ представителей.

Сложенъ аграрный вопросъ у насъ въ Россіи, и много еще огромныхъ усилій потребуетъ онъ для своего разрѣшенія, но способы, предлагаемые гр. Л. Н. Толстымъ и гг. Пѣшехоновымъ и Новоторжскимъ, въ данныхъ условіяхъ соціальной жизни, наименѣе пригодны для этого. Когда-то еще Некрасовъ училъ Еремушку:

---

*) К. Каутскій. „Аграрный вопросъ“ Спб. 1905 г.

. . . . . Силу новую
Благородныхъ юныхъ дней
Въ форму старую, готовую
Необдуманно не лей!

Мы можемъ теперь повторить эту пѣсенку и прибавить къ ней, что только въ общихъ условіяхъ, которыя должны вывести все пассивно-страдательное населеніе страны на путь свободной самодѣятельности, мы видимъ выходъ и для земледѣльческой крестьянской массы. Что же касается націонализаціи земли, то осуществленіе этой идеи намъ представляется возможнымъ лишь въ коренныхъ образомъ обновленныхъ, въ смыслѣ соотношенія силъ, условіяхъ жизни, хотя бы даже и задолго до обобществленія всѣхъ орудій производства.

Вл. Кранихфельдъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Книга Флетчера „О Государствѣ Русскомъ".—„Третій Римъ", повѣсть Клитина.—Старинное сказаніе въ нововременскомъ изложеніи. — Враги „Третьяго Рима" — инородцы всѣхъ видовъ. — Преувеличенные страхи и необходимая травля.—Римъ въ прошломъ, по книгѣ Флетчера.—Римъ современный въ дѣйствительности.—За кѣмъ будущее.

Слишкомъ 300 лѣтъ тому назадъ одинъ умный англичанинъ, «бывъ посланъ» отъ англійскаго правительства «по дѣламъ службы къ русскому царю», наблюдалъ порядки и обычаи русской земли, о чемъ составилъ записки и преподнесъ ихъ королевѣ Елизаветѣ.

Англичанинъ этотъ, Джильсъ Флетчеръ, посѣтилъ Россію въ качествѣ посла въ царствованіе Ѳедора Іоанновича въ 1588 г. и записки свои объ этой странѣ издалъ въ 1591 г. подъ заглавіемъ «О государствѣ русскомъ». Въ серединѣ прошлаго столѣтія «Общество исторіи и древностей россійскихъ» издало переводъ этихъ записокъ, сдѣланный секретаремъ общества О. М. Бодянскимъ, въ «Чтеніяхъ»... И тутъ-то разыгралась исторія, характерная, истинно-патріотическая, въ русскомъ стилѣ. По доносу Уварова, тогдашняго министра Народн. Просвѣщ., «Записки» были конфискованы, отняты даже у членовъ «Общества», Бодянскаго (ректора московскаго университета) перемѣстили въ Казань, а графу Строганову (попечителю округа и начальнику московскаго цензурнаго комитета) былъ объявленъ высочайшій выговоръ за разрѣшеніе напечатать эту ужасную книгу. И полвѣка книга Флетчера гнила въ подвалѣ университета, и только теперь стала достояніемъ русскаго общества *).

Что же вызвало такое на нее гоненіе? Изъ-за чего произошелъ шумъ? Никитенко замѣчаетъ по поводу этой исторіи: «Дѣло не въ этомъ: иже мѣрою мѣрите, возмѣрится и вамъ. Строгановъ, по выраженію Гоголя, нагадилъ

---

*) „О Государствѣ Русскомъ", сочиненіе Флетчера. СПБ. 1905 г. Изд. А. С. Суворина. Ц. 2 р.

Уварову, Уваровъ—Строганову. Это въ порядкѣ вещей на святой Руси, гдѣ такія явленія между государственными людьми только доказываютъ обычную и глубокую безнравственность, къ которой всѣ привыкли. Но за что погибла книга Флетчера, книга полезная для нашей исторіи?».

Въ книгѣ Флетчера раскрывается исторія того, что дало такіе плоды въ послѣдующія эпохи. Исторія этой правды получаетъ особую остроту именно теперь, когда Россія готовится вступить на новый путь, уже пройденный остальнымъ человѣчествомъ, и только новый для насъ. Флетчеръ, какъ «дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый», съ равнодушіемъ описываетъ то, что видѣлъ въ Россіи, и не подозрѣвая, конечно, что спустя триста лѣтъ въ этой странѣ найдутся люди, которые эту-то старину будутъ представлять, какъ идеалъ государственнаго правопорядка.

Очень любопытно это сопоставленіе современныхъ поклонниковъ русской старины и взглядовъ современника послѣдней, умнаго и наблюдательнаго иностранца. За матеріаломъ ходить недалеко. Нѣкто Калитинъ, нынѣ покойный, тиснулъ въ фельетонѣ «Нов. Времени» довольно безталанную въ литературномъ отношеніи вещицу «Третій Римъ» *), въ которой проводитъ мысль, что Россія прошлаго имѣла величавые устои, дававшіе ей права считать себя замѣстительницей стараго Рима—Византіи, и, какъ по древнему сказанію «четвертому Риму не быть», то и современной Россіи надо вернуться къ этимъ древнимъ устоямъ, чтобы покорить «всѣ царства подъ ноги» себѣ. Мѣшаютъ ей, конечно, разные враги и прежде всего—иновѣрцы и инородцы. Они, и только они—вотъ кто истинные виновники нашихъ неудачъ въ войнѣ съ Японіей (повѣсть, надо помнить, появилась въ самый разгаръ войны). Они же виновники и остальныхъ «смутъ», отклоняя русское общество и народъ отъ истиннаго пути. За ними пошла и вся «безпочвенная» интеллигенція.

«Вы,—обращается авторъ безлично ко всѣмъ, «инако мыслящимъ»,—не стѣсняясь, проповѣдуете, что защищать свой домъ, свою землю—постыдно несвоевременно и даже преступно передъ Богомъ. Вы до того ослѣплены и отупѣли, что ужъ не видите, на кого работаете. Пусть нами завладѣютъ японцы, евреи, англичане, нѣмцы... Нашимъ слюнтяямъ все равно... Имъ все равно, если насъ подѣлятъ хоть всѣ страны міра. Пусть турки будутъ набирать изъ нашихъ дочерей гаремы, пусть нѣмцы подрѣзываютъ языки нашимъ дѣтямъ, чтобы они правильнѣе произносили по-нѣмецки, пусть наши жены стираютъ пеленки на жиденятъ барона Ротшильда»...

Откуда сіе?—невольно восклицаешь, читая эту тираду. А вотъ откуда: все отъ «жида», который пришелъ и завладѣлъ всѣмъ, между прочимъ и русской литературой. «Можно-ли отъ нея ожидать чего-нибудь, когда она въ лапахъ у того же Шельмензона? Наша читающая публика еще младенческая; ее куда хочешь, туда и гонишь. Кто хозяева на книжномъ рынкѣ? За что тамъ платятъ деньги?.. Я не могу послѣднее время читать журналовъ: съ

*) Изданную нынѣ отдѣльнымъ изданіемъ, по которому сдѣланы всѣ послѣдующія цитаты.

души воротитъ отъ этихъ жидовскихъ поддѣлокъ подъ русскую рѣчь». А то ли было прежде? грустно задумывается авторъ. «Весь Кремль былъ какъ монастырь. Любилъ древній русскій человѣкъ, чтобы кругомъ него было побольше святости». Вѣра была, были угодники, была увѣренность, что «истина только у насъ». Авторъ надѣется, что и теперь истина у насъ, и что нѣтъ только «богатыря», который-бы провозгласилъ ее на весь міръ, но онъ все-таки явится и, «задавъ всѣмъ супостатамъ» надлежащую встряску на дыбѣ, водворитъ эту «старую русскую истину».

Прежде чѣмъ перейти къ послѣдней, какъ она рисуется у Флетчера, два слова мимоходомъ о громадной роли «жида», которой насъ стращаютъ на всѣ лады нововременскіе проповѣдники. Рѣчи Калитиныхъ намъ, что называется, навязли въ зубахъ, но одно насъ всегда изумляло въ нихъ, это до крайности преувеличенное представленіе о силѣ и значеніи «жида», который рисуется ими въ образѣ какого-то непреодолимаго сверхъ-человѣка, титана, шутя заполонившаго весь міръ. Сами того не замѣчая, наши націоналисты выдаютъ себѣ testimonium paupertatis, не допуская даже и мысли о возможности борьбы съ нимъ. Этотъ легендарный «жидъ» видится имъ всюду—отъ московскаго Кремля, откуда онъ изъятъ вотъ уже двадцать пять лѣтъ безпощадно, и гдѣ его въ сущности никогда и не было, и до Мукдена, куда его не пускали съ того момента, какъ Манчжурья была объявлена «Желтороссіей». «Жидъ», по ихъ утвержденію, овладѣлъ печатью, гдѣ въ теченіе четверти вѣка невозбранно судили да рядили гг. Суворины, Комаровы, Гринмуты и К°. Какъ же они его прозѣвали? Какъ допустили на свои стогны и теперь вопятъ на весь міръ, что «жидъ» ихъ растлилъ, подкупилъ, изгналъ изъ святорусской души? Поле дѣятельности для гг. Безобразовыхъ, Балашевыхъ, Алексѣевыхъ и Стесселей было очищено на совѣсть, и, право, «жидъ» не при чемъ, если всѣхъ названныхъ истинно-русскихъ людей постигла участь горькая. На поляхъ Манчжуріи «жидъ» только появился въ рядахъ арміи, проливая свою кровь вмѣстѣ съ русскими. Развѣ «жидъ» потопилъ нашу эскадру въ Корейскомъ проливѣ и сдалъ безъ боя суда? Рождественскій, Небогатовъ и вмѣстѣ съ ними цвѣтъ русскаго дворянства, ибо не-дворяне не имѣли и не имѣютъ права служить во флотѣ,—никакого касательства не имѣли къ «жиду» и «жидъ» къ нимъ. Словомъ, куда ни повернешь, на «жида» лишь слава, «а ѣлъ овецъ-то Сава».

«Третій Римъ» — это очень гордо! Но что можетъ дать современному патріоту эта легенда, и въ свое-то время волновавшая только книжниковъ и фарисеевъ, непонятная невѣжественному народу и нелѣпая въ глазахъ иностранцевъ?

Восхищаясь легендой о «Третьемъ Римѣ», господа Калитины представляютъ его въ прошломъ, какъ восхитительную идиллію.

Иностранецъ ясно видѣлъ, какъ «Третій Римъ» идетъ къ одичанію, и заявляетъ, что даже природныя способности народа не служатъ ему на пользу. «Хотя и замѣтна въ нихъ нѣкоторая способность къ искусствамъ (какъ можно судить по природному здравому разсудку людей взрослыхъ и самихъ дѣтей),

однако они не отличаются никакимъ даже ремесленнымъ производствомъ, тѣмъ менѣе въ наукахъ или какими-нибудь свѣдѣніями въ литературѣ, отъ коихъ, такъ точно, какъ и ото всѣхъ воинственныхъ упражненій, ихъ съ намѣреніемъ стараются отклонить, для того, чтобы легче было удержать ихъ въ томъ рабскомъ состояніи, въ какомъ они теперь находятся, и чтобы они не имѣли ни способности, ни бодрости рѣшиться на какое-либо нововведеніе. Съ тою же цѣлью имъ не дозволяется путешествовать, чтобы они не научились чему-нибудь въ чужихъ краяхъ и не ознакомились съ ихъ обычаями... Для того же установлено законами, чтобы никто не выходилъ изъ своего сословія, такъ что сынъ мужика, ремесленника или земледѣльца остается навсегда мужикомъ и проч. и не можетъ идти далѣе... Законъ, обязывающій каждаго оставаться въ томъ сестояніи и званіи, въ какомъ жили его предки, весьма хорошо придуманъ, чтобы содержать подданныхъ въ рабствѣ, и такъ сообразенъ съ этимъ и подобными государствами, чѣмъ менѣе онъ споеобствуетъ къ укорененію какой-либо добродѣтели или какого-нибудь особеннаго и замѣчательнаго качества въ дворянахъ или простомъ народѣ, что никто не можетъ ожидать награды или повышенія, къ которымъ бы могъ стремиться, или же заботиться объ улучшеніи своего состоянія, а напротивъ, подвергнетъ себя этимъ большей опасности, чѣмъ болѣе будетъ отличаться превосходными или благородными качествами».

У нихъ нѣтъ никакого просвѣщенія. «Все духовенство не имѣетъ совершенно никакихъ свѣдѣній ни въ другихъ предметахъ, ни въ Словѣ Божіемъ... Будучи сами невѣждами во всемъ, они (духовные) стараются всѣми средствами препятствовать распространенію просвѣщенія, какъ бы опасаясь, чтобы не обнаружилось ихъ собственное невѣжество и нечестіе... Священники суть люди совершенно невѣжественные, что, впрочемъ, вовсе не удивительно, такъ какъ сами ихъ поставляющіе епископы точно таковы же»... Описавъ всякія суевѣрія, процвѣтавшія тогда въ «Третьемъ Римѣ», Флетчеръ заканчиваетъ описаніе духовнаго состоянія русскихъ: «Изъ всего этого можно судить, какъ далеко отстали они отъ истиннаго познанія и исполненія обязанностей христіанской религіи, промѣнявъ Слово Божіе на свои пустыя преданія и превративъ во внѣшніе и смѣшные обряды безъ всякаго уваженія къ духу и истинѣ, которыхъ требуетъ Богъ отъ настоящаго ему поклоненія».

Все у нихъ, замѣчаетъ Флетчеръ, основано на поклоненіи грубой силѣ, которая царитъ и въ правленіи, и въ общественной жизни, и въ домашнемъ быту. «Въ обращеніи съ женами мужья обнаруживаютъ варварскія свойства, обходясь съ ними скорѣе какъ съ своими прислужницами, нежели равными»... «Бродягъ и нищихъ у нихъ несчетное число: голодъ и крайняя нужда до того ихъ изнуряютъ, что они просятъ милостыни самымъ ужаснымъ, отчаяннымъ образомъ, говоря: подай и зарѣжъ меня, подай и убей меня, и т. п. Отсюда можно заключить, каково обращеніе ихъ съ иностранцами, когда они такъ безчеловѣчны и жестоки къ своимъ единоземцамъ. И несмотря на то, нельзя сказать, что преобладаетъ въ этой странѣ — жестокость или невоздержаніе. Впрочемъ, о послѣднемъ я и говорить не стану, потому что оно такъ грязно, что трудно найти для него приличное выраженіе. Все государство

преисполнено подобными грѣхами»... «Что касается до вѣрности слову, то русскіе большею частію считаютъ его ни по чемъ, какъ скоро могутъ выиграть что-нибудь обманомъ и нарушить данное обѣщаніе. По истинѣ можно сказать (нынѣ вполнѣ извѣстно тѣмъ, которые имѣли съ ними дѣла по торговлѣ), что отъ большого до малаго (за исключеніемъ весьма немногихъ, которыхъ очень трудно отыскать) всякій русскій не вѣритъ ничему, что говоритъ другой, но за то и самъ не скажетъ ничего такого, на что можно было бы положиться».

Таковъ былъ «Третій Римъ» триста лѣтъ тому назадъ, и мы знаемъ, что добросовѣстный иностранецъ ничего не преувеличилъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ такіе патентованные патріоты и хвалители прошлаго, какъ Карамзинъ или Устряловъ, признававшіе непререкаемую справедливость и вѣрность наблюденій Флетчера. О томъ же говорятъ и гоненія на книгу, вслѣдствіе которыхъ только черезъ 300 слишкомъ лѣтъ русскіе получили возможность читать ее. «Приказный строй» временъ николаевскихъ имѣлъ всѣ основанія гноить ее въ складахъ московской университетской типографіи. Изъ трехсотлѣтней старины выступала живая современность, и приказные сороковыхъ годовъ поняли это. Современные намъ гг. Калитины, тоскующіе по прелестямъ «Третьяго Рима», для насъ совершенно не понятны...

Калитины и націоналисты утѣшались больше всего внѣшнимъ могуществомъ. Оно было ихъ главнымъ козыремъ въ восхваленіи исконныхъ устоевъ, благодаря которымъ, по ихъ увѣренію, мы покорили полъ міра. «Гдѣ теперь тѣ, которые насъ били, начиная съ Тамерлана, продолжая ляхами и кончая Наполеономъ?— хвастливо восклицаетъ авторъ «Третьяго Рима».—Тамерланы эти на московскихъ улицахъ халаты продаютъ, ляхи шипятъ изъ-за угла и пасквильныя книжки печатаютъ, а Наполеонъ? вотъ тамъ, у арсенала, лежатъ подъ нашими орлами 800 его пушекъ. Вотъ ужъ правду можетъ сказать Москва: кѣмъ я бита, тѣхъ милліоны мною въ землю зарыто, а я вотъ одна. Живу и царствую». Этотъ нововременскій шовинизмъ особенно пикантенъ именно теперь, послѣ всѣхъ пораженій на сушѣ и на морѣ, которыми такъ безславно завершилъ приказный строй свою внѣшнюю политику. Иначе и быть не могло, и только слѣпота и близорукость нашихъ шовинистовъ не позволяютъ имъ видѣть простую, до очевидности ясную истину, что внѣшняя политика есть лишь отраженіе внутренней, и если въ послѣдней нѣтъ прочнаго основанія въ развитіи всѣхъ народныхъ силъ, то и вся внѣшняя сила только кажущаяся. Такъ было пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, такъ оно оказалось и теперь, когда столкновеніе съ врагомъ, значительно слабѣйшимъ, но воодушевленнымъ и сознательно преслѣдующимъ свои цѣли, привело къ потерѣ національнаго престижа и военнаго, и международнаго. Приказный строй, затѣявшій эту роковую войну, велъ ее «въ слѣпую», разсчитывая исключительно на случай, на возможныя удачи, на слабость врага, котораго съ самаго начала объявили наши патріоты ничтожнымъ и слабымъ, дерзкимъ и невѣжественнымъ. Ходъ войны обнаружилъ совершенно обратное, и шовинисты смолкли, пристыженные и разбитые фактами, которые систематически вскрывали всю ложь, пущенную

въ оборотъ патріотами. Факты показали, что мы имѣемъ противъ себя не жалкихъ «макакъ», а могущественную націю, вооруженную всѣми пріобрѣтеніями культуры, воодушевленную высокимъ подъемомъ любви къ родинѣ и сознанія грозящей ей опасности. Что могли противопоставить такому національному подъему г.г. Калитины, Меньшиковы и Суворины? Передъ битвой у о. Цусимы адмиралъ Того издалъ слѣдующій приказъ по флоту: «Отъ этого боя зависитъ существованіе нашей родины. Нынѣшній день требуетъ храбрости и энергіи каждаго офицера и каждаго матроса», — и больше ни слова. Вотъ голосъ истиннаго патріотизма, и какъ показали событія, онъ нашелъ откликъ въ сердцѣ каждаго участника боя...

Таково наше прошлое, которое націоналисты желаютъ представить чуть не идеальнымъ. Таково наше настоящее, которое даже ихъ заставляетъ умолкнуть. И опять—какое странное противорѣчіе! Вся наша бѣда, по ихъ мнѣнію, въ томъ и заключается, что мы отклонились отъ исконныхъ устоевъ подъ коварнымъ вліяніемъ «жидовъ» и всякихъ другихъ инородцевъ. Они взываютъ къ невѣдомому «чудо-богатырю, какъ дѣлаетъ это Калитинъ въ своемъ «Третьемъ Римѣ», призывая его «на расправушку»:

„Охъ, ты гой еси, святъ-великъ богатырь!
Ужъ ты гдѣ, государь, скрываешься?
Ты когда намъ, родимый, откликнешься?
Посмотри: на святой твоей родинѣ
Расплодились гады ползучіе;
Роютъ ходы они темные,
Мечутъ сѣмя свое смрадное.
Отъ того-ли отъ смраднаго сѣмени
Народились душонки холопскія:
Ходятъ слѣпенькія, спотыкаются,
Надъ самими собой измываются,
Тащатъ Русь твою на позорище,
Продаютъ нашу мать безотвѣтную,
Барышами съ Іудами дѣлятся...

И богатырь выступаетъ, начинаетъ дѣйствовать своимъ «мечемъ-кладенцомъ»:

Запылала земля, какъ пожарище,
Застонала съ востока до запада;
Вопль и скрежетъ, и плачъ, и моленіе...
Нѣтъ пощады отродію невѣрному:
Все поганое, супротивное,
Слабодушное и корыстное,
Все змѣиное и трусливое,
Рабски-злобное и безспльное,
Все огнемъ палитъ, все на смерть разитъ
И сметаетъ въ пучину бездонную...

Вотъ что ожидаетъ «все супротивное», по мысли націоналистовъ; вотъ чѣмъ грозятъ онѣ намъ, если мы не одумаемся, не повернемъ назадъ, къ тѣмъ временамъ, когда крѣпки были исконные устои. И нельзя отказать господамъ Калитинымъ въ прямолинейности и выдержкѣ...

Но «чѣмъ-бы дитя ни тѣшилось»—все равно. Въ ихъ положеніи только и остается, что мечтать о невозвратномъ прошломъ да натравливать «черную сотню» на «все супротивное». Нѣтъ дорогъ къ невозвратному. Какъ ни тяжко наслѣдіе, оставленное намъ «Третьимъ Римомъ», какъ ни кажутся еще сильными поборники произвола, безправья, насилія и тьмы, все же не совладать имъ съ проснувшимся народомъ. «Что день грядущій намъ готовитъ?»—никто не скажетъ теперь. Но мы вѣримъ въ силу сознательнаго движенія русскаго общества и народа. Ему не зачѣмъ взывать къ миѳическому чудо-богатырю, который долженъ явиться, все спалить, искоренить и на пепелищѣ утвердить исконные устои: спасеніе въ самомъ народѣ, въ его сознательности, стойкости и готовности бороться во имя лучшаго будущаго.

А. Б.

КЪ СВОБОДѢ НАУЧНАГО ПРЕПОДАВАНІЯ.

Она явилась какъ-то невзначай—эта свобода научнаго преподаванія, какъ неизбѣжная спутница объявленной, согласно Указу отъ 27-го августа, автономіи высшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи. Дѣйствіе «Временныхъ правилъ», по которымъ возвращено университетамъ право избирать изъ своей среды—ректора и его помощника, факультетамъ—деканова и секретарей, а на обязанность и отвѣтственность совѣтовъ возложены «заботы о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни», при чемъ начальство надъ инспекціей ввѣряется ректору и совѣту, разбирательство же по студенческимъ дѣламъ—профессорскому дисциплинарному суду,—нынѣ по Указу отъ 18-го сентября, распространено на прочія высшія учебныя заведенія, за немногими, характерными исключеніями: нашлись, повидимому, такія учрежденія (историко-филолог. институты въ Петербургѣ и въ Нѣжинѣ, два института восточныхъ языковъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, и бывшій Катковскій Лицей въ Москвѣ), которыя не пожелали, чтобы за ними признана была самостоятельность внутренняго управленія. Объ отвѣтѣ совѣщанія профессоровъ Ист.-фил. института въ Петербургѣ—въ газетахъ сообщались анекдотическіе разсказы, идущіе рѣзко въ разрѣзъ съ пожеланіями студентовъ, тоже ставшими достояніемъ печати; заявленіе одного изъ профессоровъ, къ сожалѣнію, достовѣрное, что автономный историко-филогогическій Институтъ походилъ бы «на кентавра», звучитъ горькой ироніей: сравненіе мѣтко, но чтобы туловищу лошади съ человѣческой головой и руками придать цѣльность, неужели лучше было пожертвовать верхними человѣческими формами даннаго образа и остаться «о четырехъ ногахъ»?

«Временныя правила» не исчерпываютъ условія полной самостоятельности университетскихъ коллегій, такъ какъ въ нихъ опущено распространеніе принципа выборнаго начала на самихъ профессоровъ и ничего не сказано ни о несмѣняемости профессора, ни объ организаціи студенческихъ кружковъ, товарищескаго суда и т. п.; но допустимъ, что вопросъ о студенческой орга-

низаціи будетъ выработанъ совѣтами профессоровъ, а выборы профессоровъ будутъ урегулированы уже Уставомъ, въ его окончательной редакціи; свобода научнаго преподаванія заключается implicite въ признанной автономіи. Если о ней не сдѣлано отдѣльнаго упоминанія, она, тѣмъ не менѣе, должна быть отнынѣ признана.

Наука—сама себѣ хозяинъ; научныя истины не могутъ подлежать никакому постороннему контролю; человѣкъ науки долженъ слѣдовать неукоснительно лишь указаніямъ добросовѣстнаго изслѣдованія; онъ подчиняется лишь методамъ научнаго изысканія и не можетъ допустить надъ собой ничьей опеки, поэтому долженъ пользоваться безусловной свободой мысли, свободой труда и свободой преподаванія, чтобы ввести своихъ слушателей въ великую лабораторію знанія.

Какъ элементарны эти понятія единственно возможной плодотворной научной работы, и какъ странно вспоминать, что даже противъ нихъ,—по крайней мѣрѣ, de jure, если, къ счастью, оказалось невозможными провести это de facto,—между прочимъ, былъ направленъ, нынѣ блаженной памяти, уставъ 1884 года. Его главной цѣлью была, правда, отнюдь не забота объ улучшеніи постановки научнаго дѣла въ нашихъ университетахъ, а политика, и несостоятельность принятыхъ тогда пріемовъ «умиротворенья молодежи» нынѣ слишкомъ краснорѣчиво доказана фактами жизни, наконецъ, признаніемъ правительства (см. Правительственное сообщеніе отъ 27-го августа: «признавая несомнѣннымъ,—что... и сами законоположенія, опредѣляющія строй высшихъ учебныхъ заведеній, являются въ значительной степени неприспособленными къ назрѣвающимъ потребностямъ жизни» и т. д. Но еще раньше было сказано, что «неудовлетворительное состояніе университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній»—*давно* обращало на себя вниманіе правительства), такъ что распространяться объ этомъ излишне. Однако, возбужденъ былъ тогда, т.-е. 21 годъ тому назадъ, и вопросъ о контролѣ надъ научнымъ преподаваніемъ, выставленъ былъ принципъ опеки надъ учащими и учащимися, представлены были и нѣкоторыя соображенія въ пользу качественнаго улучшенія программъ преподаванія научныхъ дисциплинъ въ университетахъ. Нормировать эти программы должны были требованія, предъявляемыя въ коммиссіяхъ при сдачѣ государственныхъ экзаменовъ, а содѣйствовать оживленію и даже подъему преподавательскихъ силъ долженъ былъ впервые у насъ вводимый тогда институтъ приватъ-доцентовъ, при свободной (?) конкуренціи параллельныхъ курсовъ.

Учрежденіе приватъ-доцентовъ считалось тогда какъ бы главнымъ, чтобы не сказать единственнымъ преимуществомъ новаго устава, который во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ встрѣтилъ рѣшительную критику (только критику, но не активный отпоръ) даже въ средѣ самыхъ умѣренныхъ, пассивныхъ въ общественномъ смыслѣ, представителей университетской науки. Его назвали съ самаго начала «мертворожденнымъ», и можно только удивляться, что мертворожденное дитя успѣло-таки дождаться совершеннолѣтія, чтобы покончить свое существованіе. Какъ это могло случиться?

Старые гимны разуму, свободѣ и „эгоистическому" героизму.

(„Что дѣлать" Н. Г. Чернышевскаго. 2-е изд. 1905 г. „Историческія письма" Изд. 1905 г).

Русская цензура находится въ настоящее время въ положеніи гоголевской унтеръ-офицерши, которая, какъ извѣстно, сама себя высѣкла.

Русской цензурѣ, по приказанію высшаго начальства, приходится воскрешать заживо похороненныхъ ею писателей. Издано собраніе сочиненій Герцена, болѣе полувѣка считавшихся запретными для русскаго читателя; издано, конечно, съ громадными пропусками; напечатаны вторымъ изданіемъ, уже безъ всякихъ пропусковъ, изъятыя изъ обращенія тоже нѣсколько десятковъ лѣтъ (30—40)—«Что дѣлать» Н. Г. Чернышевскаго и «Историческія Письма» П. Л. Миртова (Лаврова тожъ).

Трудно выяснить всѣ причины, приведшія нашу «бюрократію» къ такому самобичеванію. Трудно, да, пожалуй, не такъ ужъ и интересно. Намъ кажется небезинтереснымъ отмѣтить только основной мотивъ: воскрешаемые бюрократіей мертвецы ей ужъ не такъ страшны, какъ прежде, идеи и чувства этихъ задушенныхъ писателей одѣлись уже плотью и кровью, и жизнь стала куда страшнѣе книги... Жизнь же, какъ всѣмъ извѣстно, приписана у насъ не къ цензурному, а къ жандармскому вѣдомству; объединяющаго всѣ вѣдомства—кабинета министровъ пока нѣтъ...—Но какія же это идеи и чувства?

Въ этой статьѣ мы остановимся только на «Что дѣлать» и на «Историческихъ письмахъ».

На первый взглядъ, казалось бы, два несравнимыя произведенія: первое—почти романъ, по крайней мѣрѣ, авторъ упорно называлъ «Что дѣлать»—романомъ; второе—почти философскій трактатъ.

И романическая и философская форма въ нихъ только оболочка—оба произведенія—чистая публицистика; это гимны разуму и свободѣ, гимны—старые, какъ исторія человѣчества.

Общественныя бѣдствія и развращенныя правительства, утверждаетъ «декларація правъ», происходятъ только отъ того, что забыты или презрѣны естественныя, неотчуждаемыя права человѣка, изъ которыхъ главныя—свобода и равенство. Цѣль всякаго общества и правительства должна состоять только въ охраненіи правъ личности. Изъ этой основной идеи логически вытекала дру-

гая — народовластіе: верховная власть принадлежитъ націи, и законъ есть выраженіе общей воли, но, прежде всего, онъ долженъ гарантировать личную неприкосновенность, свободу слова и печати, совѣсти и мысли.

Поистинѣ гимнъ разуму, разуму, указавшему причину общественныхъ страданій—въ неравенствѣ людей, въ политическомъ порабощеніи однихъ другими. Личность стала свободной политически, но наряду со свободой законъ, созданный революціей, долженъ былъ охранять собственность и охранялъ ее такъ хорошо, что черезъ 100 лѣтъ послѣ великой революціи большинство населенія Франціи—крестьяне—держатся за собственность, вѣроятно, дать болѣе цѣпко, чѣмъ ихъ прадѣды.

Liberté, fraternité, egalité — выдохлись за сто лѣтъ и, казалось, неподкупный разумъ оказался нѣсколько заинтересованнымъ.

Но у насъ, въ Россіи, въ началѣ 60-хъ годовъ, тотчасъ послѣ освобожденія крестьянъ, освобожденія, какъ-никакъ съ землею и съ общиной—соціальный вопросъ не казался тогдашнимъ передовымъ людямъ столь безнадежнымъ, какъ на Западѣ, и разумъ въ соединеніи съ самоотверженной пропагандой считали достаточнымъ для того, чтобы добиться и соціальной и политической реформы...

«Что дѣлать» написано въ 1863 г. «Народничества» тогда еще не было, но Чернышевскій предчувствовалъ его, и Рахметовъ является предтечей тѣхъ, которые «пошли въ народъ». Авторъ самъ сознается, что даетъ только «абрисъ», и надо сознаться абрисъ—съ одной стороны — неясный, съ другой — какой-то карикатурно-героическій. Такимъ, впрочемъ, и долженъ быть прообразъ еще и самому автору неяснаго образа.

Что дѣлаетъ Рахметовъ читателю неизвѣстно; видимо, готовится къ какому-то большому и опасному дѣлу—подвигу. Онъ тренируетъ себя, какъ боксера, онъ даже пробуетъ лежать на гвоздяхъ и кровавитъ свою спину на всякій случай: «Проба. Нужно. Неправдоподобно, конечно; однако же на всякій случай нужно. Вижу, могу».

Рахметовъ къ 22 годамъ исколесилъ уже всю Россію, «былъ пахаремъ, плотникомъ, перевозчикомъ и работникомъ всякихъ здоровыхъ промысловъ; разъ даже прошелъ бурлакомъ всю Волгу». Онъ ѣстъ такую же пищу, какъ народъ (но въ Петербургѣ, впрочемъ, дозволяетъ себѣ апельсинъ, такъ какъ народъ въ столицѣ тоже потребляетъ этотъ фруктъ), «по цѣлымъ недѣлямъ у него не бывало во рту куска сахару, по цѣлымъ мѣсяцамъ никакого фрукта, ни куска телятины, или пулярдки» и т. д. Чернышевскій совершенно серьезно перечисляетъ, что ѣлъ и чего не ѣлъ никогда Рахметовъ, и что онъ иногда позволялъ себѣ за обѣдомъ въ гостяхъ. «То, что ѣстъ хотя по временамъ, простой народъ, и я могу ѣсть при случаѣ. Того, что никогда недоступно простымъ людямъ, и я не долженъ ѣсть! Это нужно мнѣ для того, чтобы хотя нѣсколько чувствовать, насколько стѣснена ихъ жизнь сравнительно съ моей».

Снова карикатурный «абрисъ» будущаго народническаго настроенія и «кающагося дворянина».

Рахметовъ—предчувствіе народническаго движенія но предчувствіе еще да-

леко не оформленное. Послѣ описанной выше тренировки онъ уѣзжаетъ года на 2 въ Европу — для осмотра и «для соображеній», а затѣмъ «въ Сѣверо-Американскіе Штаты, изучить которые болѣе «нужно» ему, чѣмъ какую-нибудь другую землю, и тамъ онъ останется долго, можетъ быть, болѣе года, а можетъ быть, и навсегда, если онъ тамъ найдетъ себѣ дѣло, но, вѣроятно, что года черезъ три онъ возвратится въ Россію, потому что, кажется, въ Россіи, не теперь, а тогда, года черезъ три, четыре, «нужно» будетъ ему быть». Во время своихъ странствій по Европѣ онъ оставляетъ нѣмецкому ученому — «отцу новѣйшей философіи», помимо воли послѣдняго, 30.000 гульденовъ (себѣ оставилъ только 5.000) на изданіе сочиненій. Философъ денегъ не взялъ, но Рахметовъ положилъ деньги въ банкъ на имя «отца новѣйшей философіи» и написалъ ему: «Деньгами распоряжайтесь, какъ хотите, хоть бросьте въ воду, а мнѣ ихъ ужъ не можете возвратить, меня вы не отыщете».

Послѣ подобной рекламы—характеристики читателю, конечно, не ясно, готовится ли «ригористъ» — Рахметовъ къ подвигу въ Россіи или просто развиваетъ въ себѣ всякаго рода силу «на всякій случай». Впрочемъ, послѣдняя сцена романа, въ сильной степени аллегорическая, все же какъ будто показываетъ намъ, что авторъ скорѣе склонялся къ тому, что года черезъ 2,—3 Рахметову «нужно» будетъ быть въ Россіи.

Нѣсколько неувѣренное предсказаніе Чернышевскаго не оправдалось—«движеніе» даже въ начальной своей стадіи открылось позже.

Но помимо вводной фигуры Рахметова, помимо предчувствія героизма, борьбы и самопожертвованія, въ романѣ «Что дѣлать» имѣются центральныя фигуры Вѣрочки, Лопухова и Кирсанова и проповѣдь—съ одной стороны теоріи раціональнаго эгоизма, съ другой—освобожденія личности при помощи разума. Слишкомъ ужасны были 50-е годы, слишкомъ долго сидѣло тогдашнее общество въ смрадномъ болотѣ, чтобы сразу по освобожденіи—въ началѣ 60-хъ годовъ его можно было бы вызвать только на общественную борьбу. Каждому нужно было пообчиститься отъ тины и своимъ близкимъ помочь тоже сдѣлать.

«Поднимайтесь изъ вашей трущобы, друзья мои, обращается къ читателямъ Чернышевскій, поднимайтесь, это не такъ трудно, выходите на вольный бѣлый свѣтъ, славно жить на немъ, и путь легокъ и заманчивъ, попробуйте! Развитіе, развитіе. Наблюдайте, думайте, читайте тѣхъ, которые говорятъ вамъ о чистомъ наслажденіи жизнью, о томъ, что человѣку можно быть достойнымъ и счастливымъ. Читайте ихъ—ихъ книги радуютъ сердце, наблюдайте жизнь—наблюдать ее интересно, думайте — думать завлекательно. Только и всего. Жертвъ не требуется, лишеній не спрашивается, ихъ не нужно. Желайте быть счастливымъ только, только это желаніе нужно. Для этого вы будете съ наслажденіемъ заботиться о своемъ развитіи: въ немъ счастье».

Прежде всего нужно вспомнить о простомъ человѣческомъ достоинствѣ: довольно раболѣпія и низкопоклонства, и мы видимъ, что наши герои не позволятъ никому наступить себѣ на ногу. Лопуховъ купаетъ въ канавѣ грубаго генерала, Кирсановъ «учитъ» молодого титулованнаго Nicolas въ его собственномъ палаццо.

Это примитивно и наивно, но вѣдь и раболѣпіе въ николаевскія времена было грубо и ужасно—и лбомъ «стучали объ полъ, не жалѣя».

«Какое наслажденіе чувствовать себя просто человѣкомъ,—не Иваномъ, не Петромъ, а человѣкомъ, чисто только человѣкомъ», говоритъ одинъ изъ героевъ, какъ бы предвосхищая упражненія Максима Горькаго на ту же тему.

— Да,—говоритъ царица (въ четвертомъ снѣ Вѣры Павловны):—ты хотѣла знать, кто я; ты узнала. Ты хотѣла узнать мое имя, у меня нѣтъ имени, отдѣльнаго отъ той, которой являюсь я, мое имя—ея имя; ты видѣла, кто я. Нѣтъ ничего выше человѣка, нѣтъ ничего выше женщины. Я та, которой являюсь я, которая любитъ, которая любима»...

Чтобы стать «человѣкомъ», надо начать заботиться о своемъ развитіи, наука и разумъ укажутъ пути къ счастью, при этомъ не надо никакихъ жертвъ, такъ какъ требованія твоего разума совпадаютъ съ твоей собственной пользой, съ твоимъ «эгоизмомъ».

«То, что называютъ возвышенными чувствами, идеальными стремленіями—все это въ общемъ ходѣ жизни совершенно ничтожно передъ стремленіемъ каждаго къ своей пользѣ, и въ корнѣ само состоитъ изъ того же стремленія къ пользѣ». Такъ поучатъ Лопуховъ Вѣрочку и увѣряетъ ее, что самъ пошелъ въ медицинскую академію по разсчету: медицина даетъ хорошій кусокъ хлѣба.

Когда Вѣрочка спрашиваетъ его, станетъ ли онъ порицать ее, если она выйдетъ, не любя, за богатаго, то Лопуховъ отвѣчаетъ: «Кто имѣетъ право порицать выводы изъ факта, когда существуетъ фактъ? Ваша личность въ данной обстановкѣ—фактъ; ваши поступки—необходимые выводы изъ этого факта, дѣлаемые природой вещей. Вы за нихъ не отвѣчаете, а порицать ихъ—глупо». Однимъ словомъ, полный детерминизмъ. Не студентъ академіи, а какой-то пушкинскій дьякъ, который «добру и злу внимаетъ равнодушно, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва».

А между тѣмъ этотъ эгоистъ, заявляющій, что онъ никого не любитъ, кромѣ себя,—бросаетъ академію и блестящую карьеру, чтобы вырвать Вѣрочку изъ ужасной семейной обстановки; когда же она его разлюбила, то Лопуховъ даже тайно скрывается изъ Россіи, симулировавъ самоубійство, чтобы дать Вѣрочкѣ возможность выйти вторично замужъ за Кирсанова—лучшаго друга Лопухова. Но всѣ эти «благородства» объясняются героями раціональнымъ эгоизмомъ.

Удивительно странно читать эти разговоры и письма двухъ пріятелей и Вѣрочки, гдѣ каждый стремится доказать, что его «благородство»—только самый настоящій эгоизмъ. Не то странно, что авторъ прибѣгаетъ къ такимъ нехудожественнымъ пріемамъ, какъ монологи и діалоги въ нѣсколько страницъ сряду; это дѣлаютъ и многіе новѣйшіе беллетристы. Нѣтъ, никакихъ художественныхъ требованій къ «роману» «Что дѣлать», конечно, никто и не предъявляетъ. Странно то, что такой умный человѣкъ, какъ Чернышевскій, не понималъ, какъ плохи подобныя иллюстраціи для защиты утилитарной морали, не понималъ, что детерминизмъ и альтруизмъ лежатъ въ двухъ различныхъ плоскостяхъ, и одинъ не уничтожаетъ другого, что уничтоживъ слово альтру-

изм, нужно уничтожить и слово эгоизм. Но все это намъ ясно теперь. Тогда же, въ началѣ 60-хъ годовъ, даже такое толкованіе утилитарной морали было прекраснымъ оружіемъ для борьбы съ предразсудками и мистикой.

Кирсановъ полюбилъ жену Лопухова, Вѣрочку, онъ замѣчаетъ, что и она его, вѣроятно, любитъ,—но онъ не хочетъ приносить несчастія друзьямъ и мужественно удаляется. «Онъ счастливъ». Онъ лежитъ на диванѣ съ сигарой и думаетъ: «Будь честенъ, то-есть разсчетливъ, не просчитывайся въ разсчетѣ, помни сумму, помни, что она больше своей части, то-есть, что твоя человѣческая натура сильнѣе, важнѣе для тебя, чѣмъ каждое твое отдѣльное стремленіе, предпочитай же ея выгоды выгодамъ каждаго твоего отдѣльнаго стремленія, если онѣ какъ-нибудь разнорѣчатъ,—вотъ только и всего, это и называется попросту: будь честенъ, и все будетъ отлично».

Но, въ концѣ концовъ, все же вышло, что Кирсановъ просчитался и «расчетливѣе» всего для всѣхъ троихъ оказалось, чтобы онъ женился на Вѣрочкѣ, а Лопуховъ натурализовался въ Америкѣ и затѣмъ самъ женился на хорошей дѣвушкѣ.

Лопуховъ тоже не хочетъ сконфузиться и свое «великодушіе» стремится свести непремѣнно къ эгоизму. Оказывается, что хотя онъ и любилъ по своему Вѣрочку, но она не подходила ему по характеру—она болѣе общественный, а онъ болѣе замкнутый человѣкъ—и, хотя, угождая ей въ ея стремленіяхъ, онъ «не испытывалъ ничего, кромѣ радости», но въ глубинѣ души «ему было скучно» и, значитъ, его великодушное бѣгство объясняется просто тѣмъ, что ему «хотѣлось отдѣлаться отъ скучнаго положенія».

Вѣра Павловна не остается въ долгу передъ мужчинами. Она цѣнитъ благородство Лопухова. «Но, вѣдь, я знаю, пишетъ она, что онъ былъ благороденъ не для меня, а для себя. Вѣдь и я, если не обманывала его, то не обманывала не для него, а для себя, не потому, что обманывать было бы несправедливостью къ нему, а потому, что это было бы противно мнѣ самой».

Конечно, читать сотни страницъ, посвященныхъ развитію этой теоріи честнаго эгоизма или эгоистической честности, сначала немного смѣшно, а потомъ сильно скучно,—но нельзя забывать исторической перспективы. Въ 1863 г. эта теорія развивалась въ противовѣсъ общепринятой, которую милѣйшая родительница Вѣрочки—Марья Алексѣевна выражала кратко, но выразительно: «кто не дуракъ, тотъ плутъ, а не плутомъ можетъ быть только дуракъ».

Чернышевскій же характеризуетъ людей «типа», къ которому принадлежали Лопуховъ и Кирсановъ, слѣдующимъ образомъ: «Каждый изъ нихъ—человѣкъ отважный, не колеблющійся, не отступающій, умѣющій взяться за дѣло, и если возьмется, то ужъ крѣпко хватающійся за него, такъ что оно не выскользнетъ изъ рукъ: это одна сторона ихъ свойствъ; съ другой стороны, каждый изъ нихъ человѣкъ безукоризненной честности, такой, что даже и не приходитъ въ голову вопросъ: «можно ли положиться на этого человѣка во всемъ безусловно?»...

Призывъ къ освобожденію личности и теорія честнаго эгоизма развиты Чернышевскимъ въ «Что дѣлать» на почвѣ, главнымъ образомъ, брачныхъ отношеній. Оно и понятно. Авторъ хотѣлъ намъ показать новыхъ людей того

времени, но людей среднихъ, онъ не могъ выставить ихъ въ общественной борьбѣ за свободу, это будетъ потомъ, когда Рахметовъ вернется изъ Америки,—теперь же эти средніе люди отстаиваютъ свободу личности у себя дома и прежде всего въ семьѣ. Чернышевскій вполнѣ сознательно выбралъ поэтому главной своей героиней—не Лопухова и Кирсанова, а Вѣру Павловну, такъ какъ такую борьбу за освобожденіе человѣка въ семьѣ приходилось, да и приходится вести прежде всего и чаще всего женщинѣ. Еще до замужества Вѣрочки авторъ заставляетъ ее произнести слѣдующій монологъ: «... я не знаю, что я буду чувствовать, если я полюблю мужчину, я знаю только то, что не хочу никому поддаваться, хочу быть свободна, не хочу никому быть обязана ничѣмъ, чтобы никто не смѣлъ сказать мнѣ: ты обязана дѣлать для меня что нибудь! Я хочу дѣлать только то, чего буду хотѣть, и пусть другіе дѣлаютъ также; я не хочу ни отъ кого требовать ничего, да не хочу стѣснять ничьей свободы, и сама хочу быть свободна».

И Вѣрочка проводитъ это съ первыхъ же шаговъ своей замужней жизни. Полная свобода и мужу и женѣ, полная равноправность, полная матеріальная независимость другъ отъ друга: «пока женщина живетъ на счетъ мужчины, она въ зависимости отъ него», она будетъ давать уроки музыки, а затѣмъ откроетъ артельную бѣлошвейную. Нельзя жить «все вмѣстѣ, все вмѣстѣ. Надобно видѣться между собою или только по дѣламъ, или когда собираются вмѣстѣ отдохнуть, повеселиться». У каждаго изъ супруговъ своя комната, между ними—знаменитая нейтральная.

И Лопуховъ считаетъ возможной семейную жизнь только тогда, «если мужу и женѣ нисколько не нужно стѣснять себя для угожденія другъ другу, если они довольны другъ другомъ безъ всякихъ усилій надъ собой, если они угождаютъ другъ другу, вовсе не думая угождать».

Конечно, при такой семейной жизни, не можетъ быть и ревности. «Это искаженное чувство, это фальшивое чувство, это гнусное чувство, говоритъ Рахметовъ, это явленіе того порядка вещей, по которому я никому не даю носить мое бѣлье, курить изъ моего мундштука; это слѣдствіе взгляда на человѣка, какъ на мою принадлежность, какъ на вещь». Да развѣ можетъ удержать ревность отъ измѣны? Конечно, нѣтъ, она заставляетъ только лучше и тоньше хитрить.

Но не только должна уважаться личность жены, нѣтъ всякій членъ семьи долженъ быть свободенъ: «каждому хочется, чтобъ въ его внутренней жизни былъ уголокъ, куда никто не залѣзалъ бы, какъ всякому хочется имѣть свою особую комнату для себя одного».

Опять—таки немножко смѣшно и часто очень скучно читать длинныя разсужденія автора и всѣхъ четырехъ героевъ на эти темы; мы стали болѣе требовательны къ художественнымъ достоинствамъ произведенія и болѣе скептиками, меньше энтузіастами въ нашей личной жизни. Но вѣдь нужно же помнить, когда писалъ Чернышевскій: только что разсѣялся кошмаръ николаевскаго режима, только что освобождены крестьяне, новые гласные суды еще не открыты, «темное царство» еще царитъ кругомъ, самъ авторъ «Что

дѣлать» бесѣдуетъ съ читателемъ, сидя въ казематѣ Петропавловской крѣпости. Въ такое время некогда заниматься художественными тонкостями и философіей, прежде всего нужно воспитать «человѣка», развить въ немъ чувство собственнаго достоинства и уваженія къ другимъ личностямъ. Начать эту проповѣдь легче всего съ семьи и съ положенія въ ней женщины.

Мы улыбаемся теперь на разговоры Вѣрочки съ Лопуховымъ и Кирсановымъ, на ихъ среднюю комнату,—но вѣдь въ этой улыбкѣ не только снисходительность старшаго къ юношѣ, но и горечь при мысли о забрызганныхъ грязью жизни своихъ собственныхъ мечтахъ...

Многое, что проповѣдывалъ и о чемъ мечталъ Чернышевскій осуществилось: Вѣра Павловна только еще готовилась къ медицинскому экзамену, теперь тысячи ея дочерей уже лѣчатъ русскаго мужика; Вѣрочкѣ нужно было выйти замужъ, чтобы избѣжать постыдной продажи богатому жениху,—теперь такіе случаи среди образованнаго общества—рѣдкость; Вѣрочка, да и всѣ остальные герои все еще боятся того, «что скажетъ княгиня Марья Алексѣевна», ей было бы тяжело жить съ Кирсановымъ, не повѣнчавшись, и самъ авторъ понимаетъ это и изъ сочувствія устраиваетъ романическую исторію съ исчезновеніемъ Лопухова (симуляція самоубійства); теперь страхи передъ такъ называемымъ общественнымъ мнѣніемъ остались въ свѣтскихъ и въ купеческихъ кругахъ, но въ прогрессивныхъ слояхъ общества сильно ослабѣли, хотя къ сожалѣнію еще не сданы въ архивъ окончательно. Во всякомъ случаѣ, русская женщина въ этомъ отношеніи гораздо свободнѣе западно-европейской.

И можно утверждать, что въ этомъ развитіи русской женщины немалую роль сыгралъ Чернышевскій, его романъ «Что дѣлать» и *энтузіазмъ* его героини и героевъ, проявлявшійся ими въ устройствѣ личной жизни.

Да, о многомъ теперь не пришлось бы хлопотать Вѣрѣ Павловнѣ, и многихъ сновъ ея автору не нужно бы уже разсказывать. Но осталась ли бы она довольна современнымъ положеніемъ русской женщины нашего общества? Женщина можетъ теперь быть свободной, но свободна ли она въ большинствѣ случаевъ? Семья можетъ не быть теперь адомъ, полнымъ взаимныхъ оскорбленій, вражды, ревности и обмана. Но стала ли она таковой?

Безспорно, здѣсь, въ женскомъ и семейномъ вопросѣ русское общество осуществило за полвѣка колоссальный прогрессъ, но все же и теперь у интеллигентнаго и чуткаго человѣка—и мужчины и женщины—чуть не полжизни уходитъ на устройство этихъ отношеній. Оказывается мало одного разума, разсчета и энтузіазма—вопросъ глубже: его корни въ низинахъ нашей природы, въ нашемъ безсознательномъ,—его грядущее рѣшеніе въ верхахъ нашей соціологіи.

Чернышевскій отчасти понималъ это, но, конечно, рѣшенія вопроса давать не пытался, а только промѣтилъ его мелькомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги и въ знаменитомъ четвертомъ снѣ Вѣры Павловны.

«Все это еще слишкомъ мудрено, восторженно; жизнь гораздо проще» говоритъ онъ по поводу всей исторіи Вѣры Павловны.

«Только я съ вами откровенна, Вѣра Павловна, я и теперь такъ думаю, при-

знается одна изъ новой артельной мастерской, бывшая проститутка, «спасенная» Кирсановымъ: если расположеніе имѣешь, это все равно, когда нѣтъ тутъ обману; другое дѣло, если-бы обманъ былъ». Признаніе происходитъ при негласномъ сочувствіи автора...

Сильно нападали въ свое время на алюминіевый дворецъ коммуны будущаго (четвертый сонъ Вѣры Павловны) съ роскошнымъ заломъ, гдѣ танцуютъ, наслаждаются музыкой и вообще веселятся толпы нарядныхъ женщинъ и мужчинъ, дворецъ, въ которомъ находится множество отдѣльныхъ комнатъ, свято хранящихъ тайны молніеносной любви,—но нападали, по моему мнѣнію, несправедливо, не говоря уже про тѣхъ, чьи нападки были вызваны лицемѣріемъ. Конечно, такое рѣшеніе вопроса не для всѣхъ. Даже въ томъ, вѣроятно, далекомъ будущемъ, когда дѣтей будутъ воспитывать и содержать на счетъ общества, все же многіе будутъ цѣпляться за призраки вѣчной любви и будутъ счастливы, какъ Филимонъ и Бавкида; но, что грѣха таить, еслибъ люди смогли перестать быть лицемѣрами и не боялись «княгини Марьи Алексѣевны» въ различныхъ ея превращеніяхъ, еслибъ они смогли избавиться отъ нѣкоторыхъ предразсудковъ, привычекъ и любви къ деспотизму,— то многіе и теперь предпочли бы алюминіевый дворецъ Чернышевскаго своей семейной жизни. Мы говоримъ, конечно, о людяхъ честныхъ и чуткихъ; громадное же большинство чувствуетъ себя прекрасно и теперь, совмѣщая и деспотію домашняго очага и пріятности тайнаго разврата. Они то и онѣ и поносятъ, главнымъ образомъ, грядущую свободу любви...

«Что дѣлать» было написано въ 1863 г. Рахметовъ вернулся въ Россію нѣсколько позже, чѣмъ предполагалъ Чернышевскій...

Въ 1869 г. въ печати («Недѣля») появляются «Историческія письма» *П. Л. Миртова* — первое теоретическое, обоснованіе народовольческаго движенія. Мотивы личной выгоды, раціональнаго устройства личной жизни и отстаиваніе личной свободы уже не удовлетворяли; центромъ міровоззрѣнія и дѣятельности стала общественно-свободная и общественно-дѣйственная личность; критическая дѣятельность разума также перемѣнила направленіе и устремилась уже не на личную, а на народную и государственную жизнь. Жизнерадостный гимнъ разуму превратился въ боевой кличъ «критически мыслящихъ личностей», эгоистическая опора свободы личности и индивидуальной самодѣятельности Лопухова и Кирсанова замѣнилась историческимъ субъективизмомъ; требованія разума и свободы слились и объединились въ одной формулѣ прогресса.

Но еще звучали и старые мотивы, такъ какъ утилитарная мораль не была замѣнена ничѣмъ другимъ, но, какъ пушки въ амбразурахъ покинутой крѣпости, стояла почти безъ употребленія: войска ушли въ далекій набѣгъ, но все же они знаютъ, что за спиной у нихъ есть прибѣжище и крѣпкая защита.

Такъ, у П. Л. Миртова вы можете еще встрѣтить слѣдующія мѣста «...отыскивая и распространяя болѣе истины, уясняя себѣ справедливѣйшій строй общества и стремясь воплотить его, я увеличиваю собственное *наслажденіе* и въ то же время дѣлаю все, что могу для страждущаго большинства въ

настоящемъ и будущемъ». «Итакъ, мое дѣло ограничивается однимъ простымъ правиломъ: живи сообразно тому идеалу, который ты самъ себѣ поставилъ, какъ идеалъ *развитаго* человѣка». «Развитіе личности въ *умственномъ* отношеніи, по мнѣнію Миртова, лишь тогда прочно, когда личность выработала въ себѣ потребность критическаго взгляда на все ей представляющееся, увѣренность въ неизмѣнности законовъ, управляющихъ явленіями, и пониманіе, что *справедливость, въ своихъ результатахъ, тожественна съ стремленіемъ къ личной пользѣ*. (Курсивъ нашъ. В. Аг.).

Такимъ образомъ, и Миртову, какъ Чернышевскому, кажется необходимымъ для обоснованія справедливости звать на помощь «личную пользу».

Черезъ 11 лѣтъ (въ 1881 г.) въ статьѣ «Теорія и практика прогресса» Миртовъ высказывается по этому вопросу уже не такъ категорично: «Личность *можетъ* (курсивъ нашъ В. А.) на извѣстной ступени развитія признать, что ея интересы *одинаковы* съ интересами большинства: она *можетъ* (курсивъ нашъ В. А.) признать, что для нея *выгодно*, чтобы общественная связь была прочнѣе; такимъ образомъ, работа ея мысли *можетъ быть* (курсивъ нашъ В. А.) направлена на *скрѣпленіе* общественной связи, на *усиленіе* общественной солидарности».

Но можетъ и *не* признать, можетъ и *не* направиться? Вообще отъ утилитарной морали здѣсь осталась только одна форма, одно слово—«выгодно». И слово—не соотвѣтственное. Какая ужъ «выгода» просидѣть нѣсколько лѣтъ въ сыромъ казематѣ, или отправиться на жительство въ Колымскъ!

Гимнъ разуму превратился въ «Историческихъ письмахъ» въ торжествующую пѣснь «критически мыслящихъ личностей». Прогрессъ человѣчества движется только ими. Идея прогресса «зарождается въ мозгу личности, тамъ развивается, и тамъ переходитъ изъ этого мозга въ мозги другихъ личностей, разростается качественно въ увеличеніи умственнаго и нравственнаго достоинства этихъ личностей, количественно въ увеличеніи ихъ числа и становится общественною силой, когда эти личности сознаютъ свое единомыслiе и рѣшаются на единодушное дѣйствіе; она (идея прогресса) торжествуетъ, когда такія личности, ею проникнутыя, внесли ее въ общественныя формы». Но критики мало.

Критика создаетъ прочныя убѣжденія, и въ нихъ человѣкъ находитъ достаточную силу вѣры для того, чтобы энергично дѣйствовать. «Закону, вооруженному всѣми силами государства, онъ противопоставляетъ свое личное убѣжденіе, потому что ни кодексы, ни государственныя силы не могутъ сдѣлать для него ложнымъ и несправедливымъ то, во что онъ вѣритъ, какъ въ истину и справедливость. Умирая подъ ударами враговъ или подъ гнетомъ обстоятельствъ, онъ все-таки завѣщаетъ единомышленникамъ бороться и умереть подобно ему, если только вѣритъ въ то, за что умираетъ».

Эта «новая вѣра, опирающаяся на лучшую критику» есть вѣра въ единую научную истину, вѣра въ равноправность достоинства личностей, вѣра въ личное развитіе и справедливость, наконецъ, «вѣра въ тожественность наибольшей пользы каждаго съ пользою наибольшаго числа людей».

низаціи будетъ выработанъ совѣтами профессоровъ, а выборы профессоровъ будутъ урегулированы уже Уставомъ, въ его окончательной редакціи; свобода научнаго преподаванія заключается implicite въ признанной автономіи. Если о ней не сдѣлано отдѣльнаго упоминанія, она, тѣмъ не менѣе, должна быть отнынѣ признана.

Наука—сама себѣ хозяинъ; научныя истины не могутъ подлежать никакому постороннему контролю; человѣкъ науки долженъ слѣдовать неукоснительно лишь указаніямъ добросовѣстнаго изслѣдованія; онъ подчиняется лишь методамъ научнаго изысканія и не можетъ допустить надъ собой ничьей опеки, поэтому долженъ пользоваться безусловной свободой мысли, свободой труда и свободой преподаванія, чтобы ввести своихъ слушателей въ великую лабораторію знанія.

Какъ элементарны эти понятія единственно возможной плодотворной научной работы, и какъ странно вспоминать, что даже противъ нихъ,—по крайней мѣрѣ, de jure, если, къ счастью, оказалось невозможными провести это de facto,—между прочимъ, былъ направленъ, нынѣ блаженной памяти, уставъ 1884 года. Его главной цѣлью была, правда, отнюдь не забота объ улучшеніи постановки научнаго дѣла въ нашихъ университетахъ, а политика, и несостоятельность принятыхъ тогда пріемовъ «умиротворенья молодежи» нынѣ слишкомъ краснорѣчиво доказана фактами жизни, наконецъ, признаніемъ правительства (см. Правительственное сообщеніе отъ 27-го августа: «признавая несомнѣннымъ,—что... и сами законоположенія, опредѣляющія строй высшихъ учебныхъ заведеній, являются въ значительной степени неприспособленными къ назрѣвающимъ потребностямъ жизни» и т. д. Но еще раньше было сказано, что «неудовлетворительное состояніе университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній»—*давно* обращало на себя вниманіе правительства), такъ что распространяться объ этомъ излишне. Однако, возбужденъ былъ тогда, т.-е. 21 годъ тому назадъ, и вопросъ о контролѣ надъ научнымъ преподаваніемъ, выставленъ былъ принципъ опеки надъ учащими и учащимися, представлены были и нѣкоторыя соображенія въ пользу качественнаго улучшенія программъ преподаванія научныхъ дисциплинъ въ университетахъ. Нормировать эти программы должны были требованія, предъявляемыя въ коммиссіяхъ при сдачѣ государственныхъ экзаменовъ, а содѣйствовать оживленію и даже подъему преподавательскихъ силъ долженъ былъ впервые у насъ вводимый тогда институтъ приватъ-доцентовъ, при свободной (?) конкуренціи параллельныхъ курсовъ.

Учрежденіе приватъ-доцентовъ считалось тогда какъ бы главнымъ, чтобы не сказать единственнымъ преимуществомъ новаго устава, который во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ встрѣтилъ рѣшительную критику (только критику, но не активный отпоръ) даже въ средѣ самыхъ умѣренныхъ, пассивныхъ въ общественномъ смыслѣ, представителей университетской науки. Его назвали съ самаго начала «мертворожденнымъ», и можно только удивляться, что мертворожденное дитя успѣло-таки дождаться совершеннолѣтія, чтобы покончить свое существованіе. Какъ это могло случиться?

Старые гимны разуму, свободѣ и „эгоистическому“ героизму.

(„Что дѣлать“ Н. Г. Чернышевскаго. 2-е изд. 1905 г. „Историческія письма“ Изд. 1905 г).

Русская цензура находится въ настоящее время въ положеніи гоголевской унтеръ-офицерши, которая, какъ извѣстно, сама себя высѣкла.

Русской цензурѣ, по приказанію высшаго начальства, приходится воскрешать заживо похороненныхъ ею писателей. Издано собраніе сочиненій Герцена, болѣе полувѣка считавшихся запретными для русскаго читателя; издано, конечно, съ громадными пропусками; напечатаны вторымъ изданіемъ, уже безъ всякихъ пропусковъ, изъятыя изъ обращенія тоже нѣсколько десятковъ лѣтъ (30—40)—«Что дѣлать» Н. Г. Чернышевскаго и «Историческія Письма» П. Л. Миртова (Лаврова тожъ).

Трудно выяснить всѣ причины, приведшія нашу «бюрократію» къ такому самобичеванію. Трудно, да, пожалуй, не такъ ужъ и интересно. Намъ кажется небезинтереснымъ отмѣтить только основной мотивъ: воскрешаемые бюрократіей мертвецы ей ужъ не такъ страшны, какъ прежде, идеи и чувства этихъ задушенныхъ писателей одѣлись уже плотью и кровью, и жизнь стала куда страшнѣе книги... Жизнь же, какъ всѣмъ извѣстно, приписана у насъ не къ цензурному, а къ жандармскому вѣдомству; объединяющаго всѣ вѣдомства—кабинета министровъ пока нѣтъ...—Но какія же это идеи и чувства?

Въ этой статьѣ мы остановимся только на «Что дѣлать» и на «Историческихъ письмахъ».

На первый взглядъ, казалось бы, два несравнимыя произведенія: первое—почти романъ, по крайней мѣрѣ, авторъ упорно называлъ «Что дѣлать»—романомъ; второе—почти философскій трактатъ.

И романическая и философская форма въ нихъ только оболочка—оба произведенія—чистая публицистика; это гимны разуму и свободѣ, гимны—старые, какъ исторія человѣчества.

Общественныя бѣдствія и развращенныя правительства, утверждаетъ «декларація правъ», происходятъ только отъ того, что забыты или презрѣны естественныя, неотчуждаемыя права человѣка, изъ которыхъ главныя—свобода и равенство. Цѣль всякаго общества и правительства должна состоять только въ охраненіи правъ личности. Изъ этой основной идеи логически вытекала дру-

гая — народовластіе: верховная власть принадлежитъ націи, и законъ есть выраженіе общей воли, но, прежде всего, онъ долженъ гарантировать личную неприкосновенность, свободу слова и печати, совѣсти и мысли.

Поистинѣ гимнъ разуму, разуму, указавшему причину общественныхъ страданій—въ неравенствѣ людей, въ политическомъ порабощеніи однихъ другими. Личность стала свободной политически, но наряду со свободой законъ, созданный революціей, долженъ былъ охранять собственность и охранялъ ее такъ хорошо, что черезъ 100 лѣтъ послѣ великой революціи большинство населенія Франціи—крестьяне—держатся за собственность, вѣроятно, дать болѣе цѣпко, чѣмъ ихъ прадѣды.

Liberté, fraternité, egalité — выдохлись за сто лѣтъ и, казалось, неподкупный разумъ оказался нѣсколько заинтересованнымъ.

Но у насъ, въ Россіи, въ началѣ 60-хъ годовъ, тотчасъ послѣ освобожденія крестьянъ, освобожденія, какъ-никакъ съ землею и съ общиной—соціальный вопросъ не казался тогдашнимъ передовымъ людямъ столь безнадежнымъ, какъ на Западѣ, и разумъ въ соединеніи съ самоотверженной пропагандой считали достаточнымъ для того, чтобы добиться и соціальной и политической реформы...

«Что дѣлать» написано въ 1863 г. «Народничества» тогда еще не было, но Чернышевскій предчувствовалъ его, и Рахметовъ является предтечей тѣхъ, которые «пошли въ народъ». Авторъ самъ сознается, что даетъ только «абрисъ», и надо сознаться абрисъ—съ одной стороны — неясный, съ другой — какой-то карикатурно-героическій. Такимъ, впрочемъ, и долженъ быть прообразъ еще и самому автору неяснаго образа.

Что дѣлаетъ Рахметовъ читателю неизвѣстно; видимо, готовится къ какому-то большому и опасному дѣлу—подвигу. Онъ тренируетъ себя, какъ боксера, онъ даже пробуетъ лежать на гвоздяхъ и кровавитъ свою спину на всякій случай: «Проба. Нужно. Неправдоподобно, конечно; однако же на всякій случай нужно. Вижу, могу».

Рахметовъ къ 22 годамъ исколесилъ уже всю Россію, «былъ пахаремъ, плотникомъ, перевозчикомъ и работникомъ всякихъ здоровыхъ промысловъ; разъ даже прошелъ бурлакомъ всю Волгу». Онъ ѣстъ такую же пищу, какъ народъ (но въ Петербургѣ, впрочемъ, дозволяетъ себѣ апельсинъ, такъ какъ народъ въ столицѣ тоже потребляетъ этотъ фруктъ), «по цѣлымъ недѣлямъ у него не бывало во рту куска сахару, по цѣлымъ мѣсяцамъ никакого фрукта, ни куска телятины, или пулярдки» и т. д. Чернышевскій совершенно серьезно перечисляетъ, что ѣлъ и чего не ѣлъ никогда Рахметовъ, и что онъ иногда позволялъ себѣ за обѣдомъ въ гостяхъ. «То, что ѣстъ хотя по временамъ, простой народъ, и я могу ѣсть при случаѣ. Того, что никогда недоступно простымъ людямъ, и я не долженъ ѣсть! Это нужно мнѣ для того, чтобы хотя нѣсколько чувствовать, насколько стѣснена ихъ жизнь сравнительно съ моей».

Снова карикатурный «абрисъ» будущаго народническаго настроенія и «кающагося дворянина».

Рахметовъ—предчувствіе народническаго движенія но предчувствіе еще да-

лёко не оформленное. Послѣ описанной выше тренировки онъ уѣзжаетъ года на 2 въ Европу — для осмотра и «для соображеній», а затѣмъ «въ Сѣверо-Американскіе Штаты, изучить которые болѣе «нужно» ему, чѣмъ какую-нибудь другую землю, и тамъ онъ останется долго, можетъ быть, болѣе года, а можетъ быть, и навсегда, если онъ тамъ найдетъ себѣ дѣло, но, вѣроятно, что года черезъ три онъ возвратится въ Россію, потому что, кажется, въ Россіи, не теперь, а тогда, года черезъ три, четыре, «нужно» будетъ ему быть». Во время своихъ странствій по Европѣ онъ оставляетъ нѣмецкому ученому — «отцу новѣйшей философіи», помимо воли послѣдняго, 30.000 гульденовъ (себѣ оставилъ только 5.000) на изданіе сочиненій. Философъ денегъ не взялъ, но Рахметовъ положилъ деньги въ банкъ на имя «отца новѣйшей философіи» и написалъ ему: «Деньгами распоряжайтесь, какъ хотите, хоть бросьте въ воду, а мнѣ ихъ ужъ не можете возвратить, меня вы не отыщете».

Послѣ подобной рекламы—характеристики читателю, конечно, не ясно, готовится ли «ригористъ» — Рахметовъ къ подвигу въ Россіи или просто развиваетъ въ себѣ всякаго рода силу «на всякій случай». Впрочемъ, послѣдняя сцена романа, въ сильной степени аллегорическая, все же какъ будто показываетъ намъ, что авторъ скорѣе склонялся къ тому, что года черезъ 2,—3 Рахметову «нужно» будетъ быть въ Россіи.

Нѣсколько неувѣренное предсказаніе Чернышевскаго не оправдалось—«движеніе» даже въ начальной своей стадіи открылось позже.

Но помимо вводной фигуры Рахметова, помимо предчувствія героизма, борьбы и самопожертвованія, въ романѣ «Что дѣлать» имѣются центральныя фигуры Вѣрочки, Лопухова и Кирсанова и проповѣдь—съ одной стороны теоріи раціональнаго эгоизма, съ другой—освобожденія личности при помощи разума. Слишкомъ ужасны были 50-е годы, слишкомъ долго сидѣло тогдашнее общество въ смрадномъ болотѣ, чтобы сразу по освобожденіи—въ началѣ 60-хъ годовъ его можно было бы вызвать только на общественную борьбу. Каждому нужно было пообчиститься отъ тины и своимъ близкимъ помочь тоже сдѣлать.

«Поднимайтесь изъ вашей трущобы, друзья мои, обращается къ читателямъ Чернышевскій, поднимайтесь, это не такъ трудно, выходите на вольный бѣлый свѣтъ, славно жить на немъ, и путь легокъ и заманчивъ, попробуйте! Развитіе, развитіе. Наблюдайте, думайте, читайте тѣхъ, которые говорятъ вамъ о чистомъ наслажденіи жизнью, о томъ, что человѣку можно быть достойнымъ и счастливымъ. Читайте ихъ—ихъ книги радуютъ сердце, наблюдайте жизнь—наблюдать ее интересно, думайте — думать завлекательно. Только и всего. Жертвъ не требуется, лишеній не спрашивается, ихъ не нужно. Желайте быть счастливымъ только, только это желаніе нужно. Для этого вы будете съ наслажденіемъ заботиться о своемъ развитіи: въ немъ счастье».

Прежде всего нужно вспомнить о простомъ человѣческомъ достоинствѣ: довольно раболѣпія и низкопоклонства, и мы видимъ, что наши герои не позволятъ никому наступить себѣ на ногу. Лопуховъ купаетъ въ канавѣ грубаго генерала, Кирсановъ «учитъ» молодого титулованнаго Nicolas въ его собственномъ палаццо.

Это примитивно и наивно, но вѣдь и раболѣпіе въ николаевскія времена было грубо и ужасно—и лбомъ «стучали объ полъ, не жалѣя».

«Какое наслажденіе чувствовать себя просто человѣкомъ,—не Иваномъ, не Петромъ, а человѣкомъ, чисто только человѣкомъ», говоритъ одинъ изъ героевъ, какъ бы предвосхищая упражненія Максима Горькаго на ту же тему.

— Да,—говоритъ царица (въ четвертомъ снѣ Вѣры Павловны):—ты хотѣла знать, кто я; ты узнала. Ты хотѣла узнать мое имя, у меня нѣтъ имени, отдѣльнаго отъ той, которой являюсь я, мое имя—ея имя; ты видѣла, кто я. Нѣтъ ничего выше человѣка, нѣтъ ничего выше женщины. Я та, которой являюсь я, которая любитъ, которая любима»...

Чтобы стать «человѣкомъ», надо начать заботиться о своемъ развитіи, наука и разумъ укажутъ пути къ счастью, при этомъ не надо никакихъ жертвъ, такъ какъ требованія твоего разума совпадаютъ съ твоей собственной пользой, съ твоимъ «эгоизмомъ».

«То, что называютъ возвышенными чувствами, идеальными стремленіями—все это въ общемъ ходѣ жизни совершенно ничтожно передъ стремленіемъ каждаго къ своей пользѣ, и въ корнѣ само состоитъ изъ того же стремленія къ пользѣ». Такъ поучатъ Лопуховъ Вѣрочку и увѣряетъ ее, что самъ пошелъ въ медицинскую академію по разсчету: медицина даетъ хорошій кусокъ хлѣба.

Когда Вѣрочка спрашиваетъ его, станетъ ли онъ порицать ее, если она выйдетъ, не любя, за богатаго, то Лопуховъ отвѣчаетъ: «Кто имѣетъ право порицать выводы изъ факта, когда существуетъ фактъ? Ваша личность въ данной обстановкѣ—фактъ; ваши поступки—необходимые выводы изъ этого факта, дѣлаемые природой вещей. Вы за нихъ не отвѣчаете, а порицать ихъ—глупо». Однимъ словомъ, полный детерминизмъ. Не студентъ академіи, а какой-то пушкинскій дьякъ, который «добру и злу внимаетъ равнодушно, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва».

А между тѣмъ этотъ эгоистъ, заявляющій, что онъ никого не любитъ, кромѣ себя,—бросаетъ академію и блестящую карьеру, чтобы вырвать Вѣрочку изъ ужасной семейной обстановки; когда же она его разлюбила, то Лопуховъ даже тайно скрывается изъ Россіи, симулировавъ самоубійство, чтобы дать Вѣрочкѣ возможность выйти вторично замужъ за Кирсанова—лучшаго друга Лопухова. Но всѣ эти «благородства» объясняются героями раціональнымъ эгоизмомъ.

Удивительно странно читать эти разговоры и письма двухъ пріятелей и Вѣрочки, гдѣ каждый стремится доказать, что его «благородство»—только самый настоящій эгоизмъ. Не то странно, что авторъ прибѣгаетъ къ такимъ нехудожественнымъ пріемамъ, какъ монологи и діалоги въ нѣсколько страницъ сряду; это дѣлаютъ и многіе новѣйшіе беллетристы. Нѣтъ, никакихъ художественныхъ требованій къ «роману» «Что дѣлать», конечно, никто и не предъявляетъ. Странно то, что такой умный человѣкъ, какъ Чернышевскій, не понималъ, какъ плохи подобныя иллюстраціи для защиты утилитарной морали, не понималъ, что детерминизмъ и альтруизмъ лежатъ въ двухъ различныхъ плоскостяхъ, и одинъ не уничтожаетъ другого, что уничтоживъ слово альтру-

изм, нужно уничтожить и слово эгоизм. Но все это намъ ясно теперь. Тогда же, въ началѣ 60-хъ годовъ, даже такое толкованіе утилитарной морали было прекраснымъ оружіемъ для борьбы съ предразсудками и мистикой.

Кирсановъ полюбилъ жену Лопухова, Вѣрочку, онъ замѣчаетъ, что и она его, вѣроятно, любитъ,—но онъ не хочетъ приносить несчастія друзьямъ и мужественно удаляется. «Онъ счастливъ». Онъ лежитъ на диванѣ съ сигарой и думаетъ: «Будь честенъ, то-есть разсчетливъ, не просчитывайся въ разсчетѣ, помни сумму, помни, что она больше своей части, то-есть, что твоя человѣческая натура сильнѣе, важнѣе для тебя, чѣмъ каждое твое отдѣльное стремленіе, предпочитай же ея выгоды выгодамъ каждаго твоего отдѣльнаго стремленія, если онѣ какъ-нибудь разнорѣчатъ,—вотъ только и всего, это и называется попросту: будь честенъ, и все будетъ отлично».

Но, въ концѣ концовъ, все же вышло, что Кирсановъ просчитался и «расчетливѣе» всего для всѣхъ троихъ оказалось, чтобы онъ женился на Вѣрочкѣ, а Лопуховъ натурализовался въ Америкѣ и затѣмъ самъ женился на хорошей дѣвушкѣ.

Лопуховъ тоже не хочетъ сконфузиться и свое «великодушіе» стремится свести непремѣнно къ эгоизму. Оказывается, что хотя онъ и любилъ по своему Вѣрочку, но она не подходила ему по характеру—она болѣе общественный, а онъ болѣе замкнутый человѣкъ—и, хотя, угождая ей въ ея стремленіяхъ, онъ «не испытывалъ ничего, кромѣ радости», но въ глубинѣ души «ему было скучно» и, значитъ, его великодушное бѣгство объясняется просто тѣмъ, что ему «хотѣлось отдѣлаться отъ скучнаго положенія».

Вѣра Павловна не остается въ долгу передъ мужчинами. Она цѣнитъ благородство Лопухова. «Но, вѣдь, я знаю, пишетъ она, что онъ былъ благороденъ не для меня, а для себя. Вѣдь и я, если не обманывала его, то не обманывала не для него, а для себя, не потому, что обманывать было бы несправедливостью къ нему, а потому, что это было бы противно мнѣ самой».

Конечно, читать сотни страницъ, посвященныхъ развитію этой теоріи честнаго эгоизма или эгоистической честности, сначала немного смѣшно, а потомъ сильно скучно,—но нельзя забывать исторической перспективы. Въ 1863 г. эта теорія развивалась въ противовѣсъ общепринятой, которую милѣйшая родительница Вѣрочки—Марья Алексѣевна выражала кратко, но выразительно: «кто не дуракъ, тотъ плутъ, а не плутомъ можетъ быть только дуракъ».

Чернышевскій же характеризуетъ людей «типа», къ которому принадлежали Лопуховъ и Кирсановъ, слѣдующимъ образомъ: «Каждый изъ нихъ—человѣкъ отважный, не колеблющійся, не отступающій, умѣющій взяться за дѣло, и если возьмется, то ужъ крѣпко хватающійся за него, такъ что оно не выскользнетъ изъ рукъ: это одна сторона ихъ свойствъ; съ другой стороны, каждый изъ нихъ человѣкъ безукоризненной честности, такой, что даже и не приходитъ въ голову вопросъ: «можно ли положиться на этого человѣка во всемъ безусловно?»...

Призывъ къ освобожденію личности и теорія честнаго эгоизма развиты Чернышевскимъ въ «Что дѣлать» на почвѣ, главнымъ образомъ, брачныхъ отношеній. Оно и понятно. Авторъ хотѣлъ намъ показать новыхъ людей того

времени, но людей среднихъ, онъ не могъ выставить ихъ въ общественной борьбѣ за свободу, это будетъ потомъ, когда Рахметовъ вернется изъ Америки,—теперь же эти средніе люди отстаиваютъ свободу личности у себя дома и прежде всего въ семьѣ. Чернышевскій вполнѣ сознательно выбралъ поэтому главной своей героиней—не Лопухова и Кирсанова, а Вѣру Павловну, такъ какъ такую борьбу за освобожденіе человѣка въ семьѣ приходилось, да и приходится вести прежде всего и чаще всего женщинѣ. Еще до замужества Вѣрочки авторъ заставляетъ ее произнести слѣдующій монологъ: «... я не знаю, что я буду чувствовать, если я полюблю мужчину, я знаю только то, что не хочу никому поддаваться, хочу быть свободна, не хочу никому быть обязана ничѣмъ, чтобы никто не смѣлъ сказать мнѣ: ты обязана дѣлать для меня что нибудь! Я хочу дѣлать только то, чего буду хотѣть, и пусть другіе дѣлаютъ также; я не хочу ни отъ кого требовать ничего, да не хочу стѣснять ничьей свободы, и сама хочу быть свободна».

И Вѣрочка проводитъ это съ первыхъ же шаговъ своей замужней жизни. Полная свобода и мужу и женѣ, полная равноправность, полная матеріальная независимость другъ отъ друга: «пока женщина живетъ на счетъ мужчины, она въ зависимости отъ него», она будетъ давать уроки музыки, а затѣмъ откроетъ артельную бѣлошвейную. Нельзя жить «все вмѣстѣ, все вмѣстѣ. Надобно видѣться между собою или только по дѣламъ, или когда собираются вмѣстѣ отдохнуть, повеселиться». У каждаго изъ супруговъ своя комната, между ними—знаменитая нейтральная.

И Лопуховъ считаетъ возможной семейную жизнь только тогда, «если мужу и женѣ нисколько не нужно стѣснять себя для угожденія другъ другу, если они довольны другъ другомъ безъ всякихъ усилій надъ собой, если они угождаютъ другъ другу, вовсе не думая угождать».

Конечно, при такой семейной жизни, не можетъ быть и ревности. «Это искаженное чувство, это фальшивое чувство, это гнусное чувство, говоритъ Рахметовъ, это явленіе того порядка вещей, по которому я никому не даю носить мое бѣлье, курить изъ моего мундштука; это слѣдствіе взгляда на человѣка, какъ на мою принадлежность, какъ на вещь». Да развѣ можетъ удержать ревность отъ измѣны? Конечно, нѣтъ, она заставляетъ только лучше и тоньше хитрить.

Но не только должна уважаться личность жены, нѣтъ всякій членъ семьи долженъ быть свободенъ: «каждому хочется, чтобъ въ его внутренней жизни былъ уголокъ, куда никто не залѣзалъ бы, какъ всякому хочется имѣть свою особую комнату для себя одного».

Опять—таки немножко смѣшно и часто очень скучно читать длинныя разсужденія автора и всѣхъ четырехъ героевъ на эти темы; мы стали болѣе требовательны къ художественнымъ достоинствамъ произведенія и болѣе скептиками, меньше энтузіастами въ нашей личной жизни. Но вѣдь нужно же помнить, когда писалъ Чернышевскій: только что разсѣялся кошмаръ николаевскаго режима, только что освобождены крестьяне, новые гласные суды еще не открыты, «темное царство» еще царитъ кругомъ, самъ авторъ «Что

дѣлать» бесѣдуетъ съ читателемъ, сидя въ казематѣ Петропавловской крѣпости. Въ такое время некогда заниматься художественными тонкостями и философіей, прежде всего нужно воспитать «человѣка», развить въ немъ чувство собственнаго достоинства и уваженія къ другимъ личностямъ. Начать эту проповѣдь легче всего съ семьи и съ положенія въ ней женщины.

Мы улыбаемся теперь на разговоры Вѣрочки съ Лопуховымъ и Кирсановымъ, на ихъ среднюю комнату,—но вѣдь въ этой улыбкѣ не только снисходительность старшаго къ юношѣ, но и горечь при мысли о забрызганныхъ грязью жизни своихъ собственныхъ мечтахъ...

Многое, что проповѣдывалъ и о чемъ мечталъ Чернышевскій осуществилось: Вѣра Павловна только еще готовилась къ медицинскому экзамену, теперь тысячи ея дочерей уже лѣчатъ русскаго мужика; Вѣрочкѣ нужно было выйти замужъ, чтобы избѣжать постыдной продажи богатому жениху,—теперь такіе случаи среди образованнаго общества—рѣдкость; Вѣрочка, да и всѣ остальные герои все еще боятся того, «что скажетъ княгиня Марья Алексѣевна», ей было бы тяжело жить съ Кирсановымъ, не повѣнчавшись, и самъ авторъ понимаетъ это и изъ сочувствія устраиваетъ романическую исторію съ исчезновеніемъ Лопухова (симуляція самоубійства); теперь страхи передъ такъ называемымъ общественнымъ мнѣніемъ остались въ свѣтскихъ и въ купеческихъ кругахъ, но въ прогрессивныхъ слояхъ общества сильно ослабѣли, хотя къ сожалѣнію еще не сданы въ архивъ окончательно. Во всякомъ случаѣ, русская женщина въ этомъ отношеніи гораздо свободнѣе западно-европейской.

И можно утверждать, что въ этомъ развитіи русской женщины немалую роль сыгралъ Чернышевскій, его романъ «Что дѣлать» и *энтузіазмъ* его героини и героевъ, проявлявшійся ими въ устройствѣ личной жизни.

Да, о многомъ теперь не пришлось бы хлопотать Вѣрѣ Павловнѣ, и многихъ сновъ ея автору не нужно бы уже разсказывать. Но осталась ли бы она довольна современнымъ положеніемъ русской женщины нашего общества? Женщина можетъ теперь быть свободной, но свободна ли она въ большинствѣ случаевъ? Семья можетъ не быть теперь адомъ, полнымъ взаимныхъ оскорбленій, вражды, ревности и обмана. Но стала ли она таковой?

Безспорно, здѣсь, въ женскомъ и семейномъ вопросѣ русское общество осуществило за полвѣка колоссальный прогрессъ, но все же и теперь у интеллигентнаго и чуткаго человѣка—и мужчины и женщины—чуть не полжизни уходитъ на устройство этихъ отношеній. Оказывается мало одного разума, разсчета и энтузіазма—вопросъ глубже: его корни въ низинахъ нашей природы, въ нашемъ безсознательномъ,—его грядущее рѣшеніе въ верхахъ нашей соціологіи.

Чернышевскій отчасти понималъ это, но, конечно, рѣшенія вопроса давать не пытался, а только промѣтилъ его мелькомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги и въ знаменитомъ четвертомъ снѣ Вѣры Павловны.

«Все это еще слишкомъ мудрено, восторженно; жизнь гораздо проще» говоритъ онъ по поводу всей исторіи Вѣры Павловны.

«Только я съ вами откровенна, Вѣра Павловна, я и теперь такъ думаю, при-

знается одна изъ новой артельной мастерской, бывшая проститутка, «спасенная» Кирсановымъ: если расположеніе имѣешь, это все равно, когда нѣтъ тутъ обману; другое дѣло, если-бы обманъ былъ». Признаніе происходитъ при негласномъ сочувствіи автора...

Сильно нападали въ свое время на алюминіевый дворецъ коммуны будущаго (четвертый сонъ Вѣры Павловны) съ роскошнымъ заломъ, гдѣ танцуютъ, наслаждаются музыкой и вообще веселятся толпы нарядныхъ женщинъ и мужчинъ, дворецъ, въ которомъ находится множество отдѣльныхъ комнатъ, свято хранящихъ тайны молніеносной любви,—но нападали, по моему мнѣнію, несправедливо, не говоря уже про тѣхъ, чьи нападки были вызваны лицемѣріемъ. Конечно, такое рѣшеніе вопроса не для всѣхъ. Даже въ томъ, вѣроятно, далекомъ будущемъ, когда дѣтей будутъ воспитывать и содержать на счетъ общества, все же многіе будутъ цѣпляться за призраки вѣчной любви и будутъ счастливы, какъ Филимонъ и Бавкида; но, что грѣха таить, еслибъ люди смогли перестать быть лицемѣрами и не боялись «княгини Марьи Алексѣевны» въ различныхъ ея превращеніяхъ, еслибъ они смогли избавиться отъ нѣкоторыхъ предразсудковъ, привычекъ и любви къ деспотизму,— то многіе и теперь предпочли бы алюминіевый дворецъ Чернышевскаго своей семейной жизни. Мы говоримъ, конечно, о людяхъ честныхъ и чуткихъ; громадное же большинство чувствуетъ себя прекрасно и теперь, совмѣщая и деспотію домашняго очага и пріятности тайнаго разврата. Они то и онѣ и поносятъ, главнымъ образомъ, грядущую свободу любви...

«Что дѣлать» было написано въ 1863 г. Рахметовъ вернулся въ Россію нѣсколько позже, чѣмъ предполагалъ Чернышевскій...

Въ 1869 г. въ печати («Недѣля») появляются «Историческія письма» *П. Л. Миртова* — первое теоретическое, обоснованіе народовольческаго движенія. Мотивы личной выгоды, раціональнаго устройства личной жизни и отстаиваніе личной свободы уже не удовлетворяли; центромъ міровоззрѣнія и дѣятельности стала общественно-свободная и общественно-дѣйственная личность; критическая дѣятельность разума также перемѣнила направленіе и устремилась уже не на личную, а на народную и государственную жизнь. Жизнерадостный гимнъ разуму превратился въ боевой кличъ «критически мыслящихъ личностей», эгоистическая опора свободы личности и индивидуальной самодѣятельности Лопухова и Кирсанова замѣнилась историческимъ субъективизмомъ; требованія разума и свободы слились и объединились въ одной формулѣ прогресса.

Но еще звучали и старые мотивы, такъ какъ утилитарная мораль не была замѣнена ничѣмъ другимъ, но, какъ пушки въ амбразурахъ покинутой крѣпости, стояла почти безъ употребленія: войска ушли въ далекій набѣгъ, но все же они знаютъ, что за спиной у нихъ есть прибѣжище и крѣпкая защита.

Такъ, у П. Л. Миртова вы можете еще встрѣтить слѣдующія мѣста «...отыскивая и распространяя болѣе истины, уясняя себѣ справедливѣйшій строй общества и стремясь воплотить его, я увеличиваю собственное *наслажденіе* и въ то же время дѣлаю все, что могу для страждущаго большинства въ

настоящемъ и будущемъ». «Итакъ, мое дѣло ограничивается однимъ простымъ правиломъ: живи сообразно тому идеалу, который ты самъ себѣ поставилъ, какъ идеалъ *развитаго* человѣка». «Развитіе личности въ *умственномъ* отношеніи, по мнѣнію Миртова, лишь тогда прочно, когда личность выработала въ себѣ потребность критическаго взгляда на все ей представляющееся, увѣренность въ неизмѣнности законовъ, управляющихъ явленіями, и пониманіе, что *справедливость, въ своихъ результатахъ, тожественна съ стремленіемъ къ личной пользѣ*. (Курсивъ нашъ. В. Аг.).

Такимъ образомъ, и Миртову, какъ Чернышевскому, кажется необходимымъ для обоснованія справедливости звать на помощь «личную пользу».

Черезъ 11 лѣтъ (въ 1881 г.) въ статьѣ «Теорія и практика прогресса» Миртовъ высказывается по этому вопросу уже не такъ категорично: «Личность *можетъ* (курсивъ нашъ В. А.) на извѣстной ступени развитія признать, что ея интересы *одинаковы* съ интересами большинства: она *можетъ* (курсивъ нашъ В. А.) признать, что для нея *выгодно*, чтобы общественная связь была прочнѣе; такимъ образомъ, работа ея мысли *можетъ быть* (курсивъ нашъ В. А.) направлена на *скрѣпленіе* общественной связи, на *усиленіе* общественной солидарности».

Но можетъ и *не* признать, можетъ и *не* направиться? Вообще отъ утилитарной морали здѣсь осталась только одна форма, одно слово—«выгодно». И слово—не соотвѣтственное. Какая ужъ «выгода» просидѣть нѣсколько лѣтъ въ сыромъ казематѣ, или отправиться на жительство въ Колымскъ!

Гимнъ разуму превратился въ «Историческихъ письмахъ» въ торжествующую пѣснь «критически мыслящихъ личностей». Прогрессъ человѣчества движется только ими. Идея прогресса «зарождается въ мозгу личности, тамъ развивается, и тамъ переходитъ изъ этого мозга въ мозги другихъ личностей, разростается качественно въ увеличеніи умственнаго и нравственнаго достоинства этихъ личностей, количественно въ увеличеніи ихъ числа и становится общественною силой, когда эти личности сознаютъ свое единомыслiе и рѣшаются на единодушное дѣйствіе; она (идея прогресса) торжествуетъ, когда такія личности, ею проникнутыя, внесли ее въ общественныя формы». Но критики мало.

Критика создаетъ прочныя убѣжденія, и въ нихъ человѣкъ находитъ достаточную силу вѣры для того, чтобы энергично дѣйствовать. «Закону, вооруженному всѣми силами государства, онъ противопоставляетъ свое личное убѣжденіе, потому что ни кодексы, ни государственныя силы не могутъ сдѣлать для него ложнымъ и несправедливымъ то, во что онъ вѣритъ, какъ въ истину и справедливость. Умирая подъ ударами враговъ или подъ гнетомъ обстоятельствъ, онъ все-таки завѣщаетъ единомышленникамъ бороться и умереть подобно ему, если только вѣритъ въ то, за что умираетъ».

Эта «новая вѣра, опирающаяся на лучшую критику» есть вѣра въ единую научную истину, вѣра въ равноправность достоинства личностей, вѣра въ личное развитіе и справедливость, наконецъ, «вѣра въ тожественность наибольшей пользы каждаго съ пользою наибольшаго числа людей».

Но для того, чтобы такой личности можно было приступить къ работѣ осуществленія прогресса, ей нужно прежде всего избавиться отъ «гнетущей заботы о насущномъ хлѣбѣ». Такое предварительное условіе, конечно, сильно ослабляетъ значеніе критически мыслящихъ личностей Миртова. Что то мало ихъ среди «избавившихся» отъ заботы о насущномъ хлѣбѣ. Вѣдь не всѣ, какъ Рахметовъ, сыновья богатыхъ помѣщиковъ, не всѣ, какъ Лопуховъ, могутъ получить мѣсто управляющаго заводомъ съ и десятитысячнымъ окладомъ...

Критическая мысль и только она одна, по мнѣнію Миртова, повышаетъ общественную культуру, дѣлаетъ ее человѣчной. «Исторія мысли, обусловленной культурою, въ связи съ исторіей культуры, измѣняющейся подъ вліяніемъ мысли—вотъ вся исторія цивилизаціи». Культура должна быть переработана мыслью. «Единственный реальный дѣятель прогресса: личность, опредѣляющая свои силы и дѣло ей доступное. Мысль реальна лишь въ личности. Культура реальна въ общественныхъ формахъ. Слѣдовательно, *личность* остается со своими силами и со своими требованіями лицомъ къ лицу съ *общественными формами*» и начинаетъ съ ними борьбу. Въ этой борьбѣ она не остается одинокой, такъ какъ тѣ же общественныя формы гнетутъ и множество другихъ личностей. Многіе изъ нихъ не понимаютъ, въ чемъ—причина этого гнета; тотъ, кто первый понялъ это, «долженъ только высказать свою мысль такъ, чтобы ее узнали: если она вѣрна, онъ не будетъ одинокъ. Онъ будетъ имѣть товарищей, единомышленниковъ...»

Для достиженія побѣды, эти единомышленники должны «сойтись, сплотиться, вмѣстѣ думать сообща, организовать нѣчто сильное, единое абстрактнымъ единствомъ». Для общаго дѣла они должны пожертвовать своей индивидуальностью, уступить часть своихъ взглядовъ, отказаться отъ части своихъ привычныхъ дѣйствій, лишь бы самыя интимныя, самыя-глубокія ихъ убѣжденія могли восторжествовать современемъ. Каждый членъ такой партіи долженъ смотрѣть на себя, какъ на органъ общаго организма, органъ, подчиненный единству цѣлаго. Но, конечно, эти уступки не могутъ касаться существа, святая святыхъ личности. Въ такую партію войдетъ немного людей, даже изъ среды критически мыслящихъ личностей, такъ какъ немногіе удовлетворятъ условіямъ подобной организаціи, требующей и сохраненія самостоятельности мысли и подчиненія своихъ поступковъ общей цѣли.

Такъ впослѣдствіи и образовалась народовольческая партія.

Но чѣмъ обусловливается направленіе критической мысли личности?—

Нравственнымъ идеаломъ этой личности; это—«единственный свѣточъ, способный придать перспективу исторіи въ ея цѣломъ и въ ея частностяхъ».

Казалось бы полный просторъ самому чистому субъективизму,— но авторъ тотчасъ же дѣлаетъ поправку и прибавляетъ, что этотъ субъективный нравственный идеалъ критически-мыслящей личности долженъ совпадать съ нравственнымъ идеаломъ, выработаннымъ «лучшими мыслителями въ наше время» и что «самая талантливая и энергичная личность можетъ лишь изъ необходимыхъ условій природы и изъ историческихъ данныхъ условій среды черпать матеріалъ для своей мысли и для своей дѣятельности».

Такимъ образомъ слово «субъективизмъ» является здѣсь столь же несоотвѣтственнымъ, какъ въ обоснованіи морали «личная выгода»: какъ послѣдняя явилась въ противовѣсъ теоріи общеобязательности нормъ морали, такъ и «субъективизмъ» Миртова—лишь протестъ противъ утвержденія непререкаемой объективности соціологическихъ законовъ и истинъ. Этотъ субъективизмъ не есть утвержденіе полнаго произвола нравственнаго и общественнаго идеала, а лишь неудачное подчеркиваніе личной активности въ созиданіи и осуществленіи этихъ идеаловъ.

Въ формулѣ прогресса, даваемой Миртовымъ, мы и видимъ сліяніе «субъективизма» и научной критики, признаніе—съ одной стороны «объективности» прошлаго—предшествующихъ причинъ,—съ другой—творческаго личнаго начала, созидающаго будущее.

Вотъ эта формула: «Развитіе личности въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи. Воплощеніе въ общественныхъ формахъ истины и справедливости». Эта формула требуетъ, по мнѣнію Миртова, слитія общественныхъ и индивидуальныхъ интересовъ. «Личность должна развить въ себѣ пониманіе *общественныхъ* интересовъ, которые суть и ея интересъ; она должна направить свою дѣятельность на внесеніе истины и справедливости въ общественныя формы, потому что это есть не какое-либо отвлеченное стремленіе, а самый близкій эгоистическій ея интересъ».

Снова на сценѣ таже эгоистическая честность, какъ и у Чернышевскаго, только въ другой обстановкѣ—не въ сферѣ личныхъ, а общественныхъ интересовъ...

Но въ чемъ же состоитъ это воплощеніе истины и справедливости въ общественныя формы?

Въ томъ, чтобы «цивилизованное меньшинство постоянно связывало съ своимъ существованіемъ матеріальные, умственные и нравственные интересы неимущаго большинства, расширяя на большее и большее число лицъ выгоды матеріальныхъ удобствъ жизни, развивающее дѣйствіе науки, сознаніе личнаго достоинства и привлекательное вліяніе болѣе справедливыхъ общественныхъ формъ». Тѣ цивилизаціи гибли, гдѣ «цивилизованное меньшинство» только эксплуатировало «неимущее большинство» и не старалось возвысить его до себя.

Но гдѣ же наблюдалась такая идиллія? Здѣсь Миртовъ, самъ того не замѣчая, какъ будто сбивается на теорію гармоніи интересовъ всѣхъ гражданъ одного и того же государства. Черезъ 11 лѣтъ (въ 1881) онъ вводитъ въ свою формулу прогресса нѣкоторые новые элементы. Сущность всякаго прогресса, говоритъ онъ, всегда состояла въ слѣдующемъ: «измѣнить формы распредѣленія общественныхъ силъ, преимущественно же формы распредѣленія богатства, согласно существующимъ условіямъ производства и обмѣна, пользуясь существующими обычными и юридическими формами общественной организаціи, беря въ соображеніе различныя существующія завоеванія мысли научной, построенія мысли философской, типъ мысли художественной, идеалъ мысли нравственной; совершить эти измѣненія въ направленіи наибольшаго усиленія

и расширенія общественной солидарности и наибольшаго роста общественнаго сознанія и т. д.».

Въ этой формулѣ уже нѣсколько ослаблено значеніе творческой дѣятельности личности и усилено вліяніе «предшествующихъ причинъ», но еще болѣе обозначается эта уступка, или просто выясненіе недоговореннаго раньше, тамъ, гдѣ Миртовъ говоритъ объ «основныхъ потребностяхъ». Онъ утверждаетъ, что подъ разнообразной борьбой за прогрессъ идетъ «основной процессъ исторіи»,— стремленіе удовлетворить наилучшимъ образомъ основнымъ потребностямъ человѣка—потребностямъ экономическимъ и потребностямъ безопасности; первыя создаютъ экономическій строй; вторыя—политическія отношенія,—но и послѣднія складываются подъ вліяніемъ первыхъ: «экономическія силы создавали каждый разъ удобныя для себя политическія формы, затѣмъ искали себѣ теоретическую идеализацію въ соотвѣтственныхъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и философскихъ міросозерцаніяхъ, эстетическую идеализацію въ соотвѣтственныхъ художественныхъ формахъ, нравственную идеализацію въ прославленіи героевъ, защищавшихъ ихъ начала».

Такая формировка очень близка къ экономическому матеріализму и только отчасти сглаживается утвержденіемъ, что политическія формы могутъ тоже сдѣлаться самостоятельными общественными силами, «вступить въ борьбу за господство съ тѣми самыми экономическими силами, которыя ихъ создали» и породить, въ свою очередь, новыя формы экономическихъ потребностей, новыя экономическія силы.

Во всякомъ случаѣ, значеніе всемогущей критически-мыслящей личности сильно блѣднѣетъ при такомъ трактованіи соціологическаго процесса. Самый способъ изображенія этого процесса становится алгебраическимъ, появляются на сцену—силы и борьба ихъ, а прогрессъ, создаваемый критически мыслящими личностями, становится лишь поверхностнымъ явленіемъ.

«Условія производства и обмѣна въ данную эпоху, въ комбинаціи съ существующими политическими формами и съ унаслѣдованною долею привычекъ культуры, устанавливаютъ *фатально* распредѣленіе богатствъ,— утверждаетъ Миртовъ, а, слѣдовательно, распредѣленіе труда и досуга, распредѣленіе *возможности* работы мысли въ данномъ обществѣ». Господствующее меньшинство монополизируетъ работу мысли и «стремится укрѣпить свое господство обычаемъ, законами, вѣрованіемъ, философскими и научными соображеніями, художественнымъ творчествомъ». Положеніе массъ становится все хуже, классовая борьба обостряется, общественная солидарность становится фиктивною...

Подъ такой характеристикой соціальнаго процесса подписались бы, съ нѣкоторыми оговорками, и представители экономическаго матеріализма. Но они, конечно, не согласились бы съ опредѣленіемъ личности, какъ самостоятельнаго творческаго начала жизни, которое развиваетъ Миртовъ.

Одна критическая мысль соціальнаго процесса не измѣнитъ; для того, чтобы это произошло, нужно, чтобы къ критически мыслящей личности присоедини-

засѣ острo чувствующая и заинтересованная въ уничтоженіи данной несправедливости масса...

Гимны, которые слагалъ для своего удовольствія старый органистъ и распѣвали его внуки, подхвачены громаднымъ хоромъ и несутся широкой волной все выше и выше.

В. Агафоновъ.

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОТГОЛОСКИ.

„Вѣсы“.—„Великій грѣхъ“ гр. Л. Н. Толстого.—„Русское Богатство“ о націонализаціи земли.

Въ прошломъ году, еще во времена существованія блаженной памяти «Новаго Пути» «старой редакціи», возникъ «ежемѣсячный журналъ искусства и литературы» подъ названіемъ «Вѣсы». Ни первый, ни послѣдующій выпуски новаго журнала особеннаго сочувствія или удивленія въ литературѣ и въ публикѣ не вызвали. Прохожденіе «Вѣсовъ» по литературному небосводу совершалось тихо и незамѣтно, если не считать ихъ криклива близости къ «Новому Пути», журналу, объединенному съ «Вѣсами» общей редакціей и общими сотрудниками. Выходило такъ, что сотрудники «Вѣсовъ» подвергали самокритикѣ, и, разумѣется, нѣсколько пристрастной самокритикѣ, то, что они написали въ «Новомъ Пути»; сотрудники «Новаго Пути» подвергали самокритикѣ то, что они напечатали въ «Вѣсахъ».

Все это дѣлалось очень мило, по семейному, безъ досадной полемики, какая существуетъ среди другихъ органовъ печати, но въ тоже время эта семейная самокритическая журналистика настолько выходила изъ рамокъ литературныхъ традицій, что постороннему человѣку просто неловко было и заговаривать о «Вѣсахъ»: казалось, что вопросъ объ отношеніяхъ между «Вѣсами» и «Новымъ Путемъ» слишкомъ щекотливъ, что онъ касается такихъ интимныхъ тайнъ литературнаго алькова, говорить о которыхъ какъ будто бы даже и не принято въ большомъ обществѣ...

Но вотъ «Новый Путь» изъ рукъ старой редакціи перешелъ въ руки новой, а затѣмъ и совсѣмъ исчезъ, замѣнившись «Вопросами Жизни». Въ этомъ послѣднемъ журналѣ живая связь съ «Новымъ Путемъ» (старой и новой редакціи) и съ «Вѣсами» удерживается чуть ли ни въ единственномъ лицѣ разсудочнаго лирика и лирически настроеннаго критика, г. Г. Чулкова, который въ послѣднемъ (№ 8, августъ) выпускѣ «Вопросовъ Жизни» и превозноситъ родственный ему органъ «выше облака ходячаго». По мнѣнію г. Чулкова, «Вѣсы», въ противоположность всѣмъ другимъ нашимъ журналамъ, которые не покланяются, какъ должно, въ духѣ «Вопросовъ Жизни», является единственнымъ «интереснымъ *истинно-культурнымъ* (курсивъ г. Чулкова) органомъ». Но если не считать этого дружественнаго отзыва присяжнаго критика «Вопросовъ Жизни», то «Вѣсы» все же остались теперь

въ полномъ одиночествѣ среди совершенно имъ чуждыхъ, по своимъ интересамъ, симпатіямъ и антипатіямъ, всѣхъ остальныхъ органовъ нашей періодической прессы. И такъ какъ къ тому же этотъ журналъ разсчитанъ, что называется, «на охотника», и для большинства читателей газетъ и журналовъ представляетъ въ извѣстной степени библіографическую рѣдкость, которую встрѣтишь далеко не въ каждой библіотекѣ, то теперь мы считаемъ нашимъ профессіональнымъ долгомъ познакомить нашихъ читателей съ литературной физіономіей «Вѣсовъ», хотя бы только въ самыхъ общихъ чертахъ.

Возьмемъ для ознакомленія послѣднюю книжку журнала (іюль, 1905 г.). Она открывается статьей г. В. Розанова «Мечта въ щелку», статьей, поразительно типичной для журнала, для его направленія и его мечтаній.

Г. Розановъ ведетъ разсказъ отъ имени перваго лица, какъ бы отожествляя себя съ героемъ очерка. Разсказъ начинается воспоминаніемъ о гимназіи, въ которой герой очерка воспитывался, послѣ смерти матери, подъ наблюденіемъ своего старшаго брата.

Не заинтересовывая ребенка, не наполняя его жизнь сколько-нибудь серьезнымъ содержаніемъ, школа пріучала его къ бездѣлью, къ мечтательности и лганью. Возвращаясь домой, гимназистъ провѣрялъ по журнальчику запись уроковъ, убѣждался, что можно на завтрашній день, кого-нибудь обманувъ, избавить себя отъ утомительнаго труда зубрежки. «Я захлопывалъ журнальчикъ, всовывалъ его среди пяти книжекъ, чтобы завтра тоже не искать, энергично повертывался въ постели, бралъ на всякій случай катехизисъ или алгебру, засовывалъ межъ листовъ палецъ и, спустивъ книгу къ полу, какъ бы въ истомѣ усталости или пламеннаго зубренья (это на случай входа въ комнату брата), закрывалъ глаза... и бурно, моментально, фантастично—не то, что уносился, а прямо, какъ будто падаю въ погребъ—уносился въ міръ чрезъ, не только не имѣвшій ничего общаго съ Нижнимъ-Новгородомъ и гимназіей, но и съ Россіей, Карамзинымъ и Соловьевымъ (воплощеніе исторіи), ни съ чѣмъ, ни съ чѣмъ»...

Также протекли и четыре университетскихъ года. Оторванный отъ жизни и людей, студентъ продолжалъ оставаться въ «пустынѣ одиночества», наполняя ее неопредѣленными образами своихъ безформенныхъ грезъ и сновъ. «Въ концѣ концовъ,—подводитъ авторъ итоги этой пассивно-созерцательной жизни,—я трусъ, ибо умѣлъ быть смѣлымъ только въ мечтахъ, а жизнь прожилъ позорнымъ осломъ, не умѣвшимъ ни бѣжать, ни лягаться, осломъ благоразумнымъ, прошедшимъ неизмѣримо длинный путь, и тутъ сказалась моя человѣкообразность: однако, во весь путь я именно являлъ фигуру осла, котораго бьютъ и который несетъ какую-то чуждую, проклятую ношу»..

Человѣка, прошедшаго черезъ «пустыню одиночества» въ жизни, тревожитъ самая мысль о возможности какого-либо, хотя бы и чисто-внѣшняго общенія съ населеннымъ міромъ даже за гробомъ. И если его тяготитъ жизнь «среди людей», то не менѣе пугаетъ его неизбѣжная перспектива лежать «среди гробовъ». Нѣтъ,—отворачивается онъ отъ этой мысли: «общее кладбище» пусть будетъ для кого угодно понятная вещь, а для меня это не по-

нятная—и отвергаемая всѣми силами души». Онъ тѣшитъ себя послѣдней мечтой—объ одинокомъ мавзолеѣ. «Это,—со вкусомъ разжевываетъ онъ свою мечту,—должна быть высокой, сажени въ полторы, кирпичной кладки стѣна, съ заостренными гвоздями наверху, какіе устраиваются въ заборахъ, «черезъ которые никто не долженъ перелѣзать». Въ этой стѣнѣ вокругъ могилы главная и упорная моя мечта, лелѣемая, нѣжная, глубокая, какъ мои робкіе глаза. Раздѣленность съ живущими, какъ и съ «окружающей жизнью», должна быть вѣчнымъ и несокрушимымъ моментомъ. Никакой связи съ «Карамзинымъ и Соловьевымъ», выражаясь иносказательно, не должно быть. И какъ перерывъ, какъ «лѣстница»—прочь должны быть убраны всякія надписи на стѣнѣ, а тѣмъ паче на (никогда никѣмъ невидимой) могилѣ; вообще никакой «прописи паспорта» не должно быть около тѣла. Самое тѣло должно быть не просто въ землѣ, а въ свинцовомъ ящикѣ, и вообще червей, гнили и растаскиванья костей—не нужно. Это возмутительно, что мы отдаемъ тѣла родныхъ микробамъ и червямъ, говоримъ надъ ними прелестныя слова по смыслу, а затѣмъ опускаемъ ихъ въ какія-то «почвенныя воды», въ гниль, холодъ и мразь... Возмутительно. И этого возмутительнаго я не хочу. Только непріятно «исторію надъ тѣломъ затѣвать», а то черезъ секунду по смерти я хотѣлъ бы (въ предупрежденіе микробовъ), чтобы меня обмакнули въ коллодіумъ или въ часто употреблявшійся мною при жизни гумми-арабикъ, и затѣмъ въ свинцовый гробъ, съ запаиваніемъ», и т. д.

Не беремся судить о томъ, имѣетъ ли этотъ очеркъ г. Розанова автобіографическій характеръ или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ, чѣмъ меньше въ немъ элементовъ личнаго переживанія, тѣмъ неоспоримѣе для насъ сокровенное желаніе автора характеризовать физіономію пріютившаго его журнала. Для насъ по крайней мѣрѣ «Вѣсы» какъ разъ именно и представляются тѣмъ воздвигнутымъ мечтою г. Розанова мавзолеемъ, въ которомъ «раздѣленность съ живущими, какъ и съ окружающей жизнью» осуществлена въ качествѣ если не «вѣчнаго», то во всякомъ случаѣ «несокрушимаго» начала.

Никакой связи не только съ «Карамзинымъ и Соловьевымъ» мавзолей не поддерживаетъ, но онъ остается безмолвно глухимъ даже къ тѣмъ страстнымъ звукамъ борьбы, къ которымъ современное освободительное движеніе Россіи заставляетъ съ нервной чуткостью прислушиваться всю Европу, весь культурный міръ. Въ крайнемъ случаѣ развѣ журналъ оповѣститъ васъ, что «Горькій приговоренъ къ повѣшенію», какъ узналъ объ этомъ г. Бальмонтъ въ Коруньи изъ испанскихъ газетъ, и что 7-го февраля онъ, г. Бальмонтъ т.-е., провелъ изъ-за этого безпокойную ночь. Только ночь. На утро г. Бальмонтъ уже «былъ счастливъ», потому что у него «испанская душа», которая на каждомъ шагу создаетъ для него «завлеченья увлеченности», и въ нихъ онъ столь же недоступенъ россійскимъ злобамъ дня, сколь недоступенъ дѣйствію микробовъ г. Розановъ, обмокнутый въ гумми-арабикъ. Бываютъ, конечно, минуты, когда «завлеченья увлеченности» ослабѣваютъ, и г. Бальмонтъ вновь возвращается къ мыслямъ о Россіи. Такъ, въ письмѣ, датированномъ 23-го марта, онъ замѣчаетъ... «Мнѣ говорятъ, что русскія волненія не для меня. Къ сожалѣ-

нію, я слишкомъ русскій, и мнѣ все время грезится Россія. *Я не хотѣлъ бы сейчасъ быть тамъ, пока въ воздухѣ ужасъ кровавой бани*» («Въ странахъ солнца» г. Бальмонта. «Вѣсы», № 4, стр. 1—10). Конечно, недостаточно быть русскимъ, надо быть «слишкомъ русскимъ», сверхъ-русскимъ, чтобы реагировать на событія въ Россіи однимъ только желаніемъ «пока что» уйти изъ нея, обмокнувшись въ коллодіумъ.

Отмѣтивъ эти какъ никакъ, а все же «отклики» на русскія злобы дня, мы должны сказать, что ими мы почти исчерпали все, чѣмъ отозвались «Вѣсы» на русскую жизнь въ ея нынѣшній исторически-значительный моментъ. За этими случайными исключеніями, журналъ, точно также какъ и мавзолей г. Розанова, находится «внѣ градусовъ сѣверной ширины и восточной долготы». И если бы не русскій текстъ его, если бы онъ издавался на какомъ нибудь воляпюкѣ или эсперанто, то самый внимательный читатель не могъ бы обнаружить его національнаго происхожденія.

Пробѣжавъ глазами содержаніе нѣсколькихъ книжекъ журнала, можно было бы подумать, пожалуй, что журналъ ставитъ себѣ цѣлью держать своихъ читателей въ курсѣ новѣйшихъ теченій русской и западно-европейской художественной литературы и искусства. Статьи о русской и французской поэзіи, о музыкальномъ сезонѣ въ Женевѣ, о художественной выставкѣ въ Бельгіи и т. д. наталкиваютъ на эту мысль и заранѣе располагаютъ въ пользу редакціи, взявшей на себя трудъ заполнить одинъ изъ существенныхъ пробѣловъ русской журналистики. Ближайшее знакомство съ характеромъ всѣхъ этихъ статей и замѣтокъ однако сразу же расхолаживаетъ читателя. Подъ громкими названіями читателю преподносятся крохотныя замѣтки, разсматривающія европейскую литературу и искусство чаще всего сквозь затуманенную призму сектантскаго модернизма. Именно сектантскаго, для котораго всѣ широкія задачи искусства заслоняются восторженнымъ любованіемъ передъ новѣйшими кунштюками профессіональной техники. Кто выкинетъ штуку позатѣйливѣе, тотъ и правъ. И съ этой точки зрѣнія фиглярничающія бездарности своего кружка провозглашались чуть что ни геніями, въ то время какъ, напримѣръ, Чеховъ низводился на степень простого «фотографа». Просмотришь одну—двѣ книжки «Вѣсовъ», и законченный образъ г. Розанова самъ собою снова и снова встаетъ передъ глазами: видишь всю эту плеяду сотрудниковъ журнала обмокнутыми въ гумми-арабикъ, и кажется, что клейкой массой его подернулись и всѣ затронутые ими вопросы, подернулись такимъ плотнымъ слоемъ, который навсегда прекратилъ къ нимъ доступъ всякому дыханію жизни.

Чтобы быть справедливымъ и къ г. Розанову и къ «Вѣсамъ», мы должны отмѣтить, однако, что розановскій мавзолей въ одномъ отношеніи довольно-таки сильно отклоняется отъ сходства съ журналомъ. Г. Розановъ требуетъ, чтобы съ мавзолея были убраны всякія надписи на стѣнѣ. Никакой «прописи паспорта», никакой рекламы! Напротивъ, стѣны «Вѣсовъ» сверху до низу усѣяны надписями, на всѣ лады воспѣвающими заслуги погребенныхъ въ нихъ публицистовъ, критиковъ и поэтовъ. И даже, если въ этихъ надписяхъ случайно соприкасаются имена корифеевъ нашей литературы съ именами сотрудниковъ

Въ русской жизни такъ много непослѣдовательностей и такъ много неожиданностей, что вопросъ ставится, конечно, не съ этой точки зрѣнія—раціональнаго и консеквентнаго. У насъ очень любятъ дѣлать пробы и затягиваютъ ихъ до невозможности. Любятъ прибѣгать и къ своеобразному пріему, весьма характерному для бюрократическаго режима. Этотъ пріемъ заключается въ томъ, чтобы, вводя какую-нибудь не встрѣчающую сочувствія мѣру, заранѣе указывать, что она не будетъ примѣняться во всей строгости, что она остается «на бумагѣ», не получая активной силы. Привычное явленіе канцелярскихъ распоряженій, предписываемыхъ, но не выполняемыхъ, поддерживаетъ эту вѣру, или точнѣе это недовѣріе къ силѣ закона, который поэтому не представляется грознымъ при своемъ введеніи. Но это до поры.

Такъ было по крайней мѣрѣ при введеніи устава 1884 года. Тогдашній министръ, гр. Деляновъ, играя въ дипломата, чуть что не самъ поддерживалъ «слухи», что новый уставъ останется въ значительной степени «на бумагѣ», что имѣется въ виду упорядочить университетское преподаваніе, расширить доступъ талантливымъ лекторамъ «со стороны», парализовать рутину старыхъ профессоровъ, которые-де засиживаются на каѳедрахъ, плохо исполняя свои обязанности, заслоняя дорогу молодымъ и т. д.; словомъ ужасно муссировался институтъ приватъ-доцентовъ, какъ прогрессивная мѣра, а лишеніе университетовъ автономіи и всѣ стѣснительныя мѣропріятія въ ущербъ академической свободѣ наивозможно замаскировывались, представлялись какъ формальности, временныя и не имѣющія реальнаго значенія.

Сначала и профессора въ это вѣрили. Эпитетъ «мертворожденный» въ примѣненіи къ уставу 84 года былъ у всѣхъ на устахъ. Дѣло сперва ограничивалось назначеніемъ на должность ректора изъ состава профессорскихъ корпорацій и усиленіемъ инспекціи, а что касается назначенія профессоровъ, то какъ-то принято было думать, что министерство «не посмѣетъ» назначать иныхъ, какъ по выбору, и не рѣшится увольнять по своему почину. Не рѣшится и подвергать цензурѣ научное преподаваніе.

Заслуженнымъ профессорамъ, хотя и назначенъ былъ предѣльный срокъ, но de facto они оставались и долѣе, избираемые на пятилѣтія, и, сохраняя содержаніе и право читать курсы, только мѣняли «званіе» (т.-е.—переходя въ разрядъ прив. доцентовъ), но съ правомъ голоса въ факультетѣ и порой даже въ совѣтѣ. Такой переходъ или перемѣна наименованія не представлялись дѣломъ особо важнымъ. Было еще обстоятельство, въ которомъ покойный Ор. Ѳ. Миллеръ видѣлъ серьезную опасность для сплоченнаго протеста университетскихъ коллегій противъ лишенія автономіи, это—впервые вводимую у насъ систему гонораровъ, сверхъ положеннаго жалованія. Орестъ Ѳедоровичъ называлъ ее «золотымъ крючкомъ на удочкѣ», на которую многіе поддадутся; оклады профессорскіе вѣдь далеко не блестящи, а при наличности семьи, при расходахъ на выписку книгъ, ученыя экскурсіи и т. п., жить на какія-нибудь 2—3 тыс. въ годъ представлялось почти невозможнымъ. И то, когда до нихъ дослужишься! И вотъ уставъ былъ введенъ и никакого протеста со стороны профессоровъ не послѣдовало. Разсчитывали, что онъ рухнетъ самъ

собой и рѣшено было, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ профессорскихъ кружкахъ, устроить только пассивный бойкотъ противъ министерства. Послѣднему нужно было содѣйствіе профессоровъ для составленія экзаменаціонныхъ программъ—но указанія не давались; пускай они будутъ плохо составлены, тогда министерство пойметъ, что взялось за непосильную задачу. Министерство затруднялось въ выборѣ людей,—наиболѣе порядочные профессора отказывались отъ должностей по назначенію. Министерство желало понизить цензъ магистерскихъ диссертацій, предоставляло право сразу выдавать докторскую степень,—наперекоръ этому факультеты первоначально даже повысили требованія именно отъ магистерскихъ работъ, отстаивая принципъ двухъ диссертацій, и не давали сразу докторской степени (потомъ отъ этого отступили). Министерство требовало конкурентныхъ курсовъ и побуждало молодежь какъ-бы перебивать аудиторію у старыхъ профессоровъ,—и опять-таки сначала на это не шли и не могли пойти ученики, уважающіе своихъ учителей; только впослѣдствіи возникли параллельные курсы по одному предмету но уже по мотивамъ иного характера (на юридическомъ факультетѣ), при чемъ все-таки участье того или другого преподавателя въ экзаменаціонной комиссіи играло гораздо большую роль при выборѣ одного изъ параллельныхъ курсовъ, чѣмъ особенности лектора. А въ комиссіи государственныхъ экзаменовъ по немногу включены были всѣ профеессора, даже исключительно профессора, такъ какъ предположеніе министерства, что «контроль» надъ университетскими занятіями можетъ быть произведенъ во время этихъ экзаменовъ людьми «со стороны», приглашенными въ экзаменаторы, потерпѣло полную неудачу, какъ и предсказывали, за отсутствіемъ у насъ на другихъ поприщахъ такихъ свѣдущихъ людей и, надѣемся, за отказомъ со стороны тѣхъ, которые могли удовлетворять требованіямъ, но не пожелали встать цензорами университетскихъ занятій, хотя бы и подъ благовиднымъ предлогомъ провѣрки знаній студентовъ съ точки зрѣнія государственныхъ потребностей. Не возражали противъ принципа введенія государственныхъ экзаменовъ, но отстаивали значеніе упраздняемыхъ курсовыхъ экзаменовъ, къ которымъ вскорѣ и вернулись. Испытанія же въ государственныхъ коммиссіяхъ, по существу, должны быть выдѣлены отъ оцѣнки научной подготовленности студента, каковая оцѣнка можетъ быть произведена только ученой коллегіей. А въ системѣ государственныхъ экзаменовъ, введенной по уставу 84 года, этого раздѣленія не было и de facto оставались прежніе экзамены, только при болѣе торжественной обстановкѣ, съ назначеннымъ предсѣдателемъ—иногда изъ чиновниковъ, и съ неудобнымъ нагроможденіемъ предметовъ, которые должны были сдаваться разомъ. Особому разгрому подвергался по уставу 84 г., казалось-бы, ни въ чемъ неповинный историко-филологич. факультетъ, съ упраздненіемъ дѣленія по спеціальностямъ, съ массой обязательныхъ общихъ курсовъ, съ непомѣрнымъ умноженіемъ количества занятій по древнимъ языкамъ и т. д. Все это было принято безъ протеста, такъ какъ не вѣрили въ устойчивость этихъ распоряженій. Большинство ихъ дѣйствительно вскорѣ положено было подъ сукно,—но пострадало цѣлое поколѣніе, а на жизни самихъ факультетовъ вмѣшатель-

ство свыше отразилось весьма пагубно; число поступающихъ на ист. филолог. факультетъ при новыхъ условіяхъ сразу уменьшилось на огромный процентъ; такъ, напримѣръ, въ Петербургскомъ университетѣ, въ 80—83 гг., зачислилось на первый курсъ историко-филологич. фак. свыше ста человѣкъ, и эта цифра сразу понизилась чуть что не на 75%, а бывали года, когда, особенно въ провинціальныхъ университетахъ, оканчивало 2—3 человѣка: былъ случай, если не ошибаемся въ Казанскомъ Университетѣ, что выпуска филологовъ совсѣмъ не было.

Итакъ, при введеніи устава 1884 не было ни общихъ протестовъ со стороны профессорскихъ коллегій и не использованы были даже тѣ частичныя уступки со стороны министерства, которыя давали поводъ законному вмѣшательству профессоровъ и, какъ знать наперед, могли служить позиціей, съ которой пошли бы другія завоеванія въ защиту отнимаемыхъ правъ и отстаиваніе единственно правильныхъ принциповъ университетскаго самоуправленія. Бойкотомъ наказывалось будто бы министерство, а на самомъ дѣлѣ терялась почва для активной борьбы. И понемногу «бумажныя» распоряженія стали пріобрѣтать реальную силу.

Первымъ въ Петербургскомъ университетѣ былъ уволенъ пр. О. Ѳ. Миллеръ. Ему выражали сочувствіе, но отставка не была ни опротестована, ни отмѣнена. Съ годами послѣдовалъ рядъ другихъ увольненій и отставокъ при чемъ особенно потерпѣлъ Московскій университетъ, лишившійся многихъ выдающихся ученыхъ *).

Отданные подъ ближайшій надзоръ попечителямъ учебныхъ округовъ университеты вскорѣ стали подвергаться частымъ посѣщеніямъ представителей министерства, которые бывали и на лекціяхъ. Въ бытность попечителемъ петербургскаго округа генерала Новикова извѣстны случаи своеобразныхъ замѣчаній посѣтителя лекторамъ и обращенія къ студентамъ объ угодныхъ или неугодныхъ, съ точки зрѣнія начальства, дисциплинъ знанія. Естественныя науки не были въ фаворѣ и даже, напримѣръ, на лекціи по языковѣдѣнію генералъ Новиковъ возражалъ противъ употребленія терминовъ «морфологія» въ отдѣлѣ грамматики, находя его неудобнымъ. Это было уже вмѣшательствомъ въ преподаваніе по существу. Такой цензуры представители науки, очевидно, уже не могли переносить и она была прекращена, перейдя въ область анекдотовъ о пресловутой прожорливости «гиперболы». Но свобода преподаванія урѣзывалась другими способами; требованіемъ чтеній по установленнымъ программамъ, правомъ министерства предварительнаго разсмотрѣнія намѣчаемыхъ программъ даже свободныхъ курсовъ и возраженія противъ нихъ. Научная жизнь въ университетахъ стала блекнуть; солидарность въ факультетахъ была нарушена; каждый уходилъ въ свою «келейную» работу, подогрѣваемый лишь преданностью своей наукѣ, ради нея самое;—университетъ, какъ цѣлое, медленно распадался; всюду воцарялся духъ разобщенія, разлада

*) См. „Истор. Моск. Универс.“ Ашевскаго, „Міръ Божій“, апрѣль текущаго года.

и унылаго одиночества. Введенный уставъ расползался по всѣмъ швамъ, а студенческія волненія, которыя онъ призванъ былъ парализовать, поднялись съ новой силой въ теченіе 90-хъ годовъ, краснорѣчиво свидѣтельствуя, что принятыя репрессивныя мѣры отнюдь не достигали цѣли.

Прошло, однако, болѣе десяти лѣтъ съ введенія устава 84 года раньше чѣмъ въ печати возбужденъ былъ снова вопросъ объ автономіи университетовъ. Починъ приписывается двумъ питомцамъ, а впослѣдствіе и профессорамъ московскаго университета—Б. Н. Чичерину и кн. С. Н. Трубецкому, выступившимъ въ 1896 г. въ «Петерб. Вѣд.» въ защиту необходимой самостоятельности научныхъ корпорацій, ихъ самоуправленія и объединенія учащихъ и учащихся въ одно органическое цѣлое. Это было девять лѣтъ тому назадъ. Министерство по существу ничего не могло возразить противъ выставленныхъ положеній, которыми отчасти возвращались къ принципамъ устава 1863 года. Однако, хотя необходимость реформы университетскаго устава все яснѣе сознавалось, и при преемникѣ гр. Делянова приступлено было къ «собиранію матерьяловъ» для предполагаемой реформы, т.-е. созвано было министромъ Н. П. Боголѣповымъ (въ 1899 г.) совѣщаніе, въ которое не получили приглашеній профессора университетовъ, а призваны лишь попечители учебныхъ округовъ и начальники высш. учебн. заведеній,—параллельно этому возобновлены увольненія (въ 1898 г. въ одномъ Петербургскомъ университетѣ сразу было удалено *шесть* преподавателей, что естественно повлекло за собой уходъ и другихъ, не пожелавшихъ пассивно подчиняться произвольному отстраненію товарищей); затѣмъ изданы были и извѣстныя «временныя правила» объ отдачѣ въ военную службу увольняемыхъ студентовъ, встрѣтившія рѣшительное осужденіе со стороны непосредственнаго преемника Н. П. Боголѣпова, вновь назначеннаго въ 1901 г. на должность министра народн. просвѣщенія генерала Ванновскаго.

Реформа все еще стояла на очереди. Начался опросъ профессорскихъ коллегій. Съ рѣдкимъ единодушіемъ высказались профессора за выборное начало, отмѣну системы гонораровъ, свободное избраніе спеціальностей, возстановленіе курсовыхъ экзаменовъ и т. п. Къ принципу автономіи и свободѣ научнаго преподаванія все ближе подходили и въ кратковременное управленіе министерствомъ г. Зенгера, но само слово казалось «жупеломъ» въ пору режима Плеве, когда общественная жизнь насильственно замыкалась въ желѣзные тиски, и не успѣвшій еще высказать своей программы министръ г. Зенгеръ принужденъ былъ подать въ отставку...

И такъ, понадобилось двадцать слишкомъ лѣтъ, чтобы убѣдиться въ несостоятельности злополучнаго устава 84 года! Исторія заднимъ числомъ не исправляется, и то, что было — было. Плодотворнѣе смотрѣть въ будущее, а «уроки исторіи» въ данномъ случаѣ подчеркиваютъ не только будущность, но и пагубность такого рода «пробъ», которыя изображаютъ изъ себя лишь хожденіе вокругъ да около коренного вопроса, намѣренное обхожденіе сути, чтобы дѣйствовать эфемерными палліативами для отстраненія неотстранимаго, въ цѣляхъ водворенія наружнаго спокойствія. Неотстранимымъ въ университетской

жизни является принципъ автономіи. Его пытались замаскировать, но онъ властно выступилъ впередъ, на первый планъ, и рядомъ обходныхъ движеній пришли лишь къ убѣжденію, что надо выбрать одно изъ двухъ: или совсѣмъ закрыть университеты, или вернуть имъ автономію. Къ этому же положенію, въ иномъ примѣненіи, неизбѣжно придутъ и по другимъ вопросамъ проектируемыхъ реформъ въ нашемъ общественномъ устроеніи. Аналогія естественно напрашивается и съ учрежденіемъ Государственной Думы на принципѣ народнаго представительства: или этотъ принципъ будетъ соблюденъ въ своей полнотѣ, или придется отказаться отъ Думы съ простыми уполномоченными отъ избранныхъ группъ населенія, взамѣнъ настоящихъ представителей,—облеченныхъ довѣріемъ всего населенія и исполнительной властью. Но неужели потребуется столько же лѣтъ, чтобы въ этомъ убѣдиться, какъ это было по отношенію къ университетскому уставу? Отказъ отъ того, чтобы пользоваться уступленной, хоть и шаткой еще позиціей, можетъ затянуть дѣло. Стойкое же заявленіе своихъ убѣжденій, т.-е. отстаиваніе шагъ за шагомъ заявленнаго принципа во всей его полнотѣ, есть болѣе вѣрный путь овладѣть ситуаціей. Предрѣшать въ частности тѣхъ или другихъ маневровъ нѣтъ возможности, но пользоваться уступками, чтобы укрѣпляться, и съ пріобрѣтенныхъ позицій продолжать приступъ, есть, по всѣмъ даннымъ судя, самый надежный тактическій пріемъ, для достиженія намѣченной цѣли.

Возвращаясь къ вопросу о свободѣ научнаго преподаванія, мы отмѣтимъ напослѣдокъ не безынтересную газетную полемику наканунѣ объявленной автономіи высшихъ учебныхъ заведеній. Въ «Сынѣ Отечества» проф. Овсянико-Куликовскій печаталъ въ теченіе лѣта рядъ замѣтокъ «о предстоящей университетской реформѣ», и вотъ какъ разъ 28-го августа, на другой день послѣ объявленія «Указа» о временныхъ правилахъ, возвращающихъ университетомъ свободу выборовъ и внутреннее самоуправленіе, ему пришлось отвѣчать на возраженія П. И. Вейнберга по поводу принципа полной свободы научнаго преподаванія, которую отстаивалъ пр. Овсянико-Куликовскій, отрицая даже право вмѣшательства факультета и совѣта въ преподавательскую дѣятельность профессора. П. И. Вейнбергъ отстаивалъ контроль университетской коллегіи. Но такой контроль, конечно, не долженъ существовать. Совершенно правъ г. Овсянико-Куликовскій, что независимость профессора, какъ преподавателя, есть—«необходимое условіе для поднятія уровня университетскаго преподаванія, для приближенія профессорскихъ лекцій къ тому идеалу, при которомъ онѣ превращаются въ разновидность научнаго творчества». Правда, г. Овсянико-Куликовскій прибавляетъ къ независимости профессора и его «неотвѣтственность»: это не совсѣмъ точно, такъ какъ остается отвѣтственность передъ своей совѣстью, которая никоимъ образомъ не можетъ быть упразднена. Есть у каждаго личная отвѣтственность, вытекающая и изъ сущности преподавательской дѣятельности, обязывающая къ правильному веденію занятій. Однако, она тѣмъ рѣзче ощущается, чѣмъ больше свободы предоставлено преподавателю, чѣмъ независимѣе онъ себя чувствуетъ отъ какого бы-то ни было контроля со стороны. Отсутствіе внѣшнихъ, лекторскихъ способностей,

о которыхъ писалъ г. Вейнбергъ (предварительный опытъ умѣнья «вразумительно» говорить или читать по запискамъ неизбѣжно продѣлывается раньше выбора профессора, такъ что не можетъ быть рѣчи о косноязычныхъ и т. п.) не можетъ служить препятствіемъ быть не только большимъ ученымъ, но и прекраснымъ руководителемъ занятій—а въ дѣлѣ университетскаго преподаванія это главное. Если П. И. Вейнбергъ ссылается на примѣръ Гервинуса, который, не обладая краснорѣчіемъ, диктовалъ свои лекціи, то этотъ пріемъ именно «диктованія» лекцій довольно распространенъ въ германскихъ университетахъ и даже цѣнится слушателями, когда въ той или другой отрасли знанія нѣтъ готовыхъ сводныхъ руководствъ, по которымъ можно было бы оріентироваться въ данномъ вопросѣ. Наконецъ, нѣмецкіе студенты разсуждаютъ и такъ, что записавшись на лекціи профессора, они ожидаютъ отъ него «экстрактъ» знанія, критическій обзоръ пособій и т. п., облегчающій усвоеніе первыхъ элементовъ науки, а тотъ, кто хочетъ и можетъ готовиться по книгамъ,—воленъ это дѣлать и не посѣщая лекцій. Къ пріему «диктованія» прибѣгали и такіе проффессора, какъ Царике и Эбертъ, умѣющіе вполнѣ владѣть словомъ. Краснорѣчіе въ научной аудиторіи—не существенно, такъ какъ важнѣе вызвать въ слушателяхъ самодѣятельность мысли, усвоеніе методовъ работы и умѣнье самостоятельно разбираться въ матеріалѣ. Не блестѣлъ краснорѣчіемъ и Ренанъ въ своихъ чтеніяхъ въ Collége de France, комментируя еврейскіе тексты и производя, въ присутствіи аудиторіи, свои опыты надъ толкованіемъ спорныхъ мѣстъ. Многіе уходили съ его лекцій разочарованными,—но это были случайные посѣтители, а не ученики, которымъ дорого было усвоеніе методовъ работы. Практическія соображенія, что-де живое слово легче усвоивается, а книги читать труднѣе,—это соображенія педагога средней школы, котораго цѣль—какъ можно меньше задавать школьнику работы на домъ, и пройти весь предметъ въ классѣ. Но въ университетъ вступаютъ не школьники, которымъ нужно разжевать и въ ротъ положить, а молодые люди, ищущіе самодѣятельности и тяготящіеся всякаго рода помочами. Быть можетъ наступитъ время, когда такъ-называемые «общіе курсы», предназначаемые для тѣхъ, кто не умѣетъ и не любитъ читать книги, будутъ совсѣмъ упразднены изъ высшихъ школъ: останутся лишь публичные курсы общеобразовательнаго характера, доступные для всѣхъ, и затѣмъ совмѣстная работа, именно *работа*, подъ руководствомъ профессора, на спеціальныхъ курсахъ. Краснорѣчію же останется своя область, т.-е. оно будетъ примѣняться тамъ, гдѣ нужно оказать воздѣйствіе на психику аудиторіи, вызвать подъемъ чувствъ, убѣждать, проповѣдывать, аргументировать въ диспутахъ, въ томъ или другомъ смыслѣ вліять на чувство и волевыя свойства слушателей. Это происходитъ въ судахъ, на аренѣ общественной дѣятельности, на митингахъ и т. п. Совсѣмъ иныя требованія должны быть предъявлены къ профессору, и къ идеалу «разновидности научнаго творчества», при слушателяхъ-ученикахъ, намѣченному г. Овсянико-Куликовскимъ, мы прибавили бы параллельно ему лишь идеалъ «собесѣдованій», при которыхъ профессору предоставлена воз-

можность слѣдить и за процессомъ усвоенія научныхъ истинъ и дѣйствовать путемъ наведенія.

Но понятіе «опеки» во всѣхъ ея видахъ должно быть рѣшительно устранено при установленіи принципа свободы научнаго преподаванія. Изъ сущности—«познанія истины» исключается и всякая апріорная тенденціозность въ дѣлѣ преподаванія науки, и въ этомъ смыслѣ попытка внести «благонамѣренную тенденціозность» нынѣ упраздненнаго устава, всего рѣзче бросается въ глаза своей несостоятельностью. Конечно, всякая тенденціозность въ наукѣ будетъ отзываться той же фальшью, какою грѣшило и тенденціозное искусство. Но занятія наукой не исключаютъ въ профессорѣ наличности другихъ свойствъ и стремленій. Ученый, равно и учащійся, не перестаетъ быть человѣкомъ и не долженъ отказываться отъ правъ и притязаній индивидуальнаго характера, также какъ онъ не можетъ быть безучастнымъ въ вопросахъ общественности, въ ущербъ своей духовной цѣлостности. Съ рѣдкой задушевностью и подкупающей искренностью, разсказалъ исторію своихъ душевныхъ колебаній въ конфликтѣ науки и политики—проф. К. Тимирязевъ въ статьѣ: «На порогѣ обновленнаго университета» («Рус. Вѣд.», № 252). «Въ наше время (т.-е. почти полвѣка назадъ),—пишетъ маститый профессоръ,—мы любили университетъ, какъ теперь, быть можетъ, не любятъ,—да и не безъ основанія. Для меня лично наука была все. Къ этому чувству не примѣшивалось никакихъ соображеній о карьерѣ, не потому, чтобы я находился въ особыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, нѣтъ—я самъ зарабатывалъ себѣ пропитаніе,—а просто мысли о карьерѣ, о будущемъ не было мѣста въ головѣ: слишкомъ полна она была настоящимъ. Но вотъ налетѣла буря въ образѣ, недоброй памяти, министра Путятина съ его пресловутыми матрикулами... Дѣло было, конечно, не въ этихъ матрикулахъ, а въ убѣжденіи, что мы въ своей скромной долѣ дѣлаемъ общее дѣло, даемъ отпоръ первому дуновенію реакціи, въ убѣжденіи, что сдаваться передъ этой реакціей позорно. Не легко было на душѣ»... Авторъ, какъ извѣстно, не подчинился «дуновенію реакціи» и временно пожертвовалъ наукой. «Наука не ушла отъ меня—пишетъ онъ далѣе,—она никогда не уходитъ отъ тѣхъ, кто ее безкорыстно и непритворно любитъ; а что сталось бы съ моимъ нравственнымъ характеромъ, если бы я не устоялъ передъ первымъ испытаніемъ, если бы первая нравственная борьба окончилась компромиссомъ? Такой вопросъ за послѣдніе годы представлялся многимъ, и учащимъ и учащимся. Рѣшали его различно, но послѣдній годъ доказалъ, что громадное большинство въ академической средѣ не приняло компромисса, дорожа цѣльностью своего «нравственнаго характера». И наука—вернулась, свободная наука, свободное научное преподаваніе въ автономныхъ учрежденіяхъ, и если, еще не такъ давно, противники обновленія университета на началахъ самоуправленія выставляли аргументъ несоотвѣтствія «государства въ государствѣ» на различныхъ началахъ, то координація этихъ началъ можетъ произойти теперь на новой базѣ. До этого мы еще не дошли. Въ цитируемой статьѣ проф. Тимирязева, авторъ, между прочимъ, дѣлаетъ такой выводъ изъ проек-

нію, я слишкомъ русскій, и мнѣ все время грезится Россія. *Я не хотѣлъ бы сейчасъ быть тамъ, пока въ воздухѣ ужасъ кровавой бани»* («Въ странахъ солнца» г. Бальмонта. «Вѣсы», № 4, стр. 1—10). Конечно, недостаточно быть русскимъ, надо быть «слишкомъ русскимъ», сверхъ-русскимъ, чтобы реагировать на событія въ Россіи однимъ только желаніемъ «пока что» уйти изъ нея, обмокнувшись въ коллодіумъ.

Отмѣтивъ эти какъ никакъ, а все же «отклики» на русскія злобы дня, мы должны сказать, что ими мы почти исчерпали все, чѣмъ отозвались «Вѣсы» на русскую жизнь въ ея нынѣшній исторически-значительный моментъ. За этими случайными исключеніями, журналъ, точно также какъ и мавзолей г. Розанова, находится «внѣ градусовъ сѣверной ширины и восточной долготы». И если бы не русскій текстъ его, если бы онъ издавался на какомъ нибудь воляпюкѣ или эсперанто, то самый внимательный читатель не могъ бы обнаружить его національнаго происхожденія.

Пробѣжавъ глазами содержаніе нѣсколькихъ книжекъ журнала, можно было бы подумать, пожалуй, что журналъ ставитъ себѣ цѣлью держать своихъ читателей въ курсѣ новѣйшихъ теченій русской и западно-европейской художественной литературы и искусства. Статьи о русской и французской поэзіи, о музыкальномъ сезонѣ въ Женевѣ, о художественной выставкѣ въ Бельгіи и т. д. наталкиваютъ на эту мысль и заранѣе располагаютъ въ пользу редакціи, взявшей на себя трудъ заполнить одинъ изъ существенныхъ пробѣловъ русской журналистики. Ближайшее знакомство съ характеромъ всѣхъ этихъ статей и замѣтокъ однако сразу же расхолаживаетъ читателя. Подъ громкими названіями читателю преподносятся крохотныя замѣтки, разсматривающія европейскую литературу и искусство чаще всего сквозь затуманенную призму сектантскаго модернизма. Именно сектантскаго, для котораго всѣ широкія задачи искусства заслоняются восторженнымъ любованіемъ передъ новѣйшими кунштюками профессіональной техники. Кто выкинетъ штуку позатѣйливѣе, тотъ и правъ. И съ этой точки зрѣнія фиглярничающія бездарности своего кружка провозглашались чуть что ни геніями, въ то время какъ, напримѣръ, Чеховъ низводился на степень простого «фотографа». Просмотришь одну—двѣ книжки «Вѣсовъ», и законченный образъ г. Розанова самъ собою снова и снова встаетъ передъ глазами: видишь всю эту плеяду сотрудниковъ журнала обмокнутыми въ гумми-арабикъ, и кажется, что клейкой массой его подернулись и всѣ затронутые ими вопросы, подернулись такимъ плотнымъ слоемъ, который навсегда прекратилъ къ нимъ доступъ всякому дыханію жизни.

Чтобы быть справедливымъ и къ г. Розанову и къ «Вѣсамъ», мы должны отмѣтить, однако, что розановскій мавзолей въ одномъ отношеніи довольно-таки сильно отклоняется отъ сходства съ журналомъ. Г. Розановъ требуетъ, чтобы съ мавзолея были убраны всякія надписи на стѣнѣ. Никакой «прописи паспорта», никакой рекламы! Напротивъ, стѣны «Вѣсовъ» сверху до низу усѣяны надписями, на всѣ лады воспѣвающими заслуги погребенныхъ въ нихъ публицистовъ, критиковъ и поэтовъ. И даже, если въ этихъ надписяхъ случайно соприкасаются имена корифеевъ нашей литературы съ именами сотрудниковъ

Въ русской жизни такъ много непослѣдовательностей и такъ много неожиданностей, что вопросъ ставится, конечно, не съ этой точки зрѣнія—раціональнаго и консеквентнаго. У насъ очень любятъ дѣлать пробы и затягиваютъ ихъ до невозможности. Любятъ прибѣгать и къ своеобразному пріему, весьма характерному для бюрократическаго режима. Этотъ пріемъ заключается въ томъ, чтобы, вводя какую-нибудь не встрѣчающую сочувствія мѣру, заранѣе указывать, что она не будетъ примѣняться во всей строгости, что она остается «на бумагѣ», не получая активной силы. Привычное явленіе канцелярскихъ распоряженій, предписываемыхъ, но не выполняемыхъ, поддерживаетъ эту вѣру, или точнѣе это недовѣріе къ силѣ закона, который поэтому не представляется грознымъ при своемъ введеніи. Но это до поры.

Такъ было по крайней мѣрѣ при введеніи устава 1884 года. Тогдашній министръ, гр. Деляновъ, играя въ дипломата, чуть что не самъ поддерживалъ «слухи», что новый уставъ останется въ значительной степени «на бумагѣ», что имѣется въ виду упорядочить университетское преподаваніе, расширить доступъ талантливымъ лекторамъ «со стороны», парализовать рутину старыхъ профессоровъ, которые-де засиживаются на каѳедрахъ, плохо исполняя свои обязанности, заслоняя дорогу молодымъ и т. д.; словомъ ужасно муссировался институтъ приватъ-доцентовъ, какъ прогрессивная мѣра, а лишеніе университетовъ автономіи и всѣ стѣснительныя мѣропріятія въ ущербъ академической свободѣ наивозможно замаскировывались, представлялись какъ формальности, временныя и не имѣющія реальнаго значенія.

Сначала и профессора въ это вѣрили. Эпитетъ «мертворожденный» въ примѣненіи къ уставу 84 года былъ у всѣхъ на устахъ. Дѣло сперва ограничивалось назначеніемъ на должность ректора изъ состава профессорскихъ корпорацій и усиленіемъ инспекціи, а что касается назначенія профессоровъ, то какъ-то принято было думать, что министерство «не посмѣетъ» назначать иныхъ, какъ по выбору, и не рѣшится увольнять по своему почину. Не рѣшится и подвергать цензурѣ научное преподаваніе.

Заслуженнымъ профессорамъ, хотя и назначенъ былъ предѣльный срокъ, но de facto они оставались и долѣе, избираемые на пятилѣтія, и, сохраняя содержаніе и право читать курсы, только мѣняли «званіе» (т.-е.—переходя въ разрядъ прив. доцентовъ), но съ правомъ голоса въ факультетѣ и порой даже въ совѣтѣ. Такой переходъ или перемѣна наименованія не представлялись дѣломъ особо важнымъ. Было еще обстоятельство, въ которомъ покойный Ор. Ѳ. Миллеръ видѣлъ серьезную опасность для сплоченнаго протеста университескихъ коллегій противъ лишенія автономіи, это—впервые вводимую у насъ систему гонораровъ, сверхъ положеннаго жалованія. Орестъ Ѳедоровичъ называлъ ее «золотымъ крючкомъ на удочкѣ», на которую многіе поддадутся; оклады профессорскіе вѣдь далеко не блестящи, а при наличности семьи, при расходахъ на выписку книгъ, ученыя экскурсіи и т. п., жить на какія-нибудь 2—3 тыс. въ годъ представлялось почти невозможнымъ. И то, когда до нихъ дослужишься! И вотъ уставъ былъ введенъ и никакого протеста со стороны профессоровъ не послѣдовало. Разсчитывали, что онъ рухнетъ самъ

собой и рѣшено было, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ профессорскихъ кружкахъ, устроить только пассивный бойкотъ противъ министерства. Послѣднему нужно было содѣйствіе профессоровъ для составленія экзаменаціонныхъ программъ—но указанія не давались; пускай они будутъ плохо составлены, тогда министерство пойметъ, что взялось за непосильную задачу. Министерство затруднялось въ выборѣ людей,—наиболѣе порядочные профессора отказывались отъ должностей по назначенію. Министерство желало понизить цензъ магистерскихъ диссертацій, предоставляло право сразу выдавать докторскую степень,—наперекоръ этому факультеты первоначально даже повысили требованія именно отъ магистерскихъ работъ, отстаивая принципъ двухъ диссертацій, и не давали сразу докторской степени (потомъ отъ этого отступили). Министерство требовало конкурентныхъ курсовъ и побуждало молодежь какъ-бы перебивать аудиторію у старыхъ профессоровъ,—и опять-таки сначала на это не шли и не могли пойти ученики, уважающіе своихъ учителей; только впослѣдствіи возникли параллельные курсы по одному предмету но уже по мотивамъ иного характера (на юридическомъ факультетѣ), при чемъ все-таки участье того или другого преподавателя въ экзаменаціонной коммиссіи играло гораздо большую роль при выборѣ одного изъ параллельныхъ курсовъ, чѣмъ особенности лектора. А въ комиссіи государственныхъ экзаменовъ по немногу включены были всѣ профеесора, даже исключительно профессора, такъ какъ предположеніе министерства, что «контроль» надъ университетскими занятіями можетъ быть произведенъ во время этихъ экзаменовъ людьми «со стороны», приглашенными въ экзаменаторы, потерпѣло полную неудачу, какъ и предсказывали, за отстуствіемъ у насъ на другихъ поприщахъ такихъ свѣдущихъ людей и, надѣемся, за отказомъ со стороны тѣхъ, которые могли удовлетворять требованіямъ, но не пожелали встать цензорами университетскихъ занятій, хотя бы и подъ благовиднымъ предлогомъ провѣрки знаній студентовъ съ точки зрѣнія государственныхъ потребностей. Не возражали противъ принципа введенія государственныхъ экзаменовъ, но отстаивали значеніе упраздняемыхъ курсовыхъ экзаменовъ, къ которымъ вскорѣ и вернулись. Испытанія же въ государственныхъ коммиссіяхъ, по существу, должны быть выдѣлены отъ оцѣнки научной подготовленности студента, каковая оцѣнка можетъ быть произведена только ученой коллегіей. А въ системѣ государственныхъ экзаменовъ, введенной по уставу 84 года, этого раздѣленія не было и de facto оставались прежніе экзамены, только при болѣе торжественной обстановкѣ, съ назначеннымъ предсѣдателемъ—иногда изъ чиновниковъ, и съ неудобнымъ нагроможденіемъ предметовъ, которые должны были сдаваться разомъ. Особому разгрому подвергался по уставу 84 г., казалось-бы, ни въ чемъ неповинный историко-филологич. факультетъ, съ упраздненіемъ дѣленія по спеціальностямъ, съ массой обязательныхъ общихъ курсовъ, съ непомѣрнымъ умноженіемъ количества занятій по древнимъ языкамъ и т. д. Все это было принято безъ протеста, такъ какъ не вѣрили въ устойчивость этихъ распоряженій. Большинство ихъ дѣйствительно вскорѣ положено было подъ сукно,—но пострадало цѣлое поколѣніе, а на жизни самихъ факультетовъ вмѣшатель-

ство свыше отразилось весьма пагубно; число поступающихъ на ист. филолог. факультетъ при новыхъ условіяхъ сразу уменьшилось на огромный процентъ; такъ, напримѣръ, въ Петербургскомъ университетѣ, въ 80—83 гг., зачислилось на первый курсъ историко-филологич. фак. свыше ста человѣкъ, и эта цифра сразу понизилась чуть что не на 75%, а бывали года, когда, особенно въ провинціальныхъ университетахъ, оканчивало 2—3 человѣка: былъ случай, если не ошибаемся въ Казанскомъ Университетѣ, что выпуска филологовъ совсѣмъ не было.

Итакъ, при введеніи устава 1884 не было ни общихъ протестовъ со стороны профессорскихъ коллегій и не использованы были даже тѣ частичныя уступки со стороны министерства, которыя давали поводъ законному вмѣшательству профессоровъ и, какъ знать наперед, могли служить позиціей, съ которой пошли бы другія завоеванія въ защиту отнимаемыхъ правъ и отстаиваніе единственно правильныхъ принциповъ университетскаго самоуправленія. Бойкотомъ наказывалось будто бы министерство, а на самомъ дѣлѣ терялась почва для активной борьбы. И понемногу «бумажныя» распоряженія стали пріобрѣтать реальную силу.

Первымъ въ Петербургскомъ университетѣ былъ уволенъ пр. О. Ѳ. Миллеръ. Ему выражали сочувствіе, но отставка не была ни опротестована, ни отмѣнена. Съ годами послѣдовалъ рядъ другихъ увольненій и отставокъ при чемъ особенно потерпѣлъ Московскій университетъ, лишившійся многихъ выдающихся ученыхъ *).

Отданные подъ ближайшій надзоръ попечителямъ учебныхъ округовъ университеты вскорѣ стали подвергаться частымъ посѣщеніямъ представителей министерства, которые бывали и на лекціяхъ. Въ бытность попечителемъ петербургскаго округа генерала Новикова извѣстны случаи своеобразныхъ замѣчаній посѣтителя лекторамъ и обращенія къ студентамъ объ угодныхъ или неугодныхъ, съ точки зрѣнія начальства, дисциплинъ знанія. Естественныя науки не были въ фаворѣ и даже, напримѣръ, на лекціи по языковѣдѣнію генералъ Новиковъ возражалъ противъ употребленія терминовъ «морфологія» въ отдѣлѣ грамматики, находя его неудобнымъ. Это было уже вмѣшательствомъ въ преподаваніе по существу. Такой цензуры представители науки, очевидно, уже не могли переносить и она была прекращена, перейдя въ область анекдотовъ о пресловутой прожорливости «гиперболы». Но свобода преподаванія урѣзывалась другими способами; требованіемъ чтеній по установленнымъ программамъ, правомъ министерства предварительнаго разсмотрѣнія намѣчаемыхъ программъ даже свободныхъ курсовъ и возраженія противъ нихъ. Научная жизнь въ университетахъ стала блекнуть; солидарность въ факультетахъ была нарушена; каждый уходилъ въ свою «келейную» работу, подогрѣваемый лишь преданностью своей наукѣ, ради нея самое;—университетъ, какъ цѣлое, медленно распадался; всюду воцарялся духъ разобщенія, разлада

*) См. „Истор. Моск. Универс.“ Ашевскаго, „Міръ Божій“, апрѣль текущаго года.

и унылаго одиночества. Введенный уставъ расползался по всѣмъ швамъ, а студенческія волненія, которыя онъ призванъ былъ парализовать, поднялись съ новой силой въ теченіе 90-хъ годовъ, краснорѣчиво свидѣтельствуя, что принятыя репрессивныя мѣры отнюдь не достигали цѣли.

Прошло, однако, болѣе десяти лѣтъ съ введенія устава 84 года раньше чѣмъ въ печати возбужденъ былъ снова вопросъ объ автономіи университетовъ. Починъ приписывается двумъ питомцамъ, а впослѣдствіе и профессорамъ московскаго университета—Б. Н. Чичерину и кн. С. Н. Трубецкому, выступившимъ въ 1896 г. въ «Петерб. Вѣд.» въ защиту необходимой самостоятельности научныхъ корпорацій, ихъ самоуправленія и объединенія учащихъ и учащихся въ одно органическое цѣлое. Это было девять лѣтъ тому назадъ. Министерство по существу ничего не могло возразить противъ выставленныхъ положеній, которыми отчасти возвращались къ принципамъ устава 1863 года. Однако, хотя необходимость реформы университетскаго устава все яснѣе сознавалось, и при преемникѣ гр. Делянова приступлено было къ «собиранію матерьяловъ» для предполагаемой реформы, т.-е. созвано было министромъ Н. П. Боголѣповымъ (въ 1899 г.) совѣщаніе, въ которое не получили приглашеній профессора университетовъ, а призваны лишь попечители учебныхъ округовъ и начальники высш. учебн. заведеній,—параллельно этому возобновлены увольненія (въ 1898 г. въ одномъ Петербургскомъ университетѣ сразу было удалено *шесть* преподавателей, что естественно повлекло за собой уходъ и другихъ, не пожелавшихъ пассивно подчиняться произвольному отстраненію товарищей); затѣмъ изданы были и извѣстныя «временныя правила» объ отдачѣ въ военную службу увольняемыхъ студентовъ, встрѣтившія рѣшительное осужденіе со стороны непосредственнаго преемника Н. П. Боголѣпова, вновь назначеннаго въ 1901 г. на должность министра народн. просвѣщенія генерала Ванновскаго.

Реформа все еще стояла на очереди. Начался опросъ профессорскихъ коллегій. Съ рѣдкимъ единодушіемъ высказались профессора за выборное начало, отмѣну системы гонораровъ, свободное избраніе спеціальностей, возстановленіе курсовыхъ экзаменовъ и т. п. Къ принципу автономіи и свободѣ научнаго преподаванія все ближе подходили и въ кратковременное управленіе министерствомъ г. Зенгера, но само слово казалось «жупеломъ» въ пору режима Плеве, когда общественная жизнь насильственно замыкалась въ желѣзные тиски, и не успѣвшій еще высказать своей программы министръ г. Зенгеръ принужденъ былъ подать въ отставку...

И такъ, понадобилось двадцать слишкомъ лѣтъ, чтобы убѣдиться въ несостоятельности злополучнаго устава 84 года! Исторія заднимъ числомъ не исправляется, и то, что было — было. Плодотворнѣе смотрѣть въ будущее, а «уроки исторіи» въ данномъ случаѣ подчеркиваютъ не только будущность, но и пагубность такого рода «пробъ», которыя изображаютъ изъ себя лишь хожденіе вокругъ да около коренного вопроса, намѣренное обхожденіе сути, чтобы дѣйствовать эфемерными палліативами для отстраненія неотстранимаго, въ цѣляхъ водворенія наружнаго спокойствія. Неотстранимымъ въ университетской

жизни является принципъ автономіи. Его пытались замаскировать, но онъ властно выступилъ впередъ, на первый планъ, и рядомъ обходныхъ движеній пришли лишь къ убѣжденію, что надо выбрать одно изъ двухъ: или совсѣмъ закрыть университеты, или вернуть имъ автономію. Къ этому же положенію, въ иномъ примѣненіи, неизбѣжно придутъ и по другимъ вопросамъ проектируемыхъ реформъ въ нашемъ общественномъ устроеніи. Аналогія естественно напрашивается и съ учрежденіемъ Государственной Думы на принципѣ народнаго представительства: или этотъ принципъ будетъ соблюденъ въ своей полнотѣ, или придется отказаться отъ Думы съ простыми уполномоченными отъ избранныхъ группъ населенія, взамѣнъ настоящихъ представителей,—облеченныхъ довѣріемъ всего населенія и исполнительной властью. Но неужели потребуется столько же лѣтъ, чтобы въ этомъ убѣдиться, какъ это было по отношенію къ университетскому уставу? Отказъ отъ того, чтобы пользоваться уступленной, хоть и шаткой еще позиціей, можетъ затянуть дѣло. Стойкое же заявленіе своихъ убѣжденій, т.-е. отстаиваніе шагъ за шагомъ заявленнаго принципа во всей его полнотѣ, есть болѣе вѣрный путь овладѣть ситуаціей. Предрѣшать въ частности тѣхъ или другихъ маневровъ нѣтъ возможности, но пользоваться уступками, чтобы укрѣпляться, и съ пріобрѣтенныхъ позицій продолжать приступъ, есть, по всѣмъ даннымъ судя, самый надежный тактическій пріемъ, для достиженія намѣченной цѣли.

Возвращаясь къ вопросу о свободѣ научнаго преподаванія, мы отмѣтимъ напослѣдокъ не безынтересную газетную полемику наканунѣ объявленной автономіи высшихъ учебныхъ заведеній. Въ «Сынѣ Отечества» проф. Овсянико-Куликовскій печаталъ въ теченіе лѣта рядъ замѣтокъ «о предстоящей университетской реформѣ», и вотъ какъ разъ 28-го августа, на другой день послѣ объявленія «Указа» о временныхъ правилахъ, возвращающихъ университетомъ свободу выборовъ и внутреннее самоуправленіе, ему пришлось отвѣчать на возраженія П. И. Вейнберга по поводу принципа полной свободы научнаго преподаванія, которую отстаивалъ пр. Овсянико-Куликовскій, отрицая даже право вмѣшательства факультета и совѣта въ преподавательскую дѣятельность профессора. П. И. Вейнбергъ отстаивалъ контроль университетской коллегіи. Но такой контроль, конечно, не долженъ существовать. Совершенно правъ г. Овсянико-Куликовскій, что независимость профессора, какъ преподавателя, есть—«необходимое условіе для поднятія уровня университетскаго преподаванія, для приближенія профессорскихъ лекцій къ тому идеалу, при которомъ онѣ превращаются въ разновидность научнаго творчества». Правда, г. Овсянико-Куликовскій прибавляетъ къ независимости профессора и его «неотвѣтственность»: это не совсѣмъ точно, такъ какъ остается отвѣтственность передъ своей совѣстью, которая никоимъ образомъ не можетъ быть упразднена. Есть у каждаго личная отвѣтственность, вытекающая и изъ сущности преподавательской дѣятельности, обязывающая къ правильному веденію занятій. Однако, она тѣмъ рѣзче ощущается, чѣмъ больше свободы предоставлено преподавателю, чѣмъ независимѣе онъ себя чувствуетъ отъ какого бы-то ни было контроля со стороны. Отсутствіе внѣшнихъ, лекторскихъ способностей,

о которыхъ писалъ г. Вейнбергъ (предварительный опытъ умѣнья «вразумительно» говорить или читать по запискамъ неизбѣжно продѣлывается раньше выбора профессора, такъ что не можетъ быть рѣчи о косноязычныхъ и т. п.) не можетъ служить препятствіемъ быть не только большимъ ученымъ, но и прекраснымъ руководителемъ занятій—а въ дѣлѣ университетскаго преподаванія это главное. Если П. И. Вейнбергъ ссылается на примѣръ Гервинуса, который, не обладая краснорѣчіемъ, диктовалъ свои лекціи, то этотъ пріемъ именно «диктованія» лекцій довольно распространенъ въ германскихъ университетахъ и даже цѣнится слушателями, когда въ той или другой отрасли знанія нѣтъ готовыхъ сводныхъ руководствъ, по которымъ можно было бы ориентироваться въ данномъ вопросѣ. Наконецъ, нѣмецкіе студенты разсуждаютъ и такъ, что записавшись на лекціи профессора, они ожидаютъ отъ него «экстрактъ» знанія, критическій обзоръ пособій и т. п., облегчающій усвоеніе первыхъ элементовъ науки, а тотъ, кто хочетъ и можетъ готовиться по книгамъ,—воленъ это дѣлать и не посѣщая лекцій. Къ пріему «диктованія» прибѣгали и такіе проффессора, какъ Царике и Эбертъ, умѣющіе вполнѣ владѣть словомъ. Краснорѣчіе въ научной аудиторіи—не существенно, такъ какъ важнѣе вызвать въ слушателяхъ самодѣятельность мысли, усвоеніе методовъ работы и умѣнье самостоятельно разбираться въ матеріалѣ. Не блестѣлъ краснорѣчіемъ и Ренанъ въ своихъ чтеніяхъ въ Collége de France, комментируя еврейскіе тексты и производя, въ присутствіи аудиторіи, свои опыты надъ толкованіемъ спорныхъ мѣстъ. Многіе уходили съ его лекцій разочарованными,—но это были случайные посѣтители, а не ученики, которымъ дорого было усвоеніе методовъ работы. Практическія соображенія, что-де живое слово легче усвоивается, а книги читать труднѣе,—это соображенія педагога средней школы, котораго цѣль—какъ можно меньше задавать школьнику работы на домъ, и пройти весь предметъ въ классѣ. Но въ университетъ вступаютъ не школьники, которымъ нужно разжевать и въ ротъ положить, а молодые люди, ищущіе самодѣятельности и тяготящіеся всякаго рода помочами. Быть можетъ наступитъ время, когда такъ-называемые «общіе курсы», предназначаемые для тѣхъ, кто не умѣетъ и не любитъ читать книги, будутъ совсѣмъ упразднены изъ высшихъ школъ: останутся лишь публичные курсы общеобразовательнаго характера, доступные для всѣхъ, и затѣмъ совмѣстная работа, именно *работа*, подъ руководствомъ профессора, на спеціальныхъ курсахъ. Краснорѣчію же останется своя область, т.-е. оно будетъ примѣняться тамъ, гдѣ нужно оказать воздѣйствіе на психику аудиторіи, вызвать подъемъ чувствъ, убѣждать, проповѣдывать, аргументировать въ диспутахъ, въ томъ или другомъ смыслѣ вліять на чувство и волевыя свойства слушателей. Это происходитъ въ судахъ, на аренѣ общественной дѣятельности, на митингахъ и т. п. Совсѣмъ иныя требованія должны быть предъявлены къ профессору, и къ идеалу «разновидности научнаго творчества», при слушателяхъ-ученикахъ, намѣченному г. Овсянико-Куликовскимъ, мы прибавили бы параллельно ему лишь идеалъ «собесѣдованій», при которыхъ профессору предоставлена воз-

можность слѣдить и за процессомъ усвоенія научныхъ истинъ и дѣйствовать путемъ наведенія.

Но понятіе «опеки» во всѣхъ ея видахъ должно быть рѣшительно остранено при установленіи принципа свободы научнаго преподаванія. Изъ сущности—«познанія истины» исключается и всякая апріорная тенденціозность въ дѣлѣ преподаванія науки, и въ этомъ смыслѣ попытка внести «благонамѣренную тенденціозность» нынѣ упраздненнаго устава, всего рѣзче бросается въ глаза своей несостоятельностью. Конечно, всякая тенденціозность въ наукѣ будетъ отзываться той же фальшью, какою грѣшило и тенденціозное искусство. Но занятія наукой не исключаютъ въ профессорѣ наличности другихъ свойствъ и стремленій. Ученый, равно и учащійся, не перестаетъ быть человѣкомъ и не долженъ отказываться отъ правъ и притязаній индивидуальнаго характера, также какъ онъ не можетъ быть безучастнымъ въ вопросахъ общественности, въ ущербъ своей духовной цѣлостности. Съ рѣдкой задушевностью и подкупающей искренностью, разсказалъ исторію своихъ душевныхъ колебаній въ конфликтѣ науки и политики—проф. К. Тимирязевъ въ статьѣ: «На порогѣ обновленнаго университета» («Рус. Вѣд.», № 252). «Въ наше время (т.-е. почти полвѣка назадъ),—пишетъ маститый профессоръ,—мы любили университетъ, какъ теперь, быть можетъ, не любятъ,—да и не безъ основанія. Для меня лично наука была все. Къ этому чувству не примѣшивалось никакихъ соображеній о карьерѣ, не потому, чтобы я находился въ особыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, нѣтъ—я самъ зарабатывалъ себѣ пропитаніе,—а просто мысли о карьерѣ, о будущемъ не было мѣста въ головѣ: слишкомъ полна она была настоящимъ. Но вотъ налетѣла буря въ образѣ, недоброй памяти, министра Путятина съ его пресловутыми матрикулами... Дѣло было, конечно, не въ этихъ матрикулахъ, а въ убѣжденіи, что мы въ своей скромной долѣ дѣлаемъ общее дѣло, даемъ отпоръ первому дуновенію реакціи, въ убѣжденіи, что сдаваться передъ этой реакціей позорно. Не легко было на душѣ»... Авторъ, какъ извѣстно, не подчинился «дуновенію реакціи» и временно пожертвовалъ наукой. «Наука не ушла отъ меня—пишетъ онъ далѣе,—она никогда не уходитъ отъ тѣхъ, кто ее безкорыстно и непритворно любитъ; а что сталось бы съ моимъ нравственнымъ характеромъ, если бы я не устоялъ передъ первымъ испытаніемъ, если бы первая нравственная борьба окончилась компромиссомъ? Такой вопросъ за послѣдніе годы представлялся многимъ, и учащимъ и учащимся. Рѣшали его различно, но послѣдній годъ доказалъ, что громадное большинство въ академической средѣ не приняло компромисса, дорожа цѣльностью своего «нравственнаго характера». И наука—вернулась, свободная наука, свободное научное преподаваніе въ автономныхъ учрежденіяхъ, и если, еще не такъ давно, противники обновленія университета на началахъ самоуправленія выставляли аргументъ несоотвѣтствія «государства въ государствѣ» на различныхъ началахъ, то координація этихъ началъ можетъ произойти теперь на новой базѣ. До этого мы еще не дошли. Въ цитируемой статьѣ проф. Тимирязева, авторъ, между прочимъ, дѣлаетъ такой выводъ изъ проек-

тируемой реформы на началахъ народнаго представительства: «Она (т.-е. реформа) говоритъ: учись ты хоть всю жизнь, но если ты недостаточно благопріобрѣлъ,—не гражданинъ ты своей страны. А брось ты свое ученье, продай свои книги, купи негодный клокъ земли — и ты получишь хоть небольшой пай на право гражданства... Да, школа должна учить: трудись и учись,— этимъ ты будешь служить твоей странѣ; а жизнь за предѣлами школы говоритъ: гражданинъ не *трудящійся*, все равно мышцами или головой, гражданинъ—только *имущій*. Гдѣ же правда?» Врядъ ли у кого, при искреннемъ и добросовѣстномъ отношеніи къ вопросу, можетъ возникнуть сомнѣніе въ томъ—гдѣ эта правда должна быть. И только при условіи ея водворенія окажется плодотворной и нынѣ проводимая университетская реформа.

Ѳ. Батюшковъ.

ПО ПОВОДУ.

(Изъ жизни въ провинціи).

Предвыборная агитація.—Книжка-агитаторъ.—О политическомъ пространствѣ.—Фокусъ въ политическомъ пространствѣ.—Политика въ прочихъ мѣстахъ.

Положеніе о Государственной Думѣ опубликовано, и предвыборная агитація началась. Но, если положеніе характеризуется довольно единодушно, какъ только первый шагъ, то агитація, въ свою очередь, можетъ претендовать самое большее на шагъ на мѣстѣ. Топчутся,—вотъ основной моментъ въ настоящей дѣятельности нашихъ лучшихъ мѣстныхъ людей, излюбленныхъ головъ и пр. Топчутся съ весьма хладнокровнымъ видомъ и при этомъ занятіи, дабы оно не было пустымъ, питаютъ дерзкую мысль: ежели бъ къ положенію да свободу собраній, да еще свободу слова, да еще свободу печати... Но тутъ,— либо мысль теряетъ свою дерзновенность, либо коварно утаиваетъ, что при всѣхъ свободахъ и положенія бы такого не было,—слѣдуетъ обыкновенно фигура умолчанія. А затѣмъ, выдержавъ небольшую паузу, а то и безъ передышки, снова переходятъ къ очереднымъ занятіямъ,—ногами перебираютъ и, невинно глядя, вожделѣютъ:

— Ежели бъ къ положенію да свободу собраній, да...

Упорное равнодушіе, съ какимъ продѣлывается эта предвыборная кампанія, показываетъ ясно, что первый шагъ въ Государственную Думу не чрезвычайно спѣшатъ сдѣлать, какъ не спѣшатъ взвалить на себя еще одну новую обязанность. Впрочемъ, этотъ характеръ положенія усвоили себѣ и нѣкоторые,—правда, небольшіе,—изъяснители государственныхъ намѣреній на мѣстахъ, когда кричали на крестьянъ, что они «обязаны!» выбирать представителей. Близость ко всѣмъ прочимъ обязанностямъ еще болѣе усиливается отъ того, что положеніе ничего въ нихъ не измѣняетъ, но гармонически входитъ въ родственный кругъ. И только тогда начинаешь понимать, что это—право, когда узнаешь, что имъ безбоязненно можно *не пользоваться*.

Прецедентомъ въ опредѣленіи юридической природы «перваго шага» является московская предвыборная дѣятельность. Въ Москвѣ именно и обозначилась правовая сторона положенія. Такъ, городскіе агенты, которые опрашивали лицъ, владѣющихъ цензомъ для выборовъ въ Государственную Думу, нерѣдко получали на своихъ листкахъ надпись: «Не желаю участвовать въ избирательной кампаніи», «Игнорирую Государственную Думу». Любопытно, что особенно настаиваютъ на своемъ полномъ правѣ отказывать въ свѣдѣніяхъ представители московской бюрократіи и духовенство. Одно духовное лицо сдѣлало даже такую надпись: «Не желаю участвовать въ выборахъ въ Государственную Думу, считая сіе богопротивнымъ».

Вообще, Москва, гдѣ, какъ увѣряютъ, теперь особенно работаетъ политическая мысль, обнаружила всѣ богатства общественной жизни, вызванной предстоящими выборами.

Нѣсколько больше силъ на агитаціонную кампанію тратятъ въ юго-западномъ краѣ. Корреспонденты увѣряютъ даже, что избирательная борьба въ Кіевской губерніи обѣщаетъ быть страстной, что объясняется національнымъ различіемъ борющихся группъ. Главныя группы, по которымъ распредѣляются партіи,—русскіе, евреи и поляки. Къ сожалѣнію, кромѣ гадательныхъ предположеній, нѣтъ иныхъ данныхъ для сужденія о силахъ этихъ партій. Точно также неизвѣстно, по весьма понятнымъ причинамъ, какъ ведется агитаціонная дѣятельность среди болѣе радикальныхъ элементовъ этихъ владѣющихъ цензомъ слоевъ населенія. Какъ сообщаетъ «Русское Слово» (№ 240), несмотря на то, что поляковъ много среди крупныхъ землевладѣльцевъ, а евреи преобладаютъ въ городахъ, съ ихъ промыслами и торговлей, и, такимъ образомъ, часть выборщиковъ несомнѣнно будутъ поляки и евреи, — несмотря на это, обѣ эти національности потонутъ въ русскомъ большинствѣ губернскихъ избирательныхъ собраній. Что же изъ себя представляетъ русская партія? На кіевскомъ съѣздѣ ея представителей, говоритъ корреспондентъ «Рус. Слова», участвовало много крупныхъ землевладѣльцевъ и почти всѣ предводители дворянства. Предсѣдательствовалъ графъ А. А. Бобринскій. Съѣздъ принялъ программу, которая формулирована двумя словами: «законная прогрессивность». «Рѣшено, строго придерживаясь почвы законности, стремиться къ дальнѣйшимъ реформамъ, взявъ за базу законъ 6-го августа».

«Законная прогрессивность» есть вещь доброкачественная, особенно въ сравненіи съ «преступной прогрессивностью», если таковая имѣется. Но, другими словами, какъ поясняетъ программа, она выражается просто-на-просто въ положеніи о Государственной Думѣ. Слѣдовательно, кіевское большинство нагѣрено образоваться исключительно на почвѣ ценза, ибо о чемъ другомъ говоритъ законъ 6-го августа? Если дѣйствительно къ этой «базѣ» присоединяются, какъ думаютъ, всѣ русскіе земледладѣльцы, духовенство, крестьяне и даже часть поляковъ, то отсюда можно сдѣлать заключеніе все о томъ же повсемѣстномъ равнодушіи къ выборамъ. Какая ужъ тутъ страстная борьба, когда агитація ведется въ пользу... правилъ о выборахъ? Имъ и такъ всѣ выборщики обязаны подчиниться, независимо отъ своихъ программъ.

На основаніи этихъ фактовъ нельзя, разумѣется, предрѣшать характеръ будущей Государственной Думы. Весьма вѣроятно, что апатичная «законность» выборщиковъ—одна статья, а настроеніе выборныхъ — другая, и совсѣмъ не похожая на первую. Возможно, наконецъ, что и самимъ избирателямъ будетъ данъ какой-нибудь способъ оживиться.

* * *

Равнодушное отношеніе общества къ узаконенной уже государственной думѣ,—чему только отчасти способствуетъ невозможность вести подготовительную даже въ интересахъ думы агитацію, — и рядомъ съ этимъ чрезвычайное политическое напряженіе страны, — фактъ, показывающій, что, несмотря на всѣ преграды, «политика» гдѣ-то и кѣмъ-то дѣлается. Какъ ведется эта укромная агитація и во имя чего, объ этомъ, конечно, печать молчитъ. Но на поверхность газетныхъ листовъ всплываютъ порой таинственные факты, которые разгадать можетъ только русскій духъ. Самый незначительный поводъ вызываетъ странныя, на первый взглядъ, разсужденія и послѣдствія, которыя, однако, ясно говорятъ о скрытой сущности всѣхъ вещей. Если, напр., управленіе Рязанско-Уральской желѣзной дороги проситъ балашовскую земскую управу назначить своего представителя для участія въ засѣданіяхъ элеваторнаго комитета, то, казалось бы, что выдающееся могло бы отсюда произойти? Управа или посылаетъ своего представителя, или отказываетъ въ просьбѣ. Но такъ свойственно рѣшать уму поверхностному, не проникающему въ корень. Въ «Саратовскомъ Дневникѣ» помѣщенъ отвѣтъ управы, въ которомъ она увѣдомляетъ, что въ настоящее время въ Россіи есть одинъ лишь вопросъ, занимающій все вниманіе общества, это вопросъ о народномъ представительствѣ, поэтому управа сомнѣвается въ возможности найти желающихъ участвовать въ засѣданіяхъ элеваторнаго комитета. Это даже не отвѣтъ, а страстный упрекъ, и мы отказываемся вообразить себѣ смущеніе желѣзнодорожныхъ заправилъ, вниманіе которыхъ еще до сихъ поръ отвлекается видимостью русской жизни.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, отвѣтъ балашовской земской управы нельзя считать слѣдствіемъ односторонняго увлеченія. Мы можемъ отмѣтить подобнаго же рода характерные факты съ другой, оборотной стороны. Сотрудникъ «Саратовскаго Листка» приводитъ точно прозвѣренный случай. «На улицѣ драка: двое мастеровыхъ ожесточенно наносятъ другъ другу побои. Невдалекѣ стоитъ городовой, не трогаясь съ мѣста и съ олимпійскимъ спокойствіемъ созерцаетъ картину. Двое проходящихъ сочли необходимымъ указать городовому на необходимость активнаго вмѣшательства въ «инцидентъ».

— Это не наше дѣло!

— Какъ, не наше?

— Здѣсь ничего политическаго нѣтъ!»

Мы нарочно беремъ случаи совершенно незначительные, чтобы показать, насколько доминирующее настроеніе проникаетъ даже въ мелочи жизни и оказывается единственнымъ, вытѣснивъ всѣ другіе интересы. Ежели ужъ ковопусканіе не въ счетъ, разъ оно не «политическое», то что же слѣдуетъ

думать о дежурныхъ идеяхъ постового городового? Неужели и онъ сосредоточилъ свои помыслы на чемъ-нибудь въ родѣ народнаго представительства? И какъ бы измѣнилась картина, если бы побитый обратился къ нему съ требованіемъ защитить «неприкосновенность личности?» Упомянулъ бы именно два послѣднія слова, а не просто кричалъ бы «караулъ?»

Можно смѣло утверждать, что политическіе принципы играютъ у насъ роль пространства и времени, до того всеобъемлюще ихъ значеніе. И, если до сихъ поръ имъ отказываютъ въ правѣ на оффиціальное существованіе, то это совсѣмъ не мѣшаетъ политическому пространству и политическому времени накладывать властную печать на всѣ подобныя циркулярныя запрещенія. Чѣмъ опредѣленнѣе отрицаніе, тѣмъ яснѣе оно обнаруживаетъ существованіе тѣхъ или иныхъ политическихъ принциповъ и ихъ неизбѣжное участіе во всѣхъ явленіяхъ русской жизни. Къ сожалѣнію, наши исполнительные органы ничѣмъ не напоминаютъ собранія философовъ и не въ состояніи разрѣшить коренное противорѣчіе, въ которое впадаютъ. Объявляя самыя разнообразныя политическія представленія злоумышленной фикціей, не заслуживающей уваженія, они въ то же время весьма серьезно считаются съ ними, какъ съ реальной вещью. Само собой разумѣется, что такое себя подтачивающее мышленіе, въ концѣ концовъ, переходитъ въ маніакальную форму: попросту—исполнительнымъ духомъ овладѣваетъ боязнь политическаго пространства, своего рода политическая агорафобія. Послѣдствія такого заболѣванія неисчислимы и приводятъ къ невѣданнымъ сюрпризамъ. Чѣмъ инымъ, напр., можно объяснить слѣдующій оффиціальный документъ,—увѣдомленіе директора Петроковской женской гимназіи отъ 6-го февраля 1905 г. за № 118?

«Педагогическій совѣтъ Петроковской женской гимназіи имѣетъ честь увѣдомить васъ, М. Г., что дочь ваша Штуковская Янина, ученица приготовительнаго класса, уволена изъ гимназіи за *участіе въ манифестаціи* 19-го января 1905 г. въ зданіи гимназіи, на основаніи распоряженія г. попечителя Варшавскаго учебнаго округа отъ 3-го февраля 1905 г. за № 169, изложеннаго въ слѣдующихъ пунктахъ:

1 п. «Всѣ ученицы, такъ или иначе принявшія участіе въ подачѣ незаконныхъ петицій, увольняются изъ заведенія, при чемъ родители и опекуны учащихся увѣдомляются о семъ по почтѣ, съ указаніемъ, что личные документы ихъ дѣтей, по изготовленіи таковыхъ, будутъ препровождены черезъ посредство мѣстной полиціи».

3 п. «Смягченіе наложенныхъ наказаній, обратный пріемъ отдѣльныхъ ученицъ, въ случаѣ ходатайства о томъ родителей и опекуновъ, предоставляется рѣшенію педагогическаго совѣта, при чемъ постановленія педагогическихъ совѣтовъ по сему вопросу должны быть представлены на мое утвержденіе».

Завѣдующій гимназіею Ан. Залѣ... (неразборчиво).

Письмоводитель Мо... (неразборчиво).

Г. Богучарскій, сообщившій это въ «Нашей Жизни», подчеркиваетъ еще одну характерную подробность. «Доставленный мнѣ документъ, объ исключеніи Янины Штуковской,—пишетъ онъ,—печатный, и чернилами вставлены въ

немъ лишь классъ, имя и фамилія ученицы. Очевидно, изгнанія ученицъ изъ Петроковской гимназіи были настолько массовыми, что извѣщенія объ этомъ родителей и опекуновъ потребовалось по единой формѣ напечатать. Директору оставалось только вставлять фамиліи ученицъ (да и то дѣлалъ, конечно, писарь), да «подмахивать» свое доблестное имя».

Бѣдная «приготовишка», напугавшая своимъ политическимъ объемомъ педагогическій персоналъ!

Бьется съ пространствомъ и временемъ не одна только исполнительная власть. Всѣ, кто не можетъ взять въ толкъ формирующаго момента общественно-политическихъ принциповъ, страстно ополчаются противъ непонятной имъ силы. Въ этомъ смыслѣ интересный конфликтъ разыгрался въ Петровскомъ земствѣ Саратовской губерніи. Экономическій совѣтъ, учрежденный при управѣ, выработалъ резолюцію о націонализаціи земли. Разсмотрѣнная въ экстренномъ земскомъ собраніи, резолюція привела къ столкновенію различныхъ теченій въ Петровскомъ земствѣ и вызвала грозную обвинительную рѣчь г. Кропотова, извлеченія изъ которой мы и приводимъ.

«О нуждахъ крестьянъ заботится и правительство, и земство въ лицѣ земскаго собранія,—но не экономическій совѣтъ. И не дѣло его заниматься составленіемъ такихъ резолюцій, вполнѣ понять и оцѣнить которыя можетъ только тотъ, кто испытываетъ послѣдствія ихъ на себѣ. Управа пустила эту резолюцію по уѣзду, она была прочитана на сельскихъ сходахъ. Въ этомъ я вижу не только нарушеніе правъ, но попытку къ нарушенію порядка. И не дѣло управы заниматься такими дѣлами.

Скажу по существу. Здѣсь не было ничего случайнаго, все было подготовлено. Здѣсь дѣйствовали элементы, служащіе въ земствѣ... и нѣкоторыя постороннія лица. Вотъ уже около года длится эта постоянная скачка служащихъ изъ одного конца уѣзда въ другой... на сходки. Развозятся какія-то бумаги, собираются подписи. Намъ, подъ соусомъ постановленій санитарнаго совѣта, преподносятъ какую-то жалобу на общіе порядки. И фактовъ о дѣятельности служащихъ земства—я имѣю много.

Дыма безъ огня не бываетъ. Мы знаемъ, какъ гг. ветеринары ѣздили въ лѣса на совѣтъ съ крестьянами, и результаты теперь на лицо. Никогда не достанешь ветеринара; ему либо некогда, либо его дома нѣтъ. Конечно, когда же ему быть дома при столь разнообразныхъ занятіяхъ!..

Я думаю,—каждый человѣкъ долженъ творить волю пославшаго его. Разъ онъ не дѣлаетъ этого, а исполняетъ лишь желанія случайныхъ проходимцевъ, ему не должно быть мѣста въ учрежденіи, съ которымъ онъ не хочетъ считаться» («Сарат. Лист.»).

«Мы знаемъ!»—доносительно провозглашалъ г. Кропотовъ. А г. Фокинъ пошелъ еще дальше и вновь открытое въ Саратовской губ. политическое пространство обслѣдовалъ точнѣе.

«Самая резолюція,—доложилъ собранію сей изыскатель,—представляетъ изъ себя ни больше ни меньше, какъ программу соціалистовъ-революціонеровъ, принятую теперь управой».

Точь-въ-точь, какъ за Колумбомъ, открывшимъ Америку, послѣдовали въ новую землю и прочіе путешественники—авантюристы. Сходство г. Кропотова съ Колумбомъ еще болѣе усиливается, когда вспомнишь, что оба путешественника, и саратовскій и испанскій, двинулись въ путь, такъ сказать, по своей надобности, ничего не подозрѣвая о новомъ свѣтѣ. Г. Кропотовъ искалъ ветеринаровъ,—и, вдругъ, Америка, революція, программа! Открытіе ошеломило почтенное собраніе, которое пребывало въ полной увѣренности, что земля ихъ плоска и, если есть на ней какая-нибудь «политика», то она вся на виду. Но за то же саратовскій Колумбъ и былъ вознагражденъ. Большинствомъ 20 противъ 8 управѣ выражено порицаніе и недовѣріе. Послѣ этого управѣ только и оставалось, что передать предсѣдателю прошеніе объ отставкѣ. За управой послѣдовали и земскіе служащіе. Такимъ образомъ, искоренено вновь открытое политическое пространство въ Саратовской губ.,—обычная манера всѣхъ путешественниковъ. И стоятъ въ петровскомъ земствѣ гг. Кропотовъ и Фокинъ, какъ Мининъ и Пожарскій на московской площади, а вокругъ нихъ распространено... все тоже пространство.

Да что г. Кропотовъ! Въ сущности, если подумать хорошо, что онъ сдѣлалъ? Открылъ Америку послѣ того, какъ ее повсемѣстно открываютъ. Да нынче корова, неразумное животное,—и та не можетъ иначе пастись, какъ только на политическомъ пространствѣ, и ничуть этимъ не гордится. 22-го августа, какъ сообщаетъ «Риж. Вѣстн.», въ феллинскомъ уѣздѣ нѣкоторая корова, пасшаяся въ полѣ,—неизвѣстно, для простого ли насыщенія, или поѣдая траву изъ высшихъ политическихъ соображеній, такъ сказать, выполняя общую повинность въ натуральной формѣ,—проглотила, какъ думаютъ, бомбу или петарду, а, можетъ быть, и прокламацію. Впечатлѣніе, полученное коровой, было достаточно сильно, ибо въ ея рту произошелъ взрывъ. Но славы она не заслужила. Ее тотчасъ же зарѣзали, и въ присутствіи уѣздной полиціи ветеринарный врачъ произвелъ вскрытіе. Установить внутреннюю политическую природу коровы не удалось, а только и нашли, что языкъ у нея разорванъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, челюсти обнажены отъ мяса, да въ ранахъ обрывки бумаги съ небольшими камнями и кусочками проволоки. И еще у самой дороги, гдѣ все это случилось, строгое слѣдствіе усмотрѣло слѣды двухъ велосипедистовъ,—«здѣсь они остановились, свернули съ колеи дороги и затѣмъ снова уѣхали дальше». Такъ и погибла корова, оставивъ всѣхъ въ неизвѣстности насчетъ истинныхъ своихъ намѣреній.

* * *

Слѣдуетъ признать, что появилось все же и много просвѣщенныхъ лицъ, которыя съ большимъ удобствомъ вмѣстили въ своей головѣ и политическое пространство и политическое время, и безъ всякаго ущерба для своего міровоззрѣнія и кармана аккуратно мыслятъ при помощи новыхъ категорій. Можно ихъ поздравить,—они многому научились.

Грозныя кавказскія событія, которыя съ такой ужасающей силой обрушились съ 20-го августа на Баку и сдѣлали этотъ городъ ареной гражданской войны, произвели, какъ извѣстно, сильное опустошеніе на промыслахъ, и

потому были восприняты нефтепромышленниками съ особенной чувствительностью. Отъ избытка чувствъ и уста ихъ возглаголали.

Г. Нобель, одинъ изъ крупнѣйшихъ предпринимателей на Кавказѣ, велъ такую рѣчь предъ сотрудникомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» *).

«За послѣдніе 8—9 мѣсяцевъ въ Бакинскомъ раіонѣ все шло къ тому террору, который воцарился теперь. «Борьба за трудъ» достигла крайнихъ предѣловъ. Агитація широко развивалась. Крайніе элементы, выставивъ опредѣленную соціально-политическую программу, сумѣли увлечь за собой одну часть массы, другую же терроризировали. Еще 6-го декабря депутаты рабочихъ заявили намъ, что они «доведутъ борьбу до конца», что здѣсь, въ малой средѣ, они покажутъ проявленія своего могущества и до удовлетворенія ихъ жажды широкихъ соціально-политическихъ реформъ они не успокоятся. Вопросъ былъ поставленъ ребромъ: «Нефть или реформу!» «Реформу», о которой шла рѣчь, мы дать не могли; это вполнѣ внѣ нашихъ возможностей и... у насъ взяли нефть. «Организація» рабочихъ поражала своей дисциплиной. Мы не могли выстроить новаго завода, произвести самыхъ обыкновенныхъ работъ безъ мысли о томъ, какъ къ этому отнесется «организація». Если изъ 700 рабочихъ являлись на работу 650, а 50 рѣшили «бастовать», то и всѣ 650 бросали работу. Изъ Баку уже давно разбѣжались. Населеніе было терроризовано. Всѣ ждали катастрофы. Она разразилась. Никакихъ мѣръ противодѣйствія развивавшейся агитаціи не предпринималось, для охраны промысловъ ничего не было сдѣлано. Власти не было».

Г. Нобель, какъ видимъ, не дѣлаетъ открытія Америки, а, напротивъ, онъ давно, еще съ декабрьской забастовки, призналъ существованіе и силу политическихъ условій и принциповъ, и поэтому событія для него не явились неожиданными. Но какія событія? Щеголяя своимъ знаніемъ нашего времени и его центральнаго нервнаго узла, г. Нобель напустилъ столь много политическаго пространства, что въ его необъятной шири, весьма искусно и самъ притаился, и всѣхъ нефтепромышленниковъ спряталъ, и даже самую суть событій, татаро-армянскую войну, скрылъ. Надо отдать справедливость г. Нобелю: фокусъ сработанъ имъ хорошо. Сначала онъ показываетъ почтеннѣйшей публикѣ бакинскихъ капиталистовъ и рабочихъ въ ихъ взаимной борьбѣ, какъ это было въ декабрѣ прошлаго года. Публика глядитъ,—вѣрно капиталъ противъ труда. Но, вспомнивъ только для начала и вскользь о капиталистической эксплоатаціи, фокусникъ поспѣшилъ набросить на свою группу платокъ и сталъ занимать почтеннѣйшихъ зрителей разговорами. Изъ разговоровъ выяснилось, что капиталисты тутъ не при чемъ, а все дѣло въ «агитаціи», «соціально-политической программѣ» и, главное, въ «реформахъ», т.-е. въ общихъ политическихъ условіяхъ. И въ самомъ дѣлѣ,—ein, zwei, drei,—платокъ сдергивается, капитала и возбуждаемаго имъ соціальнаго тренія нѣтъ, а предъ глазами публики общій политическій туманъ и рабочіе, производящіе въ немъ «катастрофу» и «терроръ». Общее изумленіе: а какъ же быть съ національной враждой,

*) См. №№ отъ 26-го августа.

съ войной между татарами и армянами? «Національный вопросъ,—отвѣчаетъ г. Нобель,—здѣсь разгорѣлся вполнѣ случайно». Ибо самое важное для нефтепромышленниковъ то, что ихъ вышки сгорѣли, промысла есть вещь, а прочее все—гиль. Любопытно, что увлекшись фокусомъ, какъ бы обвинить во всемъ происшедшемъ рабочихъ, какъ *классъ*, борющійся за лучшія *политическія* условія, г. Нобель успѣлъ позабыть ему, навѣрное, хорошо извѣстную записку бакинскихъ нефтепромышленниковъ, представленную министру финансовъ. Записка выясняетъ чудовищный фактъ: охрана промысловъ и ихъ населенія, въ виду «безпомощности» полиціи, была передана нефтепромышленниками «съ подряда» за помѣсячную плату тѣмъ же разбойникамъ, состоящимъ изъ жителей селеній Балахны, Сабунчи, Романы и Забратъ, противъ которыхъ и учреждалась охрана. И, обращаясь къ «неотложнымъ мѣрамъ для возстановленія спокойствія и для предотвращенія на будущее время подобныхъ событій», записка считаетъ необходимымъ очищеніе промысловой площади отъ «опасныхъ элементовъ» (угадайте, рабочихъ?), которыми «несомнѣнно должно считаться сельское населеніе Балахановъ, Сабунчей, Романовъ и Забрата, представляющее изъ себя разбойничьи и воровскія гнѣзда». Какъ выясняются теперь подробности бакинскихъ ужасовъ, значительное участіе въ разграбленіи и уничтоженіи промысловъ играла именно эта разбойничья охрана, учрежденная самими нефтепромышленниками.

Но, очевидно, гг. бакинскіе предприниматели скоро спохватились и сообразили, что при такомъ истинномъ объясненіи собственнаго разгрома имъ не на кого плакаться, развѣ только на себя же за мудрую выдумку создать корпусъ охранителей-разбойниковъ. И тутъ къ ихъ услугамъ является г. Нобель со своей ловкостью рукъ и умѣньемъ отвлекать вниманіе публики современными разговорами. Нефтепромышленниковъ и ихъ разбойничью креатуру незамѣтно выдернулъ, рабочихъ (надо замѣтить, совершенно разорившихся въ августовскіе дни) вставилъ, все покрылъ политическимъ туманомъ въ самомъ либеральномъ видѣ и предлагаетъ:

«Необходимо уничтожить нетерпимую слабость власти. Войскъ въ районѣ почти нѣтъ. Анархія царитъ полновластно. Необходимо усиленіе власти, охрана личной и имущественной безопасности и, конечно, «реформа, которая могла бы успокоить раіонъ и страну«.

А нефтепромышленники, которые съ большимъ удовольствіемъ вошли цѣликомъ въ политическое пространство такъ, что даже скромно исчезли въ немъ, ни одного рабочаго не затронувъ,—совсѣмъ вынырнули изъ него, какъ невинныя жертвы этого общаго политическаго состоянія. И, какъ жертвы, они «молятъ и требуютъ помощи, субсидій, облегченій. «Политика», ежели ея не бояться, а бойко разсуждать, даже и очень помогаетъ. Особенно буржуазіи.

Г. Нобель, весьма впечатлительный относительно экономическихъ раздраженій, очевидно, мало чувствителенъ къ юмористическому положенію, въ которое онъ попалъ. А между тѣмъ, всѣ его пріемы и вольты чрезвычайно забавны, хотя бы по одному тому, что онъ слишкомъ много солидной серьезности

внесъ въ свое представленіе. Впрочемъ, онъ, можетъ быть, и не подозрѣваетъ, что шутилъ? Въ такомъ случаѣ, обращаемъ вниманіе г. Нобеля и всѣхъ нефтепромышленниковъ, иже съ нимъ, на слѣдующую анекдотическую быль.

Фельдшеръ одного изъ тифлисскихъ госпиталей, Гармонкинъ, человѣкъ, совершенно чуждый всякой «политики», шелъ однажды вечеромъ изъ города въ госпиталь достаточно навеселѣ. Его, какъ пьянаго, остановили городовые и стали тащить въ участокъ. Гармонкинъ упирается, но противъ троихъ ничего не можетъ подѣлать. И вотъ, въ его разгоряченной винными парами головѣ, мелькнулъ планъ спасенія:

— Сицилисты, выручайте., бомбы сюда!—заоралъ онъ на всю площадь *).

Надѣемся, что нефтепромышленники узнаютъ этотъ пріемъ самозащиты, употребленный пьянымъ человѣкомъ? И, если они смѣются надъ выходкой Гармонкина, то во сколько же разъ громче долженъ онъ смѣяться надъ ними, въ серьезъ призывающими «сицилистовъ»? Дальнѣйшая судьба Гармонкина не менѣе поучительна, чѣмъ начало его политической карьеры. Вмѣсто того, чтобы исчезнуть въ напущенномъ имъ политическомъ туманѣ, Гармонкинъ попалъ въ худшую исторію: налетѣли казаки и патрули, схватили несчастнаго, попробовавшаго произвести нефтепромышленный фокусъ, и водворили въ караульную. Здѣсь онъ двѣ недѣли до выясненія дѣла массировалъ ногу караульному начальнику, а затѣмъ, по предписанію, былъ препровожденъ въ тюремный замокъ подъ усиленнымъ конвоемъ, къ величайшему изумленію своему и начальника, и даже ноги начальника, которой стало лучше. Теперь Гармонкинъ, какъ важный государственный преступникъ, ждетъ рѣшенія своей участи.

Разница въ судьбѣ двухъ фокусниковъ значительная. Оба невинно пострадали,—по крайней мѣрѣ, нефтепромышленники такъ о себѣ думаютъ. Оба пожелали выпутаться изъ своихъ злоключеній. Оба призвали на помощь «крайніе элементы», по деликатному выраженію г. Нобеля, дабы въ общихъ политическихъ условіяхъ нашей жизни исчезнуть безъ слѣда со своими малыми и крупными грѣхами. Но одинъ былъ просто г. Гармонкинъ, а другой—г. Нобель. Одинъ спасалъ свой животъ, а другой—карманъ. И въ результатѣ, одинъ, вѣроятно, получилъ субсидію, а другого... можетъ быть, и помилуютъ. Ина слава лунѣ, ина слава звѣздѣ, и звѣзда отъ звѣзды разнствуютъ въ славѣ. И еще одна мораль: шутка, подкрѣпляемая крупнымъ капиталомъ, становится весьма серьезнымъ развращеніемъ, а безъ онаго подкрѣпленія она—преступленіе.

Выяснивъ разницу между г. Нобелемъ, который свободно можетъ превращаться въ г. Гармонкина, и г. Гармонкинымъ, который пойманъ въ преступномъ намѣреніи превратиться въ г. Нобеля, мы теперь можемъ обратиться къ страдательной группѣ въ нефтепромышленномъ фокусѣ, къ рабочему классу. Можно было бы ограничиться признаніемъ бакинскихъ капиталистовъ, что самымъ опаснымъ элементомъ въ Баку является вооруженная ими разбойничья

*) См. корреспонденцію „Биржев. Вѣдом." (отъ 13 сент.) изъ Тифлиса.

охрана. Но для полноты картины не мѣшаетъ привести и голоса самихъ рабочихъ. На засѣданіи техническаго общества 30 августа весьма оживленныя пренія вызвалъ вопросъ, можно ли приступить къ работамъ.

Представитель рабочаго класса. Мы здѣсь собрались, какъ продажная рабочая сила. Я заявляю, что работать нѣтъ никакой возможности. На Биби-Эйбатѣ ходятъ вооруженныя банды. Всѣ техники, всѣ рабочіе не должны приступать къ работамъ до тѣхъ поръ, пока эти банды не будутъ разоружены.

Кто-то изъ техниковъ. Намъ стыдно выслушивать подобное предложеніе отъ представителя рабочаго класса; мы сами должны были его сдѣлать... *).

Такимъ образомъ, и рабочіе жалуются на тѣ же разбойничьи банды... И постановленіе техническаго общества, подписанное всѣми присутствующими, ясно подчеркиваетъ, что именно мѣшаетъ имъ работать, и отъ кого зависитъ сдѣлать работу безопасной.

Наконецъ, что касается утвержденія г. Нобеля, что и національный вопросъ подлежитъ туда же, къ рабочему классу, раздѣленному на русскихъ, армянъ и татаръ, то многочисленные факты и заявленія изъ разныхъ концовъ Россіи по разнымъ поводамъ достаточно, намъ кажется, убѣдили всѣхъ скептиковъ, что рабочіе, объединенные въ плановомъ самосознаніи, (а ихъ-то и имѣетъ въ виду г. Нобель), чужды націоналистическихъ тенденцій. Мы приведемъ одно изъ самыхъ послѣднихъ свидѣтельствъ этого рода, энергичную отповѣдь керченскихъ рабочихъ всѣмъ лгунамъ, распространяющимъ слухи, что въ бывшемъ въ Керчи погромѣ участвовали и рабочіе.

«Русскіе рабочіе не могутъ питать ненависти и племенной вражды къ евреямъ, потому что за рабочимъ станкомъ, изо дня въ день, мы трудимся въ потѣ лица вмѣстѣ съ товарищами-евреями. Вмѣстѣ съ ними одинаково испытываемъ нужду, вмѣстѣ боремся противъ гнета капиталистовъ и съ ними же рука объ руку надѣемся достичь намѣченныхъ рабочимъ классомъ цѣлей. Мы, русскіе рабочіе, не знаемъ національной розни, и человѣконенавистничество намъ неизвѣстно. Всѣхъ насъ: русскихъ, евреевъ, поляковъ, магометанъ, армянъ и др.—объединяетъ рабочій станокъ и общая цѣль. Мы возмущены подлой клеветой, которая распускается о насъ тѣми негодяями, которые сами устроили погромъ и теперь хотятъ къ своей мерзкой «работѣ» присоединить и насъ, запятнать имя русскаго рабочаго». («Южн. кур.»)

Nomine mutato de vobis fabula narratur, гг. бакинскіе нефтепромышленники.

І. Ларскій.

---

*) „Баку“ № 110.

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННАГО МНѢНІЯ ВЪ АНГЛІЙСКОМЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВѢ.

(Дайси „Законъ и общественное мнѣніе въ Англіи“ 1905).

I.

Далеко не въ каждой странѣ законодательство зависитъ отъ общественнаго мнѣнія. Чтобы послѣднее возникло, необходимо раньше имѣть общество и при томъ общество мыслящее. Общественное мнѣніе это не искусственно создаваемая вещь, а плодъ высокаго соціальнаго развитія. Общественное мнѣніе можно поддѣлать, можно поворотить въ ложную сторону, но его нельзя создать изъ ничего. Для своего развитія оно требуетъ богатой почвы, полной орошенія и животворныхъ началъ; оно требуетъ безпрестанной работы и движенія. Въ застоявшемся и заболотившемся народѣ люди руководствуются не мышленіемъ, не волей, а привычками и обычаями. Они живутъ «по—старому», такъ, какъ живали ихъ дѣды и прадѣды, и вмѣсто общественнаго «мнѣнія», у нихъ можно скорѣе открыть общественный инстинктъ, выработанный вѣками сонливой жизни. Этотъ инстинктъ, который иные принимаютъ за мнѣніе, всегда одинъ и тотъ-же; онъ не мѣняется, не знаетъ колебаній, или новыхъ направленій. Какъ стадо овецъ, народъ безъ общественнаго мнѣнія, но съ общественнымъ «инстинктомъ», претъ, такъ сказать, всегда въ одну сторону, не смотря на явную опасность для его жизни. Обыкновенно инстинктъ всякаго заснувшаго народа выражается во враждебности ко всякимъ новшествамъ, ко всякимъ перемѣнамъ въ государственномъ устройствѣ, въ обычаяхъ и привычкахъ. Таковы народы во многихъ восточныхъ странахъ. Такія страны обходятся безъ реформъ. Если же послѣднія и производятся, то лишь благодаря предпріимчивости какой нибудь исключительно сильной личности, въ родѣ Петра Великаго.

Но даже тамъ, гдѣ есть общество, а не стадо, и гдѣ голосъ этого общества раздается громко, общественное мнѣніе не всегда вліяетъ на законодательство. Для того, чтобы оно вліяло, необходимо еще, чтобы законодательная машина была въ рукахъ общества. И въ до-революціонной Франціи существовало широкое и громкое общественное мнѣніе. Однако, отсутствіе подходящей формы правленія, которая бы непосредственно отзывалась на запросы французской націи, обращало это мнѣніе въ гласъ вопіющаго въ пустынѣ, и перемѣны были достигнуты не мирнымъ порядкомъ, а путемъ кровавыхъ насилій.

Несовершенство законодательной машины является отчасти причиной отсталости жизни и въ современной Германіи, гдѣ общественное мнѣніе, гораздо болѣе прогрессивное, чѣмъ существующій тамъ общественный и государственный строй, въ сущности безсильно что-нибудь сдѣлать, благодаря тому, что законодательная власть лишь въ слабой степени находится въ рукахъ общества. Какъ извѣстно, не только министры не зависятъ тамъ отъ парламентовъ, но даже выборы въ рейхстагъ, происходящіе на основаніи всеобщаго избира-

тельнаго права, вслѣдствіе крайней несоразмѣрности городскихъ и сельскихъ избирательныхъ округовъ, даютъ совершенно неравномѣрное и не соотвѣтствующее численности населенія представительство.

Даже въ Англіи, въ классической странѣ господства общественнаго мнѣнія, послѣднее имѣло гораздо меньшее, чѣмъ нынѣ, вліяніе во времена до-реформеннаго парламента. Недостаточное, если не сословное, все-же одностороннее, мнимое народное представительство всегда и вездѣ является плохимъ проводникомъ общественнаго мнѣнія и общественныхъ идей въ жизнь, и многіе десятки лѣтъ проходили въ Англіи въ полнѣйшемъ застоѣ и ничего недѣланьи только потому, что парламентъ былъ въ рукахъ людей, владѣющихъ разными «гнилыми городами», т. е. правомъ назначать представителей отъ имени населенія нѣкоторыхъ участковъ.

Настоящую свою силу общественное мнѣніе пріобрѣтаетъ въ Англіи, лишь начиная съ 1832 года, т. е. со времени введенія новаго порядка парламентскихъ выборовъ. Съ тѣхъ поръ малѣйшая перемѣна въ общественномъ мнѣніи сейчасъ-же сказывается въ отнòшеніяхъ парламента къ соотвѣтственному вопросу, и законодательство страны начинаетъ служить отпечаткомъ пути, по которому двигаются господствующія желанія, стремленія и понятія англійскаго общества. Именно разсмотрѣніемъ этого пути и занялся профессоръ Дайси въ только что изданной имъ книгѣ «Законъ и общественное мнѣніе въ Англіи».

Конечно, законодательная машина въ Англіи и теперь далеко не совершенна. Палата общинъ и теперь переполняется людьми, имѣющими очень малое нравственное, хотя и вполнѣ юридическое право считаться народными представителями, а палата лордовъ признается анахронизмомъ даже друзьями ея. Благодаря однако многовѣковой политической жизни, привычкѣ къ открытой борьбѣ партій и самому широкому мѣстному самоуправленію, восходящему до сѣдой древности, многіе явные изъяны въ парламентской машинѣ играютъ здѣсь меньшую роль, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и въ то время какъ въ другихъ странахъ такіе недостатки и несовершенства постоянно нарушали бы мирное теченіе жизни и то и дѣло приводили бы къ столкновеніямъ и катастрофамъ, въ Англіи они производятъ лишь легкую рябь на поверхности политической жизни и лишь въ слабой степени мѣшаютъ дѣйствію общественнаго мнѣнія на законодательство. Это дѣйствіе сказывается въ Англіи двоякимъ путемъ: черезъ парламентъ и черезъ судъ. Какъ извѣстно, въ Англіи судебныя толкованія законовъ, особенно обычнаго права заходятъ такъ далеко и считаются настолько священными, что если они не были сейчасъ-же опровергнуты высшей инстанціей по апелляціи, они дѣлаются обязательными прецедентами для другихъ судей и для всѣхъ инстанцій. Дайси, будучи самъ юристомъ и увлеченный своей спеціальностью, отводитъ очень много мѣста этой сторонѣ англійскаго законодательства, прослѣживая зависимость его отъ общественнаго мнѣнія. Однако, какъ ни увлекаться и какъ ни преувеличивать значенія такъ называемаго «Iudge—made Law» (право, установленное на основаніи судебныхъ приговоровъ), все-же въ сравненіе съ парламентскимъ зако-

нодательствомъ роль его ничтожна. Въ концѣ-концовъ парламентъ можетъ, если онъ хочетъ, устранить и любой «судебный прецедентъ», отмѣнить его всецѣло или, наоборотъ, санкціонировать его своей властью. Высшимъ законодателемъ все же остается одинъ парламентъ, и вотъ почему, желая подѣлиться здѣсь съ читателемъ главными аргументами и фактами, изложенными въ высшей степени интересной книгѣ Дайси, я совершенно оставлю въ сторонѣ вліяніе общественнаго мнѣнія на «Iudge—made Law» и ограничусь лишь связью, существующей между общественнымъ мнѣніемъ и парламентомъ.

II.

Въ общемъ, можно сказать, что общественное мнѣніе въ такой культурной странѣ, какъ Англія, рѣзкихъ крайностей не знаетъ. Оно всегда умѣренно. Крайнія, хотя и вполнѣ логически построенныя и, быть можетъ, правильныя по существу теоріи особеннаго вліянія на законодательство въ Англіи не имѣли. Какъ индивидуализмъ первой половины XIX вѣка, такъ и коллективизмъ послѣдней четверти его находили свое выраженіе въ обществѣ лишь въ очень умѣренной степени. Общественное мнѣніе создается здѣсь не теоріями, а обстоятельствами времени и мѣста. Теоріи имѣютъ, конечно, свое значеніе, но вліяніе ихъ вполнѣ зависитъ отъ того, на какую почву онѣ падаютъ.

Поразительный примѣръ вліянія мѣстныхъ условій представляетъ намъ борьба за освобожденіе негровъ въ Америкѣ. Мысль объ освобожденіи негровъ была одинаково знакома, какъ въ южныхъ штатахъ, такъ и въ сѣверныхъ. Въ обѣихъ этихъ частяхъ Сѣв. Америки исповѣдывалась одинаковая религія и политическія учрежденія были одинаковы. Свобода печати и слова существовала одинаково и тамъ, и тутъ, и проповѣдь освобожденія могла проникнуть въ гнѣздо рабства, на плантаціи и въ рабочія казармы Юга, какъ и въ церкви, и въ общественныя залы Сѣвера. Однако, въ то время, какъ между 1783 и 1861 годами рабство совершенно исчезло въ сѣверныхъ штатахъ, оно обратилось чуть ли не въ «коренную основу» государственнаго устройства на Югѣ. Очевидно, дѣло тутъ было не столько въ теоріи, сколько въ особыхъ мѣстныхъ условіяхъ Сѣвера и Юга. Житель Нью-Іорка, Моссачусетса или Вермонта просто не нуждался въ рабѣ-негрѣ. Онъ отлично могъ обойтись безъ него. Плантаторъ же или житель Юга смотрѣлъ на негрскій трудъ, какъ на необходимое условіе своего существованія, и отсюда его убѣжденіе въ умѣстности и справедливости рабства чернокожихъ, въ политически свободномъ государствѣ бѣлокожихъ.

Столь же, конечно, велика была зависимость общественнаго мнѣнія Англіи отъ мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ по вопросу о свободѣ торговли въ началѣ 40-хъ годовъ XIX вѣка. Ученіе о свободѣ торговли было въ первый разъ провозглашено въ Англіи Адамомъ Смитомъ. По существу, ничего къ этому ученію нельзя было прибавить. Меркантилизмъ былъ безповоротно сброшенъ съ пьедестала и разбитъ въ дребезги. «Покровительственная» политика была безпощадно изобличена, какъ вредная и несправедливая. И, однако,

прошло 70 лѣтъ («Богатство народовъ» Ад. Смита вышло въ 1776 г., а отмѣна хлѣбныхъ пошлинъ послѣдовала въ 1846 г.) раньше, чѣмъ свобода торговли была признана парламентомъ. И была она признана въ 1846 г. именно потому, что къ этому времени образовались такія обстоятельства, которыя очень благопріятствовали воспріимчивости общества къ идеѣ свободы торговли.

Сила обстоятельствъ столько же, сколько и политическая теорія, была виновата въ разницѣ взглядовъ на избирательную реформу парламента, принятую въ 1832 г. «Нѣтъ основанія думать,—говоритъ Дайси,—чтобы англійскіе землевладѣльцы (сквайры) въ 1830 году были менѣе патріотичны, чѣмъ промышленники, или менѣе ихъ способны понять аргументы за или противъ реформы. А между тѣмъ, всѣмъ извѣстно, что землевладѣльческій классъ принадлежалъ къ торіямъ и противникамъ избирательной реформы, а промышленный—къ радикаламъ и сторонникамъ ея. Обстоятельства являются творцами убѣжденій у большинства людей».

Несомнѣнно, что личные или классовые интересы часто ослѣпляютъ человѣка и заставляютъ его думать, что онъ искренно вѣритъ въ правоту своихъ взглядовъ, въ то время, какъ на самомъ дѣлѣ онъ руководствуется шкурными интересами. Общественное мнѣніе, поэтому, хотя и черпаетъ свое начало изъ какой-либо идеи, брошенной міру великимъ и оригинальнымъ умомъ, дѣлается настоящей практической силой лишь благодаря подходящей обстановкѣ. Этимъ, вѣроятно, и объясняется крайняя медленность въ развитіи общественнаго мнѣнія въ Англіи по тому или другому вопросу. Обычный порядокъ этого развитія, по мнѣнію Дайси, слѣдующій: сначала въ чьей-либо головѣ зарождается мысль. Мысль эта находитъ нѣсколькихъ сторонниковъ. У мыслителя образовывается кружокъ учениковъ, которые начинаютъ усердно пропагандировать ученіе своего учителя. Знакомство съ новой идеей распространяется, пока она не овладѣваетъ умомъ какого-нибудь государственнаго дѣятеля, политическаго вождя, пользующагося авторитетомъ въ своей партіи и поддержкой народа. Тогда мысль сразу переносится изъ книжнаго или теоретическаго міра на практическую почву. Но этого еще мало. Какъ вопросъ законодательства, какъ предметъ партійной борьбы, она должна опираться еще на существующія въ данное время условія соціально-экономической жизни. Лишь имѣя за собою эти условія, новая мысль, успѣвшая, быть можетъ, уже и состариться и сдѣлаться труизмомъ, получаетъ санкцію парламента и осуществляется въ жизни, иногда, благодаря разнымъ встрѣчнымъ или противнымъ толкамъ, очень даже неполно.

Мы уже, напримѣръ, видѣли, что требовалось 70 лѣтъ для созданія общественнаго мнѣнія, разрушившаго протекціонизмъ въ Англіи. Нужно было почти столько же времени для осуществленія мысли Берка, доказывавшаго необходимость политической эмансипаціи католиковъ. Ученіе Бентама о крайней важности для цѣлей правосудія допустить показанія заинтересованныхъ сторонъ нашло себѣ полное осуществленіе въ англійскомъ судопроизводствѣ лишь въ 1898 г., т.-е., опять-таки около 70 лѣтъ послѣ изданія «Rationale

of Judicial Evidence». Если судить по этимъ примѣрамъ, какъ и нѣкоторымъ другимъ, можно, пожалуй, сказать, что семьдесятъ лѣтъ является обычнымъ періодомъ времени, необходимаго въ Англіи для полнаго созрѣванія общественнаго мнѣнія.

Требуя для своего созрѣванія такого продолжительного времени, не удивительно, что общественное мнѣніе, а вмѣстѣ съ нимъ, парламентское законодательство въ Англіи часто сильно опаздываетъ, и въ то время, какъ парламентъ принимаетъ законъ подъ вліяніемъ одного теченія, въ нѣдрахъ общества начинаетъ зарождаться уже новое теченіе, противоположное первому. Какъ на примѣръ «опаздыванія» въ законодательствѣ Англіи, можно указать на законъ о ростовщичествѣ. Дѣйствуя еще подъ вліяніемъ Бентама, издавшаго свою защиту ростовщичества въ 1816 г., англійскій парламентъ отмѣнилъ законы, стѣснявшіе ростовщиковъ, лишь въ 1854 году. Но въ это время уже вполнѣ опредѣленно стало укореняться убѣжденіе въ правѣ и необходимости для государства вмѣшиваться въ экономическія отношенія гражданъ, вступаясь за слабыхъ и ограничивая дѣятельность сильныхъ, т. е. стало распространяться ученіе, совершенно противоположное индивидуализму Бентама, и это ученіе нашло себѣ, наконецъ, выраженіе въ законѣ 1900 года, установившемъ вновь ограниченія для дѣятельности ростовщиковъ.

Такимъ образомъ, можно сказать, что, хотя общественное мнѣніе въ Англіи является безусловнымъ руководителемъ законодательства, оно само далеко не является полнымъ выразителемъ своего времени. Конечно, предпринимая реформу, законодатели дѣйствуютъ подъ впечатлѣніемъ, что они вносятъ улучшеніе въ настоящую жизнь, но въ то же время ихъ впечатлѣніе составляетъ лишь отраженіе прошлаго, усвоенное подъ вліяніемъ иногда давно высказанныхъ идей, потерявшихъ въ настоящее время уже свою прежнюю силу. Но въ то же время слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ, свою очередь, законъ вліяетъ и на общественное мнѣніе. Принятіе парламентомъ закона придаетъ въ глазахъ общества принципу, на которомъ законъ основанъ, особую санкцію. Общественное мнѣніе не только вліяетъ на принятіе того или иного закона, но и само воспитывается имъ. Если законъ оказывается неудачнымъ, то принципъ его оправдывается часто аргументомъ, что онъ не «доведенъ до конца». Одно время въ Англіи вѣрили, напримѣръ, въ жестокость уголовныхъ наказаній. Принципъ, однако, оказывался ложнымъ, и жестокія наказанія не устрашали преступниковъ. Тогда стали доказывать, что наказанія недостаточно жестоки, и чѣмъ дальше—тѣмъ болѣе жестокимъ дѣлался карательный законъ, покуда, подъ вліяніемъ новыхъ идей, въ уголовное право не былъ внесенъ болѣе гуманный принципъ. Дайси въ своей книгѣ приводитъ рядъ примѣровъ, доказывающихъ вліяніе закона на общественное мнѣніе, на перемѣну взглядовъ общества на коренныя основы государственнаго устройства. Но здѣсь достаточно будетъ указать на одну лишь избирательную реформу 1832 г. Эта реформа совершенно измѣнила взгляды англичанъ на конституцію, показавъ имъ, что учрежденія, къ которымъ общество относилось съ особымъ благоговѣніемъ и которыя оно почитало неприкосновенными, могли очень легко, безъ

всякихъ насилій и революцій, быть измѣнены однимъ рѣшеніемъ парламента, и въ то же время укрѣпила убѣжденіе, что воля народа можетъ быть достойно выражена лишь черезъ избранныхъ имъ представителей.

Такимъ образомъ, общественное мнѣніе или, какъ часто принято говорить, духъ времени или общественное настроеніе создается, во-первыхъ, идеями, впервые высказанными оригинальными и великими мыслителями; во-вторыхъ, обстоятельствами времени и мѣста и, въ-третьихъ, законами, которые, вѣдь, ничто другое, какъ тѣ же факты жизни, тѣ же явленія, которыя мы называемъ обстоятельствами времени и мѣста.

Посмотримъ-же раньше всего, какія идеи наибольше владѣли умами англичанъ на протяженіи послѣднихъ ста лѣтъ, и каковы были тѣ фактическія обстоятельства, которыя, вмѣстѣ съ идеями, формировали общественное мнѣніе въ Англіи, и каковы, наконецъ, были реформы, явившіяся результатомъ этого общественнаго мнѣнія.

III.

Самымъ реакціоннымъ періодомъ въ англійскомъ законодательствѣ за прошлый вѣкъ слѣдуетъ считать первую четверть его. Парламентъ почти никакихъ новыхъ улучшеній не предпринималъ; законодательство находилось въ полномъ застоѣ; если-же и вносились какія-либо реформы, то скорѣе въ сторону ухудшенія, чѣмъ улучшенія его. Главные законодательные акты были: законъ о союзахъ (The Combination Act), изданный въ 1800 г., и знаменитые Шесть Актовъ 1819 г. Законъ о союзахъ имѣлъ главною цѣлью подавленіе всякихъ рабочихъ организацій, временныхъ или постоянныхъ, стремившихся къ поднятію рабочей платы или къ установленію другихъ условій труда, хотя онъ одинаково запрещалъ и хозяевамъ организоваться съ цѣлью пониженія рабочей платы или съ цѣлью увеличенія рабочаго времени. Что-же касается до Шести Актовъ, то они, вообще, ограничивали свободу слова и печати, хотя одинъ изъ нихъ, касавшійся скораго отправленія правосудія, былъ вполнѣ полезенъ, а остальные почти никогда не примѣнялись.

Эта бездѣятельность парламента и реакціонное настроеніе его объясняются тѣмъ, что, въ виду крайне устарѣлыхъ избирательныхъ порядковъ, парламентъ почти не реагировалъ тогда на общественное мнѣніе, существовавшее въ широкихъ слояхъ народа. Народъ могъ требовать разныхъ реформъ, предъявлять разные запросы, но парламентъ руководствовался не этими запросами, а настроеніемъ, господствовавшимъ въ тѣхъ кругахъ общества, которые имѣли въ немъ своихъ представителей. Эти-же круги, во-первыхъ, находились подъ вліяніемъ философскихъ и политическихъ воззрѣній тогдашнихъ выдающихся юристовъ и мыслителей, считавшихъ англійскую конституцію и англійскіе порядки верхомъ совершенства и не нуждающимися ни въ какихъ поправкахъ, а, во-вторыхъ, подъ вліяніемъ событій въ сосѣдней Франціи. Оптимизмъ юриста Блекстона, философа Пэли, оратора Берка или Гольдсмита, извѣстнаго въ Англіи не только какъ авторъ «Векcфильдскаго священника», но и какъ авторъ «Гражданина Міра», столь льстившаго національной гордости англичанъ, соеди-

нился со страхомъ и паникой, навѣянной французской революціей, и въ результатѣ получился застой, являющійся всегда и вездѣ спутникомъ національнаго самодовольства и боязни воображаемой анархіи.

Но въ періодъ политической реакціи въ англійскомъ обществѣ существовало извѣстное настроеніе, очень благопріятствовавшее улучшенію законодательства въ тѣхъ его частяхъ, которыя не относились прямо къ классовой борьбѣ и къ конституціоннымъ вопросамъ. Таковы законы о наказаніяхъ и другіе, зависящіе больше отъ развитія чувства гуманности, чѣмъ отъ характера государственнаго устройства. Благодаря расширенію вліянія гуманитарныхъ ученій, одинаково тогда раздававшихся какъ съ церковной, такъ и съ обыкновенной кафедры, въ 1802 г. парламентъ вступился за малолѣтнихъ тружениковъ на фабрикахъ; воспретилъ торговлю рабочими (въ 1806 г.), отмѣнилъ выставленіе у позорнаго столба (въ 1816 г.) и тѣлесное наказаніе женщинъ (въ 1820 г.).

Но въ общемъ первая четверть вѣка была самая скудная въ законодательномъ отношеніи. Эта скудость дѣлается особенно замѣтной при сравненіи дѣятельности парламента временъ Георгія III и IV съ дѣятельностью его въ послѣдующіе годы. За послѣднія слишкомъ 70 лѣтъ ни одна тронная рѣчь не обошлась безъ обѣщанія какой-либо реформы. Законодательная программа въ томъ или иномъ духѣ составляетъ теперь необходимое содержаніе всякой тронной рѣчи. Улучшеніе законовъ составляетъ какъ бы главную обязанность министерства, и парламентская сессія, не могущая указать на обогащеніе «статута» новыми законами или отмѣною и измѣненіемъ старыхъ, считается безплодной, хотя и помимо изданія законовъ у парламента много дѣла по администраціи. Впрочемъ, вполнѣ «безплодныхъ», т.-е. не внесшихъ чего либо въ законодательномъ отношеніи, парламентскихъ сессій и не бываетъ.

Эта перемѣна между первой четвертью вѣка и послѣдующимъ временемъ подготовлялась исподоволь. Въ то время какъ Англія, казалось, переживала самый глубокій политическій застой, въ нѣдрахъ ея накоплялись элементы, которые самымъ рѣзкимъ образомъ повернули потомъ общественное мнѣніе въ сторону энергичной законодательной дѣятельности, въ сторону политическихъ и соціальныхъ реформъ, въ сторону демократической формы правленія и свободной самодѣятельности отдѣльныхъ гражданъ.

Закваску новому теченію далъ Бентамъ, идеи котораго, выросшія и развившіяся на благопріятной почвѣ великихъ соціально-экономическихъ перемѣнъ, безраздѣльно властвовали надъ умами англичанъ въ теченіе 30 или 40 лѣтъ, отъ конца 20-хъ до средины 60-хъ годовъ прошлаго вѣка, и еще по настоящее время продолжаютъ сказываться въ законодательствѣ, хотя бентамизмъ, какъ общественное теченіе, уже давно замѣнилось новымъ, такъ называемымъ коллективизмомъ.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробное изложеніе идей англійскаго юриста Іереміи Бентама. Но чтобы достаточно освѣтить общественное мнѣніе Англіи въ періодъ 1825—1865 годовъ, черпавшее свое начало въ этихъ идеяхъ, не мѣшаетъ хотя бы въ общихъ чертахъ напоминать сущность политическаго

ученія Бентама. Основной принципъ его, заимствованный Бентамомъ, по его собственнымъ словамъ, изъ брошюры знаменитаго химика и богослова Пристлея, состоитъ въ томъ, что настоящая цѣль законодательства должна заключаться въ стремленіи къ пользѣ, иначе говоря, настоящая цѣль всякаго закона должна заключаться въ содѣйствіи наибольшему счастью наибольшаго числа людей. Такимъ образомъ всякій законъ слѣдуетъ оцѣнивать съ точки зрѣнія его полезности, т. е. насколько онъ способствуетъ наибольшему счастью наибольшаго числа людей. Все то, что мѣшаетъ этому счастью, всякіе законы, основанные на чувствѣ, историческомъ правѣ и пр. началахъ, чуждыхъ пользы большинства, слѣдуетъ устранить, и все то, что содѣйствуетъ ему, узаконить. Конечно, съ точки зрѣнія моралиста или богомола счастье можетъ быть разное. Одинъ можетъ почитать за счастье похоронить себя живымъ, а другой— въ полученіи Анны 3 степени на шею. Говоря однако не о парадоксальныхъ вкусахъ отдѣльныхъ личностей, а о политическомъ устройствѣ общества, мы всегда можемъ съ достаточной долей опредѣленности указать на общія всѣмъ понятія о «счастьѣ». Не можетъ быть спора, что достаточное питаніе, огражденность личности отъ произвола и обмана и свобода отъ чрезмѣрнаго труда составляютъ элементы общественнаго благоустройства. Кто, напримѣръ, если только онъ не обитатель сумасшедшаго дома, станетъ доказывать, что холера, голодовка и война, да внутреннія смуты и насилія дѣлаютъ страну болѣе счастливой, чѣмъ страна безъ нихъ? И, слѣдовательно, только безумный или зарвавшійся философъ—парадоксалистъ и можетъ отрицать, что законы, устраняющіе эти невзгоды и наоборотъ содѣйствующіе миру, порядку, безопасности имущественной и личной, матеріальному процвѣтанію и здоровью населенія, не полезны. Словомъ, въ области законодательства понятіе о счастьѣ вполнѣ ясно для всѣхъ и тонкіе софизмы тутъ совершенно неумѣстны.

Итакъ, Бентамъ вѣрилъ въ тотъ принципъ, что законъ долженъ стремиться лишь къ одному: къ обезпеченію наибольшаго счастья наибольшему числу людей. И такъ какъ каждый человѣкъ въ общемъ самый лучшій судья того, что составляетъ его счастье, то отсюда слѣдуетъ, что законодательство должно стремиться обезпечить каждой личности полную свободу дѣйствій насколько, конечно, эти дѣйствія не мѣшаютъ свободѣ другой личности. Принципъ индивидуализма и laissez faire *) явился такимъ образомъ естественнымъ придаткомъ основного бентамовскаго принципа полезности (утилитаризма). Но разъ всякій человѣкъ лучшій судья своего счастья, то само со-

*) Быть можетъ, не лишне будетъ здѣсь прибавить, что въ устахъ Бентама и его учениковъ laissez faire вовсе не обозначало безпечное предоставленіе всего на волю судебъ, какъ многіе понимаютъ этотъ принципъ. У бентамистовъ laissez faire былъ боевой кличъ, съ которымъ они выступали противъ всякаго ограниченія не вызываемаго пользой большинства. Они понимали подъ этимъ принципомъ освобожденіе отъ стѣсненій законодательства. Дж. Милль, въ своей „On liberty", пошелъ еще дальше и требовалъ laissez faire и въ области общественныхъ обычаевъ и порядковъ, т.-е. освобожденіе личности отъ неправильно и безполезно наложенныхъ на себя соціальныхъ узъ.

бою слѣдуетъ и то, что онъ самъ себѣ долженъ быть господиномъ и въ политическомъ отношеніи. Демократическій образъ правленія является поэтому логическимъ выводомъ ученія Бентама, хотя само это ученіе въ основѣ своей лишь юридическое, а не политическое, т.-е., оно имѣетъ дѣло лишь съ правовыми нормами, а не съ общественнымъ устройствомъ. Но, взявъ себѣ руководящимъ принципомъ счастье «большинства», бентамисты иначе какъ демократію и не могли признать, такъ какъ только отъ демократіи можно ожидать, что она будетъ издавать законы въ пользу всего общества, а не въ пользу одного какого-нибудь человѣка, или одной группы, или класса лицъ.

Это ученіе Бентама, столь усердно и талантливо внушавшееся современникамъ его въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ самимъ геніальнымъ авторомъ его и поддержанное и развитое такими мыслителями, какъ отецъ и сынъ Милли, встрѣтило благодарную почву въ тогдашнихъ условіяхъ соціально-экономической жизни. Англія быстро преобразовывалась и дѣлалась неузнаваемой. Въ 1801 г. населеніе Англіи и Уэльса было 8,000,000. Въ 1831 г. оно составляло 13 милліоновъ. Паровыя машины, только что изобрѣтенныя и введенныя въ промышленность, создали новые промышленные и торговые центры. Быстро открывались новыя копи, прорывались новые каналы для водяного сообщенія, стали строиться желѣзныя дороги, и Англія быстро превращалась изъ страны земледѣльческой въ индустріальную. Возникли новые города и пріобрѣли небывалое прежде значеніе поселки, выросшіе сразу въ огромные промышленные центры. Въ то время, напр., какъ Бристоль и другіе города на югѣ теряли значеніе, такіе города какъ Бирмингамъ, Манчестеръ и Ливерпуль сдѣлались соперниками Лондона. Землевладѣлецъ началъ быстро уступать первенство фабриканту, банкиру, вообще финансисту-предпринимателю, и рабочіе, жившіе и работавшіе въ одиночку, каждый на свой страхъ и рискъ, стали выступать на рынкѣ труда «арміями», обрѣвъ общіе интересы, общія занятія и общаго хозяина.

При такихъ новыхъ условіяхъ устарѣлые законы, мѣшавшіе общности рабочихъ и свободѣ хозяевъ, мѣшавшіе муниципалитетамъ заботиться о своемъ благоустройствѣ и удерживавшіе власть въ рукахъ класса людей, переставшихъ представлять собою волю большинства населенія, казались обсурдомъ и возбуждали во всѣхъ справедливое негодованіе. Идеи Бентама, и безъ того заключавшія въ себѣ не мало привлекательности, пришлись поэтому весьма въ пору англичанамъ, и общественное мнѣніе всецѣло прониклось бентамизмомъ, который и сталъ быстро и ярко отпечатлѣваться на страницахъ парламентскихъ актовъ, какъ и на политическомъ строѣ Англіи.

IV.

Вліяніе бентамизма на англійское законодательство видно во всѣхъ почти парламентскихъ актахъ, изданныхъ между 1830 и 1870 годами. Общественное мнѣніе двигалось какъ бы по замѣчательно прямому и глубокому руслу, словно сознательно направленное одною властной рукой. Въ общихъ чертахъ

законодательство какъ бы преслѣдовало лишь четыре цѣли, составлявшія вмѣстѣ взятыя то, что мы называемъ бентамизмомъ. Цѣли эти были: передача политической власти въ руки такого класса, который достаточно многочисленъ и развитъ, чтобы можно было отождествлять его интересы съ интересами большинства населенія; развитіе человѣчности, расширеніе свободы личности и, въ четвертыхъ, облегченіе доступа къ законной защитѣ одинаково для всѣхъ гражданъ.

Для достиженія первой цѣли парламентъ принялъ избирательную реформу 1832 и муниципальную реформу 1836 г. Обѣ эти реформы оставляли желать многаго, какъ мѣры демократическія. И парламентъ и муниципалитеты, особенно первый, какъ бы очутились въ рукахъ средняго класса, оказавшагося господствующимъ. Но обѣ онѣ вполнѣ отвѣчали требованіямъ бентамистовъ. Это не значитъ, конечно, что всѣ тѣ, кто руководили законодательствомъ страны, были явными учениками или сторонниками Бентама. Многіе изъ нихъ, вѣроятно, съ негодованіемъ отрицали бы, что они утилитаріане. Но сознательно или безсознательно люди часто дѣйствуютъ въ духѣ вполнѣ опредѣленнаго ученія, не признавая себя приверженцами его. Въ этомъ именно и заключается сила общественнаго настроенія. Въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія подъ «народомъ» вообще подразумѣвался третій классъ, представлявшій, по словамъ лорда Брума, одного изъ главнѣйшихъ защитниковъ реформы и послѣдователя Бентама, «богатство и разумъ страны и славу британскаго имени». И реформа 1832 года, само собою, передала власть въ руки третьяго класса, изображавшаго собою «народъ».

Охрана человѣческихъ существъ отъ излишнихъ мученій и страданій, или короче говоря, человѣчность (гуманитаризмъ), совпадала съ основнымъ принципомъ философіи Бентама. Отсюда возникъ цѣлый рядъ законовъ, имѣвшихъ цѣлью отмѣну жестокостей, защиту слабыхъ и дѣтей, освобожденіе негровъ и даже защиту животныхъ отъ жестокаго обращенія.

Третья цѣль законодательства: расширеніе личной свободы, находила себѣ удовлетвореніе во множествѣ парламентскихъ актовъ, отмѣнившихъ религіозныя ограниченія, установившихъ свободу ассоціацій, законовъ о бѣдныхъ, свободу въ передачѣ земельной собственности, и пр., и пр.

Въ отношеніи облегченія судебной защиты можно указать на множество законовъ, упростившихъ процедуру судебную, устранившихъ аномаліи и установившихъ новые суды и вообще упорядочившихъ судебное дѣло, хотя слѣдуетъ прибавить, что и по настоящее время англійское судебное устройство представляетъ еще много вредныхъ, анти-демократическихъ и совершенно излишнихъ пережитковъ прошлаго.

Какъ бы тамъ ни было, осматриваясь назадъ, на законодательство періода 1830—1865 гг., невольно удивляешься той роли, которую общественное мнѣніе играетъ въ немъ. Реформы не задерживаются ни консерватизмомъ Веллингтона или благоразумно-сдержаннаго Пиля, и не ускоряются бурнымъ натискомъ чартистовъ и энтузіазмомъ отдѣльныхъ личностей. Законы издаются или задерживаются здѣсь какой-то скрытой силой, силой общественнаго

мнѣнія, т.-е. господствующими убѣжденіями въ странѣ. Только этому общественному мнѣнію Англія обязана поворотомъ въ законодательствѣ, явно обрисовавшимся въ концѣ 60-хъ годовъ. Идеи бентамизма начали вытѣсняться новыми, для которыхъ умы оказались очень воспріимчивыми. Въ соціальной и экономической жизни Англіи возникли совершенно новыя обстоятельства, отчасти созданныя прежнимъ-же законодательствомъ, предпринимавшимся въ духѣ индивидуализма, и идеи, которыя во времена Бентама и въ ближайшія послѣ его смерти десятилѣтія не имѣли въ Англіи никакого распространенія, стали овладѣвать умами и пользоваться успѣхомъ. Мы, конечно, говоримъ объ идеяхъ соціализма или, вѣрнѣе, коллективизма. Многіе считаютъ коллективизмъ полной противоположностью индивидуализму. Но, по мнѣнію Дайси, это очень узкій и неправильный взглядъ, почерпнутый скорѣе изъ книжныхъ теорій, чѣмъ изъ фактовъ жизни. На самомъ-же дѣлѣ, какъ насъ учитъ исторія законодательства въ Англіи, коллективизмъ является прямымъ преемникомъ бентамизма, что почти одно и тоже, индивидуализма. Нѣкоторыя существенныя черты общи имъ обоимъ, какъ напримѣръ принципъ полезности въ законодательствѣ и «счастья наибольшаго числа» гражданъ. Затѣмъ, именно гуманитаризмъ, лежащій въ основѣ индивидуализма, явился источникомъ многихъ законовъ, которые пріучили англичанъ къ мысли о вмѣшательствѣ государства въ экономическія отношенія гражданъ ради защиты слабыхъ. Первые защитники и иниціаторы фабричнаго законодательствв въ Англіи: Скитси, Остлеръ, Садлеръ и особенно лордъ Шефтсбюри въ принципѣ вовсе не были адептами государственнаго вмѣшательства. Напротивъ, лордъ Шефтсбюри во многихъ отношеніяхъ выказывалъ себя ярымъ сторонникомъ политики laissez faire. Но они настаивали на ограниченіи рабочихъ часовъ для дѣтей и женщинъ, а въ нѣкоторыхъ отрасляхъ труда и для взрослыхъ, только по чувству человѣколюбія и совершенно не сознавая, что открываютъ дверь для новаго теченія законодательства. Законы въ защиту фабричныхъ рабочихъ, изданные въ 1848—1850 г., нанесли жестокій ударъ принципу laissez faire и хотя сами по себѣ ничего соціалистическаго не содержали, несомнѣнно проложили путь въ направленіи соціализма. Рядомъ съ филантропическимъ законодательствомъ на умы англичанъ стала вліять и литература, которая въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ особенно занялась положеніемъ рабочихъ классовъ и усиленно нападала на приверженцевъ принципа laissez faire. Карлейль, Кингсли, Гаскель и др. какъ разъ къ этому времени выступили первый съ своими «памфлетами», а вторые—романами и проповѣдями, въ которыхъ «христіанскій» соціализмъ игралъ не малую роль.

Но, главнымъ образомъ, должны были повліять на общественное мнѣніе тѣ новыя формы, которыя стала принимать все больше и больше расширявшаяся промышленность. Вѣра во всемогущество личности и въ самопомощь, составлявшая сущность либерализма 30-хъ и 40-хъ годовъ, была поколеблена и расшатана до основанія. Промышленныя предпріятія перестали быть дѣломъ одной личности. Участіе многихъ лицъ въ одномъ предпріятіи стало душою новѣйшей коммерческой системы. Огромное число предпріятій, обходившихся

раньше безъ всякаго содѣйствія, покровительства и, вообще, вмѣшательства государства, теперь не могла бы даже возникнуть безъ этого вмѣшательства, какъ, напримѣръ, желѣзныя дороги, требующія принудительнаго отчужденія земель и разныхъ другихъ привилегій. Въ то время, какъ общественные дилижансы прежняго времени ни въ какомъ правительственномъ содѣйствіи и надзорѣ не нуждались, желѣзная дорога является, такъ сказать, прямымъ дѣтищемъ правительственныхъ дѣйствій. Эти же крупныя промышленныя акціонерныя и монопольныя предпріятія пріучаютъ современниковъ къ мысли о государственной собственности въ разныхъ отрасляхъ промышленности, къ такъ называемой, націонализаціи средствъ и продуктовъ производства. Еще поэтому въ срединѣ прошлаго вѣка, при полномъ кажущемся господствѣ индивидуализма, общественное мнѣніе Англіи начало склоняться въ пользу коллективизма, который къ началу 70-хъ годовъ сдѣлался въ Англіи господствующимъ убѣжденіемъ. Всѣ парламентскіе акты стали окрашиваться новой тенденціей и, вмѣсто личной защиты, во главу угла начали ставить защиту государственную, защиту массъ отъ бѣдности, невѣжества, экономическаго рабства, болѣзней и лишеній. Народное образованіе дѣлается даровымъ (на счетъ налоговъ) и обязательнымъ. Отдѣльная личность, можетъ, и не хотѣла бы посылать ребенка въ школу, а должна. Хозяева обязаны уплачивать вознагражденіе рабочимъ за увѣчье или смерть, хотя бы сами рабочіе пожелали войти въ особое соглашеніе съ хозяиномъ и страховаться другимъ путемъ. Муниципалитеты берутся за снабженіе обывателей разными предметами необходимости, хотя отдѣльные жители предпочитали бы акціонерныя компаніи. Затѣмъ государство устанавливаетъ разные законы, охраняющіе пищу и прочіе покупаемые товары отъ поддѣлокъ, отъ обвѣшиванія, отъ порчи. Фабричное законодательство дѣлается особенно многообразнымъ и всеобъемлющимъ. Словомъ, во всѣхъ сторонахъ жизни идетъ полнѣйшій разгромъ индивидуализма, и на развалинахъ его празднуетъ побѣду коллективизмъ, хотя и его побѣда далеко еще не полна.

С. И. Рапопортъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Толки и предположенія по поводу мира.—Мясной кризисъ въ Германіи.—Съѣзды германскихъ соціалъ-демократовъ.—Агитація въ Венгріи; національный вопросъ и избирательное право.—Шведско-норвежскій кризисъ.—Конгрессъ трэдъюніоновъ.—Британская ассоціація въ Южной Африкѣ.—Трудности колоніальной политики.—Возстаніе Гереро.—Македонскія дѣла.

Неожиданное заключеніе мира отодвинуло на задній планъ всѣ другія событія, вызвавъ множество толковъ. Вся европейская печать, безъ исключенія, привѣтствуетъ окончаніе кровопролитной войны, при чемъ германскія официозныя газеты выражаютъ не только удовольствіе, но даже «восторгъ» по поводу такого благополучнаго исхода Портсмутскихъ переговоровъ, который они называютъ «дипломатическимъ тріумфомъ Россіи». Правда, эти восторги по по-

воду тріумфа сосѣдки нѣсколько умѣряются опасеніями насчетъ новаго англо-японскаго союзнаго договора. «Желтая опасность» продолжаетъ смущать императора Вильгельма и германскихъ шовинистовъ, которыхъ безпокоитъ будущность германскихъ владѣній въ Китаѣ. Допускается возможность даже русско-японскаго союза или, по крайней мѣрѣ, торговаго сближенія между двумя бывшими врагами, и слухъ о торговомъ договорѣ между Россіей и Японіей, который долженъ послѣдовать почти непосредственно за заключеніемъ мира, какъ бы подтверждаетъ это. Такое предположеніе высказывается, между прочимъ, и французскими газетами, считающими вполнѣ вѣроятнымъ, что обѣ державы, представляя вмѣстѣ внушительную торговую силу на дальнемъ востокѣ, захотятъ вступить въ союзъ съ цѣлью совмѣстной эксплоатаціи Китая и въ ущербъ другимъ державамъ. Какія перемѣны можетъ произвести такое сближеніе въ существующей группировкѣ державъ,—этого никто предвидѣть не въ состояніи.

Прогрессивныя нѣмецкія газеты считаютъ очень важнымъ, что война заставила Россію призадуматься надъ причинами, вызвавшими ея пораженіе. По мнѣнію нѣкоторыхъ органовъ европейской печати, въ этомъ именно и заключается самый важный и непосредственный результатъ ужасной войны. Преобразованная Россія явится совершенно новымъ факторомъ въ европейской политикѣ, поэтому побѣда Японіи должна будетъ оказать вліяніе на международныя отношенія. Ни одна изъ европейскихъ газетъ не допускаетъ, чтобы Россія могла остановится на томъ пути, на который она вступила въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ, и въ Европѣ теперь уже стараются предусмотрѣть возможныя послѣдствія эволюціи Россіи.

Безпорядки, происходившіе въ Японіи по случаю заключенія мира, произвели довольно сильное впечатлѣніе въ Европѣ, а въ Америкѣ вызвали даже опасенія, что японцы, недовольные миромъ, выместятъ свое недовольство на американскомъ правительствѣ, которое они могутъ считать до нѣкоторой степени отвѣтственнымъ за заключеніе этого мира. Вѣдь, главнымъ образомъ, Рузвельту приписывается благополучный исходъ переговоровъ о мирѣ, и поэтому-то, по мнѣнію американскихъ газетъ, японскій народъ можетъ питать враждебное чувство къ президенту Соединенныхъ штатовъ, что не замедлитъ отразиться и на американскихъ интересахъ. Англійская печать, однако, не придала никакого серьезнаго значенія японскимъ безпорядкамъ. «Times» утверждаетъ, что эти безпорядки, явившіеся выраженіемъ народнаго недовольства, только потому обратили на себя вниманіе, что они представляютъ въ Японіи нѣчто новое и неожиданное. Тамъ безпорядки не вызываются такими уважительными причинами, а являются плодомъ недоразумѣнія. «Когда истинное значеніе только что заключеннаго мирнаго договора—прибавляетъ «Times»—станетъ извѣстно японскому народу, когда онъ пойметъ тѣ громадныя политическія и экономическія выгоды, которыя онъ пріобрѣтаетъ посредствомъ этого договора, то, конечно, отношеніе къ портсмутскому миру измѣнится».

Вздорожаніе мяса и въ особенности свиного, идущаго въ пищу бѣднѣйшимъ классамъ населенія, вызвало въ Германіи сильную агитацію, которая за послѣднія недѣли приняла широкіе размѣры. Даже муниципальные совѣты вмѣшались въ нее, и нѣкоторые изъ нихъ категорически требуютъ, по крайней мѣрѣ, хоть временной отмѣны запретительныхъ тарифовъ. Только министръ Подбѣльскій, бывшій гусарскій офицеръ, а теперь министръ земледѣлія, не унываетъ и находитъ, что все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Онъ остается непоколебимымъ и, съ изумительною развязностью, даже не безъ юмора, отвѣчаетъ на заявленія различныхъ делегацій, являющихся къ нему ходатайствовать о разрѣшеніи ввоза иностранныхъ мясныхъ продуктовъ. Подбѣльскій—убѣжденный аграрій и при томъ самъ разводитъ скотъ и въ данномъ случаѣ защищаетъ свои собственные интересы, поддерживая теперешнюю таможенную политику правительства. Между тѣмъ, раздраженіе населенія усиливается; зашевелились и мясники, которые стараются доказать, что они нисколько не виноваты въ этомъ вздорожаніи цѣнъ на мясо и что это вздорожаніе вредитъ даже ихъ собственнымъ интересамъ. Въ Берлинѣ состоялось по этому поводу очень многолюдное собраніе, въ которомъ участвовало до двухъ тысячъ мясниковъ, съ цѣлью протеста противъ заявленій министра земледѣлія, будто мясной кризисъ носитъ лишь временный характеръ и скоро долженъ прекратиться. Собраніе вотировало резолюцію, требующую разрѣшенія ввоза иностраннаго скота, и мясники обратились ко всему обществу, прося содѣйствія въ борьбѣ за «открытіе границъ для ввоза», что въ данный моментъ составляетъ національную потребность. Передовая печать уже откликнулась на этотъ призывъ, и повсюду устраиваются митинги протеста противъ аграрной политики правительства. Однако, судя по нѣкоторымъ признакамъ, правительство уже начинаетъ колебаться; по крайней мѣрѣ, такое впечатлѣніе производятъ недавнія заявленія министра торговли Мёллера, который, повидимому, не раздѣляетъ оптимистическихъ взглядовъ своего коллеги и болѣе серьезно смотритъ на распространеніе агитаціи. Въ оффиціозной кёльнской газетѣ было даже высказано сожалѣніе по поводу «чрезмѣрной власти, которую предоставляетъ прусская конституція нѣкоторымъ высокопоставленнымъ лицамъ», что произвело впечатлѣніе въ остальной печати, увидѣвшей въ этомъ указаніе на эволюцію взглядовъ канцлера, который, пожалуй, на этотъ разъ сочтетъ даже нужнымъ пожертвовать интересами прусскихъ дворянчиковъ въ пользу интересовъ широкихъ общественныхъ классовъ Германіи.

Не успѣлъ разойтись въ Страсбургѣ конгрессъ германскихъ католиковъ, какъ тотчасъ же, вслѣдъ за нимъ, состоялось тамъ же соціалъ-демократическое собраніе, или, какъ его называютъ нѣмецкія газеты, «Bebel Versammlung». Хотя страсбургскимъ соціалъ-демократамъ и не удалось устроить свое собраніе въ той самой большой залѣ, въ которой происходилъ католическій конгрессъ, тѣмъ не менѣе, они все же организовали достаточно внушительную демонстрацію, ни въ чемъ не уступающую демонстраціи, устроенной за нѣсколько дней передъ этимъ католическими рабочими и ферейнами. Правительственныя власти и полиція позаботились устроить собранію соціалъ-демократовъ громкую ре-

кламу, такъ какъ сдѣлали все, что только можно было, чтобы это собраніе не состоялось. Но оно все-таки состоялось и Бебелю, при его появленіи, была устроена шумная овація. Болѣе восьми тысячъ человѣкъ собрались послушать его рѣчь на тему «о политическомъ положеніи и католическомъ конгрессѣ», продолжавшуюся два съ половиною часа и отличавшуюся такимъ же сверкающимъ юморомъ и краснорѣчіемъ, какъ и всѣ другія рѣчи этого оратора. Онъ началъ съ разбора рѣчей католическихъ ораторовъ и опровергнулъ ихъ утвержденіе, будто центръ является крѣпчайшимъ оплотомъ противъ соціалъ-демократическаго порока. Съ видомъ глубоко убѣжденнаго человѣка онъ объявилъ, что «рано или поздно соціалъ-демократія овладѣетъ центромъ». Затѣмъ онъ подвергъ самой безпощадной критикѣ всѣ заявленія ораторовъ центра и высказалъ твердую увѣренность, что если бы Христу пришлось выбирать между центромъ и соціалъ-демократіей, то, конечно, Онъ бы выбралъ послѣднюю! Вѣдь христіанство католиковъ центра—это пустыя фразы, и отмѣна свѣтской власти папы была истинно культурнымъ актомъ. Нигдѣ не совершалось столько несправедливостей, насилій, жестокостей, нигдѣ не было столько нищеты, бѣдствій и круглаго невѣжества, какъ среди населенія церковнаго государства, и тѣ, кто громче всѣхъ ссылался на священное писаніе, менѣе всего заботились о томъ, чтобы слѣдовать его ученію. Всегда говорится, что церковь поддерживаетъ Богомъ установленный порядокъ, но при этомъ забывается, что церковь успѣла устраиваться со всякимъ государственнымъ порядкомъ, если только изъ этого порядка она могла извлечь свои выгоды. Сначала она проповѣдывала коммунизмъ, а затѣмъ поддерживала рабство и крѣпостничество. Вѣдь не католическая же церковь освободила крестьянъ, а это сдѣлали именно тѣ силы, съ которыми она боролась всего яростнѣе... Не оставилъ безъ вниманія Бебель и женскій вопросъ и потребовалъ для женщины полнаго гражданскаго и политическаго равноправія. «Вѣдь то, что человѣкъ рождается женщиной или мужчиной—чистая случайность, такая же, какъ и та, когда онъ родился нѣмцемъ или французомъ! Вотъ почему соціалисты и не дѣлаютъ различія національностей», прибавилъ онъ, и эта фраза произвела сильное впечатлѣніе. Онъ критиковалъ точку зрѣнія католическихъ ораторовъ на женскій вопросъ, говоря, что она могла быть допустима лѣтъ десять тому назадъ, но никакъ не теперь. Самымъ рѣзкимъ нападкамъ со стороны оратора подверглась иностранная политика германскаго правительства. Заявленіе канцлера, что Германія едва избѣгла войны, указываетъ, на какой зыбкой почвѣ покоится эта политика. Бисмаркъ постоянно пугалъ общественное мнѣніе Германіи призракомъ русской опасности и заставлялъ ее вооружаться съ головы до ногъ, теперь же, когда этотъ призракъ испарился, ничто казалось бы, не должно препятствовать Германіи вступить въ соглашеніе съ Франціей. Ей слѣдуетъ стремиться къ этому... Тутъ рѣчь Бебеля была прервана вмѣшательствомъ полицейскаго комиссара, заявившаго, что такого предмета ораторъ касаться не долженъ въ своей рѣчи, такъ какъ объ этомъ ничего не сказано въ заявленіи, представленномъ имъ въ полицію. Бебель возразилъ на это, что онъ считаетъ и этотъ вопросъ входящимъ въ избранную

имъ тему, но такъ какъ онъ не желаетъ подвергать собраніе непріятностямъ полицейскаго вмѣшательства, то готовъ уступить. Уступка эта послужила ему предлогомъ сказать блестящее заключительное слово и указать на отсутствіе «настоящей» свободы собраній въ Германіи, которое все болѣе обращается въ полицейское государство. Но у нея передъ глазами прекрасный примѣръ, къ чему приводитъ слишкомъ широкая власть полиціи и примѣръ этотъ можетъ служить предостереженіемъ. Собраніе закончилось шумной оваціей въ честь Бебеля и международнаго соціализма.

Вслѣдъ за этимъ собраніемъ въ Іенѣ состоялся конгрессъ германской соціалъ-демократической партіи, гдѣ обсуждались вопросы внѣшней и внутренней политики Германіи. Относительно внѣшней политики было заявлено о необходимости болѣе активнаго вмѣшательства въ нее рейхстага, который до сихъ поръ отстранялся отъ этой области, но главное вниманіе конгресса было все-таки обращено на внутреннюю политику государства и вопросы, касающіяся внутренней организаціи партіи. Было предложено объединеніе соціалъ-демократическихъ организацій съ профессіональными союзами рабочихъ, которые начинаютъ принимать все болѣе рѣзко выраженный соціалистическій характеръ. Однако, этотъ вопросъ не былъ рѣшенъ на конгрессѣ, а переданъ на обсужденіе особой коммиссіи.

Вопросъ о майскомъ праздникѣ и всеобщей политической забастовкѣ вызвалъ горячія пренія, при чемъ обсуждались и русскія дѣла и была вотирована резолюція, признающая событія въ Россіи величайшими историческими событіями современной эпохи, имѣющими міровое значеніе. Конгрессъ выражаетъ свое глубочайшее сочувствіе и уваженіе всѣмъ борцамъ за политическую свободу и въ особенности тѣмъ, которыя безъ различія національностей и расъ, стоятъ на точкѣ зрѣнія соціалъ-демократіи и дѣйствуютъ заодно съ пролетаріатомъ.

Что касается всеобщей политической забастовки, то Бебель сказалъ въ представленной имъ резолюціи, что «на всемъ рабочемъ классѣ лежитъ обязанность бороться всѣми доступными средствами за свои человѣческія и гражданскія права и за свою равноправность». Онъ указалъ на то, что всѣ господствующія буржуазныя партіи непремѣнно являются противниками всеобщаго, тайнаго, прямого и равнаго избирательнаго права и какъ только начинаютъ опасаться, что господство ихъ будетъ поколеблено, то тотчасъ же принимаютъ мѣры къ огражденію своей власти и прежде всего стараются ухудшить избирательную систему. Оттого-то въ Германіи они такъ и опасаются введенія въ отдѣльныхъ государствахъ германскаго союза всеобщаго избирательнаго права и ни за что не хотятъ допустить никакихъ усовершенствованій избирательнаго закона изъ опасенія увеличенія роли рабочаго класса въ народномъ представительствѣ. Но такъ какъ именно всеобщее, тайное, прямое и равное голосованіе является необходимымъ условіемъ политическаго развитія общественной жизни,—также какъ и полная свобода организаціи служитъ условіемъ для правильнаго развитія отношеній экономическихъ, то рабочіе классы должны не только требовать сохраненія избирательнаго права тамъ, гдѣ оно

уже существуетъ, но и распространенія его на всѣ тѣ области, гдѣ оно еще не введено. Кромѣ того, рабочіе классы должны противодѣйствовать всякаго рода покушеніемъ на избирательное право, а однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ въ данномъ случаѣ является массовое прекращеніе работъ, т.-е. забастовка. Но, для того, чтобы усилить дѣйствительность этого средства, необходимо стремиться къ наивозможному расширенію политическихъ и профессіональныхъ рабочихъ организацій и къ непрерывному просвѣщенію рабочей массы посредствомъ устной и печатной пропаганды. Каждый членъ партіи обязанъ вступать въ соотвѣтствующіе профессіональные союзы, но въ то же время и каждый членъ профессіональнаго союза долженъ быть членомъ политической партіи, чтобы содѣйствовать осуществленію ея цѣлей.

Бебель обращаетъ вниманіе на то, что успѣхъ соціалъ-демократовъ на послѣднихъ выборахъ вызвалъ еще болѣе непримиримое отношеніе къ нимъ правительства и буржуазныхъ партій. Въ заключеніе Бебель заявилъ, что онъ не боится раскола въ партіи и глубоко вѣритъ въ побѣду соціалъ-демократіи.

Возобновленіе парламентской сессіи въ Австріи вызываетъ нѣкоторыя опасенія, такъ какъ ожидаютъ, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ на австрійскомъ парламентѣ непремѣнно отзовутся венгерскія событія и въ особенности агитація въ пользу всеобщаго избирательнаго права въ Венгріи. Эта агитація грозитъ совершенно оттѣснить узконаціональные интересы и выдвинуть на первый планъ соціальные, и дипломатическая уловка министерства Фейервари, разсчитывавшаго вызвать расколъ въ венгерской оппозиціи посредствомъ своего лозунга «всеобщее избирательное право», привела повидимому какъ разъ къ обратнымъ результатамъ. Въ день открытія венгерскаго парламента въ Буда-Пештѣ была устроена рабочей партіей грандіозная манифестація въ пользу всеобщаго избирательнаго права. Около 30.000 человѣкъ участвовали въ этой манифестаціи, которая прошла безъ всякихъ столкновеній съ полиціей, несмотря на то, что несмѣтная толпа запрудила улицы, гдѣ проходила процессія рабочихъ съ красными знаменами и щитами съ надписями: «Долой притѣснителей! Мы требуемъ всеобщаго избирательнаго права!» и т. д. Рабочіе явились въ городъ большими партіями, вмѣстѣ со своими женами и дѣтьми и съ оркестрами музыки. Эта демонстрація вызвала особенно много толковъ въ австрійской печати, изъ которыхъ можно заключить, что въ Австріи сильно опасаются, какъ бы и тамъ не возникло аналогичное движеніе. Во всякомъ случаѣ венгерскій конфликтъ выходитъ уже изъ тѣсныхъ рамокъ національной распри и принимаетъ общій характеръ, вслѣдствіе чего и интересъ къ нему въ европейской печати сильно увеличился за послѣднее время. Эта распря короны съ населеніемъ въ состояніи потрясти устои существующаго въ Австро-Венгріи режима и уничтожить остатки средневѣкового абсолютизма, такъ долго сохранившіеся въ этомъ государствѣ, несмотря на конституціонный образъ правленія. Остановить начавшееся народное движеніе трудно и это очевидно понимаютъ уже въ Австріи, гдѣ правительственныя органы печати обрушиваются на Фейервари и Кристоффи, давшихъ толчокъ венгер-

ской демократіи, которая до сихъ поръ еще не заявляла своихъ требованій. Откладывать же далѣе вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ врядъ ли возможно. Соціалисты, представляющіе въ данный моментъ нарастающую силу въ Венгріи, уже завладѣли этими вопросами. Кромѣ того, образовалась еще одна не-партійная лига, имѣющая цѣлью агитацію и предполагающая устраивать съ этою цѣлью рядъ митинговъ, при чемъ на одномъ изъ нихъ долженъ будетъ предсѣдательствовать профессоръ Вамбери, извѣстный путешественникъ. На улицахъ Буда-Пешта недавно были расклеены извлеченія изъ рѣчей графа Альберта Аппоньи, проповѣдующаго избирательную реформу и осуждающаго недостатки существующей системы. Однако коалиція, душою которой состоитъ графъ Аппоньи, повидимому нѣсколько смутилась такимъ неожиданнымъ успѣхомъ своей агитаціи. Ей бы желательно было самой и въ свое время разрѣшить вопросъ объ избирательномъ правѣ, но поднявшаяся волна народнаго движенія увлекаетъ и ее за собой, отодвигая на второй планъ національныя требованія. Положеніе графа Аппоньи и его коллегъ въ оппозиціи весьма поэтому затруднительно. Многіе думаютъ, что введеніе всеобщаго голосованія подорветъ значеніе небольшой группы стариннаго мадьярскаго дворянства, въ которомъ одни видятъ главный оплотъ Венгріи, а другіе, ея проклятіе: первые утверждаютъ, что Венгрія безъ преобладанія въ ней мадьярской аристократіи съ ея іерархіей, перестанетъ быть Венгріей, и поэтому-то они такъ и опасаются этой мѣры. Смущеніе замѣчается и въ рѣчахъ Кошута, который теперь уже заявляетъ о необходимости самой широкой воспитательной реформы, прежде чѣмъ будетъ введено всеобщее избирательное право. «Пусть каждый раньше научится читать и писать по мадьярски», говоритъ Кошутъ и его поддерживаютъ другіе члены коалиціи. Начало этому обученію должно быть положено введеніемъ въ арміи венгерскаго языка. Такова точка зрѣнія исполнительнаго комитета соединенной оппозиціи, но соціалисты, число которыхъ все увеличивается въ Венгріи, твердо рѣшили не только продолжать, но и всѣми силами распространять агитацію въ пользу всеобщего, равнаго и тайнаго голосованія. Одинъ изъ ораторовъ на одномъ изъ митинговъ высказалъ даже опасеніе, какъ бы Россія не опередила Австро-Венгрію въ данномъ случаѣ, и совѣтовалъ поэтому не терять времени. Это заявленіе, впрочемъ, вызвало взрывъ веселости среди слушателей и крики: «О! О!» Тѣмъ не менѣе, всѣ принятыя резолюціи непремѣнно требовали усиленія агитаціи въ странѣ, и съ этою цѣлью рѣшено устраивать какъ можно чаще и какъ можно больше митинговъ во всей странѣ.

Ожесточенную полемику въ венгерской печати вызвалъ памфлетъ, недавно опубликованный въ Берлинѣ подъ названіемъ «Венгерскій кризисъ и Гогенцоллерны». Неизвѣстный авторъ этого памфлета доказываетъ, что Венгрія не можетъ сдѣлаться дѣйствительно цвѣтущимъ и независимымъ государствомъ иначе какъ при содѣйствіи Гогенцоллерновъ. Гогенцоллернъ долженъ занять мѣсто Габсбурговъ и на германскаго императора должна быть возложена задача спасти австрійцевъ нѣмцевъ отъ опасности, которая угрожаетъ имъ со стороны славянскихъ расъ. Германскій императоръ не долженъ руко-

водствоваться никакими сантиментальными соображеніями и долженъ расширить владѣнія Гогенцоллерновъ отъ Гамбурга до Тріеста и Истріи. Венгрія, также какъ и Румынія, подъ управленіемъ независимаго принца изъ дома Гогенцоллерновъ будетъ служить оплотомъ противъ славянскихъ посягательствъ въ юговосточной Европѣ и присоединитъ Македонію до самыхъ Салоникъ. Памфлетъ заканчивается обращеніемъ къ германскому императору. Отвѣтомъ на этотъ памфлетъ явилась статья, напечатанная въ «Egyetertes»,—самой распространенной мадьярской газетѣ среди независимыхъ, авторъ которой, опираясь на авторитетъ «бывшаго австрійскаго министра», говоритъ, что сопротивленіе императора Франца Іосифа требованіямъ венгерскихъ націоналистовъ всецѣло зависитъ отъ давленія, оказываемаго на него германскимъ императоромъ, имѣющимъ рѣшительное вліяніе на всѣ вопросы, касающіеся такъ или иначе военныхъ силъ тройственнаго союза. Императоръ Вильгельмъ далеко не можетъ быть названнымъ другомъ Венгріи, но къ мадьярскимъ національнымъ притязаніямъ онъ относится прямо враждебно и поэтому первое, что должна сдѣлать Венгрія,—это порвать такъ или иначе съ тройственнымъ союзомъ!

Примѣръ Норвегіи по прежнему выдвигается на сцену мадьярскою оппозиціей на всякихъ собраніяхъ и даже въ парламентѣ, гдѣ Фейервари встрѣтили криками: «да здраствуетъ Норвегія!» Многіе компетентные люди въ Венгріи высказываютъ мнѣніе, что «корона, своими поступками, создала для себя Норвегію въ Транслейтаніи» и полагаютъ, что разрывъ между Австріей и Венгріей является лишь вопросомъ времени.

Между тѣмъ въ Норвегіи дѣла вовсе не идутъ такъ гладко, какъ это можно было бы думать сначала. Оказалось даже нужнымъ назначить спеціальную смѣшанную комиссію для разрѣшенія разногласій и спорныхъ вопросовъ, возникшихъ между Швеціей и Норвегіей. Эти разногласія касаются пограничныхъ крѣпостей въ Норвегіи, на уничтоженіи которыхъ Швеція упорно настаиваетъ, какъ на гарантіи миролюбія своей сосѣдки. Такихъ крѣпостей на шведско-норвежской границѣ—четыре; но изъ нихъ одна особенно дорога норвежскому сердцу, какъ памятникъ борьбы за свободу, напоминающій норвежцамъ о первомъ шагѣ, сдѣланномъ ими на пути къ политической свободѣ. И этотъ-то памятникъ старины долженъ быть срытъ, теперь для доказательства миролюбивыхъ намѣреній Норвегіи! На это норвежцы ни за что не хотятъ согласиться. Коммиссіи, собравшейся въ маленькомъ шведскомъ городкѣ Карлстадѣ предстояла довольно трудная задача добиться соглашенія въ этомъ вопросѣ, и задачу эту она, судя по телеграммамъ, выполнила вполнѣ удовлетворительно. Во всякомъ случаѣ, возможность обостренія конфликта въ данный моментъ устранена. Однако этотъ споръ изъ за крѣпостей обнаружилъ существованіе въ Швеціи довольно сильной шовинистской партіи, состоящей главнымъ образомъ, изъ шведской аристократіи, которая не можетъ простить Норвегіи ея поступка. Шведскій народъ, впрочемъ, не обнаруживаетъ такой враждебности и спокойно относится къ факту расторженія уніи. Газеты обѣихъ

странъ уже въ гораздо болѣе спокойномъ тонѣ обсуждаютъ теперь взаимныя отношенія Швеціи и Норвегіи и больше не бряцаютъ оружіемъ по малѣйшему поводу. Въ Норвегіи жизнь приняла уже настолько обычное теченіе, что больше нѣтъ и слѣда того энтузіазма, который охватилъ всю страну, когда былъ объявленъ плебисцитъ. Тогда, за нѣсколько дней до всенароднаго голосованія, во всей странѣ буквально не было ни одного свободнаго мѣстечка, гдѣ бы не красовалась надпись: «не забудь голосовать 13-го августа!» Но теперь это уже отошло въ область прошедшаго и норвежцы, выполнивъ свой долгъ, вернулись къ своимъ дѣламъ, твердо вѣруя, что этотъ день 13-го августа не будетъ несчастнымъ днемъ для ихъ отечества.

Обычный ежегодный конгрессъ Англійскихъ трэдъ-юніоновъ, собравшійся въ этомъ году въ маленькомъ фабричномъ городкѣ Генли, отличался многолюдствомъ. По словамъ англійскихъ газетъ, это былъ второй по величинѣ рабочій парламентъ, какой когда либо собирался въ Англіи, такъ какъ въ немъ участвовали 457 делегатовъ,—представителей 214 ремесленныхъ союзовъ и федерацій и, въ общемъ, 1.561.800 членовъ. Конгрессъ трэдъ-юніоновъ собирается уже въ 38 разъ, и только одинъ разъ, а именно четыре года тому назадъ въ Лондонѣ, число делегатовъ было больше.

Характерную особенность нынѣшняго конгресса составляло то, что президентомъ его былъ выбранъ Джемсъ Секстонъ, секретарь союза ливерпульскихъ доковыхъ рабочихъ. Ужъ одно то, что именно представитель такъ называемыхъ «unskilled» (необученныхъ) рабочихъ предсѣдательствовалъ на этомъ конгрессѣ, придало ему извѣстный отпечатокъ. Всѣ эти доковые и газовые рабочіе, а также землекопы составляютъ соціалистическія группы, и ихъ участіе въ конгрессѣ указываетъ на то, что рабочіе союзы все болѣе уклоняются отъ чисто экономической дѣятельности въ сторону политической и агитаціонной.— Выборъ Секстона предсѣдателемъ конгресса еще болѣе подтверждаетъ это. Самъ онъ въ высшей степени характерный представитель своего ремесленнаго Союза. Онъ прошелъ суровую школу жизни. Тяжелый трудъ и лишенія наложили отпечатокъ на его наружность и заставили его рано состариться. Но это только по наружности; въ дѣйствительности же, онъ полонъ жизни и энергіи и является настоящимъ вождемъ рабочихъ. Совсѣмъ еще юношей онъ эмигрировалъ въ Америку, былъ тамъ дровосѣкомъ и горнорабочимъ, затѣмъ служилъ на судахъ и потерпѣлъ крушеніе у Сандвичевыхъ острововъ. Въ послѣдніе годы онъ обратилъ на себя вниманіе въ Англіи, какъ одинъ изъ самыхъ энергичныхъ передовыхъ вождей рабочихъ, какъ выдающійся ораторъ. Въ своей вступительной рѣчи на конгрессѣ они прежде всего привѣтствовали портсмутскій миръ, прибавивъ, что война, чѣмъ бы она ни была вызвана, всегда представляетъ ненужное зло. Секстонъ находитъ безусловно необходимымъ организацію собственной рабочей партіи въ парламентѣ, стоящей въ сторонѣ отъ всѣхъ «ортодоксальныхъ» партій, не поддерживающихъ ихъ, когда это нужно для проведенія прогрессивныхъ законовъ.

Попытка къ объединенію двухъ рабочихъ организацій, возникшихъ въ 1897 г., (федераціи рабочихъ союзовъ и комитеты рабочаго представительства)

съ конгрессомъ трэдъ-юніоновъ не увѣнчались успѣхомъ. Одинъ изъ делегатовъ машиностроительныхъ рабочихъ, впервые появившихся на конгрессѣ теперь, послѣ того какъ они вышли изъ его состава лѣтъ шесть—семь тому назадъ,—категорически заявилъ, что онъ считаетъ конгрессъ «умирающимъ учрежденіемъ,» которое должно будетъ, волей—неволей, уступить мѣсто двумъ другимъ организаціямъ, имѣющимъ болѣе опредѣленную политическую окраску и шире охватывающимъ интересы рабочихъ классовъ, кромѣ того, слiяніе этихъ организацій съ конгрессомъ было бы нежелательно и по другимъ причинамъ: далеко не всѣ рабочіе союзы проникнись необходимостью той политики, которую преслѣдуетъ комитетъ рабочаго представительства, и насильственное объединеніе этой организаціи съ конгрессомъ можетъ вызвать нежелательныя столкновенія и мѣшать общему дѣлу. Членъ парламента, депутатъ рабочей партіи Бернсъ, присоединился къ этому мнѣнію и сказалъ, что предстоящіе парламентскіе выборы должны будутъ окончательно выяснить, которая изъ этихъ организацій является выразительницей стремленій рабочаго класса. Такимъ образомъ, предложеніе о слiяніи было отклонено большинствомъ голосовъ. Интересныя пренія возникли по поводу другого предложенія, о введеніи обязательныхъ третейскихъ судовъ въ случаѣ какихъ либо разногласій и столкновеній между рабочими и предпринимателями. Делегатъ доковыхъ рабочихъ, Бенъ Толлетъ, объѣздившій англійскія колоніи и наблюдавшій дѣятельность такихъ судовъ въ Новой-Зеландіи, доказывалъ ихъ пользу, но крупные союзы, главнымъ образомъ, союзъ чернорабочихъ, и теперь, какъ и на предшествовавшемъ конгрессѣ, возстали противъ этой мѣры, и одинъ изъ делегатовъ даже воскликнулъ: «Не можемъ же мы ставить жизнь 300.000 рабочихъ, принадлежащихъ къ нашей организаціи, въ зависимость отъ достопочтенныхъ джентельменовъ, которые будутъ избраны судьями!» Но на это ему возразила миссъ Бондфильдъ, делегатка союза лавочныхъ приказчиковъ, что когда чернорабочіе организуютъ стачку, то это отражается на всѣхъ остальныхъ отрасляхъ промышленности, поэтому чернорабочіе не должны считать себя обособленными отъ остальныхъ рабочихъ и, наоборотъ, должны признавать солидарность всѣхъ». Резолюція, внесенная Бенъ-Толлетомъ насчетъ обязательности третейскихъ судовъ, и на этотъ разъ была отвергнута, но уже далеко не такимъ большинствомъ голосовъ, какъ на предшествовавшемъ конгрессѣ, и это доставило утѣшеніе сторонникамъ резолюціи, которые объявили, что въ будущемъ году они непремѣнно проведутъ ее.

Мелкіе ремесленные союзы, вообще, относятся съ нѣкоторымъ чувствомъ зависти къ крупнымъ рабочимъ союзамъ, каковы: союзъ горнорабочихъ и ткачей, члены которыхъ населяютъ цѣлые избирательные округи и обыкновенно сами улаживаютъ свои пререканія съ предпринимателями, не прибѣгая къ помощи федераціи и соціалистскихъ организацій. Эти союзы господствуютъ и въ парламентскомъ комитетѣ конгресса, къ великому неудовольствію машиностроительныхъ рабочихъ, представляющихъ передовую организацію. Мелкіе союзы, вообще, гораздо болѣе дѣятельны и прогрессивны въ политическомъ отношеніи,

но крупные союзы, бывшіе прежде чисто промышленными трэдъ-юніонами, и теперь еще сторонящіеся отъ политики, препятствуютъ имъ проводить своихъ кандидатовъ въ парламентскій комитетъ. На выборахъ крупные союзы обыкновенно вступаютъ въ соглашеніе и обязуются взаимно поддерживать своихъ кандидатовъ, отчего кандидаты мелкихъ союзовъ почти не имѣютъ никакихъ шансовъ на успѣхъ. Противъ такой системы выступили разные ораторы на конгрессѣ и большинство делегатовъ (представители 763.000 противъ 503,000) приняли резолюцію, воспрещающую предварительное соглашеніе между союзами относительно взаимной поддержки, оказываемой кандидатомъ этихъ союзовъ на выборахъ.

Въ этомъ году обычный конгрессъ британской ученой ассоціаціи засѣдалъ не въ Англіи, а въ южной Африкѣ, въ Капштадтѣ, Іоганесбургѣ и Булувайо. Дальность разстоянія не остановила англійскихъ ученыхъ, и конгрессъ, какъ всегда, отличался многолюдствомъ. Очень много докладовъ было прочитано мѣстными учеными, педагогами и др. Въ особенности же обратилъ на себя вниманіе и вызвалъ оживленныя пренія докладъ директора высшей школы въ Гржадоѣ-Рейпетѣ, который коснулся жгучаго расоваго вопроса. Въ южной Африкѣ этотъ вопросъ сильно озабочиваетъ бѣлое населеніе. Прежде всего большое неудобство заключается въ совмѣстномъ существованіи двухъ языковъ, англійскаго и голландскаго, въ колоніи и нельзя отрицать, что именно южно-африканскій расовый вопросъ имѣлъ роковое значеніе для страны. Среди туземцевъ броженіе все усиливается, и, насколько серьезно положеніе вещей, это доказывается недавно происходившимъ политическимъ собраніемъ чернокожихъ туземцевъ, на которомъ предсѣдатель заявилъ, что «теперь наступило время, когда чернокожіе должны объявить, что страна имъ принадлежитъ». Вообще, по мнѣнію докладчика, расовый вопросъ долженъ еще болѣе обостриться въ будущемъ и можетъ сдѣлаться источникомъ серьезной распри, отнюдь не между англичанами и голландцами, а между чернокожими и бѣлыми въ южной Африкѣ. Было бы страшною ошибкой, еслибъ бѣлыя расы въ Африкѣ продолжали бороться другъ съ другомъ и политическія партіи пользовались бы для своихъ цѣлей такимъ обоюдострымъ оружіемъ, какъ избирательное право, распространенное на туземцевъ. Все бѣлое населеніе южной Африки должно теперь же обратить вниманіе на этотъ въ высшей степени важный вопросъ, такъ какъ броженіе среди туземцевъ можетъ имѣть серьезныя послѣдствія для всѣхъ европейскихъ владѣній въ Африкѣ. Какъ трудно европейцамъ справляться съ возставшими туземцами, это указываетъ возстаніе гереро въ нѣмецкихъ владѣніяхъ. Въ 1896 г., на промышленной выставкѣ въ Берлинѣ, посѣтители съ любопытствомъ смотрѣли на группу гереро, которые занимали совсѣмъ особое мѣсто въ колоніальномъ отдѣлѣ. Ихъ было человѣкъ пятьдесятъ и они производили на посѣтителей выставки пріятное впечатлѣніе. Это были высокіе, прекрасно сложенные люди, сильные и спокойные, съ правильными чертами лица, выражавшими доброту. Нѣмцы взирали на нихъ съ

большою благосклонностью. Но теперь эта благосклонность смѣнилась совершенно противоположнымъ чувствомъ. Въ ноябрѣ 1903 г. вспыхнуло первое возмущеніе, за которымъ послѣдовало второе, въ январѣ 1904 г., и изъ Германіи сейчасъ же были отправлены туда отряды войскъ для усмиренія. Трудно сказать съ достовѣрностью, насколько виноваты колоніальныя власти и сами колонисты въ такомъ положеніи вещей, и были ли они непосредственною причиной вражды туземцевъ. Нѣмецкія газеты, смотря по направленію, то обвиняютъ колоніальную администрацію въ безтактности, отсутствіи опыта и эксплуатаціи туземцевъ, то, наоборотъ, упрекаютъ ее за то, что она не умѣла себя поставить, слишкомъ снисходительно относилась къ туземцамъ и ставила ихъ на одну доску съ европейцами, что неминуемо должно было внушить имъ сознаніе своего превосходства. Какъ бы то ни было, но этого возстанія никто не предвидѣлъ и никакихъ мѣръ предупрежденія не было принято. Борьба оказалась очень трудной. Во время дождливаго сезона одежда буквально не успѣвала высохнуть на солдатахъ и у нихъ не было палатокъ, гдѣ бы они могли укрыться. Нѣмецкіе солдаты терпѣли страшныя лишенія, между тѣмъ какъ гереро, привыкшіе къ климату, вооруженные ружьями, которыя имъ продали сами же нѣмцы, оказывали нѣмецкимъ отрядамъ самое упорное сопротивленіе. Положеніе усложнялось, благодаря распрямъ, происходившимъ между морскимъ и колоніальнымъ министерствами и постоянной смѣнѣ начальниковъ. Программа дѣйствій также не была окончательно установлена и постоянно измѣнялась, что усиливало смятеніе и отражалось самымъ неблагопріятнымъ образомъ на военныхъ операціяхъ. Генералъ Трота, напримѣръ, только разсѣялъ туземцевъ, но отнюдъ не побѣдилъ. Если даже удавалось водворить спокойствіе въ одной части колоніи, то вслѣдъ въ другой части вспыхивало возмущеніе и надо было спѣшить туда. Начало было положено Гендрикомъ Витбоемъ, предводителемъ готтентотовъ, который, до этого момента, считался вѣрнымъ союзникомъ нѣмцевъ. Витбой объявилъ войну нѣмцамъ, былъ разбитъ ими въ Вармбадѣ и отступилъ за границы своихъ владѣній. Однако нѣмцамъ недолго пришлось праздновать свою побѣду; Вистбой вернулся, снова собралъ разсѣянные отряды своихъ союзниковъ и возобновилъ войну. Къ нему очень скоро присоединились и другіе туземные вожди и теперь германскому правительству придется употребить большія усилія, чтобы умиротворить свои колоніи..

Въ январѣ было отправлено въ западную Африку 519 офицеровъ, и 12.000 солдатъ, и съ тѣхъ поръ отправка войскъ не прекращалась. Въ настоящее время 15.000 германскаго войска заняты войною съ гереро и, по словамъ хорошо освѣдомленныхъ газетъ предполагается отправить туда еще 5.000. Удовольствіе быть колоніальной державой стоитъ дорого и это чувствуетъ на себѣ Германія.

Въ македонскомъ лагерѣ замѣчается въ послѣднее время большое оживленіе. Внутренняя македонская организація готовится къ конгрессу, который

долженъ произойти въ самомъ непродолжительномъ времени и отъ котораго ожидаются важные результаты. Но предварительно организація желаетъ устроить соглашеніе съ другими македонскими фракціями и съ этою цѣлью въ Софію пріѣхалъ Даміанъ Груевъ, который будетъ вести переговоры. Шансы на успѣхъ этихъ переговоровъ увеличились вслѣдствіе усилившейся въ послѣднее время дѣятельности греческихъ и сербскихъ бандъ, отъ которыхъ сильно терпитъ болгарское населеніе Македоніи. Вообще же народу наскучили постоянныя распри честолюбивыхъ вождей и онъ требуетъ теперь энергичныхъ и серьезныхъ дѣйствій.

Оттоманское правительство собирается произвести перепись населенія Македоніи для того, чтобы установить разъ навсегда правильность притязаній различныхъ національностей, враждующихъ между собою изъ-за преобладанія. Идея такой этнологической анкеты предложена была европейскою печатью, такъ какъ только это дало бы возможность разобраться въ запутанныхъ національныхъ отношеніяхъ въ Македоніи и опредѣлить границы различныхъ народностей, претендующихъ на господство. Но то, что Турція такъ спѣшитъ воспользоваться этою идеей, невольно внушаетъ опасенія. Распри въ Македоніи очень выгодны Турціи, такъ какъ умиротвореніе національностей нанесло бы смертельный ударъ турецкому господству, поэтому то турецкое правительство такъ и торопится заявить о своемъ желаніи произвести перепись. Эта мѣра, которая могла бы пролить свѣтъ на истинное положеніе національностей въ Македоніи и ввести законность тамъ, гдѣ существуетъ теперь полная сумятица, теряетъ всякое значеніе въ рукахъ Турціи, которая постарается, конечно, придать ей фиктивный характеръ. Можно предвидѣть, что оттоманскія власти прибѣгнутъ къ различнымъ уловкамъ, съ цѣлью увеличенія цифры мусульманскаго населенія въ Македоніи и Европѣ будетъ представлена искусственная, а не настоящая Македонія. Поистинѣ надо удивляться довѣрчивости нѣкоторыхъ европейскихъ державъ, допускающихъ разрѣшеніе македонской проблемы при помощи турокъ. Нѣтъ сомнѣнія, что турецкій режимъ все извратитъ и тѣ мѣры, которыя державы попробуютъ ввести въ этой провинціи, непремѣнно подвергнутся искаженію и потеряютъ всякій смыслъ. Такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока Германія, Россія и Австрія будутъ считать своимъ долгомъ поддерживать изъ принципа разлагающуюся турецкую монархію и будутъ продолжать зорко наблюдать другъ за другомъ, подозрѣвая другъ друга въ желаніи пріобрѣсти больше правъ и популярности въ Турціи и совершенно игнорируя при этомъ интересы угнетенныхъ народностей.

Македонскіе болгары, какъ извѣстно, пользуются въ своей революціонной борьбѣ лозунгомъ: «Македонія для македонцевъ»! Теперь этотъ лозунгъ включенъ и въ программу внѣшней политики Болгаріи, только называется онъ иначе—«Автономіей Македоніи». До сихъ поръ всѣ старанія привлечь и сербовъ на сторону этой программы были неудачны. Большинство отклоняло такую платформу, отговариваясь тѣмъ, что болгары, какъ болѣе подвижной и энергичный элементъ, конечно, должны будутъ взять верхъ надъ всѣми прочими

національностями въ автономной Македоніи. Но въ послѣднее время эта точка зрѣнія, какъ будто поколебалась и среди македонскихъ сербовъ начинаетъ мало-по-малу созрѣвать убѣжденіе, что было бы полезно дѣйствовать заодно съ болгарами въ македонскомъ вопросѣ. Недавно двое руководителей сербскаго революціоннаго движенія въ Македоніи, Ташковичъ и Герджиковичъ, котораго называютъ «сербскимъ Сарафовымъ», пріѣзжали въ Софію для переговоровъ съ «Внутреннею македонскою организаціей» и весьма вѣроятно, что эти переговоры будутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ извѣстную солидарность дѣйствій обоихъ народностей въ Македоніи.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Политическое равноправіе женщинъ.—Бельгійскія кооперації.

Пока въ Европѣ идутъ споры насчетъ политической правоспособности женщинъ, и лишь съ большимъ трудомъ, да и то частями, онѣ завоевываютъ себѣ право въ соціальной и экономической областяхъ, въ Австраліи смѣло и рѣшительно разрѣшенъ вопросъ равноправія женщинъ. Пятая часть свѣта далеко опередила въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, старый міръ, и британскія колоніи не остановились на однихъ теоретическихъ обсужденіяхъ проблемы, какъ это дѣлаетъ метрополія.— «Neue Deutsche Rundschau» замѣчаетъ, что даже такая передовая страна, какъ Америка, отстала въ этомъ отношеніи, и только въ четырехъ штатахъ женщинамъ даны политическія права, въ другихъ же дѣло политическаго равноправія женщинъ остановилось на точкѣ замерзанія. Однако, эта важная реформа была введена въ Австраліи не сразу, а постепенно. Сначала женщины получали право участія въ выборахъ лишь въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, затѣмъ это право было расширено и распространилось на общинные выборы. Спустя нѣкоторое время женщины получили и политическія избирательныя права, но лишь на выборахъ въ отдѣльныхъ штатахъ, и, наконецъ, недавно уже полныя политическія права, т. е. онѣ пользуются избирательнымъ правомъ на выборахъ въ федеральный союзъ. Впервые вопросъ о политическихъ женскихъ правахъ былъ возбужденъ въ Австраліи лѣтъ 38 тому назадъ, и женщины послѣдовательно, безъ всякой борьбы и усилій, достигли полнаго равноправія. Одинъ бывшій членъ новозеландскаго парламента пишетъ по этому поводу: «Женщины получили сначала право выбора въ школьные совѣты и воспользовались этимъ правомъ съ большимъ умѣніемъ. Онѣ выбирали всегда лучшихъ людей и, вообще, выказывали такой интересъ и пониманіе дѣла, что, спустя нѣкоторое время, мы сами стали выбирать женщинъ въ школьные совѣты. Затѣмъ постепенно и въ нѣкоторыхъ другихъ вопросахъ женщинамъ были даны такія же административныя положенія, какъ и мужчинамъ, и хотя вначалѣ это всегда вызывало сильную оппозицію, но скоро эта оппозиція сама собою пре-

кращалась, такъ какъ, къ удивленію противниковъ женскаго равноправія, женщины всегда справлялись со своимъ дѣломъ не хуже мужчинъ. Тогда мы увидѣли, что можемъ идти дальше по этому пути, и въ 1886 г. распространили и на женщинъ активное и пассивное избирательное право на муниципальныхъ выборахъ. Я лично знаю одну женщину, которая долгое время была бургомистромъ одного маленькаго и очень цвѣтущаго городка Австраліи, жители котораго были очень довольны ею и находили, что ни одинъ мужчина не могъ бы справиться лучше ея съ обязанностями бургомистра. Словомъ, женщины такъ умно пользовались муниципальнымъ избирательнымъ правомъ, что, наконецъ, въ 1893 г. мы рѣшили дать имъ также и активное политическое избирательное право, и намъ ни разу не пришлось въ этомъ раскаяться».

Какъ въ Новой Зеландіи, такъ происходило дѣло и въ другихъ австралійскихъ колоніяхъ. Сначала были сдѣланы опыты дарованія избирательныхъ правъ женщинамъ въ какой-нибудь опредѣленной области, и права эти постепенно расширялись, такъ какъ результаты опытовъ повсюду оказывались очень благопріятными, и предубѣжденія противъ женскаго равноправія исчезали. Новозеландскій первый министръ Седдонъ теперь самъ сознается, что онъ прежде былъ рѣшительнымъ противникомъ женскаго равноправія, но факты заставили его измѣнить свое мнѣніе, и теперь, на основаніи тщательнаго изученія этого вопроса, онъ пришелъ къ заключенію, что полное политическое равноправіе женщинъ оказываетъ благотворное вліяніе даже на семейную жизнь.

Интересно прослѣдить отдѣльныя даты въ исторіи развитія женскаго избирательнаго права въ Австраліи. Первый шагъ на этомъ пути былъ сдѣланъ Новымъ Южнымъ Валлисомъ въ томъ же году и подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ блестящей рѣчи, произнесенной Джономъ Стюартомъ Миллемъ въ 1867 году въ англійскомъ парламентѣ. Вообще практическіе результаты неутомимой пропаганды Милля въ пользу правъ женщины проявились гораздо раньше въ колоніяхъ, нежели въ Метрополіи, гдѣ лишь спустя два года женщины получили общинное избирательное право, и на этомъ дѣло и остановилось, несмотря на всѣ успѣхи женскаго движенія въ Англіи. Въ 1869 году за Новымъ Южнымъ Валлисомъ послѣдовала Викторія, въ 1871 г.—Западная Австралія, въ 1880 г.—Южная Австралія, въ 1884 г.—Тасманія и въ 1885 г.—Новая Зеландія. Въ отношеніи общиннаго избирательнаго права начало было сдѣлано Новымъ Южнымъ Валлисомъ, а въ отношеніи политическихъ правъ—Новой Зеландіей. Эта колонія первая дала въ 1893 г. политическія избирательныя права женщинамъ. За нею послѣдовала Южная Австралія въ 1895 г., Западная Австралія въ 1900 г., Новый Южный Валлисъ въ 1902 г., Тасманія въ 1903 г. и, наконецъ, Квинсландъ и Викторія приняли это нововведеніе только въ нынѣшнемъ году, причемъ Викторія, долго противившаяся этой реформѣ, ввела ее у себя мѣсяца два тому назадъ.

Такимъ образомъ, въ пятой части свѣта женщины объявлены совершенно-

лѣтними въ политическомъ отношеніи, и такъ какъ новый австралійскій парламентъ установилъ конституцію австралійской республики на широкихъ основаніяхъ, дѣйствительно покоящихся на волѣ всего народа, то онъ счелъ нужнымъ распространить политическія права и на женщинъ, такъ что австралійскія женщины теперь вполнѣ правоспособны, и ничто не препятствуетъ имъ принимать активное участіе въ дѣлахъ своей родины. Предположенія, что женщины не станутъ пользоваться своими избирательными правами, когда получатъ ихъ, или же, что участіе въ политической жизни страны непремѣнно отразится пагубнымъ образомъ на семейной жизни, нисколько не оправдались. Какъ ни старались противники женскаго равноправія изображать мрачными красками будущее семьи, пугая призраками политическаго разногласія супруговъ, заброшенныхъ дѣтей, распри и нарушенія мира домашняго очага,— ни одно изъ этихъ пророчествъ не сбылось, когда женщины получили права, и семьи ихъ нисколько отъ этого не пострадали. Женщины не только сами принимали вездѣ участіе въ выборахъ, но побуждали и мужчинъ къ выполненію этой обязанности, такъ что процентъ участвующихъ къ выборахъ мужчинъ замѣтно возросъ съ тѣхъ поръ, какъ женщины получили избирательныя права. Участіе женщинъ отразилось уже и на законодательствѣ, и многіе полезные законы были вотированы въ Новой Зеландіи, благодаря непосредственному вмѣшательству женщинъ. Тоже самое можно сказать и о южной и западной Австраліи, гдѣ политическая дѣятельность женщинъ отразилась самымъ благопріятнымъ образомъ на законодательствѣ.

Въ «Revue de Paris» напечатана интересная статья, представляющая отчетъ о дѣятельности «Vooruèt»— знаменитой кооперативной ассоціаціи въ Гентѣ. Авторъ описываетъ сначала положеніе въ этомъ городѣ рабочихъ классовъ въ первой половинѣ XIX вѣка и неудачныя попытки Франца Лорана улучшить условія ихъ быта. Но мало-по-малу сами рабочіе зашевелились и, наконецъ, въ 1873 г. въ Гентѣ было основанн общество «свободныхъ пекарей». Въ 1880 г. соціалисты, бывшіе членами этого общества, вышли изъ него и основали другую кооперацію «Vooruèt», съ цѣлями пропаганды. Въ 1884 г. это новое общество уже обладало нѣсколькими зданіями и открыло образцовую булочную, кафе, театръ, библіотеку и т. д., а затѣмъ въ теченіе года было основано въ Антверпенѣ бельгійской рабочей партіей еще 25 такихъ федерацій по образцу «Vooruèt».

Большинство кооперативныхъ ассоціацій въ Бельгіи обыкновенно начинаютъ съ того, что устраиваютъ общественную хлѣбопекарню, а затѣмъ уже развиваютъ свою дѣятельность и въ другихъ направленіяхъ. Въ настоящее время Гентская ассоціація «Vooruèt», удовлетворяетъ уже всѣмъ матеріальнымъ потребностямъ рабочаго класса и прекрасные магазины этого общества доказываютъ какъ много могутъ сдѣлать энергичные и дѣятельные люди посредствомъ кооперації, хотя бы у нихъ не было ни гроша. Теперь «Vooruèt», кромѣ библіотеки, имѣетъ еще и свой книжный магазинъ, свою типографію и издаетъ газету. Общество организовало также сберегательную кассу и пен-

сіонный фондъ. Въ огромной залѣ «Vooruèt» устраиваются митинги и разныя увеселительныя собранія, концерты и публичныя лекціи, такъ что теперешній директоръ «Vooruèt'a» Анзееле имѣетъ полное право говорить, что «соціализмъ заботится не только о тѣлесномъ, но и о духовномъ питаніи» и что «Vooruèt», содѣйствуетъ не только физическому и нравственному, но и умственному благосостоянію своихъ членовъ.

Успѣхъ кооперативныхъ обществъ въ Бельгіи и торжество капитализма привели къ угнетенію и даже полному уничтоженію средняго рабочаго класса. Журналъ «La Revue», въ статьѣ о международной организаціи мелкой буржуазіи указываетъ на то, что мелкіе лавочники и ремесленники обыкновенно обнаруживаютъ весьма мало склонности къ организаціи или кооперацiи и вообще, къ національной или профессіональной солидарности. Въ политическомъ отношеніи они большею частью оказывались неспособными къ независимой иниціативѣ и обыкновенно становились на сторону реакціонныхъ партій. Интернаціонализмъ среди мелкой буржуазіи не имѣлъ успѣха и, наоборотъ, буржуазія эта увлекалась идеями самаго узкаго націонализма, хотя, въ общемъ умственные горизонты мелкаго лавочника рѣдко выходили за порогъ его лавки. Капитализмъ все это измѣнилъ. Мелкая промышленность, мелкая торговля должны были вездѣ уступить мѣсто крупной и необходимость совмѣстнаго сопротивленія общему злу стала ощущаться всѣми. Тогда-то начали возникать различныя лиги и ассоціаціи, и движеніе стало постепенно развиваться. За послѣдніе годы идеи ассоціацiи и международной организаціи пріобрѣли много сторонниковъ, на что указываютъ, между прочимъ, конгрессы Намюрскій, Антверпенскій и Амстердамскій и успѣхъ бельгійской демократической лиги. Борьба съ капитализмомъ принимаетъ теперь все болѣе рѣзкіе размѣры и служитъ уже лозунгомъ для всѣхъ возникающихъ ассоціацій.

СУДЪ PRUD'HOMMES ВЪ БЕЛЬГІИ, ЕГО ОРГАНИЗАЦІЯ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

(Письмо изъ Брюсселя).

I.

Среди оригинальныхъ соціально-юридическихъ учрежденій Бельгіи одно изъ важныхъ и, во всякомъ случаѣ, замѣтныхъ мѣстъ занимаютъ, такъ называемые «Conseils des Prud'hommes», нѣчто въ родѣ постоянныхъ третейскихъ судовъ для предпринимателей и рабочихъ. Большой интересъ представляетъ возникновеніе и эволюція этого несомнѣннаго института обычнаго права. Исторически возникновеніе его относится къ очень сѣдой древности, ко временамъ царствованія «добраго короля» Хлодвига и даже еще глубже въ даль вѣковъ. Нѣкоторые несомнѣнные зачатки суда Prud'hommes можно отыскать уже въ 11-мъ вѣкѣ, а во времена великой Ганзы онъ уже твердо вкоренился въ жизнь и привычки населенія. Географическимъ пунктомъ, гдѣ заро-

дился судъ Prud'hommes, наиболѣе авторитетные историки права считаютъ Фландрію, гдѣ эта форма народнаго «справедливаго» суда—голоса общественной совѣсти—была оффиціально признана уже въ 12-мъ столѣтіи.

По сущности своей юридической, практической и соціально-экономической дѣятельности, современный судъ Prud'hommes представляетъ собою прямое и естественное порожденіе сильно развитой промышленной жизни Бельгіи, но нѣкогда онъ былъ именно важнымъ показателемъ народнаго пониманія справедливости.

Область, въ которой судъ Prud'hommes дѣйствуетъ теперь, есть, главнымъ образомъ область отношеній предпринимателей къ наемнымъ рабочимъ, т.-е. та форма экономической зависимости, которую удачно опредѣляетъ французскій терминъ «salariat». Съ одной стороны, профессіональныя наемныя руки, съ другой—классъ людей, примѣняющихъ эти рабочія руки къ производству разнаго рода продуктовъ и къ выполненію разнаго рода труда—вотъ почва, на которой и для которой существуютъ Prud'hommes. Высокая степень зависимости между экономическимъ строемъ послѣднихъ десятилѣтій и тѣмъ типомъ судебнаго учрежденія, нѣкоторыя черты котораго я берусь обрисовать, характеризуется тѣмъ обстоятельствомъ, что судъ Prud'hommes, какъ правительственное учрежденіе, возникъ, именно, въ тотъ моментъ, когда на жизненной сценѣ оказались въ большомъ количествѣ свободныя рабочія руки и въ не меньшемъ количествѣ—предпріимчивые люди, обладающіе орудіями труда и не имѣющіе ничего противъ полученія прибавочной стоимости. До того момента въ Бельгіи судъ Prud'hommes существовалъ лишь въ качествѣ оффиціально не поддерживаемаго института обычнаго права. Но, съ учащеніемъ случаевъ, когда для урегулированія отношеній между рабочими и предпринимателями понадобилось авторитетное и быстрое юридическое вмѣшательство, явилась необходимость въ особомъ учрежденіи, снабженномъ властью примѣнять къ обѣимъ сторонамъ соотвѣтственныя юридическія нормы, заимствованныя, кстати сказать, не только изъ законно утвержденныхъ кодексовъ, но и изъ обычнаго права. Обширная область недоразумѣній и правонарушеній, содѣянныхъ двумя общественными группами между собою и въ предѣлахъ каждой группы, оказалась, такимъ образомъ, выдѣленной изъ компетенціи общихъ судебныхъ установленій и поступила въ исключительное вѣдѣніе новаго суда, сохранившаго старинное названіе Prud'hommes.

Такая форма суда любопытна не только какъ характерная черта бельгійской жизни, но и въ качествѣ явленія съ болѣе широкимъ значеніемъ. Дѣло въ томъ, что, помимо этнографическаго интереса, она имѣетъ и значительный соціологическій, какъ образчикъ попытки внесенія основъ права въ область борьбы классовыхъ интересовъ. Съ другой, противоположной стороны, это учрежденіе интересно и какъ пережитокъ добраго, стараго времени, когда справедливыя учрежденія, созданныя усиліями чистаго разума, почитались панацеей въ дѣлѣ примиренія враждебныхъ тенденцій въ обществѣ и достиженія всеобщаго благоденствія. Съ этой послѣдней точки зрѣнія судъ Prud'hommes тѣмъ болѣе интересенъ, что подъ давленіемъ жизненныхъ условій

современности, онъ переживаетъ процессъ переработки въ новую, болѣе соотвѣтствующую требованіямъ дѣйствительности, форму. Стадіи развитія суда Prud'hommes вполнѣ соотвѣтствуютъ фазамъ соціальнаго развитія культурныхъ странъ западной Европы, и это обстоятельство превращаетъ судъ Prud'hommes въ чувствительный показатель гораздо болѣе важнаго и результатнаго процесса.

За послѣднее время, когда борьба политическихъ партій въ Бельгіи достигаетъ высокой степени интенсивности, суды Prud'hommes стремятся играть важную вспомогательную роль въ освободительномъ движеніи рабочаго класса. Бельгійская рабочая партія умѣло манипулируетъ выборами въ суды Prud'hommes и отчасти уже пользуется ими, какъ оплотомъ противъ реакціонной буржуазіи.

II.

Свой очеркъ я посвящу изложенію общихъ понятій о судѣ Prud'hommes объ его отношеніяхъ къ другимъ видамъ суда, его составѣ, компетенціи, особенностяхъ, затѣмъ попытаюсь указать его политическую роль, приведу нѣсколько статистическихъ данныхъ, опредѣляющихъ размѣры его значенія въ жизни страны, и закончу нѣсколькими фактами изъ практики суда.

Сначала о географическомъ распространеніи суда. Въ отдѣлѣ соціальной экономіи Льежской всемірной выставки виситъ въ настоящее время рядъ картограммъ, обрисовывающихъ очень наглядно эту сторону вопроса. Изъ нихъ видно, что суды Prud'hommes организованы далеко не по всей территоріи Бельгіи и созданы далеко не одновременно. Больше всего судовъ Prud'hommes въ западной части Бельгіи, т.-е. въ обѣихъ Фландріяхъ, что объясняется, конечно, историческимъ зарожденіемъ судовъ Prud'hommes именно въ этихъ областяхъ. Ихъ компетенціи подлежитъ почти вся территорія западной половины Бельгіи за очень малыми исключеніями (исключены коммуны, не имѣющія вовсе промышленныхъ предпріятій).

Наоборотъ, въ восточной Бельгіи суды Prud'hommes оффиціально организованы значительно позже и захватываютъ только немногіе наиболѣе промышленные пункты. Изъ тѣхъ же картограммъ видно, что первымъ, оффиціально признаннымъ, судомъ Prud'hommes въ Бельгіи былъ гэнтскій судъ, законно признанный еще въ 1810 г., т.-е. въ то время, когда Бельгія входила въ составъ Нидерландовъ и не пользовалась независимой государственностью. Въ 1813 г. судъ Prud'hommes былъ оффиціально признанъ въ Брюггэ — нѣкогда столицѣ великой Ганзы. Всѣ остальные 29 судовъ Prud'hommes позднѣйшаго происхожденія, а именно: 10 основаны въ 40-хъ годахъ, 9 въ 50-хъ, 2 въ 60-хъ, 1 въ 70-хъ, 4 въ 80-хъ, 1 въ 90-хъ и 2 въ началѣ 20-го столѣтія. Установленіе ихъ въ различныхъ новыхъ пунктахъ, по ходатайствамъ о томъ коммунальныхъ управленій, продолжается и теперь. Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія парламентъ нѣсколько разъ обсуждалъ вопросы объ установленіи новыхъ Conseils des Prud'hommes. Между прочимъ, и въ текущую парламентскую сессію внесенъ докладъ о присоединеніи къ участку Льежскаго Conseil

des Prud'hommes нѣсколько новыхъ подгородныхъ коммунъ, условія жизни въ которыхъ радикально измѣнились подъ вліяніемъ быстро развившейся промышленности.

Бѣглаго взгляда на хронологію въ исторической эволюціи Prud'hommes достаточно, чтобы установить кульминаціонный пунктъ ихъ развитія въ 40-хъ годахъ. Это доказываетъ только, что на судъ Prud'hommes было обращено особенное вниманіе только тогда, когда капиталистическая эпоха стала вполнѣ вступать въ свои права, именно—въ срединѣ XIX-го столѣтія. Вотъ какъ описываетъ этотъ моментъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ экономистовъ-историковъ:

«Еще въ началѣ столѣтія человѣческая мысль не знаетъ, въ какую сторону направить всю силу своего вниманія. Она колеблется въ выборѣ, хватается за эволюцію политическихъ формъ, за благоволеніе сильныхъ міра сего, надѣется на случайности міровой жизни, ждетъ чего то отъ международныхъ дипломатическихъ конфликтовъ..., а между тѣмъ, тайная работа могучихъ рычаговъ, поршней и колесъ исторіи идетъ своимъ чередомъ быстро и неудержимо. Капиталистическая централизація захватываетъ все болѣе многочисленныя области промышленной жизни. Промышленность растетъ и вмѣстѣ растутъ, какъ грибы, оба класса населенія, прикрѣпленные съ разныхъ сторонъ къ производству. Въ тоже время происходятъ послѣдовательныя измѣненія въ организаціи совѣтовъ Prud'hommes и, наконецъ, въ законахъ 7-го февраля 1859 г. и 1861 г. эта форма суда получаетъ свое окончательное устройство. Только черезъ 30 лѣтъ, когда на сценѣ бельгійской соціальной жизни уже играла видную роль рабочая партія, именно 31-го іюля 1889 года, внесены новыя важныя, являющіяся уступкой духу времени, измѣненія въ организаціи суда Prud'hommes. Реформа расширила ихъ компетенцію, внесла поправки въ структуру выборовъ, измѣнила внутренніе распорядки какъ «совѣта», такъ и «мирового бюро» и, вообще, облегчила гарантіи оказываемаго правосудія».

При разсмотрѣніи географическаго распредѣленія судовъ Prud'hommes бросается въ глаза еще поразительное разнообразіе въ величинѣ ихъ участковъ. Въ то время, какъ гентскому, брюжскому, ипрскому (Ipres) суду подвѣдомственны участки величиной въ средній русскій уѣздъ, тутъ-же рядомъ имѣются участки микроскопической величины, какъ напр., брюссельскій, который ограниченъ территоріей города. Эта неравномѣрность обусловлена чисто историческими причинами и доказываетъ лишь, что въ развитіе этого института обычнаго права не вмѣшивались никакія искусственныя нивеллирующія причины. Судъ Prud'hommes вѣдаетъ, какъ уже сказано, всѣ дѣла, возникающія между рабочими и, вообще, служащими людьми—съ одной стороны, и предпринимателями и хозяевами,—съ другой, на *почвѣ труда*, т. е. по столько, по сколько эти дѣла не выходятъ за предѣлы профессіональныхъ интересовъ. Кромѣ того, ему подлежатъ по просьбѣ одной изъ сторонъ дѣла между рабочими и дѣла между хозяевами, какъ напр., случаи явныхъ нетоварищескихъ отношеній среди работающихъ вмѣстѣ въ одной мастерской или случаи раздоровъ на экономической почвѣ между предпринимателями. Неуплата заработной платы, наруше-

ніе условій и контрактовъ, негуманное обращеніе, отказъ уплатить какой-либо предусмотрѣнный въ процессѣ труда расходъ, недобросовѣстное исполненіе обязательствъ и т. п.—всѣ дѣла подобнаго рода относятся къ компетенціи Prud'hommes. Если дѣло, подлежащее суду Prud'hommes, связано въ тоже время съ элементами, входящими въ компетенцію общихъ судебныхъ установленій, то Prud'hommes разсматриваютъ его лишь въ части, подлежащей ихъ вѣдѣнію, и, постановивши приговоръ, передаютъ другому типу суда. Большинство приговоровъ, особенно по гражданскимъ дѣламъ (иски до 250 франк.), произносятся судомъ Prud'hommes въ окончательной формѣ; напротивъ, рѣшенія по дѣламъ съ уголовной подкладкой могутъ быть обжалованы въ ассизномъ судѣ.

Судъ Prud'hommes состоитъ собственно изъ двухъ учрежденій: Bureau de conciliation и Conseil des Prud'hommes. Первое, какъ указываетъ самое его названіи, пытается примирить обвинителя съ обвиняемымъ и заставить одну изъ сторонъ—очевидно, неправую—пойти на уступки, но, если первая инстанція не удовлетворяетъ тяжущихся, то наступаетъ очередь второй, снова распрашивающей истца, свидѣтелей и отвѣтчика и постановляющей приговоръ. Характеръ суда носитъ, въ сущности, только Conseil des Prud'hommes, первая же инстанція и по мысли законодателей и на практикѣ является кружкомъ добрыхъ, юридически опытныхъ совѣтчиковъ, обращающихся для убѣжденія противниковъ не къ нормамъ закона, а къ совѣсти тяжущихся. Для характеристики учрежденія замѣчу, что громадное большинство дѣлъ (въ брюссельскомъ округѣ напр. 80%) не доходитъ до совѣта, такъ какъ тяжущихся удается склонить къ уступкамъ и примиренію.

Изъ вывѣшенной въ соціальномъ отдѣлѣ Льежской всемірной выставки таблицы о дѣятельности Prud'hommes въ 1904 г., которая еще не вошла въ бельгійскій Annuaire Statistique за 1904 г., видно, что въ этомъ послѣднемъ отчетномъ году число дѣлъ, закончившихся мировой, достигаетъ 90%, именно на 6331 разобранныхъ дѣлъ 5699 окончились мирно и всего по 632 постановлены приговоры.

Интересно указать на прямую зависимость, повидимому, существующую между интенсивностью экономической жизни и количествомъ примиреній. Въ то время какъ въ Шарлеруа, Монсѣ, Брюсселѣ и др. крайне оживленныхъ промышленныхъ пунктахъ число примиреній очень велико въ глухихъ мѣстностяхъ Фландріи въ Conseil des Prud'hommes переходитъ очень часто большинство дѣлъ.

Составъ обоихъ учрежденій одинаковый: 12 дѣйствительныхъ членовъ и 6 запасныхъ. Свои примирительныя и чисто судебныя функціи Prud'hommes исполняютъ поперемѣнно. Всѣ они лица выборныя. Назначается только предсѣдатель, впрочемъ, изъ числа выборныхъ членовъ и регистраторъ (greffier)—амплуа въ родѣ секретаря русскаго съѣзда мировыхъ судей. Изъ числа членовъ суда два по ихъ выбору назначаются вице-предсѣдателями докладчиками въ «мировое бюро» и въ совѣтъ Prud'hommes. Избираются члены слѣдующимъ образомъ: половина выбирается предпринимателями изъ своей среды, половина рабочими изъ своей. Предсѣдатель назначается по представленію высшей юри-

дической власти, при чемъ выборъ далеко не всегда падаетъ на предпринимательскихъ кандидатовъ.

Дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ, при чемъ голосъ предсѣдателя, при равномъ распредѣленіи голосовъ, имѣетъ перевѣсъ. Противъ такой привилегіи изъ среды самыхъ Prud'hommes слышится много нареканій. Другими какими-либо особыми правами предсѣдатели судовъ не обладаютъ. Судопроизводство у Prud'hommes отличается значительной элементарностью и быстротой. Тяжущіеся имѣютъ даже право просить, чтобы ихъ дѣло было цѣликомъ разобрано и рѣшено въ одномъ засѣданіи, несмотря на то, что это представляетъ значительныя трудности, такъ какъ въ судахъ Prud'hommes нѣтъ общаго правила производить предварительныя разслѣдованія.

Обращеніе къ суду Prud'hommes требуетъ необходимаго расхода въ 2 фр. 35 сант. (около 90 коп.) отъ обоихъ тяжущихся. Выигравшій дѣло получаетъ свой взносъ обратно, а проигравшій уплачиваетъ его въ двойномъ размѣрѣ. Неимущій обвинитель или обвиняемый могутъ требовать даровато правосудія «pro Deo». За приведеніемъ рѣшеній суда къ исполненію наблюдаетъ общая административная власть государства.

Prud'hommes выбираются на два года изъ лицъ, достигшихъ 30 лѣтъ и не опороченныхъ по суду. Выборы происходятъ ежегодно, такъ какъ за одинъ разъ выходитъ всего одна половина членовъ.

Нововведеніе самаго послѣдняго времени представляетъ въ судопроизводствѣ Prud'hommes участіе защитниковъ, принятое, впрочемъ, не всѣми учрежденіями этого типа.

III.

Значеніе Conseils des prud'hommes въ соціальной жизни Бельгіи, можетъ быть довольно ярко обрисовано статистическими данными. За послѣдніе годы Prud'hommes разсматриваютъ ежегодно отъ 6 до 7 тыс. дѣлъ, изъ которыхъ 75% падаетъ на недоразумѣнія между рабочими и хозяевами. Будучи абсолютно небольшой, цифра 8 т. пріобрѣтаетъ импонирующее значеніе, если сопоставить ее съ цифрами рабочаго народонаселенія и пространства страны. Бельгія меньше самой небольшой изъ русскихъ центральныхъ губерній, а ея профессіональное рабочее населеніе не превышаетъ 1.100 т. человѣкъ, изъ которыхъ значительная часть (35%) ведетъ самостоятельныя предпріятія самолично, и слѣдовательно, лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ имѣетъ нужду въ воздѣйствіи Prud'hommes. Но и независимо отъ подобныхъ сопоставленій, идея справедливости, провозглашенная нѣсколько тысячъ разъ, особенно въ такихъ жгучихъ вопросахъ, какъ вопросы труда, не можетъ не вносить оживляющаго элемента въ общественную жизнь. Нѣсколько тысячъ случаевъ правосуднаго возмездія и столько же случаевъ удовлетворенія требованій, основанныхъ на правѣ, не могутъ не остаться безъ благодѣтельнаго для началъ истины и справедливости вліянія на будущее. Наконецъ, развѣ мало значитъ повторенное много разъ индивидуальное сознаніе, что съ одной стороны правда существуетъ

и не даетъ себя въ обиду, а съ другой, что несправедливость неудобна, ибо карается.

На всѣ эти соображенія можно возразить, что для правильнаго сужденія о степени благодѣтельности результатовъ извѣстнаго судебнаго учрежденія необходимо, чтобы былъ *положительно* разрѣшенъ вопросъ о гарантіяхъ правосудія. Если данное учрежденіе руководится только и исключительно началами истины и справедливости, тогда, разумѣется, не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что итоги участія учрежденія въ жизни благодѣтельны, и наоборотъ.

Кое-какіе матеріалы для разрѣшенія этого, дѣйствительно первостепенной важности, вопроса доставляются самой практикой судовъ Prud'hommes. Таковъ, напримѣръ, фактъ быстраго увеличенія количества дѣлъ, представляемыхъ на разрѣшеніе Prud'hommes. Таковъ же фактъ все болѣе горячаго участія, какое принимаетъ рабочее населеніе въ выборахъ въ суды Prud'hommes.

Я уже говорилъ, что члены суда какъ запасные, такъ и дѣйствительные не назначаются, а *выбираются*. Кто-же участвуетъ въ выборахъ представителей правосудія, обязанныхъ блюсти интересы труда?

Чтобы быть выборщикомъ въ судѣ Prud'hommes, необходимо, во первыхъ, быть не моложе 25 лѣтъ, затѣмъ, обладать правомъ участія въ законодательныхъ выборахъ *) и сверхъ того, главнымъ или исключительнымъ занятіемъ имѣть трудъ въ какой-либо отрасли промышленности. Такое ограничительное условіе значительно суживаетъ кругъ выборщиковъ, ограничивая его ремесленниками, фабричными и, вообще, постоянными рабочими, хозяевами и управляющими промышленныхъ предпріятій. На выборахъ, слѣдовательно, встрѣчаются двѣ разнородныя и далеко не дружественныя силы, что служитъ неминуемымъ поводомъ къ предвыборной агитаціи и борьбѣ. Говоря вообще, предъ выборами въ судъ Prud'hommes, особенно въ послѣдніе годы, ведется не менѣе интенсивная агитація, нежели предъ законодательными выборами; но она не столь очевидна частью потому, что въ ней принимаютъ участіе только извѣстные слои населенія, частью потому, что судъ Prud'hommes существуетъ далеко не всюду, а лишь въ промышленныхъ пунктахъ. Еще задолго до выборовъ въ промышленныхъ пунктахъ страны начинаются митинги, особенно любопытные тамъ, гдѣ проявляется борьба между синдикатами рабочихъ и рабочими не организованными. Необходимо замѣтить, что въ Бельгіи, какъ и всюду, гдѣ уже пробудилось сознаніе рабочей массы, между обѣими группами царствуютъ далеко не дружескія отношенія. Вполнѣ откровенно прорывается вражда, между прочимъ, и на митингахъ предъ выборами въ Prud'hommes. Ораторы объединенныхъ рабочихъ доказываютъ, что Prud'hommes, вышедшіе изъ профессіональныхъ организацій и поддерживающіе живую связь съ коллективными трудовыми единицами, гораздо болѣе опытны въ дѣлѣ разрѣшенія разныхъ жгу-

*) Бельгійскіе граждане, какъ извѣстно, пользуются всеобщимъ избирательнымъ правомъ, усложненнымъ плюральной системой голосовъ и пропорціональностью представительства.

чихъ вопросовъ труда, и наоборотъ, что неорганизованные рабочіе зачастую не обладаютъ знаніемъ того минимума требованій, который давно уже выставленъ синдикатами. При томъ рабочіе, не принадлежащіе къ союзамъ, гораздо легче подпадаютъ подъ вліяніе буржуазныхъ воздѣйствій, между тѣмъ какъ члены суда Prud'hommes должны сохранять полную независимость.

Насколько политическое значеніе Prud'hommes выросло за послѣдніе годы, видно изъ рѣчей, постановленій и пожеланій, произнесенныхъ и выставленныхъ на послѣднемъ конгрессѣ Prud'hommes въ Брюсселѣ. Здѣсь въ цѣломъ рядѣ сообщеній слышится одна преобладающая нота, гласящая, что періодъ прозябанія Prud'hommes давно уже кончился, что они заняли вполнѣ опредѣленное важное мѣсто въ соціальной жизни страны и, что если соціальное движеніе придетъ имъ на помощь и охватитъ большинство дѣятелей, то суды Prud'hommes сыграютъ почетную роль въ общемъ реформированіи общественнаго строя. Въ частности указывалось, что суды Prud'hommes пріучаютъ населеніе къ самоуправленію въ настоящемъ смыслѣ этого слова, что они во многомъ облегчаютъ тяжесть положенія, приходящагося на долю трудящагося класса, и что по ихъ почину въ массу все интенсивнѣе проникаютъ здравыя понятія объ истинѣ и справедливости. Въ области пожеланій конгрессъ Prud'hommes выставилъ слѣдующія требованія отъ будущаго:

1) Расширеніе компетенціи Prud'hommes на всѣхъ получающихъ заработную плату (до сихъ поръ въ область ихъ вѣдѣнія входили лишь лица, *постоянно* состоящія рабочими).

2) Организація новыхъ судовъ Prud'hommes, по требованію или по совѣту мѣстныхъ профессіональныхъ союзовъ.

3) Облегченіе условій, опредѣляющихъ права участвовать на выборахъ (предѣльный минимальный возрастъ вмѣсто 25 л.—21 г., зачисленіе въ выборщики иностранцевъ, прожившихъ въ странѣ не менѣе 10 л. и т. п.).

4) Уничтоженіе преимущества предсѣдателей оказывать перевѣсъ своимъ голосомъ. Простой третейскій судъ въ случаѣ равенства голосовъ. Выборы предсѣдателей изъ числа членовъ самими членами.

5) Даровой судъ для всѣхъ и даровой проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ для сторонъ и свидѣтелей.

6) Постановленіе, чтобы тяжбы между рабочими судились только представителями отъ рабочихъ, а тяжбы между хозяевами—только представителями отъ хозяевъ.

7) Установленіе наказаній для тѣхъ, кто воспользуется возможностью оказать матеріальное или нравственное вліяніе на члена суда Prud'hommes.

8) Уничтоженіе клятвъ во время судопроизводства и принесенія присяги Prud'hommes предъ началомъ своей дѣятельности.

9) Назначеніе регистраторовъ самими Prud'hommes.

10) Равенство правъ предсѣдателя и вице-предсѣдателя.

11) Расширеніе компетенціи Prud'hommes въ гражданскихъ искахъ до 500 франковъ.

12) Въ качествѣ апелляціонной инстанціи организація высшаго судилища изъ всѣхъ Prud'hommes округа и т. д., и т. д.

IV.

Количественная сторона дѣятельности Prud'hommes въ Бельгіи можетъ быть обрисована слѣдующей таблицей. Въ ней приведены данныя съ 1862 г., но не за всѣ годы подъ рядъ, такъ какъ вполнѣ аккуратно свѣдѣнія о своей дѣятельности Prud'hommes стали доставлять только за послѣдніе 15 лѣтъ.

Годы.	Число дѣлъ между рабочими.	Число дѣлъ между рабочими и хозяевами.	Число дѣлъ между хозяевами	Годы.	Число дѣлъ между рабочими.	Число дѣлъ между рабочими и хозяевами.	Число дѣлъ между хозяевами.
1862 . .	132	2.517	55	1890 . .	212	4.235	—
1865 . .	80	3.171	26	1891 . .	215	4.782	—
1870 . .	87	3.238	24	1892 . .	191	5.091	—
1875 . .	160	3.711	11	1893 . .	233	5.335	—
1880 . .	143	3.360	2	1894 . .	214	5.384	—
1883 . .	220	2.999	3	1895 . .	207	6.816	2
1884 . .	205	2.963	—	1896 . .	186	7.636	2
1885 . .	260	2.966	—	1897 . .	201	6.832	—
1886 . .	224	3.161	—	1898 . .	205	6.512	4
1887 . .	230	3.810	—	1900 . .	134	6.348	5
1888 . .	235	3.959	—	1902 . .	236	6.975	—
1889 . .	255	4.206	—	1904 . .	312	6.019	—

Округляя цифры, мы видимъ, что въ теченіе двадцати пяти отчетныхъ лѣтъ судами Prud'hommes разсмотрѣно свыше ста тысячъ дѣлъ по самымъ различнымъ вопросамъ труда, при чемъ подавляющее большинство ихъ—около 90% — относится къ области недоразумѣній между предпринимателями и рабочими и всего $^1/_8$ % падаетъ на недоразумѣнія между предпринимателями. При ближайшемъ разсмотрѣніи, изъ цифръ, приведенныхъ въ таблицѣ, можно сдѣлать нѣсколько не лишенныхъ любопытности выводовъ. Изъ цифръ, заключенныхъ во 2-мъ и 3-мъ столбцахъ, ясно видно, что въ то время, какъ число дѣлъ между рабочими и предпринимателями обнаруживаетъ неуклонную тенденцію къ повышенію, пустыя почти графы 3-го столбца живописуютъ самое трогательное согласіе, царствующее среди предпринимателей. Въ отношеніяхъ между рабочими подобнаго дружелюбія и единодушія, по крайней мѣрѣ, въ столь откровенной формѣ, не наблюдается, и число дѣлъ между ними остается почти на одномъ уровнѣ. Фактъ почти абсолютнаго нежеланія предпринимателей возносить свою скорбь на разсмотрѣніе Prud'hommes можетъ повести къ двумъ довольно вѣроятнымъ гипотезамъ. Съ одной стороны возможно, что путемъ горькаго опыта хозяева предпріятій убѣдились въ полной неспособности Prud'hommes оцѣнять предпринимательскую скорбь достодолжнымъ образомъ, но съ другой стороны не менѣе правдоподобно и то предположеніе, что классовое сознаніе все рѣже перестаетъ измѣнять имъ.

По отношенію къ рабочимъ первая гипотеза, повидимому, не можетъ быть примѣнена, а вторую можно поставить только съ большими оговорками.

Болѣе детальное представленіе о дѣятельности судовъ Prud'hommes даетъ одинъ изъ отчетовъ брюссельскаго Conseil des Prud'hommes.

Въ теченіе года «Bureau de conciliation» имѣло 108 засѣданій и разсмотрѣло 963 дѣла, распредѣляющихся по различнымъ рубрикамъ слѣд. образомъ:

1. Уплата заработной платы	249
2. » вознагражденія за несвоевремен. разсчетъ . . .	139
3. » » за прекращенную не по винѣ рабочаго работу	20
4. Тоже самое, но съ прибавленіемъ заработной платы . .	228
5. Возстановленіе испорченныхъ инструментовъ	8
6. Возстановленіе испорченныхъ продуктовъ	2
7. Вознагражденіе за неисполненный контрактъ	21
8. Вознагражденіе за несвоевременный отъѣздъ	15
9. Вознагражденіе за путевыя издержки.	3
10. Штрафъ за испорченную работу	1

и т. п.

743 разсмотрѣнныхъ дѣла окончились примиреніемъ, 81 оставлены безъ послѣдствій или взяты обратно сторонами и 135 переданы на разсмотрѣніе «Conseil des Prud'hommes». Изъ нихъ 120 закончились приговорами, а 15 полюбовно. Девять приговоровъ апеллированы.

Дѣятельность брюссельскаго суда Prud'hommes заключалась сверхъ того, еще въ слѣдующемъ. Имъ было предпринято 76 предварительныхъ слѣдствій, при чемъ всего 6 съ написаніемъ протокола, 33 очныхъ ставки, 3 посѣщенія мѣстъ совершенія проступковъ и 8 экспертизъ.

Сверхъ того онъ выдалъ 4 довѣренности, утвердилъ 2-хъ опекуновъ надъ малолѣтними и разсмотрѣлъ 115 различныхъ актовъ, плановъ фабрикъ и заводовъ, и образцовъ правилъ для рабочихъ въ фабричныхъ помѣщеніяхъ.

Отсюда уже можно видѣть, какъ разнообразна дѣятельность Prud'hommes и какъ широко поле тѣхъ воздѣйствій, которыя онъ можетъ примѣнить въ защитѣ труда.

V.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о практической постановкѣ судопроизводства Prud'hommes и привести образчики разбираемыхъ дѣлъ, чтобы дополнить и округлить, такимъ образомъ, представленіе объ этомъ типѣ суда.

Въ Брюсселѣ и Льежѣ, гдѣ мнѣ приходилось лично присутствовать на судебномъ разбирательствѣ Prud'hommes, засѣданія этого типа суда возбуждаютъ къ себѣ большой интересъ въ самыхъ различныхъ кругахъ общества. На скамьяхъ для публики вы встрѣтите здѣсь не только многочисленныхъ рабочихъ самыхъ различныхъ спеціальностей, но и людей, забѣжавшихъ съ улицы для того, чтобы послушать, какъ творится народное правосудіе,—и путешествующихъ англичанъ, и журналистовъ, пришедшихъ за бытовымъ матеріаломъ.

Засѣданія брюссельскихъ Prud'hommes происходятъ довольно торжественно

въ монументальномъ зданіи Palais de justice по вечерамъ, чтобы не отрывать ищущихъ правосудія отъ работы. Регистраторъ вызываетъ тяжущихся по очереди, и тѣ выходятъ со своими свидѣтелями, о которыхъ напередъ можно и не заявлять. Затѣмъ начинается приведеніе къ присягѣ; истецъ, а за нимъ отвѣтчикъ поднимаютъ правыя руки и произносятъ слѣдующую формулу клятвы: «клянусь говорить правду и только правду, да поможетъ мнѣ Богъ». Та-же формула произносится и всѣми свидѣтелями, когда до нихъ доходитъ очередь. Во время опроса тяжущихся, свидѣтели удаляются въ особую комнату. Обстоятельства дѣла,въ громадномъ большинствѣ случаевъ, столь просты, что выясненіе ихъ занимаетъ нѣсколько минутъ, такъ что въ теченіе 2—3 часовъ разсматривается 10—15 дѣлъ. Приговоры по нимъ постановляются по окончаніи публичнаго засѣданія и произносится на слѣдующій день. Вотъ наиболѣе типичные образчики дѣлъ.

Галстучница, 12 лѣтъ работающая ежедневно съ 7 ч. утра до 11 час. вечера и зарабатывающая за 16-ти часовой рабочій день 3 фр. 60 сант. *въ недѣлю*, покорнѣйше проситъ совѣтъ обязать ея хозяина уплачивать ей аккуратно ея заработокъ и уплатить нѣсколько десятковъ франковъ, недоплаченныхъ за предыдущія недѣли.

Чахоточная кружевница, трудящаяся съ 6 час. утра до 11 час. вечера и получающая 1 фр. ($37^1/_2$ коп.) въ день, проситъ повліять, чтобы ей уплатили заработокъ.

Щеточникъ, пріѣзжающій ежедневно за 70 верстъ по желѣзной дорогѣ, работающій поштучно и вырабатывающій въ 10 час. труда 73 сант. (около 30 коп.), проситъ Prud'hommes подѣйствовать на хозяина, чтобы тотъ изъ реализуемыхъ крупныхъ барышей увеличилъ ему плату.

Булочникъ, получающій 1 фр. за 15-ти-часовый рабочій день, жалуется что хозяинъ потребовалъ съ него 25 фр. залога и тотчасъ-же оштрафовалъ его на такую же сумму за невыпеченные бисквиты.

Три сапожника—фламандца жалуются, что ихъ выгнали изъ мастерской и удержали ихъ собственные инструменты за то, что они *говорили по фламандски*.

Мальчикъ куаферъ заявляетъ, что когда онъ, проработавши въ субботу до 12 час. ночи, опоздалъ на слѣдующій день на полчаса, то хозяинъ обругалъ его безобразными словами и вытолкалъ за дверь ударами ногъ и кулаковъ.

Рабочій изъ картонажной мастерской, прослужившій на одномъ и томъ же мѣстѣ 29 лѣтъ, жалуется, что его выгнали за то, что онъ потребовалъ заработанныя деньги. Между тѣмъ, онъ отецъ пяти маленькихъ дѣтей.

Всѣ эти дѣла взяты мною изъ печатнаго отчета члена брюссельскаго суда Prud'hommes Эмиля Губерта.

Наиболѣе любопытенъ тотъ фактъ, что громадное большинство предпринимателей не только не отрицаетъ взводимыхъ на нихъ обвиненій, но даже не является къ суду, предпочитая безъ дальнѣйшихъ околичностей уплатить наложенный штрафъ и понести назначенную судомъ кару. Для нихъ, видите-ли,

позорно становиться на одну доску съ рабочимъ передъ судомъ изъ рабочихъ, но нисколько не позорно дѣлать вещи, способныя довести до такого суда.

Очеркъ мой во многихъ отношеніяхъ вышелъ неполонъ. Я хорошо понимаю, что дѣятельность Conseils des Prud'hommes слѣдовало бы разсматривать въ связи съ общимъ очеркомъ бельгійскаго соціальнаго законодательства, хорошо вижу и то, что обособленно отъ создавшей его дѣйствительности институтъ постоянныхъ посредническихъ третейскихъ судовъ можетъ произвести впечатлѣніе явленія съ неглубокимъ соціальнымъ значеніемъ. Petit pays— petites idées скажутъ, пожалуй, нѣкоторые читатели, мечтающіе о соціальныхъ учрежденіяхъ съ широкимъ размахомъ, и если не скажутъ, то подумаютъ нѣчто въ родѣ этой популярной самоуничижительной бельгійской поговорки. Да, идеи не особенно великія, но жизненныя формы ихъ, созданныя, нужно помнить, глубокой стариной, еще очень способны исправлять недостатки существующаго строя и дѣлать жизнь болѣе свѣтлой и менѣе жестокой.

М. Г.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Октябрь. 1905 г.

Содержаніе: Беллетристика. — Публицистика.—Государственное право.—Исторія всеобщая и русская.—Соціологія и политическая экономія.—Философія.—Естествознаніе и медицина.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

А. К. „Стихи".—*А. Радченко.* „На распутьи". Стихотворенія.—*Оптимистъ.* „Въ ожиданіи".—*О. Рунова.* „Утреннички". Разсказы. — „Сѣверные цвѣты. Ассирійскіе. Сборникъ. Книгоизд. „Скорпіонъ".

А. К. Стихи. СПБ. 1905 г. стр. 119 ц. 1 р. На обложкѣ «Стиховъ» А. К. красуется какой-то нелѣпый лебедь съ двумя концентрическими кругами вокругъ головы и со звѣздой надъ нею. Если читатель захочетъ по нелѣпой, кричащей обложкѣ судить о самихъ стихахъ, то онъ ошибется: ничего нарочито изломаннаго онъ не найдетъ въ нихъ. Авторъ искренно и горячо любитъ древность; его любимая сфер—аэллинскій и ассиро-вавилонскій эпосъ. Онъ любитъ свѣтлый духъ древности и умѣетъ оживить излюбленную имъ среду. Мы, кажется, до сихъ поръ не встрѣчали въ печати стиховъ А. К. и тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что этому автору вѣдомо настоящее *чувство* красоты, поэтическое воспріятіе и возсозданіе предмета. Онъ яркими, жгучими образами рисуетъ дріадъ и сатировъ, Геру и Діонисовы пляски, мольбы богинь Истаръ и боевой кличъ ассирійца Издубара. Муза автора грѣшитъ, правда, нѣкоторой однообразностью и если читать всю книжку подрядъ, то это чтеніе даже утомляетъ, но въ избранной авторомъ сферѣ онъ достигаетъ мѣстами незаурядной красоты.

Нѣсколько стихотвореній, по содержанію стоящихъ въ сторонѣ отъ древней миѳологіи, оказываются слабѣе остальныхъ: они блѣдны, расплывчаты и тусклы.

Будемъ надѣяться, что авторъ въ дальнѣйшемъ расширитъ поле своего зрѣнія и найдетъ не только позади, въ прекрасной, но наивной и узенькой древности, но и вокругъ себя достойныя разработки темы; данныя для развитія—темпераментъ, искренность, музыкальный стихъ—у него имѣются.

Извиняясь передъ читателемъ за длинную выписку, приведемъ изъ сборника одно особенно понравившееся намъ стихотвореніе:

Смерть Соломона.

Опираясь на трость кипарисную,
Будто въ сладостный сонъ погруженъ,
Замеръ, позу принявъ живописную
Снѣжно-кудрый мудрецъ Соломонъ.
Онъ надвинулъ корону алмазную
И глядитъ неподвиженъ и строгъ,
Какъ шайтаны толпой безобразною
Ему строятъ хрустальный чертогъ.

И, безмолвіемъ тайны объятые,
Безотчетнаго страха полны,
Робко трудятся дѣвы крылатые
Надъ постройкой колоннъ и стѣны.
Поглощенный тяжелой работою,
Ни одинъ не додумался джинъ,
Что не грезитъ, объятый дремотою,
А навѣкъ ихъ угасъ властелинъ.

И толпой они трудятся плѣнною,
Непрерывно работа кипитъ,
А средь залы съ улыбкой надменною
Соломонъ неподвижно стоитъ.

Исторія повторяется, хочется сказать по поводу этихъ стиховъ...

Л. В-ій.

А. Ѳ. Радченко. На распутьи. Стихотворенія. (1901—1904). СПБ. 1905 г. Ц. 60 к. Книжку гораздо правильнѣе было бы назвать не «На распутьи», а «На диванѣ», «На кушеткѣ», «У камина» или еще какъ-нибудь въ этомъ родѣ: такіе въ ней спокойненькіе, безмятежненькіе стихи. Объ этомъ можно судить хотя бы по заглавіямъ отдѣльныхъ пьесъ: «Дѣвочка», «Дѣтямъ», «Покой», «Грезы», «Забвенье», «Стремленья», «объясненья», «Размышленья», «Мгновенья»... Такіе стихи, особенно если ихъ пишетъ ваша младшая, не по лѣтамъ развитая дочь, читаешь охотно .. въ рукописи, но къ чему ихъ печатать? У автора большой запасъ добрыхъ чувствъ, нѣжное, чувствительное сердце, много семейственности, но всѣ эти прекрасныя качества не могутъ заставить насъ забыть объ отсутствіи—полномъ, безусловномъ отсутствіи дарованія:

Я рисую въ мягкихъ полутонахъ,
Я люблю намеки и эскизъ,
Я хочу, чтобъ въ радужныхъ коронахъ
Надо мной видѣнія неслись,

говоритъ авторъ. Но мало любить и хотѣть: надо *умѣть*—или бросить перо въ сторону.

Край Ай—Петри выступаетъ,
Дымкою одѣтъ,
Съ минарета завываетъ
Муэдзинъ Ахметъ.
И на всемъ вокругъ могучій
Царственный покой.

Послѣдняя цитата—избитыя, безнадежно банальныя строки – типичны для «творчества» г. Радченко. Рѣжетъ ухо также неряшливость формы, небрежное отношеніе къ русскому языку: «И я глядѣлъ *и* безъ конца въ твои (любимой женщины (Л. В.) нѣмыя *очертанья*»: «Легла забвенія печать на тѣхъ, кто спитъ уже давно въ могилахъ, кого теперь *такъ трудно увидать*»; «серебристыя брызги вспѣненной волны разсыпаются сверху *до пятокъ*» (до чьихъ, интересно? Ни о какомъ человѣческомъ существѣ здѣсь рѣчи нѣтъ. Л. В.) Неземной голосъ зоветъ автора: «*Скидай* оковы! Смѣлѣй впередъ!». Но всего лучше слѣдующее альбомное морсо:

Воля, Игорь, крошка Лена,
Какъ живете? Запахъ сѣна
Прошлымъ лѣтомъ—позабыли?
. . . . . .
Вспоминаете-ль Черничье,
. . . . . .
Гдѣ березовою кашей
Угощать мы васъ хотѣли,
Только какъ-то не успѣли?
Обѣщали *чики-брики*, (?!)
Были страхи тамъ велики... И т. д.

Можно-ли такія интимные пустячки пускать въ печать? Въ одномъ «размышленіи» автору приходитъ на умъ, что «быть можетъ», онъ «совсѣмъ неправъ и то поетъ, что пѣть не надо». Но дѣло въ томъ продолжаетъ онъ, что пѣсни единственная его отрада поетъ онъ тихо, не тревожитъ людской толпы и не множитъ людскихъ волненій; а можетъ быть, кто нибудь, прочтя его трудъ, убѣдится, что онъ, авторъ, шелъ въ жизни всегда къ прекрасной цѣли?» Оригинальный взглядъ на поэзію, какъ на средство къ самообѣленію

или самооправданію... Не говоря уже о томъ, что это болѣе чѣмъ произвольное толкованіе цѣли поэзіи, но какъ могутъ убѣдить хотя бы и самые благородные стихи въ томъ, что *жизнь* ихъ автора была благородна? А благородные стихи крѣпостника—Фета?

Намъ искренно жаль времени, потраченнаго авторомъ на его «чики-брики».

Л. В-ій.

Оптимистъ. Въ ожиданьи. Фельетоны въ стихахъ. Изд. «Общ. Пользы». 1905 г. Легкимъ перомъ и, при помощи всегда ему послушной риѳмы, направляя свой «утлый челнъ» по волнамъ общественней жизни, г. Оптимистъ благополучно избѣгнулъ «грозной отмели цензурной» и подноситъ читателямъ—«свой багажъ литературный...». Багажъ не очень грузный, такъ что особой опасности челну затонуть или сѣсть на мель врядъ ли представлялось, но читатели, навѣрное, будутъ рады встрѣтиться опять съ извѣстной «иностранкой», ожиданіе пріѣзда которой такъ остроумно описано авторомъ. Эта сценка, давшая заглавіе всему сборнику, несомнѣнно самая удачная и понынѣ самая злободневная, ибо публика все еще въ ожиданіи незнакомки—«чей псевдонимъ... раскрытъ давно,—но молвить имя это громко—воспрещено». Впрочемъ, теперь имя уже не воспрещено; но какъ говорилъ Фаустъ: «Ich habe keine Namen dafür! Name ist Schall und Rauch». Суть, очевидно, должна быть въ дѣлѣ, а не въ имени, какую бы думу мы не думали для общаго блага. Г. Оптимистъ затрогиваетъ самыя разнообразныя темы въ своихъ фельетонахъ на злобы дня: театръ и художественныя выставки, городскія дѣла и концессіи желѣзныхъ дорогъ, новые журналы и «бюрократическую машину»; выступаютъ поочередно писатели, актеры, журналисты, извѣстные пѣвцы и живописцы и т. д. Многіе изъ пародій и шаржей представляли интересъ минуты, такъ что теперь потеряли свою остроту, но, собранные вмѣстѣ за три года, они вызываютъ въ памяти разные случаи изъ нашей общественной жизни, представляясь въ формѣ болѣе или менѣе юмористическаго «Обозрѣнія» симпатично настроеннаго г. Оптимиста.

Ѳ. Б.

О. Рунова. Утреннички и другіе разсказы. Изд. «Посредника. М. 1905. Стр. 363. Ц. 1 р. 50 к. Имя г-жи Руновой попадалось намъ на страницахъ журналовъ. Ея разсказы примыкаютъ къ многочисленному въ нашей литературѣ циклу описаній всяческаго «нестроенія» деревни; авторы этихъ описаній менѣе гонятся за художественностью изложенія, чѣмъ за «этнографической» правильностью картины. Но они не ограничиваются одними объективными бытовыми данными—напротивъ, личность автора, его сужденія и похвалы, его сомнѣнія и выводы часто даже заслоняютъ картину, да онъ не особенно старается избѣгнуть этого. Что касается техники писанія такихъ разсказовъ, то она несложна: авторъ устами своего героя записываетъ наблюденія интеллигента въ деревнѣ и снабжаетъ эти замѣтки его переживаніями и выводами. Фигуры берутся рѣзко очерченныя, безъ переходныхъ оттѣнковъ; для оживленія вводится описаніе какой-нибудь вечеринки или празднованія именинъ жены кого-нибудь изъ сосѣдей героя. Земскій начальникъ всегда грубый недалекій самодуръ, фельдшеръ—пьяница, земскій врачъ—честный и самоотвержанный работникъ, но порывистый и неровный по натурѣ человѣкъ. Но всего проще, мы бы сказали даже—всего банальнѣе въ этихъ разсказахъ мужики и бабы: всѣ несчастные, голодные, невѣжественые, забитые... Рисуемые въ такихъ разсказахъ картины слишкомъ типичны для того, чтобы быть новыми, слишкомъ прямолинейны, чтобы быть художественными: нѣтъ въ нихъ выдумки, нѣтъ новой точки зрѣнія или манеры писать, новаго, неиспользованнаго уголка жизни и творчества. Это не значитъ, конечно, что всѣ произведенія подобнаго рода скучны и безполезны: очень часто на защиту автора становится важность и жизненность трактуемыхъ темъ; очень часто также

подкупаетъ и заражаетъ читателя искренность и страстность, съ которой авторъ болѣетъ горемъ и нуждами деревни, заражаетъ настолько, что эстетическую мѣрку къ разсказу и прилагать не хочется... Разсказы г-жи Руновой не принадлежатъ къ числу этихъ послѣднихъ, и это потому, что они, по крайней мѣрѣ—самые большіе изъ нихъ по размѣру, слишкомъ растянуты и блѣдно написаны: они написаны по-женски. По установившемуся, болѣе чѣмъ странному, обыкновенію, книжка озаглавлена по первому помѣщенному въ ней разсказу «Утреннички»—это тѣ замораживающія душу муки, какія молодой земскій врачъ Лешинъ испытываетъ на борьбѣ съ эпидеміей дифтерита въ деревнѣ. Воодушевленный самыми лучшими намѣреніями, готовый на все, чтобы локализировать эпидемію, Лешинъ мужественно берется за дезинфекцію зараженныхъ избъ, изоляцію больныхъ и сжиганіе инфицированнаго платья. Съ первыхъ же шаговъ его встрѣчаетъ недовѣріе, невѣжество, пассивный протестъ; его приказаній не слушаютъ, фельдшера гонятъ изъ избы, его обманываютъ на каждомъ шагу... Знакомая, очень знакомая картина, и только настоящій художникъ могъ бы свѣжо и ярко освѣтить ее; этого г-жа Рунова не сдѣлала... Кстати: Лешинъ съ одобренія автора съ первыхъ же шаговъ дѣлаетъ цѣлый рядъ грубыхъ тактическихъ ошибокъ: онъ не убѣждаетъ, а сразу же *грозитъ* крестьянамъ земскимъ начальникомъ, сотскимъ, старшиной; онъ беретъ съ собой при обходѣ избъ сельское «начальство»; какого же довѣрія къ себѣ ждалъ онъ въ такомъ случаѣ? Онъ наивно «разочаровывается» въ готовности земскаго начальника и мѣстнаго священника оказывать ему помощь: чего же «чарующаго» могъ онъ ждать отъ своихъ бесѣдъ съ крестьянами въ присутствіи перваго и отъ церковныхъ проповѣдей—второго? Слѣдующій большой разсказъ въ сборникѣ «По благородному» написанъ нѣсколько лучше; центральный пунктъ въ немъ «топографическій»—домъ земскаго начальника Сумбулова и мытарства въ немъ Насти, няньки его маленькой дочери. Недурно описана жена Сумбулова, мягкое, любящее, безотвѣтное существо, гости—супруги Павлиновы и нѣк. др. Зато этотъ разсказъ далеко не свободенъ отъ шаржа: утрированно смѣшенъ предсѣдатель земской управы, старый генералъ-рамоли, чрезмѣрно противны врачъ Кригге и слѣдователь. Изъ остальныхъ четырехъ разсказовъ лучше другихъ «Поѣздка» и «Попечительскій день», особенно послѣдній. Это—безхитростное и трогательно-искреннее описаніе дня попечительницы по раздачѣ продовольствія голодающимъ крестьянамъ. Попечительница въ ужасѣ недоумѣваетъ, что здѣсь могутъ эти жалкія крохи, какъ исчерпать ковшомъ море горя народнаго? *Л. В—ій.*

Сѣверные цвѣты. Ассирійскіе. Книгоиздат. «Скорпіонъ». 1905 г. Ц. 6 р. Въ августовскомъ (послѣднемъ по времени) номерѣ «Вопросовъ Жизни», журнала, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, объединившаго декадентовъ, эстетовъ и доморощенныхъ мистиковъ съ неоидеалистами, мы встрѣтили по нашему адресу упрекъ въ некультурности. Послѣдняя проявилась, во-первыхъ, въ тонѣ полемики нашего товарища г. Кранихфельда (см. «Журнальный обзоръ», іюнь), и во-вторыхъ—въ общемъ некультурномъ содержаніи журнала, мало занимающагося вопросами эстетики и философіи и совершенно не касающагося религіи. Удрученные этимъ упрекомъ, мы съ жадностью ухватились за рекомендованные критикомъ «Вопросовъ Жизни» произведенія такого культурнаго типа, какъ «Сѣверные цвѣты», въ надеждѣ здѣсь найти свѣтъ истинной культуры, и прежде всего, обратились, конечно, къ плодамъ культурнаго творчества ближайшихъ и постоянныхъ сотрудниковъ «Вопросовъ Жизни», наполнившихъ «Ассирійскими цвѣтами» своей культурности сборникъ «Сѣверныхъ цвѣтовъ». И вотъ что мы нашли себѣ въ поученіе и назиданіе. «Кикимора» г. А. Ремизова привѣтствовала насъ со страницъ «Ассирійскихъ»:

«На пѣтушкѣ воротъ, крутя курносымъ носомъ, съ гримасою крещенской маски, затѣйливо Кикимора усѣлась и чиститъ бережно себѣ копытце.

«Га!—прыснулъ тонкій голосокъ, ха! ищи! а шапка вонъ на жерди... хи-хи!.. хи-хи! А тотъ какъ чебурахнулся, споткнувшись на гладкомъ мѣстѣ... Влюбленнымъ намяла я желудки - Га! хи-хи-хи! Я бабушкѣ за ужиномъ плюнула во щи, а дѣду въ бороду пчелу пустила. Аукнула-мяукнула Оде подъ поцѣлуи, а пьяницу завѣяла кричащимъ спомъ и оголила...

«Вся затряслась Кикимора, заколебалась, отъ хохота за тощіе животики схватилась.

«Тьфу!—ты, проклятая!—Га! хи-хи-хи... И только пятки тонкія сверкнули за поле, въ лѣсъ... Сплетать обманы, причуды сѣять, и до умору хохотать».

Тутъ же г. Ремизовъ поучаетъ насъ насчетъ «Полёзницы», «Кутья-Войсы» и еще «Омеля и Ена», въ столь же глубокихъ и содержательныхъ строфахъ, какъ и его «Кикимора». Нѣсколько сконфуженные нашимъ непониманіемъ культурнаго содержанія этихъ странныхъ созданій, мы все-таки храбро продолжали углубляться въ «Ассирійскіе цвѣты» другого столпа «Вопросовъ Жизни» г. Вячеслава Иванова, который далъ «Змѣи и Солнце» и трагедію «Танталъ», и были поражены открытіемъ, что въ мірѣ все повторяется: незабвенной памяти Тредьяковскій всталъ, какъ живой, въ произведеніяхъ г. Вячеслава и радостно закивалъ «главой»:

„Какъ кротъ слѣпой, прорылся я изъ темныхъ нѣдръ
На вольный день, о читель! И не смогъ Аидъ
Затмить мнѣ память: соблазнилъ его я самъ
Искусной кознью и сплетеньемъ тонкихъ лжей.
И отпустилъ онъ связня на урочный срокъ
Къ живымъ,—имъ заповѣдать правыхъ пупянъ уставъ
И даней жирныхъ и поминокъ, возалкавъ
Даровъ благоутробныхъ отъ рабовъ своихъ".

Ничто не ново подъ луной, съ грустью подумали мы, при видѣ тѣни Тредьяковскаго, котораго менѣе всего ожидали встрѣтить въ саду «Ассирійскихъ цвѣтовъ» подъ ручку съ Кикиморой, съ одной стороны, и г-жею Гиппіусъ—съ другой. Даже для стиля самоновѣйшаго модернизма эта очаровательная тріада показалась намъ чрезмѣрной, и наши поиски культурности увяли безъ расцвѣта, какъ ни старалась насъ расшевелить г-жа Гиппіусъ вмѣстѣ съ г-жею Вилькиной тайнами «обнаженій» и альковныхъ «утонченностей», а Теотль, Неватль и Тлацотли изъ поэмы г. Брюсова «Земля» соблазнами смерти всего рода человѣческаго въ мигъ вожделѣнный. Что же это за культурность, въ которой меня угощаютъ то побасенками, то неудачными подражаніями Тредьяковскому, то до тошноты пріѣвшимися «обнаженіями», невѣроятными для самихъ авторовъ? Какъ ни ломай голову надъ всѣми этими плодами разнузданности и развязнаго пренебреженія къ здравому смыслу, но культурности тутъ нѣтъ слѣда. Скорѣе какое-то вялое топтанье на одномъ мѣстѣ, безъ малѣйшей попытки сказать что-либо новое. Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ наши модернисты, съ шумомъ и крикомъ, выступили на арену съ девизомъ: «новое искусство» и—ни съ мѣста. Все также г-жа Гиппіусъ силится превзойти самое себя въ порнографіи, все также г. Брюсовъ измышляетъ самыя дикія словечки и невѣроятныя положенія, все также гг. Минскіе, Бальмонты, Вячеславы Ивановы, купно съ самоновѣйшими Чулковыми и Ремизовыми разыскиваютъ всякихъ кикиморъ, а бѣдное новое искусство такъ и остается безъ движенія. И тысячу разъ правъ г. Луначарскій, признавъ наше декадентство—«искусствомъ неудачниковъ», созданнымъ на потѣху выродковъ буржуазіи. «Богема во всѣ времена,—говоритъ онъ въ своей интересной книгѣ «Этюды критическіе и полемическіе»,—склонна была

мечтать и злобствовать, но никогда не было такого изобилія богемы, какъ нынче. Конкурируя между собою, всѣ эти поэты, музыканты, скульпторы и живописцы тщатся перекричать и переоригинальничать одинъ другого, и какихъ дикихъ цвѣтовъ ложнаго искусства не возникаетъ на этой нездоровой почвѣ, въ этой нездоровой атмосферѣ! Оторванный отъ общественной жизни, лишенный радости бытія, издерганный самолюбіемъ и конкуренціей, измечтавшійся пролетарій-художникъ изобрѣлъ декадентство съ его гипертрофіей личности, нелѣпыми и подчасъ грязными экстравагантностями, чахлымъ идеализмомъ и пустою мечтательностью; изобрѣлъ эту смѣсь напряженнаго оригинальничанія и такъ неудовлетвореннаго существа,—и вдругъ уродцы-буржуа распростерли ему свои объятія: быстро начало происходить взаимное приспособленіе, и худосочная муза, нашептывающая больныя сказки, воцарилась на нашемъ Парнасѣ»,—превратилась, въ концѣ концовъ, въ Кикимору. Отражая настроеніе двухъ безнадежныхъ соціальныхъ группъ: вырождающейся буржуазіи и излишняго умственнаго пролетаріата, который самъ является продуктомъ разложенія средняго класса,—говоритъ г. Луначарскій,—это искусство заражено кладбищенскимъ духомъ, отвращеніемъ къ жизни и поисками потусторонняго міра. Нашего домашняго производства, декадентство, какъ всякая копія, преувеличиваетъ всѣ отрицательныя стороны и недостатки оригинала. Отсюда уродливое пренебреженіе къ здравому смыслу, доведенное до nec plus ultra кривляніе и ломанье и унылое завываніе о прелестяхъ смерти, и т. п. Былъ одинъ моментъ, когда у нашихъ декадентовъ явилось желаніе помахать гражданскимъ кинжаломъ, но они и сами устыдились такой неподходящей для себя роли, и снова затянули свои плачевные кладбищенскіе мотивы. И благо имъ! Это имъ гораздо больше къ лицу, чѣмъ смертоносное оружіе, которымъ, того и гляди, можно по небрежности ранить самого себя. А пожить имъ куда какъ хочется, несмотря на все ихъ словесное презрѣніе къ жизни. Они просто кокетничаютъ со смертью, зная хорошо, что отъ слова не станется.

При чемъ же, однако, культурность, въ недостаткѣ который они упрекаютъ другихъ? Рѣшительно не при чемъ, просто—съ обычной развязностью и легкимъ сердцемъ сорвалось съ пера, и только. Лучшимъ доказательствомъ служатъ «Ассирійскіе цвѣты», въ которыхъ столько же ассирійскаго, какъ поэзіи у новаго Тредьяковскаго—Вячеслава Иванова. *А. Б.*

ПУБЛИЦИСТИКА.

Н. Дружининъ. „Очерки крестьянской общественной жизни“.—*Лордъ Маколей* „О гражданскихъ правахъ евреевъ“.—*И. Левитовъ.* „Желтороссія какъ буферная колонія“.—*Ѳ. Зѣлинскій.* „Изъ жизни идей“.

Н. П. Дружининъ. Очерки крестьянской общественной жизни. Изд Юрид. кн. скл. «Право». Н. П. Дружининъ пользуется заслуженной извѣстностью въ качествѣ деревенскаго бытописателя. Его книги, изъ которыхъ чуть ли не наиболѣе важной является обширное изслѣдованіе о юридическомъ положеніи крестьянъ—выдержали цѣлый рядъ изданій. Послѣдній трудъ Н. П. Дружинина «Очерки крестьянской общественной жизни» составленъ изъ статей, напечатанныхъ за нѣсколько лѣтъ въ «Вѣстникѣ Европы» и «Русской Мысли», а также и болѣе раннихъ, появлявшихся еще въ «Жизни» и «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Несмотря на то, что со времени появленія большинства, прошло всего нѣсколько лѣтъ, нѣкоторая устарѣлость изслѣдованія является несомнѣн-

ной и должна быть ранѣе всего принята во вниманіе читателемъ. Устарѣлость эта касается настроенія крестьянъ и даже больше того — ихъ міровоззрѣнія, въ которомъ произошло такъ много серьезныхъ, коренныхъ измѣненій именно за послѣдніе годы. Та апатичная, безгранично покорная и безконечно терпѣливая масса, какую по личнымъ наблюденіямъ выводитъ въ своихъ картинахъ сходовъ—авторъ, какъ это ярко и исторично доказала нынѣ жизнь — относится теперь къ прошлому.

Значеніе книги Н. П. Дружинина, такимъ образомъ, не въ характеристикѣ настроенія, а въ обрисовкѣ уклада, учрежденій и вообще фактовъ, которыхъ не успѣло еще измѣнить такъ радикально измѣнившееся настроеніе деревни... «Даровой органъ финансоваго управленія», т. е. наиболѣе дешевый путь взыманія сборовъ—такъ опредѣляетъ авторъ органы крестьянскаго самоуправленія, задушенные самой крайней зависимостью отъ администраціи и самымъ ужасающимъ неустройствомъ. Представленныя въ книгѣ Н. П. Дружинина картины крестьянской общественной жизни являются фактами, взятыми прямо изъ дѣйствительности. «Онѣ взяты изъ губерніи со сравнительно развитымъ крестьянскимъ населеніемъ, среди котораго произволъ не можетъ проявляться такъ свободно, какъ проявляется онъ въ «медвѣжьихъ углахъ», предупреждаетъ авторъ. Картины взяты «не изъ самой тяжелой дѣйствительности» — утверждаетъ онъ. И все же глубокимъ и глухимъ ужасомъ вѣетъ отъ этой «не самой тяжелой дѣйствительности,» и горькій стонъ слышится изъ за простыхъ и непритязательно правдивыхъ страницъ книги.

Центральной фигурой всего уклада деревни выдвигается, конечно, земскій начальникъ съ его огромной, почти неограниченной властью надъ деревней, съ его обычнымъ, полнымъ невѣжествомъ, произволомъ и тому подобными отличительными признаками этой «твердой и близкой къ народу крѣпостнической» власти. «Вотъ вашъ начальникъ—рекомендуетъ въ книгѣ Н. П. Дружинина «земскаго» губернаторъ на сельскомъ сходѣ.—Слушаться его во всемъ... Какъ рѣшитъ—такъ и будетъ... Жаловаться незачѣмъ, некому и некуда!»... (стр. 175). «Жалобы будутъ на мордѣ, а прошенія на задней части тѣла» — объявляетъ земскій начальникъ, обращающимся къ нему крестьянамъ (стр. 36).

При наличности этой твердой—одновременно и судебной и административной—власти—крестьянское самоуправленіе представляетъ жалкую и совершенно безсильную «видимость». *Право* участія въ самоуправленіи выродилось въ тягостную *обязанность*. Посѣщеніе сходовъ, гдѣ слышится постоянное «цыцъ! молчать!», «взять его въ холодную» и т. п. приходится дѣлать обязательнымъ и только опасеніе строгой кары заставляетъ крестьянъ собираться въ законномъ количествѣ. Сплошь и рядомъ эту обязанность успѣшно пытаются обойти путемъ купли—продажи голоса. Обязанность присутствовать на сходахъ передается замѣстителямъ съ приплатой въ 4—6 рублей. Въ другихъ случаяхъ учреждается очередь для несенія этой тягостной обязанности. «Чего на сходъ ходить, когда земскій начальникъ рѣшаетъ» — такова точка зрѣнія крестьянина. Если не брать даже отдѣльныхъ случаевъ, въ родѣ избіенія земскимъ начальникомъ участниковъ схода (стр. 36) и т. п., и ограничиться лишь общимъ уровнемъ дѣятельности крестьянскаго самоуправленія—то результаты изученія останутся все же поистинѣ поразительными. Для достиженія желательныхъ результатовъ на сходахъ сплошь и рядомъ ставятся подложныя фамиліи, а сознательные крестьяне административнымъ путемъ лишаются права участвовать въ сходахъ. Въ обрисовкѣ этого положенія Н. П. Дружининъ не ограничивается своими личными наблюденіями и приводитъ, кромѣ нихъ, еще цѣлый рядъ оффиціальныхъ показаній, заключающихся въ протоколахъ такъ наз. губернскихъ совѣщаній. Херсонское губернское совѣщаніе указываетъ на обычай «вписывать отсутствующихъ неграмотныхъ и даже умершихъ, какъ

присутствующихъ на сходѣ» съ цѣлью узаконенія тѣхъ или иныхъ желательныхъ сельскимъ властямъ результатовъ. «Не бывшіе на сходѣ, а также умершіе» фигурируютъ и въ указаніяхъ Полтавскаго губернскаго совѣщанія. Въ Бессарабской губ. дѣла рѣшаютъ староста съ писаремъ, которые уже послѣ написанія приговора ходятъ по домамъ и заставляютъ членовъ общества, не бывшихъ на сходѣ подписывать свою фамилію въ знакъ согласія съ заготовленнымъ рѣшеніемъ. Для несоглашающихся имѣется, конечно, болѣе чѣмъ достаточный выборъ административныхъ каръ. Въ Екатеринославской губ., въ видѣ «обычнаго права», сельскими властями установленъ порядокъ вызова членовъ схода по одиночкѣ для подписанія приговора. То же самое сообщаютъ губернскія совѣщанія относительно Саратовской, Ярославской, Тамбовской и цѣлаго ряда др. губерній (стр. 23).

Цѣлый рядъ оффиціальныхъ данныхъ свидѣтельствуетъ также о прямомъ насиліи надъ волей схода, объ искусно организованномъ давленіи на его членовъ.—«Въ Могилевской губ.—мягко замѣчаетъ мѣстное губернское совѣщаніе—чтобы добиться удачныхъ выборовъ приходится примѣнять не совсѣмъ законные способы, производя давленіе на сходъ». Здѣсь же «приговоры сходовъ составляются весьма часто по предписаніямъ начальства, иногда даже прямо вопреки волѣ схода». Полтавское губернское совѣщаніе также указываетъ, что «должностныя лица или поручаютъ волостнымъ старшинамъ предварительно переговорить съ членами схода, или же прямо приказываютъ сходу постановить извѣстный приговоръ» (стр. 25).

Лѣстница административныхъ репрессій, находящихся въ безконтрольномъ пользованіи, какъ земскихъ начальниковъ, такъ и волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ—даже и въ законѣ болѣе чѣмъ достаточна для того, чтобы подобныя приказанія начальства безпрекословно исполнялись сходомъ. На практикѣ-же карательныя мѣры получаютъ, конечно, еще болѣе обширное примѣненіе. До какой степени мало гарантій для деревни представляетъ законъ, видно изъ слѣдующаго хотя бы примѣра. По закону земскій начальникъ ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права присутствовать на сходахъ (стр. 28). И тѣмъ не менѣе, рѣшительно повсюду земскіе начальники совершенно свободно систематически оказываютъ противозаконное давленіе на сходы, не только присутствуя, но зачастую своею волею принимая на себя и предсѣдательскую роль.

Книга Н. П. Дружинина изобилуетъ важными, столь мало извѣстными у насъ данными, касающимися нашей многострадальной крестьянской общественности и несомнѣнно заслуживаетъ серьезнаго вниманія читателя. Книга написана простымъ и общепонятнымъ языкомъ. Большая половина отдѣльныхъ статей написана въ полубеллетристической формѣ. Отъ нея вѣетъ свѣжестью наблюденій и вдумчивостью изслѣдователя. Изъ-за простыхъ непритязательныхъ сценъ видна «горя рѣченька бездонная», слышится дѣйствительная жизнь нашихъ деревень Горѣлова, Неѣлова, Заплатина, Знобишина, чуются истинные неприкрашенные ужасы жизни. Къ сожалѣнію, авторъ значительно сузилъ свою задачу, не коснувшись въ своихъ очеркахъ крестьянской общественности взаимоотношеній общаго режима и крестьянскаго строя, благодаря чему рекомендуемыя имъ мѣры случайны и частичны.

Мы указывали уже на проявляющуюся въ книгѣ Н. П. Дружинина устарѣлость настроенія деревни, къ счастью измѣнившагося за послѣдніе годы. Нельзя не указать еще и на то, что важная и полезная въ своей критической части, въ указаніяхъ на бѣдствія настоящаго—книга Н. И. Дружинина значительно отстала отъ жизни въ положительной части своей, въ выясненіи необходимой программы будущаго и предстоящаго.

И. М. В.

Лордъ Маколей. О гражданскихъ правахъ евреевъ. Изд. «Международной библіотеки» І. Юровскаго. СПБ. 1905 г. Блестящая рѣчь лорда Маколея въ защиту политическихъ правъ евреевъ, произнесенная еще въ 1831 г., оказывается у насъ полной живого и жгучаго интереса для настоящаго времени. Содержаніе рѣчи представляетъ яркую и образную критику человѣконенавистническихъ положеній антисемитизма. Главный методъ убѣжденія, встрѣчающійся чуть ли не на каждой страницѣ книжки—это историческія параллели, подобранныя очень удачно и доказательно. Аналогія въ положеніи евреевъ съ одной стороны и пережитымъ положеніемъ гугенотовъ и католиковъ во Франціи, пуританъ въ Англіи выступаетъ выпуклыми чертами. Въ очень сжатомъ изложеніи чувствуется впрочемъ нѣкоторая шероховатость, обличающая разницу между продуманнымъ трудомъ писателя и проникнутой чувствомъ импровизаціей оратора. Особенно много мѣста въ рѣчи Маколея удѣлено анализу частыхъ и обычныхъ упрековъ по адресу евреевъ въ «отсутствіи патріотизма». «Если евреи и не любятъ Англію какъ ея дѣти, то это происходитъ исключительно потому, что она поступала съ ними какъ мачеха и евреи именно таковы, какими былъ бы всякій классъ, съ которымъ поступали бы такъ какъ съ ними».—Это положеніе слѣдующимъ образомъ иллюстрируется въ рѣчи Маколея: «Если бы, напр., всѣ рыжіе люди Европы только за то, что они обладаютъ рыжими волосами, вѣками были оскорбляемы, преслѣдуемы, изгоняемы въ одномъ мѣстѣ, заключаемы въ тюрьмы въ другомъ, если бы ихъ лишали денегъ, вырывали имъ зубы, по слабѣйшей уликѣ обвиняли въ невѣроятнѣйшихъ преступленіяхъ, привязывали къ конскимъ хвостамъ, вѣшали, пытали, жгли живыми, если бы, даже, когда нравы нѣсколько смягчились, они продолжали служить предметомъ унизительныхъ ограниченій и подвергаться грубымъ оскорбленіямъ, если бы ихъ запирали въ отдѣльныя улицы въ однѣхъ странахъ, если бы мятежники нападали на нихъ и жгли ихъ въ другихъ, если бы ихъ всюду отстраняли отъ общественныхъ должностей и т. д. и т. д.—каковъ былъ бы патріотизмъ рыжихъ людей? И если бы при такихъ условіяхъ было внесено предложеніе объ уравненіи рыжеволосыхъ въ правахъ съ прочимъ населеніемъ, какую бы блестящую почву для возмущенія противъ этихъ «враговъ»—имѣли бы иные темноволосые!..» восклицаетъ Маколей.

Мы сказали, что рѣчь, произнесенная Маколеемъ въ 1831 году, сохранила для насъ все свое значеніе и въ настоящемъ. Это положеніе можетъ быть, однако, принято только съ серьезными оговорками. Евреи не испытывали тогда въ Англіи истинныхъ ужасовъ гнета, ибо имѣли уже всѣ права личной свободы и неприкосновенности, чего, конечно, у насъ не только для евреевъ, но и вообще то нѣтъ. Это во-первыхъ. Въ рѣчи Маколея въ ту эпоху въ Англіи можно было пользоваться въ качествѣ неопровержимаго доказательства тѣмъ доводомъ, что, не давъ евреямъ *всѣхъ* правъ наравнѣ со всѣми гражданами, нельзя указать и предѣловъ, гдѣ кончаются ихъ отдѣльныя и обособленныя права: неужели же можно ихъ грабить, жечь и убивать? Наши антисемиты—охранители передъ этимъ выводомъ, какъ извѣстно не останавливаются. Это во-вторыхъ.

Наконецъ, тогда въ 1831 году въ Англіи Маколей могъ съ полнымъ правомъ привести тотъ доводъ, что «разумъ и власть теперь на одной сторонѣ», т.-е. тотъ доводъ, положеніе котораго у насъ едва ли неопредѣленно. Это въ-третьихъ и въ послѣднихъ. *И. М. В-скій.*

И. Левитовъ. Желтороссія какъ буферная колонія. СПБ. 1905 г. Ц. 75 к. Наши шовинисты никакъ не хотятъ примириться съ совершившимся фактомъ и все еще продолжаютъ сладко мечтать о какой-то новой части русской имперіи, именуемой ими «Желтороссіей». Замечтавшись, они и

не замѣчаютъ, какой злой насмѣшкой звучитъ нынѣ это слово «Желторосія»: такъ окрестили они ту роковую для насъ страну, гдѣ погребены сотни тысячъ русскихъ людей, павшихъ жертвой неутомимаго аппетита къ захвату чужого, зарыты милліарды русскихъ кровныхъ денегъ, и вмѣстѣ съ ними похороненъ національный престижъ Россіи какъ міровой державы, если не навсегда, то на очень долгій срокъ. И тѣмъ не менѣе разнымъ господамъ Левитовымъ все еще неймется. Имъ опять мерещится «Желтороссія», хотя уже не какъ новая часть имперіи, а лишь какъ «буферная колонія», предназначенная ими для предупрежденія будущаго столкновенія Россіи съ Китаемъ и Японіей. По истинѣ, эти господа ничему не научились и ничего не забыли. Они воображаютъ, только что закончившаяся война—лишь маленькій эпизодъ въ развитіи внѣшней политики русской бюрократіи, которая и впредь будетъ вдохновляться гордыми словами императора Николая I: «гдѣ разъ поднятъ русскій флагъ,—онъ не можетъ быть спущенъ». Эти слова были имъ написаны на докладѣ русскаго канцлера, гр. Нессельроде, по поводу насильственнаго захвата устьевъ Амура капитаномъ Невельскимъ. Осторожный канцлеръ предвидѣлъ, какія осложненія повлечетъ въ будущемъ необдуманный поступокъ русскаго капитана и предлагалъ устья Амура вернуть китайцамъ, а легкомысленнаго капитана предать суду за самостоятельное вмѣшательство во внѣшнюю политику. Съ тѣхъ поръ прошло пятьдесятъ лѣтъ и мы присутствуемъ при ликвидаціи послѣдствій, вызванныхъ легкомысліемъ Невельскаго и чрезмѣрной переоцѣнкой своихъ силъ русской бюрократіей. Въ Портсмутѣ другой русскій дипломатъ, хотя еще и не канцлеръ, спустилъ русскій флагъ въ половинѣ Сахалина и въ Манчжуріи,—и за то удостоенъ графскимъ титуломъ. А сидя у себя въ кабинетѣ, наши бюрократы все еще продолжаютъ сочинять проекты о «буферныхъ колоніяхъ», какъ-будто ничего особеннаго не случилось. Такъ, маленькая заминка въ дѣлахъ, не болѣе того. Между тѣмъ совершилось событіе огромнаго мірового значенія. Наша бюрократія можетъ сказать про себя, какъ Кречинскій: «сорвалось!»—Спущенъ не только русскій флагъ тамъ, гдѣ онъ больше *никогда* не подымется, но совершился и поворотъ во всей внѣшней политикѣ русской имперіи. Отнынѣ политикѣ захватовъ положенъ предѣлъ, его же не прейдеши,—и ограничено самовластье бюрократическаго режима. Значеніе этихъ органически связанныхъ фактовъ громадно, и послѣдствія ихъ неисчислимы. Теперь не время мечтать о «Желтороссіи какъ буферной колоніи». Слишкомъ много жгучихъ вопросовъ назрѣло внутри страны, и никакая сила не сможетъ отклонить вниманіе народа и общества опять отъ внутреннихъ дѣлъ въ сторону новыхъ авантюръ, подъ какимъ-бы соусомъ они ни подносились. Жестоко ошибаются гг. Левитовы и ихъ присные, соблазняя насъ разными заманчивыми проектами по части новыхъ захватовъ чужого, хотя-бы и въ видахъ обезпеченія границъ. Наше обезпеченіе въ насъ самихъ, и вслѣдъ за ликвидаціей приказнаго строя явится и новая внѣшняя политика, въ основахъ которой врядъ-ли увидитъ будущее поколѣніе старые лозунги о неспускаемыхъ флагахъ и прочую бутафорію бюрократическаго самовластія. *А. Б.*

Ѳ. Зѣлинскій. Изъ жизни идей. Т. II. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 50 коп. Второй томъ «Изъ жизни идей» г. Зѣлинскаго заполненъ не столько идеями, сколько великолѣпной фигурой самого автора, который большую часть книги посвятилъ описанію своей побѣдоносной, конечно, борьбы съ врагами классической школы и, главнымъ образомъ, его, г. Зѣлинскаго. Такъ, мы узнаемъ, напр., любопытное событіе изъ жизни автора, какъ въ одномъ новомъ журналѣ, основанномъ въ концѣ 1901 г. (г. З. замалчиваетъ названіе журнала, и напрасно: для характеристики и г. Зѣлинскаго, и журнала, скоро впрочемъ погибшаго, это нелишне), редакторъ пригласилъ г. Зѣлинскаго завѣ-

дывать классическимъ отдѣломъ. Но когда онъ представилъ свою статью по вопросу о школѣ, то сотрудники запротестовали и сконфуженный редакторъ долженъ былъ вернуть автору статью съ извиненіемъ. Далѣе узнаемъ, что онъ, г. Зѣлинскій, «всегда дорожилъ славой человѣка необидчиваго и немелочнаго», узнаемъ, что онъ—истинный мужъ науки, критерій у него одинъ—истина, что онъ—оптовый торговецъ, въ родѣ Мальцева, продающаго только хрусталь и фарфоръ,—и проч. и проч. Все это великолѣпіе г. Зѣлинскаго мало для кого поучительно и еще менѣе интересно. И вообще весь второй томъ, большая часть котораго представляетъ мелочную, полную неуклюжихъ профессорскихъ «вицовъ», браньчивую полемику во славу г. Зѣлинскаго,—такъ не интересенъ въ какомъ-бы то ни было отношеніи, что мы сочли-бы вообще лишнимъ говорить о немъ, если бы не одна личная вылазка г. Зѣлинскаго противъ насъ. Это обязываетъ насъ сказать два слова.

Г. Зѣлинскій, раскатавъ, что называется, наши скромныя «Критическія замѣтки», въ которыхъ два года тому назадъ мы говорили о его брошюрѣ «Древній міръ и мы», снабдилъ свой разносъ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Настоящій экскурсъ былъ уже не только написанъ, но отчасти и набранъ, когда я прочелъ въ мартовскомъ выпускѣ «Міра Божія» (1905 г.) чудовищную по своей безпричинной грубости рецензію г. Богдановича на мою книгу «Изъ жизни идей»; конечно, прочти я эту рецензію раньше, я не оказалъ-бы ему чести вступать съ нимъ въ полемику. Мнѣ пріятно удостовѣрить, что онъ явился въ данномъ случаѣ единствен- нымъ уродомъ въ журнальной семьѣ, желаю ему и впредь такой же splendid isolation невоспитанности». Прочитавъ такое доброе напутствіе со стороны г. Зѣлинскаго, мы, къ прискорбію, не можемъ удовлетворить этому пожеланію: другой авторъ предвосхитилъ уже лавры splendid isolation воспитанности въ классической полемикѣ, какъ показываетъ слѣдующая выдержка. Мы наткнулись на нее въ ученомъ изданіи, мало вѣдомомъ неученымъ читателямъ «Филологическомъ Обозрѣніи», гдѣ нашъ «незлобивый и немелочный» авторъ, несомнѣнный другъ правды и истый служитель науки—и только науки, такъ критикуетъ научный трудъ тоже ученаго, г-на Лангбена, «Rembrand als Erzieher». Руководствуясь соображеніемъ, что «лучшее средство для того, чтобы сдѣлать страшилище безвреднымъ—обнаруженіе руки, которая имъ управляетъ»,—г. Зѣлинскій начинаетъ свою «критику» слѣдующимъ вступленіемъ въ истинно классическомъ стилѣ:

«Г-на Лангбена я зналъ еще въ Римѣ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда онъ называлъ себя еще археологомъ и ученикомъ незабвеннаго Брунна. Правда, знакомство это было самое поверхностное: отвратительная болѣзнь, которой онъ страдалъ, дѣлала невозможнымъ не только сближеніе, но и болѣе продолжительное пребываніе съ нимъ въ одной комнатѣ. Такимъ образомъ онъ былъ обреченъ на одиночество—повторяю, что это случилось исключительно благодаря упомянутому его недугу, сдѣлавшему его нашимъ Филоктетомъ, а не вслѣдствіе его мелкой и грязной душонки, которой никто тогда въ немъ подозрѣвать не могъ, такъ какъ цѣлая атмосфера зловонія отдѣляла насъ отъ нея. И какъ Филоктетъ возненавидѣлъ троянскій походъ, такъ точно и Лангбенъ возненавидѣлъ все, что составляло нашу жизнь. Что касается его собственныхъ наслажденій, то о нихъ достаточно свидѣтельствовалъ его внѣшній видъ: оловянный цвѣтъ лица, тупыя черты, тусклые безжизненные глаза. Впослѣдствіи его vierzig Lieder von einem Deutschen» разсѣяли всякія на этотъ счетъ сомнѣнія. Терминъ эротическій къ нимъ непримѣнимъ: поэтъ не идетъ далѣе тѣхъ упоеній, которыя узаконила sententia dia Catonis, а подчасъ довольствуется—что при его филоктетствѣ понятно—и еще менѣе взыскательнымъ блаженствомъ». («Филолог. Обозрѣніе», т. VIII, отд. II).

Далѣе мы за авторомъ не послѣдуемъ: для характеристики его истинно-

ученыхъ пріемовъ полемики, думаемъ, достаточно и этого абзаца. Куда ужъ нашему брату, заурядному журналисту, до такихъ «полемическихъ красотъ!» Намъ остается только почтительно ожидать, не удостоитъ-ли г. Зѣлинскій и насъ чѣмъ-нибудь въ родѣ этакаго полемическаго перла, отъ котораго разлетятся во всѣ стороны всѣ враги и супостаты г. Зѣлинскаго. Смѣемъ его увѣрить, что такой полемики не выдержатъ ни «черная», ни «красная» артель, которыя обижаютъ г. Зѣлинскаго. И такъ какъ, по его мнѣнію, «черная, (реакціонная) артель такая же язва для нашей государственной жизни, какъ и красная (радикальная) для общественной» *), то совѣтуемъ г. Зѣлинскому попробовать. Спасти государственную и общественную жизнь родины—цѣль заманчивая, а средствъ, какъ видно изъ приведенной выдержки, г. Зѣлинскому не занимать стать. Итакъ, въ добрый часъ! *А. Б.*

ИСТОРІЯ РУССКАЯ.

„Общественныя движенія въ Россіи въ первую четверть XIX в.“. Т. I.

Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка. Томъ I. Декабристы: М. А. Фонъ-Визинъ, кн. Е. П. Оболенскій и бар. В. И. Штейнгель. (Статьи и матеріалы). Составили: В. И. Семевскій, В. Богучарскій и П. Е. Щеголевъ. Спб. 1905. Стр. 495. Цѣна 5 руб. Переживаемый нами поворотъ русской исторіи на болѣе торный путь западно-европейскаго развитія вызываетъ особенный интересъ къ тѣмъ эпохамъ, когда дѣлались подобныя же попытки направить теченіе русской жизни по новому руслу. Чаще всего вспоминается при этомъ «эпоха великихъ реформъ», но не менѣе интересной, если не въ смыслѣ практическихъ результатовъ, то съ точки зрѣнія стремленій, надеждъ и попытокъ, представляется и первая четверть XIX вѣка, когда, по словамъ Греча, «всѣ тянули пѣсню конституціонную, въ которой запѣвало былъ императоръ Александръ Павловичъ». Особенное вниманіе привлекаетъ исторія 14-го декабря, тѣмъ болѣе, что она долго находилась подъ усиленной охраной цензуры, а въ свое время была представлена на судъ общественнаго мнѣнія въ превратномъ видѣ. Составленное Блудовымъ и опубликованное въ 1826 году донесеніе слѣдственной комиссіи, по словамъ Шильдера, «выводитъ на сцену какихъ-то изверговъ, злодѣевъ, помышляющихъ только объ убійствѣ и безначаліи, стремящихся къ республикѣ и проповѣдующихъ цареубійство». Что касается преобразовательной программы декабристовъ, часть которой осуществлена при Александрѣ II, объ этомъ въ донесеніи вовсе не упоминается. Реабилитація декабристовъ началась уже давно, еще при Николаѣ I, когда появились за границей критическіе разборы блудовскаго «романа». Позже стали появляться воспоминанія и записки декабристовъ, возвратившихся изъ Сибири. Наконецъ, уже въ наше время, для историковъ былъ открытъ доступъ къ архивнымъ матеріаламъ по дѣлу декабристовъ. Новые матеріалы и ослабленіе цензурныхъ строгостей содѣйствовали за послѣдніе годы значительному обогащенію русской литературы о декабристахъ. Кромѣ вновь опубликованныхъ или перепечатанныхъ съ заграничныхъ изданій воспоминаній и писемъ декабристовъ и о декабристахъ, кромѣ книгъ и статей, частью компилятивныхъ, частью основанныхъ на архивномъ матеріалѣ и посвященныхъ дѣятелямъ 14-го декабря, мало-по-малу выходятъ изъ архивнаго мрака и подлинные оффиціальные документы, проливающіе все болѣе и болѣе свѣта на одинъ изъ самыхъ интересныхъ моментовъ новѣйшей русской исторіи. Въ

*) „Изъ жизни идей“, т. II, стр. 245.

этой литературѣ новое изданіе фирмы г. Пирожкова должно занять особенное мѣсто, такъ какъ есть основанія ожидать цѣлаго ряда томовъ, наполненныхъ біографіями и наиболѣе цѣнными сочиненіями выдающихся декабристовъ.

Первый томъ «Общественныхъ движеній» заключаетъ біографіи и сочиненія названныхъ въ заглавіи декабристовъ. Біографія Фонвизина составлена на основаніи печатнаго и архивнаго матеріала и содержитъ много интересныхъ данныхъ не только о самомъ Фонвизинѣ, но и о тайныхъ обществахъ александровскаго времени, о судѣ надъ декабристами, о пребываніи ихъ въ Сибири, о женѣ Фонвизина и т. д. Вслѣдъ за біографіей помѣщено главное сочиненіе Фонвизина «Обозрѣніе проявленій политической жизни въ Россіи», напечатанное первоначально въ Лейпцигѣ въ 1861 году съ «существенными дефектами», а потомъ въ «Русской Старинѣ» 1884 года съ большими пропусками. Написанное подъ вліяніемъ французской «Исторіи Россіи» Эно и Шеннпо «Обозрѣніе» Фонвизина, по словамъ В. И. Семевскаго, представляетъ «своего рода записку о древней и новой Россіи, но только не съ консервативной (какъ у Карамзина), а съ либеральной точки зрѣнія». Указавши въ началѣ своего труда, что «древняя Русь не знала ни рабства политическаго, ни рабства гражданскаго», Фонвизинъ далѣе идеализируетъ древне-русскія республики, порицаетъ воспитанное монгольскимъ игомъ самовластіе московскихъ князей, отмѣчаетъ попытки ограничить самодержавіе въ Смутное время, сопоставляетъ земскіе соборы съ «генеральными штатами» Франціи и даже съ англійскимъ парламентомъ, осуждаетъ Петра Великаго за окончательное закрѣпощеніе крестьянъ и униженіе церкви, но отнюдь не за подражаніе иностранцамъ. Напротивъ, Фонвизинъ думаетъ, что, «перенимая у европейцевъ внѣшнія формы общественной жизни, обычаи и моды ихъ, мы, можетъ быть, научимся подражать имъ и въ болѣе существенномъ: въ достиженіи благъ истинной цивилизаціи: свободы, равенства и безразличія всѣхъ передъ закономъ и обезпеченія правъ всѣхъ и каждаго» (с. 113). Далѣе въ «Обозрѣніи» говорится о попыткѣ ограничить самодержавіе при воцареніи Анны Іоанновны, о екатерининской комиссіи для составленія новаго уложенія, о конституціонномъ проектѣ Панина, о мрачномъ царствованіи Павла I и его трагическомъ концѣ. Особенно подробно говорится о царствованіи Александра I, объ Отечественной войнѣ и низложеніи Наполеона; гораздо меньше говорится о тайныхъ обществахъ, событіяхъ 1825 года и судѣ надъ декабристами, чѣмъ и заканчивается сочиненіе Фонвизина.

«Послѣ «Обозрѣнія» Фонвизина напечатана небольшая біографія кн. Е. П. Оболенскаго и краткія его «Воспоминанія», изданныя въ началѣ шестидесятыхъ годовъ за границей на русскомъ и французскомъ языкахъ и въ сокращенномъ видѣ вошедшія въ сборникъ «Девятнадцатый вѣкъ». Въ этихъ воспоминаніяхъ даются свѣдѣнія о нѣкоторыхъ декабристахъ (особенно о Рылѣевѣ), говорится о декабрьскихъ событіяаъ 1825 года, о заключеніи въ крѣпости и пребываніи въ Сибири.

Далѣе слѣдуютъ біографія барона Штейнгеля и его «Записки» въ трехъ частяхъ, изъ коихъ двѣ первыя были уже напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1900 годъ, а послѣдняя появляется впервые на свѣтъ Божій. Въ своихъ «Запискахъ» Штейнгель много говоритъ объ административныхъ нравахъ Сибири, гдѣ онъ родился, провелъ дѣтство (его отецъ одно время былъ капитанъ-исправникомъ на «Камчаткѣ») и самъ служилъ по окончаніи обученія въ морскомъ корпусѣ. Затѣмъ разсказывается о службѣ Штейнгеля адъютантомъ у Тормасова, занявшаго въ Москвѣ мѣсто гр. Растопчина послѣ 1812 года. Послѣдняя глава II части кратко повѣствуетъ о сближеніи Штейнгеля съ Рылѣевымъ, о 14 декабря, о заключеніи, допросахъ, пребываніи въ финляндской крѣпости Свартгольмѣ, о жизни въ Сибири и возвращеніи въ

Петербургъ, гдѣ и окончилась скитальческая жизнь барона на 80-мъ году. Третья часть «Записокъ» Штейнгеля содержитъ болѣе подробный разсказъ о заговорѣ декабристовъ и о судѣ надъ ними. Въ концѣ книги напечатаны два письма Штейнгеля къ императору Николаю I изъ Петропавловской крѣпости. Изъ нихъ особенно замѣчательно первое, представляющее рѣзкую критику на все царствованіе императора Александра I.

Таково содержаніе I тома «Общественныхъ движеній въ Россіи». Книга издана очень хорошо и снабжена тремя геліогравюрами (портреты декабристовъ). Можно только пожалѣть, что форматъ довольно громоздкій, а цѣна не всѣмъ доступна. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что назначеніе цѣны не зависѣло отъ издателей: въ концѣ предисловія сказано, что, «когда улучшатся общія условія русской печати, возможно будетъ печатаніе сборниковъ и по болѣе дешевой цѣнѣ».

Въ заключеніе нѣсколько словъ о редакторскихъ примѣчаніяхъ къ напечатаннымъ воспоминаніямъ и запискамъ. Подобныя сачиненія слѣдуетъ печатать или безъ всякихъ примѣчаній и поправокъ, или же оговаривать по возможности всѣ фактическія ошибки и завѣдомо невѣрные выводы и сужденія. Ограничиваться же примѣчаніями къ однимъ невѣрнымъ фактамъ и сужденіямъ и оставлять безъ всякихъ оговорокъ другіе—значитъ вводить въ заблужденіе средняго читателя. Встрѣчая на 105 стр. въ «Обозрѣніи» Фонвизина исправленныя хронологическія даты о земскихъ соборахъ XVI вѣка, читатель вправѣ думать, что свѣдѣнія о земскихъ соборахъ XVII вѣка вполнѣ точны, разъ редакторомъ не сдѣлано никакихъ примѣчаній. На самомъ же дѣлѣ и эти свѣдѣнія нуждались въ поправкахъ. Соборъ 1621 года (стр. 108) не могъ рѣшать вопроса о войнѣ съ Владиславомъ уже потому, что польскимъ королемъ въ это время былъ еще Сигизмундъ, да и позднѣе, война Владиславу была объявлена безъ соборнаго рѣшенія. Невѣрно также указанъ Фонвизинымъ и годъ земскаго собора, рѣшившаго вопросъ о принятіи Малороссіи. Вообще, въ «Обозрѣніи» Фонвизина не мало фактическихъ ошибокъ, иногда крайне элементарныхъ. Онъ говоритъ, напримѣръ, что въ домонгольскій періодъ «посадники... повсюду были избираемы народомъ» (стр. 103). На страницѣ 115—116 невѣрно указанъ составъ верховнаго тайнаго совѣта. О екатерининской коммиссіи 1767 года сказано, что «собраніе это... должно было заняться разсмотрѣніемъ кодексовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, предложенныхъ ему правительствомъ» (стр. 123), тогда какъ на самомъ дѣлѣ коммиссія была созвана не для разсмотрѣнія готовыхъ кодексовъ, а для сочиненія проекта новаго уложенія. Встрѣчаются неточности и въ «Воспоминаніяхъ» кн. Оболенскаго.

С. Ашевскій.

ИСТОРІЯ.

В. Беджготъ. „Государственный строй въ Англіи.—*Friedrich von Wieser.* „Ueber Vergangenheit und Zukunft der österreichischen Verfassung".

В. Беджготъ. Государственный строй Англіи. Переводъ Е. Прейсъ, подъ ред. Н. Никольскаго. М. 1905. 359 стр. Цѣна 1 р. 60 к. Старая, вышедшая около сорока лѣтъ тому назадъ работа Бэджгота едва ли способна принести какую-либо пользу человѣку, который прочтетъ такія работы, какъ, напр., Дайси объ основахъ англійскаго строя (объ имѣются въ русскомъ переводѣ). Правда, напр., тема Дайси, какъ совершенно правильно замѣчаетъ въ предисловіи редакторъ,—нѣсколько иная,—но нельзя не сказать, что, несмотря на это, Дайси съ избыткомъ

можетъ замѣнить Бэджгота—во всѣхъ отношеніяхъ, для всякаго, кто стремится постигнуть духъ англійской конституціи. Дѣло въ томъ, что книга Бэджгота, во второмъ своемъ изданіи появившаяся вскорѣ послѣ избирательной реформы 1867 года, носитъ въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ живо-полемическій характеръ, ибо авторъ съ недовѣріемъ относится къ самому принципу слишкомъ широкой демократизаціи представительныхъ учрежденій. А полемика, когда она такъ страшно устарѣла (послѣ реформы 1867 года была еще реформа 1884!) рѣдко способствуетъ интересу научнаго труда, въ который проникаетъ. И самые взгляды Бэджгота представляются часто до того затхлыми, что даже для уразумѣнія той откровенности, съ которой они высказываются,—читателю слѣдуетъ перенестись въ средину XIX вѣка, когда еще пролетаріатъ былъ въ глазахъ буржуазныхъ писателей полнѣйшею terra incognita и когда о немъ позволялось предполагать рѣшительно все, что взбредетъ въ голову. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ Бэджготъ въ предисловіи ко 2-му изданію своей книги:

«Говоря откровенно, я боюсь именно того, что обѣ наши политическія партіи будутъ добиваться поддержки рабочаго человѣка; что обѣ онѣ станутъ обѣщать ему сдѣлать такъ, какъ онъ хочетъ, если только онъ скажетъ имъ, чего онъ хочетъ: что теперь, когда рѣшающій голосъ въ нашихъ дѣлахъ принадлежитъ ему, обѣ партіи будутъ просить и молить его подать этотъ голосъ въ ихъ пользу. Я не могу представить себѣ ничего, что могло бы подѣйствовать болѣе худшимъ и болѣе развращающимъ образомъ на бѣдныхъ невѣжественныхъ людей, чѣмъ такое положенія вещей, когда двѣ группы образованныхъ и богатыхъ людей постоянно выражаютъ готовность отнестись съ уваженіемъ къ ихъ рѣшеніямъ и оспариваютъ другъ у друга обязанность приводить ихъ въ исполненіе». Бэджготу и въ голову не приходитъ вся наивность политическаго цинизма, сказывающагося въ этой «боязни», что и «рабочій человѣкъ» тоже можетъ захотѣть извлечь для себя пользу изъ конституціи родной страны. И какъ бы опасаясь, что это соображеніе не всѣмъ будетъ ясно, нашъ авторъ поясняетъ его нижеслѣдующими словами: «Но во всѣхъ случаяхъ должно помнить, что политическое соединеніе низшихъ классовъ, какъ таковыхъ, и ради ихъ собственныхъ цѣлей, есть зло величайшей важности; что постоянный союзъ ихъ (теперь, когда столь многіе изъ нихъ обладаютъ избирательнымъ правомъ) далъ бы имъ верховенство въ странѣ; и что верховенство ихъ при томъ состояніи, въ которомъ они находятся теперь, есть не что иное, какъ преобладаніе невѣжества надъ образованіемъ, численности надъ знаніемъ». Но да не подумаетъ читатель, что Бэджготъ въ самомъ дѣлѣ заинтересованъ тутъ борьбою противъ «невѣжества». Нѣтъ, напротивъ, онъ больше всего боится, какъ бы это «невѣжество» рабочаго класса не исчезло, какъ бы рабочій классъ не обнаружилъ политическаго развитія: «Пока низшіе классы не научились дѣйствовать сообща, есть еще возможность предотвратить это, а предотвратить можно только величайшею мудростью и величайшею предусмотрительностью со стороны высшихъ классовъ». Идея Бэджгота весьма проста: онъ стоитъ за союзъ между аристократіей, въ рукахъ которой палата лордовъ, и плутократіей, въ рукахъ которой палата общинъ, для совмѣстной борьбы противъ рабочаго класса. Но если въ размышленіяхъ Бэджгота о соціальныхъ послѣдствіяхъ демократизаціи народнаго представительства нѣтъ рѣшительно ничего оригинальнаго, рѣшительно ничего любопытнаго для всѣхъ, кому доступно пониманіе классовой буржуазной трусости, то гораздо интереснѣе мысли Бэджгота о политической природѣ англійскаго государственнаго устройства, о взаимоотношеніяхъ короля, обѣихъ палатъ и т. д. Тутъ виденъ человѣкъ, выросшій въ атмосферѣ старой и свободной государственной культуры, и отчетливо понимающій относительное значеніе всѣхъ частей государственнаго организма. Онъ рѣшительный поборникъ парламен-

таризма, управленія страною при помощи кабинета, отвѣтственнаго предъ парламентомъ. Въ этомъ отношеніи онъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе Англіи предъ сѣверо-американскими соединенными штатами. Онъ, между многимъ прочимъ, находитъ въ парламентарномъ строѣ то великое преимущество, что на парламентскихъ преніяхъ воспитывается политически масса избирателей, тогда какъ при неотвѣтственности министровъ, за этими преніями, обыкновенно, никто внимательно не слѣдитъ и ими не итересуется.— Королевской власти, столь обезвреженной, какъ она обезврежена въ Англіи, Бэджготъ придаетъ огромное значеніе. Вообще, глава о монархіи—одна изъ самыхъ любопытныхъ въ книгѣ. Бэджготъ, между прочимъ, подчеркиваетъ, что и теперь еще короля, даже въ глазахъ его министровъ, окружаетъ ореолъ полумистическаго величія,—наслѣдіе древности! Онъ утверждаетъ, что самый независимый министръ способенъ испытывать на себѣ давленіе короля. Въ видѣ примѣра онъ приводитъ Вильяма Питта старшаго (Чатама). Это былъ человѣкъ суровый, высокомѣрный и привыкшій къ власти и преклоненію: «Мы могли бы ожидать, что гордый народный трибунъ будетъ высокомѣренъ и въ сношеніяхъ со своимъ государемъ, будетъ съ королемъ такимъ же, какимъ былъ и со всѣми другими. А онъ, напротивъ, оказался рабомъ своего собственнаго воображенія. Монарха окружало какое то мистическое очарованіе, которое дѣлало Чатама другимъ человѣкомъ: «стоитъ ему только заглянуть въ кабинетъ короля», говорилъ Боркъ, «и онъ уже охваченъ упоеніемъ, и такъ будетъ до конца его жизни». Какъ кто-то остроумно замѣтилъ,—«даже при королевскомъ выходѣ Чатамъ кланялся такъ низко, что между ногами былъ виденъ кончикъ его крючковатаго носа». Бэджготъ называетъ это чувство прямо «суевѣрнымъ». На печальныя размышленія наводятъ эти страницы, если при томъ еще не забывать, что подобные пережитки остались въ одной изъ свободнѣйшихъ странъ въ мірѣ.

Что касается до власти короля,—то Бэджготъ выражается такъ: «Благодѣянія хорошаго монарха, можно сказать, неоцѣнимы, но зло, причиняемое дурнымъ монархомъ,—врядъ-ли поправимо» А между тѣмъ самъ же онъ признаетъ королевскую власть въ Англіи серьезно обезвреженною...

Глава о палатѣ общинъ, являющейся, по мнѣнію автора, «истиннымъ государемъ»,—также интересна,—хотя кое-что и можетъ показаться парадоксомъ. Напримѣръ, Бэджготъ полагаетъ, что палата общинъ склонна къ излишней щедрости въ финансовыхъ дѣлахъ: «Если бы не было нѣкоторой сдержки, то народный домъ (палата) живо промоталъ-бы народныя деньги. Эта сдержка дается отвѣтственностью кабинета за національные финансы». Не стоило бы труда указать на рядъ случаевъ, категорически опровергающихъ это столь общее утвержденіе,—да оно по существу и несовмѣстимо со взглядами самого Бэджгота на зависимость кабинета отъ палаты общинъ. Какъ бы могъ оказывать длительное сопротивленіе самый бережливый кабинетъ—желаніямъ самой расточительной палаты, разъ эта палата—«истинный государь?» Нѣтъ, едва ли это предположеніе (насчетъ того, что были бы «живо промотаны» народныя деньги), выдерживаетъ критику. Вообще,—слабость нашего автора заключается въ излишнемъ пристрастіи къ предположеніямъ. На стр. 351, напримѣръ, читаемъ: «Если бы какой нибудь одаренный Стюартъ принялъ протестантизмъ съ искренностью, достойной довѣрія,—возможно, что ему удалось бы низвергнуть Ганноверскій домъ». Почему? Неизвѣстно. Вся англійская исторія, напротивъ, учитъ, что англичане прибѣгали къ революціи крайне неохотно,—когда попадали въ совершенно безвыходный тупикъ. Почему же бы они устроили революцію въ XVIII вѣкѣ, когда для этого не оказывалось достаточно причинъ въ соціально-политическомъ состояніи общества,—только для того, чтобы дать корону претенденту, совсѣмъ никому не нуж-

ному? Подобныя неосновательныя гипотезы производятъ непріятное впечатлѣніе вскользь брошенныхъ, довольно легкомысленныхъ афоризмовъ, не подходящихъ къ серьезному тону всей книги.

Любопытны для насъ мнѣнія Бэджгота о бюрократіи: «Въ дѣйствительности, искусная бюрократія, бюрократія, смолоду выдрессированная для спеціальнаго своего призванія,—совершенно несогласима съ истинными принципами искусства дѣлать дѣло, хотя она и хвалится своею кажущейся научностью». Фатально, всякое бюрократическое .управленіе «имѣетъ тенденцію стать плохимъ по качеству».

Особенно вредна бюрократія не въ Англіи, конечно, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ чиновники «во всѣхъ конфликтахъ съ простыми гражданами похожи на вооруженныхъ съ ногъ до головы людей, сражающихся съ беззащитными». Вообще же, съ бюрократической точки «искусство управленія состоитъ въ томъ, чтобы заставить двѣ трети націи платить столько, сколько онѣ могутъ, для того, чтобы могла благоденствовать остальная треть» (Бэджготъ, стр. 258). Эта фраза Вольтера приведена у Бэджгота очень кстати, такъ какъ, дѣйствительно вводитъ въ центръ бюрократической психологіи.

Переводъ сдѣланъ хорошо; намъ понравились сжатыя и содержательныя страницы предисловія. Жаль только, что нѣтъ пояснительныхъ примѣчаній во многихъ мѣстахъ. При общей беззаботности нашей средней публики относительно исторіи,—должно бояться, что многія указанія и намеки Бэджгота останутся непонятыми. *Е. Тарле.*

Prof. Friedrich von Wieser. Ueber Vergangenheit und Zukunft der osterreichischen Verfassung. Wien, 1905, 171 стр. (Проф. Визеръ. О прошломъ и будущемъ австрійской конституціи. Вѣна, 1905 г.). Вопросы государственнаго устройства западно-европейскихъ странъ съ каждымъ историческимъ днемъ пріобрѣтаютъ все болѣе животрепещущій и кровный интересъ для русскаго читателя. Не менѣе, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, даже болѣе близкій интересъ представляютъ для Россіи тѣ чрезвычайно запутанные и извилистые историческіе пути, которыми западно-европейскія государства пришли къ конституціонному образу государственнаго устройства. Богатѣйшій опытъ, накопленный въ этомъ направленіи всѣми западно-европейскими государствами, могъ бы представить для Россіи превосходный историческій музей прикладныхъ знаній. Изъ него можно было бы почерпнуть особенно плодотворные уроки по части того, какъ безплодно устраивать бюрократическія плотины противъ непреоборимаго «духа времени». Но, увы, на дѣлѣ у насъ западно-европейскій правительственный опытъ служитъ лишь къ тому, чтобы подрумянивать и гальванизировать мертворожденныя дѣтища, давно покоющіяся въ историческихъ склепахъ странъ западной Европы. И историческія муміи, хранящіяся въ европейскихъ музеяхъ, облекаются въ чисто-русскіе съ иголочки костюмы и выдаются за продуктъ самобытнаго національнаго творчества.

Сколько-нибудь внимательное изученіе историческихъ судебъ конституціоннаго движенія въ любой западно-европейской странѣ отлично показываетъ, какъ мало оригинальныхъ мотивовъ въ этомъ якобы національномъ творчествѣ канцелярій, черпающихъ свое вдохновеніе въ музеяхъ европейской древности.

Изученіе развитія австрійской конституціи представляетъ въ этомъ отношеніи особливый интересъ. Нѣкогда по пышному расцвѣту абсолютизма, а въ настоящее время по своей пестрой разноплеменности, по сравнительной экономической отсталости, Австрія имѣетъ много общаго съ Россіей. Особенный интересъ представляетъ въ этомъ отношеніи страстная и ожесточенная борьба національностей, не дающая возможности сколько-нибудь нормальному ходу развитія государственной жизни. Напряженныя попытки разрѣшить національ-

ный конфликтъ предетавляютъ огромный интересъ, въ особенности для разноплеменной Россіи.

Проф. Визеръ въ своей книгѣ удѣляетъ больше всего мѣста именно этому конфликту, лишь бѣгло и блѣдно очерчивая другія стороны конституціонной жизни Австріи.

Въ первой главѣ авторъ останавливается на выясненіи различнаго характера парламентаризма въ Англіи и Германіи, во второй—на политической исторіи Австріи до національнаго кризиса, въ третьей главѣ—вѣнскій профессоръ подробно изслѣдуетъ національный вопросъ въ Богеміи, въ прошломъ и настоящемъ. Четвертая и пятая глава посвящены парламентскому кризису и новѣйшимъ политическимъ событіямъ въ Австріи и Венгріи. Авторъ повсюду старается сохранить полную національную безпристрастность и воздать каждой націи должное, но его нѣмецкія симпатіи явственно проглядываютъ.

Одну изъ коренныхъ причинъ безконечныхъ парламентарскихъ неурядицъ Австріи авторъ видитъ въ чрезвычайной раздробленности партійныхъ группировокъ и въ паденіи либерально-демократической партіи. Сильная и многочисленная либеральная партія могла бы, по его мнѣнію, взять въ свои руки дѣло прочнаго разрѣшенія національныхъ и парламентскихъ конфликтовъ и направить политическую жизнь Австріи изъ бурнаго водоворота въ широкое русло мирной конституціонной работы. Точка зрѣнія автора—умѣренно-либеральная. Онъ очень мягко и осторожно критикуетъ всѣ борющіяся стороны и намѣчаетъ мостъ золотой средины. При изображеніи и критикѣ національныхъ конфликтовъ авторъ, къ сожалѣнію, нигдѣ не касается ихъ соціальной подпочвы, между тѣмъ какъ въ этомъ отношеніи Австрія даетъ такой богатый и поучительный матеріалъ. Эта же соціальная подпочва помогла бы автору представить паденіе австрійскаго либерализма въ совершенно иномъ свѣтѣ. Но какъ систематизація тѣхъ позицій и аргументовъ, которые установились въ Австріи во время теперешней ожесточенной національной борьбы и тяжелаго парламентарскаго кризиса, книга Визера заслуживаетъ вниманія.

П. Б—нъ.

СОЦІОЛОГІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

„Письма Ф. Лассаля къ К. Марксу и Энгельсу".

Письма Фердинанда Лассаля къ К. Марксу и Ф. Энгельсу. Съ примѣчаніями Ф. Меринга. Переводъ В. А. Шанина, подъ редакціей А. Финна-Енотаевскаго. Спб. Книгоиздательство «Литературное Дѣло». 1905. Цѣна 1 р. 50 к. Вышедшія въ русскомъ переводѣ письма Лассаля къ Марксу и Энгельсу являются какъ нельзя болѣе кстати, благодаря выходу въ свѣтъ и второго русскаго изданія сочиненій Ф. Лассаля. Но, кромѣ такого естественнаго дополненія, эти письма и сами по себѣ имѣютъ важное значеніе. Если въ нихъ нельзя найти систематичности и строгой формулировки «сочиненій», то, съ другой стороны, они даютъ въ великомъ разнообразіи затронутыхъ перепиской темъ самого автора. Вмѣсто стройности идей, въ нихъ раскрывается сама мыслящая личность. А кто можетъ поспорить съ Ф. Лассалемъ въ яркости индивидуальныхъ красокъ? Одна изъ центральныхъ фигуръ пролетарскаго движенія въ прошломъ столѣтіи, Лассаль въ блестящемъ своеобразіи сочеталъ глубоко идеалистическіе порывы движенія съ твердой увѣренностью его первыхъ тактическихъ шаговъ. Лассаля часто называли и называютъ,—особенно благодаря извѣстной работѣ Бернштейна,—ученикомъ Маркса, талантливымъ ученикомъ, но только ученикомъ. Письма, какъ справедливо гово-

ритъ Ф. Мерингъ въ предисловіи къ нѣмецкому изданію, документально опровергаютъ этотъ взглядъ. «Лассаль былъ ученикомъ Маркса и охотно признавалъ себя таковымъ; во всѣхъ принципіальныхъ вопросахъ, касающихся соціальнаго движенія, онъ былъ вполнѣ солидаренъ съ Марксомъ, но свое безсмертное имя онъ пріобрѣлъ тѣмъ, что въ рѣшительный моментъ, въ сознательномъ и непримиримомъ противорѣчіи съ Марксомъ, онъ на свою собственную отвѣтственность передъ судейскимъ столомъ исторіи, совершилъ историческое дѣло, создающее эпоху. Какъ развилось у Лассаля и Маркса это разногласіе по вопросамъ тактики, письма показываютъ самымъ поучительнымъ образомъ».

Письма Лассаля охватываютъ 1849—1862 года. Съ жаромъ, на который способенъ только Лассаль, онъ оцѣниваетъ съ опредѣленной точки зрѣнія,—освобожденія рабочаго класса,—знаменательныя событія того времени: реакцію послѣ мартовскихъ бурь, переворотъ, совершенный Луи Наполеономъ, итальянскія войны. Ту же страсть трибуна онъ вноситъ и въ письма о своей драмѣ «Францъ фонъ-Зикингенъ», о крестьянской войнѣ, всюду, гдѣ интересъ дня или эпохи, личный или общественный захватываетъ его боевую мысль. Между прочимъ, происхожденіе драмы и превращеніе Лассаля въ поэта является весьма любопытнымъ обстоятельствомъ, подчеркивающимъ сильнѣе эту натуру общественно-политическаго борца. Занятый въ то время своимъ изслѣдованіемъ о философіи Гераклита Темнаго, Лассаль пишетъ: «Это очень жестоко послѣ 48 и 49 гг., послѣ того, какъ пролито столько крови, и послѣ того какъ столько дѣлъ кричатъ о мести, быть вынужденнымъ еще теоретизировать... я при всемъ желаніи не могъ бы тебѣ описать, *какого* напряженія силъ мнѣ это стоило» (стр. 127). Исходъ былъ найденъ случайно въ одновременной драматической разработкѣ другой темы,—которая находилась въ нѣкоторомъ родствѣ съ злободневными политическими интересами,—революціонной борьбы Зикингена. «Такимъ образомъ, я нашелъ въ этомъ способъ освободиться отъ тѣхъ удушливыхъ притоковъ крови къ сердцу, которые иначе, пожалуй, сдѣлали бы для меня невозможнымъ доведеніе Гераклита до конца» (стр. 128).

Но, кромѣ интереса, возбуждаемаго личностью Лассаля, письма привлекаютъ неослабное вниманіе чрезвычайно цѣнными сужденіями и характеристиками, которыя ничуть не потеряли своей жизненности и даже злободневности за 50 лѣтъ. Это объясняется, конечно, тѣмъ, что острый политическій взглядъ Лассаля проникалъ въ самый корень общественныхъ отношеній, не позволяя себя обмануть временной измѣнчивой обстановкой, главные же герои современной исторической драмы опредѣлились уже полвѣка тому назадъ. Напримѣръ, вотъ какъ рисуетъ Лассаль въ письмѣ отъ 27 января 1855 г. настроеніе общества реакціонной эпохи.

... «Свое главное основаніе оно *) имѣетъ безусловно не въ опредѣленныхъ политическихъ тенденціяхъ буржуазіи, но скорѣе въ общемъ инстинктѣ, начинающемъ постепенно, но неоспоримо овладѣвать всѣми классами, такъ что живешь все въ *переходное время*, а наши правительства хоть и могутъ побѣждать въ уличной борьбѣ, но не въ силахъ заложить основаніе *прочному* и *продолжительному* положенію вещей. Когда въ 1849 году наступила полная побѣда реакціи и штыки вездѣ одержали верхъ, буржуазія сначала предалась dulci jubilo. Она, которая ни въ чемъ такъ сильно не нуждается, какъ въ *прочномъ* положеніи вещей, и которая прощаетъ ему ради *этого* свойства почти всѣ его другіе грѣхи, она не сомнѣвалась, что теперь

*) Отъ этого письма сохранился только отрывокъ. По всей видимости. „оно“ означаетъ „недовольство“ правительствомъ.

снова вернутся старыя добрыя времена до 1848 года, и возстановится на продолжительное время порядокъ вещей, хотя бы даже и стараго покроя. Было достаточно немногихъ лѣтъ, чтобы на мѣсто этого полнаго надеждъ желанія явилось весьма рельефно выраженное недовольство» (стр. 96).

Далѣе въ томъ же письмѣ. «Всѣмъ обществомъ овладѣло чувство, что живешь исключительно со дня на день, и что оборотной стороной всѣхъ вещей является общій переворотъ, къ которому правительство, несмотря на свое всемогущество и абсолютизмъ, не знаетъ даже, какъ подступиться. Но на долгое время нѣтъ ничего болѣе невыносимаго, какъ подобное состояніе, болѣе подавляющаго, какъ вѣчное ощущеніе чего-то временнаго, вѣчное ожиданіе пугала предстоящаго переворота. Дошли даже до такого рода *неустрашимости*, что желаютъ, чтобы это пугало было лучше позади нихъ, а не всегда впереди и, такъ сказать, примирились съ мыслью, что придется разъ продѣлать эту вещь» (стр. 97). Указавъ затѣмъ на постепенное вытѣсненіе средняго сословія, являющееся вездѣ слѣдствіемъ крупнаго современнаго производства, на раздѣленіе націи на двѣ части—на крупныхъ капиталистовъ и пролетаріевъ, Лассаль пишетъ: «Но на это неудержимо-прогрессирующее нивеллированіе средняго сословія на мелкая буржуазія, почти уже поглощенная волнами, ни средняя, которой ежедневно все больше угрожаютъ эти волны, не смотрятъ, какъ на чисто неизбѣжное слѣдствіе нашихъ соціальныхъ условій, но оно, что весьма естественно, также приписывается ими *политическимъ* условіямъ и ставится въ вину правительствамъ. Именно *поэтому* существуетъ большое озлобленіе!» (стр. 98). «Достаточно одной искры,—резюмируетъ свое письмо Лассаль,—чтобы пожаръ охватилъ квадратныя мили! Но въ этой-то искрѣ—нужда, и изъ нашего собственнаго нутра она не вспыхнетъ. Война, напротивъ того, можетъ ее вызвать» (стр. 101).

Какимъ образомъ война можетъ вызвать «искру«, Лассаль говоритъ въ своихъ письмахъ объ итальянской войнѣ, которыя относятся къ 1859 г.

Въ нашихъ интересахъ, пишетъ здѣсь Лассаль:

1) Чтобы война началась, о чемъ «позаботятся уже наши правительства сами».

2) Чтобы война велась *плохо* (объ этомъ также позаботятся наши правительства сами, и тѣмъ больше, чѣмъ *меньше* ихъ будетъ поддерживать интересъ народа къ войнѣ).

3) Чтобы народъ убѣдился, что война начата въ цѣляхъ народо-ненавистнической, династической, контръ-революціонной, т. е. что она предпринята *вопреки* его интересамъ.—Объ этомъ одномъ мы можемъ позаботиться, и забота объ этомъ является такимъ образомъ нашимъ долгомъ» (стр. 189).

Дальше Лассаль еще рѣзче подчеркиваетъ свою мысль. «Не забывай, что дѣло не въ томъ, чтобы показать, что война могла бы быть полезной революціонной партіи своимъ conflagration générale. Это, разумѣется очень ясно, и я поэтому страстно желалъ, чтобы наше правительство начало войну на собственную погибель. Но я желалъ, чтобы оно вело *непопулярную* войну. И потому надо было разоблачить народу несправедливость и вредъ ея, вопреки крику національныхъ объзьянъ» (стр. 197).

Мы не касаемся здѣсь чрезвычайно цѣнныхъ примѣчаній Меринга, который выяснитъ, поскольку правъ былъ Лассаль въ примѣненіи этихъ общихъ положеній къ конкретному политическому положенію Германіи въ 1859 г. Его выводъ на основаніи историческаго анализа подтверждаетъ, что Лассаль умѣлъ «безошибочно» опредѣлять «точки опоры» для нѣмецкой революціи. Эти «точки опоры» мы точно также опускаемъ.

Очень много мѣста и жару удѣляетъ Лассаль защитѣ своей драмы «Францъ фонъ-Зикингенъ» противъ критики Маркса и Энгельса, потому что онъ при-

давалъ своему творенію особое значеніе попытки вмѣшаться въ повседневную политическую борьбу. Онъ написалъ,—указываетъ Лассаль критикамъ,—«трагедію формально-революціонной идеи par excellence». И его разсужденія объ этой трагической коллизіи, «присущей всѣмъ или почти всѣмъ бывшимъ и будущимъ революціямъ», такимъ образомъ, стоятъ въ самой тѣсной связи съ содержаніемъ наиболѣе важныхъ и значительныхъ писемъ. «Вѣчно-современное» въ революціонномъ конфликтѣ Лассаль формулируетъ въ слѣдующихъ словахъ.

«И мнѣ несомнѣнно кажется въ высшей степени и вполнѣ глубоко революціоннымъ fabula docet показать, что какъ бы *революціонеръ* ни былъ кто-нибудь по своему *содержанію*, и какими бы матеріальными средствами и т. д. онъ при этомъ ни располагалъ, онъ *все-таки* долженъ погибнуть, если онъ вступитъ въ *какой-нибудь компромисъ съ существующимъ* и примирится; и это даже въ томъ случаѣ, если полюбовная сдѣлка имѣетъ отношеніе *лишь къ чисто формальной сторонѣ его* дѣйствованій, и хотя бы онъ именно благодаря этой формальной сдѣлкѣ и долженъ былъ, повидимому, достигнуть благопріятныхъ условій и реальныхъ выгодъ» (стр. 168). «Постоянная слабость всякой правильной революціонной идеи, пытающейся осуществиться практически, лежитъ въ недостаткѣ сознательности со стороны членовъ заинтересованныхъ въ ней классовъ, принципъ которыхъ еще не осуществленъ» (стр. 130) (какъ извѣстно, Лассаль революціей называетъ замѣну стараго принципа новымъ). Между тѣмъ, право и сила революціи заключается въ ясно и вполнѣ откровенно высказываемой цѣли движенія, «въ ея *воодушевленіи*, въ этой непосредственной вѣрѣ въ идею, въ ея собственную силу и безконечность» (стр. 130). Всякія сдѣлки или примиренія ослабляютъ эту силу и *революціонныя цѣли* поэтому не могутъ быть достигнуты *дипломатическими* средствами». Говоря реальнѣе, «революціи въ концѣ концовъ можно дѣлать только при помощи массъ и ихъ страстнаго самопожертвованія» (стр. 132). «Благоразуміе» и мудрыя разсужденія о такъ называемой реальной политикѣ должны отпасть, они не соотвѣтствуютъ революціонной эпохѣ и, такимъ образомъ, какъ разъ и не угадываютъ реальнаго положенія вещей. «Въ этомъ заключается также тайна силы самыхъ крайнихъ партій въ революціяхъ, въ этомъ, наконецъ, тайна, почему инстинктъ массъ въ революціяхъ обыкновенно гораздо вѣрнѣе, чѣмъ благоразуміе интеллигентовъ» (стр. 131). Массамъ чуждъ поссибилизмъ, и съ ними слѣдуетъ итти до конца, не измѣняя имъ въ пользу частичныхъ выгодъ. Буржуазная революція 1848 и 1849 гг. въ Германіи именно потому и потерпѣла крушеніе, что она не была послѣдовательна. Выступивъ въ союзѣ съ рабочими, она, вмѣсто того, чтобы вмѣстѣ съ этимъ классомъ свергнуть абсолютизмъ и феодализмъ, испуганная силою союзника, вступила въ сдѣлку съ абсолютистки-феодальнымъ режимомъ, чтобы быть одураченною этимъ послѣднимъ. Изъ этихъ годовъ Лассаль «извлекъ тотъ непоколебимый урокъ, что никакая борьба въ Европѣ не можетъ быть успѣшна, если только съ самаго начала она не будетъ провозглашена *чисто соціалистической;* что не можетъ больше удасться никакая борьба, въ которой соціальные вопросы входятъ лишь, какъ туманный элементъ, и стоятъ на заднемъ планѣ и которая съ внѣшней стороны ведется подъ знаменемъ національнаго возрожденія или буржуазнаго республиканизма» (стр. 7 — 8).

Нашей цѣлью было намѣтить только въ самыхъ общихъ чертахъ то богатство живыхъ идей, какія разсыпаны въ письмахъ Ф. Лассаля. Поневолѣ мы не могли касаться другихъ важныхъ сторонъ, какъ, напр., сущности развивающихся разногласій между Лассалемъ и Марксомъ. Точно также мы не могли воспользоваться здѣсь тѣмъ великолѣпно обработаннымъ фактическимъ матеріаломъ примѣчаній Меринга, которыя служатъ незамѣнимымъ руководствомъ при чтеніи писемъ. *Л. Б.*

ФИЛОСОФІЯ.

Р. Авенаріусъ. Критика чистаго опыта въ популярномъ изложеніи *А. Луначарскаго.*

Р. Авенаріусъ. Критика чистаго опыта въ популярномъ изложеніи Л. Луначарскаго. Новая теорія поэтическаго идеализма (Holzapfel u Panideel). Критическое изложеніе А. Луначарскаго. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Москва. 1905 г. Цѣна 80 коп. «Критика Чистаго Опыта Р. Авернаріуса принадлежитъ къ числу наиболѣе недоступныхъ для пониманія философскихъ произведеній. Какъ совершенно правильно замѣчаетъ Луначарскій, авторъ помѣщенной въ заглавіи книжки, Авенаріусъ предъявляетъ къ своему читателю требованія, едва ли не большія, чѣмъ Гегель въ «логикѣ». Поэтому вполнѣ понятно, что вслѣдъ за появленіемъ Критики Чистаго Опыта возникли и попытки болѣе доступнаго и общественнаго изложенія ея. Однако, имѣя форму рефератовъ и конспектовъ, они были какъ разъ мимо поставленной ими цѣли. Для достиженія послѣдней требовалась не конспектировка, а полная переработка ученія Авенаріуса по новому плану, при которомъ ясно выступали бы на видъ моменты, лежащіе на дѣлѣ въ основѣ его ученія, но затемненные въ изложеніи самого Авенаріуса внѣшнею, слишкомъ узкою схемою. Такую переработку и предпринялъ І. Пецольдъ въ первомъ томѣ своего сочиненія «Введеніе въ философію чистаго опыта», появившемся въ свѣтъ въ 1900 году. Такъ какъ Луначарскій въ своемъ изложеніи критики Ч. О. слѣдуетъ всецѣло Пецольду, то мы въ своей рецензіи, прежде всего, и постараемся выдвинуть на видъ основные моменты ученія Авенаріуса въ томъ основаніи, какое придалъ ему Пецольдъ.

«Авенаріусъ,—говоритъ Пецольдъ,—очень рано составилъ себѣ убѣжденіе что мы можемъ достигнуть правильныхъ взглядовъ на міръ при условіи, если будемъ разсматривать вещи и процессы по возможности безпредразсудочно, т.-е. въ чистомъ видѣ, ничего къ нимъ не примысливая, ничего отъ нихъ не отбрасывая; если мы насколько возможно полно приспособимъ наше мышленіе къ окружающему, наши мысли—къ фактамъ; если мы откажемся отъ всякой метафизики, имѣющей въ лучшемъ случаѣ значеніе поэтическаго вымысла или лишимъ ее совершенно вліянія на изслѣдованіе; если мы, слѣдовательно, только опытъ заставимъ говорить, опытъ безъ всякихъ не опытныхъ добавленій—чистый опытъ». Такъ какъ такой чистый опытъ, продолжаетъ дальше Пецольдъ, является лишь простымъ требованіемъ, далеко не выполненнымъ даже въ такихъ точныхъ наукахъ, какъ естественыя, то передъ Авенаріусомъ и выросла задача очищенія опыта, т.-е. выясненія понятія чистаго опыта и оправданія стремленія къ такой системѣ всѣхъ научныхъ познаній, которыя вполнѣ и исключительно покоились бы на чистомъ опытѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Разрѣшеніе этой задачи и легло въ основу плана Кр. Ч. О.: въ первой части своего труда Авенаріусъ устанавливаетъ точное понятіе чистаго опыта въ тѣсномъ смыслѣ слова—синтетическое понятіе чистаго опыта, которое не есть данное, естественное, а искуственное, чрезъ рефлексію вызванное; во второй—онъ путемъ анализа того, что обычно называется опытомъ, вскрываетъ аналитическое понятіе чистаго опыта; наконецъ, въ третьей части—онъ пытается показать, что психобіологическое развитіе человѣчества ведетъ къ постепенному суженію объема аналитическаго понятія опыта до синтетическаго понятія, словомъ, здѣсь онъ показываетъ, что чистый опытъ въ тѣсномъ смыслѣ есть достижимый идеалъ и неизбѣжная цѣль человѣческаго познанія. Однако, по мнѣнію Пецольда, такой планъ недостаточенъ уже не только потому, что въ составъ Кр. Ч. О. входятъ многія изслѣдованія, стоящія внѣ связи съ первоначальною задачею, но и по другому

болѣе глубокому основанію. Разрѣшеніе поставленныхъ въ Кр. Ч. О. вопросовъ Авенаріусъ даетъ на психо-біологической почвѣ, изслѣдуя теченіе нашихъ переживаній и соотвѣтствующихъ имъ физіологическихъ процессовъ, въ ходѣ развитія которыхъ обнаруживается біологически обусловленная тенденція къ ограниченію познанія на опытѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Слѣдовательно, хотя исторически и психологически для Авенаріуса первымъ вопросомъ былъ теоретико-познательный вопросъ объ основаніи чистаго эмпиризма, и онъ именно и вызвалъ попытку біологическаго пониманія душевной жизни, однако, логически біологическая психологія служитъ у Авенаріуса, по глубокому убѣжденію Пецольда, основою для оправданія чистаго эмпиризма, или для теоріи познанія вообще,—его теорія познанія—біологическая. Въ виду этого Пецольдъ и стремится понять Кр. Ч. О. какъ попытку біологическаго пониманія душевной жизни, которую, по его мнѣнію, Авенаріусу удалось провести благодаря двумъ его замѣчательнымъ психологическимъ открытіямъ: во-первыхъ, его допущеніе, что психическія явленія укладываются въ рядъ; и, во-вторыхъ, его новая классификаціи психическихъ переживаній на элементы и характеры. Мы не будемъ здѣсь входить въ дальнѣйшее изложеніе работы Пецольда, мы укажемъ лишь его основной недостатокъ, который до извѣстной степени умалилъ значеніе его въ общемъ оригинальной переработкѣ ученія Авенаріуса, и который вошелъ и въ изложеніе Луначарскаго.

Какъ мы видѣли, по Пецольду теорія познанія должна покоиться на біологической психологіи. Съ другой стороны, однако, ему приходится допустить, что сама точка зрѣнія біологической психологіи требуетъ обоснованія, каковое онъ и пытается дать въ первомъ отдѣлѣ I-го тома своей книги, т.-е. она предполагаетъ теорію познанія. Хотя Пецольдъ и надѣется избѣгнуть этого противорѣчія указаніемъ на то, что такое предварительное признаніе нѣкоторыхъ теоретико-познавательныхъ взглядовъ лишь методологическое, и что они въ своемъ мѣстѣ будутъ оправданы въ біологической психологіи, однако, не трудно видѣть, что предлагаемый имъ выходъ изъ противорѣчія покоится на софизмѣ. Поэтому, если бы Пецольдъ былъ болѣе послѣдователенъ, онъ долженъ былъ бы признать теорію познанія, точнѣе философію, независимою отъ біологической психологіи и вмѣстѣ съ тѣмъ и въ ученіи Авенаріуса вскрыть философское зерно. Не выполнивъ этого, по крайней мѣрѣ, вполнѣ, онъ съ самого начала вступилъ на шаткую почву и принужденъ былъ отказаться отъ точнаго установленія понятія психическаго, которое является основнымъ въ его изслѣдованіи. Первоначально, при обоснованіи психо-физіологическаго параллелизма, Пецольдъ разсматриваетъ психическія переживанія какъ самостоятельныя явленія на ряду съ физическими: только при такомъ пониманіи и возможенъ психо-физіологическій параллелизмъ. Но въ дальнѣйшемъ, различіе между физическимъ и психическимъ у него уже сводится не къ различію между ними, какъ самостоятельными явленіями, а къ различію точекъ зрѣнія, подъ которыми разсматривается содержаніе опыта: психическое — это есть содержаніе въ субъективныхъ связяхъ, физическое—въ объективныхъ. При такомъ же пониманіи, вмѣсто психо-физіологическаго параллелизма выступаетъ психо-физическій параллелизмъ. Остается при этомъ неяснымъ, какъ возможно совмѣщеніе того и другого параллелизма, покоющихся кстати на совершенно различнымъ философскихъ основаніяхъ. Если психическое, или часть его, параллельно физическому, представляетъ это послѣднее въ субъективныхъ связяхъ, то какъ возможно объективное для психическаго искать въ физіологическихъ процессахъ, представляющихъ только часть физическаго? И наоборотъ.

Мы уже упомянули, что указаннымъ нами основнымъ недостаткомъ и, слѣдовательно, всѣми другими изъ него вытекающими страдаетъ и изложеніе

Луначарскаго. Правда, въ то время какъ Пецольдъ вмѣстѣ съ Авенаріусомъ ставитъ теорію познанія въ зависимость отъ біологической психологіи, Луначарскій провозглашаетъ ея независимость, утверждая наоборотъ, что «біопсихическія теоріи Авенаріусъ выработалъ, основываясь на правильной теоріи познанія» (10 стр.). Однако, такой, какъ мы уже указали, по существу правильный взглядъ является непослѣдовательностью для мыслителя, стоящаго въ области теоріи познанія на біологической точкѣ зрѣнія, и именно поэтому то онъ не привелъ Луначарскаго къ плодотворнымъ результатамъ. Даже болѣе того, онъ явился источникомъ новыхъ неясностей и туманностей въ изложеніи ученія Авенаріуса; благодаря ему въ это изложеніи нѣтъ, нѣтъ да и ворвется чуждая ей струя. Въ то время какъ біологическая психологія только описываетъ факты сознанія и вскрываетъ условія, которыя способствуютъ или препятствуютъ дальнѣйшему сохраненію или измѣненію физіологическихъ процессовъ и ихъ зависимыхъ—психическихъ переживаній, Луначарскій проповѣдуетъ изгнаніе изъ познанія напр. экзистенціала,—даже не пытаясь установить, обнаруживаютъ ли лежащіе въ его основѣ физіологическіе процессы тенденцію къ вымиранію. Равнымъ образомъ, біологическая психологія не можетъ и не будетъ говорить о коллективномъ опытѣ, какъ о дѣйствующемъ агентѣ, разъ ему не указывается соотвѣтствующая независимая въ физіологическихъ рядахъ, коллективномъ опытѣ, который, какъ Deus ex machina, является у Луначарскаго въ трудныя минуты и благополучно переводитъ его чрезъ имъ же самимъ созданныя пропасти въ изложеніи (ср. напр. ст. 99, 102 и т. д.).

Нельзя не отмѣтить еще здѣсь на ряду со сказаннымъ въ изложеніи Луначарскаго нѣкоторыхъ неточныхъ опредѣленій, порою граничащихъ съ искаженіемъ смысла. Такъ, въ главѣ 8, озаглавленной «Позиціоналъ. Чистый опытъ», Луначарскій устанавливаетъ, что по Авенаріусу «какъ комплексы элементовъ, такъ и характеры могутъ являться въ сознаніи въ двухъ совершенно различныхъ формахъ, въ формѣ вещи и въ формѣ мысли» (97 ст.). Нѣсколько строкъ ниже онъ утверждаетъ, что «вещь характеризуется тѣмъ, что она воспринимается чрезъ посредство внѣшнихъ органовъ...» (Тамъ же). Такимъ образомъ, здѣсь онъ въ противоположность своему первому утвержденію, признаетъ, что характеры не могутъ быть даны въ формѣ вещи. Но если эта указанная непослѣдовательность отчасти вызвана словами самого Авенаріуса, то нижеприводимый промахъ уже всецѣло должно отнести на личный счетъ Луначарскаго. Говоря о широкомъ понятіи опыта, онъ пишетъ, что «оно включаетъ въ свой составъ не только вещи, но и мысли, поскольку онѣ воспринимаются съ характеромъ данности или вещности» (ст. 99, смотр. также 129). Справедливо спросить, какъ можетъ мысль—форма явленія въ сознаніи на ряду съ такою же формой вещности восприниматься подъ формою вещности? Не тождественно ли это утвержденіе съ утвержденіемъ, что представленіе можетъ быть дано въ формѣ воспріятія?

Всѣ указанные недочеты въ работѣ г. Луначарскаго по сравненію съ трудомъ Пецольда и заставляютъ насъ высказать сожалѣніе относительно того, что г. Луначарскій въ погонѣ за популярностью изложенія предпочелъ предложить русскому читателю, вмѣсто перевода I-го тома книги Пецольда свою переработку.

Что же касается второй статьи, вошедшей въ его книгу и представляющей собою критическое изложеніе труда Гольцапфеля «Panideal», то мы ея касаться здѣсь не будемъ, такъ какъ она ничего не даетъ для пониманія или дополненія ученія Авенаріуса, будучи посвящена простому психологическому анализу этическаго и эстетическаго и установленію этическихъ и эстетическихъ нормъ на этомъ пути: простой психологическій анализъ не имѣетъ ничего общаго съ методомъ біологической психологіи. *N. N.*

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ГИГІЕНА.

В. Шимкевичъ. „Курсъ сравнительной анатоміи позвоночныхъ животныхъ". *А. Никольскій.* „Пресмыкающіяся и земноводныя Россійской имперіи"—*Л. Бергъ.* „Рыбы Туркестана".—Врачи *А. и В. Черевковы.* „Курсъ гигіены для среднеучебныхъ заведеній".—*П. Головачевъ.* „Сибирь".

Проф. В. Шимкевичъ. Курсъ сравнительной анатоміи позвоночныхъ животныхъ. Съ 451 рис. въ текстѣ. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1905. Вообще говоря, русская учебная литература крайне бѣдна хорошими руководствами, особенно оригинальными,—значительную роль играютъ въ ней переводные учебники, далеко не всегда подходящіе къ нашимъ условіямъ преподаванія. За послѣднее время, однако, замѣчается нѣкоторое оживленіе въ этой литературѣ и по многимъ отраслямъ науки появились хорошіе курсы и руководства, тѣмъ болѣе цѣнные для нашихъ учащихся, что составлены русскими выдающимися учеными примѣнительно къ нашимъ методамъ и объему преподаванія. Къ такимъ въ высшей степени полезнымъ руководствамъ должно отнести и недавно вышедшую книгу проф. В. М. Шимкевича. Это серьезный и прекрасно разработанный курсъ сравнительной анатоміи позвоночныхъ въ томъ объемѣ, въ которомъ эта научная отрасль читается въ нашихъ университетахъ. Сравнительно-анатомическія данныя сгруппированы въ немъ по системамъ органовъ, при томъ такъ, что у читающаго получается вполнѣ ясное представленіе и о характерныхъ чертахъ строенія отдѣльныхъ группъ позвоночныхъ. Очень удачнымъ введеніемъ въ познаніе позвоночныхъ являются главы, посвященныя строенію ланцетника, классификаціи позвоночныхъ и начальнымъ стадіямъ развитія ихъ. Описанію сравнительной анатоміи каждой группы органовъ предшествуетъ очеркъ развитія эмбріологіи этой группы, и въ основу самаго дѣленія на группы положенъ до извѣстной степени эмбріологическій принципъ.

Отличительной чертой курса проф. Шимкевича является его большая научная свѣжесть и полнота: мы находимъ въ немъ всѣ открытія самаго послѣдняго времени. Огромное количество хорошо выполненныхъ рисунковъ, изъ которыхъ многіе заимствованы изъ спеціальныхъ сочиненій и еще не появлялись въ русской научной литературѣ, прекрасно помогаетъ пониманію текста. Лицамъ, желающимъ серьезно познакомиться со сравнительной анатоміей, равно какъ и учащимся, можно горячо рекомендовать это руководство. Должно замѣтить, однако, что при всей ясности и точности языка автора, книга не претендуетъ на популярность изложенія и требуетъ со стороны читателя вполнѣ серьезнаго къ себѣ отношенія и извѣстной умственной работы.

П. Ю. Ш.

Д. М. Никольскій. Пресмыкающіяся и земноводныя Россійской имперіи (Herpetologia vomica). Съ 2 табл. Записки Имп. Акад. Наукъ т. XVII, № 1 1905. Цѣна 7 руб. Всѣмъ любителямъ-натуралистамъ, особенно живущимъ въ провинціи и на окраинахъ, приходится испытавать сильнѣйшія затрудненія при ознакомленіи съ различными группами животнаго царства, въ виду крайней скудости у насъ руководствъ для научнаго опредѣленія представителей фауны Россіи. За исключеніемъ насѣкомыхъ (и то не всѣхъ группъ) и птицъ, которымъ въ этомъ отношеніи болѣе посчастливилось, такъ какъ по нимъ вышло нѣсколько дѣйствительно хорошихъ руководствъ, какъ «Атласъ Бабочекъ» Гофмана, «Прямокрылыя и Ложносѣтчатокрылыя» Якобсона и Біанки, «Жуки Россіи» Якобсона, «Птицы Россіи» Мензбира и др., любителю природы у насъ положительно нельзя сколько нибудь серьезно заниматься ни одной группой животныхъ. Между тѣмъ возможность разобраться въ систематикѣ

той или другой группы, возможность научно опредѣлить животное является основою всякой другой научной работы. Немыслимо заниматься, напр., біологическими наблюденіями, не будучи въ состояніи выяснить научныя названія животныхъ и взаимную связь и отношенія между отдѣльными формами.

Вотъ почему мы позволяемъ себѣ обратить вниманіе читателей на вышедшее только что сочиненіе проф. А. М. Никольскаго, несмотря на то, что это не популярный, а вполнѣ научный трудъ, полная и чрезвычайно цѣнная монографія пресмыкающихся и земноводныхъ Россіи, сообщающая о нихъ всѣ данныя, которыя извѣстны въ научной литературѣ. Въ книгѣ этой имѣется рядъ прекрасныхъ опредѣлительныхъ таблицъ, по которымъ и любитель легко можетъ опредѣлить представителей указанныхъ двухъ классовъ, при томъ не только Европейской Россіи, а и нашихъ азіатскихъ окраинъ и даже отчасти сопредѣльныхъ имъ странъ. Для каждаго вида приводятся не только подробныя данныя о географическомъ распространеніи, но и свѣдѣнія о біологіи, поскольку они извѣстны въ научной литературѣ. Это позволяетъ любителямъ составить себѣ вполнѣ ясное и точное представленіе о томъ, какихъ наблюденій надъ тѣми или другими представителемъ фауны еще не хватаетъ и, слѣдовательно, какія изъ ихъ собственныхъ наблюденій могутъ быть цѣнны.

Пресмыкающіяся и земноводныя—группы очень удобныя для коллектированія, для содержанія въ терраріумахъ и для біологическихъ наблюденій на волѣ. Многіе любители природы живо интересуются ими, и мы увѣрены, что для нихъ книга А. М. Никольскаго, составляющая прекрасное дополненіе къ другой книгѣ его же—«Гады и рыбы» (изд. Ефрона),—явится настоящей находкой. *П. Ю. Ш.*

Л. Бергъ. Рыбы Туркестана. Съ 6 табл. и 35 рис. въ текстѣ. Спб. 1905. Изд. Туркест. Отд. И. Р. Геогр. Общества. Все сказанное выше по поводу книги А. М. Никольскаго вполнѣ приложимо и къ книгѣ Л. Берга, которая является также прекраснымъ руководствомъ для опредѣленія рыбъ одной изъ нашихъ обширныхъ и интересныхъ окраинъ. Книга эта при всѣхъ своихъ крупныхъ научныхъ достоинствахъ написана настолько просто и содержитъ такія удобныя таблицы для опредѣленія, что, безъ сомнѣнія, можетъ сослужить хорошую службу не только спеціалистамъ, но и любителямъ природы, живущимъ въ Туркестанѣ. Помимо данныхъ по систематикѣ, въ ней содержатся и свѣдѣнія по біологіи рыбъ. Хорошо выполненные рисунки помогаютъ опредѣленію. *П. Ю. Ш.*

Врачи А. А. и В. Д. Черевковы. Курсъ гигіены для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. Изд. «Общ. Польза». Стр. 213. 1905 г. Ц. 1 р. Наша многострадальная средняя школа, объектъ многочисленныхъ бюрократическихъ «мѣропріятій», еще не дождалась введенія у себя курса гигіены. Но порядокъ вещей, при которомъ получившій «аттестатъ зрѣлости» юноша разбирается въ супинахъ и не имѣетъ понятія о началахъ хотя бы личной гигіены, такой порядокъ слишкомъ абсурденъ, чтобы продолжать существованіе, и мы несомнѣнно стоимъ наканунѣ серьезной реформы нашей средней школы. Въ этой реформѣ найдетъ себѣ мѣсто, конечно, и забота объ ознакомленіи школьника съ основами гигіены, и потому книга гг. Черевковыхъ отвѣчаетъ вполнѣ назрѣвшей потребности. Составленная ясно и вполнѣ научно, изложенная систематически и хорошимъ литературнымъ языкомъ, книга эта пополняетъ серьезный пробѣлъ въ нашей учебной и популярной литературѣ. Въ русской литературѣ имѣется рядъ прекрасно написанныхъ брошюръ по отдѣльнымъ вопросамъ гигіены—по гигіенѣ глазъ, зубовъ, кожи, одежды и пр., но не было, кажется, до сихъ поръ такого полнаго, систематическаго, популярно изложеннаго руководства по гигіенѣ. Мы не сомнѣваемся, что книга гг. Черевковыхъ получитъ широкое распространеніе, котораго она вполнѣ заслуживаетъ, но мы

считаемъ нужнымъ указать нѣсколько частностей, которыя намъ казалось бы нужнымъ измѣнить или исправить при дальнѣйшихъ изданіяхъ книги.

Прежде всего авторы немножко увлекаются гистологіей и, въ ущербъ пропорціональности изложенія, мѣстами слишкомъ долго останавливаются на микроскопической картинѣ данной ткани или органа: рядовому читателю, не школьнику, при отсутствіи препаратовъ и микроскопа, эти мѣста книги будутъ непонятны—многочисленные и хорошо исполненные рисунки недостаточны все же для полнаго уясненія картины. Въ частности анатомію головного мозга и уха—самые трудные отдѣлы анатоміи—такой читатель по необходимости оставитъ безъ вниманія: безъ хорошихъ препаратовъ—натуральныхъ или папье-маше—почти невозможно представить себѣ существующія здѣсь сложныя анатомическія отношенія. Далѣе, такія понятія, какъ «кислая реакція», нельзя оставлять безъ объясненія; описанію процесса пищеваренія должно предшествовать объясненіе необходимыхъ терминовъ; безъ предварительнаго объясненія химическаго смысла понятій «жиры», «мыла» и «щелочи» читателемъ можетъ быть не вполнѣ понято кишечное пищевареніе. Послѣднее замѣчаніе: параллельно съ цифровыми данными, изложенными въ метрической системѣ, слѣдовало бы помѣстить эти же данныя въ русской системѣ мѣръ, какъ болѣе наглядной для большинства читателей, или, по крайней мѣрѣ, дать въ концѣ книги сравнительную таблицу мѣръ.

Многочисленные рисунки, взятые, повидимому, изъ послѣдняго изданія «Атласа» Гейтцмана, выбраны очень удачно и отлично иллюстрируютъ текстъ. Еще одна мелочь: въ книгѣ нѣтъ оглавленія. Врачъ *Л. Василевскій.*

П. Головачевъ. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. Второе изданіе, исправленное и дополненное со многими рисунками и 2 картами. Историко-филологическимъ факультетомъ Московскаго университета первое изданіе удостоено полной преміи сенатора Ровинскаго. Москва. 1905. Цѣна 1 р. 50 к. Обстоятельный отзывъ о книгѣ «Сибирь» былъ уже данъ въ нашемъ журналѣ вскорѣ послѣ выхода перваго изданія этой книги въ 1902 г., и тогда же были отмѣчены серьезные достоинства труда г. Головачева. Поэтому, не входя въ обсужденіе этихъ достоинствъ по существу, мы ограничимся лишь замѣчаніемъ, что несомнѣнный успѣхъ, о которомъ свидѣтельствуетъ появленіе книги, въ сравнительно короткій промежутокъ времени, 2-мъ изданіемъ, вполнѣ заслуженъ ею, и трудомъ г. Головачева успѣшно восполненъ недостатокъ въ хорошей книгѣ о Сибири, отвѣчающей запросамъ широкаго круга читателей. Въ настоящемъ изданіи авторъ дополнилъ свой трудъ значительнымъ количествомъ новыхъ рисунковъ и сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія и поправки въ текстѣ и въ распредѣленіи матеріала по отдѣламъ (такъ напримѣръ, глава объ административномъ дѣленіи Сибири перенесена въ болѣе подходящій для нея 2-й отдѣлъ). Значительно улучшена также внѣшняя сторона изданія, которая можетъ быть названа безукоризненной.

Въ заключеніи позволимъ себѣ одно маленькое замѣчаніе. Обширный литературный матеріалъ, которымъ авторъ пользовался при составленіи своей книги, указанъ имъ въ отдѣльномъ перечнѣ, помѣщенномъ въ концѣ книги. Перечень этотъ представляетъ несомнѣнный интересъ для тѣхъ изъ читателей, которые пожелали бы ближе познакомиться съ какимъ нибудь изъ разсматриваемыхъ въ книгѣ вопросовъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ приведена, главнымъ образомъ, новѣйшая литература о Сибири. Къ сожалѣнію, порядокъ, которымъ руководился авторъ при составленіи списка, въ значительной мѣрѣ затрудняетъ пользованіе имъ, и для того, чтобы найти нужную справку, читателю прійдется пробѣжать чуть не весь списокъ, занимающій 10 страницъ мелкаго шрифта. Было бы проще и удобнѣе распредѣлить матерьялъ по рубрикамъ, снабдивъ ихъ отдѣльными заглавіями. *Г. Б.*

---

*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го августа по 15-е сентября 1905 г.).

С. Лагерлефъ. Сѣверныя легенды и разсказы. Пер. Е. Герцыкъ и С. Лоріе. Москва. Изд. Д. П. Ефимова. 1905. Ц. 1 р.

Алоизъ Ирасекъ. За свободу. (Пѣсни головы). Пер. В. Южанина. Спб. Изд. «Библ. Юнаго Читателя». 1905. Ц. 40 к.

Б. С. Тѣнямъ умершихъ. Спб. Изд. Н. С. Щетинина. 1905. Ц. 5 к.

«Десять». Разсказы, стихи и басни. Сборн. I. Изд. «Десяти». Москва. 1905. Ц. 10 к.

Л. Лиданова. Грунятка. Разсказъ для дѣтей ср. возр. Москва. 1905. Изд. — Ц. 25 к.

Инойя—японскій мальчикъ. Пов. для дѣтей. Пер. съ франц. Москва. 1905. Изд. «Школьн. библ.». Ц. 1 р. 50 к.

В. Н. Разуваевъ. Скромныя картинки. Козловъ. 1905. 2 е доп. изд. Ц. 70 к.

Князь В. П. Мансутовъ. Исторія древняго Востока. Культурно-полит. и военная. Ассиро-Халдея и Персія. Томъ II, книги V—VIII. Спб. 1905. Ц. 5 р.

С. Г. Крапивинъ. Энергія и ея превращенія. Москва. 1905. Ц. 80 к.

К. М. Ѳедоровъ. Жизнь великихъ русскихъ людей. Н. Г. Чернышевскій. Спб. 1905. 2-е изд. Ц.

Т. А. Щавинскій. Полный систематическій учебникъ международнаго языка Эсперанто. Мелитополь. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Евгеній Мазепинъ. Что необходимо крестьянину. Очеркъ. Спб. 1905. Ц. 15 к.

Аграрный вопросъ. Сборникъ статей проф. М. Герценштейна, кн. П. Долгорукова, проф. В. Дена и друг. Москва. 1905. Изданіе кн. П. Д. Долгорукова и И. И. Петрункевича. Ц. 2 р.

Сборникъ рѣчей судебныхъ ораторовъ. Подъ ред. Л. А. Бавунова и В. И. Добровольскаго. Спб. 1904. Безплатн. прил. къ «Юристу».

П. Ивановъ. Борисъ Годуновъ. Москва. 1905. Изд. Т-ва И. Сытина. Ц. 15 к.

Г. Тумановъ. Характеристики и воспоминанія. Кн. 2-я. Тифлисъ. 1905. Ц. 50 к. съ перес.

Библ. «Свободная Россія». № 1. Германія въ 48-мъ году. Сост. М. Н. Андреевъ. Ц. 20 к. № 2. Изъ исторіи верховной власти въ Россіи. М. М. Богословскій. Москва 1905. Изд. Е. Кожевниковой и Е. Коломійцевой. Ц. 10 к.

К. Мягкова. О положеніи народныхъ учителей. Устюгъ. 1905. Книгоизд. «Сѣверное эхо». Ц. 25 к.

Г. И. Бобриковъ. Наброски изъ общественной жизни. 1905. Ц. 1 р.

М. Круковскій. Міръ чудесъ. Географ. хрестоматія. Москва. 1905. Изд. Т-ва Сытина. II. 1 р.

Иванъ Абрамовъ. Черниговскіе малоросы. Этнограф. очеркъ. Спб. 1905. Ц. 25 к.

Н. А. Гольцева. Женское движеніе въ Соединенныхъ штатахъ. Москва. 1905. Изд. Т-ва Сытина. Ц. 7 к.

П. И. Межеричеръ. Учебникъ геометріи. Для ремеслен., технич. и др. училищъ, курсовъ для мастеровыхъ и рабочихъ и для самообученія. Спб. 1905. Изд. А. Девріена. Ц. 1 р. 25 к.

Проф. Г. Челпановъ. Введеніе въ философію. Кіевъ 1905. Ц. 2 р. 50 к.

А. Дмитріевъ-Мамоновъ. Декабристы въ западной Сибири. Историческ. очеркъ по оффиціальн. документ. Спб. 1905. Изд. И. Балашова. Ц. 2 р. 50 к.

Е. Н. Волчанецкая. Іоаннъ Гутенбергъ и развитіе книгопечатанія. Москва. 1905. Изд. Т-ва Сытина. Ц. 20 к.

Н. А. Lorentz. Видимыя и невидимыя движенія. Пер. подъ ред. Н. П. Кастерина. Москва. 1905. Ц. 80 к.

Письма Фердинанда Лассаля къ К. Марксу и Ф. Энгельсу. Съ примѣч. Ф. Меринга. Пер. В. Шанина. Спб. 1905. Книгоизд. «Литерат. Дѣло». Ц. 1 р. 50 к.

Д-ръ Д. Д. Бекарюковъ. Основныя начала школьной гигіены. Москва. 1905. Изд. журн. «Вѣстникъ воспитанія». Ц. 2 р.

Б. Веселовскій. Къ вопросу о классовыхъ интересахъ въ земствѣ. Вып. 1-й. Спб. 1905. Ц. 40 к.

А. В. Пѣшехоновъ. Земельныя нужды деревни и основныя задачи аграрной реформы. Спб. 1905. Изд. журн. «Русское Богатство». Ц. 70 к.

Карлъ Каутскій. Томасъ Мооръ и его утопія. Пер. съ нѣмецк. М. А. и А. Г. Генкель. Спб. 1905. Книгоизд. М. Пирожкова. Ц. 1 р. 25 к.

П. Лафаргъ. Профессіональное рабочее движеніе въ Германіи. Пер. съ французск. А. Дивильковскаго. Москва 1905. Изд. В. Сомовой. Ц. 25 к.

А. Кузоватовъ. Законъ экономич. равновѣсія. Ковель. 1905. Ц. 30 к.

Ѳ. И. Булгаковъ. В. В. Верещагинъ и его произведенія. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

Д-ръ Браунсъ. Царство минераловъ. Вып. 7-й. Спб. 1905. Изд. Девріена. Ц. подписки на 10 вып. 25 р. Ц. одного вып. 2 р. 75 к.

В. Сѣрошевскій. Корея. Спб. 1905. Изд. Н. Глаголева. Ц. 1 р. 25 к.

Женщина-врачъ Е. Михайлова. Физическое воспитаніе женской молодежи. Москва. 1905. Ц. 1 р.

Элленъ Кей. Вѣкъ ребенка. Пер. съ нѣм. Е. Залога и В. Шахно. Москва. 1905. Изд. Д. П. Ефимова. Ц. 1 р. 25 к.

І. В. Михайловскій. Основные принципы организаціи уголовнаго суда. Томскъ. 1905. Ц. 2 р.

Владиславъ Максимовъ. Очерки по исторіи общественныхъ работъ въ Россіи. Спб. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

Джонъ Стюартъ Милль. Избирательныя права женщинъ. Пер. Н. Мировичъ. Москва. 1905. Изд. Т-ва Сытина. Ц. 10 к.

Ив. Вороновъ. Общественныя условія здоровія. Воронежъ. 1905. Ц.

К. Ѳ. Жаковъ. На сѣверъ въ поискахъ за Ламокомъ Буръ-Мартомъ. Изд. П. П. Осиповъ. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Л. Н. Толстой. Монографія Андреевича. Спб. 1905. Изд. А. Бѣляева. Ц. 1 р.

И. С. Тургеневъ его значеніи художеств., историч. и обществен. Сост. Н. Покровскій. Москва. 1905. Изд. — Ц. 75 к.

Государственная дума. Кіевъ 1905. Изданіе неофиціальное газеты «Кіевскіе отклики». Ц. 12 к.

В. Водовозовъ. Пропорціональные выборы или представительство меньшинства. Спб. 1905. Изд. Маріи Малыхъ. Ц. 10 к.

Эдуардъ Лабулэ. Политическія идеи Бенжамена Констана. Москва 1905. Изд. ж. «Русская Мысль». Ц. 40 к.

Н. Карѣевъ. Мысли объ основахъ нравственности. Пролегомены по этикѣ. Спб. 1905. Изд. 3-іе. Ц. 40 к.

В. Львовъ. Всеобщее избирательное право. Спб. 1905. Изд. А. Острогорской-Малкиной. Ц. 8 к.

А. С. Пушкинъ въ его значеніи художеств., историч. и общест. Сост. Н. Покровскій. Москва. 1905. Изд. 2-е. Ц. 75 к.

Н. С. Дрентельнъ. Начальная физика. Спб. 1905. Ц. 80 к.

Г. Намзингъ. Практическій курсъ Англійской коммерч. корреспонденціи (со словаремъ). Ревель. 1905. Ц. 1 р.

А. Ф. Поворинскій. Систематич. указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству гражданскому и уголовному. Т. II. Изданіе посмертное. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

Учебникъ ботаники для среднихъ уч. зав. Сост. В. Капилькинъ и А. Флеровъ. Ч. II споров. растенія. Москва. 1905. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Ц. 70 к.

Н. И. Кичуковъ. Альбомъ розъ. Описаніе 300 лучшихъ сортовъ розъ. Спб. 1905. Изд. А. Девріена. Ц.

Дѣтская и народная литература. Вып. II. Старшій возр. Нижній-Новгородъ. 1905. Изд. 2-е. Ц. 50 к.

Попечительства о народной трезвости въ 1902 г. Состав. Д. А. Тушинскій. Спб. 1905.

Ежегодникъ рускихъ сельско-хозяйствен. опытныхъ учрежденій. Вып. II, ч. I. Спб. 1905.

Іуда Мытарь. Два очерка: Что такое приказчикъ? и Какъ обезпечить старость приказчиковъ? Томскъ. 1905. Ц. 40 к.

Д-ръ А. Гіероглифовъ. О холерѣ мѣрахъ ея предупрежденія и способахъ лѣченія. Спб. 1905. Изд. Г. Массальскаго. Ц. 20 к.

Сав. Каминскій. Кое-что о сокращеніи рабочаго времени. Кіевъ. 1905. Ц. 15 к.

Кнутъ Гамсунъ. Въ Парижѣ. Новелла. Изд. и пер. Мих. Могилянскаго. Кіевъ. 1905. Ц. 4 к.

К. Гарина. Хожденія за три моря Аѳанасія Никитина. Москва 1905. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Ц. 10 к.

Изд. Е. М. Алексѣевой. Одесса 1905. 1) Профессіональное движеніе и политическія партіи. Законъ противъ соціалистовъ въ Германіи. А. Бебель. Ц. 12 к. 2) «Долой соціалдемократовъ!» В. Браке. Пер. съ нѣм. Ц. 5 к.

Изд. газеты «Кіевскіе Отклики». Тексты конституцій. II Испанская конституція. Пер. А. И. Лучицкаго. Ц. 5 к.—IV португальская конституція. Пер. его-же. Кіевъ. 1905. Ц. 8 к.

Книгоизд. «Голосъ». Спб. 1905. 1) Левъ Мовичъ. Стачки рабочихъ въ западной Европѣ. Ц. 10 к. 2) Рѣчь Робеспьера. Предисловіе С. Южакова. Всеобщая подача голосовъ. Ц. 10 к. 3) Л. Зайденмана. Правовое положеніе евреевъ въ Россіи. Ц. 10 к.

Книгоизд. Е. Д. Мячкова «Колоколъ». Первая Библіотека. Москва 1905. 1) В. Либкнехтъ. Рѣчь произнесен. по случаю годовщины основанія народнаго союза въ Криммитшау 22 октября 1871 года. Ц. 15 к. 2) К. Каутскій. Общественныя реформы. Ц. 20 к. 3) Н. И. Іорданскій. Земскій либерализмъ. Ц. 20 к. 4) С. Борхгаймъ. Чартистское движеніе въ Англіи. Ц. 20 к. 5) К. Каутскій. Эрфуртская программа съ 3-мя предисловіями автора. Ц. 20 к.

Изданіе Библ. Маріи Малыхъ. Спб. 1905. 1) Карлъ Марксъ. Классовая борьба во Франціи отъ 1848 г. до 1850 г. Ц. 20 к. 2) Вильямъ Темберъ Ривсъ. Политическія права женщинъ въ Австраліи. Пер. П. Мижуева. Ц. 10 к. 3) Карлъ Каутскій. Нашъ взглядъ на патріотизмъ и войну. Пер. Л. Неманова. Св. Францискъ

Ассирійскій. Пер. С. Марковича. Ц. 10 к. 4) Карлъ Марксъ. Кэри и Бастіа. Пер. А. Финна-Енотаевскаго. Марксъ объ искусствѣ. Очеркъ А. Финна-Енотаевскаго. Ц. 10 к. 5) Эмиль Розеновъ. Томасъ Мюнцеръ. Ц. 10 к. 6) А. Колонтай. Къ вопросу о классовой борьбѣ. Ц. 10 к. 7) Проф. М. Ковалевскій. Рабочій вопросъ во Франціи наканунѣ революціи. Ц. 10 к. 8) Леонъ Буржуа и Альберъ Метенъ. Основы государственнаго устройства Франціи. Ц. 10 к.

Благотворительное О-во изданія общественныхъ и дешевыхъ книгъ. Спб. 1905. 1) Г. Задеръ. У дытыны головка болыть—у матери серце. Ц. 5 к. 2) С. Русова. Божа искра. Ц. 5 к. 3) М. Загирня. Пидъ землею. Ц. 12 к. 4) Ѳ. Рыльскій. Сильски прыгоды. Ц. 5 к. 5) О. Конисько. Ходимо за Нымъ. Ц. 5 к. 6) Тарасъ Шевчинко. Катерына. Ц. 5 к. 7) О Бѣлоусенко. Винокъ Чытанка. Ц. 35 к.

В. Василевичъ. Московскій съѣздъ представителей Учительскихъ обществъ взаимопомощи. Москва. 1905. Изд. Т ва Сытина. Ц. 50 к.

М. Казанскій. Суфизмъ съ точки зрѣнія современной психопатологіи. Ч. II. Самаркандъ. 1905. Ц.

К. Россиковъ. Озимая совка (озимый червь). Сельскохозяйств. монографія. Спб. 1905. Изд. Департ. Земледѣлія. Ц. 50 к. То-же. Ц. 3 к.

Труды комиссіи, созванной по порученію чрезвычайнаго Казанскаго губ. собранія дворянства 12 марта 1905 г. по вопросу о народномъ представительствѣ. Казань. 1905.

Пермская губернія въ сельскохозяйствен. отношеніи. Вып. II. 1905 г. Состояніе хлѣбовъ и травъ къ 1 іюня 1905 г. Пермь. 1905. Изд. Губ. Управы.

Сельскохозяйственная текущая статистика 1904 г. Вып. I. Калуга. 1904. Изд. Губ. Управы.

Статистическое описаніе Калужской губерніи. Т. II. Лихвинскій уѣздъ. Т. V. Малоярославецкій уѣздъ. Изд. то-же.

Статистическій обзоръ Калужской губ. въ сельскохозяйств. отношеніи за 1902 г. Изд. то-же.

То-же за 1903 г. Изд. то-же.

Извѣстія Московской городской думы. Отдѣлъ общій. Августъ. 1905. Москва.

Дѣйствія Нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Сборникъ статей, сообщеній описей и документовъ. Т. VI. Нижній Новгородъ. 1905.

Статистическія данныя за 1902—1903 и 1903—1904 гг. о дѣтяхъ, обучавшихся въ начальныхъ училищахъ, учрежден. городской Московской думой. Москва. 1904.

Труды 2-го съѣзда дѣятелей по сельскохозяйственному опытному дѣлу въ С.-Петербургѣ съ 14 по 20 декабря 1902 г. Ч. II. Спб. 1905. Изд. Департ. Земледѣлія.

Отчетъ Благотворительнаго О-ва изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ за 1904 г. Спб. 1905.

НОВОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„ГОЛОСЪ".

Отдѣлы соціально-политическій и историческій.

Рѣчь Робеспьера, введеніе С. Южакова: «Всеобщая подача голосовъ».

Л. Зайденманъ: «Правовое положеніе евреевъ въ Россіи».

Левъ Мовичъ: «Стачки рабочихъ въ Западной Европѣ».

Цѣна книжки 10 коп. (можно марками).

Продаются въ главномъ складѣ: *С.-Петербургъ, Ямская, 22,* и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Въ ближайшемъ будущемъ выйдетъ въ свѣтъ новое изданіе „Міра Божьяго"

„ВОЗДУХОПЛАВАНІЕ ВЪ ЕГО ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ".

Сост. *Г. З. Баршъ.* Ред. *В. К. Агафонова.*

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Les indiscrétions de l'histoire*», *par le D-r Cabanès. 2-eme Série. Paris.* (*Albin Michel*) *avec 14 gravures. 3 fr. 50.* (*Нескромности исторіи*). Авторъ разбираетъ въ своей книгѣ многочисленныя медико-историческія проблемы и изслѣдуетъ ихъ при помощи историческихъ документовъ. Клиническая исторія прошлаго, конечно, представляетъ большой интересъ, какъ для врача, такъ и для историка. Изучая ее, авторъ, выясняетъ многіе любопытные факты въ исторіи человѣчества и указываетъ роль крупныхъ политическихъ событій въ исторіи медицины.

(Polybiblion).

«*Englisches Staatsrecht*», *von D-r Julius Hatschek. Band. Die Verfassung. Tübingen.* (*Mohl*). (*Англійское государственное право*). Авторъ примѣняетъ историческій и сравнительный методъ къ изслѣдованію происхожденія англійскаго конституціоннаго закона и старается прослѣдить генеалогію основныхъ понятій законности, отыскивая объясненія особенностей англійскаго государственнаго права въ характерныхъ чертахъ англійскаго народа.

(Frankfurt. Zeit.).

«*Garden Citys in Theory and Practice*», *by A. R. Sennett. 2 vols.* (*Bemrose*). (*Города-сады въ теоріи и практикѣ*). Въ книгѣ заключается описаніе, существующихъ въ Англіи заселеній, устроенныхъ по плану иниціаторовъ движенія въ пользу, такъ называемыхъ, «городовъ садовъ». Авторъ принадлежитъ къ числу убѣжденныхъ сторонниковъ такихъ городовъ и даетъ идеальную схему, къ осуществленію которой надо стремиться. Онъ рисуетъ картину будущаго, когда устройство жизни перейдетъ въ руки инженеровъ, сумѣвшихъ приблизиться къ этому идеалу.

(Daily News).

«*Nos enfants au Collège*», *par D-r Maurice de Fleury.* (*Armand Colin*). (*Наши дѣти въ коллегіи*). Авторъ, членъ лиги школьной гигіены разсматриваетъ вопросъ о школьной жизни и ученіи, не только какъ врачъ, но и какъ отецъ. Онъ особенно порицаетъ почти преступный индиферентизмъ отцовъ въ дѣлѣ выбора школы, куда они помѣщаютъ своихъ сыновей, и крайне неодобрительно отзывается о существующихъ школахъ, съ точки зрѣнія матеріальныхъ, умственныхъ и нравственныхъ условій, само собою разумѣется, что онъ предлагаетъ при этомъ свою схему школьнаго воспитанія. Между прочимъ, онъ очень осуждаетъ англійскую систему воспитанія, какъ по сю, такъ и по ту сторону океана.

(Journal des Débats).

«*Through Town and Jungle*», *by W. H. Workman and Fanny B. Workman.* (*Unwin*) *21 s.* (*Черезъ города и джунгли*). Увлекательно написанная книга, въ которой заключается описаніе путешествія, сдѣланнаго на велосипедѣ, по деревнямъ и селамъ Индіи, лежащимъ въ сторонѣ отъ большихъ центровъ. Оба автора рисуютъ сельскую жизнь Индіи и снабжаютъ свои описанія прекрасными иллюстраціями.

(Daily News).

«*Fétischistes et érotomanes*», *par le D-r Emile Laurent.* (*Vigot*) *3 fr. 50.* (*Фетишисты и эротоманы*). Это серьезное научное изслѣдованіе нѣкоторыхъ патологическихъ отклоненій нравственнаго чувства бросаетъ свѣтъ на многіе факты исторіи религіознаго мистицизма, между прочимъ авторъ разсматриваетъ интересную исторію Аполлонія Тіанскаго освѣщая ее совсѣмъ иначе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ другими изслѣдователями въ области исторіи религій.

(Journal des Débats).

«*Socialism and Society*», *by S. Ramsey Mac Donald.* (*Independent Labour Party*) *1 s. 6 d.* (*Соціализмъ и Общество*). Эта небольшая, прекрасно написанная книга предназначается для тѣхъ, кто относится къ соціалистскимъ идеямъ и теоріямъ со страхомъ и недовѣріемъ. Авторъ разсматриваетъ общество и соціальное движеніе съ точки зрѣнія біолога и считаетъ развитіе соціализма естественнымъ результатомъ силъ, корень которыхъ зиждется въ далекомъ прошломъ.

(Review of Reviews).

«*La Nature et la vie*», *par Henry de Valigny.* (*Armand Calin*). (*Природа и жизнь*). Каждая глава этой книги пред-

ставляетъ особый интересъ, такъ какъ авторъ посвящаетъ свои очерки разсмотрѣнію въ высшей степени животрепещущихъ вопросовъ, какъ напр.: Откуда происходитъ жизнь? Минералогія жизни. Вода и жизнь. Желаніе жить. Прелиминарія голода. Степени умиранія и т. д. Имя автора, какъ талантливаго популяризатора, хорошо извѣстно читающей публикѣ.

(Journal des Débats).

«*L'Art de Vivre*», *par le docteur Toulouse*. (*Fasquelle*). (*Искусство жить*). Очень оригинальная книга, поучающая искусству жить, т. е. дѣлать жизнь пріятной и полезной. Авторъ говоритъ о соціальномъ воспитаніи, объ образованіи характера и вкуса у ребенка и вообще преподаетъ множество полезныхъ совѣтовъ, которымъ не мѣшало бы слѣдовать каждому.

(Journal des Débats).

«*De l'Energie végétale*», *par Gabriel Viaud*. (*Cn. Lavazelle*). (*Растительная энергія*). Авторъ раскрываетъ тайны растительнаго міра и преимущественно обращаетъ вниманіе на такіе отдѣлы ботаники, которые мало извѣстны публикѣ. Онъ говоритъ о наслѣдственности растеній, о примѣненіяхъ режима, о гидридныхъ формахъ, объ электрической роли деревьевъ, объ электрической культурѣ и т. д.

(Journal des Débats).

«*Les Doctrines médicales, leur évolution*», *par E. Boinet*. (*Flammarion*). (*Медицинскія доктрины, ихъ эволюція*). Эта книга входитъ въ серію изданій «Bibliothéque de Philosophie scientifique» и, хотя она представляетъ научный трудъ, но вполнѣ доступна широкому кругу образованныхъ читателей, интересующихся вопросами, касающимися медицины. Историческій обзоръ медицинской науки, предпринятый авторомъ, начинается съ самой древней эпохи и доходитъ до послѣдняго времени. Авторъ излагаетъ различныя медицинскія теоріи и знакомитъ читателя съ ихъ эволюціей и примѣненіями въ практической жизни.

(Journal des Débats).

«*The Dynamics of the Fiscal Problem*», *by V. Saint-Clair Mackenzie*. (*Effingham Wilson*). (*Динамика фискальной проблемы*). Извѣстный англійскій публицистъ предлагаетъ читателямъ психологическій анализъ силъ протекціонистской реакціи, представляющій очень большой интересъ. Онъ изслѣдуетъ причины кратковременности либеральной эры по сравненію съ продолжительностью протекціонистскаго режима въ исторіи Англіи и анализируетъ ту тѣсную связь, которая существуетъ между кризисомъ экономическаго классицизма и упадкомъ демократическихъ идей. Въ заключеніе, онъ говоритъ о надеждахъ, возбужденныхъ въ англійскомъ обществѣ имперіалистскою идеей и о вліяніи этой идеи на англійскую коммерческую политику.

(Journal des Débats).

«*Socialism and Positive Science*», *by Enrico Ferri, Prof. of penal Law in the University of Rome*. (*The Independent Labour Party*) *1 s.* (*Соціализмъ и положительная наука*). Это переводъ извѣстнаго сочиненія римскаго профессора и соціалистскаго депутата Энрико Ферри, въ которомъ онъ излагаетъ исторію соціализма и его отношеніе къ положительной наукѣ. Книга входитъ въ составъ новой серіи изданій «The Socialist Library».

(Bookseller).

«*Democracy and Reaction*», *by L. T. Hobhouse. London* (*Fishes Unwin*). (*Демократія и реакція*). Эта книга имѣла въ Англіи огромный успѣхъ, который вполнѣ оправдывается, какъ ея содержаніемъ, такъ и личностью автора, бывшаго однимъ изъ піонеровъ соціалистскаго движенія въ Англіи. Его первое сочиненіе «The Labour movement» имѣло такое же вліяніе на развитіе соціалистскихъ идей, какъ и работы Генри Джорджа. Авторъ анализируетъ причины, которыя вызвали за послѣдніе двадцать пять лѣтъ сильнѣйшую реакцію противъ ортодоксальнаго либерализма. Очень ярко и опредѣленно устанавливаетъ авторъ психологическія основы этой реакціи, возрожденіе имперіалистской мечты, антидемократическое дѣйствіе біологическихъ доктринъ и конфликтъ между всемогущимъ либерализмомъ и соціалистскими стремленіями рабочихъ классовъ. Книга читается съ большимъ интересомъ и представляетъ цѣнный вкладъ въ исторію современной Англіи.

(Academy).

«*Suggestion und Hypnose*», *von D-r Engelen*. (*Verlag der ärztlichen Rundschau*). (*Внушеніе и гипнозъ*). Этотъ маленькій томикъ входитъ въ серію изданій подъ общимъ заглавіемъ «Der Arzt als Erzieher» (врачъ какъ воспитатель), имѣющимъ цѣлью разъяснить публикѣ нѣкоторые медицинскіе вопросы и оградить ее отъ шарлатановъ. Исходя отсюда, авторъ старается предостеречь публику отъ опасностей, которыя представляетъ гипнозъ, но въ тоже время указываетъ и на его терапевтическое дѣйствіе въ умѣлыхъ и осторожныхъ рукахъ.

(Frankfurt. Zeit.).

«*The Faroes and Iceland*». *Studeés in Island Life, by Nelson Annandale*. (*Clarendon Press*). *4 s. 6*. (*Острова Фарро и Ис-*

ландія). Эта небольшая маленькая книга доказываетъ, что нѣтъ надобности отправляться на острова Тихаго океана или къ источникамъ Конго, чтобы изучить первобытную жизнь туземцевъ. Исходя изъ того убѣжденія, что для изученія человѣчества необходимо прежде всего изучить человѣка въ его природной обстановкѣ, познакомиться съ его привычками и соціальными обычаями, авторъ мало останавливается на описаніяхъ природы, а обращаетъ главное вниманіе на людей. Острова Фарро хотя удалены отъ остальнаго міра, и зимою бываютъ отъ него совершенно отрѣзаны, но жители ихъ, тѣмъ не менѣе, участвуютъ все же въ политической жизни, такъ какъ посылаютъ двухъ своихъ представителей въ датскій парламентъ. Очень интересны описанія туземной жизни, которую авторъ прекрасно изучилъ на островахъ, какъ лѣтомъ, такъ и зимой.

(Times).

«*Economic Causes of Moral Progress*», *by Patten S. N.* (*American Academy of political and Social Science*) *25 c.* (*Экономическія причины нравственнаго прогресса*). Очень маленькая, но очень содержательная книга, изслѣдующая взаимную связь между экономическими условіями и нравственнымъ развитіемъ общества. Написано живо и популярно.

(Times).

«*L'Inde contemporaine et le Mouvement national*», *par Ernest Piriou.* (*Alcan*) *3 fr. 50.* (*Современная Индія и національное движеніе*). Въ этой книгѣ находится масса цѣнныхъ свѣдѣній, касающихся національнаго движенія въ Индіи, притомъ заимствованныхъ не изъ официальныхъ документовъ, а изъ фактовъ и наблюденій, сдѣланныхъ на мѣстѣ, а также изъ разговоровъ съ туземцами и англоиндійцами и преній, происходившихъ на національномъ конгрессѣ 1900 г. Авторъ знакомитъ читателя съ экономическимъ положеніемъ Индіи, и съ условіями жизни сельскаго населенія, но главное онъ обращаетъ вниманіе на новыя теченія, обнаруживающіяся въ Индіи, которыя и отражаются въ національномъ движеніи.

(Polybiblion).

«*L'Impérialisme américain*», *par Henri Hauser.* (*Pages Cidres*) *1 fr. 50.* (*Американскій имперіализмъ*). Эта небольшая книжка входитъ въ серію изданій подъ общимъ заглавіемъ «Études sur la politique extérieure des Etats», и представляетъ систематическій, но сжатый обзоръ политической и экономической исторіи съ самаго начала образованія Соединенныхъ штатовъ до настоящаго времени. Авторъ доказываетъ, что американскій имперіализмъ является результатомъ чрезмѣрнаго государственнаго роста штатовъ, изобразивъ исторію развитія американскаго имперіализма, авторъ разъясняетъ, какимъ образомъ это развитіе повліяло на международное положеніе Соединенныхъ штатовъ и произвело въ немъ коренныя перемѣны. Книга написана очень живо и читается съ интересомъ.

(Polybiblion).

«*Comment la route crée le type social*», *par Edmond Demolins. T. II. Les Routes du monde moderne.* (*Firmin-Didot*). *3 fr. 50.* (*Какъ дорога создаетъ соціальный типъ*). Въ своемъ первомъ томѣ, посвященномъ дорогамъ древности, авторъ изучаетъ вообще вліяніе на народы дорогъ, по которымъ они передвигались во время своихъ переселеній. Дорога, по которой шли народы, служитъ, по мнѣнію автора первичною причиной ихъ различія и различія расъ. Во второмъ томѣ онъ изучаетъ дороги современнаго міра, причемъ подъ дорогою онъ подразумѣваетъ не только путь народовъ и области, черезъ которые они проходили, но также мѣста, гдѣ они селились. Авторъ говоритъ о степяхъ, тундрахъ, саваннахъ, лѣсахъ, о великихъ имперіяхъ основанныхъ въ Азіи и на берегахъ Средиземнаго моря въ древности, о пустынѣ и ея вліяніи на жителей и т. д.— словомъ, авторъ старается опредѣлить, въ какой мѣрѣ тотъ или другой соціальный типъ обусловливался окружающею обстановкой и природными условіями.

(Polybiblion).

«*Liberia*: *The Negro Republic in West Africa*», *by sir Harry Johnston. With nearly 300 Illustrations. In 2 vols.* (*Hutchinson and C°*). (*Либерія: негритянская республика въ западной Африкѣ*). Очень интересное описаніе свободнаго негритянскаго государства, основаннаго на африканскомъ берегу и мало знакомаго европейцамъ. Авторъ сообщаетъ личныя наблюденія и впечатлѣнія, которыя произвела на него негритянская республика. Онъ описываетъ природу, нравы и обычаи страны и свой занимательный разсказъ добавляетъ рисунками и фотографическими снимками.

(Bookseller).

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I. Университетская реформа. II. Изъ земскихъ сферъ. III. Хроника.

27 августа опубикованы слѣдующія временныя правила объ управленіи высшими учебными заведеніями. § 1. Въ университетахъ совѣту и факультетамъ предоставляется избирать первому—ректора и его помощника, гдѣ таковая должность установлена закономъ, вторымъ—деканов и секретарей факультетовъ. Ректоръ и его помощникъ избираются изъ числа ординарнымъ профессоровъ, деканы и секретари—изъ всѣхъ профессоровъ соотвѣтственнаго факультета. Избранныя совѣтомъ и факультетами лица представляются въ установленномъ порядкѣ на утвержденіе. *Примѣчаніе*: Выборы вышеозначенныхъ должностныхъ лицъ должны быть произведены въ нынѣшнемъ же учебномъ году, передъ началомъ учебныхъ занятій. § 2. Заботы о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни въ университетѣ возлагаются на обязанность и отвѣтственность совѣта. Въ этихъ видахъ: а) совѣту предоставляется принимать соотвѣтственныя мѣры, дѣйствуя въ полномъ составѣ или чрезъ избранную для сей цѣли коммиссію; б) въ томъ случаѣ, если, несмотря на принятыя совѣтомъ мѣры, въ университетѣ произойдутъ нарушающіе правильное теченіе академической жазни безпорядки, совѣту предоставляется ходатайствовать о пріостановленіи занятій вполнѣ или частью на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, в) начальство надъ инспекціей ввѣряется ректору, который о поддержаніи въ университетѣ порядка и о надлежащихъ въ семъ смыслѣ указаніяхъ инспектору предлагаетъ, если сочтетъ это необходимымъ, на обсужденіе совѣта или избранной послѣднимъ коммиссіи; г) разбирательство по студенческимъ дѣламъ ввѣряется профессорскому дисциплинарному суду на точномъ основаніи Высочайше утвержденныхъ 27 августа 1902 года правилъ. § 3. Устанавливаемыя настоящими временными правилами обязанности и полномочія совѣтовъ, факультетовъ и ректоровъ распространяются и на соотвѣтствующіе органы власти другихъ вышеозначенныхъ учебныхъ заведеній.

Такимъ образомъ, давно желанное самоуправленіе университетовъ становится совершившимся фактомъ. Вѣдь, содержаніе этихъ параграфовъ составляетъ одно изъ традиціонныхъ «требованій» почти всѣхъ студенческихъ волненій со времени введенія устава 1884 года—требованіе «автономіи» высшихъ учебныхъ заведеній! Поздно явилась она, эта желанная автономія, но благодаря столь сильному запозданію она уже не возбудитъ тщетныхъ надеждъ и найдетъ надлежащую оцѣнку. Очень долгимъ, непроизводительно долгимъ процессомъ русская передовая мысль нашла теперь вѣрную мѣрку для всѣхъ частичныхъ реформъ, проводимыхъ внѣ общей «реформы», и сумѣетъ достойнымъ

образомъ отнестись къ тѣмъ, выражаясь мягко, оптимистамъ, которые до сихъ поръ не усвоили себѣ связи между общимъ и частнымъ. Въ частности, студенческая среда совершенно правильно поставила вопросъ объ академической автономіи еще въ 1899 году. Бурное и грандіозное студенческое движеніе этого года не было, разумѣется, подготовлено ни иностранными, ни отечественными агитаторами, какъ утверждали многіе, оно явилось неожиданнымъ даже для его непосредственныхъ руководителей; но оно назрѣвало постепенно въ прогрессѣ плодотворнаго броженія русской интеллигенціи, начавшагося въ половинѣ девяностыхъ годовъ. Это была пора безпощадной переоцѣнки всѣхъ цѣнностей. Тайныя студенческія организаціи того времени, землячество, кассы взаимопомощи, кружки самообразованія, влачившіе жалкое существованіе и естественно погибавшіе въ удушливой атмосферѣ университетскаго и общаго режима, вдругъ наполнились новымъ содержаніемъ. Среди многочисленныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ новымъ міросозерцаніемъ, былъ поставленъ отзывчивому и чуткому студенту вопросъ о студенческихъ безпорядкахъ и о тѣхъ академическихъ «требованіяхъ», которыя съ неизмѣннымъ постоянствомъ изъ года въ годъ выставлялись студенческими сходками. Вопросъ этотъ, какъ водится, былъ вопросомъ о значеніи интеллигенціи въ историческихъ судьбахъ народа, и вызвалъ оживленныя и острыя пренія, которыя къ началу 1899 года уже закончились для большинства яснымъ и опредѣленнымъ выводомъ. Университетскій режимъ былъ признанъ лишь частичнымъ проявленіемъ общаго политическаго режима; студенческія волненія объявлены были цѣлесообразными лишь постольку, поскольку они отражали прогрессъ общественнаго развитія. Возможность созданія изъ университетовъ какихъ-то оазисовъ свободы и законности «въ нашемъ суровомъ климатѣ» была безповоротно отвергнута. Студенчество отказалось отъ мысли стать привилегированнымъ государствомъ въ государствѣ и твердо рѣшило слить свою судьбу съ судьбой всего освободительнаго движенія, которое въ то время рисовалось исключительно въ формѣ рабочаго движенія. Въ послѣднемъ выводъ 1899 года оказался ошибочнымъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ выросло и сформировалось общественное движеніе, чуждое соціалистической окраски, и буржуазная интеллигенція примкнула къ нему и пошла своимъ путемъ. Но здоровая политическая мысль, лежавшая въ основѣ отрицательнаго отношенія къ чисто академическимъ волненіямъ, осталась и принесла цѣнные плоды. Движеніе 1899 года, достигшее такого невѣроятнаго тогда успѣха, какъ назначеніе разслѣдованія дѣйствій полиціи и, тѣмъ не менѣе, окончившееся обычнымъ разгромомъ университетовъ, благожелательное минтстерство Ванновскаго, павшее подъ давленіемъ общихъ условій жизни,—эти факты, мучительно пережитые современниками, только подтвердили правильность вывода о неразрывной связи «академіи» со всѣмъ государственнымъ организмомъ. Теперь этотъ выводъ кажется избитымъ мѣстомъ; теперь министерство народнаго просвѣщенія, въ правительственномъ сообщеніи 27-го августа, «признаетъ несомнѣннымъ, что студенческія волненія развивались въ связи съ общимъ броженіемъ въ русскомъ обществѣ», но тогда этотъ выводъ оказывался недоступнымъ даже благомыслящимъ людямъ.

Либеральные профессора, ободренные назначеніемъ въ 1899 году коммиссіи Ванновскаго, пророчили на студенческихъ сходкахъ и собраніяхъ новый благодѣтельный уставъ и вели энергичную борьбу противъ тѣхъ студентовъ, которые сомнѣвались, чтобы Ванновскому, при всѣхъ его благихъ намѣреніяхъ, удалось выстроить зданіе на пескѣ. Только послѣ того, какъ факты оправдали скептицизмъ молодежи, наша либеральная печать вспомнила старыя слова Пирогова о томъ, что университетъ есть барометръ общества, и додумались, что изъ этого принципіальнаго соображенія слѣдуютъ нѣкоторые практическіе выводы. Теперь, повторяемъ, неразрывная связь свободы академической съ свободой политической—избитое общее мѣсто. Установленіе академическаго самоуправленія—весьма важная и полезная реформа, но ея практическое значеніе опредѣлится всецѣло той борьбой, которая происходитъ за стѣнами высшихъ учебныхъ заведеній и къ которой, поэтому, никто изъ «гражданъ академіи» не имѣетъ права оставаться равнодушнымъ. Эта мысль ясно сквозитъ въ многочисленныхъ резолюціяхъ и учащихъ и учащихся, принятыхъ по поводу временныхъ правилъ 27-го августа. Всѣ онѣ, отмѣчая пользу и значеніе академической автономіи, вмѣстѣ съ тѣмъ подчеркиваютъ необходимость политической свободы для правильнаго теченія университетской жизни. Однако, лишь на этой общей мысли и сходятся резолюціи учащихъ и учащихся. Далѣе начинается значительное характерное расхожденіе, которое является плохимъ предзнаменованіемъ для сторонниковъ умиротворенія высшихъ учебныхъ заведеній.

Тѣ резолюціи студенческихъ сходокъ, которыя опубликованы газетами, ясно показываютъ, что студенческая мысль работаетъ въ старомъ направленіи. Какъ сообщаютъ «Русск. Вѣд.» *), 12 сентября въ Демидовскомъ юридическомъ лицеѣ, въ присутствіи посторонней публики, состоялось общее собраніе студентовъ.

«Среди ярославскихъ студентовъ обрисовалось четыре теченія. Одна группа, самая незначительная, стояла за продолженіе забастовки. Наиболѣе многочисленны были двѣ послѣдующія группы: одна—стоявшая за открытіе лицея исключительно для академическихъ занятій, а другая—настаивавшая на открытіи лицея исключительно для ознакомленія студенчества съ программами существующихъ партій и, вообще, для публичнаго обсужденія политическихъ вопросовъ. Была и четвертая группа, предлагавшая занятія «политикой» соединить съ занятіемъ «наукой». Послѣ долгой борьбы восторжествовала примиряющая резолюція послѣдней группы. По настоянію большинства студентовъ, голосованіе было закрытое, шарами. Въ голосованіи участвовало болѣе 300 студентовъ. Окончательную редакцію постановленія выработаетъ коммиссія и представитъ 13 сентября на утвержденіе общаго собранія.

— 12 сентября, въ 1 часъ дня, состоялась послѣдняя сходка въ политехническомъ институтѣ по вопросу о началѣ занятій. На сходкѣ присутствовало около 900 человѣкъ студентовъ-политехниковъ и болѣе 1.000 студентовъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. По приглашенію предсѣдателя, на осно-

*) № 250.

ваніи предыдущей сходки, на сходку явилась вся корпорація профессоровъ и преподавателей политехникума. Отъ лица всѣхъ профессоровъ говорилъ профессоръ Постниковъ. Въ прочитанной имъ резолюціи говорилось, что если студенты не приступятъ къ обычнымъ регулярнымъ занятіямъ или станутъ устраивать въ стѣнахъ института политическіе митинги, въ такомъ случаѣ, всѣ профессора, преподаватели, доценты и лаборанты считаютъ для себя невозможнымъ продолжась академическія занятія въ институтѣ и выходятъ въ отставку тотчасъ же. Въ массѣ студентовъ опредѣлилось три различныхъ теченія: одно—за начало занятій съ устройтвомъ политическихъ митинговъ въ стѣнахъ института; другое придерживалось общедоступныхъ политическихъ митинговъ въ аудиторіяхъ института, и, наконецъ, третьи стояли за продолженіе забастовки. Цѣлый рядъ ораторовъ доказывалъ невозможность правильныхъ академическихъ занятій въ виду серьезности историческаго момента, переживаемаго Россіей, и призывалъ къ единенію въ вопросахъ политической тактики всей академической семьи, и профессоровъ, и студентовъ. Сходка продолжалась до $10^1/_2$ часовъ вечера; въ концѣ была вынесна резолюція: за продолженіе забастовокъ—73 голоса, за занятіе 738. Изъ числа вотировавшихъ за занятіе—700 стояли за устройство политическихъ митинговъ въ общежитіи, 20—противъ, и 8 воздержались отъ подачи голоса.

Въ московскомъ университетѣ 8 сентября было большое собраніе, на которомъ послѣ продолжительныхъ преній 1.240 голосами изъ 1.802 было рѣшено, продолжая участіе въ освободительномъ движеніи, продоставить желающимъ студентамъ свободу занятій».

Въ томъ же смыслѣ была принята резолюція и на сходкѣ студентовъ института гражданскихъ инженеровъ, на которой присутствовало около 300—320 человѣкъ, при чемъ были допущены и представители печати. Обсуждались три вопроса: 1) отношеніе къ національному вопросу; 2) отношеніе къ временнымъ правиламъ и 3) вопросъ о началѣ занятій. Высказано всѣми пожеланіе, чтобы всѣмъ національностямъ, населяющимъ Россію, было предоставлено равноправіе въ государственной и общественной жизни, такъ какъ лишь при этомъ условіи возможна мирная работа въ государствѣ на пользу отечества. Далѣе была принята почти единогласная резолюція, которая гласитъ, что истинная автономія при современномъ положеніи вещей невозможна, но временныя правила студенты, однако, принимаютъ, чтобы воспользоваться ими для дальнѣйшихъ дѣйствій. Вопросъ объ открытіи института былъ принятъ 159 противъ 134.

Менѣе опредѣленное, но проникнутое тѣмъ же настроеніемъ рѣшеніе вынесли и студенты петербургской военно-медицинской академіи. Въ ихъ резолюціи, между прочимъ, говорится, что въ настоящее время является вполнѣ своевременнымъ достиженіе академической свободы, такъ какъ только при полной академической автономіи возможно въ студентѣ развитіе гражданственности и чувства общественной солидарности, такъ энергично подавлявшихся до сихъ поръ. По мнѣнію большинства присутствовавшихъ на сходкѣ, забастовки являются препятствіемъ къ общенію между студентами. Въ виду вы-

сказанныхъ соображеній присутствовавшіе на сходкѣ въ числѣ 358 чел. постановили открыть академію. При голосованіи за забастовку подано 44 голоса противъ 356 и воздержавшихся 58. Резолюція принята единогласно всѣми присутствовавшими.

Студенты другихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ общемъ, повидимому, принимаютъ ту же тактику, какъ и студенты Петербурга, Москвы и Ярославля. Тактика эта неизбѣжно вытекаетъ изъ всей исторіи студенческихъ волненій. Дойдя до послѣдней стадіи своего развитія, до яснаго сознанія, что «истинная автономія при современномъ положеніи вещей невозможно», студенчество, естественно, должно признать необходимость активныхъ заботъ о такомъ положеніи, когда станетъ возможной не только автономія, но и академическая свобода. Связывая свою судьбу съ судьбой народа, учащаяся молодежь тѣмъ самымъ отказывается отъ тактики пассивнаго ворчанія на современные порядки, отъ несбыточныхъ надеждъ на политическія чудеса, отъ безплодной вѣры въ то, что лучшія условія жизни явятся результатомъ усилій другихъ людей и группъ. Она полагается только на свою самодѣятельность и объявляетъ себя простымъ слагаемымъ въ общей суммѣ народнаго движенія. Формы этой самодѣятельности, несомнѣнно, могутъ и должны быть различными. Если послѣ 9-го января молодежь прибѣгла къ забастовкѣ, то послѣ 27-го августа она совершенно правильно возобновляетъ «учебныя занятія». Нѣкоторые думаютъ и утверждаютъ, что забастовка представляетъ вѣнецъ радикализма. Такое мнѣніе болѣе, чѣмъ ошибочно. Забастовка въ извѣстные моменты является единственнымъ пріемомъ борьбы; но ея значеніе для учащейся молодежи скорѣе отрицательное, чѣмъ положительное. По вѣрному замѣчанію резолюціи студентовъ военно-медицинской академіи, «забастовки являются препятствіемъ къ общенію между студентами». Молодежь разсѣивается по мелкимъ городамъ и растрачиваетъ свои силы въ безплодной бездѣятельности, лишенная живительной атмосферы большихъ центровъ и ободряющаго вліянія товарищеской среды. Монотонность провинціальной жизни, отсутствіе разнообразныхъ и яркихъ впечатлѣній, недостатокъ идейнаго воздѣйствія гибельно отражаются на широтѣ духовныхъ запросовъ. Вырванный изъ благопріятной обстановки юноша, бывшій въ университетѣ тою или иною величиною, въ одиночествѣ превращается или въ безличность, или даже въ гражданина на полчаса. Съ другой стороны, теряютъ и большіе центры, лишенные такого отзывчиваго и чуткаго элемента, какъ учащаяся молодежь. Безъ сомнѣнія, забастовка требуетъ меньшей энергіи, меньшей настойчивости и, главное, меньшаго постоянства настроенія, чѣмъ другія формы борьбы, но отъ этого она, разумѣется, вовсе не пріобрѣтаетъ абсолютной цѣнности. При слабости настроенія забастовка могла быть удачнымъ пріемомъ; но студенчество уже перерастаетъ эту форму борьбы, недостаточность которой давно уже чувствовалась. Поэтому, студенты только дѣлаютъ дальнѣйшій выводъ изъ своей предыдущей исторіи, когда, по примѣру института гражданскихъ инженеровъ, «принимаютъ временныя правила, чтобы воспользоваться ими для дальнѣйшихъ дѣйствій», или, по формулѣ московскаго университета, чтобы превратить университетъ въ школу политическаго воспи-

танія, сдѣлавъ его общедоступной политической аудиторіей. Въ Ярославлѣ, гдѣ, по газетному сообщенію, на студенческой сходкѣ присутствовала посторонняя публика, очевидно, уже приступаютъ къ первымъ опытамъ новой тактики. Такъ смотритъ на свои очередныя задачи одна половина «академическихъ гражданъ»—студенты. Такъ ли смотритъ на нихъ другая половина—профессора? Этотъ вопросъ очень важенъ, такъ какъ только при единствѣ взглядовъ могъ бы быть достигнутъ внутренній миръ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Къ сожалѣнію, такого единства не наблюдается.

Взгляды студентовъ ясны и опредѣленны. Молодежь разсчитываетъ на свою самодѣятельность, она призываетъ къ активности. Взгляды профессоровъ туманны и уклончивы. Пока рѣчь идетъ только объ общихъ положеніяхъ, учащіе якобы солидарны съ учащимися. 8-го сентября, напримѣръ, состоялось засѣданіе доцентовъ и лаборантовъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга. Собраніе было открыто предсѣдателемъ группы В. Н. Сперанскимъ, поздравившимъ собравшихся съ первою значительною побѣдой, одержанной академическимъ союзомъ. «Но,—сказалъ онъ,—крупная побѣда, одержанная академическимъ союзомъ, налагаетъ, однако, на его членовъ обязанность неутомимо продолжать свою временную и напряженную работу. Университетъ, нынѣ добившійся самоуправленія, не можетъ довольствоваться положеніемъ какого-то оазиса среди всеобщаго административнаго произвола. Успѣшная работа двухъ академическихъ съѣздовъ даетъ уже возможность точно формулировать догматы, выражающіе основные идеалы союза: 1) представительное правленіе на началахъ безусловнаго демократизма со строго-закономѣрной дѣятельностью неуклонно отвѣтственнной администраціи; 2) свободная равноправность старшихъ, среднихъ и младшихъ членовъ университетской семьи въ ихъ научной работѣ; 3) демократизація самой науки, т.-е надѣленіе ея храма общедоступностью и общеобязательностью. Въ предѣлахъ этихъ трехъ дорогихъ и непререкаемыхъ догматовъ среди членовъ союзовъ не должно и не можетъ быть разногласія на почвѣ этихъ идеаловъ. Такъ благородно говорилъ г. Сперанскій на засѣданіи молодыхъ ученыхъ, и молодые ученые горячими аплодисментами выражали свою солидарность «въ предѣлахъ трехъ дорогихъ и непререкаемыхъ идеаловъ».

Плачевное расхожденіе слова и дѣла обрисовывается изъ пастырскихъ посланій гг. М. Ковалевскаго, Шимкевича, Карѣева и, въ особенности, изъ поистинѣ прискорбнаго обращенія къ студентамъ г. В. Гольцева и сердитой передовой статьи въ № 250 «профессорской» газеты, «Русскихъ Вѣдомостей». Содержаніе писемъ гг. Карѣева и Шимкевича само по себѣ весьма незначительно: г. Шимкевичъ пользуется случаемъ, чтобы потребовать для университетовъ средневѣкового корпоративнаго представительства въ Государственной Думѣ, г. Карѣевъ сообщаетъ автобіографическія свѣдѣнія о томъ, какъ онъ былъ изгнанъ изъ университета. Болѣе «знаменательно» письмо г. Ковалевскаго. Почтенный ученый призываетъ молодежь не покидать аудиторій и кабинетовъ и въ подтвержденіе этой мысли ссылается, во-первыхъ, на то, что «величайшимъ факторомъ всякаго прогрес-

сивнаго теченія была и останется наука», и, во-вторыхъ, на анекдотическій разговоръ между нимъ, г. Ковалевскимъ, и французскимъ ученымъ, Шарлемъ Жидомъ, который не могъ понять, что такое «стачка университетовъ». «Вѣдь не фабриканты же ваши профессора, а студенты—не рабочіе?»—вопрошалъ г. Ковалевскаго ученый французскій буржуа. Г. Ковалевскій сознается, что онъ не могъ удовлетворительно объяснить своему иностранному коллегѣ смыслъ столь своеобразнаго явленія русской жизни. Письмо г. Ковалевскаго показываетъ, что онъ и не могъ объяснить этого явленія, такъ какъ самъ до сихъ поръ не отдалъ себѣ въ немъ полнаго отчета *). Въ самомъ дѣлѣ. По мнѣнію г. Ковалевскаго, студенческія стачки объясняются двумя причинами: тѣмъ, что «нравственное вліяніе профессоровъ за послѣднее десятилѣтіе значительно (зачѣмъ же такая скромность?) упало» и тѣмъ, что «двери университетовъ открылись предъ нежеланными посѣтителями, мѣсто которымъ на улицѣ и на площади, а не въ храмѣ науки». Вотъ какъ просто открывается ларчикъ! Второе утвержденіе слишкомъ двусмысленно и возбуждаетъ недоумѣніе. Вѣдь, теперь, когда правительство сдѣлало профессоровъ въ извѣстной степени хозяевами университетовъ, почтенные наставники легко могутъ удалить «нежеланныхъ посѣтителей» туда, куда, по мнѣнію г. Ковалевскаго, они предназначены благодѣтельной природой,—на площади и улицы, а, затѣмъ, спокойно изливать елей «нравственнаго вліянія» на оставшихся въ «храмѣ науки». Жаль только, что г. Ковалевскій не опредѣлилъ съ необходимою точностью, кого онъ намѣренъ изгнать изъ «храма» на «улицы и площади». Этотъ пробѣлъ до нѣкоторой степени восполняетъ письмо г. В. Гольцева и сердитая передовая статья «Русск. Вѣдомостей». Пусть судитъ читатель. Вотъ что пишетъ бывшій профессоръ г. В. Гольцевъ:

«Дорогіе товарищи! Съ чувствомъ глубокаго нравственнаго удовлетворенія встрѣтило общество избраніе кн. Трубецкого ректоромъ, проф. Мануилова—помощникомъ ректора московскаго университета. Университету возвращено самоуправленіе. Вы прочли въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» статью, привѣтствующую начало свободной науки въ свободномъ университетѣ. Конечно, это—не все, на что мы могли надѣяться, къ чему мы должны стремиться; но это—большая нравственная побѣда. Вы получаете возможность, вы пріобрѣтаете право учиться, какъ свободные граждане, на пользу наукѣ, на благо родному народу. Учиться! Какое это благородное и отвѣтственное назначеніе!

Учиться, учиться! Что можетъ быть въ настоящее время настоятельнѣе? Учиться не подъ палкой, не въ полицейскомъ режимѣ, а подъ руководствомъ людей,—ими, при всѣхъ горькихъ условіяхъ, не оскудѣли русскіе университеты,—всею душою преданныхъ свободному изслѣдованію и гражданскому долгу.

Повѣрьте, что во мнѣ говоритъ не охладѣвшая кровь, что я по прежнему преклоняюсь передъ великодушіемъ и самоотверженіемъ молодости. Но, во имя народа, которому не въ моготу разоряющее его экономически и духовно не-

*) Разъяснилъ его въ настоящемъ освѣщеніи позже пр. К. Тимирязевъ въ „Русск. Вѣд.“ № 252. *Ред.*

вѣжество, учитесь, учитесь! Верните съ историческими процентами то, что вы должны. Потерпите нѣкоторыя неудобства: вѣдь вы—будущее великаго народа. Для васъ уже приходитъ настоящій день.

Теперь практическое соображеніе: не сыграйте въ руку реакціи. Нѣкоторые органы «истинно-русскаго» хамства уже учитываютъ въ свою пользу безпорядки въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, уже видятъ съ лакейскимъ злорадствомъ крушеніе профессорской автономіи. Помните, что общественному мнѣнію дорога эта автономія.

Товарищи! Поработаемъ для науки, поучимся для народнаго блага, для политической свободы.

Викторъ Гольцевъ.

Посмѣйтесь, читатель, надъ старосвѣтской чувствительностью и московскими ужимками г. Гольцева, но, посмѣявшись, подумайте, что заключается въ этомъ приторно «сердечномъ» письмѣ. Г. Гольцевъ «преклоняется» предъ «самоотверженіемъ и великодушіемъ» молодежи, которая, несмотря на громадныя жертвы, устраивала забастовки и безпорядки. Но онъ считаетъ «самоотверженіемъ и великодушіемъ» только тѣ безпорядки и забастовки, которыя были вчера, до полученія профессорами права выбрать ректора и судить студентовъ. Безпорядки и забастовки, которые могутъ произойти сегодня, послѣ полученія «автономіи», уже не будутъ проявленіемъ самоотверженія и великодушія, они будутъ тройнымъ преступленіемъ: противъ науки, противъ народнаго блага, противъ политической свободы. Наука заглохнетъ, народъ разорится отъ экономическаго и духовнаго невѣжества, реакція злорадно учтетъ въ свою пользу «крушеніе профессорской (sic!) автономіи».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что студенты, способные совершить «кубическое» преступленіе, указанное г. В. Гольцевымъ, являются «нежеланными посѣтителями», по терминологіи г. Ковалевскаго, и, слѣдовательно, съ ними необходимо «поступить по поступкамъ». И сердитый передовикъ профессорской газеты предостерегающе напоминаетъ студентамъ, что правила 27-го августа предоставили профессорской коллегіи не только возможность «нравственнаго вліянія», но и фактическую силу власти. «Совѣтъ,—пишутъ «Р. В.» 14-го сентября,—могъ ожидать, что студенчество въ его массѣ придетъ къ заключенію, что въ настоящее время всякія прямыя и косвенныя попытки помѣшать правильному ходу академической жизни становятся уже безцѣльными, если не видѣть цѣли въ превращеніи высшей школы въ арену политическихъ митинговъ. Но такая цѣль, по нашему мнѣнію, не можетъ быть допущена профессорской коллегіей, ибо ея цѣль и долгъ—поддержаніе и развитіе высшей школы, а не самоубійство, не принесеніе дѣла науки и преподаванія въ жертву какимъ-либо другимъ цѣлямъ.

«Можетъ ли студенчество въ его массѣ раздѣлять мнѣніе, что главное призваніе слушателей высшей школы заключается теперь въ томъ, чтобы произносить въ аудиторіяхъ рѣчи и составлять радикальныя резолюціи, хотя бы это и мѣшало ходу учебныхъ занятій? Во всякомъ случаѣ, не трудно убѣдиться, что на такомъ пути долго и далеко идти нельзя. Путь этотъ, если

бы онъ былъ избранъ, долженъ былъ бы неизбѣжно повести *къ закрытію университета*, такъ какъ понятно, что если учебныя занятія не въ состояніи будутъ наладиться и встрѣтятъ помѣху въ своемъ правильномъ ходѣ, то совѣту не останется ничего другого, какъ закрыть университетъ».

Итакъ, мы снова въ тупикѣ, который заканчивается закрытіемъ университета. Раньше его закрывала администрація, теперь его будетъ закрывать автономный совѣтъ профессоровъ.

Изъ цитированныхъ писемъ и статей ясно только отрицательное отношеніе профессоровъ къ студенческимъ безпорядкамъ и намѣреніе академическихъ совѣтовъ закрыть высшія учебныя заведенія въ случаѣ политическихъ сходокъ. Но ни отрицаніе безпорядковъ, ни закрытіе университетовъ не являются такими новшествами, для которыхъ слѣдовало бы организовать съѣзды и союзы, требовавшіе въ краснорѣчивыхъ резолюціяхъ представительнаго правленія, академической свободы, демократизаціи науки и проч. и проч. Можно даже думать, что «платформа» академическаго союза находится въ полномъ противорѣчіи съ обвиненіями, предъявленными студентамъ г. Гольцевымъ, и съ репрессіями, проэктируемыми освѣдомленными «Русск. Вѣд.». Во всякомъ случаѣ, члены союза едва ли окажутся въ почетномъ положеніи. Если администраціи «отрицала» безпорядокъ, обвиняла вредные элементы студенчества и закрывала университеты, то она, по крайней мѣрѣ, была послѣдовательна. Но какъ эти дѣйствія оправдаютъ профессора?

— Вѣдь вы утверждаете, что университетъ—барометръ общества?—могутъ спросить у членовъ академическаго союза, только что разгромившихъ какую-нибудь «alma mater».

— О, да!

— И вы соглашаетесь съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, что студенческія волненія находятся въ связи съ общимъ народнымъ движеніемъ?

— Помилуйте! Да, вѣдь, это мы и убѣдили администрацію въ правильности этой точки зрѣнія...

— Прекрасно. Но, вѣдь, общество еще не успокоилось?

— О, нѣтъ. Мы должны еще много потрудиться для свободы.

— Превосходно. Но, если общество не успокоилось, то какъ же вы можете ожидать, чтобы его барометръ показывалъ спокойствіе? Какъ вы можете обвинять студентовъ, когда они волнуются независимо отъ ихъ личныхъ взглядовъ подъ вліяніемъ стихійныхъ причинъ? Какъ вы можете закрывать университеты за то, что туда врываются волны народной жизни, когда вы въ своихъ резолюціяхъ привѣтствуете освободительное движеніе?

Пусть отвѣтятъ на эти вопросы сами члены академическаго союза!

Г. Гольцевъ восклицаетъ въ концѣ своего посланія: «поработаемъ для политической свободы!».

Да, онъ восклицаетъ, но ни онъ, никто другой изъ профессоровъ не даетъ студентамъ отвѣта, какъ нужно работать. Въ то время, какъ студенческія резолюціи пытаются дать посильный отвѣтъ на больной вопросъ, профессорскія посланія и рѣчи обходятъ его молчаніемъ. Тотъ, кто уклоняется отъ

острыхъ вопросовъ жизни, не можетъ обольщать себя надеждой стать руководителемъ, несмотря на то, что начальство позволило ему оказывать нравственное вліяніе, тѣмъ болѣе, что тотъ, кто не пріобрѣлъ этого вліянія безъ позволенія начальства, едва ли пріобрѣтетъ его и впослѣдствіи. Поэтому правила 27-го августа не выводятъ наши высшія учебныя заведенія изъ заколдованнаго круга волненій. Разногласія, обнаружившіяся между студентами и профессорами, грозятъ въ самомъ близкомъ будущемъ острыми конфликтами и новыми вспышками того антогонизма между учащими и учащимися, которымъ отравлена жизнь нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ послѣднее десятилѣтіе.

Внутренній миръ въ университетахъ можетъ быть купленъ только цѣною полнаго единенія взглядовъ молодежи и ея наставниковъ на очередныя задачи переживаемаго момента. Пока же профессора будутъ на съѣздахъ и собраніяхъ блистать краснорѣчивыми резолюціями, а на дѣлѣ заниматься лишь «умиротвореніемъ», русское юношество попрежнему пойдетъ своею дорогою, игнорируя слезливыя причитанія. И въ своей трудной борьбѣ оно, съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія, имѣетъ право противопоставить ученымъ авторитетамъ отечественнаго производства благородныя слова великаго Фихте къ своимъ слушателямъ: «Я убѣжденъ,—говорилъ этотъ благородный мыслитель,—что царству исконнаго врага человѣческаго рода—зла, вообще, въ различныя эпохи являющагося въ различныхъ видахъ, конецъ можетъ быть положенъ только развитіемъ науки въ человѣческомъ родѣ. Вамъ извѣстно, что я разумѣю подъ этимъ воплощеніе знанія, разума, мудрости въ самую жизнь... Но эта духовная война противъ зла, требуетъ внѣшняго мира, тишины, неприкосновенности личностей, ее ведущихъ. Если бы это условіе было нарушено, если бы свободное развитіе человѣческаго духа стѣснялось или запрещалось, тогда *прежде всего другого* слѣдовало бы завоевать эту свободу, ничего не щадя для нея, жертвуя ей кровью и достояніемъ, потому что, если она не завоевана и пока она не завоевана, немыслимо никакое улучшеніе человѣческихъ отношеній, и человѣческій родъ вынужденъ вести постыдное и безцѣльное существованіе».

II.

Приближеніе выборовъ въ Государственную Думу, какъ и слѣдовало ожидать, вызвало среди активныхъ элементовъ земскаго и городского самоуправленія оживленное обсужденіе всѣхъ политическихъ и тактическихъ вопросовъ, поставленныхъ на очередь предстоящей избирательною кампаніею. Къ сожалѣнію, неослабѣвающія усилія бюрократіи втиснуть новыя потребности и новыя силы въ ветхія рамки старыхъ формъ препятствуютъ даже такимъ умѣреннымъ теченіямъ, какъ земская оппозиція, раскрыть предъ всѣмъ народомъ свои планы и намѣренія. Тотъ отрывочный матеріалъ, который опубликованъ въ газетахъ, позволяетъ, говорить не столько о рѣшеніяхъ, принятыхъ земцами и думцами, сколько по поводу ихъ. Тѣмъ не менѣе, даже отрывочныя свѣдѣнія о настроеніи мѣстныхъ людей, проникшія въ печать, рисуютъ поучительную картину.

Первый вопросъ, который пришлось разрѣшить земскимъ и городскимъ дѣятелямъ, былъ вопросъ объ участіи или неучастіи въ Государственной Думѣ. Излишне говорить, что этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Агитація въ пользу бойкота, поднятая въ нѣкоторыхъ кружкахъ политически возбужденной интеллигенціи, потерпѣла полное фіаско, которое нетрудно было предвидѣть. Либеральная оппозиція не могла принять иного рѣшенія. Въ то время, какъ интеллигентскіе кружки, агитируя въ пользу бойкота, наивно разумѣли подъ нимъ активное нападеніе на реакціонныя силы, для имущихъ классовъ русскаго общества тактика бойкота была бы только тактикой политическаго воздержанія, т.-е, наиболѣе скомпрометированнымъ всею европейскою исторіею пріемомъ борьбы. Между тѣмъ, недостатки представительныхъ учрежденій, созданныхъ закономъ 6-го августа, слишкомъ очевидны даже для наиболѣе неповоротливыхъ и отсталыхъ элементовъ прогрессивнаго движенія, чтобы сейчасъ возможенъ былъ какой-нибудь компромиссъ между «бюрократіей» и «обществомъ». «Общество» должно и будетъ бороться за расширеніе своихъ правъ. Но оно можетъ вести борьбу только на почвѣ существующихъ учрежденій, и отказаться отъ нихъ для него было бы самоубійствомъ, невыгоднымъ, при томъ, для всѣхъ классовъ населенія. Какъ ни велико въ Россіи недовольство бюрократическимъ режимомъ, какъ ни широко разлито оно въ народѣ, однако, тотъ трепетъ, который наводятъ на общество черныя сотни, тѣ ужасные погромы, которые темнымъ силамъ удается вызывать въ очень многихъ городахъ,—ясно показываютъ, что политическая агитація и организація въ народной массѣ до сихъ поръ еще не приняла достаточныхъ размѣровъ, чтобы обезпечить передовымъ элементамъ не только сочувствіе, но и рѣшительное содѣйствіе народной массы. При такихъ условіяхъ, отказываться отъ такого удобнаго случая популяризаціи освободительныхъ идей, какъ избирательная кампанія,—было бы величайшимъ политическомъ кретинизмомъ. Всѣ возраженія на тему о томъ, что земскіе начальники и, вообще, бюрократія скоро положатъ печать молчанія на агитаціи и даже положатъ печать молчанія на агитаторовъ, всѣ эти возраженія, нашедшія мѣсто даже въ редикальныхъ органахъ печати, имѣютъ смыслъ только для тѣхъ, кто мечтаетъ объ избирательной кампаніи, какъ объ увеселительной прогулкѣ, для тѣхъ, кто желаетъ въ мягкой каретѣ проѣхать къ парламентскому подъѣзду. Для тѣхъ же, кто понимаетъ, что избирательная кампанія—серьезная политическая борьба, обостренная и осложненная у насъ необходимостью ликвидаціи стараго порядка, — для тѣхъ земскіе начальники и даже болѣе высокіе агенты администраціи не являются грознымъ пугаломъ. Борьба требуетъ жертвъ; эти жертвы и теперь приносятся ежедневно и повсемѣстно; онѣ—независимо отъ того, какъ и изъ кого соберется первая Дума—будутъ приноситься до тѣхъ поръ, пока не совершится полное обновленіе русской жизни. Слѣдовательно, для тѣхъ, кто теперь жертвуетъ собою для дѣла свободы, избирательная кампанія при неблагопріятныхъ условіяхъ не увеличитъ чаши испытаній; для тѣхъ, кто не привыкъ жертвовать ничѣмъ, она послужитъ прекрасною школою политическаго воспитанія. Надо замѣтить, однако, что нѣтъ основаній

думать, будто агитація земскихъ и городскихъ дѣятелей, поведенная серьезно и рѣшительно, встрѣтитъ такія же препятствія, какъ, напримѣръ, агитація соціалъ-демократовъ. Земскія начальники не падаютъ съ неба и живутъ не въ безвоздушномъ пространствѣ. Они—дѣти того же помѣстнаго общества, какъ и земскіе либералы, и опредѣленное твердое настроеніе этого общества немедленно и непосредственно отразится на самыхъ ретивыхъ сторонникахъ произвола. Нужно только, чтобы земская оппозиція стала дѣйственной, чтобы она дѣйствительно понесла *свою* программу въ народъ. То обстоятельство, что эта программа будетъ программой буржуазнаго либерализма можетъ смущать только тѣхъ, кто, возвращаясь къ первобытнымъ временамъ русскаго народничества, считаетъ политическую свободу вредной выдумкой господствующихъ классовъ. Но такихъ чудаковъ, навѣрное, найдется немного. Въ странѣ, гдѣ милліоны населенія сотни лѣтъ были оторваны отъ политической жизни, гдѣ въ громадныхъ районахъ еще ни разу не раздавалось живое слово, агитація либерально демократической буржуазіи является громаднымъ шагомъ впередъ, тѣмъ болѣе, что выступленіе въ роли агитаторовъ не пришлыхъ элементовъ, всегда возбуждающихъ подозрительность въ ограниченномъ умѣ крестьянина, и «своихъ людей» обѣщаетъ такой агитаціи почти несомнѣнный успѣхъ. Но такая агитація для помѣстной оппозиціи возможна, какъ мы уже сказали, только на почвѣ существующихъ учрежденій, т.-е., въ данномъ случаѣ, на почвѣ Государственной Думы, такъ какъ эти слои общества ни мало не проникнуты революціонными стремленіями. Поэтому, принимая тактику бойкота, земскіе и городскіе дѣятели, обрекли бы себя на политическое воздержаніе, безусловно ослабившее бы ростъ всѣхъ народныхъ силъ. Теперь же, принявъ на себя обязанность активно выступить на предстоящихъ выборахъ, они, несомнѣнно, увеличатъ политическое вооруженіе русскаго народа, если только выполнятъ свои обязательства. А мы можемъ разсчитывать на то, что они ихъ выполнятъ не потому, что мы обольщены моральною стойкостью русскихъ либераловъ—было бы высшею мѣрою политической наивности строить свои разсчеты на этическихъ моментахъ,—а потому, что вся совокупность политическихъ условій толкаетъ сейчасъ либерально демократическую оппозицію къ народу. Дипломатическіе переговоры бюрократіи и общества явно превращаются въ безплодное и лишенное всякаго достоинства занятіе; обѣ стороны уже сознаютъ, что вѣковой споръ можетъ быть рѣшенъ только третьимъ—народомъ, и обѣ стороны обращаются къ нему. Надо признать, что люди реакціи,—какъ всегда не краснобаи, а люди дѣла—гораздо болѣе энергично «пошли въ народъ», чѣмъ представители либерально-демократической оппозиціи. Черносотенная агитація по размѣрамъ и интенсивности въ нѣсколько разъ превышаетъ агитацію нашихъ прогрессистовъ. Повидимому, земскіе и городскіе дѣятели рѣшились наверстать упущенное; они снова повторили постановленіе іюльскаго съѣзда о необходимости обращенія къ народу и постановили принять дѣятельное участіе въ избирательной кампаніи.

Эти постановленія показываютъ, что такъ называемые мѣстные люди ощупью, медленно, но выходятъ на правильную дорогу. Однако, еще далеко

отъ той позиціи, на которой они могутъ пріобрѣсти дѣйствительно прочное положеніе. Имъ придется сдѣлать еще довольно значительныя усилія, чтобы изъ аморфной массы, въ сущности лишенной всякой дѣеспособности, вырости въ серьезную политическую силу.

«Совѣщаніе земскихъ и городскихъ дѣятелей, гласитъ принятая резолюція *) полагая, что Государственная Дума, которая должна быть созванной на основаніи закона 6-го августа 1905 года, не является народнымъ представительствомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду, что выборное собраніе, объединяющее значительную часть общественныхъ силъ на всемъ пространствѣ имперіи, можетъ послужить средоточіемъ и точкой опоры для общественнаго движенія, стремящагося къ достиженію политической свободы и правильнаго народнаго представительства, признаетъ желательнымъ, чтобы русскіе граждане, примкнувшіе къ политической программѣ, установленной совѣщаніемъ земскихъ дѣятелей 6—9-го ноября 1904 г. и 22-го апрѣля 1905 г. и совѣщаніемъ городскихъ дѣятелей 15—15 іюня, вошли въ возможно большемъ числѣ въ Государственную Думу и образовали тамъ сплоченную группу съ цѣлью достигнуть чрезъ ея посредство гарантій гражданской свободы и равенства, указанныхъ въ постановленіяхъ совѣщаній 6—9-го іюля 1905 г., и введенія народнаго представительства на началахъ, установленныхъ совѣщаніями земскихъ дѣятелей 6—9 ноября и 22—26-го апрѣля 1905 г. и совѣщаніемъ городскихъ дѣятелей 15—16-го іюня 1905 г.».

Эта резолюція неудачна не только по формѣ, не только потому, что вмѣстѣ ясныхъ и краткихъ программныхъ требованій она перечисляетъ всѣ «совѣщанія» земскихъ и городскихъ дѣятелей, отсылать къ которымъ читателей тѣмъ болѣе неумѣстно, что различныя совѣщанія «устанавливали» весьма различныя «политическія программы». Она неудачна и по основной мысли, обнаруживающей политическую незрѣлость либерально-демократическаго движенія. Призывая избирателей стремиться къ образованію въ Государственной Думѣ «сплоченной группы съ цѣлью достигнуть *чрезъ ея посредство* гарантій гражданской свободы и равенства», резолюція ничего не говоритъ о томъ, какимъ образомъ эта группа можетъ достигнуть поставленной цѣли. Между тѣмъ, ясно, что сама по себѣ демократическая группа ничего равнымъ счетомъ достигнуть не можетъ. Политическія отношенія суть отношенія общественныхъ силъ. Слѣдовательно, безъ поддержки и содѣйствія широкой массы парламентская группа не имѣетъ никакого значенія. Въ извѣстный моментъ любой будочникъ Мымрецовъ легко сведетъ всѣхъ парламентскихъ демократовъ въ участокъ и на самомъ зданіи Государственной Думы, если она будетъ имѣть собственное зданіе, повѣситъ объявленіе: «сіе зданіе отдается въ наемъ», какъ написалъ нѣкогда Кромвель на англійскомъ парламентѣ. Наша исторія даетъ совсѣмъ недавній примѣръ непрочности поверхностныхъ преобразованій. Изъ всѣхъ «великихъ реформъ» шестидесятыхъ годовъ уцѣлѣло въ неприкосновенности только уничтоженіе крѣпостной зависимости, потому что за эту реформу рѣ-

*) „Русскія Вѣд.“ № 250.

шительно и твердо стояла вся народная масса. Нельзя сказать, чтобы мѣстные люди не сознавали всей важности прочной народной почвы, но это сознаніе пока слишкомъ отвлеченно, слишкомъ далеко отъ воплощенія въ повседневную практическую жизнь, какъ показываетъ и неясная формула приведенной резолюціи и, въ особенности, судьба «обращеній къ народу». Іюльское обращеніе осталось благимъ намѣреніемъ. Въ газетахъ появились сообщенія только о тѣхъ бесѣдахъ, которые велъ на сельскихъ сходахъ рузскаго уѣзда князь Пав. Долгоруковъ. Если даже допустить, что такія же бесѣды велись и еще нѣкоторыми земскими дѣятелями (о городскихъ дѣятеляхъ даже и слуховъ не было), то, во всякомъ случаѣ, установленное іюльскимъ совѣщаніемъ обращеніе къ народу не пріобрѣло размѣровъ крупнаго общественнаго явленія, такъ какъ тогда оно не осталось бы не отмѣченнымъ печатью. Между тѣмъ, только въ широкихъ размѣрахъ такое обращеніе и могло имѣть должное вліяніе. Еще хуже вышло съ нынѣшнимъ обращеніемъ. Совѣщанію былъ представленъ проектъ воззванія къ народу, который справедливо найденъ малопонятнымъ, расплывчатымъ и неяснымъ. Но главной причиною, по которой онъ былъ отклоненъ, было, согласно отчету, отсутствіе экономической программы, наиболѣе важной для крестьянства. «Аграрные, экономическіе вопросы болѣе интересуютъ массу населенія, чѣмъ вопросы политическіе, и поэтому въ воззваніи должна быть кратко намѣчена и программа экономическая. Въ виду такихъ возраженій вопросъ былъ переданъ на разсмотрѣніе бюро» *), которое въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій представило проектъ воззванія въ новой редакціи **).

Что такое представляютъ собою въ политическомъ отношеніи эти съѣзды городскихъ и земскихъ дѣятелей? Аморфную массу, случайный скопъ людей, объединенныхъ привилегированнымъ положеніемъ. Еще недавно здѣсь засѣдали почти реакціонеры. Развитіе политической мысли въ средѣ мѣстныхъ дѣятелей очистило съѣзды отъ Шипова и К°. Но и теперь тамъ остались представители вымирающаго «земскаго» либерализма, полусословной, полуцензовой оппозиціи привилегированныхъ собственниковъ, подъ вліяніемъ общаго политическаго развитія сходящей въ историческую могилу и уступающей мѣсту просто либерализму. Либерально-демократическое большинство съѣздовъ гораздо болѣе связано политически съ всевозможными демократическими организаціями послѣдняго времени, чѣмъ съ своимъ правымъ крыломъ. Это большинство—часть еще не нашедшей себѣ русской демократической партіи, находящейся въ плѣну у отсталыхъ элементовъ освободительнаго движенія. Рано или поздно, демократія будетъ заставлена обстоятельствами найти себя и заговорить своимъ голосомъ, не считаясь съ тѣмъ, что скажутъ сосѣди справа, какъ она уже не считается съ тѣмъ, что скажутъ сосѣди слѣва, т.-е. освободиться отъ умѣренно-либеральнаго обоза и организоваться въ самостоятельную демократическую партію.

Болѣе проницательные политики, чѣмъ демократы московскихъ совѣщаній,

---

*) „Русск. Вѣд.“ № 250.

**) См. „Русь“, № 226.

должны были бы пойти на встрѣчу неизбѣжному разслоенію разнороднаго конгломерата земскихъ и городскихъ дѣятелей и теперь же выступить въ качествѣ политической партіи. Тогда они немедленно связали бы себя съ опредѣленнымъ классомъ и получили бы естественную экономическую программу. Тогда они не затруднялись бы обратиться къ народу и не нуждались бы въ сочиненіи разными бюро экономическихъ требованій, якобы болѣе интересующихъ народъ, чѣмъ политическія. Такое обобщеніе безусловно невѣрно. Всякое массовое движеніе является цѣльнымъ и цѣлостнымъ; въ немъ синтезируются политическія и экономическіе моменты. Дѣеспособная и жизнеспособная политическая партія не сочиняетъ, поэтому, программъ; она только формулируетъ содержаніе движенія и выражаетъ его прогрессъ. Въ этомъ и заключается громадная сила партійныхъ организацій. Если-бы московское совѣщаніе имѣло достаточно силы, чтобы покончить съ примитивными политическими комбинаціями «земскихъ и городскихъ дѣятелей» и реорганизоваться въ европейскія политическія партіи, оно сдѣлало бы крупный шагъ къ свободѣ. Въ настоящее время необходимо, чтобы общественныя силы выступали не въ качествѣ отдѣльныхъ группъ, не въ качествѣ юристовъ, инженеровъ, земцевъ и т. д., а въ качествѣ представителей опредѣленныхъ политическихъ партій. Такое размежеваніе силъ значительно увеличило бы единство ихъ совокупнаго дѣйствія. Каждая партія должна была бы организовать свой избирательный комитетъ для веденія выборовъ во всей странѣ. Всѣ партіи вступили бы въ соглашеніе между собою относительно практическихъ мѣръ къ обезпеченію свободы слова, собраній и проч. во время выборовъ. Кромѣ того, они должны были бы связать себя круговою порукою общей политической отвѣтственности для того, чтобы совмѣстно защищать политическія права гражданъ, если какой-либо оффиціальный представитель извѣстной партіи подвергается полицейскому преслѣдованію или судебному взысканію. Такимъ образомъ, на почвѣ общаго дѣйствія одинаково для всѣхъ, соединялись бы временнымъ договоромъ различныя партіи, при чемъ на дѣловое соглашеніе пошли бы и тѣ, кто вполнѣ основательно отказывался до сихъ поръ отъ всякихъ «союзовъ» для краснорѣчивыхъ словесныхъ заявленій.

Но, не удовлетворяя запросовъ широкой народной массы, программа совѣщаній, повидимому не удовлетворяетъ и самихъ мѣстныхъ дѣятелей. Еслибы она была достаточной, т. е. еслибы всѣ члены совѣщаній дѣйствительно исповѣдовали ее, какъ свой политическій символъ вѣры, то земскіе и городскіе дѣятели немедленно должны были бы организоваться спеціально для предвыборной борьбы. Бюро съѣздовъ и представило въ этомъ смыслѣ докладъ съ предложеніями, вполнѣ естественными и пріемлемыми для всякой партійной организаціи. Именно, бюро предлагало образовать центральный комитетъ, который руководилъ бы избирательной кампаніей либерально-демократическихъ группъ и содѣйствовалъ ихъ побѣдѣ какъ устной такъ и письменной агитаціей. Совѣщаніе признало необходимымъ учредить центральный избирательный комитетъ справочнаго консультативнаго характера, но «отложило» рѣшеніе вопроса о передачѣ комитету другихъ функцій. Пренія по этому вопросу изложены «Русск. Вѣд.» настолько сжато и невразумительно, что невозможно понять, чѣмъ именно мотивировано такое рѣшеніе. Очевидно,

земскіе и городскіе дѣятели сознавали, что разнородные элементы ихъ совѣщанія не могутъ быть сплочены въ организацію, объединенную единымъ символомъ вѣры и, поэтому легко и необходимо объединяющую подъ центральнымъ руководствомъ, которое, однако, означаетъ не бюрократическую централизацію, а естественную и плодотворную концентрацію дѣятельности. Въ отчетѣ «Русск. Вѣд.» есть даже указаніе, что на съѣздѣ высказывалося мнѣніе о необходимости организаціи политическихъ партій. Но ни одного практическаго шага въ этомъ направленіи съѣздъ не сдѣлалъ *). Учредивъ центральное справочное бюро онъ передалъ все дѣло предвыборной агитаціи на мѣста и какъ бы поручилъ ее цѣликомъ тѣмъ же неопредѣленнымъ политическимъ величинамъ, которыя обыкновенно выступаютъ подъ безсодержательною кличкою «мѣстныхъ людей».

Это рѣшеніе и обнаруживаетъ не только политическую незрѣлость земскихъ и городскихъ дѣятелей, но и слабость ихъ демократическаго сознанія. Московское совѣщаніе этимъ рѣшеніемъ выражаетъ намѣреніе опереться, прежде всего, на существующіе органы мѣстнаго самоуправленія, изъ котораго исключены всѣ демократическіе элементы. Такимъ образомъ, выборы должны будутъ происходить—поскольку это окажется возможнымъ, другой вопросъ—подъ руководствомъ тѣхъ привилегированныхъ гласныхъ земскихъ собраній и городскихъ думъ, которые теперь вершатъ мѣстныя дѣла. Подобная постановка вопроса совершенно исключаетъ возможность практическихъ соглашеній съ другими партіями, составленными изъ лицъ, не пользующихся правами по сословному и имущественному цензу, такъ какъ она просто отрицаетъ эти партіи въ качествѣ самостоятельныхъ величинъ, ограничивая полноправныхъ гражданъ кругомъ «земскихъ и городскихъ дѣятелей». Въ крѣпости привиллегій мѣстные люди надѣются, очевидно, избѣжать случайностей, возможныхъ въ свободной борьбѣ всенародныхъ политическихъ партій. Но, не признавая оффиціально существующія политическія партіи, земскіе и городскіе дѣятели, замедляютъ моментъ ихъ открытаго выступленія и, слѣдовательно, задерживаютъ ходъ политическаго развитія страны, такъ какъ только свободное обнаруженіе политическихъ организацій даетъ имъ возможность развить такую энергичную дѣятельность, которая быстро и рѣшительно совершитъ обновленіе русской жизни. Земскіе и городскіе дѣятели не обнаружили яснаго пониманія неотложной необходимости скорѣйшаго разрѣшенія этой задачи или, по крайней мѣрѣ, не настолько проникліись сознаніемъ необходимости легализаціи существующихъ партій, чтобы воплотить это сознаніе въ практическую дѣятельность. Они попрежнему подвигаются, дѣлая шагъ впередъ и полшага назадъ. Они колеблются и не могутъ стать въ рѣшительную позицію даже тогда, когда хотятъ это сдѣлать. Но все же они подвигаются. Ихъ толкаетъ великая сила народнаго движенія. Эволюція, продѣланная съѣздомъ отъ 6 ноября 1904 года до 13 сентября 1905 года, поистинѣ громадна. Она не остановится на

*) Послѣ того какъ было уже написано внутр. обозрѣніе, въ газетахъ появились извѣстія объ организаціи и даже публичномъ выступленіи конституціонно-демократической партіи. *Ред.*

настоящей стадіи; она пойдетъ дальше. И либеральная демократія должна будетъ открыто пойти съ народомъ, если не въ качествѣ дружественнаго союзника, то въ качествѣ раба за тріумфальной колесницей побѣдителя. Роль сознательныхъ вождей демократіи и заключается въ томъ, чтобы слить ее заблаговременно съ народнымъ движеніемъ.

III.

Невозможность производства выборовъ въ представительныя учрежденія безъ свободы слова и собраній настолько очевидна, что даже бюрократія не могла надѣяться заставить населеніе хранить молчаніе на всѣхъ языкахъ. Но, покоряясь неизбѣжному, бюрократія медлитъ съ открытымъ и оффиціальнымъ признаніемъ политическихъ правъ населенія. Вопросы, связанные съ предвыборной агитаціей неторопливо разрабатываются въ тиши канцелярій. Въ послѣднее время появляются, по крайней мѣрѣ извѣстія, о ходѣ этихъ работъ.

— Поступившій на разсмотрѣніе особаго совѣщанія гр. Сольскаго проектъ игнатьевской подкомиссіи состоитъ изъ 6-ти отдѣловъ:

1) правила о собраніи частныхъ лицъ; 2) правила объ отвѣтственности за собранія, устраиваемыя разрѣшенными обществами, 3) перечень собраній, по отношенію къ которымъ не примѣняются правила о собраніяхъ частныхъ лицъ; 4) правила объ общественныхъ съѣздахъ; 5) дополнительныя правила о предвыборныхъ собраніяхъ; 6) правила о порядкѣ возбужденія дѣлъ по обвиненію въ нарушеніи выработанныхъ правилъ (Корр. «Русск. Вѣд.»).

Подкомиссія графа А. П. Игнатьева, обсудивъ вопросъ объ общихъ съѣздахъ, постановила представить на обсужденіе особаго совѣщанія гр. Д. М. Сольскаго слѣдующую формировку: «Разрѣшеніе общихъ съѣздовъ, въ томъ числѣ съѣздовъ лицъ опредѣленныхъ званій или занятій, предоставить министру внутреннихъ дѣлъ по соглашенію въ потребныхъ случаяхъ съ надлежащими министрами или главноуправляющими отдѣльными частями» (Корр. «Русск. Вѣд.»).

— Подкомиссія особаго совѣщанія гр. Сольскаго обсудила вопросъ о необходимости на-ряду съ правилами о свободѣ собраній частныхъ лицъ установить отвѣтственность предсѣдателей и участниковъ публичныхъ собраній утвержденныхъ установленнымъ порядкомъ Обществъ въ кругъ вѣдѣнія которыхъ не входятъ вопросы государственные, общественные и экономическіе. За допущеніе въ такихъ собраніяхъ сужденій или постановленій по означеннымъ вопросамъ на разсмотрѣніе особаго совѣщанія внесено слѣдующее предложеніе:

1) Предсѣдатель публичнаго собранія, виновный въ допущеніи въ собраніи сужденій по упомянутымъ вопросамъ, наказывается арестомъ на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ или денежной пенею не свыше 300 р.; 2) участникъ такого собранія, виновный въ составленіи постановленія по указаннымъ выше вопросамъ, а также лица, виновныя въ продолженіи участія въ такомъ собраніи послѣ распоряженія объ его закрытіи, наказываются арестомъ на срокъ не свыше одного мѣсяца или денежной пенею не выше 100 руб. (Корр. «Русск. Вѣд.»).

Проектъ правилъ о свободѣ собраній въ подкомиссіи гр. А. П. Игнатьева

уже выработанъ и будетъ разсматриваться особымъ совѣщаніемъ гр. Д. М. Сольскаго въ субботу, 10-го сентября. Согласно проекту собранія могутъ имѣть цѣлью обсужденіе вопросовъ государственныхъ, общественныхъ и политическихъ и допускаются на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Желающій устроить публичное собраніе, въ которое участники допускаются безъ личныхъ приглашеній за плату или безплатно, по билетамъ или безъ оныхъ, обязанъ заявить о томъ начальнику мѣстной полиціи—градоначальнику, оберъ-полицейстеру, либо полицеймейстеру, или же исправнику,—либо соотвѣтствующему ему должностному лицу не позднѣе, какъ за трое сутокъ до открытія собранія. Если собраніе созывается не въ мѣстѣ постояннаго пребыванія начальника полиціи, то заявленіе должно быть подано не позднѣе, какъ за 6 сутокъ до открытія собранія. 2) Мѣстному начальству предоставляется назначать для присутствія въ собраніи должностное лицо, которому должно быть отведено по его указанію мѣсто для удобнаго наблюденія за всѣмъ въ собраніи происходящимъ. Въ помощь этому лицу могутъ быть назначены чины полиціи. По требованію означеннаго должностного лица должны быть сообщаемы устроителемъ или распорядителемъ, или же предсѣдателемъ, или его помощникомъ имена и мѣстожительства лицъ, говорившихъ въ собраніи. 3) Устроитель или предсѣдатель собранія, противодѣйствуя каждому противозаконному проявленію обязанъ распорядиться закрыть собраніе: a) если оно существенно отклонилось отъ предположеннаго предмета его занятій, b) если въ собраніи будутъ высказываться сужденія, возбуждающія вражду одного класса населенія противъ другого, c) если въ собраніи будутъ распространяться противоправительственныя воззванія или изданія, d) если будетъ нарушено собраніе противоправительственными возгласами или заявленіями, восхваленіемъ или оправданіемъ преступныхъ дѣяній государственныхъ, возбужденіемъ къ насилію или къ неповиновенію властямъ или иными подобными преступными дѣяніями; e) если въ собраніи окажутся недопускаемыя въ оное лица, которыя не подчинятся требованію и не оставятъ собранія; f) если оно вообще приняло угрожающій для общественнаго спокойствія и безопасности характеръ. 4) При наличности указанныхъ условій присутствующему въ собраніи должностному лицу предоставляется потребовать отъ устроителя или предсѣдателя закрытія собранія. Требовоніе это для нихъ обязательно. Если же собраніе по требованію должностнаго лица не будетъ закрыто, оно закрываетъ его своей властью (Корр. «Русск. Вѣд.»).

Въ этомъ проэктѣ, кромѣ зависимости собраній отъ полицейскихъ чиновниковъ, зависимости, объ отрицательномъ значеніи которой говорить не приходится, обращаетъ на себѣ вниманіе обязанность предсѣдателя закрывать собранія въ случаѣ сужденій, возбуждающихъ «вражду между классами». Этотъ пунктъ направленъ непосредственно противъ рабочаго движенія, которое, по самому существу, является классовымъ движеніемъ пролетаріата. Достопримѣчательно, что такое постановленіе вырабатывается въ тоже самое время, когда министерства юстиціи и финансовъ разрабатываютъ вопросъ о ненаказуемости стачекъ. Реформатическая работа бюрократіи совершенно лишена объединяющей идеи.

Положеніе печати попрежнему остается ненормальнымъ, и, повидимому, нѣтъ надежды, что оно скоро измѣнится.

— Какъ удалось узнать «Слову» изъ безусловно достовѣрнаго источника, работы совѣщанія Д. Ѳ. Кобеко будутъ въ законченномъ видѣ представлены непосредственно на разсмотрѣніе Государственной Думы, которая займется ими въ первыхъ же своихъ засѣданіяхъ. Въ первой же половинѣ сентября ожидается опубликованіе временныхъ правилъ о свободѣ печати, составляемыхъ по непосредственнымъ указаніямъ министра внутреннихъ дѣлъ. Правила эти значительно расширяютъ компетенцію сужденій печати по вопросамъ, связаннымъ съ выборной агитаціей въ Государственную Думу. Такимъ образомъ, полной свободы печати хотя бы въ размѣрахъ, проектированныхъ совѣщаніемъ Кобеко, слѣдуетъ, очевидно, ожидать отъ Государственной Думы.

Земская дѣятельность въ области помощи голодающему населенію принимаетъ новую форму.

— Управленіемъ дѣлами общеземской организаціи по указанію помощи больнымъ и раненымъ воинамъ на Дальнемъ Востокѣ получено отъ исполнительной коммиссіи главнаго управленія россійскаго Общества Краснаго Креста по оказанію помощи пострадавшимъ отъ неурожая слѣдующее увѣдомленіе.

Главное управленіе Общества Краснаго Креста въ экстренномъ засѣданіи 16-го августа, при участіи главноуполномоченнаго общеземской организаціи кн. Г. Е. Львова, признавая въ принципѣ необходимымъ теперь же приступить къ оказанію помощи пострадавшимъ отъ неурожая и принявъ для этой цѣли подъ флагъ Краснаго Креста общеземскую организацію, постановило: испросить на это соизволеніе Ея Величества покровительницы Общества Краснаго Креста, а затѣмъ по воспослѣдованіи соизволенія: 1) опубликовать въ газетахъ воззваніе о сборѣ пожертвованій населенію, пострадавшему въ текущемъ году отъ неурожая, и предоставить право такой же публикаціи и сбора пожертвованій общеземской организаціи, которая будетъ дѣйствовать подъ флагомъ Краснаго Креста; 2) направленіе и руководство дѣла помощи возложить на дѣйствующую нынѣ исполнительную коммиссію при главномъ управленіи, съ приглашеніемъ въ составъ ея представителей отъ общеземской организаціи, по соглашенію съ исполнительной коммиссіей. Въ засѣданіи этомъ главное управленіе высказало пожеланіе, чтобы для направленія и руководства помощью отъ Краснаго Креста на мѣстахъ назначались особые уполномоченные по соглашенію исполнительной коммиссіи съ общеземской организаціей. Постановленія засѣданія главнаго управленія 23-го августа удостоились одобренія Августѣйшей покровительницы Общества Краснаго Креста Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Исполнительная коммиссія вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ управленіе дѣлами общеземской организаціи командировать своего предсѣдателя въ исполнительную коммиссію для совмѣстнаго обсужденія проекта воззванія о сборѣ пожертвованій и дальнѣйшихъ мѣропріятій по организаціи помощи пострадавшимъ отъ неурожая.

Новое направленіе земской дѣятельности встрѣчаетъ, однако, энергичное противодѣйствіе со стороны демократической интеллигенціи.

— Съѣздъ делегатовъ союза врачей въ Москвѣ постановилъ окончательно

не примыкать къ общеземской организаціи, которая образуется подъ флагомъ Краснаго Креста.

Рѣшено образовать собственные врачебно-питательные пункты. Источникомъ средствъ должны явиться частныя пожертвованія, вычеты изъ жалованья членовъ съѣзда, а также помощь участниковъ другихъ союзовъ, Пироговскаго Общества, московскаго Общества сельскаго хозяйства. Если администрація или полиція, по примѣру прошлаго года, будетъ мѣшать помощи голодающимъ,—отвѣтить на нее общей забастовкой и въ первую очередь—союза врачей, въ которомъ теперь уже болѣе 5-ти тыс. человѣкъ. По вопросу объ отношеніи къ Государственной Думѣ, создаваемой на основаніи закона 6-го августа, огромнымъ большинствомъ рѣшено ее бойкотировать. Съѣздъ надѣется вызвать мотивированные отказы отъ избранія въ выборщики. «Русь».

Въ деревняхъ уже начинаются конфликты между старозавѣтной администраціей и новыми дѣятелями.

Владимірскій губернаторъ разослалъ земскимъ управамъ Владимірской губерніи циркуляръ слѣдующаго содержанія:

«На основаніи 60-й ст. Общ. Пол., изд. 1902 г, право созыва сельскаго схода принадлежитъ сельскому старостѣ, а по 61-й ст. того же Положенія только земскій начальникъ или мировой посредникъ имѣетъ право требовать созыва сельскаго схода, и лишь Положеніемъ о взиманіи окладныхъ сборовъ такое же право по дѣламъ о повинностяхъ предоставлено податнымъ инспекторамъ. Такимъ образомъ, въ законѣ ясно указаны тѣ должностныя лица, кои имѣютъ право созывать сходы для обсужденія вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію сельскихъ сходовъ, между тѣмъ въ послѣднее время замѣчаются случаи созыва сельскихъ сходовъ земскими служащими, какъ-то: страховыми агентами, землемѣрами, агрономами, техниками и т. п., когда этимъ лицамъ законъ не представилъ права созыва сходовъ. Такой порядокъ, помимо того, что не имѣетъ за собой законной почвы, не можетъ быть допускаемъ уже и потому, что результатомъ его являются приговоры, постановленные незаконнымъ большинствомъ и по предметамъ, не подлежащимъ иногда вѣдѣнію схода, отсутствіе порядка на сходахъ, невозможность контроля за дѣйствіями сходовъ и, наконецъ, обремененіе населенія частыми сходами. Въ виду вышеизложеннаго предлагаю земскимъ управамъ Владимірской губерніи въ случаяхъ, когда требуются созывы сельскихъ сходовъ, обращаться за распоряженіемъ къ подлежащимъ земскимъ начальникамъ, сообщая имъ какъ вопросы, подлежащіе обсужденію, такъ равно и кто изъ членовъ управы или земскихъ служащихъ будетъ командированъ для надлежащихъ разъясненій».

Съ своей стороны, крестьяне обнаруживаютъ готовность отстаивать свои права. Изъ Торжка Тверской губ. сообщаютъ «Русс. Вѣд.» слѣдующій приговоръ:

«Сего 21-го августа 1905 г. мы нижеподписавшіеся представители сельскихъ обществъ Прямухинской волости, въ числѣ 124-хъ человѣкъ, по собственному нашему желанію собрались на волостной сходъ для выслушанія Высочайшаго манифеста 6-го августа и обсужденія состоянія волости. Явившись, мы нашли помѣщеніе волостного правленія опечатаннымъ и встрѣтили при правленіи цѣлый нарядъ десятскихъ, сотскихъ и урядниковъ подъ пред-

водительствомъ станового пристава 2-го стана Любимова, который, выгнавъ изъ волостного правленія нашего писаря, приказалъ намъ всѣмъ вмѣстѣ съ писаремъ убираться на всѣ четыре стороны, объявляя, что таковое распоряженіе начальника губерніи; такъ какъ мы собрались для мирнаго обсужденія нашихъ волостныхъ нуждъ, которыхъ у насъ накопилось много, благодаря произволу нашего земскаго начальника М. Полторацкаго, который довелъ волость нашу до высшей степени разстройства, то насъ крайне возмутило такое распоряженіе администраціи, почему мы всѣ единогласно приговорили: волостной сходъ 30-го іюля признать законно состоявшимся, составленный приговоръ утвердить и добавить: 1) въ случаѣ вторичнаго неутвержденія земскимъ начальникомъ въ недѣльный срокъ Г. В. Журавлева, то обязать послѣдняго съ 1-го числа сентября с. г. занять въ качествѣ временно и д. волостного старшины безъ утвержденія для исполненія необходимыхъ дѣлъ, не вдаваясь впредь до утвержденія въ исполненіе полицейскихъ обязанностей и сборъ повинностей, за исключеніемъ волостныхъ. Симъ доводимъ до свѣдѣнія земскаго начальника, что намъ дѣла нѣтъ до того, что избранный нами старшина неподходящъ: мы выбирали старшину не для него, а для себя, а для насъ онъ хорошъ. 2) Уволенный нами старшина И. К. Лебедевъ 1-го сентября долженъ волостныя дѣла сдать Журавлеву, составивъ предаточный актъ и опись. 3) Удаленнаго отъ должности Павла Львовича Кобылинскаго вновь нанять на должность волостного писаря на прежнихъ условіяхъ. 4) По утвержденіи старшиной Г. В. Журавлева послѣдній обязуется въ непродолжительномъ времени собрать волостной сходъ на основаніи сего постановленія. 5) Вмѣнить въ обязанность старшинѣ и писарю непринимать на себя по постановленіямъ земскаго начальника штрафовъ и арестовъ, а также не сдавать должности по его распоряженію. 6) Мы всѣ обязываемся по вызову земскаго начальника къ нему не являться. А если земскому начальнику угодно переговорить съ волостью, то онъ можетъ пріѣхать къ намъ на сходъ и здѣсь наговорится вволю. Пусть земскій начальникъ пойметъ, что онъ намъ служитъ, а не мы ему, и что легче ему пріѣхать въ волость, нежели намъ являться въ его контору. На этомъ основаніи мы предлагаемъ земскому начальнику и разбирательство судебныхъ дѣлъ назначать въ помѣщеніи правленія. 7) Въ случаѣ примѣненія силы къ нашимъ избраннымъ и увольненія ихъ противъ нашей воли, то никакихъ налоговъ не платить и уполномоченнымъ отъ деревень въ полномъ составѣ на объясненіе къ земскому начальнику, какъ первому тормазу и нарушителю нашихъ интересовъ, не являться. 8) Уполномочить крестьянина деревни Рылева Г. В. Журавлева обжаловать всѣ какъ настоящія, такъ и прошлыя и будущія неправильныя дѣйствія земскаго начальника губернатору и въ сенатъ, такъ какъ въ дѣйствіяхъ земскаго начальника мы усматриваемъ неповиновеніе съ его стороны закону и, слѣдовательно, превышеніе власти». По позднѣйшимъ сообщеніямъ избранные крестьянами волостной старшина и писарь арестованы. Но можно сомнѣваться, чтобы такимъ образомъ крестьяне убѣдились въ правильности дѣйствій администраціи.

Отличительною чертою переживаемаго момента является стремленіе къ

организаціи и коллективнымъ дѣйствіямъ, которыя иногда увѣнчиваются полнымъ успѣхомъ.

— Рабочіе Обуховскаго сталелитейнаго завода подали петербургскому генералъ-губернатору петицію отъ имени всѣхъ рабочихъ, подписанную 26-ю рабочими-депутатами. Въ петиціи, между прочимъ, говорится: «Въ настоящее время около 25-ти человѣкъ нашихъ товарищей подвергнуты тюремному заключенію по подозрѣнію въ политической неблагонадежности. Нѣкоторые уже освобождены изъ заключенія, но съ тѣмъ, что они подлежатъ немедленной высылкѣ изъ Петербурга. Какъ постановленіе объ ихъ арестѣ, такъ и приказъ объ ихъ высылкѣ изданы, по нашему глубокому убѣжденію, вслѣдствіе какого-то печальнаго недоразумѣнія. Ни въ чемъ неблагонадежнымъ наши товарищи, а мы ихъ прекрасно знаемъ,—замѣчены быть не могутъ по той единственной причинѣ, что они ничего политически-предосудительнаго не совершили, а между тѣмъ, ихъ арестъ и высылка приводитъ въ смущеніе и насъ, рабочихъ, ибо мы въ каждую данную минуту не можемъ быть увѣрены въ завтрашнымъ днѣ и насъ, и нашихъ семей. Думаемъ, что ваше превосходительство примете во вниманіе увѣренія нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ, близко другъ-друга знающихъ и удостовѣряющихъ полную невинность товарищей. Въ виду изложеннаго мы почтительнѣйше просимъ освободить изъ заключенія аростованныхъ нашихъ товарищей и пріостановить ихъ высылку. Въ виду громаднаго значенія для насъ резолюціи вашего превосходительства мы просимъ объявить намъ рѣшеніе по сему нашему прошенію по возможности въ первой половинѣ сентября». Выборные рабочіе, представивъ эту петицію директору канцеляріи генералъ-губернатора, въ тотъ же день получили отвѣтъ, что его превосходительство прочиталъ и далъ согласіе на просьбу рабочихъ принять мѣры къ освобожденію арестованныхъ и оставленію ихъ на жительство въ Петербургѣ. («Русь»).

— Бакинскіе рабочіе, разоренные погромомъ, выставляютъ слѣдующія требованія:

1) Вооруженіе рабочихъ; 2) уплата трехмѣсячнаго содержанія всѣмъ рабочимъ, которымъ будетъ заявленъ расчетъ тою или другою фирмою; 3) уплата полнаго содержанія за все время всѣмъ рабочимъ, которымъ расчета объявлено не будетъ; 4) выдача вознагражденія за сгорѣвшее имущество рабочихъ; 5) безплатная столовая для всѣхъ безработныхъ и не числившихся въ штатахъ рабочихъ или выдача семейнымъ въ сутки 1 руб. и одинокимъ—50 к.; отвести общественныя зданія или построить временныя бараки для безплатныхъ квартиръ рабочимъ; 6) уѣзжающимъ безплатные билеты до мѣста, куда они пожелаютъ; 7) организація общественныхъ работъ.

— Со словъ Рижскихъ Вѣдомостей «Вечерняя Почта» сообщаетъ объ освобожденіи арестованныхъ.

Ночью съ 6-го на 7-е сентября, въ 3 часа утра, вооруженныя револьверами неизвѣстныя лица по приставленной со стороны Матвѣевскаго кладбища лѣстницѣ проникли черезъ ограду исправительнаго арестантскаго отдѣленія во дворъ тюрьмы и посредствомъ отмычекъ отперли двѣ входныя двери одиночнаго корпуса и, разбивъ тамъ въ двухъ камерахъ откидныя форточки и

увеличивъ отверстія послѣднихъ, вывели изъ камеры двухъ политическихъ арестантовъ Яна Лаца и Юліуса Слесера, которымъ удалось скрыться. Затѣмъ отперли третью камеру, гдѣ содержался политическій арестантъ Николай Орловъ, но послѣдній не пожелалъ оставить камеру. Стоявшій у одиночнаго корпуса на посту тюремный надзиратель Симонъ Баранъ былъ обезоруженъ и раненъ выстрѣломъ изъ револьвера. По тревогѣ старшаго тюремнаго надзирателя Вольдемара Гринкиса, на дворъ тюрьмы сбѣжались остальные надзиратели. Произошла обоюдная перестрѣлка, надзиратели все таки успѣли отбить нападавшихъ злоумышленниковъ, которые скрылись черезъ заборъ тюрьмы. Во время перестрѣлки выстрѣлами изъ револьверовъ убиты надзиратели Павелъ Кармаза и Игнатій Разинъ и ранены, кромѣ Барана, Александръ Лиховичъ и Иванъ Парафка. Во время нападенія у дверей, ведущихъ изъ квартиры надзирателей на улицу, была устроена нападавшими засада, и при появленіи въ дверяхъ надзирателей въ нихъ было произведены выстрѣлы, къ счастью никого не ранившіе. Находящійся при тюрьмѣ казацкій разъѣздъ изъ шести человѣкъ заявилъ, что при объѣздѣ вокругъ тюрьмы до 3-хъ час. утра ничего подозрительнаго ими не было замѣчено. Во время описаннаго происшествія, стоявшіе на посту на углу Ярославской и Тульской улицъ городовые № 294 и 308 Андрей Бусвичъ и Августъ Синкевичъ, а также и ночной сторожъ Станиславъ Габинскій, услыхавъ сначала одиночные выстрѣлы, которые вскорѣ перешли въ залпы, направились по Ярославской улицѣ къ пескамъ, откуда были слышны выстрѣлы. Не дойдя до Калужской улицы, они встрѣтили около пяти подозрительныхъ человѣкъ, которыхъ хотѣли задержать, но послѣдніе стали стрѣлять и разбѣгаться въ разныя стороны. Городовой Буевичъ погнался за однимъ изъ преступниковъ, который на легковомъ извозчикѣ № 1452 пытался скрыться, но городовой Буевичъ, сѣвъ на другую извозчичью пролетку, погнался за уѣзжающимъ, а когда поравнялся съ нимъ, преступникъ произвелъ выстрѣлъ въ городового, который, соскочивъ съ экипажа, успѣлъ пробѣжать нѣсколько шаговъ до дома № 34, по Ярославской улицѣ, гдѣ упалъ и скончался. Злоумышленникъ соскочилъ съ экипажа и пустился бѣжать, но однако несмотря на частые выстрѣлы, произведенные бѣжавшимъ въ ночного сторожа Габинскаго, который въ свою очередь погнался за злоумышленникомъ, послѣдній былъ задержанъ на Горной улицѣ. Онъ назвался бывшимъ рабочимъ заводовъ «Уніонъ» и «Рихарда Поле» Петромъ Снипе. Одновременно съ этимъ на углу Католической и близъ Московской улицъ городовыми 1-го Московскаго участка №№ 218 и 205 былъ задержанъ подозрительный молодой еврей, у котораго при обыскѣ найденъ револьверъ и три свѣжія гильзы отъ только что выстрѣленныхъ револьверныхъ патроновъ. Онъ назвался мѣщаниномъ Носелемъ Кремеромъ.

— Таганрогъ. Въ таганрогскую окружную тюрьму заключены 11 человѣкъ олодаевскихъ крестьянъ, обвиняющихся въ расхищеніи оружія изъ голодаевскаго волостного правленія. Все это—молодые люди; старшему изъ нихъ всего 28 лѣтъ отъ роду. Двое изъ заключенныхъ ранены («Приаз. Кр.»).

— Одесса. Военно-окружный судъ, признавъ поч. гражд. Кофмена винов-

нымъ въ сопротивленіи полиціи и жандармскому разъѣзду, приговорилъ его къ заключенію въ тюрьму безъ ограниченія правъ на 3 года. По другому дѣлу мѣщ. Бардъ, обвинявшійся въ сопротивленіи чинамъ полиціи, разгонявшей буйствовавшую толпу, признанъ невиновнымъ.

— Петербургъ. 7-го сентября въ военно-окружномъ судѣ слушалось дѣло крестьянъ Мерекель, Пихельгасъ и Мюльманъ, обвиняемыхъ въ вооруженномъ нападеніи въ Ревелѣ на часового и покушеніи на убійство; двоихъ судъ оправдалъ. Мерекель, обвиненный лишь въ нападеніи, приговоренъ къ $2^1/_2$ годамъ арестантскихъ ротъ.

— Варшава. Военный генералъ-губернаторъ Ольховскій сдѣлалъ два постановленія. По первому изъ нихъ, свидѣтели покушенія на чужую жизнь или имущество, не подавшіе помощи безъ уважительныхъ причинъ и не сообщившіе о преступленіи и обстоятельствахъ преступленія, могутъ подвергнуться заключенію въ тюрьмѣ на срокъ до трехъ мѣсяцевъ. Вторымъ постановленіемъ пекаря, мясники, служащіе и рабочіе газоваго завода и трамвая, забастовавшіе съ цѣлью протеста противъ дѣйствій правительства, тоже могутъ быть подвергнуты заключенію въ тюрьмѣ на срокъ до трехъ мѣсяцевъ.

— Варшава. Въ «Варшавскомъ Дневникѣ» напечатанъ приказъ генерала Скалона войскамъ, порицающій нерѣшительность при подавленіи безпорядковъ и требующій энергичныхъ дѣйствій.

— Изъ достовѣрныхъ источниковъ «Слово» узнало, что проникшее въ печать извѣстіе о введеніи въ качествѣ дисциплинарнаго наказанія заковыванія въ кандалы совершенно точно. Военнымъ министромъ дѣйствительно рѣшено введеніе этой мѣры, по докладу одного изъ корпусныхъ командировъ и вопреки мнѣнію главнаго военно-суднаго управленія, высшей военно-юридической инстанціи. Одновременно съ этимъ узаконеніемъ будетъ, по всей вѣроятности, принятъ и представленный военнымъ прокуроромъ Павловымъ проектъ учрежденія ускореннаго суда для политическихъ преступниковъ въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи.

— Бѣлостокъ. Городъ и уѣздъ объявлены на военномъ положеніи. Временнымъ генералъ-губернаторомъ назначенъ начальникъ 16-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Богаевскій.

— Вологда. Губернаторъ, руководствуясь указомъ сената отъ 11 августа 1905 г., которымъ разъяснено, что лица, не утвержденныя правительствомъ на опредѣленное трехлѣтіе въ должности, не могутъ на это трехлѣтіе вновь баллотироваться, опротестовалъ выборъ Кудряваго въ предсѣдатели губернской управы.

— Вологда. Избранный въ городскіе головы кунецъ Клюгинъ министромъ внутреннихъ дѣлъ не утвержденъ.

— Воронежъ. Общество взаимопомощи учащихся Воронежской губерніи закрыто администраціей.

— Одесса. 20-го августа, среди бѣла дня, въ книжномъ магазинѣ «Образованіе», полиція конфисковала книгу «Мертвецы Коммуны» Артура Арну въ изданіи «Впередъ», прошедшую чрезъ цензуру. Книга конфискована въ числѣ

4.315 экземпляровъ, при чемъ, какъ на мотивъ конфискаціи указано было на то, что, по мнѣнію мѣстной администраціи, авторъ, невѣдомый ей, разсказываетъ объ извѣстныхъ іюньскихъ одесскихъ событіяхъ. Конфисковавшіе допытывались, не является ли авторомъ книги владѣлецъ книжнаго магазина, избравшій себѣ псевдонимъ «Артура Арну». («Сынъ Отеч.»).

— Совѣтъ политехническаго института сообщилъ министру финансовъ распоряженіе товарища министра внутреннихъ дѣлъ генерала Трепова о недопущеніи профессора М. М. Ковалевскаго къ чтенію лекцій въ институтѣ, несмотря на то, что послѣднему чтеніе лекцій разрѣшено министромъ финансовъ. Если вторичное разрѣшеніе министра финансовъ окажется безрезультатнымъ, совѣтъ института рѣшилъ обратиться съ жалобой въ первый департаментъ правительствующаго сената на превышеніе власти генералъ-маіоромъ Треповымъ. Часы и вторая аудиторія для М. М. Ковалевскаго оставлены («Слово»).

— Рига. Постовой городовой Шалтисъ тяжело раненъ въ животъ изъ револьвера неизвѣстнымъ лицомъ, успѣвшимъ скрыться. Положеніе раненаго безнадежно.

— Рига. 9 августа, въ 9 часовъ вечера, въ центральной части города, по Большой Васильевской улицѣ, передъ бакалейной лавкой собралась толпа около 50-ти человѣкъ, вооруженная палками, и подняла шумъ, настаивая на закрытіи лавки. Явившійся околодочный надзиратель Мельниченко просилъ толпу разойтись. На него набросилась толпа, одинъ ударилъ желѣзной палкой. Мельниченко раненый упалъ безъ чувствъ. Толпа разбѣжалась. Положеніе раненаго серьезное.

— Митава. Замѣчено, что вслѣдствіе объявленія военнаго положенія въ Курляндской губ. агитаторы удаляются въ сосѣднюю Лифляндскую губернію, гдѣ уже проявили себя многими дерзкими нападеніями и особенно разгромомъ винныхъ лавокъ. Въ виду сего говорятъ о распространеніи военнаго положенія и на сосѣдніе уѣзды Лифляндской губерніи.

— Плоцкъ. 9 августа, вечеромъ, выстрѣломъ изъ револьвера неопасно раненъ въ ногу стражникъ Кошицкій. Злоумышленникъ скрылся.

— Рига. 10-го сентября, ночью, выстрѣлами изъ револьвера убитъ на улицѣ двумя неизвѣстными городовой Піотровскій; 11-го сентября, въ 9 час. вечера, возлѣ лавки на Марійской улицѣ выстрѣломъ изъ револьвера, произведеннымъ неизвѣстнымъ злоумышленникомъ, убитъ тюремный надзиратель Мироновъ.

— Рига. 10-го сентября въ Нитау Рижскаго уѣзда въ своей квартирѣ убитъ пасторъ Шиллингъ.

— Митава. 11-го сентября въ 20-ти верстахъ отъ Митавы во время преслѣдованія полиціей и взводомъ драгунъ подозрѣваемаго въ убійствѣ судебнаго пристава и въ разгромѣ волостныхъ правленій крестьянина Линдермана послѣдній спрятался въ кусты и, не пожелавъ сдаться, сталъ стрѣлять, при чемъ ранилъ урядника. Послѣдовавшими выстрѣлами со стороны драгунъ Линдерманъ былъ убитъ.

— Митава. 6 го сентября, въ 9 час. вечера, въ 40 верстахъ отъ Митавы, убита наповалъ выстрѣломъ изъ револьвера черезъ окно 45-ти-лѣтняя жена

зажиточнаго крестьянина Шкинделя, въ отсутствіе мужа. Чета считалась у агитаторовъ несочувствующей движенію. Убійцы скрылись.

— Двинскъ. 7-го сентября, въ полдень, смертельно раненъ шестью выстрѣлами изъ револьвера помощникъ пристава Овсянко. Стрѣлявшихъ было двое; они успѣли скрыться, оставивъ на мѣстѣ преступленія два новыхъ револьвера. Раненый, по доставленіи въ больницу, вскорѣ умеръ.

— Орелъ. 6-го сентября въ мѣстной тюрьмѣ арестанты произвели безпорядки, грозившіе принять серьезные размѣры. При подавленіи безпорядковъ тюремной стражей одинъ арестантъ убитъ и пятеро ранены. О причинахъ безпорядковъ производится слѣдствіе.

— По словамъ газеты «Temps», осужденный въ 1881 году по процессу «народной воли» соціалистъ Тригони, просидѣвшій 20 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости и затѣмъ сосланный на Сахалинъ, теперь отпущенъ на свободу японцами и находится въ Токіо. «Петерб. Лист.».

— Самара. Саратовская палата въ выѣздной сессіи разсмотрѣла дѣло редактора *Самарскаго Курьера* Ричкова и сотрудника Самойлова, привлеченныхъ по 1,039-й ст. Ул. о нак. воинскимъ начальникомъ Ждановымъ за фельетоны, въ которыхъ обрисовывалось ужасное состояніе мѣстныхъ лазаретовъ. На судѣ всѣ приведенныя авторами фельетоновъ данныя подтвердились. Оба обвиняемыхъ оправданы.

— Въ академическомъ союзѣ возбужденъ вопросъ о томъ, чтобы университетамъ предоставлено было право выборщиковъ въ Государственную Думу на тѣхъ же основаніяхъ, на коихъ пользуются этими правами всѣ вообще владѣльцы недвижимыхъ имущество. «Слово».

— Въ Петербургъ прибыла депутація отъ киргизовъ Акмолинской области. Въ особое совѣщаніе графа Сольскаго депутація представитъ соображенія относительно необходимыхъ условій для правильнаго производства выборовъ представителей въ Государственную Думу отъ киргизовъ. Депутація уже представила предсѣдателю коммиссіи по религіознымъ дѣламъ графу Игнатьеву обширную докладную записку о своихъ религіозныхъ нуждахъ. «Бирж. Вѣд.».

— Кременчугъ. Полтавщина сообщаетъ, что въ Прилуцкомъ уѣздѣ казаки-крестьяне и землевладѣльцы проявляютъ активный интересъ къ Государственной Думѣ: ведутъ агитацію и намѣчаютъ кандидатовъ, земцы же относятся къ предстоящимъ выборамъ индифферентно.

Обращаемъ на это извѣстіе вниманіе сторонниковъ бойкота. Они очень много говорятъ о борьбѣ противъ крупной буржуазіи, но совершенно забываютъ, что, предпринимая походъ противъ избирательныхъ собраній, они встрѣтятъ главнаго противника въ мелкой буржуазіи, т.-е. во всемъ крестьянствѣ.

Н. І.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Милостивый Государь,
Господинъ Редакторъ.

Въ №№ 252 и 254 газеты «Наша Жизнь» помѣщена статья г. Статистика: «Къ какимъ выводамъ приводятъ данныя переписи». Авторъ указанной статьи неоднократно упоминаетъ меня и мою статью, помѣщенную въ августовской книжкѣ «Міра Божія» («Этюды о населеніи Россіи»). Я не знаю мотивовъ, по которымъ г. Статистикъ выбралъ именно меня мишенью своихъ нападокъ, тогда какъ контингентъ лицъ, пользовавшихся данными переписи за послѣднее время, довольно значителенъ. Не знаю также, что заставило его замѣнить серьезный разборъ моей статьи наѣзднические набѣгами, изъ-за которыхъ самый смыслъ моей статьи совершенно не виденъ. Но я долженъ указать, что его изложеніе моей статьи и то представленіе о ней, какое онъ силится навязать читателю, не соотвѣтствуетъ истинѣ; и для возстановленія ея я обращаюсь къ вашему журналу. Замѣчу при этомъ, что въ своихъ замѣчаніяхъ я не выйду изъ области чисто статистическихъ вопросовъ, такъ какъ имъ отведено не менѣе $^5/_6$ моей статьи, и такъ какъ въ самой статьѣ г. Статистика замѣчанія относительно марксизма и моихъ общихъ выводовъ носятъ аксессуарный характеръ. Однако, я готовъ отвѣчать г. Статистику во всякое время и по этимъ вопросамъ, если онъ пожелаетъ разбирать ихъ серьезно.

Главныя положенія моей статьи таковы:

1) Несмотря на многочисленные недостатки данныхъ переписи 1897 года, русскимъ статистикамъ неизбѣжно придется пользоваться ими, но первою обязанностью всякаго пользующагося является критическое къ нимъ отношеніе.

2) Въ отдѣлѣ о занятіяхъ главною ошибкою переписи является неправильный счетъ самодѣятельнаго (активнаго) населенія, а именно: для земледѣльческаго населенія перепись заносила въ эту группу не самодѣятельныхъ (т.-е. всѣхъ лицъ, активно занятыхъ въ какомъ-либо промыслѣ), а лишь *домохозяевъ*; ошибка эта вызвана не пріемами разработки, а коренится еще въ инструкціи по производству переписи.

3) Но и вводя поправку на указанную ошибку (въ возможныхъ ея предѣлахъ), необходимо признать, что пролетаризированная часть населенія Россіи достигаетъ весьма значительной величины, а именно доходитъ до 22% общаго числа самодѣятельныхъ и до 17% всего населенія Россіи (съ семьями). Численность же крестьянства въ экономическомъ смыслѣ — опредѣляется въ величинахъ, значительно меньшихъ, чѣмъ глазомѣрныя опредѣленія, которыя до сихъ поръ приводились, а именно равняется не болѣе 55% самодѣятельнаго населенія и 64% всего населенія Россіи. Сравнивая это послѣднее число съ численностью крестьянскаго сословія (77%), я указывалъ, что, по крайней мѣрѣ, $^1/_6$ часть этого сословія не имѣла въ 1897 году самостоятельнаго земледѣльческаго хозяйства.

Что же дѣлаетъ г. Статистикъ съ моей статьей? Вмѣсто того, чтобы отмѣтить, что я вполнѣ сознательно отношусь къ недостаткамъ переписи и перечисляю ихъ хотя и сжато, но полнѣе, чѣмъ самъ г. Статистикъ (такъ какъ не останавливаюсь только на недостаткахъ пріемовъ разработки, какъ дѣлаетъ онъ, а беру всю организацію переписи), г. Статистикъ сваливаетъ меня въ одну кучу съ сенаторомъ Тройницкимъ и старается зачислить меня въ число лицъ, забывающихъ объ этихъ недостаткахъ и некритически пользующихся данными переписи. Для всякаго, кто хотя бы бѣгло пробѣжалъ мою статью, ясно, что это изображеніе не соотвѣтствуетъ истинѣ. «Если быть безпри-

пр—ву исполнить сію Высочайшую волю, чрезъ надежнаго штабъ-офицера корпуса жандармовъ совмѣстно съ чиновникомъ московской полиціи и принять надлежащія мѣры, дабы таковая Его Величества воля была приведена въ исполненіе во всей точности, безъ всякаго снисхожденія и такимъ образомъ, чтобъ Г. Чеодаевъ никакъ не успѣлъ быть предварительно извѣщенъ о семъ, и не могъ принять мѣръ къ сокрытію своихъ бумагъ. По отобраніи бумагъ г. Чеодаева прошу васъ тотчасъ прислать ихъ ко мнѣ съ нарочнымъ надежнымъ жандармомъ».

26-го октября Уваровъ писалъ Бенкендорфу: «Въ ожиданіи того, что Вы дадите мнѣ знать, въ которомъ часу Вы меня примите, я посылаю Вамъ конфиденціальное письмо г. Татищева, которое доказываетъ, что всѣ монархисты всецѣло раздѣляютъ убѣжденія государя. Я полагаю, что это письмо можетъ понравиться Его Величеству, какъ искреннее выраженіе мнѣнія человѣка преданнаго, какъ и мы, принципу консерватизма, и который имѣлъ возможность вблизи наблюдать такъ много. Вашъ Уваровъ» *).

А вотъ и французское письмо Татищева отъ 26-го октября:

«Филиппика Чаадаева, которую я Вамъ возвращаю, можетъ возбудить только негодованіе и отвращеніе. Меня это возмущаетъ! Подъ прикрытіемъ проповѣди въ пользу папизма авторъ излилъ на свое собственное такую ужасную ненависть, что она могла быть внушенной ему только адскими силами. Опровергнуть это писаніе было бы не трудно, потому что его заключенія выведены изъ противорѣчивыхъ фактовъ. Гдѣ это XV вѣковъ единенія между христіанами Запада? До IX, и даже позже, половина Германіи, Скандинавія, Богемія, Венгрія были языческими странами; въ тѣ времена готты въ Испаніи были арійцами. Ломбардскіе короли притѣсняли папу, такъ что духовная власть обязана своимъ блескомъ покровительству Карла Великаго. Сравненіе народовъ Запада съ греческой имперіей не заслуживаетъ довѣрія. Упадокъ этой страны въ эту эпоху—историческій фактъ, но гдѣ та нація, которая имѣла право презирать византійцевъ? Безпорядокъ былъ въ Италіи, въ Испаніи; исторія наслѣдниковъ Карла Великаго во Франціи—это собраніе ужасовъ. Произведеніе отвратительное. Фактъ его опубликованія очень важенъ для правительства; *онъ доказываетъ существованіе политической секты въ Москвѣ*; хорошо направленные поиски должны привести къ полезнымъ открытіямъ по этому поводу. Принадлежитъ ли авторъ къ тайнымъ обществамъ, но въ своемъ произведеніи онъ богохульствуетъ противъ святой православной церкви. *Онъ долженъ быть выданъ*

*) Записка писана по-французски и никакого обращенія въ началѣ ея нѣтъ. Это показываетъ, какъ близки были въ то время отношенія Уварова и Бенкендорфа.

церкви. Одиночество, постъ, молитва пришли бы на помощь пастырскимъ внушеніямъ, чтобы привести домой заблудшую овцу. Dixi. Vale et me ama (помни и люби меня)» *).

На слѣдующій день Уваровъ снова пишетъ: «Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ Вы получите переписку съ Строгановымъ по дѣлу, о которомъ идетъ рѣчь, и копію циркуляра моего цензурнымъ комитетамъ **). Полезно, больше чѣмъ когда либо, чтобы Вы были обо всемъ освѣдомлены. Думаю, что безошибочно могу указать, что бумаги Надеждина (редактора «Телескопа») находятся въ рукахъ нѣкоего Бѣлинскаго, его сотрудника по журналу, который и замѣнялъ его во время его отсутствія и который, вѣроятно, и есть его самое довѣренное лицо. Будьте такъ добры приказать, чтобы Болдыревъ, во время своего пребыванія здѣсь, находился подъ самымъ бдительнымъ надзоромъ полиціи, чтобы узнать съ какими лицами онъ будетъ имѣть сношенія...».

Поведеніе министра просвѣщенія блестяще подтверждаетъ его полицейскія способности. Особенно хорошо согласіе съ мыслью Татищева о тайномъ обществѣ и постѣ съ одиночествомъ...

На послѣдней запискѣ Уварова Бенкендорфъ написалъ: «Государь приказалъ, дабы кн. Голицинъ немедля, велѣлъ бы схватить всѣ бумаги V. Билинскаго ***), обыскавъ бдительно и узнавъ, не спрячены ли у кого либо другаго, за что въ послѣдствіе времяни Билинскій строго бы отвѣчалъ».

27-го же московскому губернатору Мартынову предписывалось выслать Болдырева и Надеждина въ Петербургъ и сдѣлать распоряженіе, «дабы они по пріѣздѣ къ заставѣ, немедленно были представлены: ст. сов. Болдыревъ къ г. министру народнаго просвѣщенія, а г. Надеждинъ въ штабъ корпуса жендармовъ».

Въ тотъ же день получено письмо митрополита Серафима ****), на

---

*) Курсивъ мой.

**) Рѣчь идетъ о предписаніи Уварова отъ 24-го октября, въ которомъ, сообщая о карѣ, постигшей „Телескопъ“ и цензора, министръ писалъ: „поставить на видъ гг. цензорамъ и издателямъ повременныхъ изданій, для предостереженія ихъ, что несоблюденіе правилъ цензурнаго устава и предписаній высшаго начальства первымъ и небрежное исполненіе обязанностей своихъ по даннымъ подпискамъ—послѣдними будетъ имѣть неминуемымъ слѣдствіемъ такое же распоряженіе“. Въ дневникѣ Никитенка подъ 28 октября записано о призваніи въ цензурный комитетъ всѣхъ издателей и о внушеніи этого циркуляра. „Всѣ они вышли согнувшись, со страхомъ на лицахъ, какъ школьники“. Кромѣ того, еще 20-го октября Уваровъ предписалъ не разрѣшать печатать гдѣ бы то ни было, что бы то ни было о „письмѣ“ Чаадаева, даже въ опроверженіе. 29-го это уже стало извѣстно и публикѣ.

***) Въ письмѣ Уварова просто „Bilinsky“. Значитъ, уже стало извѣстно, что его зовутъ Виссаріономъ (V).

****) Напечатано съ незначительными ошибками въ № 3 „Русская Старина“, 1870 г., гдѣ и письмо Вигеля къ Серафиму.

которомъ Бенкендорфъ положилъ резолюцію: «отвѣтить, что Государь и всѣ благомыслящіе люди совершенно раздѣляютъ его негодованіе; что журналъ запрещенъ, цензоръ и издатель вызваны сюда для отвѣта, а сочинитель признанъ сумасшедшимъ».

31-го октября кн. Голицину сообщалась воля государя о взятіи всѣхъ бумагъ въ квартирѣ Бѣлинскаго и о доставленіи ихъ Бенкендорфу. «Его Величеству угодно, чтобы при семъ случаѣ былъ сдѣланъ у Бѣлинскаго самый тщательный обыскъ, въ предупрежденіе того, чтобы онъ не могъ которыхъ либо изъ бумагъ скрыть, съ объявленіемъ ему, что буде въ послѣдствіи откроется передача имъ бумагъ въ другія руки или утайка оныхъ, то онъ будетъ подвергнутъ за сіе строжайшей отвѣтственности».

29-го октября Перфильевъ сообщаетъ, что московскій полицеймейстеръ полковникъ Брянчаниновъ и жандармскій полковникъ Бѣгичевъ отобрали у Чаадаева всѣ бумаги «самымъ негласнымъ образомъ» и въ особомъ тюкѣ отсылаются въ III Отдѣленіе.

По словамъ Жихарева, нѣкоторыя бумаги потомъ были возвращены, другія же такъ и остались. Въ архивѣ III Отдѣленія ихъ нѣтъ. Курьезно, что былъ взятъ и огромный ворохъ «Московскихъ Вѣдомостей», несмотря на указаніе Чаадаева, что это не бумаги, а бумага. А вотъ, что писалъ Тургеневъ Вяземскому 30-го октября: «(Изорви). Я видѣлъ сегодня Чаадаева и нашелъ его спокойнымъ по совѣсти, но встревоженнымъ по своему положенію. У него отобрали вчера всѣ бумаги; вспомнивъ, что у писца и у одной дамы оставались еще какія то двѣ статьи его, онъ вытребовалъ и куда то доставилъ ихъ официально *). Очень хлопочетъ о томъ, что ему не возвратятъ бумагъ, въ коихъ, вѣроятно, найдутъ болѣе оправдательнаго, чѣмъ обвинительнаго. Общія бреды и только! Онъ сказалъ, что съ бумагами взяли у него и портретъ мой, Брюллова, съ извѣстною надписью: «безъ боязни обличаху» изъ лѣтописей Авраамія Палицина объ осадѣ Сергіева монастыря; слова лѣтописца о Плещеевѣ и предкѣ моемъ Петрѣ

*) Въ дѣлѣ есть письмо Чаадаева Н. П. Брянчанинову отъ 30-го октября, а прилагаемыхъ при немъ бумагъ нѣтъ. Вотъ оно: „М. Г. Никита Петровичъ. Сейчасъ вспомнилъ, что два изъ моихъ сочиненій: одно находилось вчера въ рукахъ переписчика, а другое просто въ чужихъ рукахъ. Я полагаю, что не худо сдѣлаю, есть ли вамъ ихъ препровожу, одно потому, что оно подъ нумеромъ, слѣдовательно, не видя этого нумера могли бы подумать, что я его скрылъ, и что въ немъ заключается Богъ вѣсть, что; сверхъ этого послѣдовательность была бы нарушена, и читатель при чтеніи не понялъ бы моихъ мыслей; другое же потому, что въ немъ не заключаются такія мѣста, которыя бы желалъ чтобы правительству были извѣстны. При семъ прилагаю оба сіи сочиненія. Прошу васъ, есть ли это не противно вашей обязанности, доставить мнѣ въ полученіи оныхъ росписку“. Очевидно, рѣчь идетъ объ одномъ изъ „философическихъ писемъ“. Все это было послано въ III Отдѣленіе.

Тургеневѣ, кои «безъ боязни, обличаху» Гришку Отрепьева въ самозванствѣ. Если спросятъ, то объясните» *).

Читатель, вѣроятно, уже обратилъ вниманіе на то, что до сихъ поръ не было и рѣчи о личности переводчика «письма». Извѣстно, что это Н. Х. Кетчеръ, популярный тогда своими переводами Шекспира **). Сначала личность переводчика, повидимому, интересовала, сыскную часть, а потомъ про нее просто забыли. Такъ Кетчера и не безпокоили, насколько видно изъ дѣла и извѣстно со словъ Жихарева ***). 2 ноября Перфильевъ пишетъ директору канцеляріи III отдѣленія А. Н. Мордвину: «Имѣю честь увѣдомить В. П-во, что переводчикъ извѣстной статьи есть самъ издатель Надеждинъ, который впрочемъ при возникшемъ процессѣ, эту славу охотно предоставляетъ другимъ довольствуясь участіемъ какъ издатель, отъ чего уже отозваться нѣтъ возможности. Подобная мистификація поставляла меня въ затрудненіе, и чтобъ сказать опредѣлительно, я желалъ видѣть и переговориться съ графомъ Строгановымъ; что самое и отдалило нѣсколько мой отвѣтъ, ибо письмо Ваше нашло меня въ постелѣ».

На слѣдующій день, 3 ноября, Перфильевъ снова пишетъ Мордвинову, что узналъ отъ людей, весьма близкихъ къ Надеждину, что послѣднему совершенно неизвѣстно имя переводчика, потому что онъ получилъ уже готовый переводъ. Этому жандармской генералъ почему-то не вѣрилъ.

Въ тотъ же день онъ доносилъ Бенкендорфу: «На дняхъ ****), отставной ротмистръ Чеодаевъ, былъ приглашенъ къ здѣшнему оберъ-полицеймейстеру, для объявленія ему мѣры правительства, послѣдовавшей по Высочайшему повелѣнію, въ слѣдствіи появившейся въ Телескопѣ, извѣстной статьи, имъ сочиненной.

«Прочтя предписаніе, онъ смутился, чрезвычайно поблѣднѣлъ, слезы брызнули изъ глазъ и не могъ выговорить слова. На конецъ, собравшись съ силами, трепещущимъ голосомъ сказалъ: «Справедливо, совершенно справедливо», — объявляя, что дѣйствительно въ то время, какъ сочинялъ сіи письма, былъ боленъ и тогда образъ жизни и мыслей имѣлъ противной настоящимъ, что нынѣ согласился издать въ свѣтъ сумазбродныя, скверныя сіи письма (это его собственные слова) по убѣжденію издателя Телескопа Надеждина, бывъ въ твердой увѣренности, что цензура не пропуститъ оныя; но что крайне былъ удивленъ, когда Надеждинъ, пріѣхавъ къ нему и потирая руками, объявилъ, что онѣ пропущены; и что будто онъ, Чеодаевъ, узнавъ о семъ, самъ

---

*) „Остафьевскій архивъ etc“, III, 343—344.

**) Нѣкоторые, въ томъ числѣ г. Скабичевскій, неосновательно считаютъ переводчикомъ Бѣлинскаго.

***) „Вѣст. Европы“ 1871 г. IX. 30.

****) 1 ноября; 2 Надеждинъ и Болдыревъ выѣхали изъ Москвы.

хотѣлъ писать на свое сочиненіе возраженіе. Въ противорѣчіе же сему, продолжая разговоръ, говорилъ: что философическія письма, давно написанныя, были читаемы многими здѣсь и въ Петербургѣ; что сіе самое одобряло его и обольщало надеждою, что онѣ будутъ одобрены, какъ и преждѣ, читавшими и что къ сему онъ былъ увлеченъ Авторскимъ честолюбіемъ. Впрочемъ, въ продолженіи разговора, Чеодаевъ, нѣсколько разъ повторялъ, съ изъявленіемъ удивленія, какъ могла цензура пропустить подобное сочиненіе. По словамъ его, Чаодаева, письма сіи переведены были давно, какимъ то Норовымъ *) но очень дурно,—что онъ отдавая ихъ говорилъ и Надеждину, который отвѣчалъ: «на этотъ счетъ не безпокойтесь; мы сами ихъ переведемъ». Симъ самымъ подтверждается, что Надеждинъ дѣйствительно означенную статью получилъ въ переводѣ; однако жъ, съ тѣмъ, же вмѣстѣ и обнаруживается, что онъ ею занимался.

«Изъ отзывовъ Надеждина и Чеодаева замѣтно, что они другъ друга обвиняютъ, упрекая въ тѣхъ непріятныхъ послѣдствіяхъ, которыя теперь испытываютъ, и хотя видно было, что мѣра, объявленная Чеодаеву, его поразила и оскорбила чрезвычайно; но онъ принялъ сіе съ покорностію, повторяя: «Справедливо, совершенно справедливо». Въ публикѣ поговариваютъ, что велѣно его лѣчить, но еще безъ увѣренности въ справедливости; а потому и общихъ сужденій насчетъ сего еще неслышно».

Этому донесенію нельзя не дать довѣрія, во-первыхъ, потому, что Жихаревъ самъ констатируетъ трусость и малодушіе Чаадаева за это время **), во-вторыхъ, какое основаніе было Перфильеву преувеличивать раскаяніе, зная, что это говоритъ въ пользу Чаадаева? въ третьихъ, если можно было ожидать такого преувеличенія со стороны кн. Голицына, относившагося къ Чаадаеву весьма симпатично, что

*) Въ дѣлѣ есть письмо Александра Сергѣевича (брата Авраама, потомъ министра просвѣщенія) Норова къ Чаадаеву отъ 29 іюля 1836 г. о томъ, что отсылая переводъ первой тетради, просилъ дать еще переводъ второй, „ибо знаетъ, что она должна быть напечатана". Затѣмъ его же письмо брату Аврааму отъ 22 ноября о томъ, что напечатаный переводъ „письма" не его и что, раскаиваясь въ легкомыслiи, благодаря которому сталъ переводить „письма", онъ обѣщаетъ „вовсе не знать впредь Чаадаева". Наконецъ, письмо Авраама Норова Бенкендорфу отъ 3 декабря (пофранцузски), въ которомъ онъ удостовѣряетъ, что напечатанный переводъ не его брата; что письмо написанное имъ, съ позволенія графа, брату было очень строго; что оно уложило въ постель старика отца и что отвѣты Александра „передъ судилищемъ" были искренни; въ заключеніе просьба успокоить „испуганную и угнетенную горемъ" семью доведеніемъ всего этого до свѣдѣнія государя. На этомъ письмѣ Бенкендорфъ написалъ: „lui repondre que je savois (?) par Tschédaew que la traduction ayant été mal faite et le (?) ovoit été corrigée que du reste son frere" („отвѣтить ему, что я знаю отъ Чаадаева, что переводъ былъ плохо сдѣланъ, а потому исправленъ; его брату можно сообщить, что его дѣло кончено").

**) „Вѣстн. Европы" 1871 г., IX, 35.

Перфильевъ тутъ совсѣмъ не причемъ, потому, что независимъ отъ князя. Что касается возраженія самому себѣ, которое Чаадаевъ хотѣлъ писать, то и на это есть указаніе А. И. Тургенева: «Чаадаевъ самъ противъ себя пишетъ и отвѣчаетъ себѣ языкомъ и мнѣніями Орлова (М. Ѳ.) *). Въ письмѣ къ Жуковскому 5-го іюня 1837 г. Чаадаевъ говоритъ: «моя глупая статья» **).

Этому не противорѣчатъ слова въ письмѣ къ брату 5-го января (1837 г.): «Говорятъ, что правительство, поступивъ такимъ образомъ, думало поступить снисходительно; этому очень вѣрю, ибо нѣтъ въ томъ сомнѣнія, что оно могло поступить несравненно хуже» ***). Здѣсь видно только, что самъ Чаадаевъ не считалъ «сумашествіе» снисхожденіемъ, что и понятно послѣ уже двухмѣсячныхъ страданій...

Жизнь его и самочувствіе за время «сумасшествія» обрисовываются въ литературѣ не очень подробно. Нѣкоторые, напримѣръ, И. И. Дмитріевъ, 1-го же ноября посѣтилъ Чаадаева и выразилъ ему свое глубокое соболѣзнованіе и возмущеніе. 3-го ноября Тургеневъ пишетъ Вяземскому: «Сказываютъ, что Чаадаевъ сильно потрясенъ постигшимъ его наказаніемъ; отпустилъ лошадей, сидитъ дома, похудѣлъ вдругъ страшно и какія-то пятна на лицѣ. Его кузины навѣщали его и сильно поражены его положеніемъ. Докторъ пріѣзжаетъ навѣдываться о его офиціальной болѣзни». И черезъ четыре дня: «Докторъ ежедневно навѣщаетъ Чаадаева. Онъ никуда изъ дома не выходитъ. *Боюсь, чтобы онъ и въ самомъ дѣлѣ не помѣшался*» ****).

Вотъ какъ «милостиво» было наказаніе, что человѣкъ, увидѣвшій «помилованнаго» на седьмой день, боялся, что онъ дѣйствительно помѣшается!!

12-го ноября Тургеневъ пишетъ: «я былъ у него и нашелъ его болѣе въ ажитаціи, чѣмъ прежде. Посѣщеніе доктора очень больно ему. Онъ писалъ третьяго дня къ графу Строганову и послалъ ему книгу Ястребцова, гдѣ о немъ и почти его словами говорится и въ выноскѣ сказано: «П. Я. Ч.» и все въ пользу Россіи и въ надеждѣ ея быстраго усовершенствованія, какъ бы и въ опроверженіе того, что ему приписываютъ по первой статьѣ. Не знаю, что сдѣлаетъ Строгановъ съ симъ письмомъ, но статья была бы въ его пользу, если бы безпристрастно сіи, также года за четыре писанныя, страницы разсмотрѣны были. Другія статьи его были одобрены какъ онъ сказывалъ, духовною цензурою *****). Все это могло бы смягчить къ

---

*) „Остафьевскій архивъ“ etc.“, III, 336.

**) „Рус. Старина“ 1903 г., X. 185.

***) „Вѣстн. Европы“ 1871 г., XI, 326.

****) „Остафьевскій архивъ etc.“, III, 352.

*****) Въ Румянцевскомъ музеѣ есть протоколъ засѣданія комитета московской духовной цензуры 31-го января 1833 г., изъ котораго видно, что въ концѣ 1832 г. Чаадаевъ представлялъ туда переводъ послѣдней части 2-го письма и

нему теперешнихъ судей его, а еще болѣе то мнѣніе, которое о немъ теперь здѣсь господствуетъ, ибо всѣ знаютъ о его визитѣ и его словахъ гр. Строганову» *).

5-го января Чаадаевъ пишетъ, между прочимъ, брату: «я долженъ довольствоватьея одною прогулкою въ день и видѣть у себя ежедневно господъ медиковъ, ex officio меня навѣщающихъ. Одинъ изъ нихъ, пьяный частный штабъ-лекарь, долго ругался надо мною самымъ наглымъ образомъ, но теперь прекратилъ свои посѣщенія, вѣроятно, по предписанію начальства. Пріятели мои посѣщаютъ меня довольно часто и нѣкоторые изъ нихъ поступаютъ съ рѣдкимъ благородствомъ; но всего утѣшительнѣе для меня дружба моихъ милыхъ хозяевъ **). Бумагъ по сихъ поръ не возвращаютъ и это всего мнѣ чувствительнѣе, потому что въ нихъ находятся труды всей моей жизни, все, что составляло цѣль ея. Развязки покамѣстъ не предвижу, да и признаться не разумѣю, какая тутъ можетъ быть развязка? Сказать человѣку: «ты съ ума сошелъ»,—не мудрено, но какъ сказать ему: «ты теперь въ полномъ разумѣ?» Окончательно скажу тебѣ, мой другъ, что многое потерялъ я невозвратно, что многія связи рушились, что многіе труды останутся неоконченными, и наконецъ, что земная твердость бытія моего поколеблена на вѣки» ***).

«Первое время своего заточенія Чаадаевъ провелъ въ крайнемъ смущеніи и большомъ малодушіи. Сначала онъ совершенно растерялся. Потомъ болѣе и болѣе вдумывался въ положеніе... Онъ началъ нести его съ исполненнымъ достоинства спокойствіемъ, заслуживающимъ всякой похвалы и даже нѣкотораго удивленія» ****).

Требуемой оберъ-полицеймейстеромъ подписки «ничего не писать» Чаадаевъ не далъ, а замѣнилъ ее другой: «ничего не печатать». На его просьбу дозволить ему ходить по улицамъ пѣшкомъ, къ чему онъ привыкъ, что было необходимо для его здоровья и безъ чего, гово-

---

части 3-го. Въ виду „мыслей, противныхъ истиннымъ понятіемъ о православіи, чистотѣ и превосходствѣ церкви Восточной", печатаніе ихъ не было разрѣшено (Ср. А. Кирпичниковъ, „Очерки по исторіи новой рус. литературы", II. М. 1903 г. 131—134).

*) Ibidem, 359—360. Рѣчь идетъ о книгѣ доктора медицины И. М. Ястребцова.—„О системѣ наукъ, приличныхъ въ наше время дѣтямъ, назначаемымъ къ образованнѣйшему классу общества", М., 1833 г. изд. 2-е. Говоря о томъ, что одной изъ основъ системы ученія должно быть положеніе: „служить сколько можно болѣе, къ тому, чего требуетъ настоящее и предвидимое положеніе отечества"—авторъ констатируетъ отсутствіе для Россіи ея прошлаго и прибавляетъ: „одной особѣ (П. Я. Ч.) мы обязаны основными мыслями, теперь излагаемыми" (стр. 201). Надежды Тургенева на реабилитацію Чаадаева книжкой Ястребцова совершенно неосновательны.

**) Онъ жилъ въ домѣ Левашевыхъ.

***) „Вѣст. Европы" 1871 г., XI, 327—328.

****) Жихаревъ, „Вѣст. Европы" 1871 г. IX, 36.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Милостивый Государь,
Господинъ Редакторъ.

Въ №№ 252 и 254 газеты «Наша Жизнь» помѣщена статья г. Статистика: «Къ какимъ выводамъ приводятъ данныя переписи». Авторъ указанной статьи неоднократно упоминаетъ меня и мою статью, помѣщенную въ августовской книжкѣ «Міра Божія» («Этюды о населеніи Россіи»). Я не знаю мотивовъ, по которымъ г. Статистикъ выбралъ именно меня мишенью своихъ нападокъ, тогда какъ контингентъ лицъ, пользовавшихся данными переписи за послѣднее время, довольно значителенъ. Не знаю также, что заставило его замѣнить серьезный разборъ моей статьи наѣзднические набѣгами, изъ-за которыхъ самый смыслъ моей статьи совершенно не виденъ. Но я долженъ указать, что его изложеніе моей статьи и то представленіе о ней, какое онъ силится навязать читателю, не соотвѣтствуетъ истинѣ; и для возстановленія ея я обращаюсь къ вашему журналу. Замѣчу при этомъ, что въ своихъ замѣчаніяхъ я не выйду изъ области чисто статистическихъ вопросовъ, такъ какъ имъ отведено не менѣе $^5/_6$ моей статьи, и такъ какъ въ самой статьѣ г. Статистика замѣчанія относительно марксизма и моихъ общихъ выводовъ носятъ аксессуарный характеръ. Однако, я готовъ отвѣчать г. Статистику во всякое время и по этимъ вопросамъ, если онъ пожелаетъ разбирать ихъ серьезно.

Главныя положенія моей статьи таковы:

1) Несмотря на многочисленные недостатки данныхъ переписи 1897 года, русскимъ статистикамъ неизбѣжно придется пользоваться ими, но первою обязанностью всякаго пользующагося является критическое къ нимъ отношеніе.

2) Въ отдѣлѣ о занятіяхъ главною ошибкою переписи является неправильный счетъ самодѣятельнаго (активнаго) населенія, а именно: для земледѣльческаго населенія перепись заносила въ эту группу не самодѣятельныхъ (т.-е. всѣхъ лицъ, активно занятыхъ въ какомъ-либо промыслѣ), а лишь *домохозяевъ*; ошибка эта вызвана не пріемами разработки, а коренится еще въ инструкціи по производству переписи.

3) Но и вводя поправку на указанную ошибку (въ возможныхъ ея предѣлахъ), необходимо признать, что пролетаризированная часть населенія Россіи достигаетъ весьма значительной величины, а именно доходитъ до 22% общаго числа самодѣятельныхъ и до 17% всего населенія Россіи (съ семьями). Численность же крестьянства въ экономическомъ смыслѣ — опредѣляется въ величинахъ, значительно меньшихъ, чѣмъ глазомѣрныя опредѣленія, которыя до сихъ поръ приводились, а именно равняется не болѣе 55% самодѣятельнаго населенія и 64% всего населенія Россіи. Сравнивая это послѣднее число съ численностью крестьянскаго сословія (77%), я указывалъ, что, по крайней мѣрѣ, $^1/_6$ часть этого сословія не имѣла въ 1897 году самостоятельнаго земледѣльческаго хозяйства.

Что же дѣлаетъ г. Статистикъ съ моей статьей? Вмѣсто того, чтобы отмѣтить, что я вполнѣ сознательно отношусь къ недостаткамъ переписи и перечисляю ихъ хотя и сжато, но полнѣе, чѣмъ самъ г. Статистикъ (такъ какъ не останавливаюсь только на недостаткахъ пріемовъ разработки, какъ дѣлаетъ онъ, а беру всю организацію переписи), г. Статистикъ сваливаетъ меня въ одну кучу съ сенаторомъ Тройницкимъ и старается зачислить меня въ число лицъ, забывающихъ объ этихъ недостаткахъ и некритически пользующихся данными переписи. Для всякаго, кто хотя бы бѣгло пробѣжалъ мою статью, ясно, что это изображеніе не соотвѣтствуетъ истинѣ. «Если быть безпри-

пр—ву исполнить сію Высочайшую волю, чрезъ надежнаго штабъ-офицера корпуса жандармовъ совмѣстно съ чиновникомъ московской полиціи и принять надлежащія мѣры, дабы таковая Его Величества воля была приведена въ исполненіе во всей точности, безъ всякаго снисхожденія и такимъ образомъ, чтобъ Г. Чеодаевъ никакъ не успѣлъ быть предварительно извѣщенъ о семъ, и не могъ принять мѣръ къ сокрытію своихъ бумагъ. По отобраніи бумагъ г. Чеодаева прошу васъ тотчасъ прислать ихъ ко мнѣ съ нарочнымъ надежнымъ жандармомъ».

26-го октября Уваровъ писалъ Бенкендорфу: «Въ ожиданіи того, что Вы дадите мнѣ знать, въ которомъ часу Вы меня примите, я посылаю Вамъ конфиденціальное письмо г. Татищева, которое доказываетъ, что всѣ монархисты всецѣло раздѣляютъ убѣжденія государя. Я полагаю, что это письмо можетъ понравиться Его Величеству, какъ искреннее выраженіе мнѣнія человѣка преданнаго, какъ и мы, принципу консерватизма, и который имѣлъ возможность вблизи наблюдать такъ много. Вашъ Уваровъ» *).

А вотъ и французское письмо Татищева отъ 26-го октября:

«Филиппика Чаадаева, которую я Вамъ возвращаю, можетъ возбудить только негодованіе и отвращеніе. Меня это возмущаетъ! Подъ прикрытіемъ проповѣди въ пользу папизма авторъ излилъ на свое собственное такую ужасную ненависть, что она могла быть внушенной ему только адскими силами. Опровергнуть это писаніе было бы не трудно, потому что его заключенія выведены изъ противорѣчивыхъ фактовъ. Гдѣ это XV вѣковъ единенія между христіанами Запада? До IX, и даже позже, половина Германіи, Скандинавія, Богемія, Венгрія были языческими странами; въ тѣ времена готты въ Испаніи были арійцами. Ломбардскіе короли притѣсняли папу, такъ что духовная власть обязана своимъ блескомъ покровительству Карла Великаго. Сравненіе народовъ Запада съ греческой имперіей не заслуживаетъ довѣрія. Упадокъ этой страны въ эту эпоху—историческій фактъ, но гдѣ та нація, которая имѣла право презирать византійцевъ? Безпорядокъ былъ въ Италіи, въ Испаніи; исторія наслѣдниковъ Карла Великаго во Франціи—это собраніе ужасовъ. Произведеніе отвратительное. Фактъ его опубликованія очень важенъ для правительства; *онъ доказываетъ существованіе политической секты въ Москвѣ*; хорошо направленные поиски должны привести къ полезнымъ открытіямъ по этому поводу. Принадлежитъ ли авторъ къ тайнымъ обществамъ, но въ своемъ произведеніи онъ богохульствуетъ противъ святой православной церкви. *Онъ долженъ быть выданъ*

*) Записка писана по-французски и никакого обращенія въ началѣ ея нѣтъ. Это показываетъ, какъ близки были въ то время отношенія Уварова и Бенкендорфа.

церкви. Одиночество, постъ, молитва пришли бы на помощь пастырскимъ внушеніямъ, чтобы привести домой заблудшую овцу. Dixi. Vale et me ama (помни и люби меня)» *).

На слѣдующій день Уваровъ снова пишетъ: «Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ Вы получите переписку съ Строгановымъ по дѣлу, о которомъ идетъ рѣчь, и копію циркуляра моего цензурнымъ комитетамъ **). Полезно, больше чѣмъ когда либо, чтобы Вы были обо всемъ освѣдомлены. Думаю, что безошибочно могу указать, что бумаги Надеждина (редактора «Телескопа») находятся въ рукахъ нѣкоего Бѣлинскаго, его сотрудника по журналу, который и замѣнялъ его во время его отсутствія и который, вѣроятно, и есть его самое довѣренное лицо. Будьте такъ добры приказать, чтобы Болдыревъ, во время своего пребыванія здѣсь, находился подъ самымъ бдительнымъ надзоромъ полиціи, чтобы узнать съ какими лицами онъ будетъ имѣть сношенія...».

Поведеніе министра просвѣщенія блестяще подтверждаетъ его полицейскія способности. Особенно хорошо согласіе съ мыслью Татищева о тайномъ обществѣ и постѣ съ одиночествомъ...

На послѣдней запискѣ Уварова Бенкендорфъ написалъ: «Государь приказалъ, дабы кн. Голицинъ немедля, велѣлъ бы схватить всѣ бумаги V. Билинскаго ***), обыскавъ бдительно и узнавъ, не спрячены ли у кого либо другаго, за что въ послѣдствіе времяни Билинскій строго бы отвѣчалъ».

27-го же московскому губернатору Мартынову предписывалось выслать Болдырева и Надеждина въ Петербургъ и сдѣлать распоряженіе, «дабы они по пріѣздѣ къ заставѣ, немедленно были представлены: ст. сов. Болдыревъ къ г. министру народнаго просвѣщенія, а г. Надеждинъ въ штабъ корпуса жендармовъ».

Въ тотъ же день получено письмо митрополита Серафима ****), на

---

*) Курсивъ мой.

**) Рѣчь идетъ о предписаніи Уварова отъ 24-го октября, въ которомъ, сообщая о карѣ, постигшей „Телескопъ“ и цензора, министръ писалъ: „поставить на видъ гг. цензорамъ и издателямъ повременныхъ изданій, для предостереженія ихъ, что несоблюденіе правилъ цензурнаго устава и предписаній высшаго начальства первымъ и небрежное исполненіе обязанностей своихъ по даннымъ подпискамъ—послѣдними будетъ имѣть неминуемымъ слѣдствіемъ такое же распоряженіе“. Въ дневникѣ Никитенка подъ 28 октября записано о призваніи въ цензурный комитетъ всѣхъ издателей и о внушеніи этого циркуляра. „Всѣ они вышли согнувшись, со страхомъ на лицахъ, какъ школьники“. Кромѣ того, еще 20-го октября Уваровъ предписалъ не разрѣшать печатать гдѣ бы то ни было, что бы то ни было о „письмѣ“ Чаадаева, даже въ опроверженіе. 29-го это уже стало извѣстно и публикѣ.

***) Въ письмѣ Уварова просто „Bilinsky“. Значитъ, уже стало извѣстно, что его зовутъ Виссаріономъ (V).

****) Напечатано съ незначительными ошибками въ № 3 „Русская Старина“, 1870 г., гдѣ и письмо Вигеля къ Серафиму.

которомъ Бенкендорфъ положилъ резолюцію: «отвѣтить, что Государь и всѣ благомыслящіе люди совершенно раздѣляютъ его негодованіе; что журналъ запрещенъ, цензоръ и издатель вызваны сюда для отвѣта, а сочинитель признанъ сумасшедшимъ».

31-го октября кн. Голицину сообщалась воля государя о взятіи всѣхъ бумагъ въ квартирѣ Бѣлинскаго и о доставленіи ихъ Бенкендорфу. «Его Величеству угодно, чтобы при семъ случаѣ былъ сдѣланъ у Бѣлинскаго самый тщательный обыскъ, въ предупрежденіе того, чтобы онъ не могъ которыхъ либо изъ бумагъ скрыть, съ объявленіемъ ему, что буде въ послѣдствіи откроется передача имъ бумагъ въ другія руки или утайка оныхъ, то онъ будетъ подвергнутъ за сіе строжайшей отвѣтственности».

29-го октября Перфильевъ сообщаетъ, что московскій полицеймейстеръ полковникъ Брянчаниновъ и жандармскій полковникъ Бѣгичевъ отобрали у Чаадаева всѣ бумаги «самымъ негласнымъ образомъ» и въ особомъ тюкѣ отсылаются въ III Отдѣленіе.

По словамъ Жихарева, нѣкоторыя бумаги потомъ были возвращены, другія же такъ и остались. Въ архивѣ III Отдѣленія ихъ нѣтъ. Курьезно, что былъ взятъ и огромный ворохъ «Московскихъ Вѣдомостей», несмотря на указаніе Чаадаева, что это не бумаги, а бумага. А вотъ, что писалъ Тургеневъ Вяземскому 30-го октября: «(Изорви). Я видѣлъ сегодня Чаадаева и нашелъ его спокойнымъ по совѣсти, но встревоженнымъ по своему положенію. У него отобрали вчера всѣ бумаги; вспомнивъ, что у писца и у одной дамы оставались еще какія то двѣ статьи его, онъ вытребовалъ и куда то доставилъ ихъ официально *). Очень хлопочетъ о томъ, что ему не возвратятъ бумагъ, въ коихъ, вѣроятно, найдутъ болѣе оправдательнаго, чѣмъ обвинительнаго. Общія бреды и только! Онъ сказалъ, что съ бумагами взяли у него и портретъ мой, Брюллова, съ извѣстною надписью: «безъ боязни обличаху» изъ лѣтописей Авраамія Палицина объ осадѣ Сергіева монастыря; слова лѣтописца о Плещеевѣ и предкѣ моемъ Петрѣ

---

*) Въ дѣлѣ есть письмо Чаадаева Н. П. Брянчанинову отъ 30-го октября, а прилагаемыхъ при немъ бумагъ нѣтъ. Вотъ оно: „М. Г. Никита Петровичъ. Сейчасъ вспомнилъ, что два изъ моихъ сочиненій: одно находилось вчера въ рукахъ переписчика, а другое просто въ чужихъ рукахъ. Я полагаю, что не худо сдѣлаю, есть ли вамъ ихъ препровожу, одно потому, что оно подъ нумеромъ, слѣдовательно, не видя этого нумера могли бы подумать, что я его скрылъ, и что въ немъ заключается Богъ вѣсть, что; сверхъ этого послѣдовательность была бы нарушена, и читатель при чтеніи не понялъ бы моихъ мыслей; другое же потому, что въ немъ не заключаются такія мѣста, которыя бы желалъ чтобы правительству были извѣстны. При семъ прилагаю оба сіи сочиненія. Прошу васъ, есть ли это не противно вашей обязанности, доставить мнѣ въ полученіи оныхъ росписку“. Очевидно, рѣчь идетъ объ одномъ изъ „философическихъ писемъ“. Все это было послано въ III Отдѣленіе.

*

Тургеневѣ, кои «безъ боязни, обличаху» Гришку Отрепьева въ самозванствѣ. Если спросятъ, то объясните» *).

Читатель, вѣроятно, уже обратилъ вниманіе на то, что до сихъ поръ не было и рѣчи о личности переводчика «письма». Извѣстно, что это Н. Х. Кетчеръ, популярный тогда своими переводами Шекспира **). Сначала личность переводчика, повидимому, интересовала, сыскную часть, а потомъ про нее просто забыли. Такъ Кетчера и не безпокоили, насколько видно изъ дѣла и извѣстно со словъ Жихарева ***). 2 ноября Перфильевъ пишетъ директору канцеляріи III отдѣленія А. Н. Мордвину: «Имѣю честь увѣдомить В. П-во, что переводчикъ извѣстной статьи есть самъ издатель Надеждинъ, который впрочемъ при возникшемъ процессѣ, эту славу охотно предоставляетъ другимъ довольствуясь участіемъ какъ издатель, отъ чего уже отозваться нѣтъ возможности. Подобная мистификація поставляла меня въ затрудненіе, и чтобъ сказать опредѣлительно, я желалъ видѣть и переговориться съ графомъ Строгановымъ; что самое и отдалило нѣсколько мой отвѣтъ, ибо письмо Ваше нашло меня въ постелѣ».

На слѣдующій день, 3 ноября, Перфильевъ снова пишетъ Мордвинову, что узналъ отъ людей, весьма близкихъ къ Надеждину, что послѣднему совершенно неизвѣстно имя переводчика, потому что онъ получилъ уже готовый переводъ. Этому жандармской генералъ почему-то не вѣрилъ.

Въ тотъ же день онъ доносилъ Бенкендорфу: «На дняхъ ****), отставной ротмистръ Чеодаевъ, былъ приглашенъ къ здѣшнему оберъ-полицеймейстеру, для объявленія ему мѣры правительства, послѣдовавшей по Высочайшему повелѣнію, въ слѣдствіи появившейся въ Телескопѣ, извѣстной статьи, имъ сочиненной.

«Прочтя предписаніе, онъ смутился, чрезвычайно поблѣднѣлъ, слезы брызнули изъ глазъ и не могъ выговорить слова. На конецъ, собравшись съ силами, трепещущимъ голосомъ сказалъ: «Справедливо, совершенно справедливо», — объявляя, что дѣйствительно въ то время, какъ сочинялъ сіи письма, былъ боленъ и тогда образъ жизни и мыслей имѣлъ противной настоящимъ, что нынѣ согласился издать въ свѣтъ сумазбродныя, скверныя сіи письма (это его собственные слова) по убѣжденію издателя Телескопа Надеждина, бывъ въ твердой увѣренности, что цензура не пропуститъ оныя; но что крайне былъ удивленъ, когда Надеждинъ, пріѣхавъ къ нему и потирая руками, объявилъ, что онѣ пропущены; и что будто онъ, Чеодаевъ, узнавъ о семъ, самъ

---

*) „Остафьевскій архивъ etc“, III, 343—344.

**) Нѣкоторые, въ томъ числѣ г. Скабичевскій, неосновательно считаютъ переводчикомъ Бѣлинскаго.

***) „Вѣст. Европы“ 1871 г. IX. 30.

****) 1 ноября; 2 Надеждинъ и Болдыревъ выѣхали изъ Москвы.

хотѣлъ писать на свое сочиненіе возраженіе. Въ противорѣчіе же сему, продолжая разговоръ, говорилъ: что философическія письма, давно написанныя, были читаемы многими здѣсь и въ Петербургѣ; что сіе самое одобряло его и обольщало надеждою, что онѣ будутъ одобрены, какъ и преждѣ, читавшими и что къ сему онъ былъ увлеченъ Авторскимъ честолюбіемъ. Впрочемъ, въ продолженіи разговора, Чеодаевъ, нѣсколько разъ повторялъ, съ изъявленіемъ удивленія, какъ могла цензура пропустить подобное сочиненіе. По словамъ его, Чаодаева, письма сіи переведены были давно, какимъ то Норовымъ *) но очень дурно,—что онъ отдавая ихъ говорилъ и Надеждину, который отвѣчалъ: «на этотъ счетъ не безпокойтесь; мы сами ихъ переведемъ». Симъ самымъ подтверждается, что Надеждинъ дѣйствительно означенную статью получилъ въ переводѣ; однако жъ, съ тѣмъ, же вмѣстѣ и обнаруживается, что онъ ею занимался.

«Изъ отзывовъ Надеждина и Чеодаева замѣтно, что они другъ друга обвиняютъ, упрекая въ тѣхъ непріятныхъ послѣдствіяхъ, которыя теперь испытываютъ, и хотя видно было, что мѣра, объявленная Чеодаеву, его поразила и оскорбила чрезвычайно; но онъ принялъ сіе съ покорностію, повторяя: «Справедливо, совершенно справедливо». Въ публикѣ поговариваютъ, что велѣно его лѣчить, но еще безъ увѣренности въ справедливости; а потому и общихъ сужденій насчетъ сего еще неслышно».

Этому донесенію нельзя не дать довѣрія, во-первыхъ, потому, что Жихаревъ самъ констатируетъ трусость и малодушіе Чаадаева за это время **), во-вторыхъ, какое основаніе было Перфильеву преувеличивать раскаяніе, зная, что это говоритъ въ пользу Чаадаева? въ третьихъ, если можно было ожидать такого преувеличенія со стороны кн. Голицына, относившагося къ Чаадаеву весьма симпатично, что

*) Въ дѣлѣ есть письмо Александра Сергѣевича (брата Авраама, потомъ министра просвѣщенія) Норова къ Чаадаеву отъ 29 іюля 1836 г. о томъ, что отсылая переводъ первой тетради, просилъ дать еще переводъ второй, „ибо знаетъ, что она должна быть напечатана". Затѣмъ его же письмо брату Аврааму отъ 22 ноября о томъ, что напечатаный переводъ „письма" не его и что, раскаиваясь въ легкомыслiи, благодаря которому сталъ переводить „письма", онъ обѣщаетъ „вовсе не знать впредь Чаадаева". Наконецъ, письмо Авраама Норова Бенкендорфу отъ 3 декабря (пофранцузски), въ которомъ онъ удостовѣряетъ, что напечатанный переводъ не его брата; что письмо написанное имъ, съ позволенія графа, брату было очень строго; что оно уложило въ постель старика отца и что отвѣты Александра „передъ судилищемъ" были искренни; въ заключеніе просьба успокоить „испуганную и угнетенную горемъ" семью доведеніемъ всего этого до свѣдѣнія государя. На этомъ письмѣ Бенкендорфъ написалъ: „lui repondre que je savois (?) par Tschédaew que la traduction ayant été mal faite et le (?) ovoit été corrigée que du reste son frere" („отвѣтить ему, что я знаю отъ Чаадаева, что переводъ былъ плохо сдѣланъ, а потому исправленъ; его брату можно сообщить, что его дѣло кончено").

**) „Вѣстн. Европы" 1871 г., IX, 35.

Перфильевъ тутъ совсѣмъ не причемъ, потому, что независимъ отъ князя. Что касается возраженія самому себѣ, которое Чаадаевъ хотѣлъ писать, то и на это есть указаніе А. И. Тургенева: «Чаадаевъ самъ противъ себя пишетъ и отвѣчаетъ себѣ языкомъ и мнѣніями Орлова (М. Ѳ.) *). Въ письмѣ къ Жуковскому 5-го іюня 1837 г. Чаадаевъ говоритъ: «моя глупая статья» **).

Этому не противорѣчатъ слова въ письмѣ къ брату 5-го января (1837 г.): «Говорятъ, что правительство, поступивъ такимъ образомъ, думало поступить снисходительно; этому очень вѣрю, ибо нѣтъ въ томъ сомнѣнія, что оно могло поступить несравненно хуже» ***). Здѣсь видно только, что самъ Чаадаевъ не считалъ «сумашествіе» снисхожденіемъ, что и понятно послѣ уже двухмѣсячныхъ страданій...

Жизнь его и самочувствіе за время «сумасшествія» обрисовываются въ литературѣ не очень подробно. Нѣкоторые, напримѣръ, И. И. Дмитріевъ, 1-го же ноября посѣтилъ Чаадаева и выразилъ ему свое глубокое соболѣзнованіе и возмущеніе. 3-го ноября Тургеневъ пишетъ Вяземскому: «Сказываютъ, что Чаадаевъ сильно потрясенъ постигшимъ его наказаніемъ; отпустилъ лошадей, сидитъ дома, похудѣлъ вдругъ страшно и какія-то пятна на лицѣ. Его кузины навѣщали его и сильно поражены его положеніемъ. Докторъ пріѣзжаетъ навѣдываться о его офиціальной болѣзни». И черезъ четыре дня: «Докторъ ежедневно навѣщаетъ Чаадаева. Онъ никуда изъ дома не выходитъ. *Боюсь, чтобы онъ и въ самомъ дѣлѣ не помѣшался*» ****).

Вотъ какъ «милостиво» было наказаніе, что человѣкъ, увидѣвшій «помилованнаго» на седьмой день, боялся, что онъ дѣйствительно помѣшается!!

12-го ноября Тургеневъ пишетъ: «я былъ у него и нашелъ его болѣе въ ажитаціи, чѣмъ прежде. Посѣщеніе доктора очень больно ему. Онъ писалъ третьяго дня къ графу Строганову и послалъ ему книгу Ястребцова, гдѣ о немъ и почти его словами говорится и въ выноскѣ сказано: «П. Я. Ч.» и все въ пользу Россіи и въ надеждѣ ея быстраго усовершенствованія, какъ бы и въ опроверженіе того, что ему приписываютъ по первой статьѣ. Не знаю, что сдѣлаетъ Строгановъ съ симъ письмомъ, но статья была бы въ его пользу, если бы безпристрастно сіи, также года за четыре писанныя, страницы разсмотрѣны были. Другія статьи его были одобрены какъ онъ сказывалъ, духовною цензурою *****). Все это могло бы смягчить къ

---

*) „Остафьевскій архивъ“ etc.“, III, 336.

**) „Рус. Старина“ 1903 г., X, 185.

***) „Вѣстн. Европы“ 1871 г., XI, 326.

****) „Остафьевскій архивъ etc.“, III, 352.

*****) Въ Румянцевскомъ музеѣ есть протоколъ засѣданія комитета московской духовной цензуры 31-го января 1833 г., изъ котораго видно, что въ концѣ 1832 г. Чаадаевъ представлялъ туда переводъ послѣдней части 2-го письма и

нему теперешнихъ судей его, а еще болѣе то мнѣніе, которое о немъ теперь здѣсь господствуетъ, ибо всѣ знаютъ о его визитѣ и его словахъ гр. Строганову» *).

5-го января Чаадаевъ пишетъ, между прочимъ, брату: «я долженъ довольствоваться одною прогулкою въ день и видѣть у себя ежедневно господъ медиковъ, ex officio меня навѣщающихъ. Одинъ изъ нихъ, пьяный частный штабъ-лекарь, долго ругался надо мною самымъ наглымъ образомъ, но теперь прекратилъ свои посѣщенія, вѣроятно, по предписанію начальства. Пріятели мои посѣщаютъ меня довольно часто и нѣкоторые изъ нихъ поступаютъ съ рѣдкимъ благородствомъ; но всего утѣшительнѣе для меня дружба моихъ милыхъ хозяевъ **). Бумагъ по сихъ поръ не возвращаютъ и это всего мнѣ чувствительнѣе, потому что въ нихъ находятся труды всей моей жизни, все, что составляло цѣль ея. Развязки покамѣстъ не предвижу, да и признаться не разумѣю, какая тутъ можетъ быть развязка? Сказать человѣку: «ты съ ума сошелъ»,—не мудрено, но какъ сказать ему: «ты теперь въ полномъ разумѣ?» Окончательно скажу тебѣ, мой другъ, что многое потерялъ я невозвратно, что многія связи рушились, что многіе труды останутся неоконченными, и наконецъ, что земная твердость бытія моего поколеблена на вѣки» ***).

«Первое время своего заточенія Чаадаевъ провелъ въ крайнемъ смущеніи и большомъ малодушіи. Сначала онъ совершенно растерялся. Потомъ болѣе и болѣе вдумывался въ положеніе... Онъ началъ нести его съ исполненнымъ достоинства спокойствіемъ, заслуживающимъ всякой похвалы и даже нѣкотораго удивленія» ****).

Требуемой оберъ-полицеймейстеромъ подписки «ничего не писать» Чаадаевъ не далъ, а замѣнилъ ее другой: «ничего не печатать». На его просьбу дозволить ему ходить по улицамъ пѣшкомъ, къ чему онъ привыкъ, что было необходимо для его здоровья и безъ чего, гово-

---

части 3-го. Въ виду „мыслей, противныхъ истиннымъ понятіемъ о православіи, чистотѣ и превосходствѣ церкви Восточной", печатаніе ихъ не было разрѣшено (Ср. А. Кирпичниковъ, „Очерки по исторіи новой рус. литературы", II. М. 1903 г. 131—134).

*) Ibidem, 359—360. Рѣчь идетъ о книгѣ доктора медицины И. М. Ястребцова.—„О системѣ наукъ, приличныхъ въ наше время дѣтямъ, назначаемымъ къ образованнѣйшему классу общества", М., 1833 г. изд. 2-е. Говоря о томъ, что одной изъ основъ системы ученія должно быть положеніе: „служить сколько можно болѣе, къ тому, чего требуетъ настоящее и предвидимое положеніе отечества"—авторъ констатируетъ отсутствіе для Россіи ея прошлаго и прибавляетъ: „одной особѣ (П. Я. Ч.) мы обязаны основными мыслями, теперь излагаемыми" (стр. 201). Надежды Тургенева на реабилитацію Чаадаева книжкой Ястребцова совершенно неосновательны.

**) Онъ жилъ въ домѣ Левашевыхъ.

***) „Вѣст. Европы" 1871 г., XI, 327—328.

****) Жихаревъ, „Вѣст. Европы" 1871 г. IX, 36.

рилъ онъ, «онъ жить не можетъ», сейчасъ же согласились, совѣтуя однако, избѣгать особенно многолюдныхъ улицъ, и онъ могъ гулять по городу, никуда не заходя, сколько и когда ему было угодно. При этомъ Жихаревъ ошибается, говоря, что насильственное лѣченіе отъ помѣшательства, продолжалось съ мѣсяцъ или немного болѣе. Собственно насильственныхъ мѣръ, по его же словамъ, никто не употребилъ ни разу, а визиты врача продолжались не мѣсяцъ, а впредь до помилованія въ концѣ 1837 года *).

Чаадаевъ не даромъ тепло отозвался о своихъ личныхъ друзьяхъ. Они дѣйствительно всячески берегли его и окружали всѣми знаками своего вниманія. Разумѣется, рѣдко кто изъ нихъ напоминалъ ему о «Философическомъ письмѣ», а тѣ, кто собирался возражать (Хомяковъ, Баратынскій и др.), спрятали свои возраженія.

Въ это же время Чаадаевъ написалъ «Апологію сумашедшаго» **), помѣщенную впервые въ заграничномъ изданіи его сочиненій. Здѣсь онъ довольно сурово обличаетъ публику, огласившую въ свое время зловѣщимъ крикомъ спокойную до того равнину русской журналистики. «Правительство, — говоритъ Чаадаевъ, — въ сущности только исполнило свой долгъ; можно даже сказать, что строгость, употребленная противъ насъ въ эту минуту, не имѣетъ ничего чрезвычайнаго, потому что, конечно, она далеко не превзошла ожиданій многочисленной публики. Что же, въ самомъ дѣлѣ, надо было сдѣлать правительству, самому благонамѣренному, какъ не сообразоваться съ тѣмъ, что оно искренно считаетъ серьезнымъ желаніемъ страны? Что же касается до криковъ публики, это совсѣмъ иное дѣло. Есть разные способы любить свое отечество: напримѣръ, самоѣдъ, который любитъ родные снѣга, дѣлающіе его подслѣповатымъ, дымную юрту, гдѣ онъ проводитъ, скорчившись, половину своей жизни, протухлый жиръ своихъ оленей, окружающій его вонючей атмосферой, конечно, онъ любитъ свою родину не такъ, какъ англійскій гражданинъ, гордый учрежденіями и высокой цивилизаціей своего славнаго острова, и, безъ сомнѣнія, было бы очень жалко, если бы намъ приходилось еще любить нашу родину на манеръ самоѣдовъ. Любовь къ отечеству есть вещь прекрасная, но еще прекраснѣе любовь къ истинѣ... Правда, что мы, русскіе, всегда бывали довольно беззаботны о томъ, что истинно и что ложно. Поэтому, не слѣдуетъ очень сердиться на общество, если оно было живо затронуто нѣсколько ѣдкой апострофой, обращенной къ его слабостямъ. Поэтому, увѣряю васъ, я вовсе не досадую на эту милую публику, которая такъ долго меня

*) Пьянаго штабъ-лѣкаря замѣнили потомъ докторомъ Гульковскимъ.

**) „Apologie d'un fou".

баловала: я стараюсь отдать себѣ отчетъ въ моемъ странномъ положеніи хладнокровно, безъ всякаго раздраженія» *).

Затѣмъ, сказавъ, что онъ никогда не искалъ популярности **), Чаадаевъ указываетъ, что общее мнѣніе вовсе не есть абсолютно справедливое мнѣніе; что здравый смыслъ народа вовсе не есть еще здравый смыслъ, что истина выходитъ не изъ шумной толпы...

Онъ сознается, что въ первомъ его «письмѣ» было преувеличеніе, состоящее, между прочимъ, въ непризнаніи, что мы пришли въ міръ на почву нетронутую и не оплодотворенную предыдущимъ поколѣніемъ, гдѣ ничто не говорило намъ о протекшихъ вѣкахъ, гдѣ не было никакихъ слѣдовъ новаго міра, а также и въ томъ, что не отдано должное нашей церкви, столь смиренной, иногда столь героической, утѣшающей насъ за пустоту нашихъ лѣтописей».

Была и нетерпѣливость въ выраженіи, крайность въ мысли; но чувство, господствующее во всемъ «письмѣ» вовсе не враждебно отечеству: это — глубокое чувство нашихъ слабостей, выраженное лишь съ болью и горестью.

«Повѣрьте, я больше, чѣмъ кто-либо изъ васъ, люблю свое отечество, желаю ему славы, умѣю цѣнить высокія качества своего народа; но справедливо также, что патріотическое чувство, меня одушевляющее, создано не совсѣмъ по тому способу, какъ то, чьи умы разрушили мое спокойное существованіе... Я не умѣю любить свое отечество съ закрытыми глазами, съ приниженной головой, съ запертыми устами. Я нахожу, что можно быть полезнымъ отечеству только подъ условіемъ ясно его видѣть; я думаю, что время слѣпыхъ амуровъ прошло, что теперь прежде всего мы обязаны отечеству истиной».

«Апологія» не кончена авторомъ, прервавшимъ ее на первыхъ же строкахъ второй главы.

Вернемся, однако, къ послѣдовательному изложенію.

6-го ноября, т.-е. на шестой день объявленія Чаадаева «сумасшедшимъ», Перфильевъ доносилъ Бенкендорфу, что о мѣрахъ по его адресу

---

*) Не имѣя подъ рукой заграничнаго изданія, цитирую по „Характеристикамъ etc“ Пыпина.

**) А къ серединѣ 1837 года, когда и писалась „Апологія“, эта популярность очень возросла. По словамъ Панаева, прекращеніе „Телескопа“ заставило прочесть „письмо“ даже тѣхъ, которые отъ роду не читали такихъ серьезныхъ статей. 15-го нумера „скоро достать уже было невозможно: его расхватали, и статья Чаадаева стала расходиться во множествѣ рукописныхъ экземпляровъ“; „статья пріобрѣтала популярность не только между всѣми грамотными и читающими людьми, но даже и между полуграмотными, которые придавали ей Богъ знаетъ какія невѣжественныя толкованія“ („Литературныя воспоминанія“, 121).

«разсуждаютъ вездѣ и всякій и почти единодушно одобряютъ»; «нѣкоторые лишь предосуждаютъ шутливо-насмѣшливый тонъ предписанія *) насчетъ задержанія Чаадаева въ квартирѣ подъ видомъ участія. Многія говорятъ противъ запрещенія изданія журнала до срока, разсуждая такимъ образомъ: по недосмотрѣнію цензора, пропущена статья непозволительная; правительство могло подвергнуть его отвѣтственности, замѣстить другимъ, учредить сверхъ сего особое наблюденіе, но не вводить въ процессъ подписчиковъ, дѣлу не причастныхъ. Оставалось нѣсколько мѣсяцевъ и нѣтъ сомнѣнія, что послѣ передряги, испытанной сочинителемъ, издателемъ и цензоромъ, направленіе и духъ журнала были бы въ совершенной гармоніи съ правительствомъ. Вотъ толки и сужденія теперь слышанныя; о дальнѣйшихъ же буду имѣть честь донести»!

10-го ноября кн. Голицынъ увѣдомлялъ Бенкендорфа, что всѣ бумаги Надеждина, какъ въ его квартирѣ, такъ и въ квартирѣ Бѣлинскаго, отобраны, но что «какъ г. Бѣлинскій выѣхалъ въ г. Тверь еще въ исходѣ августа мѣсяца къ помѣщику Бакунину, то проживающій нынѣ въ квартирѣ его дѣйствительный студентъ Воложининъ и обязанъ подпискою, что всѣ совершенно бумаги, находящіяся въ квартирѣ Бѣлинскаго, имъ отданы — и что онъ ничего изъ нихъ не скрылъ и даже не знаетъ, есть ли еще гдѣ у него таковыя. При чемъ объявилъ также, что Бѣлинскій при отъѣздѣ своемъ, взялъ съ собою весьма незначительное число бумагъ, относящихся собственно къ его занятіямъ по ученой части. А какъ Бѣлинскаго ожидаютъ въ скоромъ времени въ Москву, то сдѣлано распоряженіе, дабы онъ при въѣздѣ въ городъ, доставленъ былъ прямо отъ заставы къ оберъ-полицеймейстеру, для отобранія отъ него бумагъ». Всѣ отобранныя бумаги препровождались съ надежнымъ жандармомъ въ особомъ тюкѣ, но въ архивѣ III Отдѣленія, и ихъ нѣтъ.

Вскорѣ, 19-го ноября, Бенкендорфъ былъ увѣдомленъ Голицынымъ, что 15-го ноября Бѣлинскій при въѣздѣ въ Москву изъ деревни прямо съ заставы «былъ представленъ» оберъ-полицеймейстеру, но что «при тщательномъ осмотрѣ коего въ имуществѣ Бѣлинскаго ничего сумнительнаго не оказалось».

Этимъ вполнѣ подтверждается все сказанное о Бѣлинскомъ, невѣдавшемъ о бурѣ, грозившей *Телескопу*, въ капитальномъ трудѣ Пыпина. **) Чаадаева онъ, дѣйствительно, не зналъ тогда и познакомился съ нимъ позднѣе.

20-го ноября Перфильевъ, отвѣчая на отношеніе Бенкендорфа отъ

---

*) Перфильевъ, очевидно, не подозрѣвалъ, что оно было одобрено государемъ.

**) Стр. 154. I тома.

9-го подробно характеризовалъ Е. Г. Левашеву, въ домѣ которой Чаадаавъ жилъ такъ долго, и самого Чаадаева.

По словамъ жандармскаго генерала, это была «женщина уже немолодыхъ лѣтъ, хорошо образованная, начитанная, съ репутаціей (femme savante); образъ жизни ведетъ довольно уединенный, и имѣя дочерей взрослыхъ, рѣдко показывается въ обществѣ. Самъ г. Левашевъ слыветъ за человѣка ничтожнаго, и въ свѣтѣ, и дома. Знакомство имѣютъ большое; наиболѣе же ее посѣщаютъ: Курбатовъ, Козаковъ, Сойминовъ, Михайло Федоровичъ Орловъ, Свербѣевъ, Раевской, жена сенатора Левашева, съ семействами ихъ, и многіе другіе. А отставной ротмистръ Чеодаевъ, въ домѣ Левашевой, совершенно какъ свой. Близкія и короткія отношенія его съ нею, какъ полагаютъ, имѣютъ источникомъ—симпатію, рожденную сходствомъ образа мыслей, взглядомъ и понятіемъ о вещахъ *).

«Чеодаевъ особенно привлекалъ къ себѣ вниманіе дамъ, доставлялъ удовольствіе въ бесѣдахъ, и передавая все читаемое имъ въ иностранныхъ газетахъ и журналахъ и, вообще вновь выходящихъ сочиненіяхъ, съ возможною отчетливостію, имѣя щастливую память и обладая даромъ слова. Когда нарождался разговоръ общій, Чеодаевъ разрѣшалъ вопросъ, при сужденіяхъ о политикѣ, религіи и подобныхъ предметахъ, со свойственнымъ уму образованному, обилующему матеріалами, убѣжденіемъ. Знакомство онъ имѣетъ большое; въ короткихъ же связахъ замѣчается: съ Дмитріевымъ (Иваномъ Ивановичемъ), Орловымъ (Михайломъ Ѳедоровичемъ), Масловымъ (Секретаремъ Медико-Хирургической Академіи), Тургеневымъ (Александромъ Ивановичемъ), княгинею Мещерскою (Софьею Сергѣевною); послѣднихъ двухъ были у Чаадаева и портреты, отобранные въ числѣ бумагъ, изъ коихъ Тургенева съ надписью: «*безъ боязни обличаху*». Съ сенаторомъ Салтыковымъ (Михайломъ Александровичемъ) были въ весьма короткихъ сношеніяхъ, видались почти каждый день; но когда дѣла Чеодаева начали приходить въ разстройство (теперь онъ почти ничего не имѣетъ) и Салтыковъ просилъ выдать ему заемное обязательство въ должной суммѣ, то Чеодаевъ, оскорбясь симъ, заплатилъ Салтыкову деньги (хотя досталъ оныя съ трудомъ) и прекратилъ съ нимъ знакомство **).

---

*) Чаадаевъ говорилъ, что Левашева „изошла любовью“ (она умерла въ 1839 г.). По словамъ Герцена, женщина эта принадлежала къ тѣмъ удивительнымъ явленіямъ русской жизни, которыя мирятъ съ нею, которыхъ все существованіе подвигъ, никому невѣдомый, кромѣ небольшого круга друзей. („Сочиненія“, 1905 г., II. 282). Подобныя характеристики сдѣланы другими современниками этой женщины, столь благодѣтельно вліявшей на ушедшаго въ себя Чаадаева.

**) Это было до выхода 15-й книги „Телескопа“.

«Чеодаевъ часто бываетъ: у Екатерины Ѳедоровны Муравьевой, Ушаковой, Нарышкиной, Пашковой, Раевской, и у многихъ другихъ; знакомъ: съ сенаторомъ Нечаевымъ, секретаремъ московскаго депутатскаго собранія Колайдовичемъ, Клинскимъ предводителемъ дворянства фонъ-Визинымъ, графомъ Потемкинымъ, камергеромъ Ржевскимъ, Николаемъ Александровичемъ Чичериным *), Васильемъ Петровичемъ Зубковымъ, Брусиловымъ, Григорьемъ Александровичемъ Римско-Корсаковымъ, Александромъ Александровичемъ Писаревымъ, Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ, Петромъ Львовичемъ Нелединскимъ, Платономъ Степановичемъ Яковлевымъ и калужскимъ помѣщикомъ Хлюстинымъ.

«Образъ жизни Чеодаевъ ведетъ весьма скромный, страстей не имѣетъ; но честолюбивъ выше мѣры. Сіе то самое и увлекаетъ его иногда съ надлежащаго пути, благоразуміемъ предписываемаго. Объ этомъ должно сожалѣть: ибо исключая страннаго, предосудительнаго въ иныхъ случаяхъ, образа мыслей и взгляда на предметы—онъ имѣетъ много достоинствъ—таковъ общій отзывъ. При семъ заключаютъ, что на его характеръ имѣетъ большое вліяніе физическое нервное разстройство, которому онъ подверженъ и которое нѣсколько лѣтъ тому назадъ до того усилилось, что дѣйствительно начало обнаруживаться въ признакахъ временнаго помѣшательства.

«Нынѣ часто посѣщаютъ Чеодаева изъ вышеназванныхъ лицъ: Тургеневъ, Дмитріевъ, княгиня Мещерская и докторъ Брокъ».

Мих. Лемке.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) Отцомъ Б. Н. Чичерина.

МЕТЕОРОЛОГІЯ—КАКЪ НАУКА, ЕЯ ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ.

Stürme brausen, um die Wette,
Vom Meer aufs Land, vom Land aufs Meer,
Und bilden, wütend, eine Kette
Des tiefsten Wirkung rings umher...
Грозя землѣ, волнуя воды,
Бушуютъ бури и шумятъ,
И грозной цѣпью силъ природы
Весь міръ таинственно объятъ.

(Гете, Фаустъ, Прологъ).

На метеорологію среди образованной публики установился взглядъ—какъ на науку чисто практическую, прикладную, задача которой состоитъ исключительно въ предсказаніи погоды. Въ представленіяхъ непосвященнаго въ ея задачи и цѣли человѣка наукѣ этой отводится мѣсто, близко напоминающее мѣсто, отводимое медицинѣ: ставится, какъ и этой послѣдней дисциплинѣ, чисто практическая задача, совершенно не справляясь съ современнымъ состояніемъ науки и съ тѣми средствами, которыми она располагаетъ для выполненія своихъ задачъ; роль науки сводится къ роли, близкой къ знахарству. Когда же метеорологія, при настоящемъ ея состояніи, отказывается давать предсказанія погоды иначе, какъ только въ весьма общей формѣ и на очень небольшіе сроки,—рѣдко больше сутокъ впередъ,—это служитъ, какъ и было уже не разъ, поводомъ къ самой рѣзкой критикѣ ея направленія и ея методовъ; при этомъ критика нерѣдко сама обнаруживаетъ полное непониманіе задачъ критикуемой науки.

Будетъ, быть можетъ, небезполезно и не безынтересно взглянуть нѣсколько глубже на современное направленіе метеорологіи, дать себѣ ясный отчетъ въ коренныхъ задачахъ этой науки, въ ея основныхъ методахъ и ея конечныхъ цѣляхъ. Въ настоящей статьѣ сдѣлана попытка вкратцѣ разсмотрѣть намѣченные вопросы.

Метеорологію въ общежитіи опредѣляютъ обыкновенно—какъ науку о погодѣ,—какъ науку, имѣющую своею задачею изучить тѣ законы, которые управляютъ постоянно наблюдаемыми нами перемѣнами погоды.

Но, прежде чѣмъ говорить о законахъ, управляющихъ перемѣнами погоды, необходимо, очевидно, поставить себѣ вопросъ: что такое сама по себѣ эта погода, о которой должна трактовать метеорологія, чѣмъ и какъ она опредѣляется и какими признаками характеризуются ея быстрыя перемѣны? На этотъ вопросъ и нужно прежде всего дать отвѣтъ; слѣдовательно необходимо точнѣе опредѣлить самый объектъ метеорологіи, а отсюда уже логически вытекутъ и тѣ задачи, которыя должна себѣ поставить эта наука, и тѣ методы, которыми она можетъ и должна пользоваться для рѣшенія поставленныхъ ею себѣ задачъ.

Метеорологію, составляющую одинъ изъ отдѣловъ болѣе общей науки,—физики земного шара или, какъ ее иначе называютъ, физической географіи,—метеорологію точнѣе должно опредѣлить—какъ *науку, изучающую тотъ круговоротъ энергіи, который совершается непрерывно въ воздушной оболочкѣ земного шара,—въ атмосферѣ.*

Наблюдайте въ теченіе нѣкотораго времени эту воздушную оболочку, и вы увидите, что въ ней идетъ непрерывная смѣна самыхъ разнообразныхъ процессовъ и явленій; состояніе атмосферы, не говоря уже о поверхности земли съ покрывающими ее предметами, постоянно и непрерывно мѣняется. На эту непрерывную смѣну явленій въ атмосферѣ или на эти постоянныя измѣненія ея состоянія натуралистъ можетъ и долженъ смотрѣть только, какъ на различныя превращенія той энергіи, которая была уже запасена ранѣе въ атмосферѣ и въ соприкасающихся съ нею тѣлахъ, или же той энергіи, которая еще продолжаетъ притекать въ атмосферу и въ моментъ наблюденія. Откуда бы ни бралась эта энергія, уже самыя поверхностныя наблюденія убѣждаютъ насъ такимъ образомъ, что въ атмосферѣ идетъ все время,—непрестанно и непрерывно,—рядъ превращеній энергіи изъ одной ея формы въ другую; этотъ рядъ превращеній тѣмъ именно и выражается, что состояніе атмосферы измѣняется. *Погодою въ житейскомъ обиходѣ и принято называть эту непрерывную смѣну процессовъ, явленій и состояній, которую мы наблюдаемъ въ атмосферѣ.* Погода есть, такимъ образомъ, не что иное, какъ этотъ именно рядъ превращеній энергіи, постоянно совершающійся въ атмосферѣ.

Самаго поверхностнаго наблюденія надъ измѣненіями состоянія атмосферы достаточно, чтобы убѣдиться, насколько погода сама по себѣ—явленіе сложное. На первый взглядъ представляется труднымъ, если не совсѣмъ невозможнымъ, дѣломъ—оріентироваться въ этомъ сложномъ, запутанномъ клубкѣ явленій. И, однако, даже такое сложное явленіе поддается анализу и изученію, если къ изслѣдованію его подходить также, какъ подходитъ, вообще, натуралистъ къ любому сложному явленію: ботаникъ къ изученію растенія, химикъ—къ изученію строенія сложнаго химическаго соединенія.

Анализируя и изучая сложное химическое тѣло, химикъ разлагаетъ его на простѣйшія, составныя части, дальше которыхъ идти въ раз-

ложеніи невозможно, на такъ называемые химическіе элементы, и изучаетъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности и въ ихъ взаимодѣйствіи одного на другой: а затѣмъ уже, изучивъ вполнѣ эти простѣйшія тѣла, которыми обусловливается и опредѣляется составъ ихъ производнаго, сложнаго тѣла, химикъ изучаетъ и эти сложныя тѣла.

Совершенно тѣмъ же путемъ приходится идти и для изученія сложнаго явленія,—погоды. Приходится это сложное явленіе, представляющее собою непрерывную смѣну состоянія газообразной среды, воздуха, разложить или расчленить на простѣйшіе, элементарнѣйшіе физическіе процессы или физическія явленія, — на такъ называемые *метеорологическіе элементы*, которыми можетъ быть вполнѣ опредѣлено охарактеризовано въ любой моментъ состояніе газовой массы, одинаковой съ воздухомъ по своимъ физическимъ свойствамъ. Такимъ образомъ, выдвигается новый вопросъ: какими же характернѣйшими физическими величинами или физическими процессами, свойствами, явленіями опредѣлится во всякій данный моментъ состояніе газовой среды, подобной воздуху?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо опять ранѣе дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что представляетъ изъ себя для физика тотъ воздухъ, съ которымъ приходится имѣть дѣло, изучая погоду. Воздухъ есть, какъ извѣстно, механическая смѣсь различныхъ газовъ, находящихся въ ней въ очень неодинаковыхъ количествахъ. Почти 21% этой смѣси приходится на долю кислорода, 78%—на долю азота, 1%—аргона; около 0.04% смѣси падаетъ на углекислоту. Далѣе въ воздухѣ мы находимъ слѣды цѣлаго ряда новыхъ, недавно открытыхъ газовъ: гелія, неона, криптона, ксенона и метаргона; затѣмъ идутъ слѣды же окисловъ азота, перекиси водорода, амміака. Всѣ эти газы, за исключеніемъ углекислоты, находятся въ воздухѣ при температурахъ, значительно высшихъ не только ихъ температуры кипѣнія при обычныхъ атмосферныхъ условіяхъ, но и ихъ критическихъ температуръ *); углекислота находится здѣсь при температурахъ, низшихъ ея

*) Какъ извѣстно, сдавливаніемъ и пониженіемъ температуры въ настоящее время можно любой газъ превратить въ жидкость. Есть, однако, для каждаго газа нѣкоторая опредѣленная температура, такая, что нагрѣтый выше этой температуры газъ никакимъ сдавливаніемъ, никакими усиліями не можетъ быть превращенъ въ жидкость; эта температура и называется *критическою*. Критическая температура есть, такимъ образомъ, та наивысшая температура, при которой газъ, не смотря ни на какія давленія, остается газомъ и въ жидкость не превращается. Чѣмъ ниже температура газа, сравнительно съ его критическою температурою, чѣмъ сильнѣе охлажденъ онъ ниже критической температуры, тѣмъ меньшему сдавливанію приходится его подвергнуть, чтобы превратить въ жидкость. Нагрѣтая выше 31° углекислота никакимъ давленіемъ въ жидкость не превратится, тогда какъ ниже 31° (ея критической температуры) сравнительно не сильное сдавливаніе, около 50 атмосферъ, уже заставляетъ

критической, но значительно высшихъ ея температуры кипѣнія. Слѣдовательно въ этихъ газахъ мы имѣемъ дѣло съ газами совершенными т.-е. ни при какихъ атмосферныхъ условіяхъ сжиженію абсолютно не поддающимися. Но, кромѣ этихъ газовъ, въ воздухѣ содержится еще постоянно то въ большихъ, то въ меньшихъ количествахъ одно крайне важное для метеоролога вещество, находящееся здѣсь при температурахъ, недалекихъ отъ своей точки плавленія *), т.-е. при температурахъ, на много низшихъ и его температуры кипѣнія, не только уже его критической температуры. Это вещество—вода, являющаяся въ атмосферѣ при этихъ условіяхъ то въ твердомъ, то жидкомъ, то газообразномъ состояніи, то въ томъ, и другомъ, и третьемъ одновременно. Въ добавокъ къ перечисленнымъ составнымъ частямъ воздухъ содержитъ еще всегда, и даже на большихъ высотахъ, довольно значительныя примѣси органическихъ и минеральныхъ веществъ; бактеріи, споры грибковъ, зародыши растеній и животныхъ, пыль и копоть—примѣси, постоянно присутствующія въ воздухѣ въ достаточно большихъ дозахъ, чтобы вызвать извѣстные физическіе эффекты.

Если бы въ воздухѣ приходилось имѣть дѣло съ одними только совершенными газами, изученіе физическаго состоянія такой газовой массы въ любой моментъ было бы сравнительно просто: для совершеннаго газа его состояніе есть только функція его температуры и упругости. Задайте или найдите эти двѣ физическія величины и состояніе изучаемой массы газа для васъ совершенно опредѣлено. Но, когда въ составъ этой изучаемой массы входитъ еще такая составная часть, какъ вода, наблюдаемая здѣсь, какъ уже упомянуто, при температурахъ, не далекихъ отъ ея точки плавленія, и, во всякомъ случаѣ, при температурахъ, значительно низшихъ ея температуры кипѣнія, т.-е. при такихъ температурахъ, при которыхъ она при незначительныхъ измѣненіяхъ состоянія всей смѣси можетъ являться то паромъ, ненасыщающимъ пространство, то паромъ, близкимъ къ состоянію насыщенія, то жидкостью, то твердымъ тѣломъ, или даже во всѣхъ или нѣкоторыхъ изъ этихъ состояній вмѣстѣ, одновременно, вопросъ до крайности усложняется. Въ этомъ случаѣ приходится имѣть дѣло съ массой газа, въ которой всегда будутъ присутствовать въ перемѣнныхъ количествахъ и ледъ, и вода, и водяной паръ; съ измѣненіемъ температуры и упругости массы будутъ измѣняться и количества этихъ послѣднихъ примѣсей, какъ весьма сложная функція и температуры, и упругости смѣси. Мало того: каждое измѣненіе во взаимныхъ количествахъ этихъ трехъ модификацій одной и той же примѣси вызоветъ

углекислоту сдѣлаться жидкою; тоже наблюдается для водяныхъ паровъ при температурѣ + 364° (критической для воды), для воздуха —140°, для водорода—241°.

*) Вода, какъ извѣстно, кипитъ при 100°, превращается въ ледъ при 0°.

еще то поглощеніе, то выдѣленіе энергіи въ видѣ скрытой теплоты плавленія или парообразованія: и все это совершается по весьма сложнымъ законамъ.

Согласно основнымъ положеніямъ физики состояніе газовой среды, подобной воздуху, опредѣлится, такимъ образомъ, въ любой моментъ, прежде всего, ея температурою и упругостью; затѣмъ оно будетъ зависѣть отъ количества содержащихся въ ней водяныхъ паровъ и отъ того состоянія, въ которомъ эти пары здѣсь находятся; наконецъ, оно будетъ опредѣляться еще и тѣмъ, находится ли наблюдаемая масса газа въ покоѣ, или же она будетъ перемѣщаться. Вотъ эти то основныя физическія величины, характеризующія состояніе газовой среды въ каждый данный моментъ въ любомъ пунктѣ, и будутъ тѣми основными метеорологическими элементами, изученіе и наблюденіе которыхъ и необходимо прежде всего, для того, чтобы дать себѣ отчетъ о погодѣ. Соотвѣтственно сказанному мы имѣемъ, такимъ образомъ, шесть основныхъ метеорологическихъ элементовъ, опредѣляющихъ въ любой моментъ погоду: температуру и давленіе воздуха; его влажность, относительную и абсолютную; облачность и осадки, характеризующія собою количественно и качественно тѣ водяные пары, которые уже достигли степени насыщенія; и наконецъ — вѣтеръ, при чемъ для явленій перемѣщенія воздушныхъ массъ характерна не только скорость, но и направленіе этого перемѣщенія. Послѣднее вполнѣ понятно: направленіе движенія должно играть очень важную роль для характеристики погоды, ибо при переносѣ массъ воздуха изъ одной мѣстности въ другую этимъ самымъ движеніемъ приводятся въ соприкосновеніе или замѣщаются однѣ другими воздушныя массы самыхъ различныхъ физическихъ свойствъ.

Но этими основными метеорологическими элементами изученіе погоды ограничиться не можетъ и не имѣетъ права. Если мы хотимъ дать себѣ ясный отчетъ о круговоротѣ энергіи въ атмосферѣ, то необходимо прежде всего знать общее количество вступающей въ этотъ круговоротъ энергіи.

Единственный источникъ всѣхъ физическихъ явленій на землѣ— солнце; по сравненію съ нимъ всѣ другіе источники энергіи можно считать безконечно малыми. Въ потокахъ своихъ лучей шлетъ оно на земную поверхность колоссальные запасы энергіи. Каковы эти запасы, въ грубыхъ чертахъ можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. Въ каждую минуту каждый квадратный сантиметръ земной поверхности, если онъ перпендикуляренъ къ солнечному лучу, получаетъ три малыхъ калоріи, т.-е. такое количество тепла, которое нагрѣетъ граммъ воды на три градуса. Вся земная поверхность въ теченіе года получаетъ 2.0116×10^{24} малыхъ калорій. Это количество энергіи въ состояніи расплавить слой льда толщиною въ 53,9 метра, одѣвающій ровнымъ слоемъ всю земную поверхность. На экваторѣ каждый квадратный

сантиметръ земной поверхности получаетъ ежегодно 481.750 калорій, т.-е. количество тепла, достаточное для расплавленія слоя льда въ 65,7 метра толщиною или для испаренія слоя воды толщиною въ 8.186 метра.

Поглощаемая атмосферою и земною поверхностью, эта энергія и вызываетъ всѣ физическіе процессы и всю жизнь и въ атмосферѣ, и на земной поверхности, и въ ближайшихъ къ этой поверхности слояхъ земной коры. Подъ ея вліяніемъ исключительно и можетъ только мѣняться, и мѣняется въ дѣйствительности все состояніе атмосферы. Механизмъ круговорота только этой энергіи въ атмосферѣ и должна себѣ выяснить метеорологія; всѣми другими источниками энергіи на землѣ: собственною теплотою земного шара, излученіемъ планетъ и звѣздъ и космическими процессами, она имѣетъ полное право пренебрегать—такъ ничтожно малы они по сравненію съ энергіею солнца, льющеюся на земную поверхность.

Если бы атмосфера обладала полною прозрачностью, если бы эта ея прозрачность далѣе не подвергалась быстрымъ измѣненіямъ и колебаніямъ, учетъ притекающей на земную поверхность энергіи былъ бы сравнительно простъ. Измѣривъ разъ навсегда въ какомъ-нибудь одномъ пунктѣ съ достаточною точностью эту энергію, путемъ простого подсчета можно было бы затѣмъ найти ея количества въ любой моментъ въ какой угодно точкѣ земного шара. Недостаточная прозрачность при неправильныхъ и быстрыхъ измѣненіяхъ ея величины въ широкихъ предѣлахъ для атмосферы дѣлаетъ такіе подсчеты немыслимыми. Съ цѣлью сведенія баланса притекающей на землю энергіи приходится, такимъ образомъ, изучать въ каждомъ данномъ пунктѣ количество приносимой на землю солнечными лучами энергіи, измѣрять *радіацію* солнца, какъ принято называть этотъ родъ переноса энергіи отъ одного тѣла къ другому.

Затѣмъ, кромѣ тѣхъ физическихъ факторовъ, которыми непосредственно опредѣляется въ любой моментъ погода, необходимо изучить еще и обмѣнъ энергіи между воздухомъ и окружающими его тѣлами. Вѣдь обмѣнъ энергіи,—круговоротъ ея,—будетъ происходить не въ одной только наблюдаемой нами массѣ воздуха; въ этомъ обмѣнѣ необходимо и неизбѣжно будутъ принимать участіе и всѣ окружающія наблюдаемую воздушную массу тѣла, то отдавая ей свою энергію, то, напротивъ, отымая ее оттуда. Въ какую бы сторону ни шелъ этотъ обмѣнъ, мы обязаны его подвергнуть нашему контролю и учету, мы должны принять во вниманіе это взаимодѣйствіе между наблюдаемой массой воздуха и окружающими ее тѣлами. Отсюда — цѣлый рядъ факторовъ или элементовъ метеорологическихъ, *второстепенныхъ* по сравненію съ перечисленными ранѣе основными, главными метеорологическими элементами.

Теперь, когда обрисовался, такимъ образомъ, отвѣтъ на вопросъ,

что нужно изучать, чтобы выяснить себѣ законы, управляющіе смѣнами погоды, возникаетъ дальнѣйшій вопросъ, составляющій необходимое и неизбѣжное слѣдствіе и дополненіе перваго: какъ же нужно или возможно изучать перечисленные метеорологическіе элементы, опредѣляющіе погоду?

Единственный методъ, которымъ можетъ пользоваться метеорологія, есть наблюденіе,—и въ этомъ ея коренное отличіе отъ другихъ естественныхъ наукъ, прямо этимъ самымъ и опредѣляющее весь дальнѣйшій ходъ ея развитія.

Когда физикъ, химикъ или вообще натуралистъ желаетъ изучить какое нибудь явленіе, то послѣ наблюденій, давшихъ первые слабые намеки на новое, до тѣхъ поръ неизслѣдованное или незамѣченное явленіе, онъ прибѣгаетъ къ могучему орудію современнаго естествознанія,—къ опыту. Въ опытѣ онъ ставитъ подмѣченное явленіе въ точно опредѣленныя условія, выдѣляетъ постепенно различные побочные факты и процессы, сопровождающіе наблюдаемое и изучаемое явленіе, элиминируетъ послѣдовательно всѣ обстоятельства, осложняющія и затемняющія опытъ. Исключая постепенно все, что не относится прямо къ изучаемому явленію, натуралистъ въ опытѣ ставитъ природѣ совершенно опредѣленный, заключенный въ избранныя самимъ изслѣдователемъ рамки вопросъ. И, если этотъ вопросъ поставленъ правильно, если изслѣдователь сумѣлъ соотвѣтствующимъ образомъ обставить опытъ, природа всегда и неизмѣнно дастъ прямой, ясный и точный отвѣтъ на вопросъ, такимъ образомъ ей заданный. Фактъ, при помощи простого наблюденія только подмѣченный, рядомъ опытовъ, умѣло поставленныхъ, превращается въ ясное и понятное явленіе.

При изученіи явленій погоды возможность опыта совершенно исключена по самому существу дѣла. Объектъ изученія для метеорологіи—не ограниченныя массы изучаемаго вещества, заключенныя въ сосуды нашихъ лабораторій, а цѣлый необъятный воздушный океанъ ограниченный съ одной только стороны,—снизу,—въ высшей степени неоднородною, твердою или жидкою поверхностью земного шара, а съ другой—незамѣтно переходящій въ недоступное ни одному живому существу междупланетное пространство; о строеніи и физическихъ свойствахъ этого междупланетнаго пространства можно только гадать и строить болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы. Конечно, въ маломъ масштабѣ въ лабораторіяхъ путемъ чисто физическаго эксперимента мы можемъ изслѣдовать основныя свойства этого воздуха, изучить тѣ коренные законы, которымъ подчиняется круговоротъ энергіи въ массахъ газа. Но данныя, полученныя изъ такихъ опытовъ въ маломъ масштабѣ можно только съ очень большою осмотрительностью и осторожностью экстраполировать на атмосферу, примѣнять къ массамъ совершенно свободнаго воздуха. Его необычайная подвижность,

вызывающая часто грандіозныя перемѣщенія и пертурбаціи подъ вліяніемъ весьма малыхъ причинъ, могущія при томъ проявиться совсѣмъ не тамъ, гдѣ дѣйствуютъ вызывающія данный эффектъ причины, создастъ вообще при неизмѣримыхъ протяженіяхъ атмосферы для свободнаго воздуха такую обстановку, при которой лабораторныя изысканія дѣлаются трудно, а иногда и совсѣмъ не приложимыми къ этимъ свободнымъ, подвижнымъ массамъ газа. Что же остается тогда дѣлать метеорологіи? Только наблюдать и наблюдать!

Но при этомъ самыя поверхностныя наблюденія приводятъ къ заключенію, что изучать погоду въ одномъ какомъ нибудь мѣстѣ или въ небольшомъ числѣ пунктовъ немыслимо. Погода оказывается настолько капризною и измѣнчивою не только во времени, но и въ пространствѣ, что сплошь и рядомъ одновременно въ двухъ очень близкихъ точкахъ земного шара можно наблюдать погоду, ничего общаго не имѣющую, чуть не противоположную.

И вотъ, чтобы подмѣтить какую-либо законность въ смѣнахъ погоды, чтобы слѣдить за ея непрерывными, причудливыми измѣненіями, государства стараго и новаго свѣта покрываются правильною густою сѣтью однообразныхъ метеорологическихъ станцій. Эти станціи—учрежденія, спеціально приноровленныя для наблюденій, снабженныя точными сравненными между собою чрезъ посредство нѣкоторыхъ нормальныхъ инструментовъ, приборами. Тысячи наблюдателей въ строго опредѣленные моменты (въ Россіи—въ 7 часовъ утра, 1 часъ дня и 9 часовъ вечера) являются на свою нелегкую службу; для нихъ не существуетъ ни праздниковъ, ни отдыховъ. Въ назначенные сроки они отсчитываютъ, не смотря ни на какую погоду, показанія своихъ приборовъ, вписываютъ ихъ въ журналъ со всею возможною тщательностью и подробностью, дѣлаютъ подсчеты. По истеченіи каждаго мѣсяца, эти журналы высылаются въ центральныя учрежденія (въ Россіи въ Николаевскую главную физическую обсерваторію), гдѣ наблюденія и подвергаются дальнѣйшему контролю и обработкѣ. Нѣкоторыя изъ станцій, сверхъ того, ежедневно по телеграфу сообщаютъ свои отсчеты инструментовъ въ центральное учрежденіе; это послѣднее на основаніи этихъ сообщеній составляетъ карты погоды и дѣлаетъ ея обзоры и предсказанія. Посредствомъ ежедневно издаваемыхъ метеорологическихъ бюллетеней, копируемыхъ, кромѣ того, нѣкоторыми ежедневными газетами, такія предсказанія и обзоры становятся достояніемъ всей образованной публики. Немногіе изъ наблюдателей несутъ свою службу за скромную плату, огромное ихъ большинство—добровольцы, безвозмездно отдающіе свое время и свой трудъ на невидное дѣло служенія наукѣ.

Тамъ, гдѣ желательно прослѣдить непрерывно ходъ всѣхъ измѣненій въ метеорологическихъ элементахъ, на помощь наблюдателю приходятъ, такъ называемые, самопишущіе инструменты. Вмѣсто того,

чтобы самому сидѣть и безъ перерыва или, по крайней мѣрѣ, достаточно часто слѣдить за перемѣнами погоды, человѣкъ сумѣлъ приспособить къ этому механизмы; и эти механизмы точно и аккуратно, при надлежащемъ уходѣ и контролѣ, выполняютъ свою задачу. Ни одно измѣненіе погоды, какъ бы кратковременно оно ни было, не ускользаетъ отъ ихъ записи въ томъ пунктѣ, гдѣ наблюдатель обезпечилъ себя такимъ помощникомъ. Въ записяхъ такихъ приборовъ получается документальная, лишенная всякой субъективности, со всѣми деталями, исторія погоды за любой промежутокъ времени.

По характеру своихъ изслѣдованій, по невозможности примѣнить къ нимъ опытъ, метеорологія стоитъ очень близко къ своей старшей сестрѣ, — астрономіи; но есть между этими двумя сестрами и очень существенная разница. Для астрономическихъ изслѣдованій достаточно небольшого числа хорошо оборудованныхъ обсерваторій, расположенныхъ извѣстнымъ образомъ въ различныхъ точкахъ земного шара; для астрономическихъ наблюденій, производимыхъ сложными и дорогими инструментами, требуется только сравнительно небольшое число людей, обладающихъ солидными теоретическими знаніями и большою практикою въ дѣлѣ наблюденій,—находящихся во всеоружіи астрономической науки и техники. Въ дѣлѣ метеорологіи—совершенно противоположное. Измѣненія погоды въ пространствѣ такъ велики, мѣстныя условія до такой степени вліяютъ на ея характеръ, что нѣсколько десятковъ наилучшимъ образомъ оборудованныхъ обсерваторій съ наилучшими наблюдателями оказываются безсильными предъ рѣшеніемъ такой сложной задачи. Погода требуетъ для изученія чрезвычайно большого числа наблюдательныхъ пунктовъ. Такъ какъ немыслимо тысячами возводить дорого стоющія обсерваторіи съ дорогими наблюдателями, то приходится поневолѣ прибѣгать къ массамъ менѣе хорошо обставленныхъ станцій съ наблюдателями—добровольцами; приходится, въ извѣстныхъ случаяхъ, довольствоваться даже наблюденіями безъ инструментовъ или съ самыми дешевыми приборами.

Я нарочно останавливаюсь такъ долго и подробно на объектѣ, подлежащемъ изученію метеорологіи, и на недоступности для нея иныхъ методовъ изслѣдованія, кромѣ простыхъ, несложныхъ наблюденій,—съ тою именно цѣлью и подчеркиваю эти стороны дѣла, чтобы выяснить, что самою его сущностью метеорологія поставлена въ полную невозможность идти такимъ же быстрымъ путемъ прогресса, какимъ идутъ другія естественныя науки. Сложность и трудность изученія ея объекта съ одной стороны, невозможность опыта съ другой,—ставятъ для метеорологическаго изслѣдованія такія границы, что оно можетъ идти исключительно только медленнымъ путемъ наблюденія и кропотливаго распутыванія по небольшимъ частямъ того сложнаго клубка явленій, какимъ оказывается для изслѣдователя погода. Въ тоже время чисто физическій характеръ метеорологическихъ

явленій и чисто физическіе методы, которыми метеорологія должна пользоваться и для наблюденій, и для толкованія ими добытыхъ результатовъ, ставятъ ее въ полную зависимость отъ прогресса физическихъ знаній.

Теперь необходимо бросить бѣглый взглядъ на тѣ методы, которыми пользуется метеорологія для изученія матеріала, доставляемаго организованными извѣстнымъ образомъ по опредѣленному плану наблюденіями надъ состояніемъ атмосферы.

Самый первый, наиболѣе простой и естественный методъ для использованія метеорологическихъ наблюденій есть методъ ихъ *сравненія* между собою чисто *статистическимъ путемъ*. Въ примѣненіи къ явленіямъ погоды этотъ простой методъ далъ чрезвычайно важные и плодотворные результаты.

Наблюдая въ опредѣленные моменты метеорологическіе элементы и затѣмъ сравнивая послѣдовательныя наблюденія между собою въ каждомъ отдѣльномъ пунктѣ, мы изучаемъ этимъ способомъ измѣненія здѣсь погоды *во времени*. Изъ непродолжительнаго даже сравненія наблюденій въ одномъ и томъ же пунктѣ уже оказывается, что всѣ наблюдаемыя измѣненія погоды во времени распадаются на двѣ чрезвычайно типичныя категоріи. Одни изъ этихъ измѣненій обнаруживаютъ такую рѣзкую правильность въ своихъ повтореніяхъ съ теченіемъ времени, что *періодическій* характеръ этихъ измѣненій стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Онъ оказывается въ самой тѣсной связи съ двойнымъ вращеніемъ земли: суточнымъ вокругъ оси и годовымъ вокругъ солнца. Другая категорія измѣненій напротивъ никакой правильной повторяемости, несмотря на всѣ усилія ее обнаружить, не проявляетъ; эти послѣднія, *непериодическія* измѣненія погоды налетаютъ внезапно, безъ всякой ясно видимой причины и, накладываясь на фонъ измѣненій періодическихъ, совершенно, на первый взглядъ затемняютъ извѣстную правильность въ смѣнахъ погоды. Но тутъ-то именно и приходитъ на помощь изслѣдователю статистическій методъ; сравнивая явленіе за нѣкоторый достаточно продолжительный промежутокъ времени, вы замѣчаете въ немъ нѣкоторую правильность повтореній, если только она здѣсь, конечно, существуетъ. Законъ большихъ чиселъ, лежащій въ основѣ статистическаго метода говоритъ: если надъ извѣстнымъ явленіемъ, въ которомъ вы имѣете основанія предполагать существованіе нѣкоторой правильности, вы имѣете большое число наблюденій, то,—чѣмъ больше это число,—тѣмъ больше вѣроятность, что всякое случайное уклоненіе отъ этой правильности въ одну сторону будетъ компенсировано, уравновѣшено соотвѣтствующими случайными же уклоненіями противоположнаго знака,—въ другую сторону. Такимъ образомъ, накопивъ достаточно продолжительный рядъ наблюденій въ нѣкоторомъ пунктѣ и составляя изъ нихъ среднія величины для опредѣленныхъ промежутковъ времени или для отдѣль-

ныхъ моментовъ, вы сравниваете эти среднія изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ и получаете въ нихъ освобожденное уже отъ всякихъ непеpіодическихъ измѣненій явленіе періодическихъ перемѣнъ погоды. Чѣмъ длиннѣе рядъ наблюденій, тѣмъ надежнѣе, по закону большихъ чиселъ, отпадутъ всѣ непеpіодическія измѣненія погоды для даннаго пункта и тѣмъ яснѣе, опредѣленнѣе выступитъ существующая въ ней періодичность. Такимъ именно путемъ и изучаетъ метеорологія періодическія измѣненія погоды, выдѣливъ ихъ въ особый отдѣлъ,—*климатологію.*

Для изученія измѣненій погоды непеpіодическихъ пришлось примѣнить совершенно иной методъ,—*методъ синоптическій.*

Статистическимъ методомъ можно, какъ уже упомянуто и выше, изучить измѣненія погоды періодическія—преимущественно во времени для различныхъ пунктовъ; но статистическій методъ совершенно не даетъ картины *пространственнаго* распредѣленія измѣненій погоды. Для непеpіодическихъ измѣненій погоды оказалось необходимымъ изучить одновременныя измѣненія погоды въ пространствѣ, на большихъ площадяхъ сразу. Это-то пространственное изслѣдованіе измѣненій погоды и составляетъ сущность синоптическаго метода. Нанесите на географическую карту при помощи цифръ или особыхъ условныхъ знаковъ распредѣленіе погоды въ нѣкоторый опредѣленный моментъ или за одинъ и тотъ же промежутокъ времени,—и вы получаете возможность сразу, однимъ взглядомъ охватить картину распредѣленія погоды въ обширномъ районѣ; отсюда—и самое названіе метода *).

Такимъ именно образомъ открыто и изучено было возникновеніе непеpіодическихъ измѣненій погоды; такъ дошла метеорологія до открытія вихревыхъ движеній атмосферы и до установленія тѣсной связи между непеpіодическими измѣненіями и атмосферными вихрями;—и это было огромнымъ шагомъ впередъ по сравненію съ статистическимъ методомъ. Оказалось даже послѣ того, какъ удалось привлечь телеграфъ къ метеорологической службѣ, что пользуясь синоптическимъ методомъ, возможно достаточно опредѣленно, оставаясь на чисто практической почвѣ, предсказывать вообще будущую погоду, хотя въ общихъ чертахъ и на небольшіе сроки впередъ. Такъ именно сложился особый отдѣлъ метеорологіи, преслѣдующій чисто практическія цѣли предсказанія погоды,—*синоптическая метеорологія.*

При наблюденіи явленій погоды приходится, однако, считаться еще съ однимъ чрезвычайно важнымъ обстоятельствомъ. Человѣкъ живетъ на поверхности земли,—на днѣ того воздушнаго океана, который является ареною безконечно разнообразныхъ смѣнъ погоды,—и наблю-

*) Греческое слово συνόπτομαι именно и означаетъ: вмѣстѣ, сразу, въ совокупности разсматриваю.

дать можетъ только тѣ слои атмосферы, которые ему непосредственно доступны; а тѣ слои атмосферы, которые лежатъ надъ нимъ и которые несомнѣнно играютъ въ высшей степени важную въ явленіяхъ погоды роль,—эти слои остаются ему непосредственно недоступными. Огромное значеніе этихъ высшихъ слоевъ атмосферы для изученія явленій погоды издавна сознавалось всѣми, занимавшимися метеорологіею, и натуралисты съ давнихъ поръ стремились заглянуть въ эти таинственныя отдѣленія лабораторіи погоды. Только что научился человѣкъ научно наблюдать метеорологическія явленія, онъ уже стремится воспользоваться горами, чтобы сдѣлать наблюденія надъ погодою въ этихъ, иначе недоступныхъ ему слояхъ атмосферы; такимъ образомъ, устраиваются въ различныхъ точкахъ земного шара горныя станціи. Изобрѣтаются воздушные шары, и однимъ изъ первыхъ полетовъ въ высокіе слои атмосферы уже пользуется Гей-Люссакъ, чтобы произвести метереологическія наблюденія на неслыханныхъ до тѣхъ поръ высотахъ въ 7 километровъ. Чѣмъ дальше развивается воздухоплаваніе, тѣмъ чаще и чаще подымаются метеорологи, чтобы только не упустить случая увеличить еще однимъ число этихъ рѣдкихъ наблюденій. Мало по малу этимъ путемъ удается достигнуть высоты 11 километровъ,—подняться съ метеорологическими приборами на 3 километра выше Гауризанкара, высочайшей изъ горныхъ вершинъ земного шара.

Но подъемы большихъ воздушныхъ шаровъ дороги, а потому рѣдки; если они сдѣлались за послѣднее время нѣсколько чаще, то—только потому, что въ подъемахъ этихъ теперь заинтересовалось военное вѣдомство. Дороговизна такихъ подъемовъ, во всякомъ случаѣ, не позволяетъ ими пользоваться часто, для текущихъ наблюденій; этимъ путемъ, слѣдовательно, метеорологическія наблюденія въ высокихъ слояхъ атмосферы могутъ быть только случайными, единичными, не систематическими. А въ то же время эти случайныя наблюденія все больше и больше выясняютъ чрезвычайно важную роль высокихъ слоевъ въ явленіяхъ погоды, все рѣзче и рѣзче подчеркиваютъ настоятельную необходимость болѣе систематическихъ тамъ наблюденій.—Какъ же быть?

Наука вышла и здѣсь изъ затрудненія,—и вышла очень поучительнымъ путемъ. Не неизвѣстны въ наукѣ случаи, когда ничтожные на первый взглядъ поводъ или средство вели къ открытіямъ первостепенной важности. Вспомнимъ только качанія лампады, приведшія Галилея къ открытію законовъ колебаній маятника, яблоко Ньютона, о которомъ легенда говоритъ—какъ о поводѣ къ открытію и формулированію законовъ тяготѣнія. Дѣтская забава съ очковыми стеклами натолкнула на мысль о зрительной трубѣ и микроскопѣ. Дѣтскій волчокъ разъяснилъ намъ въ значительной степени явленіе прецессіи при движеніи земли около солнца. И съ вопросомъ о наблюденіи измѣне-

ній погоды въ высшихъ слояхъ атмосферы произошло тоже: на выручку метеорологамъ пришла дѣтская игрушка. Летающій резиновый шаръ и бумажный змѣй,—эти любимыя дѣтскія забавы,—рѣшили выдвинутый вопросъ.

Изготовивъ резиновый шаръ,—совершенно такой же, какъ и игрушечные дѣтскіе шары, но только нѣсколько большихъ размѣровъ,—наполнивъ его на $^1/_3$ водородомъ и подвязавъ къ нему легкій приборъ для автоматической записи метеорологическихъ элементовъ, снабдивъ его, наконецъ, крупною надписью съ просьбою къ нашедшему его о доставкѣ найденнаго въ опредѣленный пунктъ, шаръ отпускаютъ на свободу. Благодаря легкости водорода, шаръ быстро летитъ кверху; водородъ, расширяясь свободно, поддерживаетъ до извѣстнаго предѣла его подъемную силу; затѣмъ, на нѣкоторой, обыкновенно достаточно большой высотѣ шаръ лопается, раздувшись до крайнихъ возможныхъ предѣловъ. Маленькій парашютъ, которымъ снабжается шаръ, или другія приспособленія даютъ возможность самопишущимъ инструментамъ опуститься безъ порчи на землю. Пустившій шаръ получаетъ, такимъ образомъ, точную запись всѣхъ тѣхъ условій, которыя встрѣтилъ такой *шаръ-зондъ* при своемъ подъемѣ и опусканіи. Записи, этимъ путемъ добытыя, въ настоящее время уже имѣются до высоты 23 километровъ.

Еще большую услугу дѣлу изслѣдованія высокихъ слоевъ атмосферы оказали *змѣи*. Нѣсколько измѣнивъ форму общеизвѣстной дѣтской игрушки, американскіе метеорологи впервые указали на нее, какъ на средство, вполнѣ пригодное для указанной цѣли. Въ видоизмѣненной своей формѣ, легко и свободно поднимаясь при слабомъ даже вѣтрѣ на воздухъ, змѣй устойчиво держится на достигнутой имъ высотѣ; при этомъ оказывается, что давленіе вѣтра, его поддерживающее, настолько, вообще, велико, что змѣй достаточной величины въ состояніи еще поднять и подвязанные къ нему самопишущіе инструменты. Если одного змѣя мало для этого, къ нему подвязываютъ другой, къ этому третій и т. д., образуя изъ нихъ общеизвѣстный «тэндемъ». Этимъ способомъ оказалось возможно поднять метеорологическіе приборы до высоты 5.400 метровъ и, поддерживая здѣсь змѣи достаточно долго, получить непрерывную запись всѣхъ измѣненій погоды на этой высотѣ. Въ Блю-Хилльской обсерваторіи (на Голубой горѣ, близъ Бостона) Ротчу удалось продержать змѣи непрерывно въ теченіе трехъ сутокъ на высотѣ около 3 километревъ. Запуская змѣи съ движущагося парохода, въ настоящее время получаютъ уже данныя и относительно погоды для массъ воздуха, расположенныхъ надъ океаномъ.

Приспособивъ змѣи и шары-зонды, человѣкъ нашелъ такимъ путемъ надежный способъ выйти въ любой моментъ изъ того тонкаго горизонтальнаго слоя, который непосредственно ему доступенъ,—сумѣлъ отъ горизонтальной поверхности, картину которой даетъ ему синоп-

тическій методъ, перейти къ третьей координатѣ,—къ вертикальнымъ измѣненіямъ состоянія атмосферы. Съ шарами-зондами и змѣями ему явилась возможность достигнуть высотъ болѣе 20 километровъ,—такихъ высотъ, гдѣ температура уже опустилась до —65°, а давленіе барометра на самопишущихъ приборахъ упало до 20 миллиметровъ. Если вспомнить, что на уровнѣ моря это давленіе барометра въ среднемъ можно считать равнымъ 760 миллиметрамъ, то на высотахъ болѣе 20 километровъ оно уже упало до 0,03 своей начальной величины у земной поверхности. При этихъ условіяхъ, значитъ, уже 0,97 всей массы атмосферы оставалось внизу, подъ нашими самопишущими инструментами; 0,97 всей массы атмосферы этими инструментами уже были пройдены и состояніе этого слоя ими зарегистрировано. Только, значитъ, 0,03 всей массы атмосферы осталось еще пройти метеорологическимъ инструментамъ.

Въ прекрасной книжкѣ *) американскаго метеоролога, Л. Ротча, приведена чрезвычайно поучительная, небольшая иллюстрація того, какъ человѣкъ постепенно и послѣдовательно завоевывалъ воздушный океанъ, поднимаясь отъ земли вверхъ. На рисункѣ нанесены сбоку: справа высоты въ миляхъ, слѣва — барометрическое давленіе въ англійскихъ дюймахъ на этихъ высотахъ. На соотвѣтствующихъ высотахъ нарисованы различныя, наблюдаемыя здѣсь формы облаковъ,—отъ низкихъ дождевыхъ и слоистыхъ, плавающихъ на небольшихъ высотахъ у самой почти поверхности земли, до наиболѣе высокихъ перистыхъ, носящихся на высотахъ отъ 9 до 14 километровъ,—чуть не вдвое превосходящихъ высочайшія горныя вершины Азіи. Отъ поверхности земли постоянно все выше и выше поднимается человѣкъ со своими инструментами, чтобы изучить погоду. Строится башня Эйфеля; ее немедленно утилизируютъ для помѣщенія на ней на разныхъ высотахъ метеорологическихъ приборовъ. Поднимаясь на горы, человѣкъ забирается мало-по-малу на вершину Монблана и тамъ, не взирая на величайшія трудности, которыя ему ставитъ природа, строитъ свою метеорологическую обсерваторію на высотѣ 4.500 метровъ. Но есть горы и выше: почему же не попробовать подняться и туда съ инструментами?—И вотъ, на вершинѣ Эль-Мисти въ Перуанскихъ Кордильерахъ, на высотѣ 5.850 метровъ устраивается станція. Жизнь на ней, среди постоянныхъ снѣжныхъ бурь, при чрезвычайно низкихъ температурахъ, такъ тяжела, что наблюдатель не въ состояніи выдержать здѣсь даже мѣсяца. Но вѣдь есть самопишущіе приборы, и они выручаютъ и здѣсь наблюдателя; непрерывныя записи погоды получены на этихъ высотахъ. Подъемъ воздушнаго шара съ Глэшеромъ оказывается уже выше неприступныхъ вершинъ Гималаевъ; но Бэр-

*) A. Lawrence Rotch. „Sounding the Ocean of air". London, 1900, p. 22.

сонъ и Зюрингъ въ Берлинѣ побиваютъ въ 1901 году и этотъ рекордъ, поднявшись до высоты 11.000 метровъ. Шары-зонды поднимались, какъ уже упомянуто, до высотъ 23 километровъ, и эти подъемы, принесшіе намъ точную запись погоды во всемъ пройденномъ слоѣ, не единичны. А со своими змѣями, свободно поднимающимися чуть-чуть не до вершины Монблана, метеорологія уже располагаетъ здѣсь непрерывными записями почти безъ всякихъ особыхъ усилій; и эти записи—тоже не единичныя. Въ настоящее время ежемѣсячно въ опредѣленный день цѣлый рядъ пунктовъ отъ Испаніи до Урала выпускаетъ почти одновременно свои шары-зонды и змѣи. Въ Берлинѣ, Павловскѣ, Траппѣ (близъ Парижа) и Блю-Хиллѣ метеорологическія обсерваторіи ежедневно производятъ подъемы змѣевъ на высоту нѣсколькихъ километровъ.

Для того, чтобы окончательно разобраться въ наблюдаемыхъ нами непрерывно смѣнахъ погоды, мало еще, однако, изучить періодическія ея измѣненія, обнимающія только одну половину изслѣдуемаго вопроса. Мало и картографическаго изученія ея неперіодическихъ измѣненій, дающаго картину погоды въ горизонтальной плоскости по двумъ координатамъ. Не рѣшаютъ окончательно вопросовъ погоды и наблюденія въ высокихъ слояхъ атмосферы, хотя существенно расширяютъ картину измѣненій погоды, раздвигая наши представленія отъ тѣснаго горизонтальнаго слоя, граничащаго съ земной поверхностью, на большую часть атмосферы. Только тогда, когда мы уяснимъ себѣ вполнѣ весь механизмъ возникновенія и постепеннаго развитія и распространенія на всю толщу атмосферы и періодическихъ, и неперіодическихъ измѣненій погоды,—только тогда, когда мы будемъ въ состояніи наперед сказать, въ какую сторону направятся возможныя измѣненія погоды въ опредѣленномъ пунктѣ или въ цѣломъ районѣ,—только тогда мы будемъ имѣть право сказать, что мы овладѣли явленіемъ погоды, что мы изучили вполнѣ законы, управляющіе ея постоянными смѣнами. Ни статистическій, ни синоптическій методъ этого не дали, да и по существу дѣла дать не могли;—а, между тѣмъ, это конечная задача метеорологіи. Какимъ же путемъ можетъ быть достигнуто ея рѣшеніе?

Въ началѣ настоящей статьи указано, что метеорологія—физика атмосферы и ничѣмъ инымъ и быть по самому существу дѣла не можетъ. Поэтому отвѣтъ на поставленный вопросъ совершенно ясенъ. Необходимо, значитъ, примѣнять уже извѣстные законы физики и механики къ анализу явленій погоды, изучать эти явленія, интерпретировать ихъ съ точки зрѣнія методовъ и законовъ механики и физики, смотрѣть на метеорологію, какъ на физику атмосферы,—и ничего болѣе!

За послѣднее время это именно теченіе, сначала робко и не рѣ-

шительно выставленное, какъ основной методъ метеорологическаго изслѣдованія и анализа, начавшее примѣнять законы и принципы физики и механики къ анализу явленій погоды, выдвинулось въ метеорологіи съ особенною силою: на смѣну статистическому и синоптическому методамъ выступили методы чисто физическаго и математическаго анализа. Результатъ получился поразительный: изъ узкой области климатологіи и изъ синоптической метеорологіи, ощупью искавшихъ дороги къ познанію и уясненію явленій погоды, метеорологія быстрыми шагами превращается въ дѣйствительную физику атмосферы. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше и больше остаются позади и статистическій, и синоптическій методы, тѣмъ дальше и дальше развиваются дѣйствительныя динамика и термодинамика атмосферы *). Все больше и больше выясняются темныя и запутанныя стороны ученія о погодѣ, и все рѣзче вырисовывается тотъ путь, которымъ только можетъ и должно идти дѣйствительное уразумѣніе механизма погоды. И статистическій, и синоптическій методы дали очень много и, вѣроятно, дадутъ еще многое, дополняя чисто *физическій методъ*; но они должны теперь отойти во всякомъ случаѣ, на второй планъ. Имена Ферреля, Гульдберга и Мона, Ханна, Гельмгольтца, Бецольда, Бьеркнесса и др., положившихъ основанія этому физическому методу интерпретаціи явленій погоды, останутся на всегда вписанными въ лѣтописи метеорологіи.

Только оставаясь на почвѣ фактовъ и законовъ физики и механики уразумѣли мы, откуда могли возникнуть неперіодическія измѣненія погоды; на этой почвѣ разъясненъ весь циклъ періодическихъ измѣненій. На этой исключительно почвѣ явилась возможность прослѣдить въ деталяхъ возникновеніе и механизмъ вихревыхъ движеній въ атмосферѣ. Такимъ же путемъ разъясненъ механизмъ возникновенія облаковъ. Дошло даже до того, что, разсуждая теоретически на почвѣ законовъ физики, Гельмгольтцъ указалъ на существованіе и размѣры воздушныхъ волнъ, и наблюденія надъ волнистыми облаками, произведенныя по указанію Гельмгольтца, вполнѣ подвердили его теоретическія идеи и указанія,—подтвердили до такой степени, что измѣренныя длины воздушныхъ волнъ оказались совершенно одинаковыми съ вычисленными Гельмгольтцемъ теоретически. Здѣсь повторилась, слѣдовательно, въ миніатюрѣ исторія открытія планеты Нептуна: объектъ, указанный и предвычисленный теоретически, только послѣ того уже былъ подвергнутъ наблюденію и изслѣдованію, подтвердившему вѣрность теоретическихъ указаній.

Человѣкъ сумѣлъ уже, такимъ образомъ, наблюдать и записать

---

*) Подъ именемъ динамики разумѣютъ обыкновенно ту часть механики, которая разсматриваетъ различныя движенія тѣлъ; термодинамика—отдѣлъ физики, трактующій о превращеніяхъ тепловой энергіи.

физическое состояніе 0,97 всей массы атмосферы; онъ нашелъ и путь для точнаго анализа, для плодотворной интерпретаціи добытыхъ наблюденіями фактовъ. Это не значитъ, что масса атмосферы вполнѣ уже изучена. Но все, что до сихъ поръ достигнуто въ метеорологіи, весь ходъ ея развитія за послѣднее время, вся сумма ея успѣховъ—не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что метеорологія, идя только путемъ чисто физическаго изслѣдованія, встала на твердый путь въ дѣлѣ изученія окружающаго насъ воздушнаго океана.

Конечная цѣль метеорологіи—выяснить себѣ вполнѣ весь механизмъ погоды,—выяснить настолько, чтобы по данному состоянію атмосферы можно было напередъ съ увѣренностію сказать, какъ пойдутъ впредь всѣ измѣненія погоды. Такова, слѣдовательно, ея конечная, идеальная, рисующаяся въ безконечно отдаленномъ будущемъ задача. Но метеорологіи, какъ уже и было указано въ началѣ, предъявляется требованіе немедленно, сейчасъ же предсказывать погоду на возможно далекіе сроки впередъ, совершенно не сообразуясь съ ея настоящимъ состояніемъ. Вотъ объ этой-то сторонѣ дѣла и остается теперь сказать еще нѣсколько словъ.

Стремленіе утилизировать научныя данныя для практическихъ цѣлей, примѣнить чистую науку къ житейскому, такъ сказать, обиходу,—вполнѣ естественное явленіе въ человѣческомъ обществѣ. Влекомый къ изслѣдованію и разъясненію непонятныхъ для него явленій окружающаго міра, человѣкъ стремится всякое свое завоеваніе въ этомъ направленіи немедленно использовать и примѣнить къ своимъ житейскимъ, обыденнымъ дѣламъ и потребностямъ. И это—законное стремленіе превратить работу, потраченную на научныя завоеванія, въ реальное благо,—законное стремленіе увеличить свое благосостояніе и благосостояніе своихъ окружающихъ на счетъ того огромнаго труда, того умственнаго и физическаго напряженія, котораго требуютъ всѣ научныя завоеванія. Это стремленіе такъ велико въ человѣкѣ, что нерѣдко—прежде, чѣмъ наблюдаемые и изучаемые имъ факты облекутся въ стройную систему явленій, подчиненныхъ строгой и опредѣленной законности,—человѣкъ уже спѣшитъ воспользоваться самыми первыми, часто невѣрными еще своими научными шагами для своего ежедневнаго обихода.

Явленіе это, общее всѣмъ, вообще, наукамъ, въ области метеорологіи выразилось, пожалуй, всего сильнѣе и рѣзче, проявилось раньше, чѣмъ въ какой либо другой научной области. Это, впрочемъ, и понятно вполнѣ. Жизнь человѣка и его благосостояніе настолько тѣсно связаны или переплетены съ погодою, что стремленіе заранѣе угадать эту погоду, предвидѣть ея возможныя измѣненія должно было явиться раньше, чѣмъ сложилась самая наука, разсматривающая эту погоду—

какъ предметъ научнаго изслѣдованія. И въ тоже самое время эта именно близость, если можно такъ выразиться, явленій погоды къ жизни человѣка, пріучившая его смотрѣть на эту погоду—какъ на нѣчто совершенно обыденное, заурядное, казавшееся такимъ простымъ и естественнымъ, притупила его интересъ къ ея научному изслѣдованію. Тогда какъ астрономія уже свыше 2000 лѣтъ сложилась въ опредѣленную, строгую научную дисциплину, метеорологія много—много 100—150 лѣтъ тому назадъ сдѣлалась предметомъ научнаго изслѣдованія. «Ничто такъ не отталкиваетъ интереса въ человѣкѣ, какъ именно обыденность»—афоризмъ, вполнѣ оправдавшійся въ примѣненіи къ метеорологіи. Однако это обстоятельство, повторяю, не помѣшало тому, чтобы человѣкъ, не зная совсѣмъ еще, что и какъ ему слѣдуетъ наблюдать, чтобы изучить погоду, уже стремился ее предсказывать: подсмотрѣть прямо нѣкоторую правильность въ смѣнахъ погоды могло казаться такъ просто и соблазнительно. Библія, Гезіодъ, Гомеръ и т. д.,—самые первые памятники человѣческой письменности, насчитывающіе цѣлыя тысячелѣтія своего существованія,—уже свидѣтельствуютъ, что и въ тѣ отдаленныя времена,—на зарѣ человѣческой культуры,—жило желаніе воспользоваться самыми грубыми, примитивными наблюденіями для предсказанія погоды. Въ Евангеліи имѣются прямыя указанія, что уже 2000 почти лѣтъ тому назадъ извѣстныя наблюденія отлились въ опредѣленную формулу, позволяющую судить о завтрашней погодѣ. Народныя примѣты, существующія съ незапамятныхъ временъ у всѣхъ народовъ,—наглядное доказательство того, что это стремленіе было всеобщимъ.

Нечего, поэтому, и удивляться тому, что задолго до начала правильныхъ метеорологическихъ наблюденій уже достаточно опредѣленно формулированы были даже способы для изученія и предсказанія погоды. Правильныя наблюденія начались только въ самомъ концѣ XVIII столѣтія; а въ 1759 году 8 мая предъ ареопагомъ Петербургской Академіи Наукъ М. В. Ломоносовъ уже говорилъ вотъ что *). «Предзнаніе погодъ коль нужно и полезно на землѣ, вѣдаетъ то больше земледѣлецъ, которому во время сѣянія и жатвы—ведро, во время ращенія—дождь, благорастворенный теплотою, надобенъ; на морѣ знаетъ плаватель, которому коль бы великое благополучіе было, когда-бъ онъ всегда указать могъ на ту страну, съ которой долговременные потянутъ вѣтры, или внезапная ударитъ буря»... «Все сіе по истинной теоріи ничѣмъ другимъ, какъ частыми и вѣрными мореплавающихъ наблюденіями и записками перемѣнъ воздуха утверждено

*) Ломоносовъ. Разсужденіе о большой точности морского пути. Заимствовано мною изъ „Новѣйшихъ успѣховъ метеорологіи" А. В. Клоссовскаго, Одесса, 1882 г. стр. 324.

и въ порядокъ приведено быть должно. А особливо, когда бы въ различныхъ частяхъ свѣта, въ разныхъ государствахъ тѣ, кои мореплаваніемъ пользуются, учредили самопишущія метеорологическія обсерваторіи, въ коихъ расположенію и учрежденію съ разными новыми инструментами имѣю новую идею, особливаго требующую описанія»... Синоптическая метеорологія спеціально занимающаяся техникою предсказанія погоды, родилась въ пятидесятыхъ годахъ минувшаго XIX вѣка, а В. Н. Каразинъ 15 марта 1810 г. въ Московскомъ Обществѣ любителей естествознанія, на много ранѣе Гумбольдта, по иниціативѣ котораго началась дѣятельная организація наблюденій, указалъ уже на необходимость покрыть Россію правильною сѣтью обсерваторій отъ Колы до Тифлиса и отъ Либавы до Нижне-Колымска.

Но что-же можно было, однако, сдѣлать въ дѣлѣ предсказанія погоды при отсутствіи самой науки о погодѣ? Или что могла дать въ этомъ вопросѣ только-что народившаяся наука?

До возникновенія науки о погодѣ дѣло предсказанія ея дальше случайныхъ, отрывочныхъ, несвязанныхъ никакимъ общимъ планомъ наблюденій надъ наиболѣе выдающимися, бросающимися въ глаза фактами и пойти, очевидно, не могло. Сопостановленіе такихъ отрывочныхъ, не систематизированныхъ наблюденій только и привело къ появленію краткихъ формулъ для предсказанія погоды въ видѣ народныхъ примѣтъ, нерѣдко дающихъ цѣнныя указанія, такъ какъ въ основѣ ихъ лежатъ хотя и случайныя, но вѣрныя наблюденія, но еще чаще пытающихся связать явленія, между собою ничего общаго не имѣющія.

Съ появленіемъ метеорологіи—какъ науки о погодѣ,—съ началомъ правильныхъ метеорологическихъ наблюденій дѣло предсказанія погоды должно было, казалось бы, быстро двинуться впередъ. На самомъ дѣлѣ оказалось нѣсколько иное. Хотя наблюденія,—систематическія, планомѣрныя и вполнѣ надежныя,—существуютъ уже свыше 100 лѣтъ, но, пока изученіе и развитіе основныхъ законовъ и положеній физики не достигло извѣстной степени высоты,—какъ же можно было приложить эти законы къ физикѣ цѣлой земной атмосферы? Какъ же можно было пытаться разобраться въ той грандіозной лабораторіи, гдѣ зарождаются и совершаются всѣ явленія погоды,—во всемъ необъятномъ воздушномъ океанѣ? Только медленно и осторожно, наблюдая и систематизируя факты, совершенствуя и расширяя физическіе методы наблюденія и изслѣдованія, оказалось возможнымъ начать завоеваніе этого океана; только примѣняя къ наблюдаемымъ явленіямъ и ихъ анализу законы физики, добытые кропотливыми лабораторными и кабинетными изслѣдованіями, оказалось возможнымъ овладѣть исподволь, понемногу его тайнами; только тогда-то и обрисовался мало-помалу предметъ изученія метеорологіи во всей его грандіозной сложности.

При самомъ своемъ зарожденіи метеорологія оказалась, такимъ образомъ, въ затруднительномъ положеніи. Прежде чѣмъ успѣла она ясно формулировать себѣ свои задачи, прежде чѣмъ были разработаны ею методы изслѣдованія, предъ нею стояла уже готовая практическая цѣль. Ей настойчиво предъявлялось требованіе: предсказать заранѣе, какая будетъ погода завтра? послѣ завтра? — и такъ далѣе, насколько достанетъ у молодой науки смѣлости и умѣнья провидѣть впередъ. Такая постановка дѣла сразу связывала науку, какъ говорится, по рукамъ и по ногамъ; вмѣсто того, чтобы спокойно выяснять себѣ явленія погоды, надо было заботиться еще и о выполненіи настойчиваго требованія общества. И молодая наука пыталась, насколько было это въ ея средствахъ, насколько было это ей доступно, рѣшить поставленную ей практическую задачу.

Немного болѣе 50 лѣтъ существуетъ метеорологія—какъ точная наука,—какъ физика атмосферы; и за этотъ незначительный промежутокъ времени удалось уже дѣло предсказанія погоды поставить на прочную почву,—настолько прочную, что и теперь 80—90% всѣхъ предсказаній погоды на завтрашній день оправдываются. Правда,—предсказанія даются въ общемъ видѣ, на значительные районы и на небольшіе сроки впередъ,—рѣдко больше однѣхъ сутокъ. Кромѣ общихъ предсказаній погоды дѣлаются предсказанія бурь, заморозковъ, наводненій, паводковъ на рѣкахъ. Мѣстами—напримѣръ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, гдѣ на дѣло предсказанія погоды тратятся огромныя суммы, дѣлаются попытки предсказывать погоду на два-три дня впередъ. Въ Британской Индіи явилась уже, благодаря трудамъ цѣлаго ряда талантливыхъ метеорологовъ, возможность еще шире,—до нѣсколькихъ мѣсяцевъ,—раздвинуть рамки предсказанія погоды,—по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ; конечно, это существенно облегчено въ Индіи и сравнительною простотою режима погоды.

Таково въ самыхъ общихъ чертахъ современное положеніе дѣла предсказанія погоды. И это положеніе достигнуто уже теперь, когда изучается пока главнѣйшимъ образомъ физика самыхъ нижнихъ слоевъ воздуха, непосредственно доступныхъ изслѣдованію и наблюденію человѣка, когда очень мало еще затронута физика болѣе высокихъ слоевъ атмосферы. То, что достигнуто въ настоящее время метеорологіею, не вполнѣ удовлетворяетъ современное общество. И, однако, то, что́ уже достигнуто, съ непреложною ясностію свидѣтельствуетъ, что современная метеорологія стоитъ на совершенно вѣрномъ пути, что внѣ этого пути нѣтъ и не можетъ быть успѣха! Дальнѣйшій прогрессъ въ практикѣ предсказанія погоды является такимъ образомъ тѣснѣйшимъ образомъ связаннымъ съ общимъ прогрессомъ физики вообще и съ прогрессомъ въ частности того ея отдѣла, который спе-

манской живописи не имѣлъ ни одинъ изъ извѣстныхъ или неизвѣстныхъ тамошнихъ художниковъ, хотя бы даже работавшій въ Тиролѣ *Михаилъ Пахеръ*, большой алтарный образъ котораго въ С. Вольфангѣ, болѣе поражающій своею внѣшнею роскошью, чѣмъ художественнымъ достоинствомъ, представляетъ только единичное явленіе.

Рис. 170. Гансъ Гольбейнъ Старшій. Портретъ художника (карандашный). Замокъ Шантильи, близь Парижа.

Болѣе независимо отъ иностранныхъ вліяній, чѣмъ живопись, развивалась въ продолженіи второй половины XV вѣка германская пластика. И въ этомъ случаѣ, главнымъ центромъ художественной дѣятельности являлись Франконія и Швабія, съ Нюренбергомъ во главѣ; здѣсь, со временъ готики, скульптурное творчество никогда не прекращалось, но постоянно практиковалось въ украшеніи внѣшности и внутренности церквей и т. п. Эта скульптура, изъ издѣлій только въ простыхъ матеріалахъ, въ песчаникѣ и извѣстнякѣ, но больше всего, въ деревѣ, только въ послѣдней трети столѣтія примѣнявшаяся къ большимъ произведеніямъ въ бронзѣ, еще долгое время придерживалась готическихъ формъ и только мало-по малу прорывалась изъ узъ строго замкнутыхъ архитектурныхъ формъ путемъ болѣе свободнаго наблюденія природы и стремленія къ живописному, чѣмъ и приготовлена была почва для возрожденія въ собственномъ смыслѣ слова. Изъ трехъ великихъ мастеровъ, которымъ скульптура обязана своимъ процвѣтаніемъ во второй половинѣ XV и въ первой трети XVI вѣка, *Фейтъ Штоссъ*, *Адамъ Шрафтъ* и *Петеръ Фишеръ*, послѣдній, по крайней мѣрѣ, въ послѣднемъ періодѣ своего развитія, принадлежитъ почти совершенно эпохѣ ренессанса.

Фейтъ Штоссъ (род. около 1440 г. въ Нюренбергѣ, ум. въ 1533 г.) почти въ продолженіи двадцати лѣтъ (1477—1496 г.) работалъ въ Краковѣ, прежде чѣмъ поселился въ Нюренбергѣ и создалъ тамъ произведенія, прославившія его имя. Какъ тѣсно было связано его искусство съ готическимъ средневѣковьемъ, показываютъ намъ его раннія произведенія въ Краковѣ, особенно алтарь Дѣвы Маріи въ Frauenkirche (1484 г.) съ изображеніемъ Успенія и Вознесенія Божіей

Матери (въ трехъ статуарныхъ фигурахъ) въ срединѣ и съ шестью рельефами изъ жизни ея—на створкахъ. Онъ любилъ оживленныя композиціи, усиливая впечатлѣніе подвижности фигуръ обиліемъ складокъ въ одѣяніяхъ. Его характеристики, энергичныя и разностороннія, однако, не отличаются глубиною, и все то чувство красоты, которое въ немъ было, воплощалъ онъ въ образы Божіей Матери, которую умѣлъ неизмѣнно облечь изяществомъ и миловидностью. Въ жизни, однако, его характеръ не былъ такимъ благодушнымъ и миролюбивымъ, какъ можно было бы предполагать по этимъ изображеніямъ св. Маріи-Дѣвы. По возвращеніи въ Нюренбергъ, онъ доставилъ своему начальству массу непріятностей своею сварливостью, злобностью, недобросовѣстностью, не останавливавшеюся даже предъ измѣною отечеству; все это часто приводило этого «неспокойнаго, нечестиваго гражданина», какъ называютъ его судебные акты, въ темницу. За подлогъ онъ даже былъ приговоренъ къ смертной казни, и только во вниманіе къ его художественнымъ дарованіямъ совѣтъ судей ограничился наложеніемъ клейма. Его способность исполнять, при помощи рѣзьбы въ деревѣ, самыя обширныя и тонкія вещи была, во всякомъ случаѣ, велика, и онъ былъ самымъ излюбленнымъ рѣзчикомъ въ Нюренбергѣ и его окрестностяхъ, какъ показываетъ значительное количество алтарей, группъ распятія и тому подобныхъ произведеній, вышедшихъ изъ его мастерской, при чемъ, само собою разумѣется, между ними много непосредственно имъ выполненныхъ. Наилучшее произведеніе создалъ онъ въ доскѣ, съ вѣнкомъ изъ розъ (теперь въ Германскомъ музеѣ Нюренберга), съ погрудными изображеніями апостоловъ, пророковъ и т. д., окруженномъ тридцатью маленькими рельефами библейскаго содержанія, и въ колоссальномъ скульптурномъ произведеніи, «Ангельскомъ привѣтствіи», которое, также окруженное вѣнкомъ въ рельефѣ, свѣшивается съ потолка свода хора церкви св. Лаврентія въ Нюренбергѣ. Въ этомъ произведеніи семидесятилѣтняго старца (исполнено въ 1518 г.) чувство красоты художника выразилось въ самыхъ благородныхъ и возвышенныхъ образахъ, а мелочность въ передачѣ складокъ уступила мѣсто болѣе широкой трактовкѣ. Однако, порывистость композиціи осталось и въ этомъ произведеніи глубокой старости.

Адамъ Крафтъ (род. въ 1450 г., ум. въ 1507 г.) обладалъ глубокой, созерцательной натурой; композиція его отличается простотой и спокойствіемъ; онъ наблюдалъ непосредственно дѣйствительность. Эти особенности его искусства обнаруживаются уже въ первомъ выдающемся произведеніи, въ знаменитыхъ семи страстяхъ, первоначально стоявшихъ на дорогѣ отъ города къ кладбищу св. Іоанна, но недавно перенесенныхъ, ради большей сохранности, въ Германскій музей города и замѣщенныхъ на первоначальномъ мѣстѣ постановкой копій. Этотъ памятникъ представляетъ горельефы въ песчаникѣ, изображающіе различные, извѣстные изъ библіи случаи съ Христомъ, несущимъ крестъ по дорогѣ на Голгофу, и заканчивающіеся колоссальною группою распятія на самомъ кладбищѣ. Согласно привычкѣ, усвоенной нидерландскими живописцами, художникъ разсказываетъ въ образахъ, въ духѣ наивнаго лѣтописца, который не способенъ охватить общимъ взглядомъ имѣющійся у него матеріалъ, сочувствуетъ всякой мелочи и, по кругозору, вполнѣ стоитъ на уровнѣ своихъ современниковъ. Правда, фигура Христа облечена въ идеальный костюмъ, который средневѣковье заимствовало изъ древности, но вся толпа, окружающая Спа-

сителя, какъ воины, такъ и исполненные печали послѣдователи, представлены въ одеждахъ и образахъ тогдашней дѣйствительности, относящейся ко времени около 1480—1500 г. Фигуры коротки и приземисты, т.-е., таковы, какія художникъ могъ видѣть предъ собою, но каждая изъ нихъ проникнута своею особенною, собственною жизнію; въ одномъ изъ этихъ скульптурныхъ произведеній, въ третьей страсти: «Вы, дочери Іерусалима, плачьте не обо мнѣ, но о васъ и дѣтяхъ вашихъ», Крафтъ создалъ произведеніе, открывшее глубины германской народной души. Это источникъ, изъ котораго великій завершитель нюренбергскаго искусства, Альбрехтъ Дюреръ, почерпалъ свое болѣе богатое и содержательное вдохновеніе, чѣмъ механически работавшая мастерская Вольгемута. Рядомъ съ этими семью остановками шествія на Голгофу стоитъ другое выдающееся произведеніе Крафта, дарохранительница, въ 20 метровъ вышины, въ церкви св. Лаврентія въ Нюренбергѣ, памятникъ честолюбія его заказчика, патриція Ганса Имхофа, и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтель смѣлости, до какой доходили скульпторы, бывшіе одновременно и архитекторами. Архитектура и скульптурное украшеніе до того сплетались между собою, что не являлось и мысли о самостоятельной оцѣнкѣ того и другого, но въ цѣломъ данный своеобразный памятникъ времени производитъ всеже большое, и сильное впечатлѣніе. Все, что исполнилъ Адамъ Крафтъ въ этихъ своихъ выдающихся произведеніяхъ и въ надгробныхъ памятникахъ для патриціанскихъ фамилій въ церквахъ и капеллахъ Нюренберга, правда, не оказало широкаго вліянія на послѣдующее искусство; его воздѣйствіе ограничено было пространствомъ и временемъ. Однако, вскорѣ Нюренбергъ оказался слишкомъ тѣснымъ для цѣлой массы художественныхъ силъ, имъ вызванныхъ, и молодые, предпріимчивые художники, не находившіе себѣ достаточно работы дома, направились въ чужіе края, распространяя всюду, по всей Германіи, сѣмена и цвѣты нюренбергскаго искусства. Такимъ образомъ, сѣмена, брошенныя Адамомъ Крафтомъ, распространились и по далекимъ странамъ. Онъ былъ первымъ представителемъ истинно народнаго искусства, которое выразилось не только въ его религіозныхъ произведеніяхъ, но и въ нѣкоторыхъ созданіяхъ, которыя тогда въ нюренбергскомъ искусствѣ были еще единичными, особенно въ рельефѣ надъ воротами городскихъ вѣсовъ, гдѣ городской вѣсовщикъ взвѣшивалъ кипы товара для установленія пошлины, и въ фигурѣ подъ дарохранительницей, гдѣ изобразилъ онъ себя самого съ рѣзцомъ и молотомъ. Это первые всходы изображеній германской жизни и нравовъ, изъ которыхъ возникли подобныя же произведенія Дюрера, его учениковъ и подражателей и такъ называемыхъ «малыхъ мастеровъ» (Kleinmeister).

На большее пространство Германіи распространилась, напротивъ того, дѣятельность ваятеля изъ бронзы, *Петера Фишера* (род. около 1455 года, ум. въ 1529 г.), и его сыновей, работавшихъ до половины XVI вѣка. Литейная мастерская Фишера въ продолженіе шестидесяти лѣтъ была знаменитѣйшею и самою производительною въ Германіи; даже изъ-дали изъ Польши и Венгріи, получала она заказы отъ духовныхъ и свѣтскихъ князей, которые предпочитали имѣть надгробные памятники изъ долговѣчной бронзы, а не изъ скоро портящагося песчаника. Въ формовкѣ этихъ гробницъ Фишеръ еще строго придерживался традицій готическаго искусства. Самое раннее изъ сохранившихся его произведеній, дошедшее до насъ,—исполненная въ 1495 г. гробница архіепископа Эрнста въ Магдебургскомъ соборѣ, обнаружи-

ваетъ еще во всей неприкосновенности форму готическихъ высокихъ гробницъ, въ которыхъ фигура умершаго покоится подъ балдахиномъ. Въ фигурахъ двѣнадцати апостоловъ, окружающихъ стороны саркофага, проглядываетъ уже болѣе свободный духъ, стремленіе къ жизненной правдѣ, при чемъ, однако, не нарушено и благородство выраженія. У Фишера пониманіе дѣйствительности выражается не менѣе ярко, чѣмъ у Адама Крафта, но чувство красоты у него развито болѣе тонко, и онъ съ полной воспріимчивостью шелъ на встрѣчу новымъ формамъ, являющимся изъ Италіи, такъ какъ онѣ оживляли, дѣлали болѣе веселымъ и художественнымъ архитектурный остовъ готики. *Германъ Фишеръ*, старшій сынъ мастера, въ 1516 году самъ побывалъ въ Италіи и привезъ оттуда такую массу собственныхъ рисунковъ и чужихъ гравюръ, что отцовская мастерская могла оттуда черпать многіе годы. Германъ Фишеръ, умершій отъ несчастнаго случая еще въ 1517 году, должно быть, былъ самымъ даровитымъ изъ сыновей мастера, и ему принадлежитъ существенная часть работы въ главномъ произведеніи Петера Фишера, въ гробницѣ Себальда въ церкви св. Себальда въ Нюренбергѣ, начатой въ 1508 году, законченной въ 1519 году, которая является краеугольнымъ камнемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ показателемъ высоты развитія германскаго искусства. Исходя, при постройкѣ, изъ законовъ готическаго искусства композиціи, это произведеніе даетъ возможность ясно видѣть, какъ въ продолженіе работы надъ этимъ труднымъ произведеніемъ мало-по-малу проникали въ него формы итальянскаго искусства и серьезное, чисто германское настроеніе смѣнялось болѣе свѣтлымъ духомъ итальянскаго ранняго ренессанса. Подъ балдахиномъ о трехъ куполахъ подымается серебряный саркофагъ съ мощами святого на фундаментѣ, продольныя стороны котораго украшены четырьмя рельефами, на которыхъ въ живой народной манерѣ Адама Крафта изображены сцены изъ жизни святого. До болѣе высокаго благородства формъ, впрочемъ, поднялось фишеровское искусство въ фигурахъ двѣнадцати апостоловъ, стоящихъ на консоляхъ восьми столбовъ, несущихъ балдахинъ, въ двѣнадцати стоящихъ выше, на столбахъ, пророкахъ и въ вѣнчающемъ средній куполъ младенцѣ Христѣ съ державою въ рукѣ. Кромѣ того вся постройка покрыта массою маленькихъ скульптуръ, частью христіанскаго, частью языческаго характера, героями ветхаго завѣта, сиренами, тритонами, сатирами и играющими дѣтьми, нагія тѣла которыхъ онъ передавалъ съ видимымъ наслажденіемъ красотою молодого человѣческаго тѣла. На узкихъ сторонахъ фундамента онъ представилъ на одной сторонѣ—св. Севальда, на другой—себя самого въ фартукѣ и шапочкѣ (рис. 171). Онъ могъ удостоиться этой чести, такъ какъ онъ создалъ произведеніе, которое, какъ совершенно справедливо было замѣчено, имѣло для Германіи подобное же, составляющее эпоху, значеніе, какое для Флоренціи и Италіи имѣли нѣкогда бронзовыя двери Гиберти.

Еще многія другія большія и характерныя произведенія, широкораспространившія славу мастера, вышли изъ мастерской Фишера и его сыновей, изъ которыхъ Петеръ Фишеръ Младшій (ум. 1528 г.) работалъ самостоятельно. Самыми значительными произведеніями были стоячія статуи короля Теодориха и короля Артура Англійскаго для гробницы императора Максимиліана въ придворной капеллѣ въ Инсбрукѣ, надгробныя плиты кардинала Альбрехта Бранденбургскаго въ замковой церкви Ашенбурга, надгробный памятникъ кардинала

Фридриха въ Краковскомъ соборѣ и двойная гробница курфюрстовъ Іоанна Цицеро и Іоахима I въ Берлинскомъ соборѣ, по смерти Старшаго Фишера, законченная его сыномъ, Гансомъ, продолжавшимъ руководство мастерскою до 1549 года, когда она должна была закрыться за недостаткомъ заказовъ. Тогда Нюренбергъ пересталъ уже быть центромъ художественной жизни. По красотѣ и разнообразію, гробница св. Себальда, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ, стоитъ непревзойденною не только среди произведеній Фишера, но и всего его времени. По этому понятно, что всѣ значительныя скульптурныя произведенія Нюренберга изъ этой художественной эпохи, исполнители которыхъ неизвѣстны, приписываются Фишеровской мастерской и между ними знаменитая скорбящая Мать въ Германскомъ музеѣ, остатокъ группы распятія, къ которой, кромѣ Распятаго, еще принадлежалъ и св. Іоаннъ Евангелистъ, который изображается въ соотвѣтствіи Божіей Матери у креста. Вырѣзанная въ деревѣ, по художественной трактовѣ одежды и по благородному выраженію скорбнаго чувства, эта статуя стоитъ рѣшительно ближе къ мастерской Петера Фишера, чѣмъ къ Фейту Штоссу или какому либо другому скульптору.

Рис. 171. Петеръ Фишеръ. Собственная статуя художника. Нюренбергъ.

По размѣру своей дѣятельности, какъ рѣзчикъ въ деревѣ и камнѣ, но никакъ не по художественному значенію, съ великими мастерами Нюренберга можетъ быть поставленъ важнѣйшій художникъ Нижней Франконіи, родомъ изъ Остероде въ Гарцѣ, *Тильманъ Рименшнейдеръ* (1460—1531 г.), который въ 1483 году поселился въ Вюрцбургѣ и оттуда до самой смерти снабжалъ рѣзными алтарями и каменными скульптурами церкви Вюрцбурга и его окрестностей. У него не было недостатка въ способности и даже красиво, въ духѣ времени, передавать отдѣльныя фигуры изящно, но онъ не былъ въ силахъ художественно овладѣть большимъ числомъ фигуръ, и въ драпировкѣ одежды, угловатыя складки которой трактовались совершенно въ неловкой техникѣ поздней готики, ему не удавалось дойти до свободы нюренбергскихъ мастеровъ. Все, что въ то время возникло въ области скульптуры въ Вюрцбургѣ и его окрестностяхъ, приписывается ему. Достовѣрно его произведеніями признаются и многіе алтари въ нижнефранконскихъ церквахъ, каменная гроб-

ница императора Генриха II и его супруги въ Бамбергскомъ соборѣ и каменныя статуи Адама и Евы на порталѣ церкви св. Маріи въ Вюрцбургѣ. Эти послѣднія статуи, какъ первые этюды новаго времени съ живой натуры, для южной Германіи имѣютъ такое же значеніе, какъ фигуры прародителей Адама и Евы, на Гентскомъ алтарѣ въ Нидерландахъ.

Въ Швабіи болѣе практиковалась рѣзьба въ деревѣ, чѣмъ каменная скульптура. Въ Ульмѣ самымъ значительнымъ мастеромъ былъ *Іоргъ Сирлинъ* (около 1430—1491 г.), главное произведеніе котораго—сидѣнья хора въ Мюнстерѣ съ тремя рядами полуфигуръ, представителей язычества, іудейства и христіанства; по стилистическимъ особенностямъ этихъ изображеній—живой, индивидуальной характеристикѣ и тонкому чувству природы—и еще нѣкоторыя произведенія, принадлежащія частнымъ лицамъ, признаются за произведенія этого художника. Сирлинъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и скульпторомъ въ камнѣ и въ этой области можетъ быть оцѣненъ, какъ выдающійся мастеръ, по фонтану-садку для рыбы на рынкѣ. Другія одновременныя произведенія, исполненныя въ Швабіи,—верхній алтарь въ Блаубеуренѣ и алтарь церкви св. Киліана въ Гейльброннѣ, тоже отличаются чертами рѣзко выраженной индивидуальности художниковъ, однако, имена ихъ позабыты. Неизвѣстенъ также и творецъ каменной надгробной плиты на саркофагѣ императора Людвига Баварскаго въ Frauenkirche въ Мюнхенѣ, которая въ верхней половинѣ изображаетъ сидящаго на тронѣ императора предъ ковромъ, который поддерживаютъ два ангела, въ нижней—усыновленіе герцога Альбрехта III его отцомъ, герцогомъ Эрнстомъ Швабскимъ. Это скульптурное произведеніе, по величію выраженія, можетъ быть сопоставлено только съ единственнымъ, почти одновременнымъ произведеніемъ—съ роскошной мраморной гробницею императора Фридриха III въ церкви св. Стефана въ Вѣнѣ, исполненной родившимся въ Голландіи скульпторомъ *Николаемъ Лерхомъ* (ум. въ 1493 г.), который въ началѣ своей дѣятельности, можетъ быть, находился подъ вліяніемъ бургундскаго искусства.

Оживленная скульптурная дѣятельность существовала въ это время еще на Нижнемъ Рейнѣ, гдѣ Калькаръ былъ мѣстомъ дѣятельности школы рѣзчиковъ въ деревѣ, доставлявшей алтари всей окрестности. Эти скульпторы въ деревѣ, впрочемъ, отчасти были голландцы, отчасти же стояли подъ вліяніемъ нидерландскаго искусства, манеру котораго мало двинули впередъ. Сильныхъ художественныхъ личностей между ними не было, хотя въ самой отдаленной сѣверной маркѣ Германіи, въ Шлезвигѣ, сохранилось въ соборѣ обширное произведеніе деревянной скульптуры, створчатый алтарь, первоначально предназначавшійся для монастырской церкви въ Бордесгельмѣ, исполненный въ 1521 году *Гансомъ Брюггеманомъ*, о жизни котораго, впрочемъ, ничего неизвѣстно. И онъ, кажется, выучился по нидерландскимъ образцамъ, но самъ настолько прибавилъ къ этому сильнаго личнаго впечатлѣнія и сильной, по народному, крѣпкой мощи формовки, что драматическіе подвижные рельефы, которыми онъ украсилъ алтарь—въ срединѣ два рельефа съ изображеніемъ несенія креста Христомъ и Христа на крестѣ, и двѣнадцать меньшихъ рельефовъ со сценами страданій по сторонамъ, и расположенныя въ изящно отдѣланныхъ готическихъ постройкахъ статуи, между ними Адамъ и Ева, носятъ рѣшительно національный характеръ.

Подобныя указаннымъ проявленія національнаго направленія въ гер-

Рис. 172. Леонардо да Винчи. Мадонна въ гротѣ. Парижъ. Лувръ.

При самомъ своемъ зарожденіи метеорологія оказалась, такимъ образомъ, въ затруднительномъ положеніи. Прежде чѣмъ успѣла она ясно формулировать себѣ свои задачи, прежде чѣмъ были разработаны ею методы изслѣдованія, предъ нею стояла уже готовая практическая цѣль. Ей настойчиво предъявлялось требованіе: предсказать заранѣе, какая будетъ погода завтра? послѣ завтра? — и такъ далѣе, насколько достанетъ у молодой науки смѣлости и умѣнья провидѣть впередъ. Такая постановка дѣла сразу связывала науку, какъ говорится, по рукамъ и по ногамъ; вмѣсто того, чтобы спокойно выяснять себѣ явленія погоды, надо было заботиться еще и о выполненіи настойчиваго требованія общества. И молодая наука пыталась, насколько было это въ ея средствахъ, насколько было это ей доступно, рѣшить поставленную ей практическую задачу.

Немного болѣе 50 лѣтъ существуетъ метеорологія—какъ точная наука,—какъ физика атмосферы; и за этотъ незначительный промежутокъ времени удалось уже дѣло предсказанія погоды поставить на прочную почву,—настолько прочную, что и теперь 80—90% всѣхъ предсказаній погоды на завтрашній день оправдываются. Правда,—предсказанія даются въ общемъ видѣ, на значительные районы и на небольшіе сроки впередъ,—рѣдко больше однѣхъ сутокъ. Кромѣ общихъ предсказаній погоды дѣлаются предсказанія бурь, заморозковъ, наводненій, паводковъ на рѣкахъ. Мѣстами—напримѣръ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, гдѣ на дѣло предсказанія погоды тратятся огромныя суммы, дѣлаются попытки предсказывать погоду на два-три дня впередъ. Въ Британской Индіи явилась уже, благодаря трудамъ цѣлаго ряда талантливыхъ метеорологовъ, возможность еще шире,—до нѣсколькихъ мѣсяцевъ,—раздвинуть рамки предсказанія погоды,—по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ; конечно, это существенно облегчено въ Индіи и сравнительною простотою режима погоды.

Таково въ самыхъ общихъ чертахъ современное положеніе дѣла предсказанія погоды. И это положеніе достигнуто уже теперь, когда изучается пока главнѣйшимъ образомъ физика самыхъ нижнихъ слоевъ воздуха, непосредственно доступныхъ изслѣдованію и наблюденію человѣка, когда очень мало еще затронута физика болѣе высокихъ слоевъ атмосферы. То, что достигнуто въ настоящее время метеорологіею, не вполнѣ удовлетворяетъ современное общество. И, однако, то, что́ уже достигнуто, съ непреложною ясностію свидѣтельствуетъ, что современная метеорологія стоитъ на совершенно вѣрномъ пути, что внѣ этого пути нѣтъ и не можетъ быть успѣха! Дальнѣйшій прогрессъ въ практикѣ предсказанія погоды является такимъ образомъ тѣснѣйшимъ образомъ связаннымъ съ общимъ прогрессомъ физики вообще и съ прогрессомъ въ частности того ея отдѣла, который спе-

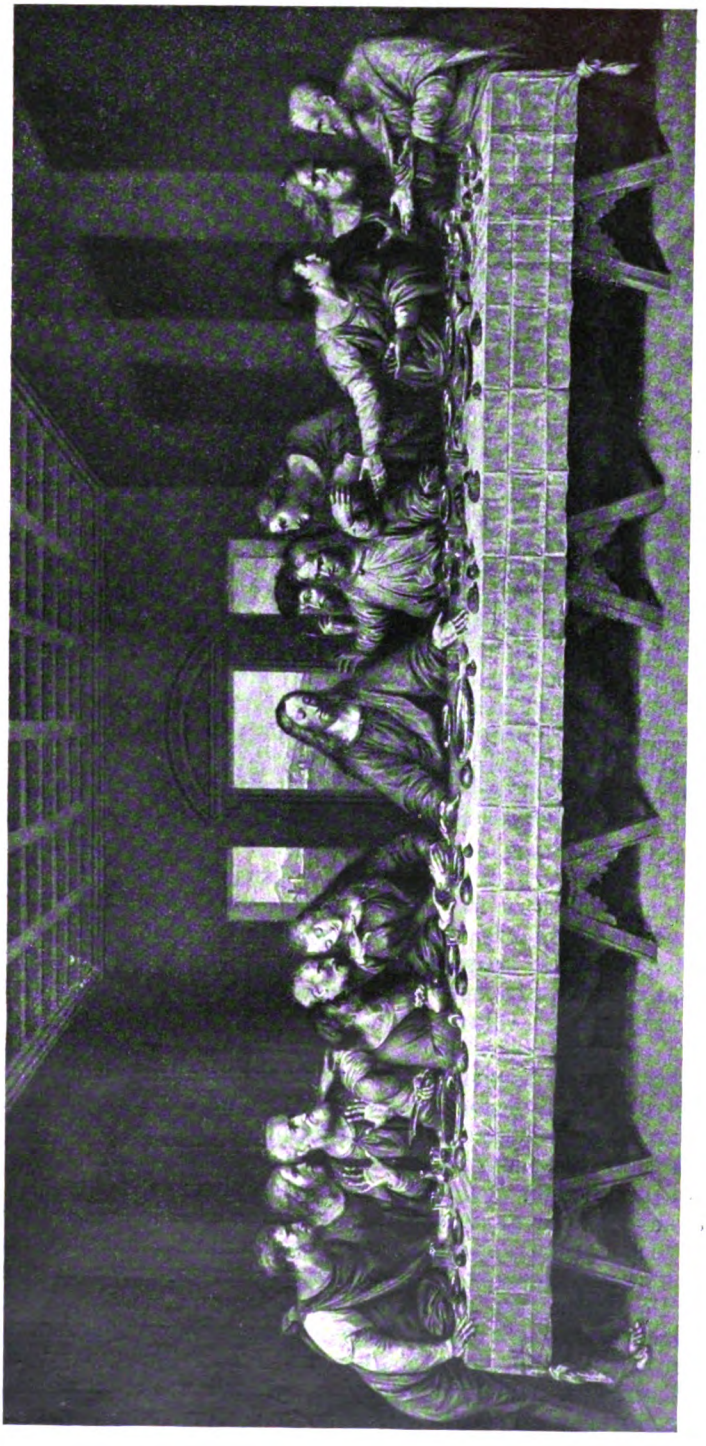


Рис. 173. Леонардо да Винчи. Тайная Вечерь. Миланъ.

При самомъ своемъ зарожденіи метеорологія оказалась, такимъ образомъ, въ затруднительномъ положеніи. Прежде чѣмъ успѣла она ясно формулировать себѣ свои задачи, прежде чѣмъ были разработаны ею методы изслѣдованія, предъ нею стояла уже готовая практическая цѣль. Ей настойчиво предъявлялось требованіе: предсказать заранѣе, какая будетъ погода завтра? послѣ завтра? — и такъ далѣе, насколько достанетъ у молодой науки смѣлости и умѣнья провидѣть впередъ. Такая постановка дѣла сразу связывала науку, какъ говорится, по рукамъ и по ногамъ; вмѣсто того, чтобы спокойно выяснять себѣ явленія погоды, надо было заботиться еще и о выполненіи настойчиваго требованія общества. И молодая наука пыталась, насколько было это въ ея средствахъ, насколько было это ей доступно, рѣшить поставленную ей практическую задачу.

Немного болѣе 50 лѣтъ существуетъ метеорологія—какъ точная наука,—какъ физика атмосферы; и за этотъ незначительный промежутокъ времени удалось уже дѣло предсказанія погоды поставить на прочную почву,—настолько прочную, что и теперь 80—90% всѣхъ предсказаній погоды на завтрашній день оправдываются. Правда,—предсказанія даются въ общемъ видѣ, на значительные районы и на небольшіе сроки впередъ,—рѣдко больше однѣхъ сутокъ. Кромѣ общихъ предсказаній погоды дѣлаются предсказанія бурь, заморозковъ, наводненій, паводковъ на рѣкахъ. Мѣстами—напримѣръ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, гдѣ на дѣло предсказанія погоды тратятся огромныя суммы, дѣлаются попытки предсказывать погоду на два-три дня впередъ. Въ Британской Индіи явилась уже, благодаря трудамъ цѣлаго ряда талантливыхъ метеорологовъ, возможность еще шире,—до нѣсколькихъ мѣсяцевъ,—раздвинуть рамки предсказанія погоды,—по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ; конечно, это существенно облегчено въ Индіи и сравнительною простотою режима погоды.

Таково въ самыхъ общихъ чертахъ современное положеніе дѣла предсказанія погоды. И это положеніе достигнуто уже теперь, когда изучается пока главнѣйшимъ образомъ физика самыхъ нижнихъ слоевъ воздуха, непосредственно доступныхъ изслѣдованію и наблюденію человѣка, когда очень мало еще затронута физика болѣе высокихъ слоевъ атмосферы. То, что достигнуто въ настоящее время метеорологіею, не вполнѣ удовлетворяетъ современное общество. И, однако, то, что́ уже достигнуто, съ непреложною ясностію свидѣтельствуетъ, что современная метеорологія стоитъ на совершенно вѣрномъ пути, что внѣ этого пути нѣтъ и не можетъ быть успѣха! Дальнѣйшій прогрессъ въ практикѣ предсказанія погоды является такимъ образомъ тѣснѣйшимъ образомъ связаннымъ съ общимъ прогрессомъ физики вообще и съ прогрессомъ въ частности того ея отдѣла, который спе-

тины, но и здѣсь его ждали еще бо́льшіе заказы. Среди привезенныхъ произведеній, повидимому, была знаменитая «Мадонна въ гротѣ», изъ личнаго владѣнія французскаго короля Франциска I перешедшая въ Лувръ (рис. 172). Это одно изъ немногихъ произведеній Леонардо—законченныхъ. Первый набросокъ, очевидно, онъ сдѣлалъ еще во Флоренціи, но по своему обыкновенію, онъ долго еще писалъ эту картину, чуть ли не до времени своего второго пребыванія въ Миланѣ, гдѣ картина эта была повторена его учениками, можетъ быть даже при его личномъ участіи, и затѣмъ воспроизведена его подражателемъ, Амбросіемъ де-Предисомъ, который снабдилъ его боковыми образами, такъ какъ копія предназначалась для алтарнаго образа въ одну изъ церквей Милана (теперь же находится въ Лондонской Національной галлереѣ). Быстро набрасывая эскизъ и скоро справляясь съ предварительною работою, окончательной обработкѣ своихъ произведеній онъ отдавалъ массу времени, постоянно недовольный сдѣланнымъ и вѣчно изводя себя исканіемъ лучшаго, постоянно стремясь къ такому совершенству, какое ему представлялось въ едва-ли достижимомъ идеалѣ. Въ этомъ неустанномъ стремленіи къ недосягаемому, онъ рѣдко заканчивалъ свои произведенія, если же и рѣшался признать что-нибудь законченнымъ, то все-таки своею работою менѣе всего оставался довольнымъ самъ. Надъ тѣмъ немногимъ, что онъ выполнилъ, тяготѣла какая-то роковая судьба. Главное произведеніе всей его жизни, модель большой конной статуи, которую властитель Милана, Людовикъ Сфорца, хотѣлъ поставить своему отцу Франциску, была разрушена во время неурядицъ, послѣдовавшихъ за сверженіемъ герцога, а его шедевръ, «Тайная Вечерь» (рис. 173), написанная для рефекторія монастыря *S-a Maria delle grazie*, подверглась столь сильной порчѣ, что предъ нашими глазами остается слабая тѣнь нѣкогда столь мощныхъ фигуръ. Виновникомъ этого былъ отчасти самъ Леонардо, такъ какъ, стремясь къ новому, вмѣсто солидной флорентійской фресковой техники, онъ напи-

Рис. 174. Мона Лиза Леонардо да Винчи. Парижъ. Лувръ.

При самомъ своемъ зарожденіи метеорологія оказалась, такимъ образомъ, въ затруднительномъ положеніи. Прежде чѣмъ успѣла она ясно формулировать себѣ свои задачи, прежде чѣмъ были разработаны ею методы изслѣдованія, предъ нею стояла уже готовая практическая цѣль. Ей настойчиво предъявлялось требованіе: предсказать заранѣе, какая будетъ погода завтра? послѣ завтра? — и такъ далѣе, насколько достанетъ у молодой науки смѣлости и умѣнья провидѣть впередъ. Такая постановка дѣла сразу связывала науку, какъ говорится, по рукамъ и по ногамъ; вмѣсто того, чтобы спокойно выяснять себѣ явленія погоды, надо было заботиться еще и о выполненіи настойчиваго требованія общества. И молодая наука пыталась, насколько было это въ ея средствахъ, насколько было это ей доступно, рѣшить поставленную ей практическую задачу.

Немного болѣе 50 лѣтъ существуетъ метеорологія—какъ точная наука,—какъ физика атмосферы; и за этотъ незначительный промежутокъ времени удалось уже дѣло предсказанія погоды поставить на прочную почву,—настолько прочную, что и теперь 80—90% всѣхъ предсказаній погоды на завтрашній день оправдываются. Правда,—предсказанія даются въ общемъ видѣ, на значительные районы и на небольшіе сроки впередъ,—рѣдко больше однѣхъ сутокъ. Кромѣ общихъ предсказаній погоды дѣлаются предсказанія бурь, заморозковъ, наводненій, паводковъ на рѣкахъ. Мѣстами—напримѣръ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, гдѣ на дѣло предсказанія погоды тратятся огромныя суммы, дѣлаются попытки предсказывать погоду на два-три дня впередъ. Въ Британской Индіи явилась уже, благодаря трудамъ цѣлаго ряда талантливыхъ метеорологовъ, возможность еще шире,—до нѣсколькихъ мѣсяцевъ,—раздвинуть рамки предсказанія погоды,—по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ; конечно, это существенно облегчено въ Индіи и сравнительною простотою режима погоды.

Таково въ самыхъ общихъ чертахъ современное положеніе дѣла предсказанія погоды. И это положеніе достигнуто уже теперь, когда изучается пока главнѣйшимъ образомъ физика самыхъ нижнихъ слоевъ воздуха, непосредственно доступныхъ изслѣдованію и наблюденію человѣка, когда очень мало еще затронута физика болѣе высокихъ слоевъ атмосферы. То, что достигнуто въ настоящее время метеорологіею, не вполнѣ удовлетворяетъ современное общество. И, однако, то, что́ уже достигнуто, съ непреложною ясностію свидѣтельствуетъ, что современная метеорологія стоитъ на совершенно вѣрномъ пути, что внѣ этого пути нѣтъ и не можетъ быть успѣха! Дальнѣйшій прогрессъ въ практикѣ предсказанія погоды является такимъ образомъ тѣснѣйшимъ образомъ связаннымъ съ общимъ прогрессомъ физики вообще и съ прогрессомъ въ частности того ея отдѣла, который спе-

Рис. 175. Леонардо да Винчи. Іоаннъ Креститель юношей. Парижъ. Лувръ.

паритъ эта дымка, смягчая жесткость ихъ очертаній, острая пластика отливается въ мягкое сліяніе всѣхъ противоположностей формъ и красокъ, и отсюда происходитъ то великое превращеніе, которое направляетъ живопись на новыя пути, намѣчается тотъ путь, по которому Корреджіо сдѣлалъ первый шагъ, а Рембрандтъ послѣдній.

Даже величайшее произведеніе, исполненіе котораго было поручено Леонардо Синьоріей во время его пребыванія во Флоренціи,—батальная картина для одной изъ стѣнъ ратуши въ Palazzo Vecchio, не пошло далѣе картона и только незначительная часть ея начата въ краскахъ. Въ предложенной задачѣ Леонардо долженъ былъ конкурировать съ другимъ великимъ художникомъ, единственнымъ достойнымъ соперникомъ, съ Микель-Анджело. Такія сильныя натуры, такіе бурные темпераменты, какъ эти два мужа, конечно, въ жизни не могли стоять рядомъ дружественно, и когда оба они были призваны дать пробу своихъ силъ на лучшемъ мѣстѣ Флоренціи, то каждый изъ

При самомъ своемъ зарожденіи метеорологія оказалась, такимъ образомъ, въ затруднительномъ положеніи. Прежде чѣмъ успѣла она ясно формулировать себѣ свои задачи, прежде чѣмъ были разработаны ею методы изслѣдованія, предъ нею стояла уже готовая практическая цѣль. Ей настойчиво предъявлялось требованіе: предсказать заранѣе, какая будетъ погода завтра? послѣ завтра? — и такъ далѣе, насколько достанетъ у молодой науки смѣлости и умѣнья провидѣть впередъ. Такая постановка дѣла сразу связывала науку, какъ говорится, по рукамъ и по ногамъ; вмѣсто того, чтобы спокойно выяснять себѣ явленія погоды, надо было заботиться еще и о выполненіи настойчиваго требованія общества. И молодая наука пыталась, насколько было это въ ея средствахъ, насколько было это ей доступно, рѣшить поставленную ей практическую задачу.

Немного болѣе 50 лѣтъ существуетъ метеорологія—какъ точная наука,—какъ физика атмосферы; и за этотъ незначительный промежутокъ времени удалось уже дѣло предсказанія погоды поставить на прочную почву,—настолько прочную, что и теперь 80—90% всѣхъ предсказаній погоды на завтрашній день оправдываются. Правда,—предсказанія даются въ общемъ видѣ, на значительные районы и на небольшіе сроки впередъ,—рѣдко больше однѣхъ сутокъ. Кромѣ общихъ предсказаній погоды дѣлаются предсказанія бурь, заморозковъ, наводненій, паводковъ на рѣкахъ. Мѣстами—напримѣръ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, гдѣ на дѣло предсказанія погоды тратятся огромныя суммы, дѣлаются попытки предсказывать погоду на два-три дня впередъ. Въ Британской Индіи явилась уже, благодаря трудамъ цѣлаго ряда талантливыхъ метеорологовъ, возможность еще шире,—до нѣсколькихъ мѣсяцевъ,—раздвинуть рамки предсказанія погоды,—по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ; конечно, это существенно облегчено въ Индіи и сравнительною простотою режима погоды.

Таково въ самыхъ общихъ чертахъ современное положеніе дѣла предсказанія погоды. И это положеніе достигнуто уже теперь, когда изучается пока главнѣйшимъ образомъ физика самыхъ нижнихъ слоевъ воздуха, непосредственно доступныхъ изслѣдованію и наблюденію человѣка, когда очень мало еще затронута физика болѣе высокихъ слоевъ атмосферы. То, что достигнуто въ настоящее время метеорологіею, не вполнѣ удовлетворяетъ современное общество. И, однако, то, что́ уже достигнуто, съ непреложною ясностію свидѣтельствуетъ, что современная метеорологія стоитъ на совершенно вѣрномъ пути, что внѣ этого пути нѣтъ и не можетъ быть успѣха! Дальнѣйшій прогрессъ въ практикѣ предсказанія погоды является такимъ образомъ тѣснѣйшимъ образомъ связаннымъ съ общимъ прогрессомъ физики вообще и съ прогрессомъ въ частности того ея отдѣла, который спе-

ются въ чудища гротесковъ, попадаются часто въ его рисункахъ, и они нашли такой радушный пріемъ у современниковъ, что въ массѣ копировались и даже рѣзались въ гравюрахъ (рис. 177). Оставилъ Леонардо въ прекрасномъ рисункѣ и свой собственный портретъ, правда, въ глубокой старости (теперь въ Туринской библіотекѣ (рис. 176).

Рис. 176. Леонардо да Винчи. Портретъ художника, нарисованный имъ самимъ.

Леонардо нашелъ себѣ покровителя въ Францискѣ I, королѣ Франціи, который любилъ и понималъ искусство. Онъ не только пріобрѣталъ всѣ картины художника, которыя только могъ, но, послѣ своего вступленія въ завоеванный Миланъ, предложилъ самому художнику послѣдовать за нимъ во Францію. Леонардо опостылѣло отечество, гдѣ ему суждено было пережить болѣе разочарованій, чѣмъ радостей, и въ началѣ 1516 года онъ послѣдовалъ за великодушнымъ своимъ покровителемъ во Францію, гдѣ король Францискъ назначилъ ему мѣстопребываніемъ замокъ Клу при Амбуазѣ. Не въ творческой работѣ, но скорѣе въ качествѣ королевскаго совѣтника по художественнымъ вопросамъ, провелъ онъ здѣсь послѣдніе годы своей жизни. 2-го мая 1519 года покончилъ свое земное поприще этотъ художникъ, о которомъ одинъ изъ его вѣрныхъ учениковъ, Франческо Мельчи, писалъ на родину своимъ соученикамъ, что «у природы не можетъ быть болѣе силъ создать ему еще разъ подобнаго человѣка».

Въ Италіи дѣятельность Леонардо оставила глубокій слѣдъ. Сѣмена, имъ брошенныя, отчасти только взошли при его жизни, обильная же жатва созрѣла послѣ его смерти, когда многочисленные ученики его претворили въ картины оставленные имъ наброски. При постоянно усиливавшемся отвращеніи его къ утомительному и требующему слишкомъ много времени исполненію картинъ масляными красками, свои композиціи Леонардо охотно предоставлялъ своимъ ученикамъ, талантъ которыхъ не былъ достаточно силенъ для самостоятельнаго творчества, но которые обладали въ достаточной степени художественной техникой, что бы не пристыдить своего учителя. Тайная

При самомъ своемъ зарожденіи метеорологія оказалась, такимъ образомъ, въ затруднительномъ положеніи. Прежде чѣмъ успѣла она ясно формулировать себѣ свои задачи, прежде чѣмъ были разработаны ею методы изслѣдованія, предъ нею стояла уже готовая практическая цѣль. Ей настойчиво предъявлялось требованіе: предсказать заранѣе, какая будетъ погода завтра? послѣ завтра? — и такъ далѣе, насколько достанетъ у молодой науки смѣлости и умѣнья провидѣть впередъ. Такая постановка дѣла сразу связывала науку, какъ говорится, по рукамъ и по ногамъ; вмѣсто того, чтобы спокойно выяснять себѣ явленія погоды, надо было заботиться еще и о выполненіи настойчиваго требованія общества. И молодая наука пыталась, насколько было это въ ея средствахъ, насколько было это ей доступно, рѣшить поставленную ей практическую задачу.

Немного болѣе 50 лѣтъ существуетъ метеорологія—какъ точная наука,—какъ физика атмосферы; и за этотъ незначительный промежутокъ времени удалось уже дѣло предсказанія погоды поставить на прочную почву,—настолько прочную, что и теперь 80—90% всѣхъ предсказаній погоды на завтрашній день оправдываются. Правда,—предсказанія даются въ общемъ видѣ, на значительные районы и на небольшіе сроки впередъ,—рѣдко больше однѣхъ сутокъ. Кромѣ общихъ предсказаній погоды дѣлаются предсказанія бурь, заморозковъ, наводненій, паводковъ на рѣкахъ. Мѣстами—напримѣръ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, гдѣ на дѣло предсказанія погоды тратятся огромныя суммы, дѣлаются попытки предсказывать погоду на два-три дня впередъ. Въ Британской Индіи явилась уже, благодаря трудамъ цѣлаго ряда талантливыхъ метеорологовъ, возможность еще шире,—до нѣсколькихъ мѣсяцевъ,—раздвинуть рамки предсказанія погоды,—по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ; конечно, это существенно облегчено въ Индіи и сравнительною простотою режима погоды.

Таково въ самыхъ общихъ чертахъ современное положеніе дѣла предсказанія погоды. И это положеніе достигнуто уже теперь, когда изучается пока главнѣйшимъ образомъ физика самыхъ нижнихъ слоевъ воздуха, непосредственно доступныхъ изслѣдованію и наблюденію человѣка, когда очень мало еще затронута физика болѣе высокихъ слоевъ атмосферы. То, что достигнуто въ настоящее время метеорологіею, не вполнѣ удовлетворяетъ современное общество. И, однако, то, что́ уже достигнуто, съ непреложною ясностію свидѣтельствуетъ, что современная метеорологія стоитъ на совершенно вѣрномъ пути, что внѣ этого пути нѣтъ и не можетъ быть успѣха! Дальнѣйшій прогрессъ въ практикѣ предсказанія погоды является такимъ образомъ тѣснѣйшимъ образомъ связаннымъ съ общимъ прогрессомъ физики вообще и съ прогрессомъ въ частности того ея отдѣла, который спе-

манской живописи не имѣлъ ни одинъ изъ извѣстныхъ или неизвѣстныхъ тамошнихъ художниковъ, хотя бы даже работавшій въ Тиролѣ *Михаилъ Пахеръ*, большой алтарный образъ котораго въ С. Вольфангѣ, болѣе поражающій своею внѣшнею роскошью, чѣмъ художественнымъ достоинствомъ, представляетъ только единичное явленіе.

Рис. 170. Гансъ Гольбейнъ Старшій. Портретъ художника (карандашный). Замокъ Шантильи, близь Парижа.

Болѣе независимо отъ иностранныхъ вліяній, чѣмъ живопись, развивалась въ продолженіи второй половины XV вѣка германская пластика. И въ этомъ случаѣ, главнымъ центромъ художественной дѣятельности являлись Франконія и Швабія, съ Нюренбергомъ во главѣ; здѣсь, со временъ готики, скульптурное творчество никогда не прекращалось, но постоянно практиковалось въ украшеніи внѣшности и внутренности церквей и т. п. Эта скульптура, изъ издѣлій только въ простыхъ матеріалахъ, въ песчаникѣ и извѣстнякѣ, но больше всего, въ деревѣ, только въ послѣдней трети столѣтія примѣнявшаяся къ большимъ произведеніямъ въ бронзѣ, еще долгое время придерживалась готическихъ формъ и только мало-по малу прорывалась изъ узъ строго замкнутыхъ архитектурныхъ формъ путемъ болѣе свободнаго наблюденія природы и стремленія къ живописному, чѣмъ и приготовлена была почва для возрожденія въ собственномъ смыслѣ слова. Изъ трехъ великихъ мастеровъ, которымъ скульптура обязана своимъ процвѣтаніемъ во второй половинѣ XV и въ первой трети XVI вѣка, *Фейтъ Штоссъ*, *Адамъ Шрафтъ* и *Петеръ Фишеръ*, послѣдній, по крайней мѣрѣ, въ послѣднемъ періодѣ своего развитія, принадлежитъ почти совершенно эпохѣ ренессанса.

Фейтъ Штоссъ (род. около 1440 г. въ Нюренбергѣ, ум. въ 1533 г.) почти въ продолженіи двадцати лѣтъ (1477—1496 г.) работалъ въ Краковѣ, прежде чѣмъ поселился въ Нюренбергѣ и создалъ тамъ произведенія, прославившія его имя. Какъ тѣсно было связано его искусство съ готическимъ средневѣковьемъ, показываютъ намъ его раннія произведенія въ Краковѣ, особенно алтарь Дѣвы Маріи въ Frauenkirche (1484 г.) съ изображеніемъ Успенія и Вознесенія Божіей

THIS BOOK IS DUE ON THE LAST DATE
STAMPED BELOW

AN INITIAL FINE OF 25 CENTS
WILL BE ASSESSED FOR FAILURE TO RETURN THIS BOOK ON THE DATE DUE. THE PENALTY WILL INCREASE TO 50 CENTS ON THE FOURTH DAY AND TO $1.00 ON THE SEVENTH DAY OVERDUE.

JAN 22 1940	
23 Jul '49 J S	
28 JUL '64 DY	
REC'D LD	OCT 7 '68 -6PM

LD 21-1

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C042637264

ваетъ еще во всей неприкосновенности форму готическихъ высокихъ гробницъ, въ которыхъ фигура умершаго покоится подъ балдахиномъ. Въ фигурахъ двѣнадцати апостоловъ, окружающихъ стороны саркофага, проглядываетъ уже болѣе свободный духъ, стремленіе къ жизненной правдѣ, при чемъ, однако, не нарушено и благородство выраженія. У Фишера пониманіе дѣйствительности выражается не менѣе ярко, чѣмъ у Адама Крафта, но чувство красоты у него развито болѣе тонко, и онъ съ полной воспріимчивостью шелъ на встрѣчу новымъ формамъ, являющимся изъ Италіи, такъ какъ онѣ оживляли, дѣлали болѣе веселымъ и художественнымъ архитектурный остовъ готики. *Германъ Фишеръ*, старшій сынъ мастера, въ 1516 году самъ побывалъ въ Италіи и привезъ оттуда такую массу собственныхъ рисунковъ и чужихъ гравюръ, что отцовская мастерская могла оттуда черпать многіе годы. Германъ Фишеръ, умершій отъ несчастнаго случая еще въ 1517 году, должно быть, былъ самымъ даровитымъ изъ сыновей мастера, и ему принадлежитъ существенная часть работы въ главномъ произведеніи Петера Фишера, въ гробницѣ Себальда въ церкви св. Себальда въ Нюренбергѣ, начатой въ 1508 году, законченной въ 1519 году, которая является краеугольнымъ камнемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ показателемъ высоты развитія германскаго искусства. Исходя, при постройкѣ, изъ законовъ готическаго искусства композиціи, это произведеніе даетъ возможность ясно видѣть, какъ въ продолженіе работы надъ этимъ труднымъ произведеніемъ мало-по-малу проникали въ него формы итальянскаго искусства и серьезное, чисто германское настроеніе смѣнялось болѣе свѣтлымъ духомъ итальянскаго ранняго ренессанса. Подъ балдахиномъ о трехъ куполахъ подымается серебряный саркофагъ съ мощами святого на фундаментѣ, продольныя стороны котораго украшены четырьмя рельефами, на которыхъ въ живой народной манерѣ Адама Крафта изображены сцены изъ жизни святого. До болѣе высокаго благородства формъ, впрочемъ, поднялось фишеровское искусство въ фигурахъ двѣнадцати апостоловъ, стоящихъ на консоляхъ восьми столбовъ, несущихъ балдахинъ, въ двѣнадцати стоящихъ выше, на столбахъ, пророкахъ и въ вѣнчающемъ средній куполъ младенцѣ Христѣ съ державою въ рукѣ. Кромѣ того вся постройка покрыта массою маленькихъ скульптуръ, частью христіанскаго, частью языческаго характера, героями ветхаго завѣта, сиренами, тритонами, сатирами и играющими дѣтьми, нагія тѣла которыхъ онъ передавалъ съ видимымъ наслажденіемъ красотою молодого человѣческаго тѣла. На узкихъ сторонахъ фундамента онъ представилъ на одной сторонѣ—св. Севальда, на другой—себя самого въ фартукѣ и шапочкѣ (рис. 171). Онъ могъ удостоиться этой чести, такъ какъ онъ создалъ произведеніе, которое, какъ совершенно справедливо было замѣчено, имѣло для Германіи подобное же, составляющее эпоху, значеніе, какое для Флоренціи и Италіи имѣли нѣкогда бронзовыя двери Гиберти.

Еще многія другія большія и характерныя произведенія, широкораспространившія славу мастера, вышли изъ мастерской Фишера и его сыновей, изъ которыхъ Петеръ Фишеръ Младшій (ум. 1528 г.) работалъ самостоятельно. Самыми значительными произведеніями были стоячія статуи короля Теодориха и короля Артура Англійскаго для гробницы императора Максимиліана въ придворной капеллѣ въ Инсбрукѣ, надгробныя плиты кардинала Альбрехта Бранденбургскаго въ замковой церкви Ашенбурга, надгробный памятникъ кардинала

Фридриха въ Краковскомъ соборѣ и двойная гробница курфюрстовъ Іоанна Цицеро и Іоахима I въ Берлинскомъ соборѣ, по смерти Старшаго Фишера, законченная его сыномъ, Гансомъ, продолжавшимъ руководство мастерскою до 1549 года, когда она должна была закрыться за недостаткомъ заказовъ. Тогда Нюренбергъ пересталъ уже быть центромъ художественной жизни. По красотѣ и разнообразію, гробница св. Себальда, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ, стоитъ непревзойденною не только среди произведеній Фишера, но и всего его времени. По этому понятно, что всѣ значительныя скульптурныя произведенія Нюренберга изъ этой художественной эпохи, исполнители которыхъ неизвѣстны, приписываются Фишеровской мастерской и между ними знаменитая скорбящая Мать въ Германскомъ музеѣ, остатокъ группы распятія, къ которой, кромѣ Распятаго, еще принадлежалъ и св. Іоаннъ Евангелистъ, который изображается въ соотвѣтствіи Божіей Матери у креста. Вырѣзанная въ деревѣ, по художественной трактовѣ одежды и по благородному выраженію скорбнаго чувства, эта статуя стоитъ рѣшительно ближе къ мастерской Петера Фишера, чѣмъ къ Фейту Штоссу или какому либо другому скульптору.

Рис. 171. Петеръ Фишеръ. Собственная статуя художника. Нюренбергъ.

По размѣру своей дѣятельности, какъ рѣзчикъ въ деревѣ и камнѣ, но никакъ не по художественному значенію, съ великими мастерами Нюренберга можетъ быть поставленъ важнѣйшій художникъ Нижней Франконіи, родомъ изъ Остероде въ Гарцѣ, *Тильманъ Рименшнейдеръ* (1460—1531 г.), который въ 1483 году поселился въ Вюрцбургѣ и оттуда до самой смерти снабжалъ рѣзными алтарями и каменными скульптурами церкви Вюрцбурга и его окрестностей. У него не было недостатка въ способности и даже красиво, въ духѣ времени, передавать отдѣльныя фигуры изящно, но онъ не былъ въ силахъ художественно овладѣть большимъ числомъ фигуръ, и въ драпировкѣ одежды, угловатыя складки которой трактовались совершенно въ неловкой техникѣ поздней готики, ему не удавалось дойти до свободы нюренбергскихъ мастеровъ. Все, что въ то время возникло въ области скульптуры въ Вюрцбургѣ и его окрестностяхъ, приписывается ему. Достовѣрно его произведеніями признаются и многіе алтари въ нижнефранконскихъ церквахъ, каменная гроб-

ница императора Генриха II и его супруги въ Бамбергскомъ соборѣ и каменныя статуи Адама и Евы на порталѣ церкви св. Маріи въ Вюрцбургѣ. Эти послѣднія статуи, какъ первые этюды новаго времени съ живой натуры, для южной Германіи имѣютъ такое же значеніе, какъ фигуры прародителей Адама и Евы, на Гентскомъ алтарѣ въ Нидерландахъ.

Въ Швабіи болѣе практиковалась рѣзьба въ деревѣ, чѣмъ каменная скульптура. Въ Ульмѣ самымъ значительнымъ мастеромъ былъ *Іоргъ Сирлинъ* (около 1430—1491 г.), главное произведеніе котораго—сидѣнья хора въ Мюнстерѣ съ тремя рядами полуфигуръ, представителей язычества, іудейства и христіанства; по стилистическимъ особенностямъ этихъ изображеній—живой, индивидуальной характеристикѣ и тонкому чувству природы—и еще нѣкоторыя произведенія, принадлежащія частнымъ лицамъ, признаются за произведенія этого художника. Сирлинъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и скульпторомъ въ камнѣ и въ этой области можетъ быть оцѣненъ, какъ выдающійся мастеръ, по фонтану-садку для рыбы на рынкѣ. Другія одновременныя произведенія, исполненныя въ Швабіи,—верхній алтарь въ Блаубеуренѣ и алтарь церкви св. Киліана въ Гейльброннѣ, тоже отличаются чертами рѣзко выраженной индивидуальности художниковъ, однако, имена ихъ позабыты. Неизвѣстенъ также и творецъ каменной надгробной плиты на саркофагѣ императора Людвига Баварскаго въ Frauenkirche въ Мюнхенѣ, которая въ верхней половинѣ изображаетъ сидящаго на тронѣ императора предъ ковромъ, который поддерживаютъ два ангела, въ нижней—усыновленіе герцога Альбрехта III его отцомъ, герцогомъ Эрнстомъ Швабскимъ. Это скульптурное произведеніе, по величію выраженія, можетъ быть сопоставлено только съ единственнымъ, почти одновременнымъ произведеніемъ—съ роскошной мраморной гробницею императора Фридриха III въ церкви св. Стефана въ Вѣнѣ, исполненной родившимся въ Голландіи скульпторомъ *Николаемъ Лерхомъ* (ум. въ 1493 г.), который въ началѣ своей дѣятельности, можетъ быть, находился подъ вліяніемъ бургундскаго искусства.

Оживленная скульптурная дѣятельность существовала въ это время еще на Нижнемъ Рейнѣ, гдѣ Калькаръ былъ мѣстомъ дѣятельности школы рѣзчиковъ въ деревѣ, доставлявшей алтари всей окрестности. Эти скульпторы въ деревѣ, впрочемъ, отчасти были голландцы, отчасти же стояли подъ вліяніемъ нидерландскаго искусства, манеру котораго мало двинули впередъ. Сильныхъ художественныхъ личностей между ними не было, хотя въ самой отдаленной сѣверной маркѣ Германіи, въ Шлезвигѣ, сохранилось въ соборѣ обширное произведеніе деревянной скульптуры, створчатый алтарь, первоначально предназначавшійся для монастырской церкви въ Бордесгельмѣ, исполненный въ 1521 году *Гансомъ Брюггеманомъ*, о жизни котораго, впрочемъ, ничего неизвѣстно. И онъ, кажется, выучился по нидерландскимъ образцамъ, но самъ настолько прибавилъ къ этому сильнаго личнаго впечатлѣнія и сильной, по народному, крѣпкой мощи формовки, что драматическіе подвижные рельефы, которыми онъ украсилъ алтарь—въ срединѣ два рельефа съ изображеніемъ несенія креста Христомъ и Христа на крестѣ, и двѣнадцать меньшихъ рельефовъ со сценами страданій по сторонамъ, и расположенныя въ изящно отдѣланныхъ готическихъ постройкахъ статуи, между ними Адамъ и Ева, носятъ рѣшительно національный характеръ.

Подобныя указаннымъ проявленія національнаго направленія въ гер-

Рис. 172. Леонардо да Винчи. Мадонна въ гротѣ. Парижъ. Лувръ.

манской пластикѣ не получили ни на сѣверѣ Германіи, ни въ Нюренбергѣ, дальнѣйшаго развитія. Когда ренессансъ, т.-е., итальянскій стиль, вышедшій изъ античнаго искусства, перешелъ за Альпы и быстро распространился по Германіи, германская пластика представляла картину печальнаго упадка, въ то время какъ живописцы, архитекторы и художники-ремесленники лучше сумѣли справиться съ новымъ стилемъ. Заключалась ли причина этого въ недостаткѣ выдающихся художественныхъ личностей, которыя не могли вступить въ соревнованіи съ многочисленными художниками, приходящими изъ-за границы, особенно изъ Нидерландъ, или виной тому былъ вкусъ заказчиковъ—принцевъ, городскихъ управленій и патриціевъ, который склонялся къ модному стилю, пренебрегая мѣстнымъ, на этотъ вопросъ отвѣтить съ увѣренностью нельзя. Вѣроятно, послѣднимъ значительнымъ ваятелемъ въ бронзѣ около половины XVI вѣка въ Нюренбергѣ былъ *Панкрацій Лабенвольфъ*, творецъ популярной фигуры на фонтанѣ базара овощей, «мужичекъ съ гусями». Чего требовалъ вполнѣ проникнутый «антикомъ» вкусъ послѣдующаго поколѣнія отъ пластики, показываетъ намъ «фонтанъ добродѣтелей» въ церкви св. Лаврентія, исполненный въ 1589 году *Бенедиктомъ Вурцельбауеромъ*, женскія фигуры добродѣтелей котораго обнаруживаютъ уже ту напыщенную ненатуральность, въ какую впало все германское искусство подъ подавляющимъ вліяніемъ образцовъ расцвѣта итальянскаго возрожденія.

3. Время расцвѣта итальянскаго возрожденія.

Все, чего достигло въ XV вѣкѣ итальянское искусство, постепенно совершенствуясь и настойчиво стремясь къ опредѣленной цѣли, къ сочетанію вѣрности природѣ съ высшею красотою, все это выразилось въ трехъ великихъ мастерахъ, которые далеко превзошли всѣхъ современныхъ имъ художниковъ. Всѣ силы столькихъ столѣтій слились въ великой тріадѣ,—въ Леонардо, Микель-Анджело и Рафаэлѣ, увеличенныя каждымъ взъ нихъ по мѣрѣ ихъ дарованій. Они оставили послѣдующимъ поколѣніямъ неизмѣримое, неисчерпаемое сокровище красоты, величія и возвышенности, и до сихъ поръ въ искусствѣ они стоятъ, какъ законодатели истинной красоты, предъ которыми съ уваженіемъ преклоняются всѣ, кто признаетъ идеалы, твердо опирающіеся на человѣческой мысли, а не на мимолетныхъ призракахъ. Опять Флоренція явилась исходной точкою этого послѣдняго момента развитіи искусства, приведшаго итальянское искусство къ высочайшему совершенству; однако, она не оставалась уже главнымъ центромъ этого развитія. Въ то время, какъ для Леонардо мало-помалу Миланъ сдѣлался главнымъ мѣстомъ его дѣятельности и средоточіемъ всего обновленнаго Ломбардскаго искусства, Римъ служилъ ареною жизненной борьбы для Микель-Анджело и Рафаэля, которые подъ эгидою любителей и знатоковъ искусства, папъ, мѣрились силами во взаимномъ соревнованіи, неустанно поддерживаемомъ ихъ противниками.

А. Леонардо да Винчи.

Леонардо да Винчи получилъ свое прозваніе отъ деревни Винчи, около Эмполи, въ флорентійскомъ округѣ, гдѣ онъ родился въ 1452 г.,

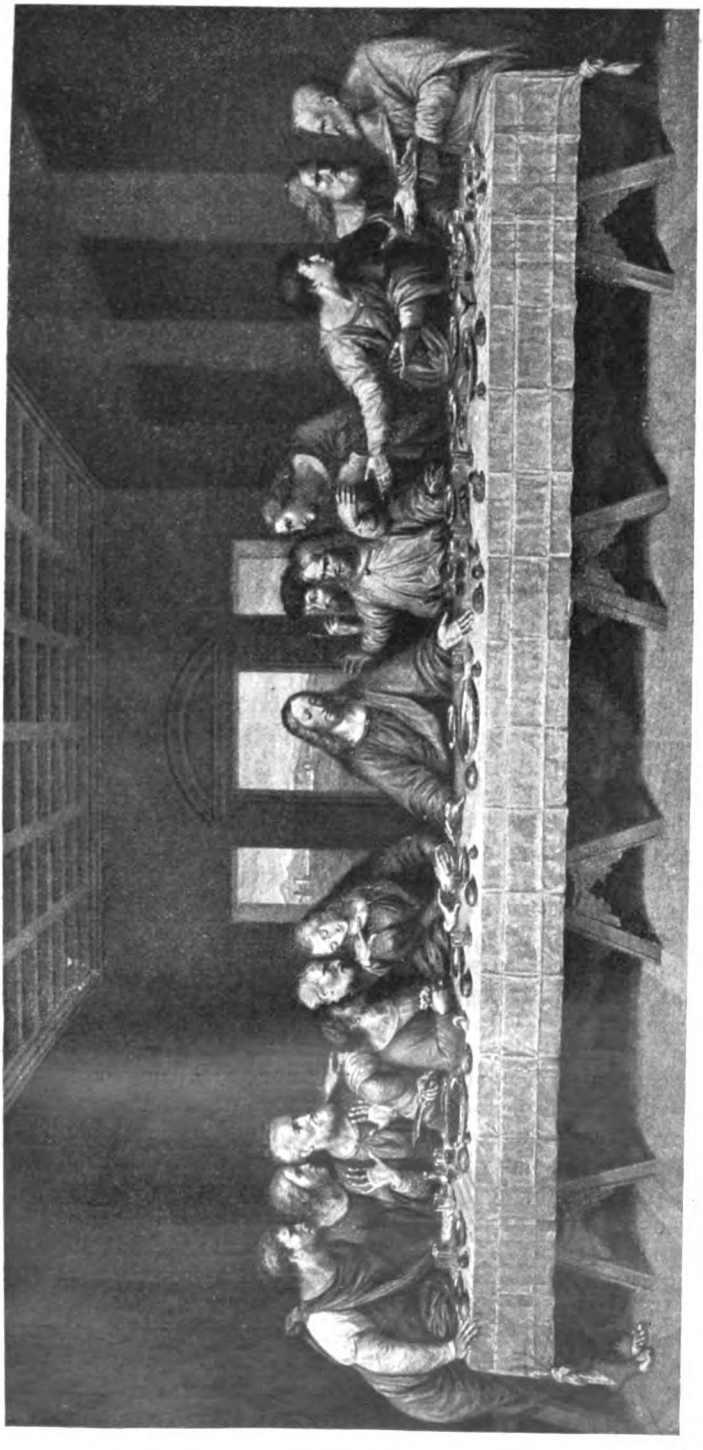


Рис. 173. Леонардо да Винчи. Тайная Вечерь. Миланъ.

какъ незаконный сынъ флорентійскаго нотаріуса и крестьянки. Не смотря на низкое его происхожденіе, отецъ далъ ему воспитаніе патриціанскаго сына и сдѣлалъ его участникомъ всѣхъ преимуществъ, которыя тогда давали знанія и образованіе. Такимъ образомъ, Леонардо удалось всесторонне развить свои блестящія дарованія. Современемъ онъ почувствовалъ опредѣленное влеченіе къ изобразительному искусству, но его современники не менѣе удивлялись и таланту, обнаруженному имъ въ импровизаторствѣ, въ поэзіи и музыкѣ. Ловкій во всѣхъ дворянскихъ упражненіяхъ, онъ соперничалъ въ неустанной работѣ и съ различными учеными, но особенно съ естествоиспытателями, среди которыхъ его изслѣдованія создали ему такое же почетное положеніе, какое занималъ онъ и между художниками, гдѣ стоялъ особнякомъ по своей универсальности. Въ дѣйствительности, онъ былъ не только живописцемъ и скульпторомъ, но и архитекторомъ, военнымъ и гражданскимъ инженеромъ, крѣпостнымъ инженеромъ и изобрѣтателемъ военныхъ машинъ, разрушительная сила которыхъ, судя по наглядным изображеніямъ ихъ въ рисункахъ, не далеко отставала отъ новѣйшихъ смертоносныхъ орудій. Для этой колоссальной области человѣческихъ знаній недостаточно было и колоссальныхъ силъ Леонардо, такъ какъ онъ предъявлялъ къ себѣ слишкомъ высокія требованія, особенно въ искусствѣ, гдѣ большіе промежутки между началомъ и концомъ работы почти всегда вредятъ цѣльности и законченности художественнаго произведенія. Его неустойчивая природа, его бѣшенный, прихотливый характеръ создавали ему много препятствій, а тяжелые удары судьбы, которые совершенно или почти совершенно уничтожали его лучшія, наиболѣе законченныя произведенія, грозили всецѣло сломить работоспособность Леонарда и затмить для насъ образъ величайшаго художника всѣхъ временъ.

Собственно ремеслу, какъ живописному, такъ и скульптурному, научился Леонардо у Верроккіо, въ мастерскую котораго поступилъ около 1466 года и тамъ проработалъ въ общемъ около десяти лѣтъ. Какъ быстро онъ перегналъ своего учителя, показалъ онъ уже въ фигурѣ ангела, написанной имъ въ «Крещеніи Христа» Верроккіо (см. выше, стр. 264). Уже тогда его манера передачи природы отличалась отъ манеры произведеній, представлявшихъ въ тѣ времена высшій моментъ развитія флорентійскаго искусства, величіемъ формообразованія и силою характеристикъ. Однако, доказательствомъ этого служатъ намъ только его рисунки, такъ какъ единственное свое большое произведеніе, «Поклоненіе волхвовъ», исполненное имъ по окончаніи ученія для какой-то монастырской церкви, осталось незаконченнымъ. На этомъ излюбленномъ сюжетѣ флорентійской исторической живописи пробовали свои силы всѣ выдающіеся мастера Флоренціи, и Леонардо хотѣлъ всѣхъ ихъ превзойти. Послѣ долгихъ основательныхъ студій, онъ не ушелъ однако далѣе подмалевки, которая тѣмъ не менѣе позволяетъ намъ видѣть и цѣнить великолѣпіе композиціи, значеніе пейзажной обстановки и въ Мадоннѣ его—тогдашній идеалъ красоты самаго художника. Во Флоренціи поле дѣятельности для молодого художника представилось на столько ограниченнымъ, что онъ съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе Лоренцо Медичи въ Миланъ, ко двору Людовика Сфорца. Тамъ онъ нашелъ гостепріимный пріемъ, а скоро и широкое поле для примѣненія своихъ способностей какъ въ мирныхъ, такъ и въ военныхъ искусствахъ. Конечно, онъ могъ привезти съ собою въ Миланъ нѣкоторыя отдѣльныя, законченныя или полузаконченныя кар-

тины, но и здѣсь его ждали еще бо́льшіе заказы. Среди привезенныхъ произведеній, повидимому, была знаменитая «Мадонна въ гротѣ», изъ личнаго владѣнія французскаго короля Франциска I перешедшая въ Лувръ (рис. 172). Это одно изъ немногихъ произведеній Леонардо—законченныхъ. Первый набросокъ, очевидно, онъ сдѣлалъ еще во Флоренціи, но по своему обыкновенію, онъ долго еще писалъ эту картину, чуть ли не до времени своего второго пребыванія въ Миланѣ, гдѣ картина эта была повторена его учениками, можетъ быть даже при его личномъ участіи, и затѣмъ воспроизведена его подражателемъ, Амбросіемъ де-Предисомъ, который снабдилъ его боковыми образами, такъ какъ копія предназначалась для алтарнаго образа въ одну изъ церквей Милана (теперь же находится въ Лондонской Національной галереѣ). Быстро набрасывая эскизъ и скоро справляясь съ предварительною работою, окончательной обработкѣ своихъ произведеній онъ отдавалъ массу времени, постоянно недовольный сдѣланнымъ и вѣчно изводя себя исканіемъ лучшаго, постоянно стремясь къ такому совершенству, какое ему представлялось въ едва-ли достижимомъ идеалѣ. Въ этомъ неустанномъ стремленіи къ недосягаемому, онъ рѣдко заканчивалъ свои произведенія, если же и рѣшался признать что-нибудь законченнымъ, то все-таки своею работою менѣе всего оставался довольнымъ самъ. Надъ тѣмъ немногимъ, что онъ выполнилъ, тяготѣла какая-то роковая судьба. Главное произведеніе всей его жизни, модель большой конной статуи, которую властитель Милана, Людовикъ Сфорца, хотѣлъ поставить своему отцу Франциску, была разрушена во время неурядицъ, послѣдовавшихъ за сверженіемъ герцога, а его шедевръ, «Тайная Вечерь» (рис. 173), написанная для рефекторія монастыря *S-a Maria delle grazie*, подверглась столь сильной порчѣ, что предъ нашими глазами остается слабая тѣнь нѣкогда столь мощныхъ фигуръ. Виновникомъ этого былъ отчасти самъ Леонардо, такъ какъ, стремясь къ новому, вмѣсто солидной флорентійской фресковой техники, онъ напи-

Рис. 174. Мона Лиза Леонардо да Винчи. Парижъ. Лувръ.

салъ эту картину на стѣнѣ согрѣтыми масляными красками; отчасти же повредили атмосферическія условія и умышленныя порчи, которымъ подвергалось помѣщеніе до самого конца XVIII вѣка. Если это произведеніе, знаменующее собою высшую точку развитія христіанскаго искусства, несмотря на его разрушеніе, еще и теперь наполняетъ каждаго, вступающаго въ храмъ, глубокимъ чувствомъ благоговѣнія предъ мощнымъ откровеніемъ человѣческаго творчества, то всѣ подробности всеобъемлющихъ художественныхъ знаній и силы, вложенныя художникомъ въ это произведеніе, могутъ быть схвачены и поняты только при помощи сознательнаго, соотвѣтствующаго перевода этого произведенія на языкъ иного искусства. Геніальный граверъ на мѣди, Рафаэль Моргенъ (1758—1833 г.), съ пламеннымъ рвеніемъ слѣдовалъ всѣмъ чертамъ мастера, и по его рисунку впервые можно было постигнуть все значеніе великаго произведенія Леонардо. Вооруженный колоссальною творческою силою, не нуждавшеюся въ оглядкѣ назадъ, на прошедшее, Леонардо освѣтилъ будущее и начерталъ искусству цѣли, которыхъ съ тѣхъ поръ не достигъ еще ни одинъ равносильный ему художникъ. Лицо его Христа осталось возвышеннѣйшимъ олицетвореніемъ Спасителя міра, и въ образахъ апостоловъ онъ вполнѣ исчерпалъ характеристику человѣческаго существа, отъ юности до самой старости, такъ что, хотя отдѣльныя физіономіи могли бы конечно, быть трактованы разнообразнѣе и искреннѣе, но внесеніе новыхъ типовъ въ среду классическихъ образовъ не возможно для человѣческихъ силъ. Какія глубокія, потрясающія все существо впечатлѣнія могли испытывать преданныя сердца юношей и мужей, когда превыше всего почитаемый учитель изрекъ поразительныя слова: «одинъ изъ васъ предастъ меня», Леонардо показалъ въ выраженіи лица и въ жестахъ каждаго изъ участниковъ согласно съ темпераментомъ ихъ, и съ тѣхъ поръ никто не превзошелъ его по глубинѣ и разнообразію. Эту чрезъ край бьющую полноту жизни онъ соединилъ въ одну композицію, которая ритмично царитъ въ фигурахъ участниковъ, такъ что они въ возвышенномъ спокойствіи, въ преданности волѣ Всевышняго, уподобляются скалѣ среди бушующаго моря.

Когда случилась катастрофа, положившая конецъ владычеству Людовика Сфорца, Леонардо во время спасся самъ и спасъ свое имущество. Въ 1499—1506 годахъ онъ жилъ поочередно въ Венеціи, Флоренціи и во многихъ городахъ Романьи. Во Флоренціи стекались къ нему заказы за заказами, но даже и самые могущественные лица того времени не могли побудить его къ исполненію обязательствъ. Алтарный образъ, заказанный монахами Сервитами (изображающій св. Анну съ Божіей Матерью и Младенцемъ Христомъ въ одной группѣ) не пошелъ далѣе картона (нынѣ въ Лондонской Академіи Художествъ). Другая композиція того же содержанія на картинѣ въ Луврѣ въ Парижѣ ведетъ начало отъ этого предварительнаго эскиза, но исполнена не самимъ Леонардо, а позже его учениками. Надъ портретомъ знатной флорентійки, знаменитой Моны (Мадонны) Лизы, супруги Франческо дель Джіокондо (рис. 174), работалъ онъ четыре года, и когда у художника, въ концѣ концовъ, силою вырвали его изъ рукъ, онъ признавалъ его еще незаконченнымъ. Изъ всѣхъ произведеній художника, дошедшихъ до насъ, это собственно самое совершенное: въ немъ колористическій идеалъ Леонардо «sfumato» т.-е. обхватываніе всѣхъ формъ мягкой, цвѣтной дымкою, проявляется яснѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Въ то время, какъ вокругъ всѣхъ предметовъ

Рис. 175. Леонардо да Винчи. Іоаннъ Креститель юношей. Парижъ. Лувръ.

паритъ эта дымка, смягчая жесткость ихъ очертаній, острая пластика отливается въ мягкое сліяніе всѣхъ противоположностей формъ и красокъ, и отсюда происходитъ то великое превращеніе, которое направляетъ живопись на новыя пути, намѣчается тотъ путь, по которому Корреджіо сдѣлалъ первый шагъ, а Рембрандтъ послѣдній.

Даже величайшее произведеніе, исполненіе котораго было поручено Леонардо Синьоріей во время его пребыванія во Флоренціи,—батальная картина для одной изъ стѣнъ ратуши въ Palazzo Vecchio, не пошло далѣе картона и только незначительная часть ея начата въ краскахъ. Въ предложенной задачѣ Леонардо долженъ былъ конкурировать съ другимъ великимъ художникомъ, единственнымъ достойнымъ соперникомъ, съ Микель-Анджело. Такія сильныя натуры, такіе бурные темпераменты, какъ эти два мужа, конечно, въ жизни не могли стоять рядомъ дружественно, и когда оба они были призваны дать пробу своихъ силъ на лучшемъ мѣстѣ Флоренціи, то каждый изъ

нихъ напрягъ всю свою мощь, чтобы одержать побѣду надъ соперникомъ. Леонардо былъ призванъ изобразить битву при Ангіари, давшую побѣду флорентійцамъ надъ наемными войсками миланскаго герцога въ 1440 году, гдѣ дѣло шло, главнымъ образомъ, о драматизмѣ, доведенномъ до высшаго напряженія въ изображеніи конной стычки, въ выполненіи которой художникъ съ самой блестящей стороны могъ показать и, въ дѣйствительности, показалъ пріобрѣтенныя имъ въ Миланѣ познанія лошади во всѣхъ моментахъ ея движенія. На долю Микель-Анджело выпало изображеніе эпизода изъ битвъ флорентійцевъ съ пизанцами, именно битва при Кашино, гдѣ флорентійскіе воины были захвачены пизанцами при купаньѣ въ Арно, но такъ быстро одѣлись и схватились за оружіе, что могли дать отпоръ врагамъ. Микель Анджело могъ, такимъ образомъ, тоже проявить лучшія стороны своего искусства, свое основательное знакомство съ нагимъ человѣческимъ тѣломъ, умѣнье справляться со самыми страстными движеніями, сильнѣйшими поворотами и изгибами. Оба картона вызвали цѣлую бурю восторговъ и въ продолженіе того времени, что были выставлены, какъ кажется, около десяти лѣтъ по словамъ Челлини, оставались «міровою школою». Всѣ молодые живописцы толпились предъ ними, штудировали и копировали ихъ. Не только картоны, но и всѣ копіи съ этихъ картоновъ погибли совершенно безъ малѣйшаго остатка. Отъ картона Микель-Анджело сохранились еще нѣкоторые обрывки въ гравюрахъ Марка Антонія и Августино Венеціано, отъ Леонардовскаго же только одна группа,—стычка всадниковъ около знамени, въ рисункѣ, ведущемъ свое происхожденіе, вѣроятно, отъ Рубенса, который въ бытность свою въ Италіи воочію видѣлъ еще часть картона.

Годъ спустя послѣ исполненія картона, въ 1506 году, Леонардо во второй разъ отправился въ Миланъ, и это вторичное его тамъ пребываніе продолжается до 1516 года, при чемъ только на короткое время онъ выѣзжаетъ во Флоренцію и Римъ. Въ художественномъ отношеніи время это не было богато. Большую часть своего времени Леонардо посвящалъ научнымъ занятіямъ и изслѣдованіямъ и ихъ записи въ многочисленныхъ томахъ, а также обученію многочисленныхъ учениковъ, сгруппировавшихся около него. Юный Іоаннъ Креститель (рис. 175) въ Луврѣ, въ Парижѣ, повидимому, былъ единственнымъ произведеніемъ живописи, исполненнымъ имъ въ этотъ періодъ его жизни. Тѣмъ болѣе живую дѣятельность развивалъ онъ въ наброскахъ и законченныхъ рисункахъ, въ большинствѣ случаевъ мужскихъ и женскихъ головъ, исполненныхъ имъ не съ какою-нибудь опредѣленною цѣлью, а ради ихъ самихъ, такъ какъ его привлекало изученіе физіономій ради неутомимаго изученія индивидуальностей. На этихъ рисункахъ лучше всего изучается все художественное величіе мастера. Въ рисованіи женскихъ головъ онъ почти всегда былъ почитателемъ высшей красоты, обнимавшей всю скалу ея—отъ прелести и миловидности до гордаго величія и возвышенности: почти всегда на губахъ его женскихъ лицъ порхаетъ очаровательная улыбка, которая составляетъ одну изъ наиболѣе подчеркнутыхъ его особенностей. Въ мужскихъ портретахъ онъ стремится къ характерности, не обращая вниманія на красоту и пріятность. Рѣзкое, одностороннее подчеркиваніе отдѣльныхъ чертъ характера, доминирующихъ въ лицѣ, въ концѣ концовъ, приводитъ его къ преувеличенію въ этихъ отдѣльныхъ чертахъ, доходящему до каррикатурности. Такія каррикатуры, въ которыхъ человѣческія лица и головы обраща-

ются въ чудища гротесковъ, попадаются часто въ его рисункахъ, и они нашли такой радушный пріемъ у современниковъ, что въ массѣ копировались и даже рѣзались въ гравюрахъ (рис. 177). Оставилъ Леонардо въ прекрасномъ рисункѣ и свой собственный портретъ, правда, въ глубокой старости (теперь въ Туринской библіотекѣ (рис. 176).

Рис. 176. Леонардо да Винчи. Портретъ художника, нарисованный имъ самимъ.

Леонардо нашелъ себѣ покровителя въ Франциск I, королѣ Франціи, который любилъ и понималъ искусство. Онъ не только пріобрѣталъ всѣ картины художника, которыя только могъ, но, послѣ своего вступленія въ завоеванный Миланъ, предложилъ самому художнику послѣдовать за нимъ во Францію. Леонардо опостылѣло отечество, гдѣ ему суждено было пережить болѣе разочарованій, чѣмъ радостей, и въ началѣ 1516 года онъ послѣдовалъ за великодушнымъ своимъ покровителемъ во Францію, гдѣ король Франциск назначилъ ему мѣстопребываніемъ замокъ Клу при Амбуазѣ. Не въ творческой работѣ, но скорѣе въ качествѣ королевскаго совѣтника по художественнымъ вопросамъ, провелъ онъ здѣсь послѣдніе годы своей жизни. 2-го мая 1519 года покончилъ свое земное поприще этотъ художникъ, о которомъ одинъ изъ его вѣрныхъ учениковъ, Франческо Мельчи, писалъ на родину своимъ соученикамъ, что «у природы не можетъ быть болѣе силъ создать ему еще разъ подобнаго человѣка».

Въ Италіи дѣятельность Леонардо оставила глубокій слѣдъ. Сѣмена, имъ брошенныя, отчасти только взошли при его жизни, обильная же жатва созрѣла послѣ его смерти, когда многочисленные ученики его претворили въ картины оставленные имъ наброски. При постоянно усиливавшемся отвращеніи его къ утомительному и требующему слишкомъ много времени исполненію картинъ масляными красками, свои композиціи Леонардо охотно предоставлялъ своимъ ученикамъ, талантъ которыхъ не былъ достаточно силенъ для самостоятельнаго творчества, но которые обладали въ достаточной степени художественной техникой, что бы не пристыдить своего учителя. Тайная

Вечерь, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ, была скопирована массу разъ и именно головы Христа и апостоловъ, сохраняющіяся въ Веймарѣ и Страсбургѣ, являются для насъ вспомогательнымъ средствомъ для возстановленія погибшей стѣнной картины. *Марко д'Оджіонно*, *Чезаре да Сесто*, *Джіованни Антоніо Больтраффіо и Андреа Соларіо*,—послѣдній при этомъ еще и самъ по себѣ выдающійся живописенъ,—являются тѣми учениками Леонардо, которые почти исключительно жили наслѣдіемъ своего учителя. Болѣе самостоятельными были живописцы, работавшіе преимущественно въ фрескахъ, какъ то: *Гауденціо Феррари* (1471—1546), впослѣдствіи подпавшій подъ вліяніе Рафаэля, и *Бернардино Луини* (1470, ум. около 1529 г.). Послѣдній, украсившій фресками и алтарными образами многія церкви Ломбардіи, глубже всѣхъ понялъ одухотворенную красоту Леонардовскаго искусства и даже развилъ его далѣе; ближе, чѣмъ кто-либо изъ учениковъ Леонардо, подошелъ онъ къ нему и въ своихъ портретахъ, лучшій изъ которыхъ, такъ называемый, портретъ Коломбины въ Петербургскомъ Эрмитажѣ (рис. 178), долгое время считался произведеніемъ самого Леонардо. (Главныя произведенія Луини: фрески въ церкви *Santa Maria degli Angeli* въ Лугано и стѣнныя картины со сценами изъ жизни св. Дѣвы Маріи въ приходской церкви у Саронно).

Рис. 177. Рисунокъ Леонардо да Винчи.

THIS BOOK IS DUE ON THE LAST DATE STAMPED BELOW

AN INITIAL FINE OF 25 CENTS

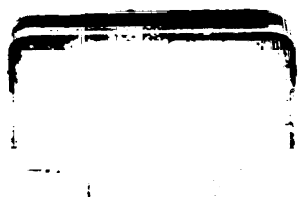
WILL BE ASSESSED FOR FAILURE TO RETURN THIS BOOK ON THE DATE DUE. THE PENALTY WILL INCREASE TO 50 CENTS ON THE FOURTH DAY AND TO $1.00 ON THE SEVENTH DAY OVERDUE.

JAN 22 1940

23Jul'49JS

28 JUL '64DY

REC'D LD OCT 7 '68 -6PM

LD 21-1

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C042637264